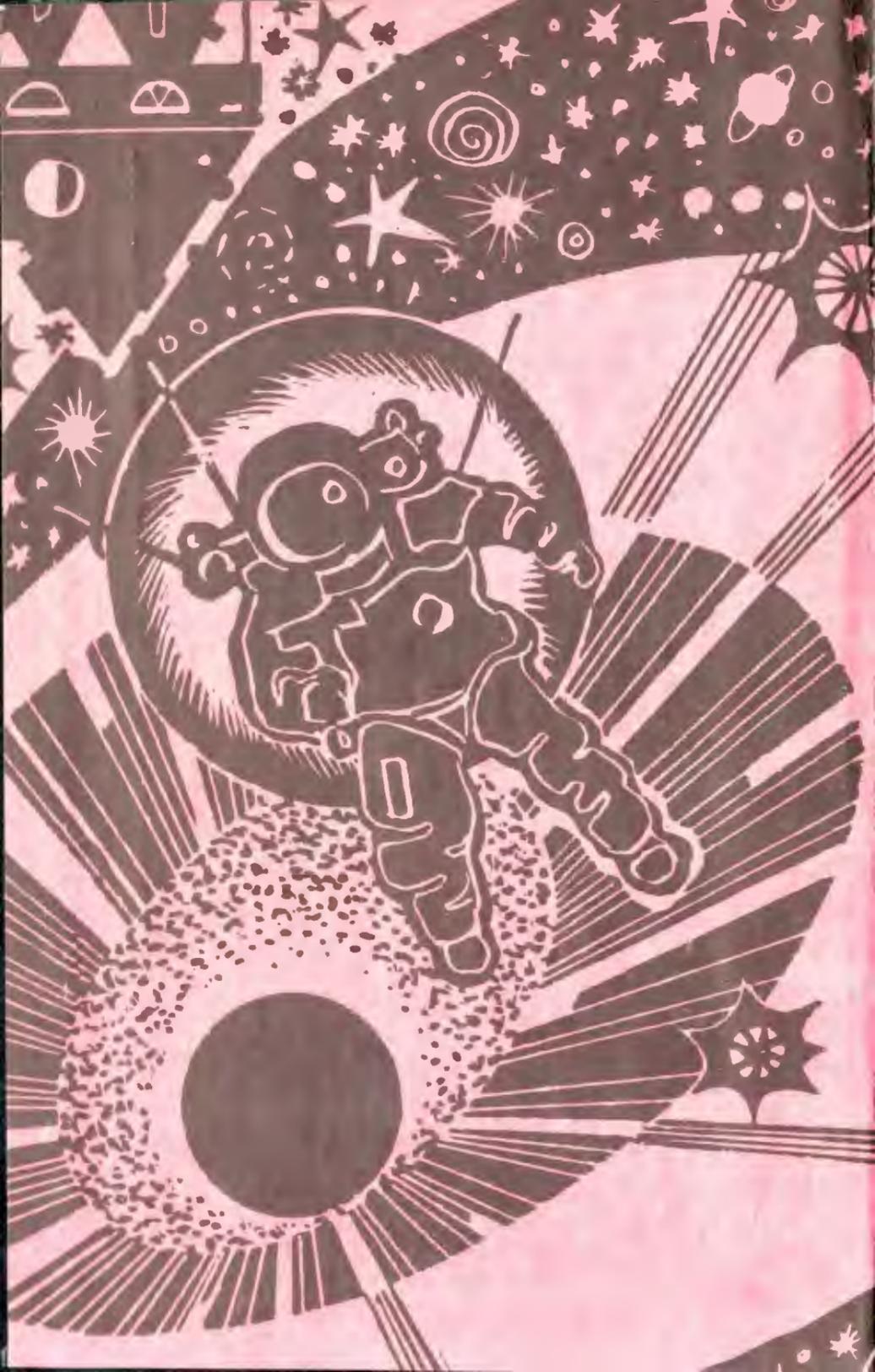

**Мван
Ефремов**

Иван Бфрецов

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ**

Иван Бурелюв

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ**

МОСКВА

СОВРЕМЕННЫЙ ПИСАТЕЛЬ

1993

Иван Бфрецов

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ**

**ТОМ
ВТОРОЙ**

Дорога ветров

ГОБИЙСКИЕ ЗАМЕТКИ

***На краю
Ойкумены***

ПОВЕСТЬ

МОСКВА

СОВРЕМЕННЫЙ ПИСАТЕЛЬ

1993

ББК 84 Р7

Е 92

*Художник
Давид Шимелис*

Ефремов И. А.

Е 92 **Собрание сочинений в шести томах. Том 2. Дорога Ветров (Гобийские заметки). На краю Ойкумены. Повесть.— М.: Современный писатель, 1993.— 752 с.**

ISBN 5—265—02736—X

Во второй том собрания сочинений И. А. Ефремова вошли «Дорога Ветров (Гобийские заметки)» и повесть «На краю Ойкумены».

«Дорога Ветров» — заметки путешественника, знакомящие читателя с интересной областью Центральной Азии, а также с достижениями палеонтологической науки.

Повесть «На краю Ойкумены» уводит читателя в Грецию и Египет XI—X вв. до н. э. и рассказывает о приключениях молодого скульптора грека Пандиона.

Е $\frac{4702010201-012}{083(02)-93}$ Подписное

ББК 84 Р7

© Оформление. Издательство
«Современный писатель», 1993

Дорога ветров

ГОБИЙСКИЕ ЗАМЕТКИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1946—1949 годы мне пришлось руководить тремя последовательными палеонтологическими экспедициями Академии наук СССР в Монгольскую Народную Республику. Экспедиции работали в южной части республики — в полупустыне Гоби.

Природа Гобийской Монголии мало освещена даже в монгольской литературе. «Тридцать три великих Гоби» воспеваются в древних сказаниях, но скорее как символ необъятных просторов страны, чем как излюбленное место для жизни. «Лучше быть хангайским быком, чем гобийской девушкой», — говорила старая пословица, отражая исконное стремление скотоводов к более привольной жизни в травянистых степях Хангая, изобилующих речками, родниками и ключами.

Теперь, с коренными изменениями в жизни монгольского народа, отношение к Гоби изменилось. Автомшины побеждают громадные пространства, число колодцев увеличивается с каждым годом, перекочевки упорядочены и заранее планируются. Однако и в современной монгольской литературе Гоби уделено недостаточно внимания. В прошлом гобийская часть республики была областью преимущественно верблюдоводства. Верблюды обслуживали великие караванные пути из Центрального Китая в его западные провинции и в Россию. Эти пути пронизывали насквозь всю Монголию именно по южной, гобийской, части страны и в совокупности носили название «Ветровой дороги», или «Дороги Ветров». Другая великая караванная дорога, называвшаяся «Обходной», шла по Внутренней Монголии и выходила в Синьцзян через провинцию Ганьсу, но по ней караваны ходили реже, чем по Дороге Ветров, — трудны были многочисленные крутые перевалы.

Маршрут нашей экспедиции проходил в области Дороги Ветров — Северной Гоби — и притом в наименее населенных ее районах.

Поэтому пусть не посетует читатель на малое знакомство автора с Монгольской Народной Республикой в целом. О ее народе и экономических успехах уже написано немало хороших книг. Для меня, работавшего в пустынной Гоби, создание книги о всей Монголии было бы самонадеянной и безуспешной попыткой.

Сначала мне хотелось написать книгу о советской научной экспедиции, рассказать о самоотверженном труде коллектива ее участников. Однако обилие наблюдений в никем еще не описанных местах своеобразной и необычной географической области мира заставило меня отклониться от прежнего плана. Большое количество заметок о гобийской природе было бы недопустимо оставить втуне. После завершения экспедиции трудности работы в пустыне и различные походные приключения показались мне мало-важными, обычными. Нисколько не меньшие тяготы испытывают десятки тысяч работников наших геологических партий, строители гидростанций, механизаторы, осваивающие целинные земли, и все те, кому приходится бороться с природой в открытую, без защиты прочного быта города или села.

Пусть простят мне мои товарищи, что мне не удалось в этой книге отдать должное их дружной, смелой и терпеливой работе. Описания гобийской природы, задач экспедиции, раскрытие научных достижений заняли в ней почти все место. Настоящую книгу следует рассматривать как заметки путешественника, знакомящие читателя с интересной областью Центральной Азии, а также с некоторыми достижениями советской палеонтологической науки. Ни одного слова выдумки, ни не соответствующего действительности приукрашивания или художественного преувеличения в книге нет. Все написанное — подлинная правда. Если после прочтения настоящей книги у читателя при словах Хонгор, Нэмэгэту, Цаган-Богдо возникнут перед глазами картины, рисующие черные пустыни Заалтайской Гоби, если читатель услышит шелест дериса на большой караванной тропе и если перед ним оживут торчащие из обрывов белые кости вымерших животных — тогда цель моей книги можно считать достигнутой.

Апрель 1955 г.

АВТОР

КОСТИ ДРАКОНА

(Лууны яс)

Книга первая

*Дракон, пролетая,
приблизился к земле, упал и умер.
Кости его глубоко вошли
в землю и стали каменными.*

*Там, в горах Унэгэту,
лежат теперь эти остатки.
Голова с туловищем упали
на полтора уртона дальше на запад
в горах Цзосту-Ундур-Хара.
Вот каких размеров дракон!*

Старая монгольская сказка

Глава первая

ДРЕВНЯЯ СУША

*Человек с друзьями — как широкое поле,
человек без друзей — как пустая горсть.*

Пословица

В Монгольской Народной Республике, в южной ее половине, на обширнейших просторах полупустыни Гоби все напластования земной коры открыты взгляду ученого. Высокогорное плато в самом центре Азиатского материка — Монголия в отдаленные времена земной истории была сушей, на которой семьдесят миллионов лет назад жили огромные ящеры — динозавры, бывшие владыки Земли. Позднее ящеры вымерли, их сменили высшие животные — млекопитающие, которые сначала были странны, неуклюжи и сочетали в себе как бы смесь признаков самых разнообразных видов. Затем, около десяти миллионов лет назад, появились новые животные, уже совсем мало отличавшиеся от ныне живущих.

Вот этот отрезок геологической летописи нашей планеты — последний период господства ящеров и вся исто-

рия млекопитающих — записан в слоях горных пород Монголии, вскрытых силами атмосферного разрушения.

В глубоких межгорных впадинах, огражденных высокими скалистыми хребтами, у подножий этих хребтов, в безводных и почти ненаселенных местностях гобийских районов Монгольской Народной Республики лежат бесценные сокровища науки. Наблюдательные, до тонкости изучившие родную природу сыны Гоби — араты-скотоводы — давно уже знали о гигантских костях, вымытых из горных пород весенними водами и ливнями, там и сям лежащих на склонах обрывов и на дне ущелий. Народ знал, что это именно кости, а не что-либо иное, но, не будучи в силах дать истинного объяснения их появлению здесь, в наиболее мертвых и безводных участках Гоби, принужден был верить религиозным сказаниям лам о существовании драконов — священных животных неба. Так появилось и название ископаемых костей — лууны яс (кости дракона), хотя более проницательные и менее легковерные называли их просто чулу-туин яс (каменные кости).

Когда окончилась Великая Отечественная война, правительство Монгольской Народной Республики обратилось к советским ученым — палеонтологам — с приглашением приехать в Монголию для изучения ископаемых животных. Академия наук СССР решила направить в Монгольскую Народную Республику специальную экспедицию.

Экспедиция проработала в Монголии 1946, 1948 и 1949 годы, открыла местонахождения исполинских динозавров и древних млекопитающих, извлекла из красноцветных отложений древней азиатской суши целые скелеты хищных, растительноядных, утконосых и панцирных динозавров, крокодилов, исполинских черепах, открыла залежи ископаемых деревьев, раскопала скелеты древнейших крупных млекопитающих.

Сейчас часть скелетов можно увидеть в Палеонтологическом музее в Москве, другие находки выставлены в музее Улан-Батора.

Работы экспедиции полностью опровергли представление о древней суше Азии как об извечной пустыне и позволили представить, какой была на самом деле Монголия шестьдесят миллионов лет назад — раскинувшаяся у морского побережья обширная низменная страна с болотами и богатейшей растительностью.

В пути из Москвы в Улан-Батор я не переставал думать об экспедиции, стараясь представить себе высокое плоскогорье в самом центре Азиатского материка — Монголию...

Волны барханных песков Черной Гоби уходят на юг, во Внутреннюю Монголию, в Китай. К северу от песков широкий пояс каменной полупустыни занимает южную, гобийскую, половину Монгольской Народной Республики. Там, в жарких безводных котлованах — впадинах между хребтами, — залегают красноцветные породы. Это пески, глины и песчаники, некогда отлагавшиеся в устьях рек Центральноазиатской суши, которая не покрывалась морем последние сто тридцать миллионов лет. В этих породах сохранились неприкосновенными остатки самых различных наземных животных, населявших Центральноазиатский материк от меловой эпохи до наших дней, — исторические документы великой лестницы эволюционного развития животных от неуклюжих, безмозглых ящеров до быстрых и сообразительных млекопитающих — ближайших родичей человека.

Здесь должны быть сохранены свидетельства великого вымирания гигантских ящеров — динозавров...

Найти эти документы, извлечь их из горных пород, доставить в Москву, в лабораторию Академии наук — такова задача будущей экспедиции. И не только это: необходимо изучить самые породы, восстановить по ним условия их образования, климат и характер древней азиатской суши, условия существования и гибели животных — все это нужно выполнить вместе с поисками и раскопками окаменелых костей.

Только тогда наблюдения экспедиции послужат прочной основой для науки. В лабораториях института и музея шаг за шагом будет воссоздана величественная перспектива истории жизни на Земле, уходящая далеко в бездонные глубины времени...

Первые находки костей ископаемых животных в Центральной Азии сделал наш геолог-путешественник, покойный академик В. А. Обручев. Во впадине Кульджин-Гоби, в пределах Внутренней Монголии, на склонах обрывов, в лабиринте оврагов и промоин сохранились кости титанотериев и водных носорогов, живших тридцать миллионов лет назад. Зуб носорога, доставленный в 1894 году из этого малоизвестного места В. А. Об-

ручевым, послужил впоследствии (в 20-х годах нашего столетия) академику А. А. Борисяку отправной точкой для широких обобщений, доказавших, что огромное число животных обитало в прошлые геологические периоды на Центральноазиатской суше и дало начало животному миру всей Евразии и отчасти Африки.

Молодой Советской республике в первые годы своего существования трудно было организовать сравнительно дорогие экспедиционные исследования в Центральной Азии. Это сделали американцы. После первой мировой войны в Америке накопилось много золота, и частные пожертвования дали возможность большой Центральноазиатской экспедиции, организованной Нью-Йоркским музеем естественной истории, проработать несколько лет во Внешней и Внутренней Монголии. Открытия, сделанные этой экспедицией: яйца динозавров, древнейшие млекопитающие, множество огромных титанотериев со странными выростами черепа и ряд скоплений остатков более мелких ископаемых животных,— все это имело крупный научный интерес и сопровождалось шумной рекламой, способствовавшей сбору денег.

Однако начатые этой экспедицией в 1922 году работы на территории Монгольской Народной Республики (Внешней Монголии по старому географическому обозначению) после 1925 года были запрещены народным правительством. Вскоре и китайское правительство запретило, со своей стороны, американской экспедиции работать во Внутренней Монголии (составляющей часть территории Китая) по аналогичным причинам нарушения суверенитета страны. Я помню массивный том, который вышел в те годы, в желтой обложке, с глубоко оттиснутым английским заглавием между вязью монгольских писем. Сколько раз я осторожно переворачивал вклейки великолепных фотографий, задумчиво смотрел на горделивое заглавие «Новая победа в Центральной Азии».

Сменялись изображения грозных барханов, процессий легковых автомобилей с звездными флагами, громадных верблюжьих караванов и роскошных завтраков с салфетками и бокалами на фоне пустыни... Описание работы экспедиции носило рекламный характер и занимало весь толстенный том, в котором затерялись, отступив на задний план, немногочисленные страницы, посвященные собственно научным открытиям.

Маршруты американцев прошли вдоль Великого Мон-

гольского караванного пути. В книге часто упоминались опасности, подстерегавшие путешественников при малейшей попытке уклониться на машинах в сторону от караванной тропы. Районы, где американские исследователи нашли самые богатые скопления костей, были описаны своеобразно. Как будто бы все нужные сведения сообщались в книге, но в то же время не было никакой возможности определить точное географическое положение этих мест.

Я вспомнил, что этот недостойный ученых маневр удивил меня еще тогда, когда я совершал свои первые шаги в науке и восторгался успехами американской экспедиции.

Теперь благодаря исследованиям советских ученых в Монгольской Народной Республике стало известно, что ископаемые кости встречаются в МНР несравненно чаще в большем числе мест.

Сокровищница документов прошлой жизни в отложениях мезозоя и кайнозоя, МНР предстала теперь не случайными обрывками отдельных «удачных» находок, а как гигантское вместилище целого отрезка истории наземного животного мира. Изучение его могло быть выполнено только в результате большой, упорной и трудоемкой работы в течение ряда лет.

Четверть века неосуществленных мечтаний сделали задачу совершенно ясной, и оставалось только подсчитать, что реально мы сможем сделать нашими силами.

Теперь «зашифрованные» местонахождения американцев нам не были нужны. Мы пойдем другим путем — за четверть века развития советской науки у нас выработались свои методы! Мы изучили закономерности тех процессов, которые формируют в истории Земли страницы геологической летописи, — те пласты, слои горных пород, в которых захороняются, превращаются в камень, сами становясь частью породы, остатки древних вымерших животных. Узнали, что большие скопления окаменелых костей образуются не случайно, а в результате совпадения совершенно определенных процессов, которые можно учесть. Узнали, что распределение этих местонахождений в пластах земной коры также подчинено определенным законам, изучением которых занимается новая отрасль геологических наук — тафономия.

Вооруженные этими знаниями, мы могли идти в го-бийские просторы для систематической, планомерной ра-

боты, постепенно разгадывая одну за другой тайны природы...

Работать придется в безлюдных и безводных местах, куда нужно завезти рабочих, продукты, инструменты, необходимые для раскопок, лес, гипс, ящики, бумагу, гвозди, пилу; нужны лебедки, тросы, тали: ведь средний вес каждого скелета динозавра — несколько тонн; придется наладить снабжение водой на больших расстояниях от колодцев и, наконец, вывозку десятков тонн коллекций из глубины бездорожья Гоби.

Все эти задачи могут быть решены только мощным автотранспортом. Именно он и составляет решающее звено в организации экспедиции. А от перевозок вьючным способом, верблюдами, необходимо решительно отказаться: слишком много требуется времени и слишком мало груза поднимает верблюд. Вьючных животных выгодно использовать лишь для коротких перевозок местного характера — подвоза воды, проезда в непроходимых для автомашин местах.

Для первого года работ, разведочно-ознакомительного, будет организована небольшая экспедиция, для последующих — крупная, на тяжелых грузовых машинах...

Так, медленно, но четко обрисовались окончательные формы организации палеонтологических исследований в Монгольской Народной Республике. И спокойная уверенность приходила на смену тревогам и волнениям.

* * *

...Самолет сильно качнулся с крыла на крыло, клюнул носом и продолжал стремительно лететь дальше, время от времени встряхиваясь, словно желая сбросить с себя тонкую пленку воды, облипавшую его металлическое тело. Непроглядный туман рассеивался. Рваные серые клочья медленно расползались вниз и открывали землю. Слева засияли широкие столбы солнечного света. Мокрые, вибрировавшие на концах крылья вспыхивали солнечными бликами.

А внизу по-прежнему толпились сопки, теперь безлесные, покрытые лишь подсохшей травой. Гладкие склоны походили на бока сытых верблюдов в короткой и светлой летней шерсти. Туман исчез, чистое небо ярко голубело. Самолет понемногу снижался, направляясь вдоль асфальтового шоссе.

Вот машина легла на крыло, шум и давление возник-

ли в ушах. Направо блеснула река Тола («Зеркало») и белые домики...

— Курорт Сангино, сейчас будет Улан-Батор! — воскликнул спутник-монгол.

Еще несколько минут — и самолет покатился, вздымая пыль, по ровному участку сухой степи в кольце невысоких безлесных гор.

Удивительно чистое высокое небо излучало сухой зной. Солнце, отражаясь от беленых стен домиков, слепило глаза. Сонные коровы вяло бродили поблизости. Кругом полная тишина, приятная для ушей, натруженных ревом самолетных моторов. Едва ощутимый ветерок принес запах полыни, сильный и свежий...

Здесь, в столице Монгольской Народной Республики, нам пришлось провести месяц. Надолго запомнился мне осенний Улан-Батор, впервые увиденный в 1946 году. Спокойные, ясные дни с могучим сверканием солнца в чистейшем горном воздухе, ночи звездного изобилия с неизменным воем бесчисленных псов. Западная часть города — остаток старой Урги — лабиринт узеньких пыльных улочек, обнесенных частоколами из тонких неокоренных лиственничных бревнышек. Эти бревнышки поставлены вплотную друг к другу и отгораживают вытопанные дворы с юртами или маленькими одноэтажными домиками — то, что по-местному называется хошаном. Такие же лиственничные частоколы и хошаны разбросаны и в других частях города, но там они рассечены, оттеснены или попросту уничтожены победным шествием нового города и массивами красивых, преимущественно белых зданий, учрежденческих и жилых.

Университет тогда был почти закончен и гордо вздымал дугу высоких белых колонн на фоне конических вершин гор Чингильте. На гигантской площади с памятником Сухэ-Батору выросли новые здания — государственный театр, кинотеатр, гостиница, а немного поодаль, ближе к реке Толе, росло величественное здание библиотеки. Возле, в простом и суровом еще кирпиче или выбеленных и отделанных синими панелями зданиях, обрисовывались чистые и светлые архитектурные формы.

Эти новые стройки так резко контрастировали с угрюмой изолированностью и теснотой глухих частоколов, надменностью громадных, но с низкими входами ворот бывших богатых дворов, грязью и пылью Заходыра

(толкучка на базарной площади), скученностью и одиночным трудом лавочек китайских кустарей в старом городе, что самому ненаблюдательному и незнакомому со страной приезжему новая жизнь Монгольской республики говорила сама за себя, не требуя никаких дополнительных разъяснений.

В Улан-Баторе новые дома, большие и малые, белые с отделкой из любимой в Монголии яркой и чистой синей краски. На солнце эти дома кажутся радостными и легкими, но особенно хороши они, если смотреть поверх них на юг, где высится над городом зеленая, с серыми выступами скал и плоской гольцовой вершиной громада Богдо-улы («Святая»).

Гора-заповедник, последний отрог Хэнтейской (Хэнтей — «Сердитый») тайги, выдвинувшийся на юг, одинокий среди степной зоны Улан-Батора, всегда привлекает внимание жителя города. Ее облик изменчив и отражает все быстрые перемены здешней погоды.

Разные краски, угрюмые и веселые, бегут, сменяясь, от серых гранитных полей вершины через черноватую полень высоких кедровников к светло-зеленым бархатистым безлесным склонам нижних уступов, там, где белыми камнями выложены монгольские надписи и римские цифры в честь двадцатипятилетия Народной республики.

В сентябре погода была неизменно ясной и тихой. Богдо-ула, казалось, надела золотой пояс — так ярко желтели в солнечном свете осенние лиственничные леса. И серые скалы, и хмурые темные кедровники как будто впитывали в себя оранжевые отблески, светлея и радуясь...

Но гораздо больше привлекала меня линия удаленных голых гор, правее от величественной Богдо-улы, там, где шел тракт в Южную Гоби. Туда, к этой часто застилавшейся пыльной дымкой дали, постоянно устремлялись мысли, пока шла подготовка к полевым работам и волевым неволей приходилось задерживаться в Улан-Баторе.

Дружеская встреча в монгольском Комитете наук, неизменная поддержка и помощь в советской миссии и торгпредстве ободрили нас с первых же шагов. Мы быстро подружились с немногими советскими специалистами, работавшими в университете, Комитете наук и других организациях. Гобийская часть республики была почти совсем неизвестна молодой монгольской геологии, поэтому

нам старались помочь сбором всевозможных сведений о «костях дракона», старых записей и отчетов путешественников.

Сотрудники Комитета наук усердно учили нас сложной монгольской вежливости и пословицам, посмеиваясь над нашим нелепым произношением. Нас, новичков в Монголии, восхитила романтическая красочность монгольского языка. Комитет наук, по-монгольски «Шинжлех Ухааны Хурэлэн», в точном переводе назывался «Круг Мудрых Изучающих». Ученый секретарь (нарин бичгийн дарга) переводился как «начальник тонкого письма». Даже моя, весьма сухая, должность в Академии наук, где я заведовал отделом древних позвоночных Палеонтологического института, после перевода на монгольский звучала, как «лууны яс хэлтэс дарга» — «начальник отдела драконовых костей»!

День за днем мы оборудовали склад, завозили горючее, делали железные печки для палаток, чтобы работать, не боясь ночных морозов, доставали деревянные бочки для воды, кошмы, заготавливали нужные продукты.

Мы спешили, но и время летело необычайно быстро. Наконец троим из нас — Ю. А. Орлову, В. А. Громову и Я. М. Эггону — удалось отправиться в Гоби в качестве передового отряда для устройства базы. Было решено начать работу с наиболее удаленных и трудных мест в Южногобийском аймаке (областном центре). Многие советовали нам начать с Восточной Гоби, более близкой и более доступной. В ней при геологических работах последних лет было обнаружено много мест с остатками ископаемых костей.

Но мы все же направились в Южную Гоби: там, в неизученных районах, были огромные массивы красных пород — отложений древней Центральноазиатской суши. В больших впадинах между недавно поднявшимися хребтами мы надеялись открыть богатые местонахождения остатков ископаемых животных. Иными словами, в Восточной Гоби нас ждал верный успех средней руки; в неизведанных районах Южной Гоби — провал или крупный успех. Мы не могли в первой экспедиции довольствоваться средним результатом и поехали в Южную Гоби...

К началу сентября окончательно определился и состав экспедиции: три профессора-палеонтолога, два опытных препаратора и три шофера. К нам присоединились переводчик Лубсан Данзан, только что окончивший Мо-

сковский университет, геолог, прикомандированный от Комитета наук МНР, а также повар и пятеро молодых рабочих.

Наши научные силы скомбинировались удачно. Директор Палеонтологического института профессор Ю. А. Орлов был наиболее крупным в СССР специалистом по ископаемым млекопитающим, профессор В. И. Громов — по позднейшим млекопитающим и по четвертичной геологии, я занимался ископаемыми пресмыкающимися и геологией древних материковых отложений.

Наши весьма опытные лаборанты, или препараторы-палеонтологи, — разносторонние специалисты, не только умеющие извлекать ископаемые кости из крепких пород, в которые они заключены. Препаратор — это искусный человек, знающий и раскопки, и монтировку скелетов вымерших животных в музее, умеющий изготавливать гипсовые реконструкции — восстанавливать недостающие части и куски — и многое другое.

Более всего сходны препараторы-палеонтологи с реставраторами у археологов и историков, а хорошие умельцы, конечно, редки и подчас важны для науки больше, чем иные научные сотрудники. Таким умельцем на все руки, вдобавок еще скульптором и резчиком по дереву был наш начальник раскопчного отряда Я. М. Эглон — самый опытный раскопщик. Другой препаратор — М. Ф. Лукьянова, единственная женщина в экспедиции, была искусным специалистом по очистке костей от породы, их закреплению и сохранению.

Наш автотранспорт состоял из трехосной трехтонки и двух полутонных грузовиков «ГАЗ-АА». Трехтонка предназначалась для основной перевозки грузов и коллекций на базы, а также как бензовоз в дальних маршрутах, а полутонки — как легкие машины для всевозможных разъездов.

И вот наконец я выехал из Улан-Батора в середине сентября, чтобы присоединиться к своим товарищам, которые отправились немного раньше и уже совершили два коротких маршрута в районе Далан-Дзадагада («Семьдесят источников») — аймачного центра Южной Гоби, выбранного нашей опорной базой для южногобийских исследований.

В Улан-Баторе установилась холодная погода. На горах вокруг города выпал снег. От Богдо-улы до низких и

угрюмых гор Чингильте на севере небо было закрыто сплошным покровом белесых туч. С востока вершины гор Банн-Дзурх («Богатое сердце») отдавали розовым — там солнце начало пробиваться сквозь облачный покров.

Холодный ветер врывался в кабину. Раскачиваясь и сотрясаясь, тяжело нагруженная машина ползла по бесконечному подъему. Слой снега вокруг был очень тонок, из него выступали и мелкие камни, и пучки ковылька. Поэтому вместо ровной снежной белизны склоны казались пестрыми. Черная щебенка со снегом давала чистый серый тон на откосах, а трава, торчавшая из-под снега, окрашивала горы бледной желтизной.

Дорога — собственно, накат по каменистой, щебнистой почве — поднималась по сквозной долине на перевал. Все ниже ползли суровые тучи, все сильнее свистел холодный ветер, и казалось, негде укрыться от холода в пустынных равнинах Гоби в столь позднее время года.

Орлы сидели поодаль на холмах, и хмурый вид хищников гармонировал с угрюмыми низкими тучами. Кое-где важные тарбаганы цепенели пеньками от любопытства и всматривались в машину, затем поспешно бежали к норам, смешно виляя жирными задами.

Песчанки во множестве суетились на дороге, ныряли в едва заметные дырки в плотно укатанной почве от грозных, налетавших, как смерч, колес.

— Чего эта мелочь роется на самой дороге? — спросил водитель трехтонки, шофер Андросов.

— Дело простое. На дороге земля укатана, не осыпается над входом — значит, нору вырыть гораздо легче. И сама нора крепче — дольше стоит и трудно разрыть...

— Вот как! Значит, это неспроста?

— В природе ничего «спроста» не бывает!

Слева от дороги, на маленькой ровной площадке перед отвесным утесом, лежал труп верблюда, застывший в необычной позе — с подогнутыми под себя ногами и высоко вытянутой вверх шеей. Череп свалился и лежал рядом, а мертвый верблюд, как мрачная статуя, казалось, стерег пустынную долину...

Вообще по дороге часто встречались верблюжьи трупы — в предшествующую зиму животные гибли от снежных заносов в горах.

Мы выбрались из долины и остановились у громадной каменной кучи — обь, чтобы подождать отставшую полу-

торку. Это обó высотой в полтора метра было сложено из гладких, окатанных камней, поднятых сюда из речных долин проходившими здесь караванами.

Обо, если находится на перевале, всегда безошибочно указывает его высшую точку, которую не всегда точно определишь на глаз, если по сторонам пути склоны гор создают обманчивую картину подъемов и уклонов. Обо — когда-то бывшее своеобразной жертвой духу горы — стало потом указателем пути кочевникам и караванам в однообразной местности.

Впереди нас, на юге, открывался широкий скат на равнину. Облачность там рассеялась, и равнина желтела в солнечном свете, раскрывая далекий и яркий простор. Необыкновенно прозрачный воздух Монголии уводил взор за десятки километров. Там виднелась новая горная гряда, но низкая, голубая и приветливая.

Солнце осветило вершину перевала, и сразу стало теплее. Подошла полупанца, и обе машины понеслись вниз, к широкой равнине, вырвавшись из хмурых, засыпанных снегом гор.

К вечеру мы проехали два сомона, которые находились в бывших монастырях и отличались великим множеством складов. Эти склады были устроены в бесчисленных деревянных домишках — некогда отдельных мелких дворов. Мы остановились на ночлег в лабиринте гранитных глыб, недалеко от центра Среднегобийского аймака Дунду-, или Мандал-Гоби («Средняя, или Возрожденная, Гоби»).

На следующий день все изменилось. Яркое, чистое небо высилось над простором широких однообразных равнин, перемежавшихся с плоскими холмами или редкими грядками невысоких скал. Солнце жгло серую и редкую траву — низкую поlying, редкий ковылек.

Горячий ветер шелестел дерисом, металлическая стенка кабины со стороны солнца сильно нагрелась. Дорога стала лучше, ровнее, мелкие речки давно исчезли, и вместо них встречались только широкие сухие русла от временных водных потоков. Машины быстро мчались, то поднимаясь, то спускаясь с пологих возвышенностей, и десятки километров дороги незаметно уходили назад.

Чем дальше к югу, тем бесплоднее становилась степь, растительность делалась реже и реже и все чаще встречались почти голые, покрытые однотонным темно-коричневым щебнем участки.

Глава вторая
ЗА ТРЕМЯ ПРЕКРАСНЫМИ

*Знание — высшее богатство,
родной очаг — среднее, скот — низшее.*

Старая поговорка

Еще задолго до прихода наших машин правительство Монгольской Народной Республики оповестило гобийские областные центры (аймаки) о приезде экспедиции, предписывая оказывать всяческую помощь. В Южногобийский аймак (Далан-Дзадагад), долженствовавший быть центром наших исследований, приехал уполномоченный правительства, который в числе других дел должен был найти людей, знавших о находках «жестей дракона». Сам уполномоченный видел кости дракона в детстве, а его родственники и друзья были знатоками Гоби. По его вызову старые араты прибыли из дальних мест и остановились близ Далан-Дзадагада, ожидая приезда уполномоченного, который обещал навестить их дома, то есть в кочевых юртах.

Солнце спускалось к скалистым вершинам Гурбан-Сайхана («Трех Прекрасных»). Хребет громоздился над плоской щербнистой равниной, запирая пути к югу, сурово поблескивая отполированными ветром кручами. В небольшой промоине заросли дериса колыхались на слабом ветру бело-желтой гривой, обрамлявшей подножие маленького холма. На холме почти рядом стояли две юрты, крытые пестрой, выдавшей вида кошмой. У входа ближайшей к промоине юрты, лицом к хребту, сидели три арата и покуривали длинные трубки.

— Уже поздно, почтенный Балсандорж, — сказал самый молодой из собеседников Хорло, — ваш брат Цевен напрасно надел свое новое дели: от аймака сюда полуртона, и важный начальник не поедет на ночь.

Старик Балсандорж погладил отросшую на две ладони бороду и покачал головой:

— Нет, мой Лодой Дамба никогда не обманывает никого. Он сын моего лучшего друга и мне тоже как сын... Мы учили детей, что лучше сломать свою кость, чем свою честь!

Пожилой широколицый арат в вишневом дели — Цевен, брат старика, одобрительно усмехнулся, выбил пепел из трубки в серебряную чашечку и показал нефри-

тоном мундштуком на восток. Оттуда быстро приближался одинокий всадник. Острые глаза степняков сразу заметили, что он в неудобном для езды европейском костюме.

— Не успел переодеться, наверно, прямо с совета,— удрученно пробормотал старик.

— Какое спешное дело заставило его так торопиться? — спросил Хорло.

— Лодой Дамба приехал из Улан-Батора по поручению маршала,— негромко ответил Балсандорж,— чтобы найти людей, знающих, где лежат «кости дракона»... III Советской страны прибыли ученые. Они хотят смотреть эти кости, выкопать их, изучить и объяснить нашему народу, что это такое. Вот ему и нужны два старика — я и Цевен. Мы оба водили караваны в прежние времена и знаем много мест в Гоби, видели и «кости дракона»...

— «Кости дракона»... ха! ха!.. сказки... как же могут ученые из великой Страны Советов искать несуществующее?.. — откровенно расхохотался молодой арат. Старики нахмурились и поглядели друг на друга.

— Позже выросшие рога длиннее прежде выросших ушей, — тихо и ядовито произнес Цевен. Хорло вспыхнул, умолк и стал смотреть на подъехавшего гостя — невысокого и тонкого, в отличном светло-сером костюме.

Лодой Дамба отряхнул пыль и быстро подошел к старикам, широко улыбаясь.

— Вот мы и увиделись, почтенный Балсандорж! — радостно крикнул он и почтительно поклонился старикам, поспешившим ему навстречу.

— Мы получили твое письмо и еще вчера ждали тебя... Но это ничего... — прервал старик извинения гостя. — Зато мы с Цевеном вспоминали места, где хранятся «кости дракона». Цевен готов вести туда советскую экспедицию. Мы говорили об этом, когда Цевен увидел тебя, а сосед Хорло нашел смешным наш разговор...

— Вовсе нет, — запротестовал молодой арат, — я только хотел получить разъяснение. Ведь я тоже учился в школе и узнал, что драконы никогда не существовали. Это ламские сказки, и пришли эти сказки к нам из Китая. А теперь и сами китайцы не верят в драконов.

— Такие же слова говорил я Балсандоржу, приехав из школы двадцать пять лет тому назад, — задумчиво сказал Лодой Дамба, — а потом... — Он умолк, глядя на

склон ближнего холма. Там, словно большой черный сарлык на ночлеге, вытягивалась закатная тень.

— И потом вы поверили? — опять не удержался Хорло.

Лодой Дамба тихо рассмеялся:

— Придется вам рассказать, иначе получится, что я, инструктор ЦК Народно-Революционной партии, стою за религиозные пережитки...

Лодой Дамба потянул вверх свои отглаженные брюки, подогнул под себя ноги и начал размеренным голосом:

— «Дракон, пролетая, приблизился к земле, упал и умер. Кости его глубоко вошли в землю и стали каменными. Сперва он ударился о землю хвостом и задними лапами, там в горах Унэгэту («Цветные горы») лежат теперь эти остатки. Голова с туловищем упали на полтора уртона дальше на запад, в горах Цзосту-Ундур-Хара («Охристо-черная высота»). Вот каких размеров дракон!»

Так мне рассказывал Балсандорж двадцать пять лет тому назад, — продолжал Лодой Дамба. — Юрты наши стояли у Дзабхана («Разливающийся»), и до Унэгэту было совсем недалеко. Я, так же как теперь вы, Хорло, отрицал драконов. Тогда пришел отец и подтвердил, что тридцать лет назад он шел здесь с караваном, видел «кости дракона». Мы с Балсандоржем оседлали коней и поехали. Скоро пошли колодезные тропы, вдали показались невысокие красные холмы. Холмов было много, они были круглые и низкие и стояли попарно. Мы долго ездили по ним, я покорно следовал за Балсандоржем, а тот вертел головой, как гриф, и вытирал потный лоб шапкой. Наконец он издал радостный возглас и спрыгнул с коня. Мы подошли к ровной площадке, окруженной пятью очень низкими холмиками. Повсюду лежали гигантские кости такого размера, что не могли принадлежать никакому из живущих с нами животному. Ошибиться было невозможно, кости были такими же белыми, какими становятся у нас в степях всякие кости. Я различал бабки величиной в двадцать бараньих, страшные когти, кривые заостренные, больше и толще длинного ножа. И дальше, за холмиками, лежали еще десятки костей. Я стоял молча. В голове моей, еще совсем недавно освободившейся от ламской науки, помутилось. Никто никогда не видел драконов. Я твердо знал, что драконы такое же порождение

религиозной выдумки, как и все тысячи духов и демонов буддийского неба и ада, но передо мною лежали чудовищные кости! Некоторые казались совсем свежими, как будто мертвый дракон рухнул сюда, в эти красные бугры, всего лишь луно назад. Я осторожно поднял громадный коготь — крепкий, тяжелый и плотный — и молча прыгнул в седло. Балсандорж сжалился над моей растерянностью и рассказал, что в Гоби есть много мест, где люди встречали кости драконов. Почему-то всегда кости лежат среди бесплодных обрывов красных глин и песка. Говорят, что дракон при падении уничтожает вокруг все живое...

Рассказчик выпил поданную чашку чаю и прислушался. Глухой и протяжный шум нарастал с запада. Внезапно налетел крутящийся вихрь, захлопнул открытую дверь юрты и унесся в пыльном тумане. Следом за вихрем подул ровный и прохладный ветер. Хлопнула кошма на раскрытом тоне, и в юрте стало темно.

— Пришел ветер на ночь, — сказал Балсандорж, — сейчас зажгут светильню. Вы так хорошо говорите, Лодой Дамба, что я вижу ясно все перед собой и снова еду вместе с вами по красным буграм...

— Я был сильно поражен тогда, — отозвался Лодой Дамба, — словно с высокого перевала увидел новую страну, и накрепко все запомнил. Слушайте дальше. Мы приехали к нашим юртам ночью и еще долго сидели и разговаривали. Мой отец сказал, что Балсандорж потому много знает о костях дракона, что его младший двоюродный брат Цевен водил караваны по Большой Обходной дороге через Черную Гоби и по Дороге Ветров. Там, на северной окраине Черной Гоби, в еще более пустынных и бесплодных местах, лежит множество костей исполинских драконов. Вот туда-то и надо провести советскую экспедицию!

Балсандорж и Цевен как по команде набили трубки.

— Это очень далеко, там, — Цевен махнул рукой в направлении хребта, — пойдут ли советские люди туда?.. А если пойдут, то пройдут ли их машины?..

— Я знаю русских людей, — возразил Балсандорж, — они пройдут везде, где понадобится, но ты, уважаемый брат, не стар ли для такого пути?

— Я стар — это ничего, найдем проводника помоложе. Я расскажу ему, так расскажу, что он найдет, будто там родился! — с азартом воскликнул Цевен.

Лодой. Дамба одобрительно усмехнулся...

Две недели спустя после отъезда уполномоченного наши машины, тяжело нагруженные снаряжением и горючим, медленно шли по Средней Гоби. После ночлега среди больших камней на травянистой равнине у Мандал-Гоби мы въехали в настоящую Гоби — щебнистую, черную, с редко разбросанными кустиками травы. Несколько часов покрывки однообразно скрежетали по щебню. Становилось все жарче, как будто сентябрьское солнце молодело с каждым часом.

Мы сделали остановку на обед у разрушенных глинобитных стен развалин Олдаху-хида («Найденный моңастырь»). Длинный ряд разбитых белых чаш субурганов отгораживал развалины от плоских щебнистых гряд с севера. С юга прямо к стенам подходила огромная, совершенно мертвая равнина. Рыжая глина бесплодной почвы просвечивала сквозь черный мелкий щебень. Глубокие канавки — следы автомобильных колес — бороздили равнину в разных направлениях: попытки неведомых водителей пробиться через размокшую во время июльских ливней или весеннего снеготаяния глину...

Сейчас эта равнина не представляла никакой опасности — дожди давно окончились, и глина была суха на много метров вглубь.

Едва только машины остановились, как тяжелый зной обступил нас. Неподвижный воздух между стенами был буквально накален. Мы укрылись от прямого солнца в тень машин, поели и немного вздремнули. Однако долго отдыхать было некогда — мы намеревались сегодня же доехать до Далан-Дзадагада, а оставалось еще сто девяносто километров.

И мы пустились по мертвой равнине, не обращая внимания на усиливающуюся жару. Потная обожженные солнцем и палящим ветром уши, я с удовлетворением отметил огромную разницу между погодой в Улан-Баторе и здесь, в Гоби, хотя мы и отъехали от столицы республики всего на четыреста километров прямо на юг, то есть около четырех градусов по широте. По сторонам щебень был темным, а на самой дороге гораздо светлее — пустынный загар был стерт колесами с камня и щебень присыпан пылью, отчего вся дорога приняла светлый серый цвет. В Гоби, когда солнце высоко, чистый серый цвет кажется голубым или светло-синим. Мне не раз пришлось потом встретиться с этим явлением. И сей-

час под палящим солнцем на темной щебнистой равнине вдаль вилась ярко-голубая дорога, вблизи, перед радиатором машины, казавшаяся совсем синей. Необычайного цвета путь манит воображение, суля впереди неопределенные и необыкновенные возможности...

А часы шли, солнце спускалось ниже и уходило в сторону, голубой цвет щебня дороги сменился красновато-серым. Встретились две монгольские машины «ЗИС-5». Не в пример нам, местные водители бешено гнали по ухабам и ямам, машины дергало, бросало и раскачивало так, что на них жалко было смотреть. Вдобавок пошла «гребенка», и наше передвижение замедлилось.

Короткий осенний день давно окончился, а в свете фар все тянулась и тянулась изрытая ухабистая дорога, пересекавшая глинистую котловину. При торможении перед ямами вихрь густейшей пыли с жарким дыханием отработанного бензина мгновенно обгонял нас, окутывая плотным облаком, забивался в кабину и рассеивался только тогда, когда машина набирала ход.

Глухой ночью мы прибыли в аймак и подъехали к отдельно стоявшему на самом краю поселка зданию, обнесенному глинобитной сплошной стеной. Это был клуб местной милиции, отведенный под нашу базу.

Рано утром я пошел осматривать базу и аймак.

В углу двора, в старой, дырявой юрте, превращенной в кухню, уже готовился завтрак. Квадрат глухих стен обрамлял весь дом — защита от страшных гобийских ветров. Только одна узкая дверная прорезь выходила на восток. С другой стороны дома находился большой чулан, куда вел длинный узкий проход между стеною и домом — там мы оборудовали кладовую и фотолабораторию. Благодаря этой мудро придуманной стене наша новая база выглядела даже уютно в сравнении с другими домами, стоявшими совершенно открыто.

Я вышел через дверной проем. Обе машины стояли перед входом, красная гобийская пыль прочно въелась в их колеса, капоты и крылья. Аймак — отдельные каменные дома, живописные скопища юрт, высокие мачты радиостанции, ряд магазинов, группа белых больничных зданий и стоявшая на отлете большая школа — был поставлен здесь всего несколько лет назад, а ранее находился значительно севернее — в Дельгер-Хангае («Просторный Хангай»). Поэтому юрт было во много раз больше, чем домов, но строительство продолжалось — в са-

мом центре, неподалеку от здания аймачного управления, уже были выложены фундаменты трех больших домов...

Аймак Далан-Дзадагад расположен на плоской щебнистой и пустынной равнине, протянувшейся далеко на запад и на восток. С севера на сотни километров простирались такие же, только, пожалуй, еще более бесплодные, равнины, местами прерывавшиеся грядами холмов и цепями невысоких скалистых гор или глинистыми впадинами — котловинами.

С юга над равниной и аймаком как бы всплывала стена крутого и высокого хребта. Массивные скалы величественно громоздились на пологом цоколе бэля. Хребет уходил косо на запад и распадался на три массива, разделенных широкими сквозными долинами. Это и был Гурбан-Сайхан («Три Прекрасных»), восточная оконечность Гобийского Алтая. Названия гор в Монголии — пережитки древнего пантеистического шаманизма, оставшегося бытовать и ассимилированного буддизмом, который сумел отлично использовать бесчисленных богов и чертей первобытного, запуганного силами природы мышления. При подобострастном отношении древних путников к горам, посылавшим то необоримые ветры, то снег и жестокую стужу, то губельные ливни, подлинные имена гор нельзя было произносить, и они были забыты. Поэтому самые большие горы до сих пор носят «обобщенные» названия: Сайхан Богдо, Хаирхан — Прекрасный, Святой, Милостивый, к которым добавляется какое-нибудь отличительное прилагательное.

Ничего прекрасного не было в этих «Трех Прекрасных», надменно высившихся над распростертым у их подножия аймаком. Но величие, несомненно, чувствовалось в кручах и полированных ветрами ребрах исполинских обнаженных скал.

Я отправился с визитом к аймачному дарге и был принят любезно, но не смог хорошо побеседовать. Аймачный начальник очень плохо говорил по-русски, а наш переводчик был в отъезде. Зато в айкоме Народно-Революционной партии я имел ббльший успех — секретари айкома владели русским языком и очень заинтересовались работой нашей экспедиции. Мне пришлось говорить целый час. Договорились о взаимопомощи в работе. Вернувшись домой, я принялся за дневники и едва успел покончить с ними, как явились наши исследователи Орлов, Громов и Эглон.

Шумная компания уже сильно загорелых и обветренных гобийцев сильно отличалась от бледнолицых «горожан», хотя «горожане», опаленные горячими ветрами Гоби, больше походили на краснокожих.

Орлов, Громов и Эглон похвалялись палеонтологическими открытиями. Ездивший с ними шофер Андреев, маленький, рыжий и веснушчатый, пугал наших шоферов гобийским бездорожьем. Наконец шутки утихли, и мы уселись с топографическими картами за стол. Первые же маршруты, сделанные передовым отрядом, обнаружили два интересных местонахождения.

К северу от аймака, по старой караванной тропе, обнаружили массив-останец красноцветных меловых пород, одиноко стоящий посреди котловины и окаймленный большими сухими руслами. Это был Ольгой-Улан-Цаб («Ущелье красной толстой кишки»). Исследователи долго лазили по склонам многочисленных оврагов и обрывам, находя кости динозавров, таких, какие еще не встречались на территории Центральной Азии. Наконец в обрыве одной промоины был найден скелет гигантского травоядного динозавра — зауропода. Длинный хвост, полагавшийся этой породе ящеров, был нацело уничтожен размывом. Остались только два громадных первых хвостовых позвонка, которые Эглон с трудом извлек из твердой песчаниковой плиты.

Крестец и таз уходили внутрь и в глубину обрыва, а за ними, наверное, шел и весь остальной скелет гиганта, достигавшего, судя по размерам извлеченных позвонков, примерно 25 метров в длину. Это была первая находка более или менее полных остатков зауропода во всей Центральной Азии. Однако на извлечение скелета из твердой породы ушло бы с нашими малыми силами не менее года работы. Несколько лет потребовала бы и preparation костей в Москве, поэтому находку пришлось оставить.

Северо-восточнее, между Ольгой-Улан-Цабом и далаид-загадской дорогой, располагался второй отдельный массив, сложенный еще более темно-красными глинами, с меньшим количеством песчаников — Улан-Ош («Красный водопой»). В узких промоинах красных стен Улан-Оша Громов, Эглон и Орлов нашли кости мелких пуугаеклювых динозавров и обломки панциря черепах. Целая когтистая лапа небольшого динозавра была выложена на стол передо мной как доказательство хорошей со-

хранности материала. Я взглянул на карту. И Ольгой-Улан-Цаб и Улан-Ош находились в пределах одной большой котловины, вытянутой в широтном направлении и ранее, очевидно, целиком заполненной красноцветными костеносными меловыми породами, от которых теперь остались неразмытыми лишь отдельные участки.

— Погодите-ка,— воскликнул я,— где-то тут близко Барун-Баин («Западный Богатый») — место, где ботаник Юнатов видел много костей динозавров...

— Вот оно! — Ноготь Орлова ткнул южнее синего кружка, обведенного вокруг Улан-Оша.— Тоже в этой большой впадине.

— И не только оно,— Громов нагнулся к карте, чадя вонючей трубкой,— на запад все та же котловина проходит до Баин-Дзака («Богатый саксаул»). А на Баин-Дзаке мы уже побывали. Оказалось, что это и есть знаменитое Шабарак-Усу американцев. Яйца динозавров ведь мы нашли тоже, и неплохие...

— Так, все понимаю — в этой впадине в разных ее местах уцелели низкие горизонты меловой толщи, выраженные разными фациями — пески в Баин-Дзаке, болотные глины в Улан-Оше и Барун-Баине... Но все же нет очень крупных скоплений остатков динозавров, хотя если поставить раскопки, то получим хороший материал. Но это не решает успеха экспедиции.

— Разумеется,— хмуро сказал Орлов,— мы должны доказать повсеместное обилие и разнообразие ископаемых позвоночных и распространение материковых отложений... Фу! — яростно отмахнулся он от трубки Громова.

— Хорош табачок! — невозмутимо отозвался Громов, окутываясь дымом.

Встреченный одобрительными восклицаниями, в кампату вошел крепкий пожилой монгол в нарядном, вишневого цвета дели. Это был Цевен, проводник, направленный аймаком в нашу экспедицию. Он отлично умел проводить машину по бездорожью и обладал широкими и разнообразными знаниями всего, что относилось к природе Гоби. За эти познания и отличную работу проводник Цевен был прозван нами «академиком».

После угощения Цевен вытащил длинную трубку, набил ее пылевидным табаком — дунзой — и затянулся. Начался неторопливый разговор о дальнейших планах поездок. Мы стеснились на конце длинного стола из не-

ровных досок. Ветер, врываясь сквозь щели крыши, слегка колебал пламя свечей. Лысеющие головы Громова и Орлова, светлая и темная, наклонились к картам. Данзан, хмурясь и торопясь, переводил речь Цевена и наши вопросы.

— Мой друг, старик Балсандорж-гуа, и я знали, что вы приедете. Мы ездили туда и сюда, спрашивали многих аратов, молодых и старых, всех, кто знает, где лежат «кости дракона». Два места я вам показал, одно вы сами нашли, одно, говорите, нашел ботаник Юнатов... Но это еще не все. Вы правильно сказали, что большого богатства костей здесь нет. Самое большое богатство там, — старик махнул рукой на юго-запад, — за Гурбан-Сайханом... Нэмэгэту («Защищающий от ветра») — вот где много больших костей. Больше вы нигде в Гобии не найдете. И никто там еще не был...

Цевен умолк и стал выколачивать трубку в маленькую серебряную чашку.

— Дорога туда только до Ноян сомона, — сказал я, следя за картой, — дальше нет дороги. Чтобы прошли машины, особенно необходим знающий проводник. Ехать далеко, всякая поломка машины будет опасна не только для плана экспедиции, но и для людей.

— Я не могу поехать с вами, — ответил Цевен, обменявшись с Данзаном быстрыми непонятными фразами, — хозяйство больше нельзя оставлять! Вместо меня поедет заведующий потребительской кооперацией Цедендамба, я ему все рассказал. Цедендамба сам родом из Сэвэрэй («Сжатый, стянутый») сомона и те места знает.

— Знает-то знает, — ответил я, от огорчения затыкаясь поглубже из огромной самокрутки, — но вы знаете, как и где проходят машины. А от незнакомого с машинами проводника иногда бывает хуже, чем совсем без него... Но хозяйство — дело серьезное, ничего не скажешь. Вот если бы были у вас колхозы...

Цевен широко улыбнулся, встал из-за стола и проговорил что-то.

— Он сказал, был бы колхоз, тогда он был бы с нами в экспедиции все время, пока был нужен, и за скот был бы спокоен. А теперь очень хочет помочь, ему понравились вы, но никак не может... — перебил Данзан, улыбнулся и закончил: — Говорит, что скоро они сделают колхозы, жаль только, что нам завтра надо ехать!

Все рассмеялись.

— Пока он не ушел, надо спросить его про олгой-хорхой! — воскликнул Эглон.

Ян Мартынович подразумевал странное животное монгольских легенд. Среди жителей Гоби издавна распространено предание о большом и толстом черве (олгой — толстая кишка, хорхой — червяк), свыше полуметра длиной, живущем в недоступных песчаных местах Гобийской пустыни. Рассказы об этом животном совпадают. Олгой-хорхой известен как очень страшное существо, обладающее непонятной убийственной силой, способной поразить насмерть прикоснувшегося к нему человека.

Никто из ученых-исследователей не видел необычного червя, но легенда о нем так распространена и так единообразна, что, нужно думать, в ее основе действительно есть какое-то чрезвычайно редкое, вымирающее животное, вероятно, пережиток древних времен, уцелевший теперь в самых пустынных уголках Центральной Азии. Я использовал легенду об олгой-хорхой в одном из своих фантастических рассказов. Про олгой-хорхой слышал и начальник американской экспедиции Эндриус.

Данзан заговорил с Цевеном несколько смущенно, как будто опасаясь насмешек со стороны остроумного старика за наивный вопрос о легендарном животном. К общему удивлению, Цевен объявил, что много слышал об этом гигантском червяке, убивающем наповал, но не видал его. В четырех уртонах на юго-восток от аймака есть местность Халдзан-дзахе («Лысый край»), где на барханных песках живет олгой-хорхой. Но его можно видеть только в самую жару, в июне — июле, позднее он зарывается в землю и спит.

Посыпались шутки об этих непонятных свойствах хорхой. Цевен рассердился и, сурово нахмурившись, сказал несколько слов Данзану.

— Он говорит, — перевел молодой геолог, — они смеются только потому, что ничего не знают и не понимают. Олгой-хорхой — это страшная вещь!..

Цевен пошел домой. Мы поспешили проводить арата до выхода со двора и тем оказать ему почет по-монгольски. Проводник был польщен, когда все три профессора вышли за ним следом.

В углу двора сквозь дыры старой юрты светился огонь. Это повар Никитин, или танковый кашевар, как он именовал себя после недавней демобилизации, заго-

нишли левешки в далекий поход. Запаса хлеба, привезенного из Улан-Батора, не могло хватить надолго, а выпекать левешки в походе было хлопотно.

Мы прошли в узкий дверной проем, простились с Цезем и зашагали в темноте мимо стоявших в ряд перед ступой трех наших машин — скромной автоколонны первой экспедиции. Темные, высокие тенты придавали им вид массивных глыб.

Еще несколько шагов — и мы очутились на краю щебнистой равнины, пустой, холодной и темной. Жестко скрипел под ногами остроугольный щебень. Звездное небо, холодное, низкое и яркое, с юга затенялось стеной хребта. Ближайший к аймаку массив Цзун-Сайхан («Восточный прекрасный») громоздился в неуловимом свете звезд. Дальше Дунду-Сайхан — средний — уже расплывался в темноте, сливаясь с чернотой бэля.

Мы долго смотрели на горную стену, загородившую от нас таинственную, неисследованную страну с большими котловинами и острыми хребтами, далеко протянувшимися на юг и запад.

Точно повинувшись какой-то команде, дружно залаяли многочисленные псы. Залаяли с тем характерным, тоскливым подвыванием, которое отличает монгольских собак.

— Почти стали заметно холоднее, — заговорил, застегивая ворот ватника, Громов, — даже странно: такая обжигающая жара днем и свирепый холод ночью!

— Ну не так уж свиреп, просто вы привыкли к жару, — отозвался я, — а я вот, наоборот, в Улан-Баторе привык к холоду. В горах вокруг города снег, ночью мороз — и так до перевала семидесятого километра...

— Очень меня беспокоит, — вмешался профессор Орлов, — успеем ли мы сделать что-либо серьезное? Может, надо было все время употребить на обследование мест, в которых есть уже вполне определенные сведения...

— Мы будем и на востоке, как планировали, — возразил я, — а свидетельствам аратов я верю. Разные показания сходятся, да и к нам, гостям из Советского Союза, явное доброжелательство...

«Настоящие стойкие морозы в Гоби наступают с ноября. Значит, у нас есть месяц с неделей. Это без всякого запаса... Должно хватить на большой объезд, только бы не подвели машины», — думал я, подходя к полутурке и касаясь рукой холодной фары.

Громов спрятался от ветра за бортом машины и стал вытаскивать табак, но Орлов заявил, что он совершенно замерз, и мы вернулись в дом. В низком помещении было теплей. Складные койки занимали почти все свободное место. Сонная тишина царила в доме, только Данзан копошился над картами, медленно перебирая листы тонкой смуглой рукой. За другим концом стола Андросов морщил курносый нос. Попытка починить «своими силами» сломанный бензоуказатель не удалась. Шум ветра, разгуливавшего на темном просторе снаружи, заметно усиливался, огонь свечой метался от струек воздуха, неведомыми путями влетающих в помещение. Крупные пятна света бегали по потолку, затянутому белой бязью. Легкая ткань как будто струилась. Внезапно на пороге возник повар. На его круглом, открытом, дочерна загоревшем лице сияла всегдашняя приветливая улыбка:

— Научная сила чай пить хочет?

Наш веселый повар называл всех ученых экспедиции «научной силой». Название это закрепилось на все последующие годы работы.

Места для чаепития сразу не нашлось. Клубный стол добрых шести метров длины был нацело занят картами. Данзан прикрепил кнопками аккуратно подогнутые и подобранные планшеты подлежащего изучению района Гоби. Получилась бумажная лента, своими размерами внушавшая некоторые размышления. Но наш геолог-переводчик оставался совершенно спокойным. Его узкое лицо с очень темной кожей бесстрастно повернулось к нам, темные глаза смотрели непроницаемо, а необыкновенно изящная тонкая рука задумчиво ворошила кипу карт.

Громов по всегдашней привычке высоко взвел брови над круглыми стеклами очков и пронзительным птичьим взглядом уставился на полосу планшетов.

— Это нам столько ехать?! Му байна! (Плохо.) — Профессор старался говорить по-монгольски, нещадно коверкая слова и произношение.

— Посмотрите, Иван Антонович, — позвал меня Данзан, — я начертил маршрут, как вы сказали...

Красная линия пересекла несколько планшетов карты, постепенно изгибаясь к северу и назад, на восток. Получилась гигантская петля в полторы тысячи километров длины, огибавшая хребет Нэмэгэту с юга, запада и севера и подходившая к впадине Ширэгин-Гашун («Столовый горький»), где в 1932 году географ Б. М. Чудинов

нашел множество костей огромных динозавров. Эту впадину мы нанесли на карту наугад, без точных данных.

Что ожидало нас там, впереди, за Тремя Прекрасными, какие испытания скрывала за собой эта линия маршрута, отражавшая сотни и тысячи километров реальной пустынной земли?

* * *

Широкая дверь кабины защелкнулась, хрипнула передача, машина двинулась. Я помахал рукой оставшимся на базе, чувствуя вину за огорчение, выразившееся на всех трех лицах. Лукьянову и двух рабочих пришлось оставить, поручив им «заведование» и охрану базы. Каждый лишний человек в таком долгом маршруте — это около десяти пудов груза, вместе с его продовольствием, запасом воды, посудой и постелью. Резерва в полтонны не было, тем более что на обратном пути мы рассчитывали везти тяжелые коллекции ископаемых костей.

Три машины направились по хорошему автомобильному накату на запад от аймака. Впереди полуторка с Орловым в кабине, наверху проводник, Данзан и Эглон. Водитель — стремительный, бесшабашный и грубоватый Андреев. Вторая полуторка с продуктами, поваром и двумя рабочими, с водителем Прониным, осторожным и чувствительным любителем природы, впоследствии ставшим превосходным «охотником за черепами».

Замыкали колонну мы с Андросовым на трехтонке, до отказа загруженной бензином, с двумя рабочими, ворчавшими на «ссылку», так как в машине у грозного Андросова не покуришь. Старший шофер не баловал нашу рабочую молодежь, называл их «боярами» за их необъятные штаны с множеством складок по местной, пришедшей из Забайкалья моде и при случае отчитывал нерасторопных.

Все наши рабочие были допризывниками — восемнадцатилетней молодежью из Алтан-Булака и соседних поселков севера республики.

С нами ехал Володя Иванов — высокий, белобрысый и добродушный парень, прозванный «батарейцем» за огромный рост и силу, по-мальчишечьи еще неуклюжий, восторженный и легковерный. Кроме Иванова, все другие были смешанного русско-китайского происхождения. Небольшого роста, подвижные и ловкие, они были больше похожи на китайцев, чем на русских, хотя говорили по-

русски, как природные русаки, и все носили русские имена и фамилии. Среди них Илья Жилкин выделялся хорошими музыкальными способностями, знал множество песен и не расставался с гитарой. Павлик Чуваев — самый способный и самый сердитый — стал постоянным помощником Эглона, обнаружив выдающиеся способности в раскопчном деле. Наш требовательный, презиравший лентяев Ян привязался к Павлику, прозванному «ассистентом», не без зависти со стороны остальных: маленького и старательного Климова — красивого и тихого малого, и особенно Вани Сизова, отчаянно соперничавшего с Павликом на раскопках и сейчас составлявшего компанию «батарейцу» на неудобной бензиновозной машине.

Равнина к западу и северо-западу от аймака была удивительно ровная и твердая. Здесь можно было ехать не только по накатанной дороге, но в любом направлении, так как щебень был повсюду, а редкие кусты растительности не были серьезным препятствием для автомобильных колес. Именно это место называли американцы «стомильным теннисным кортом», когда проехали через него к лучшему из своих местонахождений — Баин-Дзаку (Шабарак-Усу) двадцать три года назад. Наш путь лежал не туда. Скоро машины повернули налево и стали приближаться к громадному бэлю Гурбан-Сайхана.

Щебень становился все крупнее, мы въезжали в зону горных конусов выноса. Обширная котловина у подножия хребта, простиравшаяся на сотню километров на север, была заполнена рыхлыми отложениями, прикрытыми щебневым панцирем. Это совсем не походило на беспредельную равнину, которую я проехал недавно в районе Холод сомона («Лосось»), на пути в Далан-Дзадагад.

Там была типичная хаммада — каменная пустыня, но хаммада ископаемая, уже заросшая и задернованная. Только тонкий слой элювиальной дресвы прикрывал каменные гряды или просто скалистое основание, выступавшее в дне котловины, но растительность указывала, что в настоящий момент климат сделался более влажным, чем во время образования хаммады, в период максимального высыхания.

Также же заросшие, задернованные хаммады с еще более густой растительностью я наблюдал и в восьмидесяти километрах севернее Дунду-Гоби, что указывало на прежнее, более обширное и более северное распространение пустынь Монголии.

К югу от хаммадами лежали уже настоящие гоби — плоские впадины, засыпанные щебнем, с очень редкой травой. Я видел там огромные ямы выдувания до 6 метров в глубину.

Но и здесь общий тон Гоби от серого щебня казался голубым и дорога стала синей лентой.

Круче и круче становился бэнь, мы едва ползли, но тут пятнадцатикилометровый подъем внезапно окончился, и мы въехали на песок сухого русла.

Еще небольшой подъем, поворот — и мы попали в глубокое скалистое ущелье. Темно-серые утесы и обрывы нависли над машинами. Правее, по спуску сухого русла, из грубого песка возникал небольшой родник, дальше ставший заметным ручейком. Свежая зелень, показавшаяся необычайно яркой, ютилась по сторонам родника у подножия грозных скал. Мы остановились остудить моторы и запастись чистой свежей водой. Орлов забрался на низкий обрыв левой стороны ущелья и водружил там маленькое обо. Его четкий профиль с орлиным носом, высоким лбом и тяжелым, выступающим подбородком картинно обрисовался на грани горы и неба. Профессор очень полюбил этот монгольский обычай и повсюду немедленно воздвигал обо, тем самым пытаясь увековечить места, посещенные экспедицией.

Громов стал было карабкаться на отвесную трехсотметровую стену, но я с трудом отговорил его, пообещав стащить вниз за ногу. Громов поднял очки на вспотевший лоб, посмотрел на меня с обычной искрой насмешки в бесстрашных светлых глазах, понял, что я не шучу, и сидел.

Крепкие метаморфические кварциты, — сказал он, ударил молотком по свежему излому скалы.

Мельчайшие осколки камня с силой брызнули вместе с искрами от резкого удара. Я поспешно прикрыл глаза рукой.

— Мы, собственно, только сейчас вступили в сквозную долину, — продолжал Громов, справившись с непокорным образцом, — видите, этот каньон, несомненно, эпигенетический участок!

— Правильно. — Я показал вперед в глубину ущелья: — Видите всякие долинки? Здесь, безусловно, очень молодые сбросы...

— Всякие долины я и раньше видел, у первого поворота, — усмехнулся Громов.

— Поехали, Иван Антонович,— крикнул мне Андросов,— все готово!

Гулким эхом разнесся по ущелью шум заведенных моторов. Большая птица взлетела откуда-то с края нависших круч и взвилась в высокое небо. Галька и песок сухого русла были плотно укатаны проходившими здесь машинами, и, несмотря на подъем, мы шли легко. Ущелье понизилось и сузилось, склоны вверху разошлись широко и полого. Стало светлее. Дорога петляла между выступами скал. Наконец мы выбрались со дна ущелья, и дорога повела нас по широким косогорам, покрытым низкой ровной травой альпийской зоны, сейчас уже пожелтевшей. Тормозя на опасных разворотах, машины теряли скорость и медленно лезли на подъем. Два обо из светлых камней возвестили вершину перевала.

Мы пересекли широкое русло, спадавшее на другую сторону хребта, вышли на крутой склон долины и очутились на широкой и ровной желтой плоскости, скатывавшейся далеко на юг. После тесных и темных ущелий здесь показалось необычайно светло и просторно. Залитая солнцем гладкая желтая равнина, чистое голубое небо, поодаль две полосы легких облаков... Несколько юрт стояло справа, а внизу вдали едва виднелись нерезкими белыми пятнами домики Баин-Далай («Богатый необозримый») сомона, до которого было еще не менее 25 километров, и только горный воздух Монголии мог позволить нам различить маленькие строения простым глазом. Я застегнул ватник — холодный ветерок остро чувствовался на разгоряченном от жары кабины теле. Мы перевалили Гурбан-Сайхан и сейчас находились в той самой таинственной стране, за стеной Трех Прекрасных.

На этом скате мы пообедали холодной бараниной и чаем, предусмотрительно запасенным Андросовым в чистой жестянке, и пошли на спуск.

Превосходная дорога, ровная и прямая, позволила набрать большую скорость. Машина, плавно покачиваясь, неслась вниз, а я предался размышлениям. Думать было над чем. В одном и том же хребте находились две различные формации гор. Северный склон Гурбан-Сайхана сразу же над высоким бэлем состоял из гряды очень молодой, пересеченной огромными сбросами с крутыми склонами и острыми зубчатыми вершинами. Висячие долины свидетельствовали, что это поднятие было геологически совсем недавним, и водные потоки, спадая с поднявшихся

круч, мне не успели выработать нормальный спад своих русел, нормальную кривую эрозии, как говорят геологи. Более того, эти бесчисленные долины говорили о том, что хребет продолжает расти и делаться все выше.

Южная сторона Гурбан-Сайхана была образована плоскими горами с округлыми сложенными формами и пологими склонами. Эта гряда округлых, похожих на карагаевые, гор была вплотную прижата к острой северной гряде, однако водораздел находился на южной гряде. Нет реки, скорее временные потоки, спадали на север с южной гряды, прорезая высокую северную гряду глубокими ущельями. Значит, когда-то, несколько десятков тысяч лет назад, а может быть и еще меньше, здешние равнины пересекала гряда округлых, старых, как в южном Хинкае («Сытый, обильный»), гор. Потом северная сторона этой гряды начала постепенно подниматься, а скавище с вершины старой гряды реки прорезывали новое поднятие насквозь своими долинами. Наконец новая горная цепь стала выше старой, а истоки речек по-прежнему остались на старой гряде, потому что новая уже оказалась пропиленной глубокими ущельями. Понятно, что и высшая перевальная точка находилась на старой гряде. Мы добрались до нее по дну сквозной долины.

Карстовый осенний день кончался. Мы приблизились к вомону, но делать там нам было нечего, и мы решили заночевать в разрушенном монастыре Цаган-Дерисуни-хурия («Монастырь белого дериса»), где была устроена станция для проходящих автомобилей.

Андреев заметно устал после трудного пересечения перевала, и я сменил его за рулем, пока шла хорошая дорога. Она незаметно поднималась к зубчатым черным горам и широкой желто-серой равниной. Щебень стал мелким, редкие пучки сухого ковылька золотились пятнышками и низких лучах солнца. Машина шла прямо на запад. Пришлось поднять лобовое стекло, чтобы скользкопробуя видеть дорогу.

Солнце ударило прямо в хмурые зубцы Гурбан-Сайхана, оставившие позади и медленно уходившие за увалистые светлые вершины южного склона. Незаметно все большее количество песка затопляло дорогу. Машина содрогалась и подпрыгивала на рытвинах, засыпанных песком. Песку все прибывало, уже порядочные бугры громоздились по сторонам дороги, поросшие толстой белесой колочкой. Теперь стало видно, что автомобильный накат

шел по старинной верблюжьей караванной тропе. Ноги тысяч верблюдов глубоко утоптали песок, и дорога стала канавой, словно прорытой посреди песчаных бугров. Недавние бури нанесли в эту канаву мелкий, очень рыхлый песок. Легкие полуторки проскочили по краю канавы, а наша тяжелая машина — около семи тонн общего веса с грузом — глубоко зарылась и пропахивала себе путь, как танк.

Солнце скрылось за ближними холмами. Вечерние облака, как пластины литого золота, повисли над огненным озером дали. Чеканный черный силуэт лошади вырисовывался на холме. Повернув голову, животное всматривалось в приближающуюся машину. Затем огненное озеро померкло, в него как бы перелились краски облаков, которые сделались серо-фиолетовыми. Подбежало еще несколько коней, и их силуэты стали еще чернее...

В сумерках мы въехали в странное и мрачное место — каменные острые холмы, пересеченные множеством сухих русел. Черные камни, красные пески русел и белесый дерис были видны лишь короткое время, затем все слилось и исчезло в наступающей ночи. Вспыхнули фары и сразу пробили яркую дорогу в стене сгущающегося мрака. Накат пересекал сухие русла по самым различным направлениям.

Русла, то узкие и глубокие, то мелкие и широкие, но зато с множеством дополнительных промоин и канавок, до крайности задерживали нас и терзали машину. На страшных перекосах в коробке скоростей раздавался скрежет, а кузов скрипел и трещал, заглушая унылый вой шестерен, когда все четырнадцать полных бензина бочек наваливались то на один, то на другой борт. При медленном движении машины клубившаяся позади пыль нагоняла нас и летела вперед, золотясь в свете фар плотными, вздымавшимися вверх клубами. В занесенной пылью и жарким дымом выхлопной трубы кабине стало трудно дышать, а сухие русла все снова и снова возникали темными полосами перед нами. Внезапно из тьмы встали желтые стены каких-то разрушенных зданий. На краю дороги появился, подняв руку, Эглон. Мы взяли его на подножку и, повинаясь его указаниям, наконец выехали к автомобильной станции. Две большие чистые юрты стояли в глинобитной ограде на высоких круглых платформах из дерева и глины.

В левой юрте в большом котле уже кипел чай. При-

натынный, хорошо одетый заведующий станцией зажег свечки — простой кусок тряпки в бараньем сале, которое, окисляясь, горит ровно и без копоти. В большой железной печке метался слабый огонек аргала, снаружи все слышно шумел холодный ветер, но в просторной и чистой юрте было тепло. Однако мы решили для заправки спать во дворе у стены, защищавшей от ветра, где рос высокий дерис. Чудесное звездное небо Монголии раскинулось над нами, справа поднималась высокая стена разрушенного главного храма, слева обрисовывалась зубчатая стена хребта Цзолэн («Приносящий счастье»). Ветер переваливался через глинобитную стену, и колышущийся дерис шуршал о брезент складной койки, чуть слышно позванивал о металл ножек.

Меное и необыкновенно тихое утро приветствовало меня, когда я выскочил из спального мешка и, трясаясь от холода, поспешно оделся. Легкий налет инея увлажнил края мешка. Нужно было искусно балансировать, чтобы не наколоть босые ноги о жесткую щетку дериса или об острый щебень.

Разрушенный монастырь Цаган-Дерисунги отличался от тех деревянных монастырей, которые я видел в Средней Гоби и в Центральном аймаке, а также от глинобитных развалин Олдахухида, построенных китайскими архитекторами. Здесь высокие, сложенные из синих кирпичей стены были наклонены внутрь, и на всех развалинах лежал отпечаток тибетского стиля. Характерно, что монастырь стоял среди угрюмых черных холмов, у подножия хребта Цзолэн, где темные голые скалы то лежали толпой друг на друга, как каменные волны, то выдвигались острыми пиками, то скалились колоссальными челюстями, то поднимали зазубренные гребни. Это место вызвало тревожное ощущение и производило впечатление чуждости и угрозы. Монастырь был поставлен в таком месте не случайно — все способствовало возникновению безотчетного страха в душе простодушного сына степей, приближавшегося к такому монастырю...

Но сейчас только ряды желтых стен напоминали о бывшем здесь очаге мрачной религии. Чистые юрты посреди выметенного двора, уцелевшие башенка и маленький кухня служили фоном для наших выстроившихся в ряд машин. Чай уже был готов, и приветливо улыбающийся заведующий привязывал распахнутую дверь юрты.

За монастырем снова начались такие же русла, как вчера, и мы «заковырялись» на них, по образному выражению Пронина. Хребет Цзолэн отошел вкось направо, а за ним показалась голубая зубчатая дуга хребта Сэвэрэй, стоявшего у начала огромной котловины Нэмэгэту, куда и устремлялись мы в поисках «драконовых костей». Широкий дол черного щебня спустился в низину с громадными кочками, поросшими дерисом, между которыми вилась дорога. Отсюда мы поднялись на небольшой гранитный хребет, по гребню которого шел автомобильный накат, в то время как по обе стороны машины вниз спадали светло-серые склоны, усыпанные гранитной дресвой.

День был безветренный, и жара усиливалась с каждым часом. Воздух струился над раскаленными камнями. Спустившись с гранитов, мы завидели наши полуторки, стоявшие рядом на невзрачной белесой дресве. Оба шофера и повар валялись в позах полного изнеможения прямо на земле рядом с машинами.

Тряска и жара сильно утомили людей. На ногах оставался только Ян Мартынович. Выставив круглый животик и вытянув шею, он расхаживал вокруг медленными широкими шагами. Козырек белой фуражки и длинный нос устремлялись вперед в поисках добычи — великий коллекционер, наш славный латыш и тут высматривал то ли интересных насекомых, то ли камни или растения. Данзан и Цедендамба меланхолически восседали, поджав под себя ноги, и вяло переговаривались. Громов уткнулся в записную книжку и что-то рисовал в ней, грызя мундштук трубки и широко раскинув ноги в тяжелых горных ботинках. Орлов расстелил ватник и улегся навзничь, загораживаясь от солнца собственными высоко поднятыми коленями. Его высокие кирзовые сапоги, пропитавшиеся гобийской пылью, казались на солнце совсем красными. Рядом, спрятав лицо в согнутый локоть, улегся Пронин.

Я решил последовать их примеру и опустился на землю, точнее на остроугольные камешки, но тут же с проклятием вскочил на ноги. В ладонь, которой я уперся в землю, впилось несколько твердых колючек, похожих на крохотные водяные орехи с торчащими во все стороны шипами.

Товарищи, уже испробовавшие это свойство гобийской земли, разразились сочувственными восклицаниями.

Проводник Цедендамба, крупный, здоровенный, похожий на кузнеца человек, рассмеялся, размахивая могучими руками, совсем нетипичными для аратов. Даже Пронин, казалось уснувший, вдруг поднял с руки голову и сверкнул синеватыми белками больших карих глаз в широкой и застенчивой улыбке. Я скоро научился ложиться на гобийскую почву, как четвероногое, опускаясь поочередно сначала на колени, на локти и потом уже вытягиваясь на земле.

Дорога дальше пошла по узким долинам среди мелкоопоченки. Пестрые конические холмы с темными вершинами были испятнаны серым, зеленоватым и бурым, и горы производили впечатление заплесневевшей, разрушенной и обветшавшей земли. Ничего не росло на этой рыхлой бесплодной почве, только у самого водостока долинки возмывались круглые кочки, плотно поросшие гобийским миндалем — кустами с необыкновенно темной зеленью и адскими шипами.

Грядки голого камня, глин с солевыми выцветами и песком чередовались на дороге. Машины шли медленно и тяжело. Зной и духота, едкая пыль царили в этих заплесневевших горах.

Перегретый мотор тянул плохо, наполнял жаром кабину, палимую сверху беспощадным солнцем. Пот тек по лицу, заливая глаза. В середине дня, когда солнце высоко, мелкие ямки и ухабы, как и вообще все неровности в Гоби, становятся плохо видимыми. И сейчас пыльная дорога не различалась среди занесенных пылью и песком подножий холмов, между которыми она причудливо извивалась, то огибая их по склонам, то пересекая прямо через вершинки, то спускаясь по дну мелких русел.

По мере приближения к Ноян сомону местность становилась все более примечательной. Большие сухие русла презывались в ущелья среди совершенно голых гор, не прикрытых даже дресвой разрушения. Камень был обдур ветрами и сглажен, конусы и купола толпились беспорядочно и тесно, желтые шлейфы надутых песков исползали на склоны из большой равнины к северу от горного массива. Автомобильный накат с удивительной отвагой проникал через узкие щели в сплошном камне. Машины бросало и кренило на торчащих ребрах гранитных плит и скатах глыб. Взобравшись на один из таких перевалов, мы увидели крутой спуск в промоину, сплошь

заваленную остроугольными глыбами. Тут даже наши выдавшие виды экспедиционные шоферы стали качать головами. Но шедший впереди Пронин вновь уселся в кабину, и его полупорка буквально сползла в страшную щель. Андросов смешно вытаращился и озорно поглядывал сбоку на меня с видом преувеличенного испуга. Колеса поползли, упираясь в борта промоины, острые камни скрежетали, оседая под тяжестью машины, но резина с честью выдержала это испытание.

Еще один перевал, и мы опять очутились на голом камне. Удивительный массив плотных кварц-порфиров густого красного цвета находился налево от нас, на уровне перевального гребня. Поверхность красного порфира выступала особенно резко на ярко-голубом небе. Прямо на гребне обрисовалась наша громадная трехоска. Дверцы кабины были распахнуты и казались широкими крыльями, раскинутыми для взлета. Массивная стальная балка буфера сильно выдавалась вперед, ее грани и углы блестели, отполированные ветром и песком. С приклепанных к балке круто загнутых крючьев свисала тяжелая цепь... Дикий хаос голых красных скал, а над ним — поднятая в самое небо могучая машина показалась мне символом человеческой мощи.

Внизу, в окаймлявшем массив сухом русле, толстые черные жилы основных пород рассекали красный порфир. По ущелью вскрывались породы палеозойского возраста — темные, почти черные песчаники и углистые сланцы, рассеченные висячими долинками и превращенные в крутые куполовидные холмы. На вершинах этих холмов была отчетливо видна желто-красная кора выветривания, достигавшая до пятидесяти метров толщины, или, как говорят геологи, мощности. Это означало, что темные породы палеозоя долгое время находились на поверхности древней азиатской суши. Атмосферные процессы, солнце и температурные воздействия проникли глубоко в скалистую толщу, изменив прежний вид пород. Лишь два года спустя мы узнали, что это выветривание происходило в нижнемеловую эпоху, то есть около семидесяти пяти миллионов лет назад.

Едва только мы выехали из ущелья и повернули направо, впереди внезапно открылся Ноян сомон — немного юрт, склады, клуб и большая школа. Сомон оказался в это время полон народу. Немедленно машины окру-

жили плотная толпа. Дети выскочили из школы и также подбегали к нам.

Ноян сомон стоит в необычайно живописной местности на небольшой плоскости, окруженной, словно чашинами, скалистыми черными вершинами. Пирамидальные ветви, необыкновенные гребнистые своды, пильчатые-назубренные вершины торчали над сомоном, а по-прежнему виднелись столь правильной формы конусы, что мы сразу же заподозрили в них потухшие вулканы. Мы были приглашены в юрту к сомонному начальнику дорге, которому объяснили цель нашей экспедиции. Здесь собралась группа местной интеллигенции, среди которой оказался московский студент-юрист (конечно, тоже монгол), приехавший для практики в качестве помощника прокурора.

В ту пору, в первую экспедицию, Ноян сомон — самый южный и удаленный из сомонов Южногобийского аймэка, показался нам краем Монголии и чуть ли не краем света.

Совещались старики. Данзан и Цедендамба долго советовались с ними, но проводника, хорошо знающего Нэмэгэту, не нашлось. Цедендамба предложил найти его непосредственно в Нэмэгэтинской котловине, для того чтобы первично и скорее разыскать наиболее богатое «костяки дракона» место.

В сомоне было тесно, и мы решили проехать дальше, чтобы заочковать на свободе и в покое от любопытных, которых, конечно, было множество, в том числе и девушек, отпускивших какие-то непонятные нам шутки и смущавших этим скромного Данзана. Еще тридцать километров автомобильного наката оставалось нам проехать — дальше шло неведомое бездорожье.

Погода резко изменилась еще перед въездом в сомон. Амурые тучи повисли над черными конусами гор, зашумел холодный ветер. Мы обогнули продолговатую черную гору, гребнистую, как спина чудовища, и пошли на запад под вихрем неожиданно налетевшего снега. Этот внезапный переход от дневной жары к вечернему холоду поразила меня, и я с недоумением всматривался в летящие навстречу машине и крутящиеся повсюду снежинки. Вызывающе мрачным и темным стало все кругом, густой черный цвет гор еще более усиливал ощущение одиночества и угрюмости.

Но не успели мы проехать нескольких километров,

как снег перестал идти и на безоблачном небе снова засияло солнце, а снежная белизна на земле просуществовала не более четверти часа, бесследно испарившись.

Необыкновенно величественной показалась мне гора с юга — мрачная и тяжелая, почти кубическая глыба из исполинских пластов, которые наваливались, плющились, громоздились друг на друга и, казалось, лезли к небу в слепом старании подняться выше. Рядом стояли еще две такие же глыбы какой-то очень грубой титанической формы, словно обрубленные топором. Эти горы назывались «Три Чиновника». Удивительно чистое после снега голубое небо бросало яркий свет на обнаженные остро-ребрые скалы, покрытые блестящей черной корой пустынного загара, как будто облитые свежей смолой и отблескивавшие в лучах солнца тысячами черных зеркал. От этих зеркал отражалась дымка жемчужного света, окутавшая срезанные вершины. Снизу горы обрамлялись тускло-черным фоном задернованных осыпей. Никаких признаков жизни, даже заметной растительности не было видно вокруг.

Мы поднялись на небольшой перевал. Впереди растилалась волнистая равнина — размытая центральная часть складки, обрамленная с юга горами «Три Чиновника», с севера — хребтом Хана-Хере («Стена, гребень»). Равнина полого поднималась к западу. Там стоял огромный вулканический конус — гора Ноян-Богдо («Святой князь»).

С восточной стороны гора казалась срезанной по вершине и немного вкось по северному склону. По-видимому, там находился кратер. Когда мы подъехали к Ноян-Богдо с юга, приблизившись вплотную к ее подошве, то отсюда гора показалась совершенно правильным конусом с красиво закругленной верхушкой. Громов, Данзан и я поднялись по склону.

— Сколько базальтов кругом, — с довольной улыбкой оглянулся Громов.

— Это долериты, Иван Антонович? — спросил Данзан и, получив утвердительный ответ, задумался. Выяснилось, что геолог давно лелеет мечту написать большую работу о базальтах Монголии.

— В нашей стране так много базальтов. Настоящие вулканы возвышаются в плоских степях Дариганги («Крутой обрыв») в Восточной Гоби. В Хентее обнаружены недавно действовавшие вулканы. Огромные ба-

вальтовые поля простираются в долине озер, около Орок-нура и в Арахангае («Северный Хангай») — следы сильной вулканической деятельности. И здесь, взгляните! — Данза повел рукой, обводя все скопище черных холмов и гребней.

Ноян-Богдо, как и другие замеченные здесь вулканические конусы, располагался вдоль оси гигантской складки, в которую были смяты пласты горных пород. Конусы сидели не на самой оси, а смещались к северу от наклона складки. Все выходявшие здесь породы были совершенно открыты на поверхности — стопроцентная обнаженность, как выразился бы геолог. Земля как бы сама выставляла свои недра напоказ внимательному взгляду ученого, и подробное изучение местности сулило самые интересные открытия.

На вулкане Ноян-Богдо предстояло свернуть с автомобильного наката на полное бездорожье. Мы перебрались через небольшой хребет песчаниковых скал, похожих на ряды чьих-то смуглых скуластых лиц, и приблизились к хребту Хана-Хере, удивительно походившему на чудовищную стену, сложенную из исполинских глыб.

Несомненно, здесь проходил огромный и очень недавний сброс, который поднял эту стену над узкой долиной, а силы разрушения еще не успели расчленить хребет на ряд отдельных вершин, разрезав его поперечными долинами и ущельями. Разрушающие силы выветривания проявили себя еще только на гребне хребта — там размытой поверхностью песчаников образовала бесчисленные кубны, торчащие в небо гигантские пальцы, башенки, голоты.

Кажется, что с высоты стены на нас заглядывают, кривясь, какие-то рожи. Иногда клювы хищных птиц выступали с края исполинской стены, а вдаль, уже окутанное синей вечерней дымкой, продолжение хребта, очень похожее на спину чудовищного крокодила, покрытую загнутыми назад шипами. При всем том Хана-Хере не был покрыт такой блестящей черной коркой, как скалы «Трех Чиновников». Подтвердился рассказ проводника Цедендамбы о существовании в этом хребте гигантских зеркал скольжения, «отражавших всадника с конем».

Отвесный обрыв хребта во всю свою длину, вплоть до утопавших в синей дымке вечера дальних концов, казался матовым и серовато-желтым. Только в защищенных от прямого удара ветров изломах скалистых круч бурые,

почти черные полированные поверхности двухметровых зеркал скольжения четко выделялись на изрытых стенах песчаников. Странно было смотреть на собственное отражение в этом горном зеркале. Блестящая, с красными бликами вечернего солнца поверхность уходила бесконечно далеко в глубь каменного массива, а отражение как бы выступало вперед четким, бестелесным призраком. Сразу же приходили на память уральские горные сказы о тайных горных проходах, теремах «хозяек», открывавшихся только немногим людям. Несколько минут я стоял забывшись перед призрачной дверью внутри скал, поддаваясь странной тяге к таинственному коридору. Он вел, казалось, не только в глубину каменных масс земной коры, но и в бездны прошедших времен невообразимой длительности. Затанув дыхание, будто заглянув в запретное, я представил себе изменения лика Земли в ее геологической истории, записанной в слоях горных пород, но не в более древней астрономической, свидетельства которой скрыты в недоступных еще для нас глубинах планеты.

Слои осадочных пород, начавшие отлагаться со времени образования жидкой воды — Мирового океана, много раз подвергались необратимым изменениям. Незначительных молекулярных изменений вещества в глубинах Земли было достаточно для крупных, на наш человеческий масштаб, колебаний земной коры. Опущенные на несколько километров вглубь осадочные породы — песчаники, глины, известняки — от давления и нагрева превращались в кристаллические породы, по составу подобные гранитам, но сохранившие слоистость. Эти породы — гнейсы и метаморфические («превращенные») сланцы — слагают наиболее древний цоколь земной коры. Слои в них измяты, гофрированы и перекручены сильнейшим образом, свидетельствуя о передвижениях текучих масс. Свилсватость перемешанных в расплавленных стеклах красок является хорошей моделью расположения слоев в этих древних породах.

Отдельные участки земной коры то опускались, то вновь поднимались. В их чередовании моря и океаны перемещались по поверхности планеты. Атмосферные воды, падавшие на материки от испарения океанов, сливались в ручейки и реки, размывавшие поверхность материков и отлагавшие продукты разрушения в морях. И снова моря становились материками, и новые слои песков,

глин, и известняков накладывались за сотни тысячелетий на поверхность прежней суши.

А под древним гнейсовым цоколем земной коры то там, то здесь образовывались скопления радиоактивных элементов. Большие участки разогревались, расплавлялись, смесь расплавленных пород — магма — устремлялась вверх по трещинам и разломам. Так создавались вулканические очаги, громадные массивы застывших изверженных пород или обширные покровы изливавшихся их. Помимо процессов, происходивших внутри Земли, так сказать, внутренних, на формирование земной поверхности влияли космические, внеземные изменения. Затормаживаясь солнечным и лунным притяжением, Земля постепенно замедляла свое вращение. Пятичасовые сутки древнейших, догеологических периодов земной истории удлинялись и достигли современной продолжительности — 24 часов. Еще неизвестные нам причины меняли положение планеты относительно полюсов и экватора, соответственно перемещая и климатические пояса.

Солнце за миллионы веков тоже изменялось, пульсировало, то разогреваясь сильнее, то слегка ослабляя силу отдачи энергии в пространство. Характер излучения, разумеется, не оставался постоянным. Иногда преобладали ультрафиолетовые и фиолетовые лучи, иногда становилось сильнее излучение красной части спектра. Это немедленно отражалось на освещении и нагреве земной поверхности, так как атмосфера наиболее сильно задерживала лучи фиолетовой стороны спектра. Проницаемость атмосферы тоже не была всегда одинаковой, так как в разные геологические эпохи она обладала разным составом. Около трехсот миллионов лет тому назад в атмосфере было больше углекислоты, чем в настоящее время. Периоды разогрева солнца повышали испарение воды, атмосфера насыщалась ее парами и начинала задерживать лучи тепловой, красной части спектра. Наступал период охлаждения, совпадавший с повышенной влажностью атмосферы, что приводило к накоплению гигантских масс льда в полярных областях, и наступали периоды оледенения, несколько раз повторявшиеся в истории Земли, вплоть до четвертичного, в конце которого мы живем.

В сумме всех земных и космических перемен условия для жизни на поверхности нашей планеты все время подвергались неповторимым переменам, и сама жизнь следо-

вала им бесчисленной чередой разнообразных форм. Стоя перед странным горным зеркалом в центре Азиатского материка, я представил себе несколько картин прошлого Земли.

...Темные, почти пресные воды громадного океана, скрывшего на своем дне продукты разрушения необитаемых голых материков, плескались на месте Азии в протерозойскую эру. Тогда жизнь еще не выходила из моря на сушу — она ютилась в теплых и тихих заливах в своих простейших формах.

Плоскими и безжизненными оставались материки начала палеозойской эры, но в устьях рек уже зеленели первые пятна наземной растительности, а мхи и лишайники местами прикрывали первозданную голизну камня. Материки поднимались все выше в силурийский и девонский периоды, но здесь, в Азии, катились волны теплого неглубокого моря, переполненного водорослями и морскими животными. Гигантские пустыни дышали зноем на соседних материках, а в низменных прибрежных областях уже торчали громадными щетками первые безлистные леса. Море стало соленым. В чистой атмосфере солнце сияло, как в настоящее время в горах. Необозримые моря раскидывали свои сверкающие голубые дали. Еще более низкими стали материки в каменноугольную эпоху. Почти стерлась грань между мелким морем и низменной, заболоченной сушей. Исполинские пространства мрачных болот поросли густыми лесами. По всей земле началось накопление колоссальных запасов древесины, превращенной в уголь, и земная атмосфера потеряла значительную часть своей углекислоты.

Конец каменноугольной эпохи ознаменовался поднятием материков, совпавшим с разогреванием солнца, усиленное излучение которого насытило атмосферу водяными парами. Тысячелетия пасмурных дней привели к тому, что на поднимавшихся плоскими горбами участках земной коры стал накапливаться лед. Началось великое оледенение, центры которого, соответственно положению полюсов того времени, находились недалеко от современного нам экватора. К концу палеозойской эры — в пермском периоде — оледенение исчезло, хотя поднятие материков продолжалось. Снова в прозрачной атмосфере сверкало солнце, сжигавшее высокие плоскогорья материков, походивших по своему рельефу на современную Африку. В лагунах и отгороженных барьерными рифами

каналах отступивших морей выпаривались чудовищные массы соли и магнезиальных осадков — доломитов. На севере современного Азиатского материка продолжали существовать огромные низменные пространства, поросшие габолоченными лесами. Здесь продолжали отлагаться угли.

Высокие материки с окаймлявшими их глубокими океанами оставались и в начале мезозойской эры — в триасовую эпоху, от которой для той области Азии, где в настоящий момент находился я, не осталось геологических свидетельств. Здесь широко распространены отложения двух других периодов мезозойской эры — юрского и мелового, во время которых опять произошло опускание материков, частично затопленных мелководными морями. Жаркий и влажный климат способствовал развитию растительности на суше и богатству животной жизни в прогреваемых солнцем соленых морях или прибрежных болотах. Именно тогда появились гигантские ящеры — динозавры, за остатками которых мы пробирались сейчас в котловину Нэмэгэту... Эта мысль вернула меня к действительности. Нужно было ехать дальше, чтобы приискать удобное место для почлега.

История хребта Хана-Хере стала ясной. Уцелевшие вершины скопления, еще не разрушенные выветриванием, своей поверхностью склал, не покрывшихся «загаром пустыни», приняв, как ножом срезанная стена хребта — низ горами об очень молодом поднятии, крупном сбросе, происшедшем в совсем недавнее время, вероятно, в раннеисторические времена — несколько тысячелетий тому назад... Южные ступени хребта — исполинские «Три Чиншника» в их черной броне поднялись раньше, разрезав и отгородив с юга равнину Нэмэгэту, когда-то простиравшуюся до самой границы Китая и еще дальше на юг...

Равнина, тянувшаяся вдоль стены, кончилась. Вплотную подступили крутые обрывы. Нужно было спускаться в сухое русло — единственный путь через хребет.

Полуторки пошли довольно легко, но трехоска тяжело огрузла в песке, заполнявшем русло, и двигалась медленно, оставляя за собой две глубокие борозды. Рев мотора гулко отражался от черных скал, низкими уступами теснившихся к бортам русла. Черные полосы углистых сланцев и пачек угля прорезали серые склоны сумеречной долины. Мотор перегрелся, в кабине стало жарко, душный запах горящего масла насытил воздух.

Андросов с трудом выворачивал руль, направляя машину то на середину русла, где кустики караганы росли гуще, то пытаясь найти дорогу потверже у самого края скал.

Так мы двигались вниз по руслу около часа, пока не погасли верхушки угрюмых зубцов Хана-Хере. В левом берегу русла наконец нашли широкую долину с твердой почвой, на метр возвышавшейся над песками сухого русла. Эта элементарная предосторожность была не лишней в Гоби, где внезапные ливни порождают в сухих руслах потоки, способные перевернуть тяжелую машину.

Едва лишь остановились моторы, как в безмолвии мертвой долины стал слышен шорох ветра по сухой и жесткой траве. Вместе с темнотой подступал знобящий холод. Повар разжег костер, и веселое пламя широко осветило высокие щетки белесого дериса. Проводник Цедендамба, взобравшись на холм, молча всматривался в зубцы гор, еще четкие на светлом небе. Вернувшись, он протянул мне человеческий череп. Я всмотрелся в костяные черты, не скрывавшие свой монгольский характер, перевернул и посмотрел на зубы. Не больше двадцати лет... Как погиб здесь этот неведомый — от болезни или от жажды в пути?

Подошел согнувшийся от холода Орлов. Неумная любознательность ученого светилась в его глубоко запавших глазах. Мы стали удивляться поразительной безжизненности местности. Не то что зверя — ни птицы, ни ящерицы, ни насекомого. Ни признаков воды. Редкая сухая трава, клочками и пятнами, как на облезлой шкуре...

Мы стали спрашивать Данзана, но молодой монгол, будучи родом из Хангая, совсем не знал гобийских мест. Цедендамба не понял наших впечатлений. Проводнику казалось, что это место такое же, как и многие другие в Гоби, — не лучше, но и не хуже. Позднее мы сами убедились в этом.

Допоздна толковали геологи о громадной толще песчаников, углистых сланцев и конгломератов с прослойками углей, слагавшей «Трех Чиновников» и Хана-Хере. Толща достигала громадной мощности — не менее четырех-пяти километров — и пронизывалась пластовыми интрузиями и вулканическими конусами порфиритов и базальтов... Мы еще очень мало знали Монголию и решили условно отнести толщу к юрскому периоду по сходству с такими же толщами, описанными прежде в север-

ных районах МНР. Это заключение оказалось неверным, и нам же самим пришлось его исправлять при работах следующих лет.

Глава третья

КРАСНЫЙ ЛАБИРИНТ

*Хурхурогийн-хурэ («Монастырь водопада»)
спрятался высоко в горах,
и его стены не отличались
от откосов и обрывов крутых скал.
Но нашедший путь проникнет
в хранилище тайных книг —
источник древней мудрости...*

Предание

Утро опять одарило нас блеском ясного неба и легким морозцем. Уклон сухого русла стал заметнее, плотнее сделался песок, машины пошли легче. Стены скал по берегам русла стали высокими, долина превратилась в ущелье. Размытая поверхность скал образовала скопище притупленных столбов и конусов — причудливые фигуры выветривания, собранные толпой под влиянием яркого неба. Выше, у самого песка русла, в трещинах скал росли большие хайлясы — пустынные вяза. Деревья с сильно гнутыми стволами и широкими кронами, на которых почти не осталось листьев в это позднее время года, были одинаковой высоты и лепились к утесам правильными промежутками. Это создавало странное впечатление посаженной здесь, в недостаточном ущелье, аллеи, которая резко контрастировала с дикими формами гор. Внезапно за поворотом стены ущелья понизились и широко разошлись в стороны. Впереди в слабой дымке дали встала крутая серая и зубчатая стена другого хребта — центральная часть хребта Нэмэгэту — массив Гильбэнту («Сверкающей»).

Мы подошли к выходу из ущелья в таинственную котловину Нэмэгэту, не посещенную ни одним геологом. Только Потанин и спутники Козлова пересекли котловину по старой караванной тропе, но не оставили никаких примечательных описаний этой местности.

Узкая струйка сверкающей чистой воды зменлась по песку сухого русла. Она внезапно возникала где-то

под скалой у правого склона, пробегала наискось, отмечая свой путь свежей зеленью низкой травки, около ста метров и исчезала в рыжей глинистой почве с выцветами соли, за которой вниз, в котловину, насколько хватал глаз, тянулся тот же бесплодный и мертвый серый песок.

Мы напились холодной, вкусной воды, налили бочки, долили радиаторы. Теперь до хорошей воды могло быть очень далеко или же колодцы могли оказаться недоступными для машин — поэтому нельзя было пренебрегать ни одним лишним литром запаса. Форсируя моторы, мы поднялись на крутой склон долины и выбрались на бэль северного склона хребта Хана-Хере, образовавшего южный борт котловины Нэмэгэту. Грозный рев машин, впервые проникших в котловину, пронесся по безжизненным кочковатым пескам, рывинам и увенчанным шапками темно-зеленых колючек буграм далеко, к центру впадины, занятому барханами движущихся песков и зарослями векового саксаула. Второй массив, еще более высокий, зубчатый и угрюмый, показался левее, то есть западнее Гильбэнту. Это был Нэмэгэту, у подножия которого где-то находилось большое кладбище «костей дракона».

Обширные желтые и красноватые пятна гобийских отложений ясно виднелись сквозь туманную дымку в размывах и обрывах у подошвы Гильбэнту и Нэмэгэту. Еще далеко было до полудня, но котловина встретила нас тяжелым зноем. Не верилось, что вчера в лобовые стекла наших машин бил снег. Однако в тени за машиной в моменты остановок чувствовался холод, не позволявший снимать ватник. В чистом осеннем воздухе котловина просматривалась на большое расстояние. Бэль, по которому мы ехали, полого спускался к центру котловины. Там неправильными пятнами желтели бугристые пески с порослью древних саксаулов, на расстоянии казавшихся едва различимой темной щетинкой.

Весь хребет Нэмэгэту был перед нами: далеко на западе голубело ровное плато Алтан-улы («Золотая гора»), западной оконечности хребта. Широкое понижение отделяло от Алтан-улы невысокий гребень, а из-за него кулисообразно выдвигалась, простираясь к востоку до середины длины всей котловины и господствуя над ней, грубо зазубренная, крутая, но более ровная, по очерта-

нием похожая на опрокинутую лодку Гильбэнту. Там, где сходились борта котловины, далеко на востоке высокой пильчатой дугой высился массив Сэвэрэй и светло-голубой полоской чуть виднелся Цзолэн.

Все эти части хребта замыкали горизонт с севера и возвышались над котловиной на высоких бэлях, сплошь покрытых черным щебнем и задернутых дымкой струящегося воздуха от сильного солнечного нагрева.

Цедендамба направил машины вдоль южного края котловины по бэлю северной гряды хребта Тосту-нуру («Маслянистый»), не спускаясь к желтым полям песков на дне котловины.

Бесчисленные мелкие сухие русла и промоины пересекали наш путь. Местами уступая им, мы поворачивали вниз, в котловину, и выезжали на длинные гряды, тянувшиеся почти по дну котловины. Эти высокие гряды были покрыты красным мелким щебнем и галькой и хорошо держали машины, позволяя ускорять ход.

Мы вплотную приблизились к величественной горе с метким названием Хугшо («Памятник») — огромной пирамидой выдвинувшейся в котловину. Между геологами — Громовым и мною — разгорелся спор, вулкан ли это. Я отрицал утверждение Громова, ссылаясь на усложненный второстепенными отрогами нехарактерный для вулкана цоколь горы. Два года спустя выяснилось, что я был не прав — с высот Нэмэгэту мы усмотрели в трубу теодолита явственный кратер на западном склоне Хугшо. Скалистые длинные гряды черных пород тянулись параллельно друг другу вдоль южного края котловины, похожие на исполнинские ребра самой матери-Земли. Это были все те же песчаники, конгломераты и углистые сланцы с базальтами и порфиритами, покрытые сплошным пустынным загаром.

На небольшой остановке мы не растянулись, как обычно, на земле около машин, а медленно бродили вокруг, разминаясь. Холодный ветер мешал нашему отдыху. Орлов первый обратил внимание на блестящие мелкие камешки, изредка попадавшиеся среди черного щебня и очень ярко светившиеся на темной почве. Это были мелкие халцедоны, отполированные песком и ветром и похожие на кусочки льда, крупные слезы или жемчужины — в зависимости от поэтических вкусов собирателя. Все устремились искать красивые камешки. Это занятие увлекало, как сбор грибов, и сделалось на-

шим главным развлечением во время странствования по Монголии.

Но тогда мы еще не вошли во вкус. Большой энтузиазм вызвала находка профессором Громовым первобытного кремневого орудия — маленького скребка из стекловатого, прозрачного халцедона, такого же, как и те, что мы собирали между щебнем.

Короткий осенний день подходил к концу, когда мы подъехали к подошве скал на южном краю котловины. Огромная сквозная долина прорезала хребет, раздвинув горные гряды и разделив их плоским промежутком изрытой и рыхлой поверхности бэля. Мы въехали в небольшое сухое русло, обрамленное низкими серыми скалами. Проводник остановил машины, а сам отправился пешком вверх по руслу, и мы вслед за ним. Запах мочи и навоза возвестил о том, что поблизости стоянка скота и юрта, подъезжать к которой на машинах проводник не стал, чтобы не распугать скотину. Из юрты выскочили две женщины и девочка, сообщившие, что хозяин будет к вечеру.

Мы вернулись к машинам и стали устраиваться на ночлег. Объектов для исследования на этом унылом бэле не было. Мы с Громовым отправились к горам, осмотрели геологическое строение первой цепи и, не найдя ничего интересного, засветло вернулись в лагерь.

Эглон с таинственным видом отозвал меня в сторону. Как-то, уже давно, мы говорили, что каждой машине надо присвоить название — это будет гораздо удобнее в экспедиционном обиходе. Сейчас настал для этого удобный момент. Тайком от шоферов Эглон и Данзан подобралась к машинам и написали на потемневших от монгольского солнца бортах крупными буквами по-русски и по-старомонгольски имена машин. Полуторка осторожного Пронина была названа «Дзереном» — сам водитель был чем-то похож на этого изящного, быстрого и пугливого зверя. Полуторка Андреева, в соответствии с не всегда разумной бесшабашностью и быстротой водителя, украсилась надписью «Смерч». И, конечно, могучая трехтонка получила имя «Дракон».

Шоферы, занятые устройством ночлега, сразу ничего не заметили. Стемнело, мы расставили койки, приготовили все к завтрашнему утру, а тут появился и хозяин юрты Ансалмоо, — пожилой, остроглазый и худой, с резким носом гобийца и жидкой бородкой. Подбросили

саксаули и костер и при его свете быстро закончили переговоры. Ансалмоо брался подвести наши машины вплотную к месту, где находились «кости дракона». Это было очень важно для нас, так как, хотя мы отчетливо видели всю полосу распространения мезозойских красноцветов вдоль Нэмэгэту и отметили зоны наиболее сильных размывов, где легче всего обнаружить кости и изучить отложения, поиски доступного машинам пути через пески и пухлые глины, через промоины и саксаульные заросли дна котловины могли бы отнять много времени и, главное, повести к огромному расходу бензина.

Все быстро улеглось на койках вокруг машин, не ставили палаток. Где-то вдали, в котловине, глухо и грозно шумел ветер, но в глубокой промоине сухого русла было затишье. Мохнатые козы затопали около коек; слабый красный свет угасавшего костра выделял из темноты высокий борт машины, громоздившийся надо мной; небрежно свисавшие связки тента едва колыхались от неощутимого ветра. Сон не шел ко мне сразу — завтра должно выясниться многое, в том числе и самый успех экспедиции. Правильен ли был расчет, приведший нас сюда, в неисследованную область Центральной Гоби?

— Не спите? — окликнул меня Громов. — Я вот все думаю, что ждет нас завтра...

— То, что здесь находятся огромные массивы континентального мезозоя, — отозвался я, — в этом мы уже убедились. Значит, верно уже хотя бы то, что здесь все структурные единицы крупнее...

— И местонахождения, если они есть, тоже больше... — не то вопросительно, не то утвердительно сказал Громов.

— Дадут когда-нибудь эти окаянные геологи спать? — раздался недовольный голос Орлова.

— Будто бы так сразу и уснете? — преувеличенно изумился Эглон откуда-то из-за другой машины.

В самом деле, нельзя было мешать спать шоферам перед трудным завтрашним днем, и мы затихли, а затем как-то незаметно заснули.

* * *

Свежий запах полыни, резкий ветер, поразительно чистый прозрачный воздух встретили нас, едва мы выбрались из сухого русла на склон бэля.

Раскачиваясь и судорожно колотясь на бесчисленных промоинах и кочках, машины направились поперек впадины. Передовым, как обычно, пошел «Смерч» с новым проводником. С нашей задней машины было видно, как «Смерч» вертелся и вилял в поисках более легкого пути. Дымок пыли за ним сразу же срывался ветром и уносился вдаль, растворяясь в воздухе. Воздух сердито гудел в ветровых щитках.

Андросов округлил свои раскосые глаза, стараясь одной рукой плотнее застегнуть ватник, и повернулся ко мне:

— Что это такое — «дракон», Иван Антонович? — спросил он нарочито небрежным тоном.

Я объяснил, но старший шофер остался неудовлетворенным.

— Драконами раньше плохих людей звали, сволочь разную, городских, — буркнул он, еще сильнее морща нос.

Я сообразил и расхохотался.

— Вам название вашей машины не нравится, вот в чем дело! Ничего, дракон славный и могучий зверь, по старым монгольским и китайским поверьям...

— Какой же я дракон, — бурчал Андросов, — профессора, а забавляются пустяками.

К величайшему негодованию Андросова, очень скоро вся экспедиция называла его и меня, как едущих на «Драконе», драконами.

По мере спуска в котловину противоположный ее склон отступал и выполаживался. Крутизна предстоящего подъема — это обычный оптический обман для всех, кто находится в начале спуска. Но по мере того как уплощался и понижался бэля, хребет вырастал и все расширялись красновато-желтые пятна размытых мезозойских пород, все резче выступавших под чугунно-серой стеной хребта. Теперь это были уже не плоские пятна — в них четко обозначались крутые обрывы, ущелья, овраги, круглые останцы...

На дне котловины, спустившись с бэля на добрые триста метров, мы попали в древний саксаульник. Толстые, неимоверно перекрученные стволы почти лежали на песке и, круто перегибаясь, поднимали вверх частые безлистые ветки. Деревья более правильной формы сильно ветвились и росли раскидистыми кустами до трех, редко четырех метров высоты. Повсюду встречались

мертвые стволы засохших деревьев. Лишенные тонких ветвей, они угрюмо рогатились самыми разнообразными видами вил и рогов или покорно лежали на песке, отличаясь от живых деревьев своим чисто серым цветом. Даже толстые стволы выворачивались из земли и отламывались от корня от сильного пинка поги. Мы оценили это свойство саксаула, так как кругом был голый песок, не покрытый никакой другой растительностью, и машины стали «сидеться» — зарываться в песок по заднюю ось. Сопернически подброшенный ствол саксаула подвигал машину вперед на добрых два метра.

Несмотря на холодный ветер, мы изрядно взмокли, пока пересекли полосу песка на дне котловины Нэмэ-гуу. Подъем на противоположный склон тоже был тяжелым — черный щебнистый панцирь лежал на песке, и машины при подъеме сильно бороздили почву. Резина газонских покрышек, черная, с большой примесью сажки, рывилась при буксовке и снашивалась буквально на глазах. Еще большую опасность представляли мелкие щепки дробимого колесами саксаула — хрупкие, но очень твердые, они втыкались в резину протектора и постепенно вдавливались вглубь. Пришлось установить правило на каждой остановке тщательно осматривать покрышки и извлекать с помощью отвертки или клещей все кусочки саксаула и колючки. Теперь мы почти уничтожили проколы, вначале очень задерживавшие нас в пути по гобийскому бездорожью.

Твердые гребни мелких гряд позволяли двигаться свободно. К нашему несчастью, гряды шли параллельно одна другой, вкось направлению нашего пути, и мы снова и снова бороздили песок во впадинах между ними. От солнечного нагрева на обширных полях черного щебня воздух замутнел и заструился перед нами, скрадывая резкость контуров.

Несколько километров мы поднимались со дна котловины, пока наконец выбрались на плато с крупным щебнем. Под его чернотой просвечивала красная рыхлая почва. Далеко впереди виднелась глубокая промоина, а за ней в мареве нагретого воздуха появился город. Красные, оранжевые и желтые стены, углы домов и кубы, башни, узкие и высокие, низкие и широкие; купола, арки, ворота; ущелья улиц, просторы площадей — все это, то ветхое, полуразрушенное, то совершенно целое, простиралось с поразительной реальностью на десятки кило-

метров к скалам хребта и вдоль него — на восток и запад.

Трудно было отделаться от видения, и я поднес к глазам бинокль. В голубоватом призрачном мире стекла заструились и задрожали воздушные потоки, но за их неверным течением отчетливее выступили контуры красных стен. И город исчез — сложнейший лабиринт ущелий и оврагов предстал передо мною, их обрывы были размыты самым причудливым образом; действительно получались башни, шатры и ряды колонн. Товарищи притихли и только приглушенными голосами зывали друг к другу, прося передать бинокли.

Особенная, тревожная радость исследователя овладела мной. Широко раскинулась там, впереди, огромная площадь размывов — ведь в каждом обрыве, каждой башенке могли таиться невиданные еще сокровища науки. Этот громадный призрачный город был в самом деле полон тайны: сколько загадок науки тысячелетиями скрывалось в его лабиринтах... И как много сил и времени нужно на полное обследование! Хотелось бы сразу же, сию минуту мчаться на машинах прямо в глубину красных ущелий, бежать вверх и вниз по обрывам, жадными внимательными глазами обшаривая каждый метр склона, каждую гальку на дне промоины.

Увы, для систематической работы нужно терпение!

Несмотря расстались мы с чудесным видением. Машины повернули налево по плато и спустились в углубление. Город исчез из виду, и тяжелый песок опять замедлил наш путь. Наконец мы перебрались через низкий увал и попали в небольшую котловинку, обрамленную с востока узким руслом. За руслом поднималась высокая платообразная гряда, а в центре котловины стоял овальный останец красноцветных пород высотой не больше десяти метров, с плоской верхушкой. Орлов, Громов, Эглон и Данзан уже поджидали меня, окружив нового проводника.

— Все. Приехали! — крикнул мне Орлов и поджал губы, что означало у него сильнейшее волнение.

— Неужели здесь? — усомнился я. — Тут и обрывов-то нет...

— Ансалмоо говорит, что кости лежат и там, дальше! — махнул рукой на восток Данзан. — Но машины дальше идти не могут...

— Эй! — завопил Эглон.

Нетерпеливый латыш потихоньку отделился от группы и устремился к склону останца. Размахивая неразлучным ледорубом, Эглон указывал на склон останца. Мы побежали к обрыву. Прямо над нами из желтого глинистого песка торчала огромная кость. Эглон и я быстро добрались до нее, обкопали и вытащили конец. Разрушенный выветриванием, он не мог послужить для определения. Налицо огромные кости, но какие животные захоронены тут — исполинские пресмыкающиеся (динозавры) или громадные древние млекопитающие? В поисках доказательств мы рассыпались вдоль подножия останца, затем спустились в сухое русло. И тут повсюду из подмывов песчаника торчали кости, крупные и мелкие, белые или светло-серого, стального цвета, отлично сохранившиеся. Рабочие принесли кирки, Орлов с Эглоном принялись вырубать из песчаника большую кость. На дне ущелья солнце изрядно грело, мы обливались потом, стараясь скорее получить доказательство и установить, с какими животными нам придется иметь дело на том кладбище, которое, судя по виденному нами лабиринту красного «города», должно быть необычайно велико.

— Где вы там? — позвал сверху Громов. — Эх вы, палеонтологи! Кто это говорил — млекопитающие? А что что?

Профессор шумно скатился по крутому уступу и прогнул нам... превосходно сохранившуюся, будто вытасенную из супа фалангу — костную основу когтя хищного динозавра.

— Вот и вопрос решен! — в один голос воскликнули мы. — Там, где есть динозавры, нет млекопитающих.

Действительно, в эпоху жизни динозавров крупные млекопитающие еще не появились на Земле.

— А я и раньше знал, что здесь динозавры, — похвастался Громов, — у меня есть примета.

— Ну, и дурни, — спохватился я, — зубы!..

— Ну, конечно же, зубы, — отозвался Орлов.

Волнение заставило нас позабыть основную примету, по которой можно сразу отличить кладбище ископаемых млекопитающих от местонахождения пресмыкающихся. Самой прочной частью скелета млекопитающих являются зубы, построенные из сложных складок толстой эмали, в противоположность зубам пресмыкающихся. У этих ящеров, как бы они велики ни были, зу-

бы всегда просто устроены — в виде костного конуса, покрытого тонкой эмалью. Такие зубы на поверхности разрушаются очень быстро. У млекопитающих зубы при вымывании ископаемых скелетов на поверхность «переживают» все остальные кости. Поэтому на кладбище млекопитающих мы найдем на поверхности главным образом зубы, а пресмыкающихся — кости и только в редких случаях ничтожные обломки зубов. Палеонтолог, даже еще не приступая к раскопкам, уже по составу обломков костей, валяющихся на поверхности, «на черно» знает: с ящерами или со зверями имеет он дело, а следовательно — с мезозойскими или с кайнозойскими отложениями...

Нужно было приступать к настоящему, тщательно-му осмотру местонахождения.

Вернувшись к машинам, мы решили позавтракать, так как с утра, торопясь доехать, не поели. Затем распределили участки, чтобы не ходить по пятам друг за другом. Эглон и Орлов пошли немного наискось от останца — на северо-восток, Громов и Данзан — прямо вверх по промоине на север, а я взял направление на восток через высокий увал, загораживающий, по-видимому, красный лабиринт. Машины с людьми пока оставались на месте: потом, когда мы осмотрим местность и найдем наиболее подходящее для раскопок место, мы попробуем подобраться к нему поближе, чтобы не таскать на себе грузы...

Ветер подгонял меня в спину, все больше свирепея и продувая даже ватник. Однако шел я тяжело — на длинном подъеме как-то особенно чувствовалась высота, которая здесь, на бэле Нэмэгэту, достигала примерно тысячи семисот метров. Повар Никитин прошел правее меня, обогнал и скрылся за гребнем. Наш веселый повар оказался одним из самых страстных охотников за костями, хотя его малоподвижная профессия никак не давала бедняге развернуться. Перевалив через один увал, я увидел впереди еще такой же, только усыпанный более крупными многогранниками. Щебень с грохотом осыпался под ногами на спуске. Склон внезапно закончился отвесной стеной. На пятнадцать метров ниже находилось дно сухого русла, разделявшего два параллельных увала. Я заметался на сыпком краю обрыва в поисках безопасного спуска, но такого не нашлось. Левее оказалась узкая боковая промоина, в которую я

и спустился, вернее, свалился. Но падение затормозилось о стенки, песок внизу смягчил удар. Только взобравшись на вторую гряду, я увидел, что в полукилометре ниже по руслу склоны были гораздо положе. Но уж так бывает всегда, когда торопишься пересечь горную местность напрямик по намеченному направлению!

Странен и необычен был ландшафт, раскинувшийся передо мной. Я находился на уровне поверхности бэля, сплошь покрытой панцирем черного щебня и крупных черных камней, обточенных ветрами и песком в виде пирамид с острыми ребрами так называемых пустынных многогранников. Бесчисленные промоины и ущелья вскрыли породы, из которых состоял бэль, поэтому по черному фону змеились красные, оранжевые, желтые и серовато-желтые ущелья с отвесными стенами, а на дне ущелий лежали серые, голубоватые в дневном свете пески сухих русел. Растительности почти не было, не было никаких признаков животной жизни. Желтые и красные башни и колонны чередовались в рядах обрывов, уходивших на много километров на восток, к Гильбэнту.

Ветер назойливо шумел по давно обдутой до последней песчинки поверхности плато. Воздух был чист, и ясное, без единого облачка, небо еще сильнее подчеркивало безжизненное одиночество лабиринта, огражденного совершенно голыми серыми скалистыми кручами Чэмэгэту.

Слабый крик нарушил молчание, казавшееся вечным. Я увидел маленькую фигурку, карабкающуюся на гребень около угла котловины, намеченного мною для спуска. Это был повар. На плече Никитин тащил какой-то черный, несомненно, тяжелый предмет. Я ускорил шаги, и через несколько минут повар с торжеством опустил на землю передо мной двухпудовый кусок бедра громадного динозавра. Энтузиаст едва переводил дух и от подъема, и от веса своей находки. Всегдашняя улыбка сменилась буквально сиянием.

— Там много костей лежит,— показал он на промоину,— я как увидел, так сразу схватил эту и поволок к машинам. Какая громадина! Вот так кость...

— Вот что, Иван Николаевич,— серьезно начал я,— если вы хотите сделаться настоящим палеонтологом, то сразу и навсегда запомните такое правило... Да что там правило — закон! Если найдете что-нибудь, то никогда нельзя ничего трогать и тем более хватать отдельные кус-

ки. Сначала надо зарисовать, занумеровать, потом принять меры, чтобы не рассыпалось, и лишь после всего этого брать, тут же упаковывая... А так делать не годится — схватил первое попавшееся и понес.

Смущенный повар вытер пот и безропотно взвалил на плечо тяжелую кость...

— Пойдемте посмотрим, и я положу ее на место...

Мы спустились в ущелье с большим трудом. Как вынес отсюда повар свою добычу, карабкаясь по отвесной стене?

Плита — слой твердого песчаника — образовала в более податливых разрушению глинистых породах широкий уступ. На этом уступе лежало множество костей — широкие дуги громадного таза, толстые, как поленья, обломки костей конечностей, хищно изогнутые когтевые фаланги... Да, здесь была вымыта из породы задняя половина скелета громадного ящера. Но напрасно Никитин нес обратно громоздкую кость. Скелет весь рассыпался и был непоправимо испорчен выветриванием. Солнце, мороз, вода и ветер уже сильно разрушили лежавшие на поверхности кости. Вся плита была усеяна продолговатыми кусочками характерного светлосерого цвета, на которые, как на щепки, распадается ископаемая кость при выветривании.

Уступ песчаника выдвигался над узкой промоиной, круто спадавшей к дну котловины. Водоток промоины был усеян обломками костей, замытых весенними потоками в глину, теперь затвердевшую, как цемент.

Мы с Никитиным быстро спустились в котловину. Внизу стена западного увала оказалась состоящей из целого ряда выступов, кулисообразно заслонявших один другого до самого южного предела котловины, где высился похожий на нос броненосца конечный выступ вала. Та же плита твердого песчаника проходила посредине высоты обрыва, образуя ступень на двадцати метрах высоты над котловиной. Мы забрались на нее и пошли, огибая выступы. За третьим выступом бросилась в глаза грудка ребер исполинского динозавра. Смещенные с лежавшего под ними позвоночника, ребра громоздились, как куча хвороста. В склон уходили большие лопатки, а из плиты торчали высокие отростки гигантских позвонков. Дальше в промоине рассыпавшаяся хищная лапа еще топырила свои чудовищные когти. На следующем выступе в отломе песчаника выделялась белая челюсть с

кинжалообразными черными зубами, эмаль которых блещет, как у живого зверя, будто пробужденного от сна, длившегося семьдесят миллионов лет. В дне промоины и выносах в котловине белели и серели разломанные кости — позвонки, куски черепа, кости громадных лап.

Забыв обо всем на свете, я носился вверх и вниз по крутым обсыпавшимся склонам, наклонялся над темными оврагами, заглядывал под выступы плит. И повсюду, почти на каждом выступе, в каждой промоине, я видел новые и новые кости или части целых скелетов, а до конца котловины оказалось двадцать два таких выступа. Несметные научные сокровища были разрушены, уничтожены здесь тысячелетиями выветривания и размыва, пока они предстали перед взором ученого.

Но, конечно, еще большее количество остатков ископаемых ящеров скрывалось в глубине этих обрывов. Разрушенные скелеты не представляли большой научной ценности. Нужно извлечь совершенно целые кости от их коренного залегания в породе... Но так или иначе, нам удалось наткнуться на очень богатое место...

Я овладел собой, посмотрел на часы и превратился вновь в начальника экспедиции. Послав Никитина, как более «быстроходного», вперед себя к машинам, чтобы там успели собраться и подготовиться к переезду, я начал карабкаться на увал. За стеной увала было тихо и жарко, на гребне же ветер ударил в меня, как показалось, с особенной силой, холодя влажную от пота спину. Подниматься против сильного ветра было трудно, и я шел медленно. До машин оказалось довольно далеко.

«Что-то открыли Громов, Орлов, Эглон,— думал я, шагая по черным остроугольным камням,— ведь мною осмотрен только самый край юго-западной оконечности лабиринта. Сегодняшний день запомнится навсегда — по-видимому, мы нашли громадное кладбище динозавров...»

Я взобрался на последний холм и увидел маленький желтый останец и три стоявшие близ него машины. Люди окружили повара, а тот, неистово жестикулируя, показывал в мою сторону.

Очки Эглона усталились на меня.

— Ну, мы тоже нашли очень много костей в другой котловинке,— сказал латыш,— куда же поедем?

Из разговора выяснилось явное преимущество моей котловины, которая тут же получила название «Главной», так и оставшееся за ней, несмотря на то что в последующие годы мы вели раскопки в других местах красного лабиринта.

Останец, к которому мы подъехали, получил имя «Первого», новой котловине, открытой Эглоном и Громовым, дали имя «Северо-Западной».

Я пересел на «Смерч», и мы поехали назад, в объезд крутобережных русел, отделявших останец «Первый» от Главной котловины. На гребне первой же продольной гряды проводник остановил машину и объявил, что отсюда ему удобнее пойти домой. Я предложил Ансалмоо переночевать с нами. Завтра, когда разгрузим машины, его можно будет отвезти назад. Проводник покачал головой.

— Там внизу, в саксаульнике, стоит юрта, — сказал он. — Меньше пол-уртона — я к ночи дойду! Возьму лошадь и поеду прямо. Машины так не ходят...

Независимый гобиец порастил нас простотой обращения и полным безразличием к суровым условиям пустыни. Повязанный белым платком, он стоял высоко подняв голову, на худом, горбоносом лице играла слабая снисходительная усмешка. Мы не знали, как отблагодарить этого человека, оказавшего большую помощь нашей экспедиции. Теперь, когда мы видели, что представляет собою Нэмэгэтинская котловина, стало ясно: мы могли долго блуждать по ней в поисках доступного для машины пути к красному лабиринту. В следующем году выяснилось еще одно важное обстоятельство: костеносные породы здесь залегали только в юго-западном углу лабиринта, а вся его обширная восточная часть не содержала крупных скоплений ископаемых остатков. Без Ансалмоо мы могли бы подойти с восточной стороны и получить превратное впечатление о местонахождении, а стало быть, и успех экспедиции был бы иным. От платы сверх условленной проводник отказался. Но нам удалось все же уговорить его заночевать, выпросить, в чем он нуждается, и сделать ему хороший подарок.

Около десяти километров прошли мы в направлении на юго-восток, прежде чем смогли приблизиться к краю черного плато, спускавшемуся непосредственно в систему сухих русел «красного города». Склон плато был покрыт слабо заросшим песком. Пески с порослью сак-

саула и эфедры покрывали внизу дно впадины, избороженное еухими руслами с галькой. Саксаул обещал обильное и хорошее топливо. Из расспросов проводника выяснилось, что колодец находится неподалеку, в пятнадцати километрах вниз, в Нэмэгэтинской котловине. Договорились, что проводник завтра проведет туда нашу полуторку. Пока еще мы располагали двухдневным запасом воды, но раскопки и гипсование костей сразу требуют увеличенного ее расхода, который мы рассчитывали покрыть, используя опорожненные бензобочки для такой «технической» воды. Подошли остальные две машины, и все в колонии выстроилось в ряд на краю намеченного места для спуска склона.

Шоферы, обратился я к водителям,— смотрите, спуститься-то можно, а выберемся ли назад? Особенно вы в «Дракон», Василий Иванович?

— Если порожняком, то поднимемся,— ответил Андросов.

Порожние не будем. Наоборот, думаю, что загрузимся до предела.

Тогда не вылезем. Придется объехать там,— Андросов показал направо, где поодаль понижался высокий склон, погружаясь в бугристые пески с чащей саксаула.

Я взвесил мысленно возможности их преодоления, рассчитал, что в поездках за водой пустая полуторка легко поднимется напрямик, и сел в кабину «Смерча». Заскрипели тормоза. Андреев направил машину, где песок был поглубже, чтобы обезопасить крутой спуск.

Близко, вплотную к машинам, придвинулись отвесные стены с причудливыми выступами. Я жадно всматривался в них, ища кости, но ничего не заметил. Извилистый водоток, подмывавший стены, заставлял проделывать очень крутые пируэты. Наконец с большим облегчением я увидел, как слева всплыл над нами желтый высокий мыс, похожий на нос броненосца — конец заднего увала Главной котловины. Он заслонялся с юга овальным холмом, поэтому мы не могли его увидеть издали. Еще один крутой изгиб русла вокруг этого холма, и мы оказались в Главной котловине. Тотчас же я послал две пули в обрыв, и громовое эхо возвестило товарищам, ждавшим на распутье у трех притоков, что они могут идти по нашему следу.

Я отчетливо представил себе, как будет браниться

Андросов, выписывая все наши повороты своим длинным «Драконом».

Нужно было выбрать место для лагеря. Дно котловины оказалось изборозженным поперечными промоинами, разделившими всю площадь между руслом и костеносной стеной на ряд параллельных нешироких грядок.

Извилистым путем по грядкам мы добрались до третьего выступа, считая от северного конца котловины. Нашлась широкая грядка, лучше защищенная от ветра, и глубокая промоина в стене для укрытия кухни. Мы начали выгружаться. Солнце уже заходило, все проголодались, а надо еще успеть приготовить обед и устроить лагерь.

Подошел «Дзерен», из него вылезли повар и Громов. «Дракон» остановился поодаль. Озлобившийся и вспотевший от трудной дороги, Андросов присоединился к нам. Поискав подъезд, мы с ним поставили «Дракона» в уютную долинку между пятым и шестым выступами. Здесь бензин при любом ветре находился в безопасности от искр, которые могли долететь из лагеря.

И вот на черной щебенке с редкими сухими кустиками караганы выросло временное жильё одиннадцати человек. Две палатки, фанерные щиты для кухни, стены ящиков с продуктами, гипсом, гвоздями и другим снаряжением, тюки с бумагой и ватой, деревянные бочонки с водой, доски для монолитов — все это придало неестественно жилой вид мрачному углу безжизненной котловины. Мы рассчитывали пробыть тут несколько дней и поэтому устраивались с удобствами. Поставили железные печки в обеих палатках, прикрепили проволочные подсвечники к палаточным шестам.

После сытного обеда, вернее ужина, в палатке показалось жарко. Я набросил ватник и вышел. Последние проблески зари потухли, в свете ярких звезд непроницаемая стена Нэмэгэту торчала вверх грубыми зазубринами и винзу неразличимо сливалась с поверхностью плато. Посреди котловины, точно слоны, зловеще темнели два останца. Один, в самом центре, получил наименование «Центрального», другой — ближе к юго-восточному краю — называли «Большим».

Я прошел до конца грядки и остановился над подмывом сухого русла. Красный огонь костра багрово отсвечивал на окружавших скалах. Верхняя часть обрыва тонула в густой тьме. В третьей, считая от «кухни», про-

моние неясно громоздился «Дракон». Андросов что-то делал в кабине, и ее стеклянный домик странно светился среди диких скал. Еще слабее просвечивали палатки, сделанные из темной материи, но эти тусклые огоньки вместе с дымом, поднимавшимся из двух железных труб, создавали впечатление уюта и жизни здесь, в затерянной котловине, на краю огромного лабиринта безводных ущелий и безмолвия широкого простора впадины Нэмэгэту.

— Лишь путешественник, подолгу остающийся наедине с пустыней, может по-настоящему оценить эти крохи человеческой жизни, жилья, работы, только что возникшие у подножия желтых стен.

Андросов зачем-то зажег сильные фары «Дракона». Два снопа света пронеслись над котловиной, задели обрыв «Центрального» останца и, потускнев, легли на дальние склоны восточного лабиринта. Электрический свет впервые от сотворения мира загорелся тут, и я подумал, что при будущих больших раскопках мы, пожалуй, устроим здесь переносную электростанцию. Фары потухли, мрак как-то особенно уплотнился, стало очень холодно... Я вернулся в палатку.

Перед сном Громову и мне пришлось порядком помучиться, как не раз уже в этом пути, после высоких перевалов или большой ходьбы по горам. За многолетние путешествия в трудных условиях, требовавших громадного физического напряжения, у обоих сердца были изношены. Мы всегда задыхались здесь, на высоте, едва только вытягивались на постели. С завидной безмятежностью спали Орлов и Эглон, а поближе к входу, за печной трубой, свернулся наглухо закупоренный в мешок и два полшубка наш зябкий Данзан...

Пять последующих дней прошли в непрерывном лазании по обрывам и в раскопках костей... После того как мы с Орловым горевали над рассыпавшимся скелетом гигантского двуногого хищного ящера — тираннозавра, нам удалось обнаружить, что некоторые кости уцелели в необрушенной стенке обрыва. Песчаник с прослойками конгломерата оказался довольно твердым, но мы упорно долбили его. Открылся почти полный череп, позвонки, челюсть и зубы громадного хищника с белыми костями замечательной сохранности. Этот череп сейчас украшает зал Палеонтологического музея Академии наук. Но никто из посетителей музея и не подозревает, какого труда

стоила добыча этого черепа первооткрывателям Нэмэгэту.

Обрубленная со всех сторон глыба серого грубого песчаника нависала над нашими головами на семиметровом обрыве. Глыба была так тяжела, что соединенные усилия всего нашего отряда не могли бы удержать ее от падения, означавшего гибель ценной находки. Осторожно отбивая маленькими кусочками породу, мы отняли группу громадных шейных позвонков хищника, левую челюсть и два ребра. Вес глыбы уменьшился до полутонны, но все же тяжесть осталась опасно большой.

Эглон, опираясь на наши плечи и подтягиваемый вверх с уступа обрыва на руках, сумел залить открытые кости черепа гипсом, обмотал глыбу травой и тряпками. Теперь на эту мягкую оболочку можно было накрутить веревки, закрепить их за вбитые сверху ломы и подрубить породу под глыбой. Отделенная от скалы тяжесть была тихо спущена прямо на мягкую подстилку на дне крепкого ящика, установленного в специально вырубленной в глубине промоины выемке. Из соседней промоины была извлечена полная челюсть травоядного динозавра с утиным носом — зауролофа, в которой превосходно сохранились все ее пятьсот зубов.

Побывали мы и в Северо-Западной котловине, где выдолбили из трехметровой отвалившейся плиты конгломерата таз, позвонки и задние лапы маленького хищного динозавра. Эглон и Громов показали мне изогнутый горбом позвоночник крупного ящера, который выходил из песка в дне одного из многочисленных мелких оврагов. Вопреки скептицизму Громова мы с Эглоном пришли к заключению, что ниже в песке должен залегать скелет. Однако на то, чтобы выкопать его, не было ни времени, ни сил. Отметив «горбатый позвоночник» на плане обследованной части лабиринта, мы оставили его в покое. Находки все учащались. Громов, лазавший по обнажениям с утра до темноты, нашел на крутом обрыве целую маленькую черепаху. Отважный профессор вывихнул ногу, но расчистил находку и, отчаянно хромя, привел сюда Эглона, который заключил черепаху в гипсовый футляр.

Повар Никитин выбыл из числа «охотников» за костями: надо было кормить вечно голодную компанию. Едва брезжил рассвет, как в холодных сумерках поздней осени загорался огонек кухонного костра, спрятан-

ного в глубине овражка. Слышно было, как закоченевший повар крихтел и разминался и, отогревшись, начинал возню. Тянуло аппетитным дымком жарившихся оладий. Через полчаса повар устраивал побудку: «Научная сила, кончай почевать!» В соседней палатке слышалось: «Эй вы, драконы, дзерены, пироги поспели!» — и лагерь пробуждался.

Зато Андросов, сначала относившийся к общему палеонтологическому воодушевлению недоверчиво и с оттенком презрения, поработав на раскопках, неожиданно пристрастился к поискам ископаемых. Старший шофер был индивидуалистом и ходил всегда в одиночку. Удальчивость его была анекдотична. Однажды вечером, греясь у печки в палатке, мы подводили итоги находкам, и я посетовал, что до сих пор никто не нашел самых больших ящеров — зауропод. Бедренная кость такого ящера почти в четверть тонны весом была бы хороша для музея...

Заинтересованный Андросов попросил подробно описать вид такой кости, забавно сморщил свой короткий нос и затем, лукаво прищурившись, объявил:

- Завтра найду!

Все присутствовавшие подшучивали над Андросовым, но он был невозмутим. На следующий день мы — Орлов, Громов, Данзан и я — отправились на исследование северной части лабиринта, поближе к хребту.

Эглон оставался в Главной котловине и бродил с рабочими от находки к находке, гипсуя, проклевывая, упаковывая. Я пошел в сопровождении Пронина, который внезапно наткнулся на скелет черепахи в ярко-желтых косослоистых песках наверху невысоких склонов Северо-Западной котловины. Мы раскопали мелкие белые косточки с острыми когтевыми фалангами — переднюю лапу черепахи. Действуя раскопочными ножами, мы очистили в глубине обрыва еще лапу и часть панциря, четко выделявшиеся на оранжевом песке. Приятно было смотреть на увлеченного работой Пронина — искусные пальцы механика любовно очищали, метили, заворачивали в бумагу хрупкие кости. Пронин работал так, как будто всю жизнь только и занимался выемкой ископаемых костей, и я подумал, как много значит интерес к работе. Для человека с живой душой, интересующегося работой, легко научиться любым производственным навыкам и стать мастером разных дел, в то время как

равнодушные люди часто оказываются тупыми учениками и, обучившись чему-нибудь, считают это великим достижением.

Уложив находку в рюкзак, мы прошли до конца котловинки — «тупика» из обвалившихся громадных глыб конгломерата, в котором днем раньше сделали несколько интересных находок — остатков мелких хищных динозавров. В подмыве узкой перемычки между двумя расширениями ущелья мы заметили торчавшие из глинистого песчаника черные зубы — ножевидные, с пильчатой нарезкой по краю: они принадлежали хищному ящеру. Отсюда мы добыли передний конец челюсти и направились к востоку, поперек больших оврагов. Скоро мы спустились в глубокое ущелье — каньон, шедший прямо от подножия хребта. Таких ущелий здесь было три, параллельных одно другому и разделенных высокими платообразными грядами. С запада на восток стены ущелий становились все выше, а водотоки — шире. Мы назвали каньоны «Малым», «Средним» и «Большим» и принялись изучать их обрывы снизу, передвигаясь по дну ущелий. Странные формы выветривания выступали в крутых желтых стенах. В каждом ущелье они были свои, повторявшиеся без конца на большом расстоянии, что создавало почти тревожное впечатление архитектурной ценности, осмысленно устроенной человеком. В Среднем каньоне преобладали громадные столбы, сужавшиеся кверху и выстроившиеся, как ряды высоких бочек, по пятнадцать метров высоты. В Малом ущелье стены были изукрашены точеными столбиками со вздутиями и перехватами в ложнорусском стиле.

В Большом каньоне поражали правильностью и сложностью своей отделки бесконечные ряды индийских колонн, уходившие в теневую глубину ущелья, а за следующим, залитым солнцем поворотом вся стена казалась усаженной как бы большими песочными часами, впадинки между которыми создали на ней сетку из теневых черных треугольников.

Пробираясь по дну Среднего каньона, я заметил глыбу конгломерата, упавшую сверху и расколовшуюся на несколько частей. В глыбе оказался скелет гигантской черепахи, почти в метр длиной, какого-то нового вида. Я призвал на помощь Эглона с его рабочей бригадой, состоявшей из «батареяца», Ильи и Павлика. Скоро Павлик, умело распорядившись, заворачивал куски

панциря в несколько слоев оберточной бумаги, а Жилкин и Иванов подбирали мельчайшие кусочки костей на дне сухого русла. Я наблюдал за всей компанией с высоты обрыва. Сердито хмурая тонкие брови и сверкав раскосыми глазами, Павлик заставил товарищей собрать все кусочки до последнего. Только с большим трудом удалось им вынести находку в заплечных мешках, карабкаясь на отвесные кручи.

Горы словно разгневались на нас за потревоженное кладбище драконов, огромные размеры которого с каждым днем становились все яснее для нас.

Начали бушевать страшнейшие ветры. Днем и ночью дули они без перерыва, острыми иглами кололи лицо песком на раскопках, рвали и трепали палатки, ночью не давали топить печки. Пришлось оборудовать у печных труб дополнительные выходные колена.

Особенно неистовствовал ветер на раскопках. Заметая глаза песком, он невыносимо мешал работать. Каждый взмах лопаты, каждый удар кирки или молотка отзывался горстью песка или кусочков камня, с силой брошенных в лицо. Защитные очки из-за плохого качества стекол не позволяли делать в них тонкую работу, и их приходилось снимать.

Наши молодые рабочие безропотно переносили все невзгоды и старались изо всех сил. С рассвета до ранней осенней ночи молодежь долбила кирками неуступчивые песчаники древнего кладбища ящеров, рылась, размешивала гипс, пилила доски. Уставшие донельзя, после ужина ребята забирались в свою палатку и мгновенно засыпали. Вечернее пение, шутки и музыка временно прекратились. Из-за ночного холода все койки в палатке рабочих были сдвинуты вместе и завалены грудой теплой одежды — ватниками, кошмами, козьими дохами. Палатка, занесенная песком и пылью, закопченная дымом, превратилась в мрачную берлогу, но у меня не хватало духу заставить героически трудившихся, измученных ребят навести порядок. Скрепя сердце я примирился с этим до окончания раскопок.

В нашей палатке было пять человек: Орлов, Громов, Данзан, Эглон и я. Каждый облюбовал себе место, которое затем при всех переездах соблюдалось свято. Койка Громова стояла у боковой стѐнки напротив моей, и мы вели через койку Орлова жаркие геологические споры. Больше всего споров вызывало происхождение

ние каменного панциря гобийских пустынь. Я твердо отстаивал взгляд, что панцирь образован щебнем как продуктом разрушения горных массивов, окаймляющих гобийские впадины.

Громов утверждал, что панцирь состоит из щебня только в отдельных случаях, а в основном обязан размыву меловых и третичных конгломератов и поэтому представлен галькой. «Галька» и «щебень» доставили немало веселых минут нашим товарищам, с интересом следившим за спорами и «подбавлявшим жару». Не обошлось без намеков на тугодумие геологов, занимающихся палеозоем (моя геологическая специальность), на что я отвечал о сходстве мышления четвертичников с неандертальским (первобытным) человеком.

Сегодня спор был прерван появлением Андросова в дохе, проползшего на коленях в полузастегнутое отверстие входа.

Шофер посмотрел на меня с победной усмешкой и выждал, пока все умолкли.

— Нашел вот такую костищу,— Андросов отмерил ребром ладони по койке чуть не всю ее длину.

— Вот,— воскликнул Орлов,— у кого надо учиться искать кости!

— Ладно, завтра посмотрим,— нехотя пробурчал Эглон, ревнивый к находкам, принявший неслыханный успех Андросова как личное для себя оскорбление.

Мы вставали с каждым днем все раньше. Дни летели с удивительной быстротой. Мы делали находку за находкой, и возрастала неумная жадность палеонтолога, старающегося забрать все, что по силам и не по силам.

Завтра наступал октябрь. Хотя мы открыли громаднейшее местонахождение, но прошли еще только половину западного маршрута. Впереди был Ширэгин-Гашун, а затем перебазировка в Восточную Гоби. Кроме того, я мечтал посетить район горы Арца-Богдо («Можжевельная Святая»), чтобы проверить исследования американской экспедиции. День, два — самое большое, и нужно кончать...

Порывы ветра, трепавшего палатку, становились злее. Мы надежно завалили ее полы камнями со всех сторон, и песок не проникал к нам со стороны ветра. Только около входа крутился туман песчаной пыли. Пламя умирало в печке, от холода начали стынуть руки. Данзан, необыч-

но для стойких к холоду монголов, зяб так же, как и Орлов. Оба они скрылись с головами в спальных мешках, откуда показывались по утрам только после того, как затапливалась печка или солнце слегка обогревало палатку. Громов поднял очки на лоб, втянул голову в плечи и что-то писал в полевой книжке. На койке, стоявшей у самого заднего полотнища, беспечно высунулся из мешка храпящий Эглон. Пятидесятивосьмилетний латыш не боялся ни холода, ни жары и по здоровью был, пожалуй, из всех нас, молодых и старых, самым крепким.

Странный шелестящий шорох раздался снаружи. Громов поднял голову, прислушиваясь.

— Подбросьте дров, снег идет,— вдруг глухо сказал из мешка Орлов.

— Как вы услышали в мешке? — спросил я, просунув два толстых куска саксаула в печь.

Орлов пробормотал что-то невнятное. Я расстегнул вход и высунул голову. Лицо сразу же обожгла холодная и сухая снежная пыль. Клинышки и полоски снега, наметенного за бугорками, испестрили черноту щедня...

Наутро вода замерзла даже в бочках. Неработавшие «Дракон» и «Дзерен» все время стояли без воды, а со «Смерча» вода сливалась каждую ночь, так как давно уже были ночные заморозки. Поэтому мороз не причинил нам вреда, а снег испарился через час после солнечного восхода. Но все же он напомнил нам о необходимости продолжать путь...

Эглон в сопровождении неизменного «ассистента» Павлика и «батареяца» Иванова и я под предводительством Андросова направились смотреть громадную кость. Андросов повел нас на другую сторону высокого увала, обрамлявшего котловину с запада. Мы взобрались на гребень и стали спускаться по его крутому западному склону. Выступы плит песчаника казались удобными естественными ступенями, но на самом деле были опасны, так как состояли из ломкого камня. Я шел за Андросовым и был уже на середине склона, когда услышал сзади шум катящихся камней.

Обернувшись, я оцепенел от неожиданности: Эглон летел, широко расставив руки, вниз головой по склону. В нескольких метрах ниже склон обрывался отвесной стеной в сухое русло, и у меня мелькнула мысль о гибели старого товарища. Но Эглон задержался на

ничтожном выступе песчаника в двух метрах от бровки обрыва и поднялся невредимым, даже не разбив очков. Правда, ушибленная рука потом долго у него болела, но не помешала работать так же энергично, как и раньше.

Напуганные происшествием, мы стали подвигаться осторожнее.

Спустились на самый край обрыва, нависший над руслом. Здесь, наискось уходя в песчаник нижним концом, лежала огромная белая кость, расколотая на четыре куска. Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы признать бедро зауропода, то самое, о котором мечтали мы позавчера. Оно было больше, чем бедро скелета громадного диллодока, слепок которого стоит в нашем Палеонтологическом музее. Самоуверенность Андросова оправдалась...

С большим трудом мы вытащили куски кости на гребень, откуда их должны были донести на руках до лагеря рабочие. Я прошел немного дальше по бровке обрыва и обнаружил в песчанике две бедренные кости утконосого динозавра, а Эглон нашел третью. Мы решили отложить их выемку на следующий день, а сегодня проехать на «Дзерене» вдоль края плато бэля за останец «Первый», чтобы взять несколько находок Эглона. Громов с Данзаном поехали на «водяной» машине к колодцу, чтобы осмотреть красные отложения ниже бэля. В Северо-Западной котловине ветер был еще сильнее, чем у нас в Главной. Помогая Эглону, я рубил большим зубилом песчаник, оконтуривая кости, а Орлов заворачивал пакеты, яростно борясь с ветром, рвавшим из рук бумагу.

Мы провозились в котловине до сумерек, едва-едва успев окончить работу, и быстро понеслись назад. Съехали вниз в сухое русло по следу «Смерча», но этот след вел поперек русла, и мы попали куда-то в восточную часть лабиринта. Как выяснилось потом, сюда приехали Громов и Данзан на обратном пути от колодца.

Стемнело. Мы попытались найти нужное русло, но без успеха. Я распорядился вернуться знакомой дорогой назад, выбраться наверх, на плато, и оставить там машину до утра. Сами же мы пешком напрямик должны были быстро пройти к лагерю. Однако, пока возвращались, наступила полная темнота осенней безлун-

ной ночи. Тут-то, как говорят буряты, и «получилась беда».

Ориентироваться в лабиринте обрывов и ущелий оказалось невероятно трудно, хотя мы и знали точно направление к лагерю. На черном плато не было видно почвы на расстоянии шага. Внезапно Орлов и Пронин покатились с пятидесятиметрового обрыва в черную пропасть ущелья и лишь случайно удержались на краю, вцепившись в какие-то кустики. Это деморализовало всех. Теперь мы двигались, приготовившись ко всему. Особенно было неприятно спускаться ощупью с крутых и высоких обрывов, судорожно нащупывая под собой опору, или искать пути, упершись в отвес противоположной стены ущелья...

В лагере вспыхнул свет — Андросов зажег фары «Дракона», донеслись выстрелы. Там явно беспокоились о нас и показывали направление, но оно было и так нам известно. Нужны были фонари. Мы пытались искать путь при мгновенной вспышке спички, сразу гаснувшей на свирепом ветру. Я оступился в промоину и ободрал бок. Позади раздался тупой удар падающего тела и болезненное ворчание. Мы перешли уже третье ущелье, и до лагеря оставалось километра два — по нашим темпам не меньше чем полтора часа пути. Бесчисленные ямы и промоины измотали нас окончательно. Тут подоспела подмога: «батареец», а за ним Андросов прибыли на наш голоса с фонарями. Много ли света от простого карманного фонарика с батареей? Однако этот свет сослужил прямо-таки неоценимую службу — мы перестали падать, страх миновал. Быстро был преодолен самый крутой спуск, и через полчаса мы были в лагере, но потом еще долго переживали случившееся.

К часу дня второго октября мы погрузили все тщательно упакованные коллекции и убрали лагерь. Больше двух с половиной тонн интереснейших находок мы увозили из этой безвестной котловины. Но ценнее всех находок было само открытие этого громадного кладбища динозавров: теперь, после тщательного обследования части красного лабиринта, мы знали, что множество скелетов залегает здесь в глубине обрывов с очень хорошей сохранностью костей, внешне напоминавших современные кости, выбеленные для анатомических кабинетов.

Глава четвертая
ОСТАНЕЦ ЦУНДЖ

*Что такое три далеких?
Солнце спящему далеко,
дом далек коням усталым,
новый год далек для бедных.*

Загадка

Три мотора опять наполнили громом Главную котловину. Орлов, складывавший на месте лагеря обо из позвонков динозавра, заторопился в машину. Предстоял подъем на крутой песчаный склон. Полуторки были тяжело загружены, а «Дракон» по-прежнему нес бремя бензовоза. Неистово заревел мотор «Смерча». Андреев, недолго думая, кинулся на штурм склона. Мы следили, как ползла вверх его машина, все круче задирая нос, и ход ее становился все медленнее, несмотря на отчаянную «газовку». Мотор сдавал, угрожая заглохнуть. Затаив дыхание, мы смотрели вверх.

Машина едва двигалась, но и до бровки было совсем близко. Еще немного — и передние колеса перевалили. Машина вылезла! Торжествующий Андреев выскочил из кабины и призывно замахал руками.

— Ладно что обошлось, — проворчал Пронин, — я так не пойду, очень круто. Ведь у него передние подшипники в моторе с минуту были совсем без масла. Еще чуть, и подплавил бы...

Шофер сел в кабину. «Дзерен» медленно пошел наискось по склону и вылез легче, чем «Смерч», но с опасным креном — под обрыв.

— Хрен редьки не слаще, — мрачно сморщился Андросов. — Поехали!

С лязгом включился понизитель. «Дракон» устремил свой тупой нос в песчаный склон и... зарылся по ось.

Вторая и третья попытки оказались безрезультатными — мы достигли едва трети высоты склона. Сверху сбежали все на подмогу, но Андросов махнул рукой и повернул «Дракона» вниз по руслу.

Около пяти километров проехали мы вдоль склона, пока он понизился и мы нашли подходящую ложбину. Пришлось подкладывать доски, чтобы тяжелый «Дракон» вышел из рыхлого песка, пересек саксаульник и выбрал-

ся наконец на плато бэля. Каждая машина везла с собою по две толстых доски на раме под кузовом. Это простое приспособление давало возможность преодолевать очень трудные препятствия...

Полуторки ждали нас на месте подъема. Мы с Андросовым порядочно запарились и объявили перекур.

Попыхивая козьей ножкой, я рассматривал красный лабиринт Нэмэгэту, снова расстилавшийся передо мной как на ладони. Но теперь его тайна была раскрыта. Правда, еще тысячи обрывов остались неосмотренными — далеко к самому подножию хребта и на восток шли одна за другой желто-красные стены. А вдали едва просвечивал сквозь туманную дымку и совсем неизведанный остров желтых пород у подножия Гильбэнту. На западе у Алтан улы — еще один. Монголы рассказывали, что там и там встречались кости. Как много нужно осмотреть! В будущем предстоит огромная работа, прежде чем определишь наиболее выгодное для раскопок место. Да и кто знает — может быть, у Гильбэнту или Алтан-улы выходят другие горизонты, с другой фауной?

— Вот это местонахождение! — Орлов торжествующе показал на лабиринт.

— Первый раз я в такой стране, — шутиливо развел руками Громов. — К обнажениям здесь геологу придется не вверх лезть, а спускаться вниз, точно в преисподнюю.

Данзан, Орлов и я дружно расхохотались. Действительно, в гобийских межгорных впадинах все вскрытия красноцветных пород образовались за счет глубокого размыва бэлей — этих постаментов горных хребтов. Силы размыва — ливни, снеговые потоки — промыли в бэлях глубокие лабиринты оврагов и ущелий, куда с поверхности бэля нужно было спускаться, подчас рискуя рухнуть вниз с крутых и рыхлых стен. А кругом простиралось черное щебнистое плоскогорье бэля, в котором эти размывы зияли, как глубокие красные раны.

Машины пошли вдоль края Нэмэгэтинской впадины по бэлю, держа курс прямо на запад. Весь остаток дня справа тянулись желтые обрывы, прерывавшиеся громадными конусами выносов. Низкий саксаул дробился под колесами; два раза останавливались менять баллоны то на одной, то на другой машине. Миновали островок

странных пород — туфовые песчаники, покрытые пузырчатой коркой железистого натека со стволами окаменелых деревьев, местами обожженные лавой, следов которой поблизости не нашли.

Утесы туфовидного песчаника были усажены удивительными щетками из тугозакругленных песчаниковых сосуллек. Конечно, это были не сосульки, а не поддавшиеся выветриванию участки плотно цементированной породы. В песчаниках оказалось множество мелких халцедонов — свидетелей размыва базальтового покрова, некогда простиравшегося здесь. От халцедонов большая площадь песка перед утесами приняла красивый жемчужно-серый цвет.

К третичным отложениям относились видневшиеся в стороне обрывы серых песков, прикрытых крепкими белыми мергелями с толстым слоем из мелких, тоже белых известковистых конкреций. Конкреции ссыпались вниз широкими осыпями, белевшими издали, точно снежные холмы.

Сильно песчаная, всхолмленная поверхность бэля тяжело давалась нашим машинам. Колеса грузли, моторы грелись. Хорошо было иногда выбраться на гладкую, без травинки, гряду или холм, усыпанные черным полированным, сверкающим, как битое черное стекло, щебнем.

Пески сменялись щебнистой степью с кустиками багура и надутыми за ними бугорками песку. Здесь машины шли легче. Далеко впереди, у подножия западной оконечности Алтан-улы, виднелось большое красноватое светлое поле — новый лабиринт обрывов. Там находилось Цаган-Хушу («Белая Морда»), где, по сообщениям аратов, также попадались «кости дракона». Алтан-ула манила своими неразгаданными тайнами, но наш путь шел к северу, через хребет Нэмэгэту. Изучение Цаган-Хушу придется пока отложить. Теперь мы не сомневались, что экспедиция будет продолжаться — одного Нэмэгэту хватит на несколько лет серьезной работы.

Стало смеркаться. Сухие русла и промоины встречались реже, черный щебень уплотнился, все чаще попадались крупные камни.

Мы остановились на ночлег. Я спал прямо под чудесным звездным небом, так как поставили только одну палатку без печки. Из-за холода все вскочили рано. Ветер, казавшийся очень плотным, дул прямо в лоб из ущелья — той сквозной долины, куда лежал наш путь.

Алтан-ула прямой и отвесной темно-зеленой стеной высилась налево от нас. Нэмэгэту отошло вдаль, и его хмурые зубцы золотились в утреннем солнце почти на одном расстоянии с Гильбэнту.

Снизу из котловины подошла старая караванная тропа, по которой поднялись на перевал. За перевалом, под спуск, машины пошли легче, хотя все ближе и ближе становилась голая темно-серая стена хребта. Тропа исчезла в сухом русле, скалистые откосы сжали долину с обеих сторон. Большое стадо лохматых коз плотно сгрудилось вблизи колодца. Две монголки — молодая и старая — поили нетерпеливо рвавшихся к воде животных. При появлении наших машин началось паническое бегство стада в гору. Пришлось извлекать из колодца одну козу, свалившуюся туда в спешке. Набрать воды нам не удалось, потому что колодец оказался почти вычерпанным, и не стоило терять несколько часов, пока он наполнится. Впереди, по сведениям проводника, были еще колодцы.

— Куда ехать? — спросил я Цедендамбу, окончившего разговор с араатами.

— Туда, — показал он вперед, на скалу, перегораживавшую ущелье.

— Значит, там есть ход, — вмешался Андросов, — только не было бы узко...

— Там большая тропа, очень узко не будет, — возразил Данзан.

Мы двинулись. Песок в русле был тверд, уклон заметен, и машины шли быстро. Гигантские чугунно-серые стены нависли над нами. Эхо моторов грохотало далеко вверх. Борта автомобилей едва не задевали утесов. Иногда русло перегораживалось огромными камнями или завалами из крупных глыб. Приходилось устремляться в узенькую стежку между стеной и завалом. Вверху, на недоступной высоте, чернели отверстия пещер — здесь, в твердых породах осевой части хребта, пещеры были, несомненно, древними. Кто знает, какие загадки распространения и жизни доисторических людей могли бы быть разрешены при их исследовании?

Внезапно ущелье расширилось, на бугре посредине его оказались две юрты. Несколько верблюдов, флегматично стоявших около юрты, в ужасе бросились в боковой распадок. Собаки, поджав хвосты, улепетывали вниз по руслу. Четыре женщины, возраста которых мы изда-

лека не определили, кинулись вверх по склону, подхватив тяжелые полы меховых дэли. За минуту все живое разбежалось, а нам оставалось только проехать мимо, предоставив хозяевам самим разобраться в происшедшем. Я покачал головой.

— Первый раз в жизни видят машину! — улыбнулся Андросов.

Ущелье опять сузилось, отвесные обрывы, острые как ножи, скалистые ребра, узкие щели проходили мимо идущих машин. Темно-серые, почти черные и коричнево-шоколадные породы представляли собою древнепалеозойскую метаморфическую толщу, возможно, девонского или силурийского возраста. Разнокалиберные жилы кварца змеились белыми молниями на темных кручах. Расслоенные и перемятые сланцы рассыпались в мелкую крошку, струившуюся по дну бесчисленных крутых долинок, избороздивших грозные утесы по триста — четыреста метров высотой.

Каждое небольшое расширение ущелья было занято холмом из огромных камней, разделявших развилку русла. На холмах рос высокий дерис и зеленела свежая и густая трава. Очевидно, подземный поток русла залегал совсем неглубоко, и добыча воды здесь не составляла проблемы. На одном из холмов бегали шесть куликов — первая «дичь», встретившаяся за все время странствования в Нэмэгэту. Немудрено, что ярые охотники — повар и Андросов — схватили дробовики и стали ползком подкрадываться к птицам. «Батареец» Иванов долго наблюдал за охотниками, поднял камень, обогнул холм слева и лениво швырнул его в птиц, деловито шагавших в сторону от скрытых за травой стрелков.

Так кулики и убежали, а вернувшиеся ни с чем охотники были вконец опозорены «батарейцем», протянувшим им убитую камнем птицу...

Темные породы сменились более светлыми серо-желтыми, стены были усеяны множеством мелких пещерок. Через двести метров стены начали расходиться и понижаться, в обрывах появились рыхлые желтые конгломераты — мы вышли по ту сторону хребта Нэмэгэту. Отсюда, с высоты трехсот метров, над пониженной центральной частью огромной, пожалуй, больше Нэмэгэтинской, впадины было видно очень далеко.

Противоположная сторона ее тонула в серой пыльной дымке, вверху становившейся голубой и застилав-

шей ряд округлых вершин гор Иха-Баян-ула («Большая Богатая гора»). Еще выше, прямо против устья ущелья, висела в воздухе голубая полоска, утолщавшаяся к левому концу. Так впервые предстала перед нами Ихэ-Богдо («Великая Святая») — высочайшая вершина Гобийского Алтая, почти в четыре тысячи метров высоты.

Но сейчас нам было не до нее — русло растекалось на десятки проток, веером расходящихся по конусу выноса, и дорога стала невыносимой. Мы пересекали наискось бесчисленные рытвины, заваленные громадными камнями, направляясь на северо-восток. С тревогой следил я за тем, как мотало и бросало полуторки, шедшие впереди, слушал угрожающий скрежет в своей машине. Нашего длинного «Дракона» корежило особенно ужасно. Все доски кузова скрипели и трещали, визжали тяги, и глухо ударяли в платформу баллоны. Я несколько раз останавливал отряд для поисков лучшей дороги, но Цедендамба уверял, что лучше проехать нельзя. Мы тогда еще очень плохо знали Гоби, верили проводнику, боялись и шагу сделать без него. Много позже я сам научился проводить автомобиль по Гоби и тогда понял, что внизу, в котловине, дорога была значительно лучше, а проводник ломился напрямик через сильно размытую поверхность бэля.

Около двадцати пяти километров такого пути, и... лопнул коренной лист передней рессоры «Дракона». Мы остановились, чтобы улучшить амортизацию куском резины. Внезапно впереди показались три серые тени — они медленно шли гуськом по одному из поперечных сухих русел и так же неторопливо скрылись за бугром. Я впервые видел куланов — диких ослов Центральной Азии, но успел рассмотреть только их светлую шерсть и головы, казавшиеся громадными из-за длинных ушей. Впереди нас, внизу и позади расстилалось сплошное море песчаных бугров, поросших саксаулом. Справа, совсем близко, высилась стена Нэмэгэту, еще более крутая, чем на южной стороне.

В четыре часа мы повернули налево, вниз, ко дну котловины. Выбрались на длинный увал, проходивший по длинной оси котловины, точно так же, как и в котловине Нэмэгэту. Поверхность увала была покрыта панцирем из мелкой гальки и почти лишена растительности. Глубокие русла разбивали гряду на цепь длинных холмов. Серые рыхлые конгломераты вскрывались в обры-

вах русел, дремучие нетронутые саксаульники заполняли широкие распадки. Машины отлично шли по гребню увала, но всякое пересечение русла сопровождалось «посадкой». Тогда извлекались доски, им в подмогу шли стволы саксаула, камни, кустики караганы. С ревом машина устремлялась на второй скорости на пересечение рыхлого песка, сзади бежали шесть человек, толкая ее в задний борт, а другие четверо перебрасывали доски, выдирая их из песка после прохода машины. Так перебирались все машины, и мы ехали несколько километров до следующего русла, а там начиналось все сначала.

Перебравшись через очередное русло, мы остановились на противоположном берегу его уже в полной темноте. Молодая луна слабо освещала рогатые ветки саксаула, здесь особенно высокого и частого. День был теплым, особенно когда мы перешли в новую котловину. Вечер тоже не принес холода, обычного в Нэмэгэту.

Мы расставили койки около машин и наломали саксаула, из которого сложили громадный костер в честь окончания работ в Нэмэгэту и прибытия в новые, неизведанные места. Пламя далеко освещало мертвую безотрадную равнину, со всех сторон замкнутую горными массивами. Горы были невидимы, свет не мог достичь их склонов. Казалось, что окружавшая нас, усыпанная галькой и щебнем равнина совершенно необъятна и мы, ничтожная кучка людей, приютившихся у костра, беззащитны против ее первобытной мощи.

Все же мы шли уже обратно, на восток, подвигаясь к базе. Цедендамба объявил, что до пресловутого Ширэгин-Гашуна осталось не больше одного уртона (тридцать — тридцать пять километров). Теперь, когда найдена была легкая дорога по гребню гряды, это расстояние было пустяком, и задача Чудинова должна была разрешиться завтрашним днем.

В 1932 году географ Б. М. Чудинов пересек Монголию с севера на юг по меридиану и последний отрезок пути прошел на верблюдах зимой от Орок-нура до Далан-Дзадагада по старой караванной тропе в Хуху-Хото («Голубой город») в не посещенных исследователями местах. Где-то между Бага-Богдо («Малая Святая») и Гильбэнту Чудинов обнаружил глубокую впадину, которую он считал самой низкой впадиной Монгольской Гоби. Ученый был не прав — в Заалтайской Гоби есть значительно более глубокие впадины. Но, конечно, не про-

верка глубины Ширэгин-Гашуна заставила нас проделать весь этот путь. Чудинов описывал кладбище динозавров, залегавшее на дне впадины: огромные древние пещеры в красных обрывах, окаймляющих впадину; картинно рассказывал, как повсюду торчали лапы и оскаленные челюсти, как верблюды проваливались в ямы от разрушенных огромных костей, как караван шел чуть не целый день по костям динозавров... Наконец, он привез несколько обломков костей, несомненно, принадлежавших динозаврам. Не было оснований не верить энтузиасту, тем более что пятью годами позже монгольский Комитет наук послал специальный отряд для проверки данных Чудинова. Начальник отряда подтвердил все сообщенное географом. Однако еще в Улан-Баторе, когда я знакомился с отчетом этого отряда в архиве Комитета наук, меня удивило расхождение с данными Чудинова. У него кости указывались в дне впадины, у сотрудника Комитета наук — в обрывах Цзун- и Варун-Ширэ («Восточный и Западный стол»), окаймлявших впадину с юга. Никакая палеонтологическая экспедиция не могла оставить без внимания такое большое местонахождение, и мы стремились добраться до него во что бы то ни стало, хотя отчет отряда Комитета наук и давал понять, что путь к месту впадины будет не из легких. Для ориентировки, поскольку впадина не была показана на картах, Чудинов сообщил надежный указатель — останец красных пород по имени Цундж («Одинокий»), совершенно точно напоминающий сфинкса и сиротливо стоящий на открытой равнине к северу от впадины. Фотография останца Цундж была сомной, и я надеялся на этот хороший ориентир. Чудинов указывал три колодца во впадине; кроме того, грунтовые воды должны были залегать здесь неглубоко, так что мы не опасались погибнуть от жажды. Однако самое название Ширэгин-Гашун («Горькое плато») не обещало хорошей воды. При свете костра я еще раз пересмотрел записки Чудинова и Комитета наук и заснул с ощущением хорошо проведенного дня.

Четвертое октября оказалось очень теплым. Ветер дул непривычно слабо. По тем же холмам, ставшим более пологими и низкими, мы быстро добрались до Ширэгин-Гашуна. В половине двенадцатого машины стояли уже на краю уступа Варун-Ширэ.

Широкая впадина расстилалась в сорока метрах ниже, полого и постепенно углубляясь к своему центру, за-

нятому пространством темно-красных, без единой травинки, глин. Заросли могучих старых саксаулов протягивались полосами вдоль громадных кочек песка — заросших барханов, покрытых тамариском и колючкой. Мягкие светлые откосы свеженадутого песка прикрывали подножия обрывов, поворачивавших далеко к северу под прямым углом к тому, на котором мы стояли. Далеко за впадиной голубели три горных массива — три стража Орокнурской пустынной степи: слева уже знакомая Ихэ-Богдо, в центре выгнутая пологой аркой Бага-Богдо и направо едва выступала острым пиком из-за более близкого хребта Баян-Боро-нуру («Богатый Дождями хребет»), третья — Арца-Богдо. Сзади, совсем близкие и угрюмые, стояли на своих высоких, изборожденных веерами серых русел бэлях Нэмэгэту, Гильбэнту и Сэвэрэй.

Такое же отсутствие жизни, как в лабиринтах Нэмэгэту... Молчание, неподвижность камня, песка, пространства с остановившимся временем. Застывшие в неподвижном воздухе безлистые ветви саксаула...

Но впадина была велика, и нужно было определить место, откуда начинать поиски чудинового кладбища и колодцев. Маленькое обо из кусков песчаника привлекло мое внимание. Оно было сложено, видимо, недавно, отличаясь от древних обо караванных дорог свежестью кусков камня с зияющими, не заполненными землей щелями, отсутствием птичьего помета на верхушке. Не сложено ли оно отрядом Комитета наук? Я достал копию отчета и компас. Азимуты на окружающие горы, упомянутые в отчете, разошлись со взятыми мною на один-два градуса, иными словами (при учете неизбежной ошибки взятия отсчетов с руки в два-три градуса) совпали совершенно. Мы находились на месте лагеря отряда Комитета наук и могли тут же начинать поиски. Но почему-то Цзун-Ширэ находился на западе, а обрыв Барун-Ширэ, на котором мы стояли, располагался к востоку от первого... Здесь, не в пример другим местностям Монголии, восток и запад были обозначены с ориентировкой на север, а не на юг, как обычно. Поэтому «барун», то есть «правый», обычный синоним запада, находящегося направо от человека, стоявшего лицом к югу, здесь, в Ширэгин-Гашуне, обозначал восток, а «левый» — «цзун» стал названием западной возвышенности. Оставалось лишь предположить, что эти названия даны путниками какой-то другой на-

родности, ориентировавшейся на север, а не на юг, не так, как древние народы.

Я долго шарил биноклем по унылым скатам — пыльно-желтым и грязно-серым равнинам, полого поднимавшимся за северными обрывами. И вдруг совершенно ясно, так, что мне показалось, будто я смотрю на знакомую фотографию, я увидел сфинкса. Наклонив вперед большую темную голову, он лежал на равнине, вытянув передние лапы, в классической позе. Не могло быть сомнения — это останец Цундж. Когда я отнял бинокль от глаз и стал прицеливаться на останец компасом, он оказался видимым и простым глазом — маленькое желтое с черным пятно на монотонной желто-серой плоскости.

Я сообщил о находке товарищам и записал под аккомпанемент их одобрительных восклицаний азимут СЗ 330 градусов. Теперь стало несомненным, что мы находимся в том самом месте, о котором давно мечтали, слушая рассказы Чудинова и представляя себе гигантское кладбище динозавров.

Осталось только изучить его, сделать пробные раскопки и наметить план будущих работ. Веселые, устремились мы врассыпную по склонам, не обращая внимания на их крутизну — за время исследования Нэмэгэту выработалась привычка ходить по обрывам гобийских красноцветов вскачь, уподобляясь горным козлам — янгерам.

Но когда через три часа мы сошлись снова у машин, унылое недоумение на лице каждого «охотника» без слов свидетельствовало о полной неудаче. Нашлись обломки костей динозавров, щитки черепах, куски стволиков окаменелой древесины. Сборы были достаточны для установления возраста слоев Ширэгин-Гашуна, но даже отдаленно не напоминали богатого кладбища ящеров. Не задерживаясь для еды, мы разгрузили «Дзерена» и поехали на пустой машине вниз, во впадину, через саксаульники и пески к уступу Цзун-Ширэ.

До вечера все пятеро исследователей — Орлов, Громов, Эглон, Данзан и я — ходили по этому длиннейшему обрыву (около десяти километров). Сорокаметровый уступ был изрезан оврагами и промоинами — башни, сфинксы, драконы, бюсты разных людей глядели с презрением на нас, медленно пробирающихся по пескам у подножия красных стен. Жара и безветрие, удивлявшие еще с утра, здесь, во впадине, стали нестерпимыми.

После холодных ветров, снега и морозных ночей в Нэмэгэту и студеного, в вечной тени, перевального ущелья мы не расставались с ватниками и ватными штанами. Подобная одежда в духоте Ширэгин-Гашуна заставила нас обливаться потом и была сброшена после первого часа ходьбы по обрывам.

Я увидел вдали белое пятно, двигавшееся мне навстречу, и остановился в недоумении. Это оказался Эглон, уныло шагавший в одном нижнем белье. Ватные штаны неуклюже висели на ледорубе на его плече. Очки жалобно перекосились, обильный пот струился по его лицу и шее, нос грустно смотрел на ноги. Исследователь сетовал на отсутствие интересных находок.

Породы здесь в общем походили на те, какие попадались в Нэмэгэту: слои красных глин, песчаников и песков, переслоенные голубоватыми конгломератами. Но лишь редкие обломки, еще более жалкие, чем в Барун-Ширэ, встретились нам за все время исследования Цзун-Ширэ. Ясно было одно — в обрывах вопреки сообщению отряда Комитета наук никакого сколько-нибудь стоящего местонахождения нет и не было.

Приехали в лагерь без приключений уже в сумерках. За время нашего отсутствия проводник Цедендамба ездил на «Смерче» и отыскал колодец с отвратительной на вкус водой в трех километрах к западу. Чай, по общему признанию, был не чем другим, как подогретой верблюжьей мочой с примесью гипосульфита и глауберовой соли. Худшей, чем в Ширэгин-Гашуне, воды мне не встречалось за все время работы в Гоби в последующие годы.

Чтобы покончить с общим унынием, выдали по шкалику спирта, и после обеда настроение улучшилось. Мы стали обсуждать план дальнейших исследований.

— Место найдено совершенно точно, — говорил Громов. — Совпали указания Чудинова и комитетского отряда: налицо сфинкс и колодец, азимуты правильны. Наконец, и проводник тоже знает это место, как Ширэгин-Гашун. И в то же время основного — местонахождения динозавров — здесь нет. Что начальник отряда Комитета напутал, это ясно — обрывы не содержат ничего похожего на то громадное количество костей, о котором написано в отчете. Но Чудинов с самого начала говорил и писал о другом месте — где-то на дне котловины. Надо обследовать дно котловины!

— Совершенно верно,— согласился я,— но наши возможности ограничены; машина, даже пустая, не пройдет через центральную часть впадины — там пухлые глины. А для того чтобы обогнуть котловину с севера, туда, к Бага-Богдо, у нас нет времени. Попробуем завтра пройти вдоль Цзун-Ширэ в северную часть...

Так и решили. Необычайное безветрие продолжалось и следующий день. Опять стояла жара, для пятого октября невероятная. Я подумал, какая чудовищная жара должна была стоять здесь, в глубокой впадине, закрытой со всех сторон горами, летом. Проводник подтвердил мои догадки, я даже обрадовался, что в этом месте с гнусной водой и адской жарой не оказалось большого, достойного крупных раскопок местонахождения.

Опять «Дзерен» повез исследователей в глубь Ширэгин-Гашунской впадины. Я остался в лагере, чтобы привести в порядок записи по Нэмэгэту. В те дни поиски и раскопки велись с рассвета до ночи, ночью еще писались этикетки, и совершенно не было времени на обработку сделанных наспех заметок...

Солнце палило нещадно, палатка превратилась в духовую печь. Я забрался под «Дракона» и в тени, под уютным навесом из карданов, крестовин, тяг и трубок, проработал весь день, временами прерывая записи для совещаний с Андросовым по автомобильным делам.

Исследователи вернулись менее унылые, чем вчера, издеваясь над Прониным. Водитель «Дзерена» очень искусный, умелый и находчивый, до сих пор благодаря тяжелой военной школе победоносно справлявшийся со всеми затруднениями, впервые безнадежно завяз в пухлых глинах центра впадины. Лишь с большими усилиями удалось высвободить машину. Проехав около пятнадцати километров вдоль обрывов, исследователи выбрались на относительно твердую саксаульную равнину. Позади нее стояло несколько небольших холмов-останцев с костями гигантских динозавров, примерно таких же, как и в Нэмэгэту. На одном из останцев, несомненно, лежал целый скелет, теперь сильно разрушенный и разнесенный. Подтвердилось, что в Ширэгин-Гашуне действительно есть местонахождение динозавров, но небольшое. Если бы мы попали сюда в самом начале нашей работы, то, пожалуй, нашли бы его заслуживающим разработки. Теперь же Ширэгин-Гашун не шел ни в какое сравнение

с Нэмэгэту, доступен был значительно труднее и содержал материал гораздо худшей сохранности. Очевидным стало сильное преувеличение, допущенное увлекшимся географом, но после открытия Нэмэгэту это не было катастрофой. С легким сердцем мы «закрыли» это воображаемое кладбище.

Шестого октября мы спустились с уступа Барун-Ширэ и направились на восток, рассчитывая обогнуть массив Сэвэрэй и выйти на автомобильную дорогу в Ноян сомон. Здесь котловина, названная нами Занэмэгэтинской, сильно сужалась. При господствующих в Гоби западных ветрах и широком растворе котловины на запад в узкой восточной части нужно было ожидать накопление песков.

Так оно и оказалось. Сплошные бугристые пески начались в десяти километрах от Барун-Ширэ. Около тридцати километров мы пробивались через пески, держась сухого русла, поднимавшегося на маленький перевал между двумя коническими черными горками. Машины едва шли, постоянно зарываясь, и вылезали только по доскам. «Дракон» буквально пахал песок, так как если небольшие, поросшие колючками кочки еще кое-как поддерживали полуторки, то ничего не значили для семи тонн «Дракона».

Я требовал от проводника вести нас другим путем, но Цедендамба уверял, что другой дороги нет и нужно во что бы то ни стало пробиваться здесь. Прodelьвать назад весь тяжелейший путь через Нэмэгэту было невозможно, но и ехать тут было губительно для машин. В отчаянии мы с Андросовым решили пробиться к горам и там искать пути. Для машины легче идти по большим подъемам, но по твердой почве, чем по песку. Семисантиметровой толщины доски, поддерживавшие нас в песке, изломались в щепки, пока мы поднялись к черному каменистому склону первого холма. Склон оказался крутым, и подъем был очень тяжел для нашей груженной машины. Мы решили взобраться сначала на холм и осмотреть путь. Безотрадная картина представилась нам с вершины. Не по-осеннему жаркое солнце погружало свои лучи в широкие впадины между коническими черными холмами, то острыми, с крутыми склонами, то широко расплзшимися между долинками.

Подножие каждого холма тонуло в рыхлом песке, ка-

завшемся ярко-желтым от окружавших черных пород. Сложные желтые узоры извивались между мрачными заостренными вершинами, образовавшими полукруг и дугой охватившими плоскогорье, поросшее светло-золотым на солнце дерисом. До плоскогорья было не меньше пятнадцати километров, и наш «Дракон» безнадежно засел бы в первой же ложбине, заполненной песком, всплески которого заходили высоко на склоны. Проводник был прав — дороги не было в этих мрачных холмах, к которым так подходило их название Чоноин-шорголга («Волчья колыбель»). Да, холмы надежно охраняли дерисовое плоскогорье.

Мы проделали обратно весь мучительный путь, подошли к сухому руслу. Взволнованный проводник, на серьезном лице которого ясно читались тревога и огорчение, что-то уснено доказывал Данзану. Тот начал уверять меня, что все напрасно — дороги там нет. Я ответил Целендамбе, что он прав. Славный проводник успокоился и просиял.

В безветрии и духоте гнетущее молчание долины нарушалось моторами, ревавшими в попытках вырваться из цепких объятий песка. словно невидимая могучая лапа схватывала машину за задний мост, удерживая ее и заставляя тяжело оседать в сыпучий песок. Мы были с ног до головы в песке, с силой отбрасываемом колесами. Песок лип на потные лица, хрустел на зубах. Распаренные, в одних майках, мы толкали машины, таскали кустики полыни, ломали ногти, выкапывая в колее машины глубоко зарытую туда давлением доску. Мотор ревел, машина дергалась, мы напрягали все силы, подталкивая ее оседавший бок, доски обугливались под буксующей резиной. Близился вечер. Как-то незаметно песок стал мельче, или же растительность гуще, или появился щелбнистый панцирь — почему-то не запомнилось, что именно, должно быть, от усталости. Незаметно мы стали продвигаться быстрее, машины не садились, унылый вой низших передач смолк, и мы пошли на третьей передаче. И было пора — перегревшиеся моторы «выпили» всю воду, из-за скверного качества взятую в небольшом количестве, а доски все до последней были превращены в растопку для костра.

Полуторки, легче «Дракона» нырявшие по промоинам, начали заметно обгонять, набирая ход.

— Опять они лезут в гору, смотрите, Иван Антоно-

вич! — завопил Андросов, еще не опомнившийся после песков.

Действительно, черные жуки, неуклюже нырявшие впереди, сильно забрали вправо, на бэль Сэвэрэя. Опять Цедендамба хотел пересечь борт котловины напрямик, забывая про горький опыт. Я разозлился, достал из кузова винтовку и двумя выстрелами дал сигнал остановки. Полуторки стали. Над тентами появились ряды голов, смотревших в нашу сторону. Машины были загружены так, что из ящиков с коллекциями, немного отодвинутых от переднего борта, получалась скамья. На скамью стелили кошмы, в теплые дни добавлялись полушубки, и три-четыре человека с удобством ехали наверху, упираясь спинами в мягкие вещи — палатки и постели, забитые в машину под свод тента доверху. Чтобы тяжелые ящики не раздавили ноги сидящим на спусках, между бортом и ящиками заклинивались толстые чурки. Как только что-нибудь случалось позади, сидящие вставали, высовывали головы над тентом и старались рассмотреть, в чем дело. Этот очень характерный ряд голов приветствовал наше появление и теперь.

— Данзан, спросите у Цедендамбы, какого черта он опять жметя к горам? — сердито закричал я переводчику.

Молодой монгол улыбнулся и показал вперед и влево от машин. Мы остановились на верхушке небольшой возвышенности. Слева подступали и тянулись грозной цепью, насколько хватал глаз, заполяя всю котловину, гигантские песчаные бархаиы... «Пески Хонгорин-Элисун!» — сразу сообразил я, поняв, отчего «жметя» к горам проводник. Все же я уговорился с Цедендамбой ехать поближе к пескам, где промоины и сухие русла не были столь обрывистыми. Правда, это преимущество, как и все вообще в жизни, имело свою оборотную сторону — пески, заполнявшие русла, были тем рыхлее, чем дальше отходили русла вниз от крутого уклона бэля. Поэтому мы старались выбрать нечто среднее и действительно поехали сравнительно быстро, борясь с кочками, промоинами и сухими руслами.

А слева все шли огромные барханы — на западе более низкие и какой-то правильной граненой формы, воспроизводящие облик египетских пирамид. В середине цепи барханы превращались в настоящие горы песка по сто, сто двадцать метров высоты. Солнце село уже со-

всем низко, горы потемнели. По центру протянувшейся почти точно с запада на восток котловины, словно по трубе проекционного аппарата, прямо на цепь барханов лился яркий косой свет. В этом свете пески казались удивительно белыми перед темно-фиолетовой линией гор. Серпы черных теней разделяли гигантские холмы песка, как циркулем очерчивая каждый острый, геометрически правильный полумесяц вершины бархана. Солнце спустилось еще ниже, долина потухла, пески начали сереть и в сумерках приняли страшный свинцовый оттенок...

Мы остановились у колодца Хонгор-худук, в тридцати километрах от Сэвэрэй сомона, у двух тощих хайлясов и поставили койки в сухое русло, на всякий случай, для защиты от ветра. Но ветра не было, как и во все предыдущие дни нашего пребывания в Занэмэгэтинской котловине.

В тихую звездную ночь мы долго обсуждали итоги геологических наблюдений в Центральной Монголии и пришли к заключению, что красноцветные костеносные отложения не были связаны с хребтом Нэмэгэту или с соседними хребтами во время своего образования. Все эти хребты — Нэмэгэту, Хана-Хере, Гурбан-Сайхан — очень молодые образования, острые пильчатые цепи, поднятые совсем недавно и продолжающие подниматься в настоящее время, в процессе развития гигантских сводовых поднятий Азиатского материка. Поэтому-то хребты как бы протыкают красноцветные меловые отложения, горизонтально лежащие пласты которых на границе с хребтами смяты в складки, разорваны и отогнуты, разбиты небольшими надвигами и сбросами. Некогда местонахождения Нэмэгэту и Ширэгин-Гашуна были отложены в едином бассейне, затем рассеченном хребтом Нэмэгэту.

Оставалась неясной история древних участков современных хребтов — тех сглаженных и округленных гор, большей частью захваченных бэлями, которые являются истинными водоразделами. Еще очень малый запас наблюдений был накоплен за короткий срок путешествия...

— Что значит хонгор, хонгорин? — спросил я Данзана на следующее утро, едва он, будто отогревшаяся ящерица, высунул свою черную голову из спального мешка.

— Хонгор — это такой цвет, розовато-желтый... нет — светло-рыжий, вот такой, — молодой монгол протянул руку по направлению к пескам. В утреннем свете барханы казались совсем желтыми, слабо-апельсинового оттенка, с такими же резкими черными тенями, как и на закате.

От колодца мы проехали обширный саксаульник и стали подниматься к восточному концу Сэвэрэя. Перевальная точка оказалась низкой — всего на четверть километра мы поднялись от колодца Хонгор. Передовой «Смерч» остановился. Данзан подбежал к подошедшему сзади «Дракону».

— Иван Антонович, — начал он с характерным для монгола свистящим «в» и хлещущим «ч», — сомон там, направо, на южном склоне Сэвэрэя, перекочевал в разрушенный монастырь Цаган-Субурга. А нам можно ехать прямо. Проводник спрашивает — будем ехать в сомон?

— Нет, не нужно, там нечего делать, — ответил я. Данзан, как будто не удовлетворенный ответом, медлил.

— Что вам мешает? — усмехнулся я, заметив нерешительность молодого геолога.

— Цедендамба говорит — здесь его юрта, жена живет... Если не поедем в сомон, то только три километра в сторону... Можно ему заехать?

— Как же так? Жена здесь, вон куда забралась, а он сам работает и живет в аймаке? Для чего это?

— А скот куда девать? В аймаке нечем кормить...

— Продать, раз уж посвятил себя государственной службе!

— Без скота гобиец не человек, так. Устанет на службе, уйдет в степь, здороветь будет, тихо жить. Тут, в Гоби, многие еще по-старинному живут...

— Ну ладно, мы все туда поедем. Только скажите сейчас же, что едем не в гости, никаких чтобы угощений. Около юрты остановимся и будем чай варить, два-три часа в его распоряжении...

Юрта Цедендамбы оказалась в небольшом овраге. Полынь серебрилась на солнце вокруг желтых песков. На шум машины из юрты выскочила молодая монголка, но Цедендамба уже спрыгнул с передовой полуторки. Увидев его знакомую высокую фигуру, женщина радостно метнулась к нему, но смутилась и только протянула

ему маленькую руку. Так, взявшись за руки, не обменявшись ни словом, они скрылись в юрте. Скот был на пастбище, но я все же распорядился отвести машины подальше. Водой мы запаслись еще под перевалом из колодца, пробитого в розовых гранитах, и теперь наслаждались чудесным чаем после ширэгин-гашунской мерзости.

Неизвестно откуда появились дети — большой, в отца, мальчик и остроглазая хорошенькая девочка. С милой монгольской сдержанностью они медленно подошли к костру. Из-за холма нас окликнул старик и вступил в оживленный разговор с Данзаном.

Мы долго пили чай с холодной бараниной, накормив всех: и Цедендамбу с женой, и старика, и ребят. Дети перестали нас стесняться, со смехом спрашивали отца о чем-то, восторженно ойкали и конфузились. Все мы с удовольствием наблюдали за приятной, дружной семьей аратов. Для них каменистая Гоби не была пустой и унылой, однообразной, как для многих из нас. Нет — это был родной дом, просторный, привычный и приветливый.

Жаль было нарушать короткое свидание отца с семьей и ехать дальше. Я усиленно советовал Цедендамбе перевезти своих в аймак, а скот устроить в другие хозяйства. Впоследствии арат так и сделал. Спустя год мы были в гостях в его юрте в Далан-Дзадагаде.

После полудня начался ветер. Мы покатались навстречу ему вниз с бэля Сэвэрэя по ровной и твердой щебнистой равнине, совершенно черной. Полированный щебень, как обычно, на солнце сверкал миллионами огоньков. Кое-где, редкие и беспомощные, трепетали на ветру седые, сухие кустики. Давно забытая скорость — пятьдесят километров в час — казалась огромной. Приятно было увидеть наконец подошедший слева старый автомобильный след. Несколько проходивших машин оставили здесь два параллельных, неглубоких, местами совершенно стертых желобка, нисколько не облегчавших нашего передвижения. Но это означало, что вся оставшаяся часть пути заведомо проходима для машин. Слева тянулся близкий Цзолэн. Внезапно дорога неприятно изменилась — та же щебнистая равнина покрылась мелкими твердыми кочками из кустиков баглур с надутыми около них кучками плотно слежавшегося песка. Началась страшная тряска. Полуторки шли еще довольно сносно, хотя нам было видно (машины рассыпались по равнине

и шли почти в ряд), как сильно подскакивали и вибрировали их передние колеса.

Для трехоски с ее семисоткилограммовым передним мостом никакая амортизация не могла быть достаточной. Машину стало бить так сильно, что пришлось снизить ход до десяти километров в час. Тут мы с Андреевым впервые пожалели, что у нас не двухосная машина. Полуторки с их легкими передками оставили «Дракона» далеко позади.

Утерянный было автомобильный след вынырнул откуда-то вновь и сделался настоящей дорогой, хотя и старой, отчасти заросшей. Дорога в каменистой Гоби получается очень просто: когда несколько десятков машин пройдут по следу, растительность выбивается, кочки исчезают и дорога готова. Сохраняется такая дорога, за исключением мест, проходящих по сухим руслам или глинистым котловинам, очень долго. Подобно старым караванным тропам, старая автодорога может быть замечена на равнине издали: колеса машин, так же как и ноги верблюдов, уничтожая местную растительность, разносят по дороге семена принесенных издали растений. По сероватой, стальной поверхности полевой степи дорога стелется светло-желтой полосой ковылька или дериса (дерис чаще всего — для верблюжьих троп) или выделяется блеклой зеленью карликовой караганы. Если степь ковыльковая, то соотношение цветов дороги и местности может быть обратным. Дорога заросла уже засохшей редкой солянкой. Оказалось, что сомон ранее находился значительно восточнее и ближе к хребту Цзолэн, куда и вела дорога.

Большое сухое русло постепенно мелело и наконец растеклось многочисленными промоинами по обширному саксаульнику, занявшему середину межгорной впадины. В саксаульнике мы остановились, чтобы набрать возможно больше дров и привезти их на базу в аймак. Это был последний саксаульник. Больше до самого аймака по дороге нам ничего бы не встретилось.

Через полчаса мы вышли на автомобильную дорогу из аймака в Ноян сомон, замкнув тысячекилометровое кольцо маршрута. С легким сердцем ехали мы домой — удаленный аймак казался теперь домом. Открыто было огромное местонахождение, да что там — целая система их, с ранее неизвестной в Центральной Азии фауной гигантских динозавров. Конечно, еще очень много нужно

сделать, прежде чем Нэмэгэту войдет в золотой фонд науки, но находкой его была уже оправдана первая, разведочная экспедиция.

Перед автостанцией опять поразил нас мрачный мелкосопочник. Между черными холмами заросли дериса казались поясами слоновой кости, иной раз бока холмов украшались яркими, апельсинового цвета пятнами — остатками коры выветривания.

И опять, как две недели назад, три машины выстроились во дворе, обнесенном глинобитными стенами. На этот раз мы не рискнули спать во дворе, а с наслаждением прислушивались к сердитому реву ветра за стенами юрты, улегшись полукругом, ногами к мерцавшей теплым огоньком печке...

Восьмое октября запомнилось мне очень холодным утром. Мы задержались с выездом, разогревая машины. Вдобавок Андросов сильно обжег себе руку. Но на более легкой дороге я мог заменить его. Пески перед Хонгор-Обо сомоном теперь были на спуске, а не на подъеме, мы преодолели их без труда. Зато подъем на Гурбан-Сайхан начинался от самого Баин-Далай сомона (Хонгор-Обо сомона) и казался бесконечным. Хорошая дорога не требовала усилий от водителя, и я меланхолически сидел за рулем, час за часом созерцая все ту же светло-желтую ровную поверхность, плавно поднимающуюся к зубцам Дундусайхана.

Машина лезла все выше по крутым косогорам, сухим и желтым в холодном солнце. Порывы ветра врывались в кабину, низко стелили стебли каемчатых порослей дериса по бережкам промоян. Вот и перевал со знакомыми двумя обо.

Едва мы спустились на равнину, впереди показался аймак. Линия дрожащего воздуха, похожего на воду, приподнимала от земли группу белых домов в центре Далан-Дзадагада. Отчетливо виднелась мачта радиостанции, отдельно стоявшее здание больницы... будто бы аймак стоял на высоком холме. Но мы твердо знали, что аймак стоит во впадине и отсюда виден быть не может. Станный мираж, оптический фокус поднял над горизонтом его отражение, и мы с удивлением наблюдали «чудо» довольно долгое время. Затем, по мере приближения к Далан-Дзадагаду, видение исчезло и появилось вновь лишь в четырех километрах от аймака. Теперь дома прочно стояли на земле, приближаясь с каждой минутой. Ма-

шина обогнула два крайних домика, повернула направо и замерла у входного проема в наш дворик.

Лукьянова выбежала вместе с ребятами и заскакала от радости, как девочка, высоко подпрыгивая. Черные косички разметались по ее плечам, смуглое лицо стало пунцовым. Оказывается, в аймаке распространили слухи, что наша экспедиция заблудилась в песках и пропала без вести. Произошло это якобы по вине проводника Цедендамбы, который взялся вести, не зная дороги, и потому еще, что экспедиция вступила в запретные для всех места. Неделю спустя в айкоме нам рассказали и о причине возникновения слухов. Один бывший лама, случайно попавший в аймак, бродя от юрты к юрте за даровой пищей, не преминул воспользоваться случаем и стал распространять выдумку собственного сочинения, чуть ли не как очевидец гибели нашей экспедиции.

Лица наши долго горели в теплом и неподвижном воздухе дома. Сладко спалось под крышей, в четырех стенах, на той же верной походной койке. Здесь не нужно было тщательно закупориваться, зажимая все щелки, натягивать на плечи и голову полушубок, стараться лежать неподвижно, чтобы не раскрыться. Нет сомнения, звездное небо над головой выглядит дивным шатром, уютно в мешке, когда койку окружает ширь безлюдной Гоби, целый океан ночи и воздушного простора... Но, конечно, куда уютнее в простом, защищенном от ветра доме, где ветер не достигает вас и вы избавлены от его постоянной и назойливой близости. В этом и заключается неисчерпаемое разнообразие оттенков, жизненных радостей, что они часто исходят из совершенно, казалось бы, противоположных воздействий.

Машины надо было отремонтировать и подготовить к большому восточному маршруту. Позднее время заставило нас отказаться от полного перебазирования на восток. Мы решили перебраться туда налегке, на двух полупулорках, а «Дракона» оставить здесь для вывозки даланской базы, как ни печально было расстаться с этой могучей машиной, чей верный буксир был готов в любой момент выручить слабых товарищей. «Смерч» решено было отправить в Улан-Батор за запасными частями и лишь после его возвращения приступить к восточному маршруту. Решили также во время отсутствия «Смерча» совершить поездку за гору Арца-Богдо, к впадине Оши, открытой американцами в 1922 году.

Три дня экспедиция стояла в аймаке. Мы с Громым усиленно занимались дневниками, попутно помогая Данзану систематизировать свою петрографическую коллекцию. Эглон с Лукьяновой, перепаковав все коллекции и подготовив их к отправке в Москву, проводили все время на складе, отвешивая продовольствие для восточного маршрута и подсчитывая остатки для возвращения в Улап-Батор. Устав сидеть над записями, я забирался под машину, где лежали перемазанные Андросов и Пронин. Там, мирно покуривая, мы вели расчеты горючего и грузов и прикидывали максимально возможное количество бензина, которое мы сможем взять на восток.

Все противоречиво сталкивалось в этих расчетах, как оно и бывает в действительности: небольшая грузоподъемность полуторок, необходимость взять огромное количество бензина на висячий маршрут, без базы, но вместе с ним и запас продуктов, воды и снаряжения, которое теперь вследствие холодного времени было особенно громоздким, — полушубки, кошмы, печки занимали много места. Нельзя было обойтись без ящиков, досок, гипса, бумаги для упаковки коллекций. Уменьшение числа людей не решало вопроса: хотя количество народа и должно быть строго лимитированным, но малое количество исследователей означало или удлинение поисков, или резкое сокращение района обследования. Точно так же малое число рабочих вело к удлинению срока раскопок или же к уменьшению их объема. Приходилось сокращать резервы в горючем и продуктах и рассчитывать на наилучшее стечение обстоятельств, другими словами — рисковать...

А ночи делались все холоднее. Каждое утро повар пробивал толстую корку льда в бочке с водой. Огромные стаи копыток, летевшие на юг, задерживались на ридниках близ аймака, и Эглон, отправлявшийся туда на рассвете, обязательно приносил несколько штук домой. Зажаренные копытки получили бы одобрение у самого тонкого гастронома. Что же было говорить о нас!

Днем солнце светило по-прежнему ярко, и в защищенном от ветра месте казалось, что в Гоби тепло. Во дворе до пояса голый Ян готовил ящики для похода, профессора Громов и Орлов, засучив рукава, соревновались в стирке с Лукьяновой.

Я и Данзан изредка совершали прогулки в аймак, чтобы поговорить о делах с начальством. Приводили в

порядок оружие. В местах, куда мы направлялись, должны были быть дзерены. До сих пор они встречались нам лишь изредка, в одиночку — в далеких западных впадинах Южной Гоби была осенняя бескормица. Поэтому там почти не встречались люди и даже дикие животные — все откочевало на север.

Вечером одиннадцатого октября пришел человек с наганом на боку — районный милиционер, назначенный нам в проводники. Юрта его матери стояла за Арца-Богдо, близ Оши, и наш маршрут его вполне устраивал.

Двенадцатого октября мы понеслись по превосходной дороге на северо-запад, оставив заведующим базой «батареяца» Иванова. В тридцати километрах от аймака, в котловинке, поросшей густым дерисом, находился родник. Здесь можно было уже ждать дзеренов. Поэтому я поменялся местами с Андросовым, который пересел наверх с винтовкой. В кабину уселся Громов с неизменной трубкой.

— Немыслимо, — бурчал Андросов, карабкаясь наверх, — вонища, я уже все стекла открыл. А ему хоть бы что! Улыбается через очки!..

— Ну, я курящий, мне не страшно! — подбодрил я упавшего духом шофера.

Мы быстро миновали родник и увидели слева нескольких дзеренов — легкими серо-желтыми тенями они неторопливо скользили по залитой солнцем равнине. Хлестнули выстрелы, но безуспешно... У всех нас была общая беда — неумение точно определять расстояние до цели в прозрачном гобийском воздухе. Особенно когда взволнованный охотник торопился со стрельбой. Больше дичи не оказалось, и мы проехали вперед около семидесяти километров.

От накатанной дороги отходил старый автомобильный след. Мы направились по нему, но он незаметно окончился, превратившись в узкую верблюжью тропу, потом и тропа отошла куда-то в сторону. Жесткие кустики темной полыни появились на щебнистой поверхности, стали чаще и выше... Началась знакомая трясушка, по которой машина идет в общем легко, без тяжелой нагрузки мотора. Но зато ходовую часть бьет так, что сердца водителей (и начальника экспедиции) буквально надрываются от беспокойства за машину. Невидимые миру слезы — потому что остальные спутники несколько не отдавали себе отчета в происходящем: машины идут упор-

но и верно, все ближе поднимается остроконечная северная вершина Арца-Богдо, все отчетливее становится ее черный бэль, выдвинутый длинным языком необычайно далеко на равнину, на север. Где-то немного правее, за оконечностью этого бэля, должен быть Оши-нуру («Разрушенный хребет») — большая котловина и уступ сплошь из песчаников нижнего мела.

Несколько километров осталось до колодца Эргени худук, на котором стояла юрта матери проводника. Шедший впереди «Дзерен» круто остановился, двинулся снова, проехал сотню метров и замер. Люди со всех сторон стали выпрыгивать на землю — дурной знак. Что-то случилось... может быть, баллон?

Увы, достаточно мне было взглянуть на лицо Проина, чтобы понять, что на этот раз мы не отделались так дешево.

— Мотор застучал! — трагическим тоном объявил водитель «Дзерена».

— Тот самый шатунный подшипник, что ты шабрил? — спросил Андросов.

— Не знаю еще...

Мы столпились над мотором, завели его. Громкий стук сотрясал двигатель; казалось, что машина немедленно развалится. Мы определили стук во втором цилиндре. Как и всегда в ответственные минуты, я почувствовал на себе выжидающие взгляды товарищей и отдал самое горькое для путешественника распоряжение — «назад»!

Дойти по тяжелому бездорожью до Оши машина не могла. Ждать окончания ее ремонта на месте, когда так дорог был каждый из немногих оставшихся дней быстро уходящей осени, — безрассудно. Оставалось повернуть назад, дойти до Баин-Дзака и провести там исследования палеоценовой толщи с остатками древнейших млекопитающих, открытой американцами близ ключа Гашато или Хашиату («Печальный»). Еще в самом начале маршрута я колебался, куда важнее поехать: на Оши или в Хашиату. Теперь решила сама судьба...

Проводника довели домой с места крушения — слишком обидно было бы ему вернуться, находясь в трех километрах от матери. Нашего запаса воды было достаточно еще на два дня. По указанию проводника мы направились через пыльную равнину с глинистым песком и какой-то обветшавшей растительностью на буксире с

больным «Дзереном». День выдался необычайно теплый. На ночлеге неподалеку от группы юрт был найден проводник — совсем маленький мальчик согласился сопровождать нас с седлом и уздечкой, чтобы взять в ближайшей юрте коня на обратный путь.

Местность была неудобной. Пыль густым слоем лежала на равнине, запах пыли был повсюду — в чае, хлебе, спальном мешке. Тускло горела свеча в холодной палатке, из близких юрт доносились выкрики аратов, пивших кумыс по причине, оставшейся непонятной даже Данзану. Неудача похода на Оши грызла меня, и я зазнул с досадой.

К следующему полудню мы прибыли на колодец Гашато. Исследования могли вестись только наугад. Американцы не дали никаких точных данных о месте нахождения костей древнейших млекопитающих. Мы разбили лагерь в длинном логе, покрытом высокой дерисовой кочкой, а повыше, по склонам, — свежей зеленой полынью.

Легкий ветерок разносил по всему логу крепкий запах полыни, радостный и живой после горестного бесплодия щебнистых равнин и после вчерашней пыли. Высокий дерис приветливо шелестел под ветром, и весь лог казался светлым пятном слоновой кости в рамке склонов пурпурно-фиолетовых глин. Глины эти, необычайно теплого и густого тона, были пронизаны кристалликами гипса, горевшими на солнце миллионами ярких огоньков. Груды желваков белого плотного мергеля лежали на поверхности увалов.

Быстро расставили палатки. Закрыли «Дзерена» кусками фанеры и брезентом. Пронин приступил к разборке мотора. С колодца вдруг загремели выстрелы — то Эглон и Андросов начали промышлять копыток, целыми стаями налетевших из-за холмов. Двенадцать штук убитых птиц сулили вкусный обед, и мы, восхваляя охотников, отправились в первый маршрут. Приблизительно в девяти километрах к западу лежала большая котловина, обрамленная красными утесами, — Баин-Дзак, главный пункт американских раскопок, названный ими Шабарак-усу по малоизвестному колодцу Шабарын-Гунусу («Глинистая Глубокая вода») в западной части котловины. Еще до моего приезда из Улан-Батора на Баин-Дзаке побывали Орлов, Громов и Эглон. Результатом поездки явилась находка превосходных экземпляров

яиц динозавров. Баин-Дзак тогда являлся единственным в мире местом, где находились сохранившиеся в ископаемом состоянии яйца динозавров.

Американцы собрали все, что было вымыто наружу, вскрыто из породы за тысячелетия существования обрывов Баин-Дзака, названных ими «Флэминг Клиффс» — «Пылающие утесы». Поэтому добыча была богатой: целые кладки по десятку и более яиц были найдены «охотниками за ископаемыми». Нам пришлось несравненно труднее — эрозия в Гоби идет медленно и главным образом за счет сильных ливней, наводнений, случающихся раз в четверть века. Тем не менее прекрасные находки оправдали труд наших людей.

Орлов с Эглоном признавались, что их охватил трепет, когда на склоне красноватого песчаника они заметили два желтовато-белых маленьких куполка, покрытых орнаментом из бугорков размером с маковые зерна. Эглон уверенной рукой мастера стал удалять плотно слежавшийся за миллионы лет песок. Постепенно открылись четыре целых яйца удлиненной цилиндрической формы, утолщенные на одном конце, не похожие ни на какие яйца ныне существующих животных. Это не была целая кладка, подобная тем, какие находили американцы — круг из 12—14 аккуратно уложенных по радиусам яиц, но, несомненно, часть кладки, сохранившаяся непо потревоженной с того момента, когда самка вымершего пресмыкающегося зарыла в песок отложенные ею яйца семьдесят миллионов лет назад. Это доказывалось тем, что яйца лежали плотно друг к другу, сходясь к центру своими узкими концами. Тупые и расширенные оконечности яиц были обращены наружу, как полагалось нарушенной кладке.

Упорные поиски показали нам, что целые ископаемые кладки яиц в песчаной толще Баин-Дзака — очень редкое явление. Зато мы открыли целые прослой битой скорлупы, но об этом поговорим позже, так как подробно мы исследовали их только в 1948 и 1949 годах.

До вечера мы безрезультатно бродили по широким, обрывистым оврагам, между шатрообразными останцами красных песков. Вернулись к логу Гашато уже в темноте. Холмы стали совершенно черными, низкий лунный серп серебрил колышущуюся поверхность дериса, похожую на ртутное озеро в черной раме. Высота стеблей злака достигала плеч. Было приятно идти по узкой

тропинке, утопающей среди дериса, как в хлебном поле. Далекое, но родное вспомнилось мне в этом логу, затерянном среди бесплодных, каменистых пустынь Центральной Азии. С отзвуком моей северной деревенской родины в душе я вошел в палатку и долго глядел через раскрытый вход на светящийся под луной дерис.

Все спали крепко, только прихворнувший Громов тяжело кряхтел в своем мешке да ежившаяся от холода Лукьянова ворочалась на своей койке.

Утром я проснулся от зова неугомонного Эглона. Он вскочил пораньше, чтобы пострелять копыток, но их не оказалось. Иней лег на дерис, каждый сухой стебель и жесткий лист покрылись тысячами блесков. Груда сверкающей алмазной пыли отливала розовым в лучах утреннего солнца. Чистота и яркость красок, щедрость, с которой они были, так сказать, «отпущены» ландшафту, были поистине изумительны и, пожалуй, нигде, кроме Гоби, неповторимы. В стороне, за палатками, поднимались столбики черного дыма — Андросов разогревал «Дракона». Мотор «Дзерена» должен был быть готов к двум часам дня: Орлов, Громов и Эглон ехали на машине для исследования обрывов к югу от колодца. Поэтому профессора хладнокровно остались кеифовать в постелях, всем на зависть, а мы, наскоро выпив чаю с лепешками, поехали на Баин-Дзак.

Щебнистая равнина, вначале слабо всхолмленная, поднимаясь, перешла в ровное, как плита, плато, по которому мы понеслись со скоростью восемьдесят километров. Вскоре перед нами появились красные башни главного обрыва Банн-Дзака. Я сразу же узнал их — пятнадцать лет тому назад я изучал репродукцию картины в красках — фронтиспис толстого тома отчета американской экспедиции. Вот они: одна — тонкая колонна — стоит отдельно, слева и справа — широкие башни, отделенные ущельем от крутой красной стены... Только сейчас обрывы красных песков находились в тени. Тусклый кирпично-красный цвет на выступах, сумеречно-серый в ущельях — местность казалась неприветливой. Так вот она Джадохта, или Шабарак-усу, — палеонтологическая сокровищница американцев!

Мы спустились с плато в котловину. Рабочие стали набирать воду из колодца, а мы принялись за исследование красных обрывов. Я карабкался по дну узких ущелий, влезал на маленькие площадки на вершинах башен,

проходил по гребням длинных стен. И постепенно выяснялась картина геологического строения Баин-Дзака.

Толща красных песков, замечательно тонко отсортированных, прорезывалась на разных уровнях тремя слоями белого мергеля — следами затоплений, периодически происходивших здесь семьдесят миллионов лет назад и погребавших в выровненных дюнных песках речной дельты кладки яиц и трупы животных. Но нужны были еще данные, более подробное исследование, чтобы выступить во всеоружии научных фактов. Мы поехали на западную оконечность обрывов, оставив без внимания многочисленные кости мелких динозавров, попавшиеся нам в песках пижного горизонта. Белые, рыхлые, плохо сохранившиеся, эти кости не представляли серьезного интереса и могли быть взяты только после долгой подготовительной работы.

В западной части Баин-Дзака мы нашли скелет маленького динозавра, неполный череп протоцератопса и кости его лапы. Миллионы маленьких песчаниковых конкреций усеивали размытые площадки песчаных холмов, были щедро насыпаны на дне овражков. Именно в этих конкрециях американцы нашли шесть маленьких черепов древнейших млекопитающих. Мы с ожесточением набросились на конкреции с молотками и разбили с тысячу, но без всякого результата — и немудрено! Двадцать коллекторов американской экспедиции пересмотрели десятки и сотни тысяч пустых конкреций в течение трех месяцев, прежде чем сделать свои замечательные находки. Наши шансы — найти что-либо за два-три часа — были ничтожно малы. Поэтому мы оставили бесплодное занятие и принялись извлекать и упаковывать найденное. Ан드로сов, отделившийся от всех и рыскавший правее, подпаялся из оврага и подошел ко мне с хитрым, торжествующим видом. На его широкой ладони лежало отлично сохранившееся яйцо динозавра.

— Это что? — притворился он непонимающим, держа другую руку в кармане полушубка.

— Показывайте, что еще! — весело крикнул я. Шофер извлек еще две половинки ископаемых яиц.

— Ну и молодец! Пойдемте, покажите, где нашли.

— Так там ничего не осталось. Я кругом все разрыл киркой!

— Дело не в этом. Надо знать, в каком слое они залегали...

Кроме Андросова, никто не нашел целых яиц. Только Лукьянова собрала крупные куски скорлупы, которые мы тоже присоединили к коллекции.

Выехав на дорогу, мы вторично спустились в котловину и подъехали к буграм плотно слежавшихся песков, заросших саксаулом. Бугры тянулись на пятнадцать километров и представляли собою заросшие древние дюны около исчезнувшей речки. Здесь обитали древние люди, населявшие Гоби пятнадцать тысяч лет назад. На выдувах между буграми встречалось множество кремневых орудий и скорлупки страусовых яиц, изредка просверленные, как бусины. Американцы в 1923 году собрали множество орудий, но так и не завершили их научной обработки. Сделать это надлежало нашим археологам, поэтому с энтузиазмом собирали и срудия, и кусочки страусовой скорлупы. Громов был не только геолог, но и археолог, и мы старались доставить ему побольше материалов. Первенство и тут осталось за Андросовым: одно из найденных им орудий — грубый скребок из темного агата — оказалось, по определению Громова, значительно древнее всех остальных.

Нагрузив машину саксаулом, на закате двинулись напрямик в лагерь на Гашато, надеясь проследить границу меловых и третичных отложений. Пришлось ехать через бугры, засыпанные песками склоны и сухие русла. Доблестный «Дракон» преодолевал все препятствия. На маленьком холме впереди вдруг вспорхнули пустынные сычи. Я вспомнил, что орнитологи усиленно просили нас добыть им гобийских сов. Андросов и рабочий гонялись за птицами, а мне пришлось вести машину. Сычи нагло перелетали с камня на камень на расстоянии выстрела. Стреляли и дуплетом, но сычи так и не были добыты и плавно снизились за дальними буграми.

Удивительно погожими и теплыми были эти дни, с 12 по 16 октября! Однако наши поиски дали ничтожный результат, и мы должны были возвращаться в Далан-Дзадагад. Даже слегка грустно было покидать светлый дерисовый лог Хашиату — это чудесное для лагеря место. Но едва лишь лог скрылся за первым увалом, как вплотную приступили все заботы и дела, ожидавшие в Далан-Дзадагаде.

Машины шли быстро, выздоровевший «Дзерен» летел впереди, облако редкой пыли катилось за ним по дороге. Я сидел наверху с винтовкой, как обычно, да-

лекий от охотничьих настроений. Рядом на ящике, поджав под себя скрещенные ноги и устремив вдаль бесстрастный взгляд, восседал рабочий Павлик — удивительно похожий на буддийского божка. Я задумался над формами рельефа у подпожия Гурбан-Сайхана, видневшегося далеко справа, — из высокого кузова «Дракона» было удобно наблюдать. Вдруг Павлик осторожно толкнул меня и показал на едва заметную полосу пыли, возникшую слева, километрах в двух от дороги. Там цепочкой мчались наперерез своему тезке дзерены. Проник увеличил ход до предела. Как и все спасающиеся бегом травоядные, дзерены должны обязательно пересечь дорогу движущемуся близ них предмету.

Этот тысячелетиями выработанный инстинкт появился как приспособление в борьбе с волками. Волки, охотясь на быстроногих животных, которых они не могут взять ни скоростью бега, ни выносливостью, разделяются на две партии — загонщиков и засаду. Загонщики гонят добычу к месту, где спряталась засада, и там внезапно перед уже утомившимися животными вырастает цепь свежих врагов. Таким же способом охотятся и львы на антилоп в саваннах Африки. Пожалуй, это единственный прием, доставляющий победу хищникам на открытых пространствах. Дзерены — быстрее животные мира, не считая гепардов. Скорость их бега на пределе достигает восьмидесяти пяти километров в час, в то время как гепарды — длинноногие леопарды — развивают скорость до ста десяти километров в час. Мы не наблюдали такой скорости по той простой причине, что ездили на грузовиках, но можем утверждать, что дзерен в состоянии обогнать машину, идущую со скоростью семьдесят километров в час. Однако так бежать дзерен может лишь очень недолго — два-три километра.

Быстрее животные вовсе не были умнейшими: их стремление во что бы то ни стало пересекать дорогу автомобилям было губительным. Несущийся полным ходом автомобиль и скачущее наперерез ему стадо дзеренов неминуемо сближались. Если водитель правильно рассчитывал ход, то дзерены пересекали дорогу очень близко от машины и падали жертвами стрельбы. Так случилось и на этот раз: полуторка круто затормозила. Эглон облокотился на кабину — выстрел, и самый большой козел с толстыми рогами с ходу рухнул на щебень.

Стадо дзеренов, описав крутую дугу, мчалось мимо нас на расстоянии выстрела. Андросов выскочил из кабины и попросил у меня винтовку. По черной равнине замелькали огоньки. Дело в том, что к нашим винтовкам был выдан комплект патронов со странными, неизвестными нам пулями, не трассирующие, не разрывные и не зажигательные, они давали в момент удара далеко видимую оранжевую вспышку.

Андросов расстрелял обойму, я подал ему вторую. Дзерены замедлили бег и пошли неторопливо, почти шагом, будто издеваясь над охотником. Андросов облокотился на крыло машины и, неловко выстрелив, разбил себе губу антабкой, очень неудобно навинченной на прикладе с внутренней стороны. Я посоветовал прекратить пальбу. Но все же охота оказалась удачной, и мы пополнили свой рацион, состоящий в основном из консервов, свежим мясом.

Андросов, переживавший свою неудачу, жаждал смыть с себя позор, как я ни доказывал, что никакого позора не было, дзерены находились на очень большом расстоянии, на котором можно бить, только идеально зная винтовку. Мы обменялись местами, и Андросов занял в кузове, сжимая винтовку. Я свернул козью ножку, задымил, и Громов с воплем схватился за щеку — задувавший через щиток ветер отнес в его сторону махорочную искорку.

— Сел тоже, дарга, — заворчал профессор, — хорошо, когда шофер не курит!

— Это вам хорошо, а не шоферу. Андросов жаловался, что вы его совсем задушили. Я бы на его месте отомстил!..

— Как же должен шофер отомстить?

— Ну, «приложить» вас как следует, что ли! — смеялся я, не подозревая, что мне самому придется быть исполнителем приговора.

Дорога была хороша. «Дракон» несся почти без тряски, как по асфальту, расстояние в девяносто километров до аймака быстро сокращалось. Вблизи ключа Андросов наклонился сверху к моему окну.

— Вы или прибавьте хода, или сбавьте, а то лошадь убьется.

Справа от машины, выбиваясь из последних сил, мчалась коняга, верная тому же травоядному инстинкту пересечения дороги.

Я прибавил газ, «Дракон» рванулся вперед, и побежденная лошадь остановилась. Дорога резко отвернула, обходя холм... И вдруг перед машиной оказалась яма. Тормозить было поздно, да и в таких случаях даже вредно. Но машина взвилась вверх, клюнул и еще сильнее подпрыгнул. Я усидел, вцепившись в руль, а Громова подбросило в воздух и ударило головой о кабину. В тот же миг рассыпались кругом, будто вытряхнутые из мешка, трубка, карандаши, записные книжки, анероид, фотоаппарат, спички, портсигар, бинокль, фляжка, какие-то ножи, зубочистки, катушки ниток. Я не представлял себе, что из одного человека может высыпаться в одно мгновение такое количество вещей.

Долго после этого оскорбленный профессор поносил мое шоферское искусство!..

И опять мы за высокой стеной дома, под белым матерчатым потолком. Опять стоят рядами складные койки, горят вечерами свечи за длинным столом, освещая склоненные за работой головы. Много уже пережито и передумано в этих стенах в короткий, но насыщенный впечатлениями месяц...

Вечером местные жители заполнили дом. Койки были сдвинуты, на столах разложены еще не упакованные находки. Орлов и Громов читали жителям аймака лекции по палеонтологии и геологии. Я не раз замечал: для самых неподготовленных слушателей эти науки всегда оказываются интересными. С одной стороны, ясная каждому, осознанная еще первобытными рудокопами практическая применимость науки. С другой — только астрономия, геология и палеонтология открывают необъятные перспективы времени и пространства, исторического развития нашего мира в прошлом, а следовательно, и его возможного будущего. Но астрономия для глубокого понимания требует серьезной подготовки, в то время как высшие достижения геологии объяснимы в простых словах. Заинтересованные, с блестящими от любопытства глазами, слушатели засыпали нас градом вопросов, за сиделись у нас допоздна, и на следующий день лекции пришлось повторять...

Глава пятая
ПУТЬ НА ВОСТОК

*Верблюд без шеи, без ног
за холмы идет (дорога).*

Загадка

Восемнадцатого октября прибыл из Улан-Батора «Смерч». Мы прочитали письма, узнав новости с Родины, просмотрели двухнедельной давности газеты и стали собираться в путь. Ветер угрюмо ревел за стенами, клочья серых туч стремительно летели на юго-восток. Завтра нам предстояло навсегда покинуть уютное убежище и снова пуститься, как в океан, в открытую холодную Гоби. Мы должны были пройти поперек Гоби больше восьмисот километров с запада на восток, до аймачного центра Восточной Гоби — Сайн-Шанды («Хороший неглубокий колодец»). На такое расстояние нечего было и думать найти проводника. Знающие люди после нескольких совещаний в аймаке и айкоме посоветовали нам идти ближе к северной окраине гобийской зоны. В двухстах пятидесяти километрах на север от Далан-Дзадагада когда-то находилась автомобильная станция Шарангатай («Желтая равнина»). Шарангатай был соединен телеграфом с Сайн-Шандой и пограничными пунктами. Теперь от станции не осталось и следа, линия заброшена на участке от Шарангатая до монастыря Улугей-хид («Строгий монастырь»), но столбы, местами с проволокой, еще стоят. По этим столбам мы без ошибки доберемся до Улугей-хида, а там и до Сайн-Шанды.

Это предложение было принято как самое удачное. Возражения шоферов, что вдоль столбов может не оказаться дороги, пригодной для передвижения автомобилей, я отвел. Столбы при постройке линии должны были подвозиться на чем-то, даже если их подвозили на верблюдах — верблюжья дорога для полуторок годится. Небольшие участки песков, пухлых глин или крутых гор мы всегда сможем объехать, не теряя из виду линии столбов.

Передовым назначили «Дзерена» вместо потерявшего свою прежнюю лихость «Смерча». Наверху «Дзерена» заседала коллегия «проводников», состоявшая из Эглона, Данзана и меня. «Проводники» были несколько сму-

щены предстоявшим восьмисоткилометровым путем, но виду не показывали и бойко огрызались на колкости профессоров.

«Дракону» поручили вывозку базы и коллекций в Улан-Батор. Туда с первым же рейсом отправлялась Лукьянова — главный квартирмейстер. На ней лежала важная обязанность подготовить зимнюю базу, так как нам предстояло работать в Монголии в начале зимы.

Темнело. Я медленно обошел весь дом, проверяя, не забыто ли чего-нибудь. Два цирика разобрали старую юрту, служившую кухней. Не раз в особенно холодные вечера мы собирались сюда в тесный кружок, грелись, курили и рассказывали разные истории. В правой стороне двора упаковывали коллекции, тут же на стене Эглон сушил шкуры и рога дзеренов, левее, у входа, стояли бочки и баки с водой. Крыша дома нависала над проходом, превращая его в туннель. Я прошел по этому темному туннелю в кладовую через дверь в задней стене дома. Испорченные покрышки и камеры, разбитые аккумуляторы, поломанные рессоры лежали в углу. У стены высился штабель ящиков — научная добыча нашей экспедиции — все еще хорошие три тонны, хотя и «Дракон» был нагружен до отказа, и «Смерч» свез в Улан-Батор одну партию. Правее лежали мешки с мукой, крупой, тюки с уже ненужным снаряжением.

Для путешественника склад экспедиции всегда обладает какой-то притягательной силой. Должно быть, совокупность снаряжения, продуктов, инструментов, приведенная в готовность, дает ощущение прочного фундамента, обеспеченности выполняемого дела. И сейчас каморка, заставленная всеми этими вещами, вместе с научными сокровищами, с трудом добытыми из безвестных гор, показалась мне уютной. Я прикинул объем подлежащего вывозке имущества и со смутным сожалением вышел. Временный дом наш, обиталище кучки советских людей на окраине аймака, посреди огромной пустынной равнины, — завтра его у нас больше не будет.

Эглон разбудил меня в полной темноте и поднял обоих наших водителей. В морозном мраке загорелись факелы — начался разогрев машин. Андросов с Лукьяновой как остающиеся готовили чай. Мы, уезжающие, поспешно сворачивали и увязывали постели.

После кружки горячего чая «душа осмелела», как выразился Пронин. Мы надели полушубки, натянули кое-

как дешевые козьи дохи, сшитые на людей много меньшего размера, и превратились в косматых и неуклюжих страшилищ. В кузове, на скамейке, составленной из покрытых кошмой ящиков, я уложил сумку с картами и полевыми дневниками, повесил на шею бинокль, ФЭД, между колен зажал винтовку — таково было снаряжение члена коллегии проводников.

Кряхтя, взбирались два других проводника — Эглон и Данзан. Громов уселся в кабину, разложив свои записные книжки, компас, трубку. Только Орлов, по обыкновению, копался в своем чемоданчике на крыле «Смерча». У нашего Юрия Александровича была удивительная потребность — брать с собой в кабину множество ненужных вещей. Как мы ни уговаривали его передать все тючки и чемоданчики наверх, где сидели бдительные оруженосцы — наши рабочие, профессор упорно отнекивался и ехал, обложенный своим скарбом.

Эглон выпалил из дробовика, Орлов засуетился и кинулся в кабину, Андросов ответил тоже выстрелом, стоя у своего «Дракона».

В серых морозных сумерках мы повернули на улан-баторскую дорогу и понеслись на север. Нам нужно было проехать до Холод (Холт) сомона и оттуда повернуть на Шарангатай. Ближе от аймака находилась большая глинистая котловина. Клубы густой пыли взметнулись от колес машин, и показалось психологически странным связать мороз с освещенной яркими лучами восходящего солнца пылью самого летнего вида. Впоследствии я привык к этому, обычному для Монголии, явлению.

Бесконечной лентой летела навстречу знакомая, наезженная дорога, ставшая при высоко поднявшемся солнце еще более однообразной и серой. Резкие черные круги выделялись там и сям на равнине. Это диски автомобильных колес, главным образом от «ЗИСа-5», разбросанные беспечными монгольскими водителями во время войны по всем главным дорогам республики. Диски заменили теперь классические верблюжьи кости, когда-то обрамлявшие караванные пути. Конечно, кости встречались гораздо чаще, диски разбросаны на больших расстояниях, но и скорость автомашины несравнима со скоростью каравана. Таким образом, в конце концов впечатление одно и то же...

Оставив в развалинах монастыря Олдаху-хид привет-

стесненное письмо и маленькую бутылочку со «шкаликом» для Андросова, мы поспешили дальше. Хотелось до темноты достигнуть старой дороги, чтобы с утра ехать по определенившемуся пути. Но судьба рассудила по-другому.

Проехав Холод сомон, мы остановились на месте, заранее установленном по карте для поворота с дороги, и стали ждать отставший «Смерч». Ждали его целый час и поехали назад, километров двенадцать, где нашли машину в беспомощном состоянии, с замкнувшимся накоротко аккумулятором. Чинили, тащили на буксире и бились так до темноты. Пришлось встать на ночлег в трех километрах к югу от сомона. Отъехали с километр в сторону от дороги. Набрали аргала, зажгли костер и при его свете разобрали аккумулятор. Ветер, вначале помиловавший нас, зашумел на открытой равнине. Чаю напились под прикрытием машины, затем каждый поставил себе койку, где понравилось. Защиты от ветра, крутившего и заходившего со всех сторон, все равно не было. Раздеваться казалось страшно, но и лезть одетым в спальный мешок, увы, всегда тесный, настолько неприятно, что это делать можно только в особых случаях...

Утром, до окончания ремонта аккумулятора, я отправился побродить по окрестности. Под тонким песчаным слоем по всей равнине выходили коренные породы, образуя плоское скалистое дно. Каждый ничтожный холмик был покрыт россыпью крупных кусков кварца и красной яшмы. Я собрал несколько халцедонов и, персядя маленький ложок, вышел на равнину, испещренную выступающими гребешками твердых пород, до блеска отполированных ветром и покрытых черным пустынным загаром. Под одной из кубических черных глыб были воткнуты в песок кусочки кварца, очерчивавшие круг около полуметра диаметром. В центре круга лежали пестрые халцедоны. По-видимому, где-то здесь стояла юрта, и дети оставили по себе память на этой сейчас безжизненной равнине, одной из древних хаммад — каменистых участков пустыни, сейчас зарастающей с наступлением, пока еще очень робким, более влажного периода.

Выстрелом из лагеря напомнили о необходимости возвращаться. Аккумулятор был готов. «Смерч» на пробу послали в сомон за водой: мы хотели ехать допоздна и не зависеть от колодцев.

В половине второго наконец тронулись в дальней-

ший путь. Быстро нашли старый тракт, по которому добрались до Шарангатая, вернее, до того, что было им раньше. Сейчас от станции остался только колодец; земля, выровненная вокруг него, покрылась высокой дерисовой кочкой. Одинокая гора Халдзан-ула («Лысая гора») дала возможность ориентироваться. Проехав гору, мы повернули на восток, спустились с низкого увала в котловину Мурун-тала («Равнина большой реки») и заметались в тревоге между громадными пучками дериса. Проехали еще около километра и увидели первые столбы. Некоторые из них лежали поваленные, на изоляторах других еще висели куски проволоки. Но самое важное — вдоль столбов шел едва заметный, заросший на холмиках и смытый в лощинах автомобильный след. Значит, машины когда-то проходили здесь. Наступило общее успокоение, особенно для шоферов и для начальника экспедиции. Если бы дорога оказалась очень тяжелой, то мы могли бы задержаться еще на «холостом» пути в Сайн-Шанду до наступления морозов, тогда прощай палеонтологические раскопки!.. Но теперь следы давно прошедших автомобилей неоспоримо доказывали, что наши машины пройдут тоже. Отлично! Линия столбов едва выделялась прямой серой гребенкой на красноватой поверхности глинистой котловины. Всякие следы машин исчезли, но глинистая корка была тверда, и полуторки шли без затруднений от столба к столбу. Несмотря на издевки профессоров, мы, проводники, держались поближе к столбам, справедливо рассудив, что при будущих объездах гор и обрывов следует находиться в наименьшем удалении от «путеводной звезды».

Глинистая котловина растянулась на десятки километров. На ее словно искусственно выглаженном дне растительность почти отсутствовала. Только кочки полыни и сухие редкие кустарники какой-то колючки виднелись на комковатой твердой почве малозаметных возвышений. Я попытался представить, каково бы было пробираться здесь во время дождя. Едва я решил, что передвижение в дождь абсолютно невозможно для автомашин, как увидел сначала один, а за ним недалеко и второй высохшие трупы верблюдов. Следы, запечатленные в затвердевшей глине, отразили все происшедшее в момент гибели животных. Почва кругом была истоптана — видимо, застигнутые дождем верблюды бесцельно кружили по липкой, размокшей глине, но совершенно не

могли выбраться или теряли направление. Борозды скользивших ног, ямки от колен падавших животных, вмятины от их тел — вся трагедия была как на ладони. Выбившись из сил, животные издохли еще до того, как глина успела высохнуть. Трупы верблюдов все еще были облеплены твердой, точно цемент, коркой глины.

Эти огромные, вязкие в дождь пространства, без сомнения, были грозными ловушками для верблюдов, приспособленных к сухой почве гобийских равнин и гор. Однако для антилоп, оленей с цепкими копытами или для лошадей с их «дорожной памятью» и отличной ориентировкой вязкие глины не являлись серьезной опасностью. Нужны были уж слишком сильные и продолжительные дожди, чтобы превратить их в топи.

Из котловины, миновав Тахилга-Цаган-обо («Обо Белой жертвы»), мы выехали на мелкосопочник Цонгор-Баян («Богатый ухабами и ямами»). Нас окружило море холмов. На вершинах повсюду торчали развалины твердых пород, очень светлых, почти белых — известняков, мраморов, светло-серых глинистых сланцев, кварцитов. Веселый и светлый тон всей местности оживлялся перистыми гривами дериса. Как золотистые оторочки, вились они под ветром между холмами в солнце ясного осеннего дня. Автомобильный след то терялся, то выступал на верхушках холмов, и дорога вся в подъемах, спусках и поворотах не была однообразной. Полосы, гребни и глыбы светло-серых пород казались голубыми и перекрещивались, мешались, пестрели белыми известняками, желтизной высохших трав, серебристо-желтыми лентами дериса. Голубовато-серебристо-желтые холмы, простиравшиеся до горизонта в прозрачную даль, казались как-им-то новым радостным и неизведанным краем.

Около тридцати километров мы проехали по голубой «стране света». Потом холмы стали выше и круче. Темные диориты, острые ребра черных филлитов придали угрюмость склонам сухих русел, куда спустилась теперь дорога. Столбы ушли по крутым гребням налево.

Выбравшись из глубокого сухого русла, мы опять попали в светлую страну. Солнце уже клонилось к закату, голубые оттенки местности сменялись розоватыми, словно другая музыкальная тональность окрасила низкие холмы — тоже ласковая и приветливая, но более мажорная. Столбы подошли к краю области мелкосопочника, справа расстелилась песчанистая равнина, уходив-

шая на юг, где в светлой желтоватой дали слабо различались барханы обнаженных песков. Столбы поворачивали налево, туда, где скопище пологих холмов снова потемнело, очезидно, опять начинались изверженные породы...

Машина резко затормозила, я пошатнулся, инстинктивно сжав винтовку. Эглон уже прицеливался в двух крупных дзеренов, сбегавших на равнину и призрачно мелькавших во впадинах между холмами. Я опоздал и не стал мешать товарищу. В гобийской тишине, при безветрии или слабом ветре, выстрелы хлещут как-то особенно сильно, рассекая и сотрясая воздух. Сквозь заднее окошечко кабины я мельком увидел, как Пронин заткнул пальцами уши,— наш нервный водитель «Дзерена» не любил стрельбы. Если стреляют прямо над кабиной, то выстрелы очень неприятно отдаются внутри ее.

Четыре выстрела, и Эглон, махнув рукой, опустился на сиденье. Дзерены отбежали далеко, не меньше четырехсот метров уже отделяло их от машины. Звери продолжали нестись во весь опор, почувствовав приволье равнины. Пронин высунулся и укоризненно посмотрел на Эглона.

— Неужели все? Поедем?

Мне стало жаль огорченного шофера, и, облокотившись на кабину, я быстро прицелился. Худшему стрелку, чем Эглон, у меня почти не было надежды снять антилопу на полном ходу, с четырехсот метров. Поэтому я действовал без малейшего волнения.

Антилопа повернулась задом, показав светлое «зеркало», которое я в ту же секунду поймал в прицел, и нажал на спуск. Животное рухнуло, с ходу перевернувшись через голову, раза два брыкнулось и осталось лежать. Вторая, меньшая, антилопа подпрыгнула и ускорила бег. Я опустил винтовку — мяса было совершенно достаточно. Первобытные вопли и приветственное маханье руками — то, чем товарищи выражали одобрение удачному выстрелу и радость добыче, право же, были несколько не менее приятны, чем похвала какой-либо из моих научных работ...

Машина Андреева спустилась на равнину за добычей.

Антилопа оказалась не дзереном, а какой-то новой, неизвестной нам породы: более крупная, с прямой мордой, с большими ушами и очень светлого, кофейного цвета шкурой. Как впоследствии определили, это была оби-

тывальница бассейна Хуанхэ, антилопа-ада. Отсюда до истоков Хуанхэ было совсем не так далеко — не больше трехсот километров... В Улан-Баторском музее есть хороший экземпляр антилопы-ада, но убитая нами была еще крупнее.

Дни стали короткими — темнело в шесть часов. В десять минут седьмого мы остановились среди мелкосопочника, там, где линия столбов, переломившись устом, повернула к югу.

Ничего не подозревая, мы поставили палатку около свалившегося столба, висевшего одним концом низко над землей, на уцелевшей проволоке. Здесь оказалось много топлива, и повар решил напечь пирожков и котлет на дорогу. Пронин тоже набрал дров и разложил большой костер. При свете костра мы установили, что погибла шестерня стартера. Запасной не имелось, и отные машину стали заводить ручкой.

Место лагеря оказалось неудачным. По обычной примете путешественников, если случается одна беда, то надо обязательно ждать вторую и третью — якобы всегда происшествий бывает по три — три счастья, три несчастья. Такая примета, как бы нелепа она ни была, нашла в эту ночь полное свое оправдание.

Сразу после того как выгрузили машины, выяснилось, что вся почва кругом покрыта зверскими колючками. Проклятые растения были снабжены, по-видимому, не шипами, а гарпунами. Каждая брошенная на землю вещь, если она не была из металла или из дерева, немедленно пронизывалась колючками, и после этого ее уже опасно было брать в руки. Решительно ни сесть, ни положить ничего было нельзя. На следующий день обнаружился еще один сорт колючек — зернышки ковылька с еришным наконечником и длинным хвостом. Такое устройство позволяло этим «хвостовикам» не только вонзаться в ватники, но и передвигаться в вате все глубже и глубже, пока острый носик зернышка не выходил на другую сторону, коля и царапая кожу.

Все остальное время пребывания в поле мы мучились с этими хвостатыми колючками, находя их то в спальном мешке, то в глубине ватника и почесываясь от них не хуже, чем от некоторых насекомых. Колючки явились первой бедой. Едва мы, усталые и сытые, улеглись в мешки и согрелись, как в палатку ворвался Андреев с волком: «Дайте винтовку — волки!» Пальма действитель-

но лаяла упорно и звонко с четверть часа, но мы не обратили на это внимания. Однако шофер заставил нас подняться — мы знали, что стрелять Андреев совершенно не умеет и может попасть в Пальму вместо волка.

Натянув сапоги и полушубок, дрожа от ветра, холодившего голые колени, я вышел из палатки с винтовкой.

Ущербная луна освещала бледные склоны холмов, угрюмо щетинившиеся черными кустами. Достаточно было одного взгляда, чтобы узнать в таких же кустах, только расположившихся на самом гребне склона, андреевских «волков». Напрасно шофер клялся, что «они» пришли, сели и ждут. Эглон, тоже выкарабкавшийся из мешка, со смехом выстрелил в кусты. Никакого движения. Выругав фантазера, мы поплелись в палатку. Но третья беда уже подкарауливала нас. Едва я снова согрелся в мешке, как услышал назойливое гудение над самым ухом. С трудом разлепив смыкавшиеся веки, я огляделся, но ничего не увидел в слабом, проникавшем через палатку лунном свете. Опустив голову на подушку, я снова услышал гудение и тут сообразил, что это гудит висящий на проволоке столб. Ночной ветер заставил вибрировать железный провод брошенного телеграфа, сохранившийся на этом участке. Поваленный столб натягивал проволоку туже и резонировал. Гудение становилось все сильнее, принимая злобный оттенок. Привыкшие к полной ночной тишине товарищи стали ворочаться, недовольно побрякивая. А гудение перешло в торжествующий рев, наглый и нестерпимый. Очевидно, ветер усиливался. Проклиная день и час своего рождения, выбрались из мешков Орлов с Эглоном, вышли и отцепили от столба две привязанные за него палаточные растяжки. Но труды их были напрасны — едва они улеглись, как услышали настойчивый рев столба. Очень хотелось спать, и я терпел еще с четверть часа, но столб ревел и ревел, пока я, потеряв всякий сон, не вылез из мешка и не нашарил близ печки топор.

— Я помогу! — высунулся вдруг из своего мешка Эглон. — Больше невозможно терпеть!..

— А я думал, ты спишь!

— Заснешь тут разве! — мрачно отозвался Эглон, осторожно опуская руку вниз — искать сапоги в колючках было небезопасно.

Столб, как будто чувствуя близкую расправу, заре-

вел особенно злобно. Казалось, вся палатка начала вибрировать. В неверном лунном свете мы не сразу нашли проволоку. Только когда Эглон, запнувшись за нее, полетел в колючки и огласил лагерь проклятиями, проснулись все. На подмогу вылез повар с фонариком. Проволока оказалась непостижимо крепкой, но и общее раздражение дошло до пределов. Страшные удары топором, снопы искр от щебня, свист проволоки — и столб глухо стукнулся об землю. Наступила тишина. С победой мы вернулись в палатку. Четвертой беды не случилось, но от раздражения мы не сразу уснули.

Утром поднялись задолго до рассвета с целью удлинить маршрутный день. Вчера мы прошли всего сто километров — слишком мало: осень была на исходе, приходилось торопиться.

Высоко в небе висел узкий, почти горизонтальный серп луны. Пепельный, нежный свет лился на склоны западных холмов, а восточные резко, черно и угрюмо вырисовывались на розовеющем горизонте.

Без всякого сожаления мы оставили «лагерь ревущего столба». Сразу же за стоянкой оказались развалины небольшого монастыря и два колодца с плохой, застоявшейся водой. Поворот дороги — и открылась большая котловина, недобро выставявшая напоказ по всей своей ширине кочки и бугристые пески. На небольшом уступе перед песками стоял ослепительно белый, полуразрушенный субурган. Левее, за холмом, виднелись ряды келий, сохранившихся лучше, чем здание большого храма, от которого остались только кучи полуразмытых сырцовых кирпичей. Это был прежде довольно большой монастырь Талаин-Чжисахурал («Монастырь долинной святости»).

Мы пошли посмотреть развалины — иногда удавалось находить в таких монастырях бронзовые или глиняные статуэтки богов. Каждому хотелось найти что-нибудь на память о путешествии.

Орлов нашел несколько книг: пачки удлиненных листов между двух деревянных дощечек, стянутых шелковыми лентами. Книги оказались на тибетском и старомонгольском языках. По уверению Данзана, это был какой-то древний роман, и мы решили взять книги для Комитета наук.

Я подобрал деревянные тибетские печати-клише для изготовления листов с молитвами.

— Иван Антонович, машина идет! — окликнул меня «батареец». Все смолкли, прислушиваясь. Гул мотора приближался с каждой минутой. Откуда было взяться здесь, на безлюдном пути, машине? Сильно заинтересованные, мы поспешили к полупторкам, а мотор звучал все сильнее, мощный и ровный.

— Идет «ЗИС»! — уверенно крикнул Пронин.

С уступа под субурганом мы увидели крохотную черную коробочку, медленно плывшую среди кочек, слева от нас вдоль края котловины. Вот коробочка выросла до размеров письменного стола, стали видны люди, сидевшие на завязанном брезентами грузе. «ЗИС» раскачивался с боку на бок и клевал носом, одиноко и упорно пробираясь по бездорожью. Мы молча поджидали, довольные встречей, надеясь подробно расспросить о дороге. Расспросить не аратов, привыкших к передвижению на коне или верблюде, а таких же, как мы, автомобилистов, могущих правильно расценивать дорогу! «ЗИС» подошел, темный, громоздкий, тяжелый, и наши полупторки показались перед ним хрупкими. Краска на капоте и кабине машины стерлась от песчаных бурь, блестел отполировавшийся металл.

Собака — настоящая немецкая овчарка — залаяла с высоты кузова. Закутанная женщина неприветливо взглянула на наши улыбающиеся лица. На борту кузова висел убитый дзэрен. Сидевший впереди на грузе монгол что-то закричал приветливо, и Данзан откликнулся обычным «сам байну».

Из кабины, целовко волоча длинную винтовку, выбрался невысокий чернявый человек. Не полевая сумка, но неуловимые для непосвященных признаки помогли угадать в нем геолога.

Вскоре мы простерлись над картами на разостланной кошме в наиболее важной для всех путешественников беседе — о предстоящем пути. «ЗИС» шел на Шарангатай, и геологи очень обрадовались, когда узнали, что мы прибыли оттуда и теперь до самого конца пути их будет вести наш путеводный след. Нам же не повезло: геологи ехали из района бывшей караванной станции Саир-усу, давно уже не существующей, — северо-восточнее наменного нами направления.

След «ЗИСа» был нам не нужен, и мы не стали тратить время на расспросы, а спустились в котловину и принялись нырять между кочками. Резина полупторок

сильно подносились и теперь начала слишком часто напоминать о себе — чуть ли не каждый час езды кончался сменой баллонов и досаднейшей задержкой.

День окончился без особых впечатлений, а следующий начался с обычного пересечения чередующихся котловин и скалистых гряд. Медленно забирались мы на перевал в горах Элигений-ула («Печеночных») через черное ущелье — великолепную сквозную долину. Жестоким ветер дул нам прямо в лоб, неся слабо ощутимый странный запах нагретой ткани. Я так и не додумался до объяснения, откуда он взялся, как мы пошли на спуск и очутились в новой котловине, заполненной высокими песчаными кочками по пяти метров высоты, густо поросшими зеленой колючкой. Колодец и вытопанная стоянка скота показались справа, потянуло запахом мочи. Поодаль стояли две юрты. Котловина, круглая, как озерко, в поперечнике была не больше километра.

Мы не стали приближаться к юртам, чтобы не распугать скотину, лезть в песок также было неблагоразумно. Поэтому мы выбрались на каменистый увал, взяв круто вправо и расставшись со столбами. Впереди встал черный хребет, усаженный треугольными скалами, будто зубами чудовищной акулы. С тревогой я рассматривал его в бинокль — протянувшийся далеко с севера на юг, он мог оказаться тяжелым препятствием.

Но судьба благоволила к неопытным гобийским проводникам — хребет был низким и доступным, но мы из-за грозного его вида посчитали его находящимся гораздо дальше, а следовательно, и выше, чем на самом деле...

За страшной зубчатой стеной, обращенной к котловине, простирался мелкосопочник — система мелких долин разделяла холмы, сверкавшие на солнце черными зеркалами пустынного загара. Как будто тысячи тонн смолы были разлиты здесь и покрыли всю местность блестящей черной пеленой!

Столбы не были видны, и мы не знали, в какое из ущелий, разрезавших черный хребет, направить машины. Большое обо, сложенное высокою и узкою пирамидой, указало путь. Оно стояло на вершине горы, на краю громадного обрыва, а прямо под обо пересекались крестом белые жилы кварца. Трудно было бы найти более заметное место для знаменитого, отмеченного на карте Дурбульчжин-Цзурихэ-обо («Обо чистого сердца»). Машины проникли в теснину. На уступе правой стены стоя-

ла плита серого песчаника с тибетской надписью «Ом мани падме хум». Под плитой аккуратными рядками лежали кусочки халцедона, позеленевшие монеты, обрывки истлевшего шелка.

Дальше долинка расширилась. Прямо перед нами высилась стена огромных черных зубцов. Вокруг в неподвижном молчании громоздились черные конусы, зубы, гребни и стены — все чистого черного цвета, будто вырезанные из черного дерева и отполированные.

Ниже пологие склоны и гребни увалов покрывал сплошной панцирь абсолютно черного щебня. Это море черноты рассекалось светло-серыми песками сухих русел с широкими лентами соляных выцветов чудесного небесно-голубого цвета и султанами серебристого дериса.

Причудливо змеились эти яркие голубые и серебряные ленты у подножия теснившихся вверху блестящих черных зубцов. Пики, морды, горбатые спины, башни, лежащие чудовища чернели, с непостижимой резкостью выступая на сияющем небе, а внизу, в расширениях русел, ярко-красные глины и высокие зеленые кочки, казалось, олицетворяли жизнь среди бездушной черноты...

Несомненно, близко должен был быть монастырь. И действительно, едва мы взобрались на узкий черный хребетик и спустились в соседнее ущелье, где приземистые пустынные вязы — хайлясы — говорили о наличии подземных вод, как дорога внезапно вышла в необъятную котловину, показавшуюся безграничной в туманной дали. Налево, впритык к обрывистым скалам, появился громадный монастырь Улугэй-хид. Здания тибетской архитектуры сохранили еще свои стены, и огромная площадь развалин показалась нам после пустынной Гоби размерами чуть ли не с Улан-Батор.

От подножия скал уступами шли один за другим большие храмы с высокими стенами, сооруженные на искусственных террасах из плит песчаника. Ниже сбегали мощные проулучки между рядами келий и каких-то длинных и низких построек. Большой человеческий труд был затрачен здесь, и теперь только ряды бесчисленных стен в беспомощном разрушении мертво и молча стояли между жаркой песчаной равниной и кручей бесплодных скал. Но нет, не все оказалось мертвым. Высоко над развалинами на уступе обрыва стояла уцелевшая кубическая тибетская постройка. Каково было ее назначение для монастыря — осталось нам неизвестным, но сейчас

к ней с двух сторон подходили телеграфные столбы целых, неброшенных линий. Несколько цириков поспешно спустились к нашим машинам. Поговорив с Данзаном, они встретили нас очень приветливо. Несколько солдат стали даже помогать нам в обычных «монастырских занятиях». Пока из хорошего колодца мы пополняли истощенный водяной запас, все свободные от этого дела разбрелись по развалинам в поисках «богов». Наиболее ярый искатель богов Эглон и соревновавшийся с ним Пронин усердно раскапывали кучу глиняных обломков. Оба были очень разочарованы, когда мы с Громовым нашли рядом несколько очень хорошо сохранившихся изображений топкой работы. Солдаты рассказали, что они знают про клад, будто бы зарытый здесь ламами при их изгнании из монастыря. Клад состоит из золотых и серебряных вещей, и солдаты на досуге (а досуга у них здесь, на пустынной телеграфной станции, очень много) роются, пытаясь найти спрятанное.

У наших рабочих и шоферов загорелись глаза. Даже я почувствовал тот исконный мальчишеский порыв к кладоискательству, который владеет всеми особями мужского пола и, несомненно, имеет под собой какую-то биологическую подоплеку. Археология целиком, а палеонтология отчасти обязаны своим возникновением этой тяге к кладоискательству. Может быть, в каждом человеке есть отголоски переживаний древнего горняка, в незапамятные времена искавшего полезные камни, руду или самородные металлы. А так как этим, вероятно, занимались только мужчины, то отсюда и понятна эта черта их характера, мало свойственная гораздо более практичным в отношении кладов женщинам...

Но сейчас мы могли лишь позавидовать монгольским кладоискателям. В одиннадцать часов, запасшись водой и наскоро позавтракав вместе с цириками, мы отправились в дальнейший путь вдоль столбов на этот раз действующего телеграфа, которые должны были привести нас в Сайн-Шанду. Солдаты вывели нас на тропу, и мы поехали прямо на восток.

Дорога поднялась на высокий перевал. Впереди раскинулось плоскогорье с белесым ковыльком, на котором паслись дзерены. Одна из антилоп пала жертвой меткого выстрела Эглона, пополнив запас мяса. На вершине небольшого увала, пересекавшего плоскогорье, «Смерч» усиленно засигналил. Мы остановились. Андреев, вы-

скочив из машины, отчаянно махал кепкой. Пришлось вернуться. Пока нашли повреждение — пробитое реле, у нашего «Дзерена» на стоянке спустил баллон. Мы возились с машинами, а Эглон бродил в стороне в поисках новых находок — наш неутомимый Ян был прирожденный собиратель всего: костей, насекомых, образцов дерева, халцедонов, пустынных многогранников, статуэток богов...

Эглону зачем-то показалось нужным осмотреть два бугорка поодаль, правее дороги. На ближнем холмике оказался разбитый арслан — фантастический лев в виде барельефа из обожженной глины. Такие арсланы украшают цоколи больших субурганов, и этот был, несомненно, похищен из Улугэй-хида, но на перевале, видимо, стало невозможно тащить его дальше. Эглон собрал и упаковал находку. Теперь этот арслан, склеенный и вделанный в деревянную рамку, приветствует входящих в мою московскую квартиру...

Заполненная песком котловина встретила нас на границе новой области, в ста четырех километрах от Улугэй-хида. Пески погребли длинные гряды базальта, гребни которых местами выходили на поверхность. Отполированные ветром и песком базальты покрылись яркой, блестящей коркой густого и чистого лилового цвета, необычного для камня.

Так чудесно выглядели блестящие лиловые утесы и полосы, рассекавшие рыхлую и желтую поверхность песков, что я в пятисотый раз пожалел о цветной фотографии. Впрочем, и фотография оказалась бы бессильной перед величием, чистотой с тонкими переходами гобийских красок — нужен был художник...

Пески быстро окончились, и мы выбрались на усыпанное щебнем плато. Но не успели проехать по нему и пяти километров, как снова спустились в вытянутую с севера на юг котловину, совершенно черную от сплошного покрова мелкого щебня. Из-под щебня рыжеватым подцветком проглядывала красно-оранжевая глина.

Котловина Цэгийн-Тойрим («Точечная впадина») была такой ровной и такой громадной, что ее поразительная выглаженность, подобная листу стекла, казалась неправдоподобной. Впрочем, вблизи стали заметны мелкие и широкие, окаймленные саксаулом русла, заполненные песком и пересекавшие котловину в трех местах. В их песке машины грузли и буксовали. Щебнистая поверх-

путь самой котловины держала машины лучше, хотя местной щебень вдавливался в глубину и машины шли тяжело.

Быстро и незаметно спустились сумерки. Мы решили почивать в котловине. Машины, койки, костер очутились точно посреди гигантской бальной залы — темнота уничтожила последние признаки неровностей на этом необъятном черном паркете. Хорошо, что стояли спокойные дни и особенно ночи — чистый, без единой песчинки и пылинки щебень свидетельствовал о дьявольской метле, постоянно разгуливающей по этой равнине. Пока готовили ужины, я пошел к центру котловины. Там не было щебня — одна только глина, но уплотнившаяся до твердости цемента.

Я долго стоял посреди этой необычайной равнины, наблюдая, как стелются, растекаясь по черному щебню, последние слабые лучи солнца и непомерно длинные стрелы — тени саксаула — становятся еще длиннее. Тени достигли двух десятков метров длины, лучи угасли, и черные стрелы растворились в черноте щебня. Слабый звездный свет едва отблескивал на поверхности щебня, когда я возвращался к лагерю, туда, где колебалось, вздымаясь и падая, багровое пламя, полускрытое силуэтами машин, казавшихся исполинскими на гладкой земле.

Двадцать второе октября прошло продуктивно; мы сделали сто шестьдесят километров и находились довольно близко от Сайн-Шанды.. Всякие следы дороги исчезли еще вечером при въезде в котловину. Наутро мы тоже не смогли их разыскать.

Пески и глины грязноватых, неярких цветов были рыхлой, неверной почвой для машин. Горы и холмы из твердых пород с их резкими, определенными формами уступили место расплывчатым увалам и засыпанным песками останцам.

Пришлось пробиваться по бугристым пескам вдоль столбов — никакой надежды объехать эту простершуюся во все стороны равнину не было. Машины раскачивались и судорожно дергались, то одолевая очередной бугор, то глубоко распахивая кочку колесами. Впереди поднимался невысокий останец — возможный путь на плато. Увы, едва лишь мы, форсируя до предела моторы, одолели песчаный склон, как с вершины останца открылись местность, состоявшая из бесконечных, запесчанен-

ных равнин. Среди них там и сям торчали останцы красноцветных гобийских пород. Временами более высокие гряды округлых гор преграждали путь. На гребне одной из таких гряд мы нашли заметно прокатанный автомобильный след вдоль старой верблюжьей тропы. Множество халцедонов усеивало тропу. Я поднял валявшийся среди них кусок окаменелой кости, судя по характеру окаменения — динозавра. Поехали по старой автодороге, проходившей в стороне от телеграфной линии и извивавшейся по верхушкам холмов и грядок, чтобы избежать запесчаненной поверхности равнины.

У подножия одного из холмов стояла юрта, настолько запыленная, что она почти не выделялась среди окружающих песчаных кочек. Это оказалась телеграфная станция, и мы с удовольствием узнали, что до Сайн-Шанды осталось не больше восьмидесяти километров. Дорога становилась все более накатанной между широкими размывами и оплывинами красных и лилово-серых глин и песчаников.

Несколько раз мы останавливались, сейчас же покидая машины и привычно рассыпаясь «веером» по окрестным холмам. Несмотря на беглость осмотра, все чаще попадались обломки костей, в том числе кусок бедра, фаланга пальца динозавра, щитки черепях. Не было сомнения, что здесь находилась область развития меловых отложений, к западу от аймака. Однако гораздо лучше было поскорее попасть в Сайн-Шанду, не тратя времени на дальнейшие поиски, там найти проводника, а также, устроив базу, облегчить машины для разъездов по бездорожью. Размывы глин стали еще причудливее; замшево-серые купола, лиловатые конусы, красные цилиндрические башни, ребристые желтые стены...

Наконец мы выбрались из лабиринта размывов на щебнистую равнину, поросшую ковыльком. Около семидесяти километров мы прошли от ночлега, но тут дорога отвернула от столбов — вдоль них пошел лишь слабо накатанный след. Пронин затормозил и выжидающе выглянул из кабины. Я посмотрел на членов «коллегии проводников» — смущение было на лицах Данзана и Эглона. По внезапному вдохновению я решил, что такая хорошая дорога не может идти никуда в другое место, кроме аймака, хотя бы она и круто заворачивала на север. Я махнул Пронину рукой в сторону от столбов. Тотчас же из кабины высунулся Громов и с ехидным смещ-

нам не ведомыми, как это мы решаемся покинуть спасительные столбы. Приняв важный вид, я приказал подчиниться «проводнику».

Навстречу хорошей дорогой, «Дзерен» понесся на предельной скорости. Отставший «Смерч» сначала было заметился у поворота, потом стал догонять нас. Дорога пересекла мелкокопчик без русел, поднялась на длинный хребтик и по нему вышла на бесконечную и безжизненную равнину, очень светлого, желто-серого, цвета от бесчисленных белых камешков и малозаметной сухой и редкой травы. Дорога расширилась почти вдвое и превратилась в настоящий тракт после того, как соединилась с другой дорогой, шедшей с северо-запада.

Сомнений, что мы приближались к аймаку, не оставалось. Все же, увидев издалека арата, ехавшего на верблюде, мы замедлили ход и осторожно приблизились, призывно махая руками. Старик арат, несколько не удивившись автомобилю, сообщил, что до аймака километров пятьдесят такой же хорошей дороги. Мы поблагодарили арата, и он поспешно отвел верблюда, чтобы животное не испугалось при запуске мотора, доказывая опытность во встречах с машинами.

Подъехал «Смерч», и Орлов, вторя Громову, стал прохаживаться насчет удаления от столбов и напуганных «проводников». Я решил отомстить. Подмигнув товарищам, я принял убитый и пристыженный вид и сообщил, что мы заблудились и едем вовсе не в Сайн-Шанду, а в какой-то сомон. Придется ехать обратно. Товарищи вторили мне, сокрушенно качая головами, Андреев ринулся и стал требовать остановки, чтобы справиться с горячим. Орлов стоял с растерянным видом, не понимая каверзы. Насладившись мстью, мы быстро завели машину и двинулись в прежнем направлении. Бранные выкрики товарищей, смекнувших обман, понеслись нам вслед, но мы быстро вышли из пределов их досягаемости.

Весело поглядывая друг на друга, «проводники» занялись беспечным разговором. Дело сделано, машины можно считать уже пришедшими в аймак через восемьсот километров гобийских гор и впадин. Больше не нужно тщательно следить за местностью, запоминать все повороты, рассчитывать пригодность почвы для передвижения машин...

Машина остановилась. Пронин пулей выскочил из кабины. Я недоуменно окликнул его, но шофер, не отвечая, стал яростно чесаться об угол борта, потом снял ватник и тщательно осмотрел его с изнанки. Я успокоился — ничего не случилось, просто очередная колючка из лагеря «ревущего столба» дошла до кожи шофера.

Машины понеслись снова. Мы с Данзаном заговорили о наводнениях, иногда случающихся в Гоби. Я удивлялся, откуда берется столько воды, чтобы напитать и заполнить все бесчисленные сухие русла, песчаные впадины, массивы рыхлых отложений.

— А знаете, какой идет дождь! — возбужденно крикнул Данзан. — Нельзя говорить — слышно только ш-ш-ш-ш-ш! — изо всех сил зашипел геолог.

Машина затормозила, толчком дернула нас вперед. Опять Пронин выскочил, обежал вокруг машины и молча вернулся в кабину. На мой вопрос он лаконично ответил, что посмотрел резину.

Машина тронулась. Я увидел, что Данзан смеется, и догадался, что шофер, услышав энергичное шипение Данзана, решил, что спускает баллон. А что, если попробовать это снова? По безмолвной команде все трое набрали воздуха и хором зашипели: ш-ш-ш-ш-ш-ш!

Сцена осмотра баллонов повторилась заново. Убедившись, что все в порядке, Пронин подозрительно взглянул вверх, увидел смеющиеся лица, рассердился.

— Если еще будете шипеть — не повезу! — сверкнул он цыганскими глазами и втиснулся боком в кабину.

Пологие, широкие холмы, просторная светлая равнина... Машины летели по отличной дороге, их длинные тени в заходящем солнце убегали вперед по щебню и пыли. Мы вышли из безлюдной Гоби — на востоке поднялась гряда низких холмов, на них — дома, освещенные солнцем, казались парусами в море. Аймак приближался. Он был населеннее Далан-Дзадагада, судя по числу домов.

Справа и сзади вынырнули из-за бугра столбы — верные друзья и маяки на пройденном пути. Широкое сухое русло огибало холмы аймака, песок в нем был укатан машинами, и мы пересекли его без задержки. Однако едва мы поднялись на последний ряд холмов, как кончился бензин. Машины шли на последних литрах — пришлось задержаться для заправки.

Множество хитроносов блестело на солнце, разбросанных среди стебельков засохшей травы. Таких крупных мы еще не встречали и с воодушевлением принялись за сборы, но, к сожалению, бензин был налит очень скоро.

Машины приблизились к домам на южной окраине аймака. Мы долго уже находились в Гоби, и даже одноэтажные домики казались нам внушительными. Здесь не встречались двухэтажные великаны!.. Право, мы въехали в величественную столицу! Про эту относительность масштабов и оценок, целиком зависящую от бытовых условий, никогда не следует забывать историка, этнографу, писателю...

У белого домика с двумя высокими крылечками мы остановились. Аймагин дарга — начальник аймака — оказался в своем кабинете. Пока мы разговаривали о пройденном пути, о наших мелких, но неотложных нуждах (квартира, баран, хлеб), солнце село за невысокие темные горы, там, за лишней столбов, приведшей нас сюда. Мы вышли на крыльцо и невольно съежился — знобящий холод сразу проник под ватник. Усталые спутники ожидали, покурившись, закутавшись кто во что горазд. Стало жаль верных товарищей.

Посыпались распоряжения — Данзан с рабочим и Эгдоном отправились на мясокомбинат, в пекарню и магазины, а мы, взяв уполномоченного аймака, направились в отведенную квартиру. Первую, находившуюся поблизости, забраковали из-за тесноты. Трудно было с помещениями в этом аймаке — многолюдном, быстро развившемся центре. Пришлось переправиться на северную окраину аймака, под склон плато, окаймлявшего поселок с севера и востока.

Маленький домик бывшей ветеринарной аптеки стоял на самом краю поселка, близ каких-то нарытых в войну им и канав. Помещение не могло вместить всех — перед входом поставили палатку, где разместилась «научная сила», предпочитавшая свежий воздух. Быстро и дружно убрали помещение, машины выгрузили, плиту затопили. На вымытом столе загорелись свечи, синий махорочный дым низко стлался в еще не нагретом доме. Но холод и свирепый ветер не проникали сюда — мы опять устроили свой, русский, дом в новой области гостеприимной страны после пятидневного пути через Гоби. Задача перемещения была выполнена быстро, следовательно —

удачно. Еще неделя работы вокруг Сайн-Шанды, и путешествие этого года придет к концу...

Люди устали. Сказывалась трудная дорога. То один, то другой опускал голову на край стола, не в силах бороться с дремотой. Пронин принялся доставать постель, решив не ждать обеда. Его примеру собирались последовать многие.

Остаться без обеда было обидно: торопясь доехать до аймака, мы не ели весь день. Я подошел к дремавшему Громову и пошептался с ним. Профессор поднял очки на лоб, пошарил вокруг себя и извлек из груды тюков на полу маленький бидон. Эглон проснулся и зычно scomандовал: «Подходи с кружками!»

Громов с Эглоном налили всем понемногу спирта. Спирт подбодрил людей, появился аппетит. Как раз поспел суп и вареная баранина. Свежий хлеб после гобийских твердых лепешек улучшил вкус позднего обеда. Разогревшись в домике, мы разделись и забрались в мешки в своей палатке, даже не затопив приготовленной печурки.

Двадцать четвертого октября провели на новой базе в аймаке. Подыскивали проводника, заново распределяли вещи. Тщательно проверили количество бензина: здесь оставляли «железный» запас на возвращение в Улан-Батор. Конечно, мы могли бы взять бензин в аймаке, но только с «отдачей натурой». Тогда пришлось бы гонять сюда машину из Улан-Батора. Как раз этого я хотел при всех случаях избежать. Закупоренную бочку завернули в кошму, обвязали и заперли в маленькой кладовой домика. Ящики с коллекциями, водяные баки, третья палатка и запасные колья — все это оставлялось здесь на время маршruta.

К концу дня пришел проводник — пожилой арат с жировой шишкой на голове, назвавшийся странным прозвищем Кухо («Кукушка»). Только позднее он сообщил мне свое настоящее имя — Намцерен. Мы уговорились о выезде завтра на рассвете, но этот план неожиданно нарушился. На закате резко похолодало, свирепый ветер завыл, скатываясь на нашу маленькую усадьбу прямо сверху, со склонов плато. Он подул с полчаса, усилился, перешел в настоящую бурю и пригнал тяжелые белесоватые облака. Пошел снег. Скоро все покрылось плотной белой пеленой, а ветер все крутил и взбрасывал снег, будто не мог уложить его как следует. Надежды на завт-

рабочий выезд становились сомнительными — что мы сможем увидеть под снежным покровом? А видеть в этом новом для нас месте мы должны были все! Прислушавшись к реву ветра и свистящему шороху сухого снега, мы сидели с Громовым за столом, рассуждая о пройденном пути. Зибай Орлов в начале бури удалился в палатку и забрался в спальный мешок.

Громов жесточенно ткнул свою трубку и желтым с оборотной колоды пальцем водил по карте вдоль синей линии нанесенного маршрута. Склонив голову набок, округлив глаза и высоко подняв брови, профессор по обыкновению стал похож на большую хищную птицу, взъерошенную и обветренную бесконечными ветрами Гоби. Говяко гладко выбритое лицо напоминало о щегольски одетом ученом, расхаживавшем некогда по Улан-Батору в светлом костюме с белоснежным воротничком.

Я посмотрел на часы. Близилось к полуночи. Шум ветра и тонкими глинобитными стенами не умолкал. Завывала метель, не наша — гобийская, несшая снег попутам с песком и пылью. Все спали, вплотную сдвинув кофки, только за перегородкой в другой комнате возился повар. Через проем отсутствовавшей двери мне было видно, как Никитин тер слипавшиеся глаза.

Иван Николаевич, — позвал я, — ложитесь спать!

Так ведь надо все заготовить на два дня. Пока там найдем место, станем лагерем...

Можете спать, завтра не поедет: видите, что делается.

Повар обрадованно взглянул на меня, в несколько минут убрался и затих. Не хотелось выходить из тепло-го дома в бурную и морозную тьму. Но мы с Громовым мужественно преодолели несколько шагов до палатки, в которой давно и беззаботно храпели Эглон и Орлов. Ристопили печь. Едва палатка чуть обогрелась, мы забралась в мешки — долго топить не годилось: палатка нямокла бы от подтаявшего снега.

Еще день стояли мы в аймаке. Все дела были сделаны, наблюдения приведены в порядок, и все с радостью следили, как быстро испаряется выпавший снег, именно не тает, а испаряется. Непривычная картина белых холмов и равнин уступала место давно знакомой — камни, щебень, песок и сухая трава...

Глава шестая
«БОГАТЫЙ СТОЛ»

*Незнакомый начальник — тигр,
Незнакомая местность — ад.*

Старая поговорка

Двадцать шестого октября, в холодных рассветных сумерках, мы взяли курс на черный гребень, видневшийся на юго-западе. Разделившись на три группы, мы довольно быстро осмотрели горы Тушилге («Спинка») и Чойлингин («Вытянутый»), а также окружающие их рыхлые породы верхнемелового возраста. Мы пытались установить характер связи этих рыхлых пород с многочисленными обломками костей динозавров, захороненных в них, и слагавших горы уплотненных и перемятых в складки песчаников и углистых сланцев верхнеюрской эпохи.

Мне достались горы Чойлингин. Черные породы нагрелись на солнце, в защищенных от ветра ущельях было жарко. От торопливой ходьбы пот катился по лицу градом. Наконец я утомился и присел покурить на остатке стены в развалинах старого монастыря. Монастырь был, видимо, беден и невелик — стены домов сложены из неровных кусков тех же черных камней, какие валялись вокруг. Высоко, в самой глубине горного массива, в замкнутой со всех сторон разнокалиберными уступами долинке спрятались эти развалины. Сюда заходил только слабый ветерок, шелестевший нетронутым дерисом. Я с наслаждением затягивался из толстой самокрутки — редко удавалось покурить так, чтобы ветер не раздувал папиросу, не сыпал искрами на одежду и руки, не забивал дым обратно в нос и в рот...

Выбравшись из гор, я спустился до последнего уступа и с него увидел наши машины на темной и пустой равнине. Два ширококронных хайляса виднелись в стороне. Я разглядел в бинокль Громова и Данзана близ машины — значит, они уже выполнили свою задачу.

Проехав дальше, мы увидели, как базальты покрывали толстым слоем серые меловые песчаники с костями динозавров. Темно-коричневая масса базальта была начинена, словно салатом из редьки, круглыми и плоскими

белыми включениями — халцедонами. Несчетное множество халцедонов попадалось здесь среди щебня — доказательство, откуда берутся халцедоны в гобийском щебневом панцире. Некоторые участки базальтового покрова были развальцованы, раскатаны, как тесто, еще во время излияния лавы, когда полузастывшая лава верхних слоев плавилась и тянулась над напором горячей.

Чтобы двигаться дальше на юг, пришлось пересечь небольшую котловину, окаймлявшую горы Чойлингин и Шаритин («Мумийный, мошевой»), выбраться на плоскую возвышенность и поехать по едва видимому автомобильному следу вдоль края котловины. Здесь тянулись обрывы серых и светлых глинистых песчаников нижнего мела с совершенно замшевой поверхностью. Против двух каньонов обрывы стали особенно живописны.

Скоро мы заметили вблизи дороги, на склоне борта котловины, гигантский ствол окаменелого дерева. Шесть кусков было в этом разломанном почти на равные части одиннадцатиметровом бревне около метра в диаметре. Железные слои красными потеками пятнали темно-серую, чугуниного цвета и вида, поверхность ствола, сохранившую и то же время полное подобие обветшалой и размоchanной древесины. Замещенная кремнием и железом, древесина навсегда сохранила тот вид, с которым бревно затонуло в осадке, принесенное издалека рекой, восемьдесят миллионов лет назад. Теперь вода, ветер, солнце и мороз разрушили рыхлые породы вокруг, и ствол остался, как на блюде, на пологом откосе, нескрученный и такой тяжелый, что силы размывания не смогли его передвинуть. Мы долго любовались гигантом выветренных лесов, пролежавшим в земле такое невообразимое время. Я мечтал забрать весь ствол для музея Академии наук в Москве — такие большие и хорошо сохранившиеся стволы встречаются очень редко. Однако не было никакой возможности взять хотя бы один из кусков, весивший больше тонны каждый. Поэтому я ограничился только тем, что сделал несколько снимков.

Дальше к югу холмики оказались сплошь покрыты кусками окаменелых древесных стволов. Более тонкие, чем первый найденный нами гигант, эти куски были разбросаны, будто упавшая поленница. Торчавшие сучки или корни на пеньках создавали иллюзию настоящей древесины. Только на ощупь тяжелые, острые, звеня-

щие, как стекло, осколки рассыпавшихся стволов показывали, что этот лес — только каменный призрак настоящего. Правильно слоистая структура древесины свидетельствовала о принадлежности стволов хвойным деревьям, возможно, группе болотных кипарисов, и по сей день растущих в приморских тропических болотах, так же как растет еще древнее гинкго в Японии, араукарии в горах Южной Америки и Юго-Западной Азии, красный железняк в нашей Ленкорани...

С неохотой пришлось оставить все разнообразие наваленных в беспорядке стволов — короткий день близился к концу. Теперь мы все время спешили: слишком мало светлого времени оставила нам уходящая осень и слишком много еще хотелось сделать!

Машины пошли дальше той же заросшей тропой к возвышавшемуся вдалеке низкому горному массиву. Там находились развалины монастыря Хамарин-хурал («Монастырь на мысу»), там уже несколько лет горел под землей уголь и там геологи находили кости динозавров. Одно из сообщений говорило о целом скелете! Немудрено, что мы давно стремились попасть сюда. Вот поднялись над степью обрывы и размывы светло-серых глинистых пород с твердыми прослоями железистых песчаников. Узкие черные полосы расчерчивали серую поверхность небрежными штрихами — свидетельство беспорядочного напластования. Выше, на удаленных уступах, громоздились стены и башни красных базальтов, попиравшие цоколи из глыбовых красноватых песчаников, отвесные стены которых багровели на закате. А внизу, под обрывами, высокие барханы преграждали путь своими мягкими, аккуратно насыпанными склонами. На равнину от гор далеко простирались промоины сухих русел и беспорядочная толпа песчаных бугров.

Опять, наверное в трехсотый раз за путешествие, остановились машины. Исследователи поспешно выбрали из них, на ходу строясь в «боевой порядок», то есть выбирая для себя определенное направление, не перекрывающее места, которые осматривает сосед. Все это выполнялось без всяких предварительных сговоров, как в хорошо сыгравшейся футбольной команде. Солнце уже садилось за горизонт, когда стало ясно, что никакого скелета, ни даже отдельных костей здесь нет и не было. Обрывы меловых пород тянулись далеко на восток и юг, и кости могли оказаться именно в них, но осматривать

не случае не было возможности. Подробное изучение района входило в программу исследований последующих лет. На первое время мы уже получили представление об этих низких горизонтах мелового периода, относившихся к его нижней половине. Спустя три года после окончания работы нашей экспедиции геологи прислали нам из Хамарин-хурала челюсть громадного динозавра псунодонта, доказав тем самым, что в Азии жили настоящие нижнемеловые псунодонты, до сих пор считавшиеся европеискими формами.

С дождом и вернулся к машинам и стал звать товарищей, чтобы поправить неудачу в Хамарин-хурале, куда не было сегодня хотя бы проехать побольше. Поблизости на барханах росли какие-то крупные кусты. Я распорядился намотать топлива, и рабочие с шоферами и повозкам поехали туда. Велико было наше разочарование, когда подошедший Данзан объявил, что это растение (иртай ки шльник) негодно для дров, так как очень плохо горит. Мы все-таки взяли один большой куст и добавили к нему охапку караганы и ежевника (баглура).

В котловине смеркалось, но красные базальтовые стены сверху еще были залиты ярким солнцем и отбрасывали неслабый розовый отблеск на свинцовые пески. На поворота сухого русла, внизу в котловине, появился вездик. Сначала только черный силуэт виднелся в отдалении, бесконечно одинокий на просторе равнины. Мы не успели уложить топливо в машину, как подъехала молодая монголка. Без смущения, просто и с достоинством, женщина заговорила с Данзаном, потом спешилась и подошла к нам. Мы поздоровались, я достал папиросы. Лукаво поблескивая глазами, гостя присела, держала лошадь на длинном поводу, курила и разговаривала с нами, подняв вверх свежее, круглое лицо. Докурив папиросу, монголка легко вскочила в седло и погнала коня — видно, торопилась доехать до сомона в бывшем монастыре Хамарин-хурал. Обернувшись через плечо и посылая нам приветственные улыбки, молодая аратка скрылась в холмах. Такой легкой и живой показалась она среди наших хмурых фигур в тяжелой одежде, с таким неподражаемым изяществом сидела на коне, что мы несколько вздохнули, глядя ей вслед. Я подумал, насколько каждый народ — дитя именно своей страны. Трудно представить русскую женщину, одну среди этой пустыни, едущую на коне за десятки километров по своим делам.

И так же трудно было вообразить эту аратку среди наших лесов и полей...

Ветер утих, на смену ему шел мороз.

Дорога извилисто поднялась на горный уступ. С гребня увала показался Хамарин-хурал — множество рассыпавшихся глинобитных домиков и стен в котловине у громадного сухого русла. В центре виднелось несколько сохранившихся домов побольше, окруженных юртами. Синий дымок аргала висел над сомоном, доносился резкий запах горящего навоза, слабые огоньки очагов блестя кое-где сквозь щели юрт. Мы проехали правее, оставив сомон на километр в стороне, спустились в сухое русло и направились вниз по нему, стараясь найти участки твердого, уплотненного песка. В сумерках русло стелилось ровной темной лентой. Громадные пни хайлясов торчали там и сям из насыпи песка. Пни были до метра в поперечнике, иногда это были целые куски стволов, поваленных когда-то давно потоком при наводнении. Все ветви и корни или отщепины были тщательно спилены, и мы напрасно пытались найти хоть что-нибудь пригодное для дров. Эти пни, похожие на их окаменелых собратьев, угрюмо торчали безмолвным укором человеку, когда-то погубившему здесь рощу действительно исполненных хайлясов. Впервые я видел, что эти деревья могут быть так велики. Видением пронеслась в мыслях тенистая, полная жизни роща, когда-то бывшая здесь, на пустых берегах сухого русла, — но машина уже поднялась на склон долины.

Громадная равнина, щербнистая, слабо всхолмленная, без единого оврага или русла, легла под колеса. Почувствовав хорошую дорогу, «Дзерен» понесся с большой скоростью, предоставив «Смерчу» догонять нас как хочет. Плотной массой летел навстречу холодный и свежий воздух.

Земля посинела, ушла вниз, впереди в беспредельную высоту поднялось туманное небо со светлыми, жемчужно-серыми облаками, испятнанное сгустками темноты. Облака вихрились, струились и извивались, словно на скате взброшенной к небосводу волны.

Приближались и налетали темные, глубочайшего синего цвета холмики, черные, как отлитые из металла, кустики разбегались в безмолвном испуге, а машина летела и летела, не зажигая света, в заколдованную даль, где волны всхолмленной земли, такие же шершавые и

дарые, как небо, расплывались и сплавлялись с тучами на горизонте в один вихрящийся вал. Тучевой вал стеной вздымался вверх и улетал в исбесную бездну над нашими головами. Машина безмятежно ныряла под него, стремись к загадочной цели, ничем не отмеченной, ничем не ограниченной на темном просторе...

Позади, позади, разлился тусклый свет — «Смерч» выжег фары. Таинственная сумеречная равнина исчезла, стала обычной сухой и безжизненной Гоби. Зажег свет и наш «Дзерен» и продолжал нестись в океан темноты, на юг, пока все совершенно не закохенели.

Мы остановил «Дзерен», хотя Пронин так разошелся, что готов был ехать хоть всю ночь. Убежища не было — одна ровная почва кругом, и мы надеялись только на море, который усиливался и обещал тихую погоду.

Загорелись набранные у Хамарин-хурала кусты каргины. Повар, ворча, что нет даже «иванантоновичных» дров, стал кипятить чай и разогревать мясо. Когда-то еще на пути из Южной Гоби, где повар избаловался сакуловым топливом, у нас вышло одно столкновение. Шикитин явился ко мне с заявлением, что не может приготовить обед, так как на месте лагеря нет дров. Повар тут же получил основательный нагоняй и с тех пор знал, как с помощью рабочих нужно заготавливать аргал, однако затанл обиду и упорно называл аргал «дровами Ивана Антоновича», к великому удовольствию всех остальных.

Утренний мороз в 12 градусов превзошел все ожидания. Пришлось собирать аргал и растапливать лед, в который превратилась слитая из радиаторов вода. Все долго бродили кругом, подметая равнину полами своих дох. Одним ударом убивалось два зайца: люди согревались и собирали столь редкий здесь аргал. В девять часов, повеселевшие после горячего чая, мы тронулись дальше. Где-то впереди находились развалины Далан-Туру («Пальмовое дерево»), куда вела старая караванная тропа.

Мы скоро подъехали к жалким остаткам строений и повернули от них на юго-запад, спускаясь в плоскую впадину. Неожиданно впереди показалась замерзшая речка — вернее, ключ, окруженный громадными пятиметровыми песчаными кочками, поросшими плотной зеленой колючкой. Маленькая гобийская лиса, испуганная, тонкая и взлохмаченная, выскочила из-под берега и скры-

лась. За речкой мы выехали на плоскогорье и вскоре, повинувшись указанию проводника, повернули налево от тропы, которая, кстати, сделалась хорошим автомобильным следом. Пологий подъем по песчаной, заросшей полынью почве был не очень тяжел, и через полчаса мы оказались на краю высокого обрыва. Цель путешествия — обрыв Баин-Ширэ («Богатый стол») находился на окраине огромной впадины Халдзан-Шубуту («Лысая узкость»), заполненной песками и заросшей саксаулом и поташником.

Этот стол обрывался на юг, восток и юго-запад крутыми стенами и башнями песчаников, разделенными откосами и барханами надутого песка с порослью корявого саксаула. Ниже песчаниковых круч толпились размытые яркие красные глины — конусы, купола, овальные холмы... Еще ниже пологий скат уходил далеко во впадину. Прорезавшие скат овраги на границе песков превращались в мелкие сухие русла и вились меж бугров рыхлого песка и саксауловой порослью.

И опять, как много раз до этого, во всех местах с красными обрывами — ни признака человеческой жизни, ни следа юрт или стойбищ скота.

Мы подъехали к обрыву плато у юго-восточного угла. Небольшое обо из кусков песчаниковых плит стояло в десяти метрах от бровки обрыва. Жесткий ветер бушевал здесь, наверху, и машины слегка покачивали своими тентами под его напором. Нужно было найти место для лагеря. Передовые разведчики — Эглон, Громов, Данзан, Орлов, — сразу же поспешившие к обрывам, вернулись и сообщили о множестве костей динозавров. Я огляделся. При некоторой осторожности отсюда можно было бы спуститься в котловину — если начать спуск на два километра восточнее или западнее самого возвышенного места плато, на котором мы сейчас находились. Но всякое передвижение машин в бугристых песках котловины было бы сопряжено с величайшим трудом, и неизвестно, как выбрались бы мы оттуда, нагруженные коллекциями.

Большая часть обрывов, подлежащих изучению, находилась совсем рядом. Словом, стоянка наверху давала серьезный выигрыш во времени, и я решил на нее, надеясь на прочность наших палаток, сделанных по монгольскому, ветростойкому, образцу. Быть судными к концу экспедиции ветром с семидесятиметрового обрыва

Баин-Ширэ конец, неподходящий для успешно начатой работы. Поэтому мы разбили лагерь, отступя метров на десять от обрыва, на ровной площадке позади старого стога. Машины устали с запада, прикрывая лагерь от главного ветра Гоби — западного. Пока разгружали машины и ставили палатки, мы разншлись по обрывам. Мы с Эггоном направилась к западу, к высоким башням серого песчаника, разделенным сверху узенькими промоинами и прикрытым, как мексиканскими сомбреро, громадными валунами твердого песчаника.

Плита, состоявшая из грубого конгломерата, оказалась перенесенными костями динозавров. Позвонки, обломки ребер, кости конечностей от разных животных, членистых и трилобитных, разной величины — все было смешано здесь в костеносном пласте, достигавшем до двух метров мощности. Если бы не разрозненные и порванные переносом остатки, этот пласт был бы самым богатым из всех нами найденных. Кроме этого слоя конгломератов, получившего название главного костеносного горизонта, мы, постепенно передвигаясь вниз по разрезу, нашли еще два горизонта. Кости оказались и в сером рыхлом песчанике на двадцать метров ниже, и в прослое мелкогалечного конгломерата метровой мощности, залегавшего далеко внизу, у самых саксаульников.

Долго ходили мы по карнизам песчаниковых плит, прыгали вниз на бархаты надутого песка, пробирались по откосам размытой глины. И постепенно становилось ясно, что мы опять нашли крупное местонахождение, заслуживающее больших и длительных раскопок и подробного изучения. Конечно, весь обрыв Баин-Ширэ никак не равнялся по масштабам с Нэмэгэту. Но здесь, в Восточной Гоби, где все геологические явления были мельче, Баин-Ширэ, несомненно, был одним из самых больших местонахождений костей динозавров, вдобавок залегавших в разных горизонтах, образовавшихся в разных условиях и, следовательно, содержавших различные формы животных.

Да, Баин-Ширэ следовало изучить!

Я спустился по рыхлым песчаным откосам прямо с главного юго-восточного выступа обрыва, держа направление на далекие нижние промоины. Неторопливо, даже медленно, я проходил по откосам и конусам, по гребешкам валов и по дну оврагов, замечая различные на-

пластования. Желтые пески, с резкой косо́й слоистостью, темно-пурпурные и кирпично-красные, реже серые глины то с множеством зеркал скольжения, то с мелкими черными желваками марганца; выступы плит твердого, иногда черного железистого песчаника, ярко-оранжевые пески, белые мергели сменяли друг друга сверху вниз. На склоне купола серых песчаных глин я нашел копытную фалангу — костную основу рогового копытного чехла, несомненно, принадлежавшую панцирному динозавру — анкилозавру. Это была первая находка панцирных динозавров в Азии, и я, подбодренный удачей, ускорил шаг.

Пройдя около двух километров по уклону, становившемуся все более пологим, в направлении на восток-юго-восток от лагеря, я очутился в глубокой и широкой промоине. На обрывистые борта промоины были нанесены гряды покрытого рябью песка. Из песка торчали серые, потемневшие ветки мертвого саксаула.

Центр промоины занимал холмик обнаженного камня — здесь вскрывались самые нижние конгломераты. Холмик окружало сухое русло, подрезавшее его западную сторону, где конгломерат обрывался ступенью в полтора метра высоты. Я взобрался на холмик и сразу же увидел на испятанной гальками поверхности породы множество щитков черепах. Кое-где из породы торчали куски целых панцирей, кости лап. Между остатками черепах попадались и отдельные кости мелких хищных динозавров, но черепахи преобладали. Они по большей части относились к триониксам — хищным водным, живущим еще в настоящее время черепахам с тонким, покрытым кожей панцирем. Один из триониксов — амида — живет у нас на Дальнем Востоке, в озере Ханка и в реках системы Амура.

Начинало смеркаться. Я заторопился, собирая выветрившиеся из породы кости и закрепляя веточки с белыми тряпицами в щелях камня для указания ценных находок, оставшихся на месте. Сюда необходимо было направить Эглона с рабочими и расковырять как следует этот холмик, названный мною «черепаховой горкой»...

Пока я возился, стемнело. Кряхтя, я поставил на бровку обрыва сухого русла рюкзак, набитый костями и образцами и весивший больше тридцати килограммов, взвалил его на спину и медленно поплелся наверх. Идти на подъем по песку после целого дня работы было очень

труанов. Я старался выбирать грядки и длинные отроги выветренных пород, казавшиеся после песка асфальтовой дорожкой. Выбравшись на уровень красных глин, я увидел в последних лучах зари далеко наверху палатки. Затем потухла и зари, только черный обрыв заслонял звездное, чистое небо. Горизонтальная граница звездных огоньков и непроницаемой черноты обозначала верх плато, где располагался лагерь. Огни костра не было видно — значит, костры поставлены в палатках, и сегодня можно будет спать с удобствами.

Образы и промывины стали глубже, идти в темноте по краюм и краям обрывов с тяжелым рюкзаком стало сложно. Поэтому я положил рюкзак на верхушке конуса красной глины, там, где мешок можно было увидеть издали и забрать утром.

После избавления от двухпудовой тяжести трудный подъем покинулся приятной прогулкой. Усталый, но очень довольный, я поднимался по крутому песчаному откосу, наслаждаясь звездной тишиной. Склон находился за ветром, и можно было спокойно курить. Я уселся на холодном песке, над глубокой тьмой песчаной котловины, свернул козью пожку, и мысли мои унеслись далеко.

Дня выстрела отдались эхом в утесах, заставив меня выдрогнуть. В лагере беспокоились обо мне. Я ничем не мог ответить и поторопился наверх. Морозный ветер ударил в грудь мягким, но мощным толчком, едва я вскарабкался на плато. В обеих палатках сквозь темную ткань виднелся свет. Товарищи уже разлеглись на койках, две свечи стояли, прилепленные на вьючных чемоданах, и около них, подняв очки на лоб, корпел над дневниками Громов. В печке бодро шумел огонь, и приятное тепло насыщало воздух палатки, пахнувший пылью. Ночь заметным желтым туманом клубилась в свете огарков — палатку жестоко трепал ветер. Хлопанье полотнищ то ослабевало и принимало правильный ритм, то вдруг усиливалось, и тогда казалось, что гигантский зверь трясет углое наше обиталище, трясет неровными и злобными рывками. Койка мне уже была поставлена. Я развернул спальный мешок, расстегнул ватник и принялся за чай. Поговорив немного о впечатлениях дня, я подбросил саксаула в печку, достал карандаши, нож и записные книжки — впечатления и наблюдения ждали своей записи. Пламя свечей трепетало, неровные блики све-

та бежали по бумаге, мешая вычертить план и сообразоваться с масштабом. Светлая голова Громова склонялась к свече совсем близко, напротив меня...

Я распрямил уставшую от неудобной позы спину. Громов тоже откинулся назад и взялся за трубку.

— Знаете, Валерьян Иннокентьевич, я нашел как будто пустынные многогранники в главном костеносном горизонте,— сказал я.— Похожи на гобийские. Значит, это было в конце мелового периода, когда в бассейны попадал обломочный материал непосредственно от подножия горных хребтов...

— Что же, возможно. Я тоже нашел многогранник в том же горизонте. Вот он! Конечно, может быть тут и случайное совпадение. Но приближение горных кряжей к границам осадочных бассейнов несомненно. По-видимому, в Банин-Ширэ мы нашли высокие и поздние горизонты мела!..

Шумел вдали ветер, переходя поблизости в злобный свист, шуршал летящий песок, грохотала палатка, скрипели шесты в соединениях, лязгала и визжала печная труба — все эти звуки сливались в многоголосый хор назойливого мажора. Глубокая морозная ночь царила кругом, маленький лагерь непробудно спал. Лавина могучего ветра катилась с запада, начисто обдувая край обрывистого плато. Только две палатки составляли маленький живой мирок, и в одной бодрствовали двое ученых. Тепло и свет, заключенные в хрупком матерчатом домике, здесь казались чудом, человеческим волшебством посреди громадной, холодной и пустынной местности. И поэтому необыкновенно возрастало ощущение ценности этого простого уюта. Свет и тепло... В городе мы их обычно не замечаем — это элементы нашей нормальной жизни. Но здесь они приобретают иное, гораздо большее значение. Очень хрупкой кажется жизнь без света и тепла в морозной и бурной гобийской ночи!

Ветер бушевал всю ночь и несколько не ослабел утром. Я вышел из палатки, шурясь от яркого солнца, и остановился в восхищении. Конусы и купола красных глин внизу обрыва неистово рдели в солнечном свете, приняв необыкновенно яркий пурпурный цвет не то что теплого, а совсем горячего тона.

Эглон направился извлекать найденные вчера остатки черепашек, а мы, геологи, продолжали изучение месторождения. Осмотреть такой большой разрез в короткий

ерой немалый труд. К концу дня мы уже выяснили в общих чертах образование костеносных слоев и распластали всеми необходимыми для оценки месторождения данными. Интересными оказались находки песков с клязделонами в середине разреза. Наличие этих песков говорило о происшедшем во время отложения толщи Банн-Ширэ размыве базальтовых покровов, залегавших в средней части меловых пород, и, следовательно, о глобальном перемыве последних.

Собравшись за обедом в палатке, мы решили уложить до наступления темноты, а утром снять лагерь и перебраться к северу для исследования гор Хара-Хутул («Верный перевал») второго крупного местонахождения, открытого советскими геологами в этом районе. Все остальные работы можно было отложить до больших раскопок в последующие годы, когда попутно будет проведено исчерпывающее изучение Банн-Ширэ. Местонахождение стоило того — в нем заключался поздний этап истории мелового периода.

Мы исторопливо, наслаждаясь отдыхом, пили горячий чай из огромных кружек, курили, потирали обветренные щеки. Даже наша дубленая гобийская кожа уступила северному морозному ветру, действовавшему в дождь с солнцем, в затишье еще совсем теплым!

В полузаветренный вход пробрался на четвереньках «батареец» Иванов. Он казался заметно возбужденным. — А что подгадывается за находку здесь скелета? — спросил он меня, выпрямляясь во весь свой огромный рост. Надо сказать, что успехи Андросова и Пронина на обширные палеонтологические находки возбуждали зависть среди нашей рабочей молодежи. Всем хотелось найти что-нибудь ценное, но никак не удавалось.

Какой там скелет! — пренебрежительно бросил Иван Душа старого искателя костей не могла стерпеть такого успеха у зеленого юнца.

Да, верно, скелет! — убеждал «батареец». — Вот такой — во всю палатку. Здесь близко, пойдемте покажу.

Ну что же, — сказал я, — килограмм шоколаду за хороший скелет не жалко.

Он хороший, сами увидите! — обрадованно уверял Иванов.

Когда же это ты нашел, — спросил Орлов, — только недавно с Яном Мартыновичем ходил работать?

— Вот, вот, они пошли прямо наверх, а я поотстал и подался направо, на красные холмы, где никто не ходил.

— Как же так направо никто не ходил,— вмешался Эглон,— мы с Иваном Антоновичем...

— Снизу идти — направо, а с лагеря будет — налево, туда за поворот обрыва.

— Так бы и говорил,— сурово заключил Эглон,— ну, пошли, что ли! Чтоб черт бы взял этот скелет, думал, отдохну после обеда, пораньше спать завалюсь, а то устал что-то!

— И немудрено,— отозвался Орлов,— без отдыха сколько времени гоняем.

— А зима? — угрюмо возразил я.— Она не то что на носу — на шее сидит.

— Я что, не понимаю? Я ведь не в порядке протеста! — улыбнулся Орлов.

Мы вышли из палатки и направились к северо-востоку от лагеря, туда, где обрыв плато переламывался под прямым углом и отворачивал на север. По краю плато дошли до шестого (от лагеря) выступа и стали спускаться к большим конусам пурпурной глины, торчавшим вниз. Конусы, точно кокетливыми шапочками, были прикрыты квадратными толстыми плитами песчаника.

— Пурпурная глина — седьмой слой по разрезу,— сказал я Громову, в то время как мы торопливо спускались по крутому песчаному откосу,— в ней я никогда не видел ни одной кости. А парень, видите, показывает, что скелет лежит именно в ней. Странно?

— Чепуха какая-то,— сердито буркнул Эглон.— Эх, и вздрючу же я парня, если окажется, что все наврал!

Но «батареец» не наврал. С восточной стороны большого конуса красной глины проходил прослой песчаной глины блеклого цвета, сплошь переполненный костями динозавра.

Плотные кости, частью покрытые черной пленкой окиси марганца, частью светло-серые, четко выделялись в породе узкой полосой на глаз около пяти с половиной метров длины. Мы различили позвонки, к концу превращавшиеся в хвостовые, несколько ребер, кости лап. Да, Иванов оказался прав и нашел скелет там, где мы в предварительном обследовании Баин-Ширэ даже не собирались его искать!

Первая попытка «батарейца» встать в ряд с признан-

ным и некателами — Андросовым и Прониным — удалась как нельзя лучше. Иванов тут же по всеуслышанию был объявлен чемпионом, а шоколадная премия заменена ему денежной.

Скелет оказался задетым разрывом — много костей вывалилось на склоне, сползая вместе с кусочками глины, дробившейся на кубические осколки величиной с лесной орех. Черновато-серые куски костей виднелись в ложбинах водотоков у подножия конуса.

Пока я осматривал скелет, в голове складывался новый план работы. Хотя скелет был довольно велик, нужно попытаться вынуть его теперь же! Ученый должен помнить, что самые лучшие планы изменяются неучтенными обстоятельствами.

У меня вот с полной, абсолютной уверенностью сказать, что на следующий год снова смогу привести экспедицию сюда за скелетом. Значит, преступлением перед наукой будет не сделать попытки его извлечь...

Экспедиция разделилась на две части. Орлов с Эглоном, рабочими и историком в выемке костей Прониным оставались на Бани-Ширэ и начинали раскопки скелета. Тромов, Данзан и я на «Смерче» отправлялись завтра же в горы Хара-Хутул, чтобы непременно изучить это важное местонахождение.

Мы выехали в девять часов утра двадцать девятого сентября. Проводник Намцерен (Кухо) повел на запад по дороге, с которой мы тогда свернули на плато к обрыву Бани-Ширэ. По этой дороге мы проехали около десяти километров и, увидев справа высокие кочки, повернули к северу. Там проходила тропа, и мы благополучно объехали эти песчаные холмы, достигавшие десяти метров высоты и отличавшиеся от барханов росшей на них редкой растительностью. Едва мы миновали кочки, как внезапно очутились на широкой, отлично накатанной автомобильной дороге, ведущей в аймак. После блужданий по заросшим тропам дорога показалась настоящей автошляхой. Встретился старик арат с тремя верблюдами. Данзин и проводник долго разговаривали с ним, а мы с Тромовым старались понять, откуда взялась эта дорога. Поскольку от нее шло много ответвлений в обширные саксаульники, тянувшиеся на много километров к северу от дороги, то мы решили, что эта дорога служит для вывозки саксаула в аймак. Дорога так и была названа нами «лесовозной». На самом деле это была дорога Са-

ин-Шанда — Солонкер («Обитель радуги»). Теперь мы знали лучший путь для возвращения в аймак.

Мы проехали по дороге на восток около пяти километров, и тут проводник сознался, что он не знает, куда ехать, и дальше вести нас не может. Впрочем, винить Куху было бы несправедливо. Быстрота автомобильной езды не давала монголу возможности разыскивать мелкие приметы пути и раздумывать о дороге в однообразных равнинных областях Гоби.

Не раз уже я замечал, что проводники, уверенно ориентировавшиеся в горах или холмистой местности, начинали путаться, теряться и сбиваться в равнинах, где при быстроте езды от них требовалось мгновенное решение, в корне отличное от неспешного раздумья во время медленного передвижения на верблюде или коне.

Опять, как много раз до этого, техника требовала от человека новой психологии, иной реакции на внешний мир, не оставляя времени на глубокое, во всех деталях законченное знакомство...

Но теперь и мы кое-чему научились в скитаниях по Гоби. Многократные наблюдения над тем, как проведены гобийские автомобильные дороги-накаты, научили искать и находить те места, по которым они чаще всего проходят, — старые караванные дороги и тропы. Нагруженные верблюды должны идти самой легкой дорогой, избегая крутых подъемов, сыпких песков, рыхлых и вязких солонцов, не пересекая, а обходя глубокие русла — в общем то, что не годится для движения машин.

Опыт научил нас издали узнавать характер местности, угадывать в туманящейся дали пески и глубокие русла, уклоняться от изобилующих промоинами горных подножий, издали определять плотность песка в сухом русле по примеси глины или по крутизне его падения. Это были еще самые элементарные знания, но знания, прочно усвоенные, врезанные в память долгими часами размышлений и наблюдений во время движения машины по Гоби.

Почему бы сейчас не попытаться провести машину? Ведь у меня есть карта — пусть устарелая и неточная, но она даст основное — направление. Это главное. А уж местность сама покажет, как по ней ехать...

Я подробно расспросил Данзана, что говорил старик, приблизительно определил на карте местонахождение машины (на нашей старой карте не было новых автомо-

ильных дорог) и направил машину на северо-запад. Все пути к северу были закрыты огромным урочищем Гурбан Сухайту («Три жидля») — песчаной котловиной, сильно заросшей саксаулами. Решив пробиться напрямик, мы отважно заехали в дебри саксаульников и по ужасным песчаным кончикам стали продвигаться вперед. Пустая полторка шла довольно легко, но машину так бросало и мотало, что мы в кузове едва удерживались за места, а проводник только вскрикивал от удивления или испуга.

Наконец мы продралась к урочищу Хонгор. Через него шла древняя большая караванная тропа — одна из сотен, существовавших прежде Ургу (Улан-Батор) с Калганом. Широкая, в несколько рядов, верблюжья тропа была отмечена повсюду двойными высокими обо из плит белого песчаника. Хонгор оправдывал свое название — огромная равнина, местами с очень пологими холмами, поросла редкой желтой травой, а щебнистая почва состояла из мелких белых с рыжеватыми пятнами камешков. На солнце все стелилось светлым рыжеватым ковром, и равнина казалась особенно просторной. Веками утоптанная поверхность тропы ясно выделялась темной полосой, сероватой — вдали прямой полосой. «Смерч» несся по твердой и ровной тропе с предельной скоростью.

Для меня было совершенно неясно, где нужно будет свернуть с тропы, но я решил положиться на русскую эмкалку, в надежде, что дальше будет виднее...

Ненасытные увалы иногда пересекали путь, тропа суживалась в углублении между холмами, часто размытыми или окаймленными оврагами. Ход машины замедлялся, и мы осторожно перебирались через препятствие. Такие промонны, тоже в белых породах, на фоне поразительного общего однообразия казались живописными и несколько закреплялись в памяти. Именно так при долгом пребывании на гобийских равнинах обостряется наблюдательность, и все мелкие детали ландшафта становятся как бы очень выпуклыми.

Нет сомнения, что старые проводники караванов, трагившие по два года на каждый рейс, обладали невероятным для обычного человека знанием всех деталей равнинной местности. И мы понемногу стали тоже видеть в Гоби не одну только однообразную и бесприметную местность.

Я вспомнил свои путешествия по беспредельным пространствам лесов, болот и гор Восточной Сибири, Якутин и Дальнего Востока. Там ориентирами пути служили бесчисленные речки, ручьи и ключи. Поэтому там проводники из местных жителей в совершенстве знали всю речную систему и чертили очень подробные и точные ее карты.

Горы могли служить лишь второстепенными указателями дороги из-за ограниченной видимости в лесах и во влажном климате с низкой облачностью. В высоких горах Средней Азии или Алтая, несмотря на отсутствие лесов, речки тоже были главными ориентирами проводников. Здесь же, в открытых на сотни километров монгольских степях и пустынях, речки не могли играть роль указателя дорог, да их почти и не было. Зато каждая гора, холм или воздвигнутое руками человека обо носили свои названия. По ним, как по маякам, вели караваны опытные проводники, как ведут капитаны корабли в морском просторе...

Дальше трава стала еще реже, а равнина еще более ровной. Ничего живого не замечалось на десятки километров вокруг. Рядом с тропой едва возвышались с той и с другой ее стороны небольшие холмики по метру высоты. На вершинах этих холмов, как древние развалины или белые кости исполинских, сказочных верблюдов, лежали стяжения белого песчаника. Несомненно, что тропа и была проведена мимо этих холмов как ориентиров. Много верблюжьих костей валялось у одного из холмов, а дальше, в груде песчаниковых плит, жила небольшая голубовато-серый сыч. Таким и запомнилось урочище Хонгор: холмики с белыми песчаниками, древняя тропа, прочерченная через однообразные равнины светлыми оторочками ковылька, и одинокий, безмолвный сыч — единственный обитатель этого, прежде оживленного, старого пути старой Монголии.

Тропа вошла в большое сухое русло с группами хайласов и исчезла в нем. Мягкий песок в русле не позволял ехать, и мы поспешили выбраться налево, на гряде холмов. Прямо впереди, далеко у горизонта, показалась невысокая черная стена. Данзан и Кухо оживились и стали уверять, что это и есть горы Хара-Хутул. Однако у меня были другие соображения. По карте горы, видневшиеся впереди, назывались Хурен-Цаб («Коричневое ущелье»), а Хара-Хутул должен был находиться левее,

ваналнее. Трона пошла прямо к Хурен-Цабу. Пришлось отклониться от удобного пути, и «Смерч» повернул налево. Вдруг слева появилась такая же черная полоса, и вблизи недалеко: высокий холм скрывал ее от нас. Я взглянула облизанно — это, несомненно, были горы Харя Хутуа. Где-то в ущелье среди них находился родник с горячей водой. Мы выехали из Бани-Ширэ без воды, чтобы не терять времени на поездку к речке. Найдя родник — мы могли сделать остановку.

Двинулись напрямик через высокие холмы, и очень скоро перед нами открылась красивая котловина, поросшая свежей зеленой полынью и удивительно непохожая на остальную Гоби — сухую, мертвую и желтую. Ветер дул нам в лицо и нес бодрящий запах полыни, такой живой и приятный, что мы долго стояли, жадно втягивая в себя воздух. Слева, в стороне от центра этой почти круглой равнины, стояли два хайляса с удивительно широкой, зонтикообразной кроной, напоминавшей зонтичные акации в африканских саваннах. Отсюда виднелась широкая щель, прорезавшая черный гребень гор Хара-Хутуа почти точно посередине. Очевидно, там и находился родник.

Но зеленой равнине навстречу шли верблюды. Вместе с жизнью растений, обусловленной подпочвенными водами, появилась и животная жизнь. На двух верблюдах мы заметили всадников и остановили машину. К нам быстро подъехал молодой арат на огромном и могучем верблюде. Животное было уже в полной зимней шерсти, густой и темной. Белая повязка короной охватывала лоб арата и спускалась концами на его правое ухо и шею. Гобиец держался в несудобном седле свободно и прямо, гордая посадка головы с резкими чертами лица придавала ему величественный вид. Чувствовалось, что едет хозяин гобийской равнины.

Пока арат разговаривал с Данзаном и Кухо, приблизился второй всадник — молодая женщина на белом верблюде, казавшемся легким по сравнению с темным богатырским животным ее мужа. Цветная сбруя и оторочки седла красиво выделялись на белой чистой шерсти.

Араты подтвердили все наши предположения. Проводнику только оставалось по своей привычке щелкать шипком.

После адской езды по саксаульнику небольшие кочки на равнине показались пустяком. К часу дня мы подъ-

ехали к роднику. Все ущелье было заполнено огромным стадом овец и коз, пришедшим на водопой. Родник и выкопанный рядом колодец находились в сухом русле, прорезавшем черную базальтовую стену. Мрачное ущелье, в начале очень узкое, к северу быстро расширялось, и дальше русло проходило среди низких обрывков из светлых отложений мелового возраста. Базальт залегал пластом около двадцати метров толщины среди песчаников. Массивный слой твердого базальта был устойчив к размыву и торчал гигантским черным гребнем, собственно и образуя хребет гор Хара-Хутул.

Перед горами, с южной стороны, проходила линия телеграфа, та самая, вдоль которой мы добирались от Улугей-хида до Сайн-Шанды. Увидев столбы, я понял, что мы сейчас пересечем наши собственные следы по старому автомобильному накату. Поэтому я не удивился, когда Данзан закричал, показывая вниз. В ложбинке, где песок и пыль не были сдуты ветром, были видны отпечатки узора протекторов наших газовских покрышек — один след, нет, два. Да, безусловно, это наши следы! Всего лишь неделю назад впервые ехали мы на Сайн-Шанду, а сейчас уже как много интересного знали о прилегающем к аймаку районе. Вот что ни в каких мечтах не могло бы прийти к любому из наших великих предшественников — русских исследователей Центральной Азии: волшебная скорость автомобильной экспедиции!..

У аратов, поивших скот в ущелье, приобрели большого барана и, решив начать исследование со слоев, лежащих ниже базальта, повернули на запад от родника. Около пяти километров ехали вдоль базальтового гребня с его северной стороны и остановились перед множеством сильно размытых холмов. Здесь хорошо вскрывались подбазальтовые песчаники. Пока мы с Громовым и Данзаном ходили, проводник и Андреев резали барана и варили обед.

Огромное количество мелких древесных стволов сохранилось в песчаниках и конгломератах. Множество истертых до неузнаваемости, обугленных растительных остатков переполняло более тонкозернистые прослои. Мы нашли какие-то круглые футляры из крепкого желтого песчаника, внутри наполненные рыхлым и легким беловатым веществом, в котором залегали тонкие и крепкие окаменелые стволы, покрытые сверху углистым ве-

известном. В первый раз я наблюдал такое сохранение ископаемых растений.

Долго копали мы по огромному полю размытых холмов. Смеркалось, когда наши усилия увенчались успехом — сначала были найдены отдельные обломки костей, а потом и большая глыба с остатками черепа. Хотя песчаник был хрупкий, тверд и труден для препаровки, находка черепа была важной. По нему можно было определить животное и, следовательно, установить геологический возраст подбазальтовых слоев. Поэтому мы так и старались найти здесь кости, тщательно собирали всякие обломки и решили во что бы то ни стало взять череп. Найти большую глыбу породы нашему небольшому отряду было не под силу. Оставалось только подвести сюда машину. Андреев, искусно маневрируя, взобрался на гребень из слоистого песчаника, сумел развернуть на нем машину и боком сполз в небольшую долину, где лежала глыба с черепом. Не теряя времени, мы собрали все обломки, разделили глыбу на две части, обернули кусками кожей и приготовили к погрузке. Но тут наступила темнота, и при свете костра мы успели только уложить кое-что в ящик.

Дикое и странное впечатление оставлял наш лагерь. Пламя костра освещало хаос повсюду торчавших, безобразно натроможденных песчаниковых плит и накренившихся, неизвестно как попавшую сюда машину. Кругом лежали окаменелые стволы с извитой и изборожденной поверхностью, поразительно похожие на старый саксаульник. Проник потом так и звал эти стволы каменным саксаулом.

Койки установились едва-едва, с перекосом, на плитах песчаника. Их гладкие алюминиевые ножки как-то не вписались с дикой изрытостью и шероховатостью камня. По выражению Андреева, мы забрались на ночлег «словно волки в чащобу», и этот лагерь в своих дневниках мы называли «Волчьим».

У неудобного ночлега было одно преимущество — мы находились за ветром, и только слабый наземный «хвост» обдувал нас, временами налетая из темноты. Я забрался в мешок и долго лежал не в силах уснуть. Наконец я задремал, но тут же проснулся. Что-то неизвестное, большое лезло в лагерь, сося и пыхтя. Спросонок и попытался вспомнить, куда поставил винтовку, не вспомнил и окликнул пришельца. К великому моему из-

умлению, это был Громов. Почтенный профессор отнес драгоценные очки в кабину полупортки для лучшей сохранности, но при своей близорукости оказался совершенно беспомощным в момент возвращения. Чтобы не разбиться о камни и не упасть на бесчисленных рывках, Громов предпочел вернуться в лагерь на четвереньках. Испытанный способ отдаленных предков выручил: профессор вернулся со своей прогулки невредимым.

Тридцатого октября мы должны были, по уговору, возвратиться на Баин-Ширэ. С утра нарвали крупной пыли и устроили на дне машины мягкую постель для глыб с черепом. Затем с большим трудом подняли их в кузов и, спешно снявшись с лагеря, не позавтракав, поехали в сухое русло, огибавшее с запада базальтовый гребень Хара-Хутул, чтобы проверить самые верхние слои разреза. Но там оказались очень поздние, вероятно, четвертичные конгломераты с гальками из хара-хутульских базальтов и без всяких растительных остатков. По длинному каменистому гребню мы с Громовым добрались до небольшой котловины, окруженной со всех сторон холмами. На песчаных кочках рос сульхир, который заготавливала целая группа аратов — мужчин и женщин. Я увидел довольно большие кучки намолоченных зернышек, размером, пожалуй, мельче маковых и более всего походивших на крупный песок. По просьбе Данзана араты угостили меня куском лепешки из сульхира. Гобийский природный хлеб мне понравился, хотя и был испечен без крупинки соли. По виду и вкусу хлеб из сульхира показался мне чем-то средним между лепешками из манной крупы и молотого ячменя. При виде лепешки мы вспомнили, что ничего еще не ели, и, поблагодарив аратов, заторопились к машине. Андреев уже спроворил чай и достал куски холодной баранины.

Двинулись дальше, на южную сторону гребня Хара-Хутул.

За базальтовым гребнем оказалось целое море холмов, промоин, русел, впадавших в широкую долину. Все это поле, десятка в три квадратных километра, представало перед нами непосильным объемом работы. Андреев лихо спустился на своем «Смерче» в такой каньон, что, не будь сам свидетелем, я никогда бы не поверил в возможность попасть сюда на автомобиле. Спуск привел в бешеный восторг нашего проводника, и он смотрел теперь на Андреева не иначе как с восхищением.

Несколько часов мы с Громовым бродили по ущельям, наскоро записывали, отбивали образцы, увязывали в мешочки, лезли на обрывы, обливаясь потом. Картина постепенно прояснялась. Два костеносных горизонта залегали над базальтами. Один из них — в серых песках — сохранял целые части скелетов утконосых динозавро-трахеонтов и походил на нэмэгэтинский. Второй, на самом верху, с обилием черепашьих остатков, без сомнения был тот, который на Бани-Ширэ залегал в самом верху в дне котловины. Песчаники с древесными стволами и кости базальтов составляли третий костеносный горизонт. Хара-Агуд, самый древний из всех, виденных здесь, казался ключом к пониманию всего осадконакопления и мелочных бассейнов Восточной Гоби. На этом мы дружно расстались с Громовым, принесли, вернее приложили, образцы пород и найденные кости к машине и поехали в Икесидуньинь.

Аги, и палеонтолог едва жив! — торжествующе воскликнул Громов, хотя его выносливость ни в чем не уступала моей. — Всю Гоби хочет исследовать!

А вы не хотите? — вяло возразил я, не находя сил на шутку. — Не знаю, кто больше бегаёт по обрывам.

Профессор улегся навзничь на прямоугольной плите песчаника, похожей на крышку саркофага. Я поднялся украдкой и взял ФЭД. Снимок вышел удачным геологически — отлично показывая картину залегания песчаников средней части разреза. Поэтому фотография фигурировала на выставке в Доме ученых, а в пояснительной подписи значилось, что справа на плите находится на отдыхе профессор В. И. Громов.

Отдыхать не пришлось. Едва придя в себя, мы уложили наши находки в верблюжью шерсть, употреблявшуюся у нас для особо хрупких объектов вместо ваты, ватки которой не было. День кончился, приходилось ехать.

Я огляделся в последний раз, запоминая местность. Хаотические размыты, промоины, уступы напоминали Нэмэгэту, но общий тон пород здесь казался не красно-желтым, а серым. Обрывы и ущелья были меньше и положе, чем в громадном лабиринте Нэмэгэту.

Теперь дорога была известной, и мы понеслись без поддержки через урочище Хонгор. В саксаульниках Гурбин Сухайту с высоты покатых холмов удалось рассмотреть лежащую ниже равнину. Направо, вдали у чер-

ных гор, саксаульники как будто редели, в них темнели пятна щебнистых участков. Там мы нашли старую тропу. Теперь миновал и страх перед саксаульниками — со скоростью в пятьдесят километров мы сделали большой объезд и очутились в идеально плоской котловине перед горами Дулан-Хара («Теплая чернота»). С восточного края котловины высились грозные барханы песка метров в пятьдесят высотой. Дно котловины состояло из красной, выглаженной, без единой травинки, глины. Ложавшая на дороге пыль в последних лучах заходящего солнца казалась багрово-фиолетовой, а дно котловины повсюду приняло кроваво-красный оттенок. Вишневые отсветы легли на свинцовые склоны барханов. Как путь мрачной судьбы в мертвой стране, стелилась вдаль зловещая красная дорога.

Ветрено, пусто и угрюмо было в котловине, получившей прозвище «Конец Мира». Горизонт впереди темнел с каждой минутой. Но как только мы выехали на старую дорогу, среди светлой полярной растительности с широкими холмами, сразу сделалось светлее, хотя последние проблески заката гасли позади. В лагерь приехали уже при свете фар, едва-едва отыскав в темноте поворот на плато. Всего два с четвертью часа понадобилось нам на обратный путь.

В лагере встретили нас радостно, со стрельбой. Мне не терпелось узнать подробности про скелет и тем более увидеть его уже отчасти вскрытым от породы. Но тут, к великому огорчению, оказалось, что товарищи за те два дня, что мы отсутствовали, успели полностью демобилизоваться.

Эглон беспечно объявил, что завтра кончает работу: нечего и думать взять скелет в этом году. Орлов подтвердил, что действительно глина слишком тверда, а скелет слишком велик, чтобы мы с нашими двумя рабочими и двумя шоферами смогли вскрыть его и заделать в деревянные рамы-монолиты. Я рассердился и обрушился с бранью на Эглона, грозя карами за беспечное отношение к делу. Эглон обиделся, отказался от приготовленного ужина и забрался в спальный мешок. Чтобы рассеять накалившуюся атмосферу, Громов принялся рассказывать о Хара-Хутул.

Все слушали его с большим интересом, а когда после Громова Данзан принялся рассказывать о переживаниях проводника Кухо, оставшихся всем нам по незнанию

взвизгивания неизвестными, общее шипяние окончательно отвлелось.

Оказывается, Кухо, после того как признался в своей всемогущести найти горы Хара-Хутул и я взялся быть проводником, сильно переживал свою неудачу и опасался вреда от турок на вид начальника.

Когда закончился осмотр гор Хара-Хутул, мы с Громовым первые пошли в машине. Данзан и Кухо отсутствовали. Оказавшись, что они задержат отъезд, я взял кобальт и по обыкновению дважды выстрелил в воздух, давая сигнал сбора. Проводник, оказывается, дремал в кустах, в пяти шагах, укрывшись за камнем от ветра. Когда над ним затрещали выстрелы, Кухо вскочил, ничего не соображая, и споронок испугался. Потом, уже в машине, он пожаловался Данзану, что начальник — «плохой» (очень плохой), так как едва не застрелил его, и он виноват только в том, что запутался с дорогой.

• Зачем не сказал мне, что сердится? Зачем спрятал кобальт так, что и не знал ничего? Почему такой плохой человек? — вопрошал возмущенный арат.

Данзан принялся хохотать, окончательно приведя в недоумение Кухо. Затем он разъяснил арату, что у советских людей стрелять ни с того ни с сего не полагаются.

• Почему ты думаешь, что на тебя сердится начальник? — спросил Данзан и постарался убедить проводника в том, что никто на него не сердился, работой его довольны, а то, что он не знал пути к горам, со всяким может быть.

Мы посмеялись над воображаемыми злоключениями Кухо, но этот пример лишний раз показал нам, насколько осторожным нужно быть в чужой стране, чтобы случайным словом или неправильно понятым жестом не нанести обиду...

Нора было спать: для нас, приехавших, день прошел грудновато. По обыкновению палатку трепал сильнейший ветер. Его шум сегодня показался мне особенно низким, ревущим, и я подумал, что может разгуляться настоящий ураган.

Орлов, как всегда зябнувший, усиленно подкладывал в печку саксаул, и в палатке было тепло. Слабые блики света бегали по его массивному лицу, придавая ему сходство то с римским сенатором, то с турецким пашой. Профессор смотрел в огонь, думая молчаливую думу.

Наконец и он, набив печь дровами, забрался в мешок и затих. Я задремал, но скоро проснулся от особенно мерзкого визга железки в прорези для печной трубы. Колья палатки шатались; не худо было бы на всякий случай перетянуть все растяжки. Но все спали крепко, красные огоньки от горевшей печки бегали по трепещущим парусиновым стенкам. Я почувствовал, что больше не могу бороться с усталостью, и сразу погрузился в небытие.

Сквозь крепкий сон я услышал сильный треск, что-то толкнуло меня в лоб, едкий дым защекотал нос. Продолжая спать, я все же слышал какие-то жалобные вопли, слабо доносившиеся в застегнутый наглухо мешок сквозь рев бури и грохотанье палатки. Пока я напрягал волю, стараясь проснуться, Эглон зажег свечу. Я высунулся из мешка и некоторое время оглядывался, соображая, что произошло, пока наконец понял, что сорванной палаткой придавлен вопящий о помощи профессор Громов. Стало понятно, почему казалось, что крики идут из-за палатки: Громов действительно оказался за ее стенкой, и большой кусок парусины под напором неистового ветра так прижал Громова на его койке, что профессор не мог пошевеливаться. Большой задний кол из толстой и крепкой березы сломался на половине своей высоты, пролетел в полусантиметре от моей койки и глубоко воткнулся в жесткую почву. Висевшая на колу винтовка ударила меня по голове, едва высывавшейся из мешка, и острая мушка распоролла козырек меховой шапки, в которой я спал. Удар пришелся вскользь и почувствовался в крепком сне только толчком. Если бы кол упал на койку, то, пожалуй, проткнул бы меня, как жука в энтомологической коллекции. Трубы были вырваны из печки, и она едко чадила недогоревшим саксаулом. Орлов и Данзан, с головами утонувшие в своих мешках, не шевелились. Не проснуться они не могли и, как выяснилось, решили не вылезать на холод, что бы ни случилось.

Я пошевелинулся, и тут оказалось, что две из четырех задних растяжек прижаты к мешку и мешают мне вылезти. Самым свободным остался Эглон. Он вылез и отправился в соседнюю палатку за помощью. Первым делом оттянули мои растяжки, и я выкарабкался. С помощью повара, «батареяца» и Пронина поставили новый задний кол. Громова освободили. Замысловато бранясь, он принялся закуривать трубку, а мы в это время обтянули палатку рабочих, которая также угрожала па-

денем Гчи бури не дала возможности разговаривать никак, как криком. Печка, чтобы не возиться с ее уставкой, была попросту выкинута наружу. Но едва мы решили, что можно дожить, как угрожающе затрещал передний кол. Теперь уже Данзан, спавший возле него, мигнул выскочил из мешка. Эглон достал два запасных кола, и мы принялись приматывать их проволокой к стоящему. Только укрепили передний кол — стал выгибаться и трещать задний. Снова повторилась та же операция с укреплением проволокой.

Хрипело проклятием тогда же заглушались бурей, грохотавшей кругом, песчаный туман затемнял свечи, все в помещении было засыпано песком.

Привыкли до пяти часов утра. Громов решил, что черт подделывает сstonания Орлова (многие ему вторили), на длинном длиннее осенние ночи, когда давно успевают выспаться, а все еще темно и нельзя начинать работу.

По уверению Громова, черт решил нам помочь сокращением длинной ночи, но сделал это со свойственным ему и бездельством.

Как бы то ни было — ночь пропала. К утру ветер начал стихать, и часам к девяти совсем прекратился. Дым столбиками поднимался из печных труб — зрелище очень редкое в Гоби. Солнце заигло пурпурные глины и вызолотило желтую траву. Внизу, во впадине Халдзан-Шубуту, скопилась белая мгла — мороз усиливался. Внезапное прекращение ветра обещало наступление холода, более свиряного, чем испытанный нами до сих пор. Надо сказать, что мы уже пообтерлись и стали более стойкими к холоду, чем раньше, когда зябли от незначительного мороза.

Как только рассвело, я спустился вниз, к холмам красных глини. Скелет расчистили сверху по всей длине (большей, чем показалось вначале, и превышающей семь метров) узким уступчиком. Чтобы определить ширину скопления костей, была пробита канавка в глубь склона. Выяснилось, что ширина скопления костей достигала двух метров. Для полного вскрытия скелета предстояло врезаться глубоко — на три с половиной метра и глубь крутого склона из очень твердой глины. Глина оказалась рыхлой только на поверхности, в глубине же ее твердость и вязкость позволяли откалывать лишь маленькие кусочки.

Самый скелет не сохранил правильного расположения своих частей и представлялся сложным скоплением нагроможденных и перепутанных костей, пронизанным тонкими, хрупкими и трещинноватыми ребрами. На узкой вскрытой полоске трудно было разобраться, что это за животное. Странная форма отдельных частей скелета говорила о том, что мы нашли какого-то нового, доселе не попадавшего нам ящера. Копыта и шипы особенной формы, позвонки и кости лап свидетельствовали, что здесь погребен панцирный динозавр.

Как бы то ни было, выемка этого скелета нашими силами представляла очень длительную работу.

Я посоветовался с Эглоном о возможности устройства тепляка над скелетом. Можно было поставить над скелетом палатку, обшить ее снизу досками и, обогреваясь печками, понемногу работать в тепле, позволявшем действовать водой и гипсом.

Оказалось, что наш запас досок подошел к концу. Оставшихся четырех штук не хватит ни на тепляк, ни тем более на заделку монолитов. Также не хватит и гипса. Бензина тоже было в обрез и не могло хватить на доставку воды и вывозку.

Профессора, видя мое упорство, атаквали с другой стороны. Громов спешил в Улан-Батор, так как срок, на который он был отпущен из Геологического института, истек. Орлову тоже пора было начинать курс лекций на кафедре в МГУ.

Дело стало ясным. Приходилось отказаться от выемки скелета и возвращаться в Улан-Батор. Я все же задал намерение, если погода удержится относительно теплой, вернуться из Улан-Батора на «Дракон» с усиленным составом рабочих, запасом леса и гипса и все-таки выкопать неведомое чудовище. Наивные мысли — я еще совсем не знал Монголию!

Вскрытую часть скелета необходимо было покрыть слоем гипса, засыпать снова, собрать, упаковать и увезти с собою теперь же рассыпанные вокруг размытые части костей.

Угрюмо, с сознанием поражения, я просидел остаток дня в палатке над дневниками. Повеселевшие рабочие и шоферы, совсем не прельщавшиеся перспективой работы в Гоби при зимних морозах и нашем, недостаточно приспособленном для этого снаряжении, старались всю. Упаковывались хара-хутульские коллекции. Пос-

дешевые мешки с гипсом, тонкие доски и ящики перетаскивались к скелету.

Ночь на первое ноября оказалась удивительно тихой, самой тихой из всех, проведенных здесь. Но мороз ясно говорил нам, что, как там в другие годы — не знаю, но в этом зима в Гоби наступила точно по календарю — с первого ноября. Впоследствии так оно и оказалось — больше не было ни одного дня без мороза.

С утра все были мобилизованы на упаковку. Только Громова освободили для завершения исследования верхних слоев разреза. Динзан и я занялись глазомерной съемкой. Надо было установить опознавательное обо и точно зафиксировать расположение скелета так, чтобы любой исследователь мог отыскать его на случай, если ни мне, ни другому участнику нашей экспедиции не удалось бы вернуться сюда. Отыскать через любое время!

На месте лагеря, на мысу плато над красными буграми, на холме со скелетом и вторым, стоявшем поближе к склону плато бугре мы установили прочные обо из плит песчаника, названные «Лагерное», «Двурогое» (по форме), «Скелетное» и «Створное». Все расстояния между обо были тщательно промерены, взяты все необходимые инструменты и нанесены на глазомерно составленный план Гани Ширэ. Внутри каждого обо в железных коробках и под витамином положили записки. Из осторожности, чтобы записки могли быть прочитаны только осведомленными исследователями и скелет не мог бы оказаться поврежденным от невежественного любопытства, в написании во всех записках русские слова древнегреческими буквами.

Подобные указательные записки были положены во всех остальных обо.

«Скелетное» обо поставили на толстой плите песчаника, венчавшей горку. По сторонам плиты киркой высекли знаки «МПЭ» (инициалы нашей экспедиции).

Мы полдня провозились с работой, но зато я был теперь совершенно спокоен. Что бы ни случилось, передать находку для извлечения другим исследователям будет легко!

Тем временем окончили заделку и засыпку скелета, палатки и койки еще с утра были свернуты и уложены в мишину. Закончилось предварительное исследование Восточной Гоби и вообще вся полевая работа нашей экспедиции. Сотрудники ее, доблестно переносившие не-

взгоды, забывавшие обо всем для научных исследований, были в мыслях уже не здесь. Москва становилась для них реальной и близкой. Только Эггону и мне еще предстояла работа в Улан-Баторе по организации палеонтологического отдела Государственного музея МНР. Для нас Москва была еще далеко. Правда, от Улан-Батора с телеграфом, газетами и самолетами она гораздо ближе, чем от Гоби...

С этими мыслями и ясным ощущением грусти я стоял на восточном обрыве Баин-Ширэ и в последний раз смотрел на обширную котловину внизу, на крутые обрывы песчаников, на песчаные откосы с корявыми стволами саксаула. Конусы пурпурных глин пылали в ярком, незимнем солнце Гоби; их необыкновенный цвет казался последним чудесным впечатлением центральноазиатских пустынь. Там, внизу, остался ждать нас скелет неведомого зверя. Сверху, с края плато, эти два стоящих рядом правильных конуса пурпурной глины напоминали девичьи груди. У казахов повсеместно подобные горки так и называются «кыз чонбек», очень метко и образно.

Тень от облака проплыла по красным холмам, погасив на минуту их рдение. Поблек чудесный пурпур, стал свинцовым песок, мрачным безжизненным простор котловины. Но прошло две-три минуты, тень исчезла, снова зарделись конусовидные холмы, засветилась даль...

Со стороны лагеря донесся шум моторов. Машины разогрелись, настала пора ехагы. Я повернулся спиной к обрыву и с ощущением утраты чего-то неопределенного, но значительного поплелся к лагерю.

От него остались только горки золы, обрывки бумаги, канавы и камни овалами вокруг мест, где стояли палатки. Орлова заранее усадили в кабину, и Пронин с поваром обвязывали ее кругом толстой веревкой. После поездки на Хара-Хутул кабина «Смерча» окончательно развалилась. Пришлось принимать исключительные меры, чтобы Орлов со своим чемоданчиком не вывалился по дороге.

Машины пошли быстро — сначала под спуск с плато, затем мы с Данзаном быстро вывели их на «лесовозную» дорогу. Пронин, еще не видевший этой дороги, одобрительно завопил в знак своего восхищения проводниками и пустился во всю мочь. Широкая гладкая дорога манила шоферов. Наши потрепанные машины ходко шли, несмотря на подъем. Через горы мы вышли в уз-

кум долину к телеграфным столбам, где стояла высокая булыжная гора — когда-то пробуренной здесь артезианской скважины, ныне превратившейся в бассейн со слабым напором. Отсюда до аймака было восемнадцать километров. Мы приехали бы раньше, но задержались в пути на тридцать втором километре от Бани-Ширэ из-за резкого изменения гобийских пород, и мы не могли отъехать от их исследования. Несмотря на задержку, в темноте наступившем темноте мы достигли аймака, выехали по тракту на северную окраину и увидели в стороне два отдельно стоящих белых домика под склоном холма. Левый дом, повыше, остался пустым, правый занимали наши бани. Мы отперли замок, растопили плиту привезенным саксаулом, поставили перед домом лаватку. Своею разгрузив одну из машин, Эглон с Данзаном поехали в аймак — отвезли проводника, взяли мяки и хлеба.

Мы решили устроить небольшой праздник — отметить окончание работ в Гоби. Повар спешно варил роскошный обед с бараниной без ограничения. Компот, густое молоко, шоколад — все наши запасы должны были послужить украшением стола. В домике стало жарко, все сбросили фуфайки и ватники и, чисто умытые, в непривычно легком одеянии, приняли праздничный вид. Наконец обед был готов. Я произнес короткую речь, поздравив товарищей с успешным окончанием гобийских исследований.

Мы говорили, смеялись, вспоминали и пели до полуночи. Контрастом нашей веселой вечеринке казался рев ночного ветра. Сильнейший буран нес и крутил снег, заставляя дилл белой пеленой. Отдельные черные пятна обдуваемой ветром голой земли едва маячили в мутной полутьме...

Глава седьмая

ДОМОЙ

*В родной стороне и грубый холст мягок,
а на чужбине и шелк не мягче холста.*

Поговорка

Второго ноября с рассвета до полудня мы укладывали вещи в машины, стараясь забить их как можно плотнее и забрать все вместе с новыми коллекциями.

Всегда очень трудно уезжать совсем с какого-либо места долгой стоянки или с базы. Оказывается множество вещей, которые некуда девать, и остается только удивляться, как же все это сюда прибыло. Секрет этого разбухания груза в общем прост: громоздкие коллекции всегда превышают оставленные для них резервы емкости.

Только к часу дня наконец уложились и отправились в аймак поблагодарить даргу за содействие и попрощаться. Чойдомжид, дарга аймака, обратился к нам с просьбой выручить и подвезти до Улан-Батора работника правительства, застрявшего здесь из-за поломки машины. Пришлось нам на «Дзерене» потесниться и принять наверх шеголеватого молодого человека в меховом деле и теплой собачьей дохе. Пришел Кухо, мы дружески простились с ним и в два часа покинули последнюю гобийскую базу.

Обе машины вышли на равнину с белыми камешками, протянувшуюся далеко на север. Пологие гряды шли параллельно одна другой поперек дороги — подъемы и спуски чередовались, не мешая ходу машин по отличной, хорошо накатанной дороге.

«Дзерен», шедший передовым, нажимал, чтобы доехать до ночлега не слишком поздно. Мы думали ночевать в двухстах километрах от Сайн-Шанды, в бывшем монастыре Чойрен-хид (от тибетского слова «чойр» — «предмет богослужения»), где оборудована автомобильная «станция», то есть ночлег для проезжающих. Пронин вел машину со скоростью не меньше пятидесяти километров. Морозный ветер сек лица, и мы сидели боком к ходу машины, спрятав носы в воротники дох. Обычно Громов засорял глаза то одному, то другому из сидевших наверху, когда опускал стекло и принимался выколачивать свою трубку. Мы в отместку грохотали кулаками по крыше кабины, приводя в бешенство нервного Пронина. Шофер обрушивался на Громова и тем возмещал нанесенный нам ущерб.

Сегодня окно кабины не отворялось. Скорчившийся внутри Громов сумел как-то обходиться без вытрясения пепла.

Время от времени мы оглядывались назад, идет ли «Смерч» с его обвязанной веревкой кабиной и покривившимся тентом. Андреев явно отставал — сначала мы видели черную коробочку, потом точку, а затем только

но... Но чтобы были исправно следовал в отдалении от нас, и мы продолжали нестись полным ходом.

А кругом зинулась все та же белесая равнина, почти без границ, казавшаяся бесконечной. Проехали около пятидесяти пяти километров, и тут «Смерч» исчез окончательно. Остановились подождать, кляня Андрея, который расклевывался теперь за лень в уходе за машиной. Тщательно рассудив, где и когда, на каком из пройденных холмов мы видели машину, решили, что «Смерч» появится через десять минут. Примерно в это время из-за гребня ближайшего увала увидели машину, но, к нашему ужасу, вовсе не «Смерч», а монголтрансовскую бензоцистерну. Мы остановили ее, но шофер мог лишь сообщить, что обогнал крытую полуторку очень далеко отсюда. Это еще не означало аварии, и мы ждали целый час, расхаживая по тоскливой равнине и медленно кочеля.

Солнце садилось, нужно было что-то делать. Пришлось отказаться от мысли ночевать сегодня в Чойрене и поворачивать обратно. «Смерч» стоял там, где он отстал от нас — в сорока километрах от аймака, в беспомощном положении, с замкнутым накоротку аккумулятором и сгоревшим прерывателем.

Чинили, заводили, таскали на буксире до десяти часов вечера, пока не убедились окончательно, что без переборки аккумулятора машина не пойдет. Я распорядился ставить палатку — жестокий мороз совершенно свирючил тех, кому пришлось быть только зрителями наших усилий. Вода, к счастью, оказалась с собой, на дрова (кругом не было даже «дров Ивана Антоновича») рябили несколько пустых ящиков, предусмотрительно вывешенных Эглопом. Палатка обогрелась. Напились чаю, поставили койки. Даже я, находившийся в состоянии тихого бешенства, немного отошел и, чтобы развеселить народ, принялся рассказывать, как мы нанимали повара для экспедиции в Алтан-Булаке.

Никак не удавалось подыскать подходящего человека, и мы обратились, по совету местных жителей, к некоему турку или черкесу, неведомыми путями осевшему в Алтан-Булаке и славившемуся как отличный хлебопек.

Гурок было поддался на наши уговоры, но потом вдруг дуупрямился.

Нэт-нэт, нэ поеду, — объявил он. — Хлеб, лепешки печь многа умю, обеэд варить — нэт. Боюсь.

— Чего же вы боитесь? — спросил мой спутник.

— Боюсь тюрьма попасть!

— Как же так?

— А так! Суп плохой получился, кто-нибудь плохой слова скажет... Сэрдцэ загорэлся, нож хватал, рэзил, тюрьма попал...

Пришлось махнуть рукой. Взять такого повара было действительно опасно. Общий смех последовал за концом рассказа. Я припомнил попреки, которыми донимали нашего повара, и доказывал, что у турка ходили бы по струнке, никто пикнуть не посмел бы, что плохо приготовлено. Все стали придумывать различные смешные положения, неизбежно получившиеся бы с турком и нашими завзятыми «гастрономами» — Андреевым и Прониным. Кругом меня были молодые смеющиеся лица. Быстрая «отходчивость» от невзгод — чудесное свойство молодежи и составляет, пожалуй, самую приятную сторону работы с молодыми сотрудниками.

Андреев подошел ко мне и протянул верхний диск трамблера. Контакты наполовину сплавились от сильного разряда при замыкании. Запасные части были израсходованы, и теперь приходилось выходить из положения с тем, что стояло на моторе.

Никакого смысла держать весь народ здесь, в голой степи, без топлива, в ожидании ремонта машины не было. Тащить тяжело груженного «Смерча» на буксире «Дзерена» сорок километров в аймак через подъемы немудно и рискованно. Сам «Дзерен» давно требовал ремонта.

Несмотря на полуночный час, мы приступили к перегрузке. Весь запас воды, толстые «ходовые» доски в качестве топлива, палатку и печку оставляли Андрееву и вызвавшемуся ему помочь «батарейцу» Иванову. С «Дзерена» сняли половину груза, и машина могла забрать всех людей. Я рассчитывал немедленно по прибытии в Улан-Батор выслать «Дракона» на помощь, взять груз со «Смерча» и снабдить его запасными частями. «Дракон» мог прийти через два дня — за это время Андреев с помощью Иванова должен был проверить разладившуюся систему зажигания.

Все с энтузиазмом встретили новый план. Наш гость, преисполненный юношеской важности, молчал, ни о чем не спрашивая, потом улегся на поставленную для него койку, укрылся с головой дохой и затих. Заснули и

мы кто смог. Мороз пробирал до костей, а дрова мы бергли для остающихся.

В рассветных сумерках произошло новое распределение пассажиров. В кабину водворили наиболее зябкого Орлова. Громов закутался в доху и переселился к нам наверх.

Проник, чему-то весело ухмыляясь, «жал на всю железку» — по образному выражению водителей. Прошел час — кончался второй, а все та же белесоватая Гоби прокатывалась мимо нас. Больше ста километров тянулось равнина с белыми камешками, встреченная нами еще по ту сторону Сийи-Шанды, когда мы шли, ничего не имея, без проводников, из Южной в Восточную Гоби...

Светлые холмы приблизились слева, оттуда же пошла линия телеграфа. Здесь дорога из аймака сливалась со старым калганским трактом, по которому прошла много наших путешественников. Мы остановились покурить. Белесая равнина кончилась — впереди виднелась гряда темных пород, промоины сухих русел, поросшие дерисом. Далеко, на расстоянии километра, виднелось большое стадо дзеренов, голов в пятьсот: животные медленно передвигались, малозаметные перед грядой темных скал. Я улегся наземь и два раза выстрелил в середину стада. Дзерены побежали, попадания не было.

Калганский тракт сильно зарос — видно, движение здесь почти прекратилось. Два параллельных автомобильных наката и четыре-пять рядов верблюжьих троп проходили вдаль широким следом минувшей старины.

Быстро приехали в Хара-Айрик сомон («Сомон черного кумыса»), прошли его без остановки и попали в мелкосопочник. Дорога извивалась крутыми поворотами, внезапными спусками и подъемами-косогородами, не позволяя держать скорости. Вдали как будто плавал в голубухе голубой гребень гранитного массива Чойрен. Здесь, собственно, уже окончилась Гоби — ее место заняла настоящая степь. Обширные заросли дериса по всем долинкам и промоинам казались чуть ли не лесом — с появлением дериса местность стала гораздо жиوانее для неизбалованных гобийцев.

Горы Чойрен — сильно выветренный гранитный массив — походили на виденное вблизи Улугей-хида скопище странных скал. Монастырь Чойрен-хид когда-то строился — так же как и Улугей-хид — в местности, внушающей страх перед богами.

Размытый гранит тяжело громоздился гребнями, башнями, хребтами и головами чудовищ, грозными мордами. Зрелище было поистине удивительное и устрашающее. Отдельно стоявшие глыбы были похожи на грубые статуи сидящих и стоящих людей. Все эти естественные «изображения» искусно использовались ламами — кое-где уцелевшие подмалевки краской оттеняли демонические черты слепого камня или умело положенные кучки камней превращали безымянные глыбы в обо и субурганы.

Тибетские надписи, палки с хвостами яков, укрепленные в расщелинах камней, еще местами сохранились по сторонам дороги, указывая путь к монастырю. Почти все постройки монастыря были разобраны на дрова, только три-четыре здания были заняты под жилье и склады. Огромные толстые балки, разгораживавшие двор, указывали на былую солидную постройку. Бронзовые вазы старинной китайской работы использовались под сосуды для воды. Во дворе стояли две юрты, из них крайняя — деревянная, была огромной, по меньшей мере в два раза большего диаметра, чем обычная аратская юрта. Внутри юрты оказались аккуратно расстеленные кошмы, расставленные скамеечки, большая топящаяся печь...

Пока кипятился чай, я побродил вокруг с фотоаппаратом. Монголы проявили свою любовь к воздвиганию обо и здесь, обставив въезд на автомобильную станцию горками камней или буддийскими ступами с воткнутыми в них коленчатыми валами, полуосями, валиками, рычагами коробки скоростей и другими вполне современными предметами, как-то слившимися с общим ансамблем старых обо, субурганов и прочих остатков монастыря в забавную и характерную смесь.

Очень удивили меня две колоссальные груды заготовленного на зиму аргала. Сложенные прямоугольниками в два метра высоты и прикрытые от бурь балками и тесинами, они походили на гробницы великанов. Заготовка такого количества сухого навоза казалась непостижимой здесь, среди гор и степей, при отсутствии оседлых хозяйств. Слава чойренской воды из колодца, пробитого в гранитах, в котором лед сохранялся все лето, была вполне заслуженна. Давно, очень давно мы не пили такого вкусного и очень горячего, как нельзя кстати, чая. После чая поехали дальше — ночевать здесь,

приехав так рано, было бы нелепо. Дорога за Чойреном стала лучше. После Сумбур сомона («Сомон храмовой трубы») началась гигантская плоская котловина протяжением в семьдесят километров, и Пронин ехал по ней на максимальной скорости. Терпеть холод на таком ходу стало очень трудно — мороз пробирался в каждую щель одежды. Особенно страдали ноги, и плохо пришлось нам с Данзаном, несмотря на кошму, посланную мне в перелазном бортом и сиденьем. На меня не нашлось подходящих валенок среди изделий монгольского промышленника, а Данзан вообще никогда в них не ходил. Наши тобийские сильно изношенные ботинки пропустили мороз сквозь разодранные подошвы. Поэтому мы с Данзаном еще вчера, сидя рядом, ходили на нетерпеливых зрителей в кино. Сегодня Данзан забрался до половины в спальный мешок, а я непрерывно и упорно «работал» ногами, изображая бег на месте.

В степных котловинах появилось много мелких грызунов — песчинок. Как всегда, песчанкам сопутствовали орды. Всей этой живности мы совершенно не встречали в Восточной Гоби. Только раз на Хара-Хутуле мы с Данзаном нашли исполинское гнездо, по-видимому грифа, скрытое под нависшей стеной песчаника. К пяти часам вечера мороз усилился. Вдали показались какие-то постройки, частью развалившиеся. Над длинным и низким аданнем вился дымок. Мы подъехали туда и попали на военный пост, где и попросили разрешения обогреться. Цирики любезно пригласили нас к плите, вскипятили соленый чай. После двух кружек почти кипящего чая и двух выкуренных подряд козжих ножек оказалось, что жизнь не так уж плоха и все-таки стоит продолжения.

Пронин распалился желанием «дотянуть» сегодня до Улан-Батора, мы же, прельщенные перспективой спать дома, в тепле, нисколько не возражали. Пронин принял хозяйский тон и, покрикивая, беспощадно выгнал нас, разнежившихся в тепле, на мороз. Мы поблагодарили приветливых солдат и оставили им свой запас хлеба и мяса — для Улан-Батора нам незачем было беречь продукты.

Темнело. Ветреный алый закат освещал мрачную равнину, изрытую какими-то ямами и усеянную буграми. Скоро дорога пошла на подъем, темнота ограничила наш кругозор полосой света фар. С каждым часом прибавлялось снега. Уже не отдельные белые пятна про-

лядывали сквозь тьму, а сплошной белый покров лег на землю. Молодая луна поднялась по-зимнему высоко, ее бледный свет, усиленный снегом, открыл однообразные гряды гор, обступивших дорогу. На длинном спуске с перевала в узкую долину оба склона были покрыты толстой снежной пеленой до полуметра толщины. Мы точно сразу попали в Арктику.

Я промерз насквозь и только подумал, что следовало бы остановить машину, дать людям покурить и согреться, как Пронин затормозил. Все поспешно попрыгали с машины. Долгое время шел молчаливый пляс. Если кто-нибудь посмотрел бы на нас со стороны, то, ручаясь, навсегда запомнил бы это зрелище. Мрачные фигуры в косматых дохах и полушубках сосредоточенно, со злобным упорством плясали на заснеженном перевале, под светом высокой луны. Наконец ноги стали отходить. Мы закурили, с наслаждением затягиваясь. Дорога уходила вниз длинным пологим спуском, ветер разгуливал по ущелью, начиная свистеть все сильнее, мелкий снег летел под луной серебристо-ледяной пылью. Данзан, единственный из нас, проезжавший здесь ранее, объявил, что до Улан-Батора осталось сорок километров. Справа, за горами, проходила главная дорога, ведущая к угольным копям Налайхи и дальше на Керулен. Но ничего не было видно впереди — дикое безлюдье и морозная пустыня окружали нас.

Я подошел согреть руки о теплый радиатор «Дзере-на» и с нежностью погладил верную машину, безотказно перенесшую нас из Гоби сюда, к преддверию монгольской столицы. Поднималась метель. Вспыхнули фары, и мы стали спускаться в море крутящегося снега, крошечными огоньками сверкавшего в свете фар. Вдали показались электрические огни. Машина выехала на широкое шоссе с настоящими мостами, по которому мы и понеслись полным ходом. Вот слева показалась цепочка огней, расширилась, и появился весь Улан-Батор. Огни группировались горящими пятнами с темными или слабо освещенными прогалинами. В них мы угадывали тот или другой из районов ставшего знакомым города.

В его западной части, в домике в глубине большого квадратного двора, нас ожидала двухкомнатная квартира. Электрический свет стосвечовых ламп казался необычайно ярким. От большой печки распространялась жара. Старый репродуктор передавал местную трансля-

Москвы, и эти хриплые звуки показались чудесными. Два больших стола, настоящие стулья, груда газет, журналов, книги и письма!

Мы расставили койки, развернули мешки, в которые теперь можно было не забираться. Лукьянова каким-то инстинктом определила наш приезд сегодня или завтра и наварила превосходных щей. Пронин, сделавший четыреста двадцать километров, был награжден стопкой водки и отправлен спать. Мы наелись, закурили и расстелились на койках, слушая тихую музыку, доносившуюся из репродуктора. Контраст с заснеженными, обледеневшими горами, среди которых мы плясали под луной два часа назад, был так велик, что это ощущение тепла, прямого света уютного дома крепко врезалось в память. Утром мы собирались и сворачивали свои постели в предрассветном сумраке на голой гобийской равнине в таком расстоянии от этого дома, что путешественнику прежних лет с верблюжьим караваном понадобилось бы восемь-десять дней на то, чтобы дойти сюда! А мы в тот же вечер наслаждаемся вестями с родины и кейфуем в настоящем доме!

Так закончилось гобийское путешествие 1946 года. Мы вернулись к городской жизни очень своевременно — на следующее утро мороз дошел до двадцати семи градусов, и более не удалось отметить ни одного заметного повышения температуры. Обычным стало тридцать пять ниже нуля, и мои мечты вернуться в Гоби для раскопок скелета динозавра казались теперь смехотворными.

Хлопот оставалось еще очень много. Следовало спешно рассчитать рабочих и сотрудников, подведя итоги полному питанию и всем прочим расходам, приготовить финансовый отчет, написать предварительный научный отчет, вычислить километраж и расход горючего по автотранспорту — словом, целая гора обязательных и срочных дел, одолевающих путешественника при чересчур строгой отчетности, принятой у нас в Академии наук.

Для Министерства финансов не существует никакой разницы между отчетностью предприятия, обладающего аппаратом финансовых работников, и отчетностью экспедиций с их во многом непредвиденными и мелкими расходами. Только покончив со всем этим, мы смогли приступить к последней задаче — организации палеонтологического отдела Государственного музея МНР.

Празднование Октябрьской годовщины собрало всех советских людей, живших в монгольской столице. Приглашенные на торжественное заседание в театр, мы с особым чувством слушали стоя торжественные звуки советского гимна. Члены правительства дружественной страны тоже стояли вместе с нами, отдавая честь Советской державе.

Затем члены правительства приняли нас. Прием прошел хорошо: сначала Данзан с большим подъемом прочитал официальный рапорт нашей экспедиции, переведенный на монгольский язык, затем я сделал подробный доклад о наших задачах, успехах и перспективах будущих работ.

Более широкую демонстрацию материалов, открытых для переупаковки и отбора образцов, передаваемых Музею МНР, мы устроили на складе экспедиции, во дворе музея Сухэ-Батора. Склад не отапливался, и публика в нем не задерживалась, хотя кости гигантских динозавров возбуждали всеобщее любопытство.

Профессора собирались домой. Орлов дважды выступал с докладами — в клубе имени Ленина и в университете — и пользовался большим успехом, так как читал с подъемом, увлекая аудиторию. Это были первые доклады о палеонтологии и палеонтологических исследованиях, прочитанные в Монголии за все время существования республики.

Я написал большую статью об экспедиции, переведенную на монгольский язык и напечатанную в газете «Унэн» («Правда»), и несколько популярных информационных для лекционного бюро Комитета наук. В работе не было перерыва, и дни не шли, а летели.

Плоховато было с одеждой: щеголять в полевом полушубке и ватнике казалось неудобным, а нужного размера валенок или бурок не нашлось ни в торгпредстве, ни в Промкомбинате. Мы с Орловым и Громовым ежились в демисезонных пальто и полуботинках, совсем не подходящих к жестокой монгольской зиме.

Улан-баторская зима своеобразная. Ветров почти не бывает, снега очень мало, и он как-то быстро испаряется с почвы. Голая земля и щебень придают какую-то

непвенную жесткость морозу, а пыль при сорокаградусном морозе кажется отвратительной.

Зато небо исключительно ясное, и солнце сияет на нем несколько не слабее, чем летом. Днем на солнце темные поверхности, например борта машин, двери домов так нагреваются, что на сильном морозе о них можно согреть руки.

«Дракон» и «Дзерен» шли в последний рейс в Даван Дээдэвэл и остатками завезенного на базу имущества Профессора предпочли железную дорогу самолету и уехали домой через Наушки.

Для их доставки на границу выделили «Смерча». Попутно «Смерч» отвозил в Алтан-Булак взятых там рабочих и повара.

Не обошлось без приключения. Собрав профессоров, мы укутали их в шубы, расцеловали на прощание. Машина тронулась, мы стояли, глядя ей вслед. Недалеко от наших ворот была неглубокая канава, на которой всегда подбрасывало машины: «Смерч» въехал в канаву, и раздался громкий хрустящий звук! Я сразу почувствовал, что дело плохо. «Смерч» остановился, Андреев выскочил из машины, и, когда я подошел к полуторке, «линято» уже был готов: сорвалась с заклепок передняя часть задней рессоры — авария исключительно редкая. Под общий смех профессора и рабочие были водворены назад, в квартиру, разоблачены от дох и полушубков. Пока бегали за четыре километра в гараж и оттуда прибыла срочно разогретая вторая машина с набором болтов, прошло три часа, и мы успели пообедать. Еще раз починенный «Смерч» миновал роковую канаву, лихо развернулся на асфальтовом Сухэ-баторском шоссе и понесся в Советский Союз. Профессора и рабочие долго михали нам — грустно расставаться после гобийского путешествия, спявшего нас хорошей походной дружкой.

Потянулись однообразные дни, заполненные музейной работой. Я писал тексты, этикетки, составлял таблицы геологической истории и геохронологии. Это все переводилось на монгольский язык и тщательно писалось местными каллиграфами старомонгольской вязью, пока еще более доходчивой для пожилого населения. Параллельно писался текст недавно введенным русским алфавитом. Все это приходилось много раз проверять и переделывать, приспособляя монгольские понятия для па-

леонтологической терминологии. Очень большую помощь оказывал в этой сизифовой работе Данзан, шесть лет проведший в Советском Союзе. Сам геолог, он отлично понимал все, что требовалось выразить в этикетках и текстах. Другие монгольские геологи — Гончик и Цебек — тоже усердно переводили тексты. Эглон перепакывал коллекции, реставрировал, готовил вместе с механиком Монголтранса железные каркасы для выставляемых в музее костей. Лукьянова разбирала, препарировала, склеивала старые музейные экспонаты, приводя их в порядок.

Государственный музей МНР отвел нам целых две комнаты. Заведующий Палеонтологическим музеем Академии наук СССР в Москве профессор К. К. Флеров, прекрасный художник-анималист, превосходный реставратор ископаемых животных, изготовил для музея МНР несколько картин. Не было случая раньше упомянуть, что профессор Флеров приезжал в Улаи-Батор в составе нашей экспедиции, но вынужден был покинуть Монголию, так и не побывав в Гоби, вследствие того что местный климат резко ухудшил его сердечную болезнь.

Невероятный холод царил в помещении музея — бывшем жилом доме Богдо-Гегена¹, с его тонкими стенами. Мы устроили препараторскую в конторе, где топилась печь, но никогда не было тепла из-за того, что дверь все время открывалась, впуская вместе с клубами морозного пара новых и новых любопытных. Здесь же, в маленькой комнатенке, ютился недавно прилетевший в Улан-Батор профессор-археолог С. В. Киселев, изучая отдельные экспонаты, которые приносили ему из морозных выставочных залов.

У Лукьяновой появился ученик — понятливый молодой монгол, которому она поручала менее важные работы. Ученик занимался с энтузиазмом, стараясь полностью овладеть искусством извлечения из породы и восстановления ископаемых костей.

Не раз в течение дня я растирал озябшие руки и подходил к топившейся плите, чтобы погреться и покурить. Не раз в мыслях вставала картина нашего первого посещения музея. В знойный августовский день мы приехали сюда и долго бродили по залам, пока совершен-

¹ Богдо-Геген («Многими возведенный») — бывший до Народной Республики духовный и светский правитель Монголии.

ни не измучились от множества интересных впечатлений. Выложенный камнем двор в ограде красных стен с узорной черепицей на коньках был обставлен со всех сторон чешуйчатыми, многоярусными крышами с загнутыми вверх углами и гофрировкой из рядов параллельных валиков, сложенных длинными черепицами. На крышах — медные фигурки птиц и зверей, колокольчики, блестящие в ярком солнце. Золотые колокола на высоких шестах. Плиты с руническими знаками, драконы, извитые запутанными углями, поразительно тонко высеченные из серого гранита арсланы с разинутыми жабьими пастьми и выжужженными глазами яблоками. Внутренний храм — с множеством маленьких окошек, окруженных кустами, зелеными и терпко пахнущими. Кирпичная дорожка в середине внутреннего, заросшего удивительно свежей для Улан-Батора травой двора, ведущая от храма к воротам, разрисованным лохматыми золотыми линиями между синих и красных красок — сплетением причудливых драконов. И все это — в блеске знойного солнца, подернутое легкой дымкой нагретого воздуха, словно пеленой густой лени. Лениво бродили в первом дворе ручные журавли красавки.

А теперь внутри музея стоял такой свирепый мороз, что казалось гораздо холоднее, чем на улице. Почти все ставни оставались закрытыми — мы открывали только необходимые, и в помещениях музея царствовал полумрак. Никогда не забуду отчаянного холода этих мрачных и темных залов! Через полчаса пребывания в музее буквально душа начинала стыть. Приходилось бежать греться в контору, но и там было не слишком тепло. Журавли куда-то спрятались, трава давно высохла, ветер шонко шуршал мерзлыми веточками голых кустов... Я проходил через дворики с фотоаппаратом, засунув под мышки заочевенвшие пальцы, и старался как можно скорее сделать снимки: хотелось запечатлеть своеобразную красоту китайской архитектуры.

В музее не было света, и работу приходилось вести лишь в дневные часы. Впрочем, если бы свет и был, все равно нельзя было бы выдержать, работая голыми руками на таком морозе.

Работа двигалась, но шло и время. Кончился ноябрь, проходил и декабрь. Мы постарались завершить работу к двадцатипятилетию Комитета наук.

Теперь уже ничто не держало нас в Монголии. За-

готовлялись визы, таможенные документы на наш разнообразный и объемистый груз, подводились последние итоги денежных расходов.

На беду, заболел Андросов. Старший шофер никак не хотел проявить уважение к суровому монгольскому климату. Старательный и нетерпеливый (таких очень метко в Сибири называют «заполошный»), Андросов, управляя машину, простудился и попал в больницу с острым плевритом, пробыв там две недели. Он стал очень слаб, но резкого улучшения так и не наступало. Поговорив с врачами, я решил, что самое лучшее будет вывезти Андросова домой и больше не задерживать отправку экспедиции. Я водил «Дракона» в тяжелых условиях гобийского бездорожья и решил, что смогу провести машину и отсюда, а Андросов поедет со мной рядом в кабине пассажиром и советчиком. Как только появилось такое решение, сразу стало весело: больше не существовало препятствий, и мы могли немедленно возвращаться домой.

В ночь на седьмое января нового, 1947 года все три машины стояли в нашем дворе. Гараж и склад были переданы владельцу — музею Сухэ-Батор. Мы погрузили вещи с вечера, оставив только постели, и улеглись все вместе в жарко натопленной опустелой комнате. Время от времени кто-нибудь из нас вставал и выходил во двор с ключами от машин. Мы должны были выехать спозаранку. До Сухэ-Батора за короткий зимний день надо проехать триста пятьдесят километров по горной дороге, да еще при жестоком морозе. Поэтому мы не могли задерживаться с разогреванием машин: в условиях сорокаградусного мороза это очень продолжительная процедура. Через каждый час заводились тепло укутанные моторы и, поработав с четверть часа, могли стоять еще час...

Я почти не спал, а только дремал, боясь, что очередной дежурный, разморенный теплом, уснет, машины замерзнут, лед порвет радиаторы или рубашки блоков и... тогда беды будут неисчислимы. Ведь мы сдали всю нашу валюту, оставив только на еду до границы, и экспедиция более не располагала никакими средствами. Немудрено, что я не мог рисковать...

Под утро в комнате стало холоднее — тонкостенные монгольские постройки выстывают быстрее наших простых деревенских изб. Укутавшись, заснули оба сменных

шофера, и пришлось мне выступать на сцену. Я взял ключи, сунул ноги в меховые сапоги, надел полушубок и шапку. Свет электрического фонарика быстро померк — батарейка застыла на морозе, прекратив свои химические реакции, но я успел завести все машины.

Уркая монгольская ночь властвовала над городом. Сверкающая в лунном свете изморозь пятнала серый щебень мерзлой до звона почвы. Черные тени протягивались от высоких тентов машин. Двор окружали низкие дома — от черноты окон они казались молчаливыми и пустыми. Вой и отдаленный лай псов стали обычным, уже не воспринимающимся аккомпанементом.

И посмотрел на юг, где призрачной громадой поднималась над городом Богдо-Ула. Покрытая глубоким снегом вершина горы светилась под луной огромной белой проливной, матовая твердая поверхность которой казалась очень вещественной и четкой над сероватыми, неясными склонами, сплывшими в глубочайшую тень.

Свиристый мороз забирался под наскоро натянутую одежду, захватывал дыхание. Высоко в небе, окруженной гигантским дымчато-светящимся кольцом, сияла луна.

Войдя в дом, я погрелся, разбудил Лукьянову и Эгона. Растопили плиту, стали разогревать чай. Я выпил кружку чаю, закурил, и опять пришло непрощенным вселившее чувство грусти. Стало грустно покидать Монголию. Впереди новые заботы и тревоги, связанные с отпранкой всей экспедиции домой... Да, на этот раз по-настоящему — домой! Надо будить шоферов...

Как только мы окончательно собрались, нас пришли проводить, невзирая на сильный мороз и ранний час, русские и монгольские друзья. Они высказывали надежду на новую встречу в этом же начинавшемся году. Мы попрощались очень сердечно...

Одна за другой выезжали машины на асфальт Сухэ-Битгорского шоссе — «Дзерен» Пронина, «Смерч» Андреши и мой «Дракон». Вся экспедиция теперь размещалась в кабинах — за рулями и на пассажирских местах. Битгровое солнце вставало позади, сгоняя синеватую сумеречную мглу с заиндевелой дороги.

Машины неслись в свой последний рейс по Монголии по узенькой ленте, пронизавшей толпившиеся на севере сопки Хентэя — туда, к границе родной страны.

Рядом со мной, молча забившись в угол кабины и завернувшись с головой в доху, ехал больной Андросов.

Далеко позади в морозном тумане остался Улан-Батор. Справа и слева расстилалась широкая заснеженная равнина, впереди за длинным подъездом виднелась горная гряда. Навстречу летели «ЗИСы» Монголтранса, сближались, эхом отдавался гремящий треск зисовского мотора, мощное фыркание нашего, и опять «Дракон» одиноко шел в тихую белую даль. Сѳлице нагрело кабину, блестящая пленка инея, запудрившего боковые стекла, исчезла, открылся широкий кругозор.

Монголия — солнечная и светлая, прощалась с нами, щедро разбросав по сторонам свои просторы.

Далеко впереди, на склоне горы, черной точкой полз «Дзерен». Харинский перевал славился крутизной, пошли длинные опасные спуски с виражами по обледеневшей дороге. Мы ехали и ехали через горы и распадки, пока синие зимние сумерки не стали ложиться голубыми полосами на снег, а оголенные скалы и щебень не потемнели. Мороз все крепчал, леденя спину. Я сидел за рулем несколько часов без перерыва и начал замерзать.

В темноте я едва не проехал мимо почерневших построек — китайской столовой на двести шестидесятом километре. Сейчас же за мной подошел «Смерч». Приехавшие пораньше Пронин с Эглоном заказали неизменные пельмени с грубым, крупно нарезанным луком, но все ели вяло — сказывалась усталость.

В закоптелой, освещенной двумя тусклыми лампами низкой комнате клубился мокрый пар, над заставленными столами синел табачный дым. Резко пахло луком и водкой. Смутные фигуры спали в дальнем углу на голых досках загрязненного пола. Рядом за столом подвыпивший монгольский шофер в кожаном шлеме что-то с оживлением доказывал четырем сидевшим напротив неопределенной национальности людям. Андреев откуда-то узнал, что бедняга сидит здесь уже неделю, заморозив радиатор. Мы устроили сбор, подсчитав оставшиеся деньги, и вручили изумленному шоферу двадцать шесть тугриков — сумму, достаточную, чтобы прокормиться дня четыре.

Ночевать в этой неуютной корчме никому не хотелось. Приходилось дотягивать до Сухэ-Батора, хотя без содрогания трудно было даже подумать о леденящей тьме снаружи.

На моторы уже застывали...

Возникла луна и осветила пологие сопки. Снегу здесь прибавало, на склонах и вершинах отдаленных гор чернели пятна леса. В длинных лучах мощных фар поземка крутила лужай снег — по темной дороге неслись хвосты серебрищейся пыли. Глухо и исвержно маячили стены скал, отраженные столбиками обрывы уходили в черную, зияющую тьму. Стекла кабины стали обмерзать. Не оборудованные никакими отоплителями, они все больше мутнели и белели, несмотря на все усилія мой и Андреева, протиравших их почти с отчаянием. Свет фар отражался в тысячах блесков на стекле, и дорога становилась невидимой, как я ни напрягал зрение и, наваливаясь грудью на руль, ни приближал лицо к стеклу. Пришлось сдаться, раскрыть боковые стекла, и лютой ветер жгучими пожарами ворвался с обеих сторон в кабину. Стекла прояснились, но мы стали быстро замерзать, гораздо быстрее, чем рассчитывали.

Луна поднялась высоко, ее яркий свет проник в темную кабину, заметался светлыми бликами по гладкой пластмассе руля. Светящиеся шкалы и стрелки приборов потухли. В обледенелой кабине звонко резонировал моток: машины лезли на длинный подъем. От морозного ветра медленно застывали левая рука, плечо, левая щека.

Темная масса возникла в стороне от светового луча фар. На повороте дороги сноп света отразился от задка крытой машины. Большие белые цифры «МЛ-50-39» скалили нам, что это «Дзерен». Впереди стоял «Смерч». Пронин копался в машине, а Эглон подсвечивал ему фонариком.

— Конденсатор! — сказал Пронин, дуя на сложенные ладони. — Сейчас сменю и поеду.

Из полуразвалившейся кабины «Смерча» на дорогу выбралась Лукьянова, принявшая шарообразную форму от накрученных без числа одежд.

— Сильно замерзла? — приветствовал ее Эглон, блаженствовавший в огромной шубе, приобретенной им в Улан-Баторе.

— Холодно, но ничего, терпеть можно, — раздался голос, приглушенный обмотанным вокруг рта шерстяным платком. Я заглянул под платок — живые темные глаза нашей путешественницы бодро поблескивали.

— Вы сами не пропадаете, — насмешливо сказала

Лукьянова.— Василий Иванович (Андросов) совсем почернел, а вы посинели...

— Почернеешь тут,— сердито ответил Андросов.— Кабина обмерзает, сколько уж времени едем, будто на открытой машине... Отсюда я теперь поведу, замерз, терпежу никакого нет больше. Садитесь, Иван Антонович, они догонят!

«Дракон» бешено понесся по серой дороге. Андросов гнал вовсю, стараясь поскорее доехать до гостиницы в Сухэ-Баторе.

По заснеженным склонам сопок незаметно подползли темные стены соснового леса. Иногда одинокое дерево четко обрисовывалось в лунном свете, и радостно было увидеть родную сосну после многих дней, проведенных среди голых гобийских камней.

В лесу среди деревьев показалось теплее, но едва лес окончился и потянулась мертвая белая равнина, я почувствовал, что больше не могу. Андросов остановил машину, и я сделал несколько пробежек взад-вперед по дороге. Наши машины не подошли, Андросов по слабости не мог разогреваться гимнастикой, и мы понеслись дальше. Не больше тридцати километров тянулась равнина перед Сухэ-Батором, но из-за мороза и плохой дороги она казалась бесконечной. Наконец появилась полоса редких огоньков вдоль берега Орхона, под темными сопками. Мы долго стучались в гостиницу и ставили во дворе машину, но наших так и не было. Пришлось держать мотор разогретым. Кто знает, не придется ли тащить на буксире какую-нибудь из наших машин.

Большие общие комнаты сухэ-баторской гостиницы были не очень теплыми. Свободных коек оказалось много, но мы с Андросовым не ложились, не в силах отойти от большой горячей печки, к которой мы точно приросли спинами. Меня долго колотил озноб. Едва живой от усталости Андросов повалился на койку прямо в дохе, а я все стоял у благодатного черного железа. Еды не оказалось — все продукты были на «Дзерене». С усилием я заставил себя выйти во двор и прогреть «Дракона», потом взял стул и сел у печки, раздирая слипавшиеся веки. Куря одну сигарку за другой, я боролся со сном, сулившим гибель машины.

Часы шли, миновало четыре утра. Бледный туман навис над поселком, скрыв луну, в темной восточной части

неба ярче засветились звезды. С машинами, без сомнения, случилось что-то серьезное. Я подошел к койке, взял свой шарф, стараясь не разбудить задремавшего Андросова, и тщательно оделся, решив схать назад, за полуторками. По самым точным расчетам, машины не могли быть далеко — не больше сорока километров — полтора часа ходу по неважной дороге.

Я зашел мотор, разогрел, развернул машину и пошел будить сторожа, чтобы открыть ворота. На улице послышался гудок и шум машин. Я выскочил навстречу, увидел «Дзерена» и от души обрадовался. Тут же выяснилось, что Андрееву не хватило бензина, он стал ждать в лесу и едва не заморозил машину, так как Пронин подъехал с большим опозданием. Мотор «Смерча» и так плохо работал, а остывший, и вовсе отказал в заводке. Два часа бились, разложили костер, нажгли свечи, таскали «Смерча» на буксире, пока наконец удалось завести.

Кляня вечное легкомыслие Андреева, мы всем скопом ввалились в гостиницу, добыли кипятку и основательно закусили. Даже Андросов в первый раз поел с апетитом. Путешествие пошло ему на пользу — он вдруг почувствовал себя лучше, чем все последние дни. Моторы мы решили подогреть остаток ночи, но я был сменин с вахты и мгновенно уснул.

Утром мы узнали, что мороз дошел до 46 градусов и было несколько аварий с машинами на только что пройденной нами трассе.

Чуть только рассвело, мы стали собираться, хотя спешить было некуда — таможня начинала осмотр лишь в девять часов. Но до границы оставалось всего восемнадцать километров, и все нетерпеливо рвались перебраться на родную землю.

Мы взобрались на вершину перевала, где красивые гранитные скалы стояли в окружении массивных листовенниц, и вихрем обрушились с длинного спуска прямо к монгольской таможне. Цирики, проверив наши паспорта и узнав, что экспедиция выезжает совсем, сердечно попрощались с нами, пожелав нам снова приехать в их страну. Мы пожали им руки, уселись в машины. Еще несколько километров пути через зеленый и веселый сосняк...

Дорога шла по выемке, кругом лежал глубокий снег, навстречу попадались советские машины с грузами для

Сухэ-Батора. Таможня, пограничники и таможенники, строгие во время проверки и приветливые после ее окончания, первыми встретили нас. Затем железная дорога — гудки паровозов, рельсы, склады...

В сосновом лесу, покрытые белыми шапками снега, стояли деревянные дома русского поселка. Вдали гладкой белой лентой вилась река Селенга. Мы почувствовали себя уже дома.

ПАМЯТЬ ЗЕМЛИ

(Газрын дурсгал)

Книга вторая

*Будь прост, как ветер, неистощим,
как море, и памятью насыщен, как
земля!*

М. Волошин

Глава первая

ЗА СКЕЛЕТОМ НЕВЕДОМОГО ЗВЕРЯ

*Челюсти, жевавшие луговую траву,
Будут лежать белыми костями,
А луговая трава все так же будет зеленеть!*

Старая поговорка

В результате первой экспедиции 1946 года было доказано неслыханное палеонтологическое богатство гобийских межгорных впадин. Перед нами встала новая задача — взять эти богатства, заставить их служить науке.

Эта задача была сложнее выполненной нами.

Раскопки динозавров — этих гигантов прошлого Земли — могут быть сравнены с серьезным промышленным предприятием — добычей руды или другого полезного ископаемого. Размеры скелетов «средней величины» динозавров — пятнадцать-шестнадцать метров при весе ископаемого окаменелого костяка в несколько тонн. Самые крупные динозавры — зауроподы, остатки которых тоже были найдены экспедицией 1946 года, достигают двадцати пяти метров длины, и костяки их весят уже по нескольку десятков тонн.

Если добавить к этому, что полная очистка скелета от породы — работа настолько трудоемкая, что длится годы, и поэтому на месте раскопок приходится брать скелет с облегающей его породой, расчлняя его лишь на отдельные глыбы — монолиты, то станет ясным, что раскопки динозавров технически еще сложнее добычи полезных ископаемых.

В самом деле, нужно не только извлечь из земли кости, но извлечь их целыми в виде больших глыб огромной тяжести. Эти глыбы перевезти из труднодоступных бездорожных районов Гоби за тысячу километров к железной дороге. Нужно не только завезти в Гоби большую группу рабочих, препараторов и ученых-исследователей, обеспечив их всем необходимым, но и доставить в безводные гобийские впадины большие количества лесоматериалов, гипса, воды и горючего, необходимых для ведения раскопок и упаковки добытых коллекций. Эта задача может быть решена только мощным автотранспортом. Следовательно, организация экспедиции, способной справиться с созданием в любой безводной, бездорожной и удаленной на большие расстояния от населенных пунктов точке Гоби раскопной базы с населением около полусотни людей, обеспеченных всем необходимым для жизни и производства работ, — это прежде всего организация сильной автоколонны, укомплектованной квалифицированными работниками и могущей действовать длительное время вдали от ремонтных баз.

Но бесперебойная работа автомашин определяется прежде всего наличием системы бензиновых баз, снабженных важнейшими запасными частями и запасной резиной.

Эта организация бензиновых баз должна быть закончена до работы экспедиции в поле, чтобы не вызывать остановки многолюдной, налаженной, находящейся на ходу экспедиционной машины, каждый день простоя которой приносит крупные убытки.

Вот почему вторая Монгольская экспедиция 1948 года началась еще в 1947 году. Осенью была отправлена автоколонна, а зимой началась вывозка бензина и организация баз.

Зима 1947 года в Монголии была очень холодной даже для этой страны суровых зим. Все наши перевозки

происходили в северной Монголии, где морозы особенно люты

Я сам не участвовал в этой работе и прилетел в Улан-Батор в новогодний день 1948 года, когда почти все перевозки с севера были окончены. Мне оставалось только восхищаться самоотверженной работой своих товарищей — шоферов, препараторов, научных сотрудников и хозяйственного персонала экспедиции. Все они без различия «чинов и званий» образовали единый коллектив перевозочной конторы и этой работе отдавали все силы и время. Работали то грузчиками, то учетчиками на складах, то упаковщиками и приемщиками, а иногда и просто строительными рабочими, если требовалось поправить и расширить какой-нибудь старый склад.

Когда-нибудь участники нашей экспедиции сами расскажут о трудной работе, выпавшей на их долю. Как мчались наши тяжело нагруженные бензином машины в жестокие морозные монгольские ночи или не менее холодные ветреные солнечные дни; шли, окутанные облаками пара, оледенелые тенты звонко хлопали на ветру, урчание моторов далеко раскатывалось в застылых ущельях. Как мерзли водители и пассажиры в холодных кабинах, как отчаянно оттирали замерзавшие стекла, чтобы продолжать путь в предрассветной ледяной мгле, когда мороз становился особенно невыносимым.

Сухая и солнечная монгольская зима была уже знакома мне по прошлой экспедиции, и я не удивлялся уже более, шагая по густой пыли и голому щебню в сорокаградусный мороз.

Гостеприимное монгольское правительство, едва окончились зимние перевозки, пригласило участников провести несколько дней в лучшем доме отдыха — так называемой Райской пади. Это лесистое и широкое ущелье, врезанное в склон бывшей священной горы — заповедника Богдо-улы.

Густые кедровые леса сбегали прямо к небольшой поляне, на которой расположился дом отдыха, на высоте около двух тысяч метров над уровнем моря. В январе дом отдыха был почти пуст, необычайная тишина стояла над лесной поляной, и только белки нарушали ее, сбрасывая с кедровых ветвей пылящие облачка снега. Изредка в ледяную, голубовато-серебряную лунную ночь неторопливо пробежит легкий олень или раздастся угрюмый выкрик большой совы.

Здесь, в этом снежном царстве и чистейшем воздухе, мы провели несколько дней и спустились на равнину Улан-Батора, готовые к дальнейшей борьбе за успех экспедиции.

Вот вкратце состав участников второй Монгольской палеонтологической экспедиции 1948 года.

Командовать экспедицией по-прежнему пришлось мне. Начальником раскопчного отряда стал, как и раньше, Я. М. Эглон и, кроме него, из «ветеранов» экспедиции 1946 года — старший препаратор М. Ф. Лукьянова и шофер В. И. Пронин, назначенный бригадиром. Моим заместителем по административно-хозяйственной части был Н. А. Шкилев, выбранный парторгом. Научный персонал составляли младшие научные сотрудники Е. А. Малеев, Н. И. Новожилов и А. К. Рождественский. Препаратор В. А. Пресняков и шоферы экспедиционной автобазы АН СССР Т. Г. Безбородов, Н. П. Вылежанин, И. И. Лихачев и П. Я. Петрунин — все были московскими работниками. В Улан-Баторе в постоянный состав экспедиции вошли и М. Александров (шофер), и сотрудник комитета наук МНР переводчики Очир (Восточный маршрут) и Намнан-Дорж (Южный маршрут).

Оба переводчика отличались друг от друга, как небо от земли. Очир (что в переводе с тибетского значит «алмаз») был совсем юный геоботаник, скромный, хорошенький, с круглыми, усыпанными веснушками щеками. Он предпочел национальное дело нашей спецодежде и вначале немного чуждался шумной и насмешливой компании путешественников, но потом освоился и оказался отличным товарищем и работником, близко к сердцу принимавшим все наши удачи, тревоги и трудности.

Намнан-Дорж, человек в летах, любил щегольнуть европейской одеждой и ученостью, был недоверчив и подозрителен. Будучи небрежным переводчиком, он несколько раз ставил нас в затруднительное положение и — надо прямо сказать — не пользовался в экспедиции любовью.

Восемнадцатилетние рабочие — «ветераны» прошлой экспедиции пошли на военную службу, кроме Жилкина и Сизова. К ним присоединились Коля Брилев и Кеша Сидоров — тоже алтанбулакцы. Но главное ядро рабочих экспедиции 1948 года составили солидные иркутяне, все отличавшиеся крупным ростом и порядочной силой. Николай Баранов — могучий парень с пудовыми кула-

ками, был отличным плотником и заменил Эггону его верного «ассистента» Павлика. К концу экспедиции Баранову можно было поручать самостоятельную выемку находок и заделку монолитов с костями. Другой иркутянин — Петр Афанасьевич Игнатов — тоже отличался силой и был мастер на все руки, хотя и страдал немного лещой. Степенный, в очках. Корнилов походил на ученого, имел десятилетнее образование и как-то само собой стал кладовщиком и учетчиком. Среди других рабочих эти три человека сделались нашими главными помощниками.

Позднее к рабочим присоединилось несколько монголов, среди которых выделялся Дамдин — коренастый, ловкий и внимательный, он сделался верным помощником Лукьяновой и хорошим товарищем всем нам.

За время зимних перевозок характер каждого из шоферов был изучен в деталях. Как ни странно, но и машины вели себя соответственно характеру своих водителей. Поэтому названия машин, увековеченных крупными надписями на бортах по-русски и по-монгольски, появились не в середине экспедиции, как в 1946 году, а еще до выезда в поле. Только «студебекер» — ветеран экспедиции 1946 года — носил свое старое прозвище «Дракон» вопреки совершенно безобидному характеру его водителя Т. Г. Безбородова. Четыре автомашинны «ЗИС-5» назывались: «Дзерен» с водителем В. И. Прониным, наиболее искусным из всего нашего состава; «Волк» с превосходным водителем Н. П. Вылежаниным — хитрым механиком; «Тарбаган» — «тупая», неприемистая машина И. И. Лихачева, любитель поспать и в маршруте тянуться в хвосте колонны, ссылаясь на плохой мотор; «Кулан», впоследствии переименованный в «Барса», с водителем П. Я. Петруниным — очень прилежным, но наименее опытным работником.

Маленькая легковая машина «ГАЗ-67» вначале не имела водителя. Один из наших рабочих — Александров — оказался опытным шофером и стал ее постоянным водителем. Так, самый высокий человек в экспедиции (Александров был ростом более ста восьмидесяти пяти сантиметров) получил самую маленькую машину, и его огромная фигура, сложенная пополам за рулем, выглядела комично. Так как Иванов в экспедиции было много (включая и начальника), то в отличие от всех них Александров стал называться Иван-Козлиный и с честью но-

сил это прозвище два года работы нашей экспедиции, трудясь все на той же маленькой машине.

Базой экспедиции 1948 года стал большой старинный дом какого-то маньчжурского чиновника, еще до независимости Монголии построившего странное двухэтажное здание с загнутыми вверх углами крыши. Верхний, насквозь продуваемый этаж, построенный из деревянных решеток, образовал большой холодный зал. Яркая раскраска резных колонн и золото деревянных драконов совершенно не гармонировали с полумраком и лютым морозом, царствовавшим в помещении. Однако этот зал оказался отличным складом, в котором так удобно было раскладывать и проверять наши большие палатки.

Внизу, во дворе, стояли машины и громоздились штабеля досок, брусьев и ящиков. В маленькой сторожке против ворот была устроена механическая мастерская. В большом котле, вмazanном в печку, всегда кипела вода, необходимая для разогрева очередной машины. Нижний каменный этаж дома был занят под жилье экспедиции.

Здесь тоже было бы изрядно холодно, если бы не запас отличного налайхинского угля, который в конце концов прогрел это здание, не отапливавшееся уже лет тридцать. Время шло быстро, миновал и «белый месяц» (цагансар) — монгольский Новый год. Солнце, всегда яркое в Монголии, начало заметно пригревать. К первому марта все было готово к нашему отправлению на юг, но перевалы в горах вокруг Улан-Батора еще были закрыты снежными заносами.

Вместе с Рождественским, оказавшимся любителем картографии, мы посвятили много времени тщательной разработке и расчету предстоявших перевозок и исследовательских маршрутов. В первую очередь был намечен маршрут в Восточную Гоби, чтобы извлечь скелет неведомого зверя, оставленного экспедицией 1946 года.

Во время этих раскопок мы рассчитывали посетить местонахождение Ардын-обо, открытое американцами в 1922 году и давшее несколько очень интересных находок древних носорогообразных млекопитающих и огромных черепах. Карты, приведенные в трудах американской экспедиции, были слишком мелкомасштабны. В описании отсутствовали сколько-нибудь точные указания на географическое местоположение Ардын-обо. Такие указания, как «578 миль от главного лагеря по автомобиль-

ному спидометру» при неизвестном расположении этого лагеря и неизвестном направлении маршрута, конечно, не могли считаться ориентирами. Было ли это сделано по крайней небрежному отношению к географической основе исследований или же скорее с умыслом: затруднить отыскание местонахождений, мы сразу не могли решить. После сопоставления самых различных и отрывочных указаний, приведенных в описаниях разных лет работы американской экспедиции, мы все же определили местоположение Ардын-обо в пределах круга диаметром сто километров, что значительно облегчило поиски.

Наконец 18 марта 1948 года мы выступили в Восточную Гоби. В горах к югу от Улан-Батора еще лежали большие снежные поля, струи талых вод размягчали дорогу в пониженных местах, и колозна наших машин то рассыпалась, мечась в поисках проезда, то снова выстраивалась в установленном порядке. Жестокий ветер пронизывал насквозь, и участники экспедиции в полушубках, шапках-ушанках и валенках отнюдь не были похожи на гобийских путешественников, открывающих летний сезон. Хмурые тучи преследовали нас почти до Чойрена. Едва вдали над рыжеватыми холмами с редкой и сухой прошлогодней травой показался голубой купол чойренского гранитного массива, как небо на юге засияло по-гобийски ослепительно. От Чойрена начиналась Гоби, теперь уже хорошо знакомая нам. Еще и прошлую экспедицию я полюбил столь непривычную для русского человека страну, и сейчас она приветствовала меня знакомым свистом ветра, свободно несущегося по ее просторам. К вечеру небо вновь стало пасмурным, и мы очутились среди замечательных чойренских скал, в царстве хмурого камня. В вечерних сумерках скалы приобрели печальный голубовато-серый цвет и резко выделялись на светло-желтой сухой траве.

Причудливые комбинации каменных форм сменялись по мере движения машины от края массива к его центру, где находился бывший монастырь Чойрен, ныне автостанция. Сначала отдельные камни казались серыми черепахами, расползшимися по степи. Затем плитообразные отдельные скалы вставали длинными стенами, как бетонные форты. Иногда вместо фортов — штабеля грязных мешков высотой с двухэтажный дом, сложенные очень правильно. Дальше шли фигуры гигантских животных — лев подпер лапой морду, громадная черепаха

всползла на камень или чудовищная змея положила на плиту свою плоскую голову. А слева — самая вершина массива, гребень ощеренных скал, склоны которых как чешуя чугунного дракона. Местами эта чешуя сложена в глубокие складки, местами — точно громадные пушечные ядра завязли в чешуе, не пробив ее. Три извива драконового тела выступали постепенно из земли, образуя главный гребень. Вблизи автостанции на старинных обо и молитвенных плитах — уже знакомые нам указательные знаки: там коленчатый вал автомашины, поставленный торчком, там рулевая колонка или картер заднего моста.

И снова, как в прошлом году, огромная юрта с горячей железной печкой, горячий чай и неторопливые разговоры с проезжающими при свете лампы с бараньим салом, крепкий сон под равномерный шум гобийского ветра. А наутро в рассветной полутьме — факелы под моторами разогреваемых машин, мощное фырканье трехоски и сухой треск «ЗИСов».

Через два дня наша автоколонна двигалась по светлой щебнистой равнине к юго-западу от аймачного центра Восточной Гоби Сайн-Шанды среди знакомых гор. Здесь уже снег стаял, но трава еще не появилась. Стояла черная монгольская весна. К нам присоединился еще один «ГАЗ-67» с даргой аймака Чойдомжидом, который решил совершить давно уже запланированную поездку в западные сомоны своей области, а заодно посмотреть и нашу работу. От местности Халдзан-Шубуту уже не далеко было до Банн-Ширэ. Там лежал скелет неведомого зверя, который мы с такой горечью оставляли в бурные и морозные дни ноября 1946 года.

И снова Банн-Ширэ неприветливо встречало исследователей: с запада зловеще вырастал красно-серый вал песчаной бури, и ясный весенний день быстро мерк. Дорога, проложенная нами на Банн-Ширэ, исчезла бесследно, никаких ориентиров не было на однообразной холмистой местности, поросшей иссохшими пучками черной полыни. Я старался быстрее найти место будущего лагеря, чтобы завтра не возиться с погрузкой и разгрузкой снова и терять почти целый день. Остановив автоколонну, мы вместе с Эглоном двинулись на поиски лагеря 1946 года.

Песчаная буря настигла нас. Все потемнело, песок и мелкие камешки взвились в воздух, тусклое багровое

состояние едва пробивалось сквозь пыльную пелену. Час и другой мы с Эглоном шли вдоль края поросшей саксаулом впадины, как вдруг внезапно увидели под собой угрюмые обрывы и столбы песчаника, конусы темно-красных глины, наполовину тонувшие в крутящейся пыли. Мы мгновенно узнали место и еще через десять минут стояли над пирамидой песчаниковых плит, обозначавшей место лагеря 1946 года (так называемое «Лагерное» обо).

Мы посмотрели друг на друга, одновременно вспомнив проведенные здесь дни. Руки невольно соединились в крепком пожатии: задуманные планы свершились! И как бы подчеркивая торжественность момента, песчаный шквал вдруг затих, и через несколько минут сияние чистого неба осветило заалевшие обрывы.

К вечеру усилился мороз, но теперь мы уже не боялись его. Пять больших палаток возвышались на недавно еще пустынном краю обрыва, языки бледного пламени появились из железных труб, и резкий по запаху дымок горящего саксаула витал над лагерем. Стеной стояли выгруженные припасы: ящики с гипсом, доски, брусья, мешки с мукой — все это огораживало лагерь с запада, создавая видимость укрытия от ветра. «Козел», подплавивший в погоне за дзеренами шатунный подшипник, был приведен на буксире с места аварии и теперь, опрокинутый набок, дожидался ремонта.

Сумерки уже сгущались внизу, в саксаульной котловине, когда мы с Эглоном спустились к красным буграм. Здесь все оставалось таким же, как в 1946 году. Сложенное нами обо стояло по-прежнему на широкой плите песчаника, увенчанной конусом глины. Теперь оно выполнило свое назначение, и мы разобрали камни, достав оттуда опознавательную записку, которую я взял на память. С чувством полного удовлетворения я уселся на край плиты и скрутил основательную козью ножку. Да и как было не радоваться! Вверху, в лагере раздавались голоса рабочих, высилась гора снаряжения, продовольствия и материалов. Теперь ничто не помешает взять скелет, мирно лежащий у меня под ногами. Задача казалась простой, но будущее показало, что я был не совсем прав.

На следующее утро мы начали вскрывать конус красной глины. Тяжелая плита, подхваченная рычагами и десятками рук, полетела с вершины вниз. Рассчитав

примерные размеры скелета, мы очертили ступенчатую выемку, которую надлежало выдолбить.

Для ведения раскопок решили оставить на месте в лагере большую часть рабочих, Эглона и Преснякова и двигаться налегке на двух машинах на поиски Ардын-обо.

Вместе с даргой аймака ранним погожим, но на редкость холодным утром мы двинулись на запад, по знакомой дороге через красную котловину, названную еще в 1946 году «Концом Мира». У гор Дулан-Хара мы углубились в сухое русло и по тяжелому песку вышли на обширный скат в еще не изведенные места.

Слабо всхолмленная равнина была усеяна мелким щебнем грязно-белого цвета. Мы видели в Гоби места, гораздо сильнее отражавшие солнечные лучи: соляные озера, солончаки, обрывы белых песков, размывы голубоватых глин. Но еще нигде наши глаза не утомлялись так быстро, не испытывали так сильно слепящего действия света, как на этой ничем не примечательной равнине. Всякий раз, когда мы пересекали эту местность в разные часы дня и разное время года, все без исключения, особенно, конечно, шоферы и мы — геологи, неотрывно наблюдавшие за местностью, всегда испытывали сильнейшее утомление глаз, доходившее до резкой боли. Эта загадка, как и многие другие оптические явления в Гоби, осталась неразрешенной для нас и ждет еще своих исследователей.

Долго ехали мы, переваливая через гряды высоких холмов, пересекая полосы барханных песков, пока не добрались до Агаруту сомона («Воздушный сомон»), где сгрузили бочку с бензином аймачного дарги. Дарга остался здесь ночевать. Гостеприимные жители сомона уговаривали нас последовать его примеру. Вечерело. Отсутствие ветра обещало ночной мороз, и я замечал умильные взгляды, которые бросали некоторые товарищи на теплые, дымившиеся своими трубами юрты. Но грузовые машины шли медленнее «Козла» дарги, и я решил двигаться дальше, чтобы поздней ночевкой обеспечить прибытие в Хатун-Булак сомон («Ключ госпожи») завтра же.

Ночевка действительно получилась поздней, потому что мы ехали через поросшую караганой равнину, пользуясь молодой луной, до полуночи. В темноте участились «посадки» машин в песке при пересечении сухих русел,

и мы остановили движение, как явно невыгодное. Скоро складные койки выстроились в ряд с подветренной стороны машин, запылал большой костер, на котором жарился убитый Малеевым дзерен. Морозная ночь загнула нас в спальные мешки в полной дневной амуниции.

Утром, пока разогревались моторы, я принялся тщательно осматривать местность в бинокль. Далеко от нас на севере поднималось совершенно ровное плато, восточный конец которого обрывался характерным ступенчатым откосом. Хотя далекое плато даже в бинокль казалось только голубой полоской, этот восточный мыс живо напомнил мне фотографии Ардын-обо, виденные в книгах американской экспедиции.

Небо хмурилось, с запада быстро шли сплошной стеной серые облака. Было рискованно пускаться со всеми машинами напролом к удаленной точке, сходство которой с американскими фотографиями могло или почудиться, или оказаться случайным. Я решил продолжать путь в Хатун-Булак сомон, до которого осталось не более сорока километров. Скоро нас догнал аймачный дарги, и мы приблизились к сомону в завывании песчаной бури. Резко похолодало, песок летел вместе с сухой снежной пылью, залепляя лобовые стекла машины. Мы остановились у юрты на краю сомона, и ее деревянная дверь как-то сразу отдалила нас от продолжавшей бушевать снаружи непогоды. Накаленная железная печка распространяла сухое тепло, и мы с удовольствием устроились на кошке, в то время как по зову аймачного дарги в юрту сходились знатоки здешних мест — пожилые араты или совсем уже древние водители прежних караванов.

Выяснилось, что название Ардын-обо никому не известно, но что оно, по-видимому, искаженное название Эрдени-обо («Драгоценность»), находящегося в сорока километрах к югу, недалеко от китайской границы. Американская экспедиция не оставила в здешнем народе никакой памяти о себе. Только один старик припомнил, что слышал от соседа по кочевке, что там — он показал на север — какие-то люди около двадцати пяти лет тому назад раскапывали «каменных змей». То место называется Эргиль-обо («Вершина»). Я взглянул на карту. Местоположение Эргиль-обо как будто соответствовало виденному мною утром обрыву плато с характерными

очертаниями Ардын-обо. Американцы действительно работали там в 1922 и 1923 годах — таким образом, указанное стариком время совпадало.

Скоро появился и проводник, который должен был вести нас на Эрдени-обо. Это был маленький арат в темно-синем дели, сурового, даже угрюмого, облика. Угрюмость проводника, как выяснилось позже, имела вескую причину: он кочевал в районе Эрдени-обо и там совсем недавно был начисто ограблен гоминдановцами. Банда, украдкой перешедшая границу, угнала весь скот, не оставив несчастному ни одного верблюда, и его семья едва добралась пешком до сомона...

Буря стихла быстро. При ясном солнце мы поехали по старинной караванной тропе меж огромных серых камней. Дорога оказалась легкой, и мы без труда достигли Эрдени-обо — невысокой горы из древнепалеозойских метаморфических сланцев. В одно мгновение стало очевидным, что никаких ископаемых костей ни здесь, ни поблизости быть не может. Таким образом, версия Эрдени-обо была «закрыта», и оставалось проверить то, что называлось Эргиль-обо.

Мы вернулись в сомон за полчаса до наступления новой песчаной бури, которая бушевала всю ночь. Для ночевки нам отвели часть помещения школы, и поэтому мы спокойно встретили завывание разъяренного ветра.

На следующий день, едва мы начали грузить машины, из школы выкатилась толпа ребятишек, чтобы посмотреть невиданных пришельцев. Монгольские школы, особенно в Гоби, по существу, являются интернатами. Дети живут там все время занятий, в то время как их родители кочуют со своими стадами, иногда в сотнях километров от школы. Мы подружились с ребятами очень быстро. Эглон открыл ящик с конфетами, и скоро одна из наших машин сделала несколько кругов по сомону, набитая восхищенными маленькими пассажирами. Один паренек по имени Буянтин Томар почему-то привязался ко мне и ходил за мной повсюду, крепко уцепившись за руку. Мальчик оказался одаренным музыкантом и несколько раз играл мне на морин-тологой («конская голова»), национальном струнном инструменте с длинным грифом.

Пронизывающий северный ветер дул нам прямо в лоб, когда мы выехали на старую караванную тропу и повернули по ней к северу. Тропа шла прямо, как стре-

ли, спускаясь в расширяющуюся котловину. За котловиной находилась еще одна огромная впадина, и в нее углом вдвигался восточный конец плато, сложенный из желтых, очень светлых пород. На вершине конечного восточного мыса высилось громадное обо в виде куба, увенчанного маленьким куполом. Эта форма обо встретилась нам впервые, но именно такое обо было запечатлено на американских фотографиях. Теперь уже не было сомнения, что Эргиль-обо, как оно называлось в старину, или Хангай-обо, как называется теперь, и есть Ардин-обо американцев.

Проехав шестнадцать километров по тропе, мы оказались у самого мыса плато и сразу узнали окружающую местность по фотографиям. Даже огромное гнездо орла или грифа, прилепившееся с северной стороны под кручей верхней кромки обрыва, описанное начальником американской экспедиции Эндрюсом, было на месте. Я поднял винтовку и послал пулю в обрыв над гнездом. Вспыхнул огонек трассирующей пули, гулкое эхо раскатилось в обрывистых стенах. Гнездо оказалось покинутым.

Наш лагерь расположился под гнездом, у подошвы обрыва, на краю обширной, засыпанной песками впадины. Вдоль нее на запад, насколько хватал глаз, почти прямой линией продолжался обрыв плато высотой не более шестидесяти метров. С первого взгляда стало очевидно, что отложения, слагающие плато, состоят из двух разнородных толщ. Беспорядочное напластование всех отложений по взаимно перекрещивающимся направлениям говорило об их возникновении в русле огромной древней реки.

Новожилов, Малеев, Рождественский и я взобрались на плато, ровное как стол, покрытое очень скудной растительностью. Крупная галька, выдутая ветром из конгломератов, усыпала его поверхность. Галька лежала на том же месте, где было дно древней реки, которая текла здесь сорок миллионов лет тому назад, и я ступал по ней со странным ощущением, что иду по дну потока давно прошедших времен. Вдоль края обрыва росли кусты гобийского миндаля правильной полушаровидной формы до метра и более в поперечнике, представлявшие собой плотное сплетение веточек с длиннейшими колочками и редкими мелкими листочками очень темного фиолетового цвета. Кусты виднелись издали на светлой

гальке. Разбросанные группами, они производили странное впечатление кем-то посаженных клумб. Уже первые осмотры склонов дали интереснейшие находки: зубы древних носорогов, челюсти каких-то хищников, кости мелких птиц и обломки щитов гигантских сухопутных черепах, очень похожие на современную слоновую черепаху.

Целую неделю, с двадцать третьего до тридцатого марта, я провел в лагере на Эргиль-обо. С утра до темноты, с небольшим перерывом на обед, шло исследование обрывов. Двадцать пятого на «Козле» прибыл из Банн-Ширэ Эглон с известиями из главного лагеря. Там было все благополучно, за исключением того, что шофер Безбородов «погорел» — вспыхнул пропитанный бензином ватник во время работы с паяльной лампой. К счастью, дело обошлось без ожогов. Работа над скелетом подходила к концу, хотя и шла очень медленно из-за невероятной крепости породы на глубине.

Мы на Эргиль-обо тоже могли похвастаться успехами: были найдены челюсти и черепа разных носорогов, остатки древних хищников — гиенодонов, кости исполинской бескрылой хищной птицы и многое другое. Особенно отличился Новожилов, обладавший не только острым зрением и чрезвычайной наблюдательностью, но и какой-то интуицией в искании костей. Однажды Новожилов и я стояли вместе на краю обрыва плато и рассматривали окружающую местность. Далеко внизу в котловине голубели маленькими пятнами едва заметные бугорки тех же песков, какие выходили в подошве обрыва у лагеря. Новожилов, указывая на эти холмы, объявил, что он намерен отправиться туда, так как «чувствует там добычу». Я ответил, что, по-моему, ходить туда вовсе не следует, а необходимо продолжать поиски дальше к западу вдоль обрыва плато. Новожилов — мой старый товарищ по трудным сибирским экспедициям и многим совместным поездкам — хорошо знал меня... а я — его. Посыпалась быстрая нервная речь на высоких нотах — это значило, что Нестор Иванович в корне со мной не согласен. Добрые голубые глаза посветлели, в твердых выступающих скулах чувствовалось упрямство.

Новожилов все-таки выбрал день и отправился в котловину. Вернувшись к обеду, он с торжеством сообщил, что им найдены три черепа титанотериев — странных,

огромных носорогообразных животных, живших около пятидесяти миллионов лет тому назад. Обломки костей титанотериев были найдены и американцами. Для нас скоро стала очевидной ошибка американских геологов, которые сочли всю толщу Эргиль-обо однородной. На самом деле здесь были две группы разных отложений. Одна, нижняя и более древняя, отлагалась в каком-то большом озере. На дне этого озера накапливались отложения светло-серых, голубоватых глин и песчаников. Сюда же приносились остатки титанотериев в виде редких разбросанных костей и черепов. Много позже эти отложения были промыты руслом огромной реки более километра в ширину. Река беспорядочно наслоила грубые пески, гравийники и галечники, окрашенные окислами железа в ярко-желтый цвет. Вместе с песками и галькой во множестве приносились остатки самых различных животных — носорогов, хищников, грызунов, черепах и птиц, которые местами, на разных уровнях этой толщи, образовали довольно значительные скопления. Одно из таких скоплений раскапывалось американской экспедицией примерно на середине высоты обрыва, в четырехстах метрах к западу от конечного мыса.

Мы нашли продолжение этого скопления и заложили большую раскопку. Там в страшном беспорядке и в различных положениях залегало около двадцати черепов и нижних челюстей носорогов, кости их совершенно рассыпанных и разбросанных скелетов и редкие отдельные кости хищников. В другом месте с носорогами захоронили остатки энтелодонтов — животных, подобных исполинским свиньям с громадным черепом, но с высокими подвижными ногами и телом, похожим на современного быка. Во всей этой толще не нашлось, да и не могло быть титанотериев — эти звери жили раньше и могли залегать только в нижней озерной толще.

Понятно, что открытие Новожилова произвело фурор, и мы сейчас же отправились на место находки. Действительно, Новожилов нашел настоящих титанотериев. На вершушках небольших холмов залегали два черепа и несколько костей. К большому нашему огорчению, этот костеносный горизонт оказался почти совершенно размыт. Уцелело только несколько ничтожных пятнышек серых песков на вершушках холмов, и в них залегали кости. Всех нас потрясло фантастическое чутье Новожилова. Холмы назвали его именем. Остатки титанотериев

теперь изучены и оказались принадлежащими новому, ранее неизвестному науке роду — протэмболотерию.

Дни шли, количество находок все увеличивалось, и горка ящиков с драгоценной добычей у палатки Эглона росла с каждым днем. Начали дуть сильные южные ветры, невероятно мешавшие во время раскопок, да и ночью не дававшие покоя. Становилось все теплее, первый по-настоящему жаркий день выдался двадцать восьмого марта, когда появились ящерицы и какие-то жуки, а рабочие работали без рубашек. Пора было перебираться в главный лагерь, где подходили решающие дни выемки скелета. Я теперь почти не ходил по обрывам, а занимался сводкой наблюдений, устроив свой кабинет в кабине «ЗИСа». Никто не мешал мне в этой крохотной стеклянной комнатке с видом во все стороны на ровную солнечную степь, по которой медленно ползли сине-серые пятна облачных теней. Ветер слегка колебал уснувшую тяжелую машину и свистел в щелях, но не мог изгнать привычный и приятный запах бензина и резины.

Вечером 29 марта, накануне отъезда, я пошел прощаться с Эргиль-обо. Взобравшись на плато, я сфотографировал старинное обо. Обветренные камни, проложенные полустлелвшим саксаулом, побелевшие от помета отдохавших здесь птиц, свидетельствовали о древности постройки. Вероятно, обо было воздвигнуто более столетия назад и с тех пор указывало путь множеству торговых караванов, когда-то проходивших здесь из Хуху-Хото.

Осторожно разобрав камни, я проник в середину верхушки обо и нашел там глазурованный кирпич с отпущенной в центре цифрой 23 — очевидно, знак опорного пункта топографической съемки конца прошлого столетия. Рядом с кирпичом я положил железную коробку с вложенной в нее запиской об экспедиции и снова заделал разобранную стенку.

Когда я спустился с обрыва, солнце зашло. Котловина скрылась в темноте, багровое небо на западе закрывала черная стена плато, и только восточный концевой мыс поднимался надо мной, как нос корабля, освещенный отблесками меркнувшей зари. Что-то загадочное таилось в темном выступе древних пород, выдвинутом в пустынную и молчаливую равнину. Я подумал об остатках древней жизни, скрытых в глубине об-

рыба, и образы бесконечно далеких времен возникли в темноте передо мной.

Эоцен — эпоха расцвета млекопитающих животных на освободившейся от гигантских ящеров земле! Странные звери, в которых как бы смешаны были отличительные признаки всех современных знакомых человеку млекопитающих животных, населяли в то время сушу. На этой заре расцвета млекопитающих неизбежный процесс эволюции еще не выявил наиболее приспособленные к разным условиям существования типы животных. Они появились позже, путем смены бесчисленных поколений и самых различных попыток приспособиться к условиям жизни, обеспечить себе лучшее питание и безопасность потомства. Около шестидесяти миллионов лет прошло со времени окончательного вымирания динозавров до наших дней.

Семнадцать миллионов лет длился эоцен с палеоценом. Поразительны звери, находимые в этих отложениях. Гиенообразные кошки, подобные современным хорькам и выдрам, но гигантских размеров, хищники с твердыми, как у собак, когтями, хищники с копытами, травоядные с хищными лапами и с сабельными клыками, слоноподобные животные с длинными клыками и с тремя парами рогов, сумчатые с широкими многобугорчатыми зубами звери, у которых передние ноги были вооружены когтями, а задние копытами — бесчисленное множество необычайных зверей прошло по лицу земли в эоцене. Остатки их сохраняются в горных породах того времени, и ученые постепенно раскрывают тайну этого интереснейшего периода истории животного мира.

Отложения эоцена с остатками наземных млекопитающих почти неизвестны на территории Советского Союза. Поэтому здесь, в Монголии, одной из важнейших наших задач были поиски и изучение эоцена. И вот сейчас в выступе Эргиль-обо лежат эти породы... Правда, они относятся к самому последнему периоду эоцена. Но из них по обнаруженным нами остаткам встают стада громадных титанотериев той разновидности, которая известна под именем эмболотериев — таранящих зверей. Это тяжелые животные, больше современных носорогов. На их черепах носовые кости образуют высокие выросты, заканчивающиеся парой тупых рогов. Выросты поднимали ноздри высоко над пастью, и животное могло срывать растения, находящиеся под водой, без задерж-

ки дыхания. Стада эмболотериев жили на заболоченных окраинах больших озер, которые были распространены на низменной центральноазиатской суше. После эоцена страна претерпела на севере большие поднятия. Мощные реки докатились сюда с горных высот, возникших на месте современного Хангая, прорезали наслоения эоцена и заполнили образовавшиеся русла отложениями новой эпохи — олигоцена.

И сейчас, устремляя взгляд вдаль, на запад, вдоль чернеющего под звездами края плато, я представлял себе, как по берегам этой реки тридцать пять миллионов лет назад обитали многочисленные носороги. Длиннотелые брахипотерии с короткими ножками жили в воде наподобие современных бегемотов, но в то время как бегемот — родственник свиньи, это были настоящие носороги. Свиньи того времени — огромные энтелодонты с чудовищной пастью и телом буйвола — обитали в более высоких местах, на опушках лесов. Широкие болотистые равнины населяли родичи носорогов — аминодонты, в то время как в степи жили странные высоконогие носороги, названные американцами по имени местонахождения ардыниями. Неуклюжие хищники, полуигуны-полукошки, находили обильную пищу — молодняк малоподвижных носорогообразных.

По примыкающим степям вместе с ардыниями бегали огромные бескрылые птицы. Если страуса снабдить сильными когтями и приставить ему огромную голову с хищным загнутым клювом, то мы получим их подобие. Птицы были опасными хищниками, если учесть, что бегали они, пожалуй, быстрее всех других современных им животных. Целые стада слоновых черепах медленно двигались по берегам реки. Их выпуклые панцири и скелеты особенно часто попадают в верхних конгломератах в результате гибели от больших периодических наводнений.

Так проходили передо мной все древние животные, раскопанные нами за семь дней работы на Эргиль-обо. Огромные черепахи толкались неспешными стадами в сумерках вдоль берегов. Одни высоко вытягивали длинные шеи и, приподнимаясь на передних ногах, доставали съедобные верхушки кустарников. Другие, тяжело ворочаясь, спускались к воде, не страшась внимательных, отливающих красным огнем глаз больших аллигаторов, неподвижно лежавших в мелкой воде у края от-

мели. Фантазия все обострялась: я чувствовал влажное дыхание реки, слышал шелест и топот бесчисленных зверей, их фыркание, рев, хриплый вой неведомых хищников. Все дальше и шире разворачивалась картина прошлой жизни. Но тут... меня позвал Пронин. Обсуждение какого-то вопроса, касающегося машин в завтрашнем рейсе, быстро перенесло меня в настоящее.

Нагруженный добычей — еще не просохшими монолитами, образцами пород, а также пустыми бочками, — наш «Дзерен» понесся по знакомой дороге. В лагере остались для завершения раскопок Эглон и Рождественский. Сразу за большими сухими руслами начались пологие холмы, усыпанные коричневой щебенкой. Здесь дорога была особенно хороша, и на прямых спусках Пронин сильно разгонял машину. Внезапно откуда-то выскочил большой дзерен — козел, по обычаю всех травоядных животных пожелавший обязательно пересечь нам дорогу. Чтобы обогнать нас, животное неслось с истинно безумной скоростью. Дзерен бежал с правой стороны, почти рядом с машиной, и я мог хорошо рассмотреть его вытянутую шею, широко раздутые ноздри и скошенные в сторону машины глаза. Наш «Дзерен» в этот момент держал на спидометре семьдесят пять километров, так как дорога шла по длинному прямому спуску. Козел несся огромными скачками — мы отчетливо видели, как задние ноги антилопы закидывались вперед до ушей. Копыта дзерена мелькали так быстро, что сделались невидимыми, как спицы катящегося колеса. Скачка продолжалась около километра или больше, как вдруг козел замедлил бег и повернул в степь, отказавшись от борьбы. Сверху послышался вопль Малеева, но тяжелая машина, естественно, могла остановиться только тогда, когда дзерен был уже вне досягаемости выстрела.

После полудня мы увидели впереди горы Дулан-Хара, ограждавшие с юга знакомый нам район Баин-Ширэ. Снова испытали мы странное слепящее свойство серой равнины. Южные склоны гор Дулан-Хара, нацело засыпанные песком почти до вершин, производили мрачное и даже какое-то жалкое впечатление. За ними находилась красная котловина «Конец Мира», откуда совсем близко до главного лагеря на Баин-Ширэ, расположенного так, что его можно было увидеть, лишь подъехав вплотную. Однако звук нашего мотора слышался

за добрые пятнадцать километров. Предупрежденные им, товарищи встретили нас стрельбой и веселыми криками.

На раскопке скелет вскрыли полностью. Ширина скопления костей оказалась более двух метров, так что нечего было и думать взять его целиком. Скрепя сердце я решил разрезать скопление на две части и взять отдельными монолитами. Только палеонтолог может понять терзания, которые я испытывал, наблюдая, как в прорубаемой канавке под киркой и зубилами крошатся и разламываются прекрасной сохранности крупные кости. Впоследствии выяснилось, что я оказался мягкосердечен — следовало еще разделить первый, получившийся слишком большим монолит. Из трещины красных глин вылез первый маленький скорпион, немедленно уничтоженный. В этих же трещинах нашли множество скелетов маленьких змей и ящериц, а также скопления живых ящериц-круглоголовок, еще не очнувшихся от зимнего сна. Красная глина, которую размачивали для монолита, на солнце приобрела необыкновенно яркий, светло-красный цвет, который казалось странным видеть в минеральной массе размазанным по большой поверхности монолита. Гипс, которым заливали края монолита, был серого цвета и по законам освещения Гоби принял интенсивно голубую окраску. Сочетание цветов в монолите стало очень красивым.

Работа шла, казалось бы, очень хорошо, но величина главного монолита превзошла наши силы. Когда деревянную раму из толстых брусьев залили гипсом, замазали глиной и на выровненное таким образом дно набили семисантиметровой толщины доски, стало необходимым перевернуть монолит, чтобы заделать его нижнюю сторону. Соединенных усилий всего отряда не хватило. Тогда вниз, в котловину, спустился «Дракон». Монолит зацепили канатами за буксирный крюк машины. Однако веревки оказались плохими, не рассчитанными на «длинную» тягу. Все пять канатов лопнули почти одновременно, и монолит, уже поднявшийся почти вертикально, упал назад. От тяжелого удара большие куски скопления костей вывалились, сотни осколков рассыпались на уступе — катастрофа была горестной и серьезной. Оставалось сделать то, что требовалось с самого начала — разделить неподъемный монолит на два. Теперь это сделать стало легко, но серьезные поврежде-

ния и поломки костей потребовали длительного и кропотливого труда препаратов в Москве.

Если не считать неудачи с большим монолитом, в целом наши дела шли неплохо: много остатков черепах, хищных и панцирных динозавров упаковывались каждый день в ящики. Я не собирался проводить капитальные раскопки на Банн-Ширэ — исследование Восточной Гоби планировалось у нас на последний, 1950 год работы экспедиции, к сожалению, несостоявшейся. Лишь попутно с извлечением уже найденного скелета производили исследования в прилегающих районах. Зато стоило осмотреть еще раз Хара-Хутул, благо экспедиция располагала большим временем и большим числом исследователей, чем в 1946 году. Я извлек старые дневники, схемы и записи и уселся в палатке обдумывать маршрут.

В памяти встали морозные и бурные дни поздней осени 1946 года. Словно откликаясь на эти воспоминания, чистое весеннее небо заволокло красно-серыми тучами. Налетела страшной силы песчаная буря. Пылевой вал покатился по плоскогорью, померкло солнце, бешено захлопали тенты машин, загудели и затряслись палатки. Я едва успел собрать все драгоценные записи прошлой экспедиции и сунуть их во выючный чемодан, как палатка с треском разодралась сверху донизу, море песка хлынуло внутрь, раздался треск поперечной стойки, и палатка рухнула. Уже привыкший к таким случайностям, я вылез из нее без особых затруднений.

Котловина Халдзан-Шубуту покрылась желтым туманом, среди которого возникали и исчезали плотные крутящиеся колонны песчаных смерчей. Редкие капли дождя высыхали среди несущейся пыли почти мгновенно. Так продолжалось больше двух часов, затем небо прояснилось, пыль перестала лететь, но сильный ветер бушевал до полуночи.

Похолодало. Наутро рабочие, до этого дня трудившиеся до пояса голыми, вышли на раскопку в ватниках. Холодная прозрачная тишина окружала наш лагерь — странная для вечно шумящей от ветра степи. К ночи стало еще холодней. Я долго работал в палатке, затем вышел под яркие близкие звезды. В котловине под лагерьем царил глубокий мрак. Необъятная темнота и молчание вокруг, только там, внизу, на разрушенных востром холмах песчаников и красных глин, размеренно и печально кричал сыч.

Скоро явились с Баин-Ширэ Эглон с Рождественским, и мы всей научной силой двинулись в горы Хара-Хутил на «Козле» и «Дзерене». Снова, как и в 1946 году, по красной котловине и старинной караванной тропе с белыми обо понесли наши машины. В этом году Восточная Гоби повсюду была безлюдной: бескормица заставила аратов перекочевать на север. Перекочевками ведали специальные правительственные уполномоченные, заранее распределявшие районы пастбищ. Благодаря этому массовая перекочевка больше не была для гобийцев бедствием. С уходом людей появились дикие животные — там, где два года назад ходили табуны лошадей, мы наткнулись на стадо кабарожек. Машины шли быстро, и расстояние между ними и животными сокращалось. Ярые охотники Малеев и Рождественский уже приготовились стрелять, но тут кабарги резко повернули. Их серые шкуры в высоком солнце казались неясными, будто призрачными. Серыми тенями неслись легкие животные над большими кочками такого же, как они, желто-серого дериса. Кочки почти непроходимы для машин, и преследование пришлось оставить.

Впереди нас ожидало еще большее разочарование. Машины быстро приближались к черному гребню Хара-Хутул. Наш «Дзерен» шел впереди, так как я выполнял обязанности проводника. Внезапно на гребне выросли пять архаров. Крупные животные чеканно выделялись на фоне неба. Застывшие, как статуи, высоко подняв головы, животные смотрели на невиданные машины. Мы все тоже видели их впервые, и Малеев растерялся. Ему не пришло в голову, что такие крупные звери могут быть дикими, и он принял архаров за новую породу рогатого скота. Неуверенно подняв винтовку, Малеев выстрелил в гребень горы. Архары исчезли в одно мгновение. Буря негодования обрушилась на наши головы от подъехавших на «Козле» товарищей. А я, признаться, был только рад: уж очень красивы были животные с могучими, точно отлитыми из металла, мускулистыми телами...

Набрав воды в роднике, мы поднялись на плоскогорье и расположились там лагерем. Исследователи рассыпались во все стороны и только вечером собрались все вместе. Поразительно теплая и душная ночь была насыщена электричеством. Металлические предметы — болты и запоры на кузовах машин, мушки винтовок —

светились слабыми огоньками. Волосы потрескивали под пальцами, а куски кошмы, которыми пользовались для сна, превратились в электрические конденсаторы. Достаточно было провести рукой по кошме, чтобы вызвать холодное голубое пламя, отчетливо видимое во мраке безлунной ночи. Новожилов, ненавидящий скорпионов и всякую подобную, как он выражался, «нечисть», был озадачен появлением крохотных огоньков, там и сям светившихся из кошмы. Приняв их за глази бесчисленных скорпионов, он перебрался со своей постелью на крышу «Дзерена». Как он умудрился прожить там, не свалившись, мне до сих пор непонятно. Рождественский утром клялся, что не спал всю ночь из-за Новожилова — ему якобы мешал стук зубов заколоченного палеонтолога, усилившийся в предрассветном холоде.

На следующий день исследования продолжались, принесся много интересных открытий и находок. Особенно запомнились мне гигантские окаменелые пни таксодиев — болотных кипарисов, открытые Новожиловым и Малеевым в глинах северной стороны горы. В промоинах, обрывах и на вершинах холмов эти остатки гигантского леса широко простирали свои корни, рассыпаясь целыми горками окаменелых щепок. Некоторые пни достигали четырех метров в диаметре, выделяясь светло-серыми холмиками среди красноватых песчаных глин. Этот участок древней почвы, затопленного водой болота, существовавшего здесь около восьмидесяти миллионов лет назад, с востока и юга обрамлялся полосой песчаников. Песчаники заполняли канал, некогда промытый одним из протоков подводной дельты в затопленном таксодиевом лесу.

В песчаниках мы нашли огромные конкреции — стяжения из твердого как гранит песчаника, похожие на большие колеса. Внутри каждого «колеса» был заключен отдельный позвонок гигантского ящера — зауропода. Кроме позвонков, встречались отдельные части черепа, массивные кости конечностей кое-где и почти целые черепа хищных динозавров. К сожалению, все это было настолько разрушено выветриванием, что уже не представляло научной ценности. Лишь в одном месте, вниз по течению древнего потока, Рождественский нашел целую глыбу с тазом стегозабра — растительноядного ящера с гребневидными рядами шипов на спине. Теперь

мы ясно могли восстановить картину того времени (слои Хара-Хутул относились к нижнемеловой эпохе).

Мы отчетливо видели перед собой приморскую измененность, болотистый край которой постепенно погружался ниже уровня моря. На вязком, илистом дне широко простирали свои корни огромные, болотные кипарисы, темной, непроницаемой, увешанной мокрыми мхами стеной уходившие в бесконечную даль. Глубокие каналы почти черной пресной воды прорезали там и сям чащу этих несокрушимых зарослей. Сюда заплывали трупы погибших ящеров — динозавров — как хищных, так и панцирных, которые обитали дальше от берега, на материке, за бесконечными стенами прибрежных лесов, вечно окутанных дрожащим маревом нагретого влажного воздуха. Что происходило там, так же как и где обитали эти динозавры, осталось для нас тайной, ибо в слоях гор Хара-Хутул нет отложений, которые возникли бы там, на материковой стороне лесного барьера. Но с морской стороны этого барьера, там, где сейчас располагались полосы песчаников с костями и остатками растений, геологическая летопись сохранилась.

Здесь жили зауроподы — самые крупные ящеры Земли с необычайно длинными шеями и хвостами. Они бродили в воде на прибрежных отмелях, питаясь богатой растительностью. Огромные приливные волны набегали здесь в определенные часы суток на низменные побережья, сметая все мелкое и слабое. Но гигантские зауроподы противостояли этим волнам не хуже таксоидов, глубоко погружая в мягкое дно свои огромные когтистые лапы. И сейчас их кости, разбросанные некогда волнами, говорили нам о прошлом величии древних ящеров...

Снова испытал я странное очарование черного гребня в центре горного массива, четкой прямой грядой прочерчивавшего невероятный хаос окружающих размывов. Веселой гурьбой мы вошли в узкое ущелье, прорезавшее насквозь базальтовый гребень, где отполированные ветром вишнево-красные базальтовые скалы в торжественном одиночестве нависали в небе. Чистый и яркий красный цвет лав еще сильнее горел в пламенном солнце и подчеркивался глубокими тенями оврагов. Оказалось, что в 1946 году мы неправильно оценили мощность лежавших под базальтами пород — она была значительно большей, — так же как и тех пород, ко-

горы лежали непосредственно выше базальта. Пройдя по ущелью на южную сторону гребня, мы оказались перед хаосом холмов и промоин в котловине у подножия горы. Здесь в прошлую экспедицию мы с Громовым нашли кости динозавров. Над беспорядочной толпой желтых и серых холмиков высились три ряда песчаниковых пластов; они образовали на уступах склона три пояса каменных бастионов с грозно торчавшими навстречу нам зубцами. Здесь было царство орлов — на каждом зубце, на каждой скале важно восседала птица. Еще выше, во впадинах неприступных полированных базальтовых стен, виднелись огромные гнезда грифов...

Возвращаясь к машинам, я думал о том, что задача предварительного ознакомления с Хара-Хутул выполнена. В тот же день мы вернулись к раскопкам. В главном лагере на Банн-Ширэ был уже прибран «Малахов курган» на месте выемки скелета, названный так по сходству с разбитым укреплением — хаосу глыб породы, обломков досок, щепок. Оставалось загрузить машины добычей и возвращаться в Улан-Батор. Снова на местах раскопок остались Эглон и Рождественский. Мы никак не хотели мириться с мыслью, что найденные и лежащие тут же на поверхности научные ценности могут остаться невзятыми. «Дзерен» оставался с Эглоном, все остальные машины едва-едва смогли вместить груз. Койки были привязаны сверху на тентах, а ведра и баки для воды укрепили позади кузовов на выдвинутых «ходовых» досках. Ходовыми досками мы называли две толстые доски, которые всегда находились при каждой машине и помещались под кузовом на раме. При помощи этих досок мы преодолевали и пески, и крутые откосы, и рыхлые солончаки.

Рано утром 6 апреля мы простились с товарищами. Эглон и Рождественский дали положенный прощальный салют и долго махали нам, стоя перед единственной оставшейся от целого городка палаткой. Оба невысокие, они казались издали почти одинакового роста, но трудно было представить себе более несхожих людей. Худощавый, слегка похожий на японца, сильно близорукий Рождественский славился аккуратностью и выдержкой, почти педантичностью. Рассеянность и вспыльчивость Эглона наравне с его оптимизмом, невзыскательностью и добродушием были притчей всей экспедиции. И сейчас, накануне нашего отъезда, оба схватились в

жарком споре. Рождественский справедливо упрекал Эглона за небрежность в этикетировке находок, а тот упрямо продолжал отстаивать свои позиции. Тогда Рождественский обратился к «общественности» и представил на ее суд замечательную этикетку, написанную собственноручно Яном. Этикетка была приложена к тазу панцирного динозавра, найденному Малеевым, и гласила кратко «Саин-Шанда, скелет Малеева». Ян Мартынович решил, что нечего долго расписывать географическое положение и обозначать научное название находки — так звучало короче и внушительнее. Под оглушительный смех Эглон удалился из палатки с видом оскорбленного достоинства...

И сейчас, покидая товарищей, мы по-разному представляли себе темы очередных схваток. Вскоре выяснилось, что мы были не правы — оба спорщика быстро пришли к согласию в отношении прекращения раскопок и явились в Улан-Батор буквально на следующий день. За это отсутствие исследовательской терпеливости и стремление носиться с места на место в надежде на крупную удачу мне не раз приходилось упрекать Рождественского, в остальном крайне упрямого и настойчивого, со вкусом настоящего ученого. Рождественский оказался дальновидным, хорошим организатором и сделался впоследствии заместителем начальника экспедиции.

Дорога на Саин-Шанду была теперь хорошо знакома, и мы еще в середине дня прошли аймак, остановившись только, чтобы попрощаться с даргой и друзьями из айкома. К северу от аймака, на добрую сотню километров, простерлась равнина с белыми камешками и сухой светло-желтой травой. Слабо-желтая даль этой равнины очень чиста и светла и в то же время живее и теплее снежных равнин. Именно здесь в 1946 году потерпел крушение «Смерч» — одна из наших полуторок, когда у него вышли из строя одновременно генератор, трамблер и аккумулятор. Я подумал, что надо скорее проехать неудачливое место, как бы здесь чего-нибудь не случилось.

Мы находились примерно на месте аварии, в пятидесяти километрах от Саин-Шанды. Вдруг я увидел, как шедший впереди «Тарбаган» окутался пылью и стал. Мы с Безбородовым подъехали и по примеру Лихачева полезли под задок его машины. Кожух заднего моста

«Тарбагана» был пробит. Черные капли нигрола быстро сбегали на землю. Оказалось, что развалился подшипник сателлитовой чашки. Его обломки сильно повредили ведущую и редукторную шестерни, смяли шлицы левой полуоси. Экстренный совет механиков постановил вытащить обломки и ехать без подшипника, оставив на машине все три тонны груза. Несколько километров прошли с осторожностью и частыми остановками, проверяя нагрев моста, а затем пустились вперед более смело.

Я продолжал путь на «Драконе». Его шофер Безбородов, самый старший участник экспедиции, кроме Эглона, был ярко выраженным, точно из романа или из кинофильма, типом старого рабочего-металлиста. Он много повидал, умел сделать из металла все, что угодно, и ко всем перипетиям относился с добродушным юмором бывалого человека. Начиненный смешными рассказами о событиях своей жизни, Безбородов оказался приятным собеседником в долгих часах и днях пути в кабине «Дракона».

До Чойрена доехали к ночи, в сильный холод. Рыжий кот на автостанции спал, свернувшись в комок. Это нам показалось плохой приметой, и мы вылили на ночь воду, что, впрочем, помогло быстрее завести машины. «Тарбаган» был разогрет первым и отправлен вперед. Остальные («Волк» и «Дракон») выехали на два часа позже и к пяти часам были на перевале к Улан-Батору, так и не догнав «Тарбаган». На самой окраине Улан-Батора у нас кончился бензин — мы шли на последних каплях.

«Тарбаган» прибыл полтора часа назад, еще раз доказав невероятную прочность наших машин «ЗИС-5». Никогда раньше я бы не поверил, что машина с полным грузом сможет пройти четырехста километров при таком состоянии заднего моста!

В Улан-Баторе мы сразу же начали готовить машины в поход к главной цели текущего года работы — котловине Нэмэгэту. Надо было снова создать базу в аймаке Далан-Дзадагад и попутно произвести раскопки в Баин-Дзаке. Мы перешли на летнее положение, сдав «маньчжурский дворец» Комитету наук. Теперь у нас остался лишь маленький домик в Государственном музее. Тут же во дворе огромный сарай был отведен под наш склад. Рядом с сараем уже поднялся штабель ящи-

ков — вполне реальные результаты восточногобийского похода — около четырнадцати тонн сборов по древним млекопитающим и верхнемеловым динозаврам.

Малеев заболел сердечной недостаточностью, и его участие в дальнейших работах было поставлено под сомнение. Все же он хотел съездить посмотреть Южную Гоби. Пришлось разрешить ему короткую поездку туда. Нам всем было жалко расставаться с отличным работником, но мы понимали, что наш долг — настоять на возвращении Малеева на Родину. Все остальные теперь ехали в Гоби. Мы расстались и с нашим симпатичным переводчиком Очиром. От Комитета наук нам прикомандировали постоянного переводчика Намнан Доржа, который доставил, однако, впоследствии нам немало неприятных минут, будучи человеком старого склада, с не изжитыми еще националистическими тенденциями.

Наконец все переустройства и ремонт были закончены. Двадцатого апреля все шесть машин ушли в южно-гобийский аймак Далан-Дзадагад, попутно забросив раскочный отряд на Баин-Дзак. Двадцать шестого апреля машины вернулись в Улан-Батор за второй порцией груза и, сменив три сломанные рессоры, тридцатого апреля вместе со мной и Малеевым выехали снова в Южную Гоби.

Глава вторая

ШТУРМ НЭМЭГЭТУ

Научились ли вы радоваться препятствиям?

Надпись на одном из высочайших
тибетских перевалов

Снова под колесами машин стлался длинный шестикилометровый путь до аймака Далан-Дзадагад. Майская Гоби сильно отличалась от осенней. Весело выглядели огромные зеленые пятна свежей травы, разбросанные среди моря сухой и желтой, перезимовавшей растительности. Появились низенькие кустики с густыми скоплениями ярко-синих цветов, издали похожих на колокольчики. Эти кустики на серой каменной солнечной равнине мелькали мимо несущейся машины, как

вспышки синих огоньков. Разрушенные выходы базальтовых пород образовали черные пятна и полосы на поверхности степи. Днем в высоком солнце, когда серый щебень пустыни кажется синим или голубым, эти породы из черных превращаются в густо-фиолетовые. Острые фестоны таких фиолетовых бугров вонзаются в желтую ширь равнины.

За Мандал-Гоби торчали многочисленные камни, серо-голубые, а не темные, как в Чойрене. У Дагши-Гуинхудака («Колодец трудной доступности») плоская глинистая котловина окрасилась в светло-кофейный цвет. На ней ярко голубели пятна, полосы и извивы прошлогодней полуистлевшей травы. Дальше на юг вновь появилась черная щебенка, а красная глина котловин пламенела в вечернем солнце, образуя черно-красный узор равнины.

Иногда все кругом становилось черным, и только дорога, на которой снесен щебень и обнажена глина, вилась красной лентой в темную даль. Поражала жалкая покорность перекасти-поля — это тени растений, обреченно несомые в неизвестную даль свирепым ветром пустыни.

В разрушенном монастыре Олдаху-хид все расписные деревянные постройки, виденные нами в 1946 году, бесследно исчезли. Цепь субурганов — белых башенок на кубических основаниях — по-прежнему стояла у края темно-серой, поразительно плоской и безотрадной равнины, а позади — цепь голубых гор и красное запыленное небо с низкими тучами.

Иногда шедший позади «Волк» перегонял мою машину. В окошечко кабины виднелось «командирское» лицо Малеева, похожего на английского генерала, приветливо махавшего рукой. Я с беспокойством наблюдал за ним — его мучили приступы сердечной болезни, из-за которой теперь нам приходилось отправлять его в Москву.

— Ну как? — бодро спросил я Малеева на очередном «перекуре». Он помрачнел и принялся тереть ладонью выбритую до синевы щеку.

— Болит и временами лезет к горлу! — ответил Малеев, подразумевая сердце.

— Напрасно поехали! — тревожно отозвался я. — Ведь врачи запретили...

— Да надо же посмотреть хоть Южную Гоби.. А

далее — видно, не судьба! Может быть, на следующий год?..

На следующий год Малеев снова участвовал в экспедиции. Наученные горьким опытом, мы берегли от физической работы товарища, и он развил бурную деятельность, начальствуя раскопками в Западной Гоби и в грозном Нэмэгэту...

Первое мая мы встретили в гигантской щебнистой впадине к северу от аймака. Страшные шквалы песчаной бури заставляли порой содрогаться наши тяжелые машины. Желтый песчаный туман заволок все вокруг. По равнине неслись густые желтые облака и смерчи, взвивающиеся в низкое серое небо. Из-под колес машин резко забрасывались вбок длинные хвосты песка. В щелях кабины над ухом — наглый, издевательский свист ветра на высоких нотах. Но, когда мы на следующий день подъезжали к Баин-Дзаку, тишина, покой и прозрачность воздуха были поразительны. При спуске с края щебнистого плато красные обрывы Баин-Дзака, прозванные американцами «пылающими утесами», в дневном солнце были не красными, а цвета червонного золота. Нагретый воздух на черном щебне в дне котловины стелился вокруг утесов как бы голубеющей водой. Получилось красочное зрелище золотого замка с высокими стенами и башнями, стоящего посредине мутно-голубого озера.

Еще в аймаке мы получили записку от Эглона, извещавшего о находке нового «неведомого зверя». Вручив товарищам почту и обменявшись несколькими словами, я поспешил посмотреть находку. У подошвы красных стен, на верхушке небольшого холмика, лежал на брюхе скелет невиданного динозавра, около четырех метров длины. Толстые ребра, словно обручи, опоясывали необыкновенно широкое и плоское тело, короткие лапы были подогнуты под брюхо, а вытянутый струной хвост заканчивался широкой костной лепешкой из двух секирообразных шипов. Хвост был сплошь оплетен окостеневшими сухожилиями и усажен с боков длинными шипами. Отдельные шипы усеивали все тело животного и обрамляли лапы с наружной стороны. Это животное, оборонявшееся от нападений хвостом, превращенным в ударную булаву, принадлежало к панцирным динозаврам. Найденный нами экземпляр еще не имел сплошного костяного покрытия, как более поздние пан-

цирные динозавры — анкилозавры, выкопанные нами в Баин-Ширэ. Это был предок анкилозавров, и потому красные пески Баин-Дзака должны считаться более древними, чем пурпурные глины Баин-Ширэ. Новый динозавр получил впоследствии от описавшего его Маллеса наименование сирмозавра, что значит «ползающий ящер». Он обитал в сухих местах и, вероятно, находил себе убежище, закапываясь в песок. По общему строению тела новый динозавр очень походил на фрилозому — шипоносную жаботелую ящерицу современных мексиканских пустынь, не только внешним обликом, но и образом жизни. Я сразу же понял, что мы натолкнулись на неведомого до сих пор ящера. Кости скелета оказались чрезвычайно хрупкими и при неосторожном прикосновении рассыпались в зернистый белый порошок. Очень осторожно мы вырезали из рыхлого песчаника, или, вернее, плотного песка, в котором лежал скелет, почти правильный куб. Эглон тщательно заделал его в монолит около четырех тонн весом. Хвост отделили и заключили в длинный ящик. Впоследствии этот монолит, укрепленный поперечными ребрами и окованный железными наугольниками, выдержал все перегрузки. Скелет сирмозавра выставлен сейчас в Палеонтологическом музее Академии наук СССР.

Здесь же были найдены остатки и других ящеров — предков рогатых динозавров — протоцератопсов, а также разной формы и величины яйца, принадлежавшие несомненно динозаврам.

Особенно тщательно исследованию мы подвергли палеоценовые отложения Гашато. Эти отложения, открытые американцами, мы посетили в 1946 году, но неудачно.

Палеоцен — эпоха в самом начале третичного периода, непосредственно следующая за меловым, когда на всей Земле еще господствовали исполинские пресмыкающиеся, а редкие и мелкие млекопитающие не играли значительной роли в наземной жизни. В палеоцене уже только млекопитающие представляют собой господствовавшее население материков. Гигантские ящеры исчезают с концом мелового периода. С этих пор на Земле продолжают существование только таящиеся в своих древних убежищах жизни пресмыкающиеся — крокодилы и черепахи. Между палеоценом и верхними слоями мела проходит рубеж великого перелома в истории животного

мира. Действительно, в палеоцене мы находим только млекопитающих и сразу все главные их группы, включая даже летающих зверей — рукокрылых и линию предков человека — приматов.

Везде, во всех странах мира, палеоценовые отложения представлены слоями незначительной мощности. В каких-нибудь шестидесяти — ста метрах слоев глин и песчаников палеоцена заключены документы начальной истории всего разнообразнейшего и обширного класса высших по организации животных — млекопитающих. Поэтому очевиден крупнейший научный интерес палеоцена. Если добавить к этому, что на всем обширном пространстве территории СССР нет материковых отложений палеоцена с остатками ископаемых животных, то станет понятным наше старание исследовать возможно подробней палеоцен Монголии.

Можно понять и наше разочарование. Область развития палеоцена близ колодца Хашиату была по площади очень невелика: несколько холмов и ряды низких бугров — совершенно голых, без всякого растительного покрова. Они сложены красно-фиолетовыми, удивительно сильного и яркого цвета глинами. Вся местность из-за темного цвета палеоценовых пород имела угрюмый облик, оживлявшийся горящими на солнце алмазными огнями многочисленных кристаллов гипса. Костеносный слой Гашато, залегавший на поверхности пурпурных глин, оказался почти нацело размытым. Только отдельные кости, обломки черепов, челюсти и зубы, сильно поврежденные выветриванием и окремнелые от продолжительного лежания на поверхности пустыни, — все, что осталось от местонахождения.

Раскопки закладывать было негде — ученые опоздали на несколько тысяч лет. Нам оставалось собрать еще то, что уцелело, и в дальнейшем искать подобные же отложения в других местах Гоби — там, где костеносные участки могут оказаться неразмытыми. Все же наши сборы оказались интересными. Среди них профессор К. К. Флеров описал новое животное, предка древних корифодонтов, представлявших собой нечто среднее между бегемотом и носорогом и очень распространенных в эоцене Северной Америки. Считалось, что корифодонты с Североамериканского материка проникли в Европу. Наши же находки говорили о том, что корифодонты скорее всего произошли из Азии.

Не менее интересной была находка небольших древних копытных, принадлежавших к отряду южных копытных, или нотоунгулат. Эти животные были известны только на Южноамериканском материке (если не считать одной находки в Северной Америке), и до последнего времени в науке существовало мнение, что их развитие было совершенно отличным от европейско-азиатского животного мира. Находка нотоунгулат в столь древних отложениях Центральной Азии определенно говорит, что эти животные пользовались широким распространением. Иными словами, вся история развития разных групп млекопитающих представлялась теперь в совершенно другом свете, чем это казалось по прежним палеонтологическим данным. Эта неполнота данных геологической летописи обещает в будущем еще множество самых интересных и неожиданных открытий.

Четвертого мая из аймака пришли машины, забравшие все накопленные материалы. На следующий день мы наметили выступление на Нэмэгэту. Управились с погрузкой только к вечеру и тронулись уже ночью. При свете фар долгая ночная езда вызвала, как часто бывает, почной мираж. Казалось, что стеклянная клетка кабины, открытая сверху прямо в черное небо, качается где-то посредине моря мрака. Шедшая впереди машина в освещении фар будто неслась по узкой аллее под сводами уходящих ввысь деревьев.

На следующий день мы встретились с нашим старым проводником Цедендамбой, который опять ехал с нами в Нэмэгэту. Чистая, покрытая светлой, вышитой кошмой юрта стояла на западной окраине аймака. Вся семья Цедендамбы была в сборе. Старик отец и жена помнили меня и Эглона еще по первой экспедиции и приветливо принялись угощать кумысом и кислым крепким сыром. Дочь Цедендамбы за два года превратилась в прехорошенькую девушку, отлично сознававшую свое обаяние. Это чувствовалось по кокетливо-скромным взглядам ее блестящих узких глаз в сторону более молодых участников экспедиции — сопровождавших нас Преснякова и Брилева.

Колонна двинулась на юг в необычайно пасмурный день. В горах Гурбан-Сайхан шел непрерывный, совершенно осенний русский дождь. Нам не повезло в новом маршруте. Едва мы поднялись на перевал, как у «Дракона» выплавился подшипник второго цилиндра. Чтобы

не задерживать колонну, Безбородов — водитель «Дракона» — был оставлен с двумя рабочими для ремонта. Игнатьев и Брилев хлопотали, растягивая брезент, а Безбородов деловито устраивался под машиной, чтобы выпустить масло и снять картер. Если бы им почему-либо не удалось отремонтировать машину, то наша колонна на обратном пути из Нэмэгэту должна была отбуксировать «Дракона» в аймак.

Распрощавшись с остающимися, мы двинулись дальше. Черные стены ущелья разошлись, окаймляя дугой широкое, поросшее ковыльком плато замечательно чистого цвета слоновой кости. Плато опоясывало сухое русло с синеватой галькой, а выше поднимались четкие, как будто нарисованные тушью горы. Низкие тучи сидели над перевалом, окутывая зубцы и пики клочьями тумана. Пустыня издавала резкий запах намокшей пыли, а по ущелью тянуло полынью — запахом, еще по-весеннему слабым, но необычайно свежим и бодрящим.

За вторым перевалом шли широкие, удивительно ровные плоскогорья. Они поросли низкой желтой травой и создавали впечатление необыкновенно светлого простора и шири. Между желтой травой проглядывали участки обнаженной серой щебенки — голубоватые узоры на ярко-желтом фоне. Дальше выступала красная глина, и ярко-красная дорога горела перед носом машины на солнечно-желтой равнине.

За Хонгор-обо сомоном могучие ветры нанесли поперек старой караванной тропы длинные гряды песка, но дружная работа всех участников экспедиции (от этой трудовой повинности был освобожден только Эглон) помогла быстро преодолеть препятствие. Уже к ночи мы въехали в каменный хаос у Цаган-Дерисуни-хурала, серые вершины которого ощерены и иззубрены острыми камнями. Какой-то злобный вид местности усугублялся мрачностью чрезвычайно зазубренного хребта Цзолэн на заднем плане — моря вздыбленных каменных волн.

Опять машины бросало, коржило и окутывало пылью на откосах и подъемах бесчисленных сухих русел. На следующий день продолжалось то же самое, ибо зона сильно размытого мелкосопочника протягивалась далеко к западу от бывшего монастыря. В довершение затруднений с утра начала бушевать песчаная буря страшной силы. Без солнца Гоби стала угрюмой и печальной. Рев ветра был так силен, что мы могли перего-

вариваться только криком. Огромные смерчи неслись по юду. При их приближении все исчезало в облаках песка. Тупые носы машин зарывались в клубы песка, как в поду.

Я намеревался проехать в Нэмэгэтинскую котловину не с юга, как в 1946 году, а с востока. Если бы удалось проложить туда дорогу, то наш путь проходил бы мимо еще одной группы местонахождений динозавров — у горных массивов Гильбэнту и Сэвэрэй. Поэтому, проехав двадцать пять километров от монастыря, мы повернули на север по старому автомобильному накату, когда то шедшему в сомон. В настоящее время Сэвэрэй сомон перекочевал на другое место, и старый автомобильный накат окончился через тридцать пять километров. Мы попали в хаос сухих русел и промоин и двигались со скоростью пять километров в час. Пять часов пробивались мы так, пока не решили повернуть назад, не усмотрев впереди никакого облегчения. Накатать спосную дорогу через эти русла все равно было невозможно, а если мы бы ее и сделали, то погубили бы машины. Пришлось вернуться к старому пути, через Ноян сомон.

Буря продолжала свирепствовать. Последние холмы мелкосопочника Цаган-Дерисуни усыпаны необыкновенным, апельсинового цвета, песком. Будто неведомо откуда, из мрачных туч, солнце осветило серые бока холмов. Мягкая трава униженно сгибалась под ветром, а жесткие колючки надменно стояли и, не дрогнув, выдерживали шквалы. Из наблюдений над растительностью в бурю становился понятен смысл чрезвычайной жесткости пустынных кустарников. Ближе к Ноян сомону, там, где дорога шла по гребням гранитных хребтиков, неистовые шквалы несли поперек дороги длинные струи песка. Переваливаясь через выпуклую поверхность гребня, стелющиеся песчаные струи взвивались в воздух. Тогда дорога исчезала в их призрачном полете над землей, и приходилось ехать с большой осторожностью. Перед Ноян сомоном, на спуске, масса несущегося песка заполнила все ущелье. Казалось, что машины спускаются в стремительную желтую реку.

К ночи буря стихла и выпал снег, но мы надежно укрылись в помещении школы в Ноян сомоне. Здесь мы взяли напрокат большую юрту. Юрта со своим жестким каркасом и плотной оболочкой из кошмы устойчивее,

чем палатка, более непроницаема для пыли и не так прогревается. Нам совершенно необходимо было иметь какое-то помещение для научных работ, записей, изучения коллекций, фотолаборатории, которое было бы защищено от назойливых гобийских ветров. Юрта сослужила нам верную службу, и мы не могли нахвалиться своей догадливостью.

Нас встретили в Ноян сомоне как старых друзей. Директор школы, заменявший в сомоне начальство, уступил нам под склад незаконченный домик на краю сомона. По-прежнему стояли вокруг странные черные горы и каменные холмы с необычайно острыми, похожими на ежей, торчащих из-под земли, вершинами. Этот суровый вид местности не мог отнять какого-то домашнего ощущения. В 1946 году Ноян сомон показался нам краем света, а теперь это был обжитой дом перед большими неисследованными пространствами Заалтайской Гоби.

По знакомой дороге мы вышли в котловину Нэмэгэту, прямо напротив горы Гильбэнту, отсюда повернули на запад и выехали на бэля, сплошь покрытый цветущими синими ирисами. Здесь проводник Цедендамба при моем попустительстве совершил грубую ошибку — попытался спрямить дорогу и повел нас вниз, на дно котловины, держа курс прямо на Нэмэгэту. Мы оказались в песках, поросших тысячелетними саксаульниками. В довершение беды поднялась песчаная буря. Машины упорно пробивались сквозь бурю, пески и саксаул, наполняя всю долину воем своих моторов. Я повернул колонну к югу, на более твердый участок бэля, но затем тоже уклонился вправо, и мы уже в сумерках опять попали в заросшую саксаулом впадину.

После ночевки у высохшего колодца мы с Эглоном оставили всех свертывать лагерь и выехали вперед на «Козле». Быстро нашли свои следы 1946 года и подъехали к останцу «Первому» при ужасающем ветре. Вначале я думал ставить лагерь здесь, но потом решил все же спуститься в сухое русло и проникнуть в Главную котловину. Это решение, продиктованное страхом перед западными ветрами, все же не было совсем правильным. Хотя расположение Центрального лагеря внутри костеносного массива Нэмэгэту значительно ускорило работы по раскопкам, но стоило нам большого износа машин и пережога горючего, так как пробиваться последние несколько километров по сухим руслам к Цент-

ральному лагерю было невероятно тяжело. Сколько раз мы, поджидая машины из маршрутов или из Улан-Батора, подолгу слушали надсадный вой передач, пока машина подходила по бесчисленным изгибам сухих русел к лагерю. Теперь, набравшись опыта, я знаю, что надо было бы поставить Центральный лагерь у края оврагов и ущелий Нэмэгэту, там, где к нему можно было легко подъехать. Транспортировать рабочих и снаряжение к местам раскопок надо было на одной, сравнительно легкой машине, имея для этой цели, скажем, полоторку.

Но всему этому мы научились позже, а сейчас прибыли в Главную котловину и выгрузились над сухим руслом, найдя просторную площадку, которую не затопило бы возможное наводнение. Борясь с адским ветром и холодом, мы поставили юрту и палатки. Сразу стало уютно. Лихачев с Лукьяновой, тайно сговорившись, сервировали большой стол, даже с цветами. Вся экспедиция собралась в юрте за обедом, и мы выпили за благополучное достижение трудной цели в канун Дня Победы. Первый рейс по бездорожью в Заалтайскую Гоби несколько деморализовал еще не привыкших товарищей. Однако стоило поглядеть на небрежно развалившегося на своей койке Эглона с раскрытой почти до пояса голый грудью и со счастливым лицом наслаждавшегося крепчайшим чаем, чтобы приободриться.

На следующий день, когда Цедендамба, отправившийся на поиски колодца, не нашел его, а в лагере осталось не более ведра воды, произошел переполох. Я знал местоположение еще двух колодцев, но они были труднодоступны. Поэтому я послал Рождественского вторично искать тот колодец, который не нашел Цедендамба, так как он был наиболее близким — всего в четырнадцать километрах. Рождественский нашел колодец и почувствовал себя спасителем экспедиции. Я не стал его разочаровывать, но это сделал менее щепетильный Эглон.

Весь этот день мы с Новожиловым провели в поисках воды близ лагеря. Искали мы и по всем правилам гидрогеологической науки, и по приметам гобийских аратов. По последнему способу рыли ямы и ставили на дно их опрокинутые чистые фарфоровые чашки. Если бы дно чашки наутро оказалось отпотевшим, то это означало, что вода будет. Но чашки оставались су-

хими, и наши геологические заключения совпали с народными приметами. Во второй половине дня пошел снег, быстро растаявший и оставивший на саксаульных равнинах запах влажной пыли и глины. Чем-то родным повеяло от этой сухой и сожженной чужой земли.

К вечеру мы забрались с Новожиловым на восток от Главного лагеря. Здесь, посреди небольшой впадины, густо поросшей эфедрой с ее характерным аптечным запахом, высился круглый останец красноцветных меловых пород. Причудливые формы выветривания окаймляли его двумя рядами полуобвалившихся стен и венцом тонких башенок. Новожилов с его поэтическими склонностями, любивший давать наименования еще с первых наших совместных с ним экспедиций по «белым пятнам» Сибири, назвал останец «Островом Развалин». Впереди «Острова Развалин» стояла отдельная скала со ступенькой наверху, удивительно похожая на трон. Новожилов взобрался туда и развалился на троне с сигаркой в руке, и я сфотографировал его как владыку этих призрачных городов и дворцов.

В лагере нас ждали приятные новости. Эглон нашел скелет гигантского хищного динозавра, а Пронин открыл к югу от лагеря целое поле, усыпанное костями.

Следующий день я посвятил дальнейшему обследованию восточной части местонахождения Нэмэгэту. Выяснилось, что масштабы местонахождения в 1946 году мы преувеличили. Исполинский массив красноцветных меловых отложений не был повсюду костеносным. Скопления костей и скелетов залежали в пределах огромного древнего русла, врезанного в массив пустых мертвых песчаников. Это русло было участком подводного выступа дельты древней реки, далеко выдвинутого в море от побережья. Сюда сносились течением трупы динозавров, крокодилов и черепях, которые отлагались здесь вместе с песками, гравийниками и конгломератами, заполнявшими промоины русла. В настоящее время от русла уцелел отрезок около восьми километров длины и полутора-двух километров ширины. С юга русло ограничивалось склоном бэля в котловину, сзади, с севера, все меловые породы срезались стеной поднятия хребта Нэмэгэту. Однако, несмотря на эти «сократившиеся» размеры, местонахождение Нэмэгэту оставалось колоссальным по количеству, сохранности и разнообразию заключенного в нем материала. Только Тендагуру

в Восточной Африке, в котором захоронено множество скелетов исполинских зауропод, может сравниться с Намэгэту. Во всяком случае, прежде не было даже предположений о местонахождениях подобного масштаба в Монголии.

Новожилов и Рождественский отправились на «Волгу» в разведку к востоку, на Гильбэнту, или «Гибель ту», как уже успел придумать Новожилов. Вообще Новожилову вначале очень сильно не понравилась Гоби, особенно ее ветры, пески и скорпионы. Поэтому Нестор Иванович заодно со своим шофером Лихачевым придумали соответствующие наименования для здешних мест: Гильбэнту была названа «Гибель та», Нэмэгэту — «Гибель эта». Позднее, когда нам всем сильно надоело долгое сидение в мертвых и жарких ущельях Нэмэгэту, мы согласились на другое название — «Невмоготу».

Начало работе было положено, число новых находок все увеличивалось, начались и раскопки огромного ящера. За необычайную удачливость в находках Новожилову было присвоено почетное звание «Соколиный Глаз», а Пронину — «Орлиный».

Я выехал обратно в Далан-Дзадагад на пустых машинах за второй партией груза. Предстояла серьезная задача — найти мало-мальски сносную дорогу, так как от этого зависел успех работы. «Дракон» не прибыл в Намэгэту, и никаких сведений о нем не было. Нужны были срочная помощь и розыски. Мы решили пересечь котловину прямо на юг и подняться как можно выше на бэль южного борта нэмэгэтинской впадины, с тем чтобы миновать пески центра котловины. Там действительно дорога оказалась более или менее твердой, но из бесчисленных промоин и мелких руслах пустые машины неистово трясло. После каждых пятнадцати — двадцати километров такого пути приходилось останавливаться и делать передышку, так как начинали болеть внутренности.

— Это что ж, Иван Антонович, — приставал ко мне Лихачев, пытаясь пригладить пятерней свои торчавшие ежиком волосы, — так и будем все время ездить? Тогда пропали!..

Пронин лениво шурился и не отрывал взгляда от лысых, спадавших в котловину бэлей. Бригадир-ветерана грызла та же самая тревога, что и меня: где найти сколько-нибудь сносный путь по бездорожью? Живой

и насмешливый Вылежанин пугал легковерного Лихачева самыми фантастическими вымыслами вроде предстоящей прокладки дороги напрямик через горную цепь. Лихачев, устрешенный первым знакомством с песками, бурями и скалистыми ущельями Южной Гоби, невольно поддавался грозным посулам и уныло апеллировал ко мне. Тогда входили в игру и мы с Прониным, подтверждая домыслы Вылежанина.

Но на сердце у меня было невесело. Надеяться, кроме как на самих себя, ни на кого не приходилось. Поиски пути в громадной межгорной котловине в тысячи квадратных километров, безвестной и труднопроходимой, становились игрой случая. Времени на поиски не было: вместе с ними приходилось развешивать и раскопки...

На равнине, против горы Хугшо — величественной высокой пирамиды, — показалась довольно крупная серая птица — саксаульная сойка. Она нахально и неторопливо бежала перед машинами. Охотники, особенно Вылежанин, открыли стрельбу, но птица по своей окраске была почти неразличима на гобийском щебне. Истратив зря патроны, Вылежанин обозвал птицу «приманкой» и отказался от дальнейшей охоты. Надо признаться, что и я не устоял от искушения и сжег напрасно три патрона.

Перед устьем сквозного сухого русла нам заградили путь пески, и дорога сделалась настолько тяжелой, что нечего было и думать соваться сюда с груженными машинами. Точно так же тяжел был путь и по сухому руслу, который отсюда, из котловины, шел в подъем. Немудрено, что мы с Прониным начали метаться с одной стороны ущелья на другую и внезапно нашли караванную тропу. По ней мы выехали наверх, на гребни окружающих гор, потом на плато и остановились в недоумении.

Солнце уже садилось за хребет Тосту-нуру, впереди нас тянулись небольшие пологие хребты, упиравшиеся на юге в крутой зазубренный склон Хана-Хере. С крыши «Дзерена» я долго рассматривал местность в бинокль. На юг, под самый хребет, по черной поверхности плоскогорья шла верблюжья тропа. Мы находились значительно выше уровня сухого русла, и я боялся спускаться в него, так как все боковые долинки были или слишком круты, или узки для машин.

Я решил проехать по тропе. Спустившись вниз с кру-

ого уклона, мы оказались у одинокой юрты. Обитавший в ней прат едва не обмер от изумления, когда в вечерних сумерках с высоты пустынного плоскогорья внезапно с дерева съехали четыре трехтонки. Мы оказались у самой автомобильной дороги, однако возвращение назад с трубами по этой тропе было немыслимо. До сомона оставалось всего тридцать километров, но на пути было одно опасное место. Узкая и глубокая промоина перегородила дорогу за небольшим холмиком — результат прошлогоднего ливня. Дорога обходила промоину справа, но новый отворот был плохо виден в тусклом свете слабых фар «ЗИСа-5». Шедший передовым «Тарбаган» влетел по старому накату на холм и отчаянно затормозил у самого края обрыва. Еще немного — и машина легла бы бесформенной грудой на дне ущелья на глубине десяти-двенадцати метров. Мы тут же заложили старую дорогу большими камнями, чтобы избежать повторения подобных приключений в будущем.

В Ноян сомоне не было никаких сведений о пропавшем «Драконе». Мы строили самые различные предположения, но все оказалось, как всегда, проще. Едва мы на следующее утро отъехали десять километров от сомона, как увидели с холма среди больших песчаных кочек зеленую крышу «Дракона». Оказалось, Безбородову не хватило бензина, чтобы дотянуть до сомона, и наш всегда спокойный Тимофей Гаврилович решил мирно дожидаться подмоги у ближайшего колодца. Безбородов думал, что сомон находится очень далеко, и все трое с чисто азиатским терпением сидели здесь в кочках, питаясь несоленой картошкой. Мы оставили «Дракона» со всем грузом в Цаган-Дернсуни и к вечеру прибыли в аймак. Так приятно было слушать завывание песчаной бури в крепком глинобитном доме нашей базы. Особенно уютно было сидеть ночью и писать при ровном пламени свечей, без вечного трепыхания бумаги под рукой!..

Только 15 мая, забрав весь лес, снаряжение и восемь баранов, мы рано утром выехали обратно в Нэмэгэту. Теперь нам больше повезло с дорогой — сухое русло объехали стороной: мы нашли вторую тропу, уходившую в боковое ущелье на северо-запад от сквозной долины. Она шла по холмам в предгорьях хребта Тосту. Место здесь было неожиданно открытым и веселым по сравнению с угрюмой, душной котловиной Нэмэгэту. Черные холмики заросли темно-зелеными кустами гобий-

ского миндаля, а между ними извивались светлые подосы дериса. На выходах ключей зеленели обширные пятна свежей и мягкой, совсем невероятной для Гоби травы. Этой тропой мы доехали до ключа Даба («Перевальный») с кристальной быстротекущей водой и здесь наполнили две бочки воды для Центрального лагеря.

Тропа шла и дальше к западу, вдоль гор, но, проехав по ней еще около десяти километров, мы попали в грозный каменный хаос южной стороны горы Хугшо. Впереди высился ряд конусовидных гор с усеченными вершинами, на которых выступали широкие черные башни со столбчатыми отдельностями базальта. От подножия Хугшо протягивались гряды — отроги чрезвычайно крутых скал с изломанными острыми гребнями. Дороги дальше не было, и мы вернулись к ключу Даба.

От ключа мы начали спуск в котловину, отыскав твердое сухое русло. Только четыре километра новой дороги оказались плохими, недалеко от пересечения с нашим следом на бэле. Таким образом, нам удалось провести дорогу по более или менее твердой поверхности, и это было куда лучше, чем все предыдущие попытки. Важность достижения была видна хотя бы из того, что мы стали тратить на проезд котловины в четыре раза меньше времени. Позднее, когда машины ходили здесь в период июльских дождей, дорога укаталась так, что можно было ездить на прямой передаче. Мы назвали нашу дорогу именем Академии наук. Целая поленица из поломанных рессор на нашем складе была доказательством тех трудов, каких стоила дорога нашим водителям и машинам...

Мы остановились у последнего поворота, там, где нужно было пересекать котловину поперек к подножию Нэмэгэту. Знакомая иззубренная чугунно-серая круча вздымалась перед нами. Огромные поля черного щебня у ее подножия дрожали голубым маревом и казались издали озерами, странно покосившимися на склонах. В этом мареве скрывался в ущельях наш лагерь. Там предстояло теперь жить довольно долгое время, пока не удастся добыть научные ценности, которые могли бы оправдать посылку нашей экспедиции.

Я мысленно оглянулся на только что пройденный путь. Здесь, в кабине машины, находился весь несложный обиход начальника экспедиции. Позади над сиденьем прибита сумка, в которой хранились табак, газеты и

виноклы. На двух крючках за спинкой сиденья — фляжка с холодным чаем и полевая сумка с картами и дневником. На сиденье — рукавицы, в ногах — молоток, у переднего стекла — открытая пачка неизменной «Катюши». В ногах — коврик из кошмы, чтобы раскаленная выхлопная труба не жгла ноги (и все-таки жгла, когда поехали по пескам!).

За стеклом медленно разворачиваются одна за другой сменяющиеся картины дороги. Вот широкая равнина перед городом красных обрывов Нэмэгэту, поросшая соккулом и эфедрой. Теплый ветер тянет по равнине совершенно аптечным запахом эфира, валерианки и еще чем-то. Кустики эфедры свиваются и закручиваются, словно бесчисленные зеленые червячки, упрямо лезущие из земли навстречу свету и зною.

Вот неожиданная радость пустыни: выезжаешь из безжизненного сухого русла на склон бэля и оказываешься среди тысяч синих ирисов, рассыпанных на желтом песке!

Или в ущелье, стиснутом изрытыми бурями скалами, вдруг в узкой боковой промоине появляется покрытый тонкой прозрачной зеленью хайляс. Или днем в мираже нагретого воздуха скалы покажутся густыми рощицами леревьев, затопленных сверкающей на солнце водой. Такие же полосы сверкающей «воды» разрезают пологий склон перевала через Гурбан-Сайхан, если подниматься от Банн-Далай сомона. В ущелье Гурбан-Сайхан я сам видел округлый массив древней коры выветривания, выступающий среди черных скал. В вечернем солнце он горел красным светом, как исполинский гранат в чугунной оправе...

Уже стали привычными особенности далеких планов и Гоби. Если за одним хребтом, близким к дороге, стоит другой, параллельный ему, в расстоянии нескольких километров, то контуры ближних гор резко выделяются черным, словно вырезанным профилем, а сзади поднимаются в вырезях переднего плана совсем прозрачные, воздушные, но ясные очертания более удаленного хребта...

Все эти картины быстро промелькнули воспоминанием о только что пройденном пути, когда машина начала медленно спускаться на пышущее жаром дно впадины. Справа появился большой табун лошадей, задачей которых, как всегда, было перебежать дорогу нашим машинам. Очень красивый вожак почти белой масти бежал

сзади, часто останавливался и оглядывался на приближавшиеся машины. По свойству Гоби — делать серое снним — конь казался совершенно голубым. Я понял, отчего светло-серая масть называется у монголов хухуморь («голубой конь»). Такие лошади особенно ценятся у гобийцев. По древнему обычаю, отправляясь в путь, нельзя брать себе темного коня. Такой конь быстро заболевает или истощается под убийственным солнцем. На дне котловины мы пересекли свой старый след 1946 года, который, как я помнил, был удобнее для подъема, чем наш новый въездной след. Поэтому мы закрыли новую дорогу стенкой из камней и прибыли следом 1946 года уже в сумерках к лагерю. Здесь мы были встречены с понятным энтузиазмом. Люди уже два дня питались супом и кашей с отвратным привкусом бензина — вода оставалась только «техническая», в бочках из-под горючего. Две бочки превосходной воды, захваченной нами с гор, были вознаграждением страдальцам.

Теперь стало возможным привести в исполнение свою мечту или скорее видение в Главной котловине в 1946 году. В центре лагеря построили маленький, обтянутый кошмой домик, где поместилась передвижная электростанция. Ряд палаток, ярко освещенных изнутри, походил на матовые фонарики. Даже наш суровый китаец-повар, дядя Андрей, веселился, как ребенок, при виде своей кухни, залитой светом стосвечевой лампочки. Но самое главное — стало работать радио. Никто из участников не забудет того вечера, когда в безлюдной пустыне Нэмэгэту впервые раздался бой часов Спасской башни Кремля. Здесь по нашему времени было пять часов утра, уже стало совершенно светло, и трудно было представить, что там, в Москве, еще недавно началась летняя ночь. Незримая нить связи с Родиной очень ободряла нас.

Нас всех тянуло в домик электростанции, где в бурю и ночь, в зной и холод маленький мотор трудолюбиво шумел, как живое сердце лагеря. В свободную минуту мы заходили туда поболтать с дежурным механиком. Образовался как бы вечерний клуб, где свободное население лагеря усаживалось вокруг мотора и, покуривая, беседовало на самые разнообразные темы, начиная от строения звезд и кончая современной политикой.

Глава третья
В ЛАБИРИНТАХ УЩЕЛИЙ

*С неба спустилась
и села на степь громадная птица
с двенадцатью клювами
(поставили майхан-палатку
с растяжками).*

Из сказання о Гэсэре

Больше месяца, до двадцатого июня, пришлось мне прожить в Центральном лагере, спрятанном глубоко в ущелье красных и желтых меловых песчаников. В бесплодной и безводной местности не было диких зверей или птиц. Араты прогоняли отсюда даже случайно забредавший скот, потому что животные могли убиться, упав с крутых обрывов, или затеряться в лабиринтах сухих русел. Как всегда, места нашей работы даже для Гоби были наиболее дики и пустынно — месяцами ни один гобиец-арат не заглядывал к нам. Вероятно, никто из них и не подозревал, что в глубине ущелья находится обжитой поселок, освещенный электричеством и снабженный всем необходимым. Никто не мог подумать, что тут громоздятся груды досок, ящиков, штабель мешков муки, а поодаль на холме, под прикрытием брезента и кошм стоят бочки с доброй тысячей пудов бензина. Кстати, почему-то склад бензобочек служил излюбленным местом пребывания ядовитых змей-щитомордников.

День за днем, с рассвета и до заката, шла напряженная трудовая жизнь. Время летело быстро, даже слишком быстро, так что первоначально задуманные грандиозные планы приходилось все время сокращать.

Эглон, Лукьянова и Пресняков вели раскопки, каждый со своим отрядом рабочих. Шоферы или возили сквозь тяжелое гобийское бездорожье грузы на нашу базу в аймак Далан-Дзадагад, или ремонтировали машины, или, как Пронин, умудрялись еще участвовать в поисках динозавров. Была мобилизована вся «научная сила», то есть Рождественский, Новожилов и я. Мы ходили и ходили по ущельям и плоскогорьям, карабкались по кручам, предпринимали далекие походы. Постепенно мы все больше и больше знакомились со своеобразной местностью, наносили ее на крупномасштабные планы и

давали свои наименования каждому ущелью или заметному обрыву.

Особенно неистощимой фантазией географа-открывателя отличался Новожилов. Я старался не отставать по возможности. Так появились на наших картах и схемах утесы: «Колоннадный» и «Поворотный», «Пантеон», «Сфинкс», «Великий Северный Поток», «Большой, Средний и Малый Каньоны», «Идолище Поганое», «Равнина Простора», «Мыс Кругозор» и так далее.

Все больше находок появлялось на плане местонахождения Нэмэгэту, или местонахождения Центрального лагеря, как это значит в опубликованных теперь научных трудах. Кости и скелеты залежали в зоне древнего подводного русла на различных уровнях. В самом низу в красных глинах была найдена скорлупа крупных яиц, вероятно динозавров, и остатки пресноводных рыб. Выше, в прослоях серых грубых песков и гравийников, мы находили чудовищные кости зауропод и целые скелеты огромных плоских черепах морского типа. Эти черепахи оказались неизвестными науке представителями нового отряда. Тут же, в желтых песках, залежали скелеты утконосых растительноядных динозавров — траходонтов. В самых верхних горизонтах костеносной толщи чаще всего попадались черепахи из породы триониксов, остатки крокодилов и части скелетов мелких хищных динозавров — птицеподобных созданий, бегавших на длинных задних ногах. Но особенно много, причем в самых различных горизонтах, встречалось костей карнозавров — гигантских хищных динозавров. Они были захоронены целыми скелетами и в виде отдельных черепов или цельных задних лап, а иногда и беспорядочным нагромождением перепутанных и перемешанных костей.

Большое впечатление произвела на меня находка Новожилова на мысе «Кругозор». Куполовидная верхушка огромного крутого утеса была усеяна костями колоссального хищного динозавра. Белые кости (в Нэмэгэту почти все без исключения кости динозавров, крокодилов и черепах чисто белого цвета) усеивали всю вершину и часть склона, и между ними там и сям были разбросаны блестящие черные зубы. С вершины «Кругозора» открывался вид на всю ширину Нэмэгэтинской впадины, голубую пирамиду горы Хугшо и синеющий на юге Тосту-нуру. Ослепительное солнце заставляло щурить глаза, утомленные ярким светом. Ветер посвистывал над ущельями,

как бы уносся вдаль мысли, вызванные этим же солнцем прошлой жизни, остатки которой, странные и величественные, лежали под нашими ногами.

Недалеко от «Кругозора» еще одна раскопка открыла целый, около метра длиной, череп огромного хищного динозавра — тарбозавра. Расчищенный сверху для закрепления специальным клеем череп полулежал на правой стороне. Слегка опущенная нижняя челюсть открывала блестящие, острые как кинжалы и загнутые назад зубы с черной эмалью. Весь состав экспедиции перебыл здесь, подолгу любуясь находкой, потому что при раскопках мы редко открываем найденные кости полностью. Лучше оставлять их под слоем породы, чтобы проводить очистку с наибольшей осторожностью в лаборатории нашего института.

Конечно, далеко не все находки бывали столь удачными. Очень часто какие-нибудь превосходно сохранившиеся кости, уходившие в глубь обрыва, подавали надежду на нахождение здесь целого скелета. Однако при дальнейших раскопках оказывалось, что надежды были ложными. Найденные кости были или остатком уже разрушившегося скелета, или костями, захороненными отдельно в момент отложения породы. Почему-то особенно часто находили хвосты, точнее — хвостовые позвонки. Рождественский всегда ожидал, что за хвостом непременно будет скелет. Об этом торжественно объявлялось вечером, когда все искатели сходились к позднему обеду. На следующее утро к месту находки отправлялся я, или Новожилов, или Эглон, и открытие становилось «закрытием». Рождественский отмалчивался, щурил маленькие упрямые глазки, поправлял заржавевшие от пота очки, всем своим видом показывал, что считает наши заключения ревнивым заговором, направленным на то, чтобы не признавать его превосходства. Убедившись в конце концов в правоте «экспертов», Рождественский глубже нахлобучивал самодельную полотняную шляпу с необъятными полями и устремлялся на новые поиски.

День за днем проходили в поисках и исследованиях, с утра до вечера — несносная жара и вечный свист ветра, сопровождавший нас по узким ущельям и на обдувах до последней степени плато. Этот свист ветра был наиболее обычным аккомпанементом всякому делу и всякой мысли. Над лагерем и дальше к горам поверхность плато бэля покрывали черный щебень и черные

пирамиды ветровых многогранников. Эти черные поля жаркие дни всегда накалялись, и мы ходили по ним, как по нагретой чугунной плите. Ни посидеть на камнях, ни дотронуться до них рукой было нельзя. Легкий ветерок, проходя над полями черного щебня, превращался в жаркое дыхание открытой печи. Издалека черные плато, как я уже говорил, выглядели как бассейны прозрачной воды, потому что всегда были покрыты движущимся слоем нагретого воздуха. Ощущение оторванности от жизни и угрюмого молчания наступало всегда, когда приходилось пересекать большие пространства этих черных полей. Изредка маленькие ящерицы, охотившиеся за невидимыми насекомыми, встречались на пути. Больше ничто не нарушало мрачной безжизненности черных плоскогорий.

Скоро мы привыкли и начали находить своеобразную красоту, а подчас и очарование в Нэмэгэтинских ущельях. Еще в 1946 году мы заметили, что в самых больших ущельях Большого и Среднего Каньонов столбы выветривания песчаников были очень разнообразны. Теперь мы ходили сюда снова любоваться прямыми строгими колоннами греческого образца, толстыми угрюмыми столбами египетских храмов, бокалообразными, перетянутыми в нескольких местах колоннами индийской архитектуры и пузатыми столбиками старорусского стиля. В каждом месте все колонны были одного и того же типа, что порождало причудливое впечатление архитектурной цельности дикого обрыва. Ближе к горам, там, где неглубокие котловинки вскрывали верхние горизонты ярко-желтых песков, с высоты под солнцем эти впадины казались красной медью, обрамленной железом черных бугров. Размывы светло-желтых глинистых песков давали широкие белые потеки. На этих бело-желтых пятнах очень резко выделялись черные многогранники и черные оторочки щебня. Подобные места были настолько своеобразны, что казались неземными — видениями другой планеты.

Красивы ущелья Нэмэгэту при свете полной луны! Тени глубочайшей черноты лежали вдоль подножий восточных обрывов и вздымались вверх черными клиньями по промоинам, рассекая обрывы на отдельные выступы — темные, без деталей, призрачные и невещественные. Западные обрывы ярко освещены, и, желтые в древнем свете, они кажутся при луне вычеканенными из зеленоватой

овой стали. Крупный черный щебень и полированные многогранники на дне котловины — как куски серебра, разбросанные по сказочной сокровищнице. В безвостренную ночь тишина такая, что отчетливо слышен стук собственного сердца. Только изредка, перелетая с места на место, уныло и размеренно покрикивает пустынный сыч.

Наша дружная семья ночью разъединялась сном. В молчании пустыни становилось невыносимо одиноко тем, кому случалось не спать, страдая от болезни или от навязчивых мыслей. Подолгу ворочался Петрунин, у которого разболелись сразу и ампутированный зимой палец, и зубы. Позднее к нему присоединился Сизов — у него вновь возобновился ревматизм рук. В часы ночного бодрствования гнетуще чувствовалась огромная даль, отделявшая нас от всего родного и привычного, и таким медленным казался ход времени, тягуче растекавшегося по необъятным просторам Гоби.

Песчаные бури продолжали время от времени свистеть. Тогда в лагере крутился шуршащий песок и палатки заносились пылью. Очень неудобно в палатке после песчаной бури — резкий запах пыли, все вещи становится шершавыми на ощупь, все надо вытряхивать — на сердце тягостно и душно. Вечные звуки ветра менялись в зависимости от погоды. В знойный день или в жаркую ночь ветер глухо шумел, в холодную погоду переходил в резкий, пронзительный вой...

Совершенно изумительны в Нэмэгэту утренние часы. В дивной прозрачности воздуха склоны обрывов из палатки кажутся совсем близкими, а на самом деле — в полутораста метрах. Ясно, чисто и светло вокруг — такой контраст с пыльным миражистым днем, с потоками горячего воздуха, мутным небом и горизонтом. Утра — главное очарование весенней Гоби.

Любое зеленое растеньице встречалось нами с большой нежностью. Мы научились ценить каждый цветок. Даже невзрачные гобийские ромашки без белых лепестков, но с сильным запахом ставились в палатки как редкое украшение. Из разведочных поездок на Гильбэнту и в другие места котловины Новожилов привозил ярко-розовые, в виде длинных бокальчиков цветы инкарвиллий и розовые чашечки хиазосперма с сильным запахом незабудки и жасмина.

Однажды из горной экскурсии Новожилов привез це-

лое дерево, которое было посажено Лукьяновой около юрты и заботливо поливалось, но, увы, не выдержало пересадки.

С наступлением жарких дней в изобилии появилась пустынная «нечисть» — скорпионы и фаланги. Особенно мерзко выглядели фаланги, или сольпуги, — быстроходные пауки на высоких ногах, с упорным, пристальным взглядом больших глаз и мохнатым, с мизинец величиной туловищем. Естественное отвращение, которое испытывает каждый человек к паукам, усиливалось еще тем, что скорпионы и фаланги лезли в палатки преимущественно ночью и бегали по постелям. Весь народ, включая и начальника экспедиции, был сильно деморализован гнусными паукообразными. Единственным неустрашимым человеком оказался тот же Эглон. Ему, вероятно, можно было насыпать за воротник горсть скорпионов, и он, неторопливо отряхнувшись, продолжал бы спокойную беседу. Каждый вечер из той или другой палатки раздавался вопль: «Я-а-а-ан Мартынович!» Эглон брал длинный пинцет и банку, отправлялся на место происшествия и водворял очередного скорпиона или сольпугу в банку со спиртом. Эглон собирал коллекцию ядовитых тварей для академика Е. Н. Павловского. Люди, напуганные скорпионами, фалангами и змеями, пока не привыкли, опасались всякого шороха или укула. Часто случалось, что вечером во время мирной беседы кто-нибудь, незаметно уколотый соседом, с воплем вскакивал, вообразив, что подвергся нападению ядовитой змеи или скорпиона. Настоящий фурор произвела прыгающая заводная лягушка, оказавшаяся случайно у Шкилева. Шкилев привез ее в Гоби и однажды завел и пустил в круг сидевших за работой людей. Лягушка запрыгала, зловеще жужжа. Первой реакцией было повальное бегство. Несколько минут спустя пристыженные сотрудники клялись, что они сделали это нарочно.

Мы часто посещали западную часть Нэмэгэтинской впадины. Эглон, Рождественский, Новожилов, а впоследствии и я несколько раз ездили к подножию крайнего западного массива Нэмэгэтинского хребта — горé Алтан-ула. На самом дне впадины Нэмэгэту пролегалo широкое сухое русло Эхини-Цзулуганайгол («Истоки луговой речки»). В этом месте Нэмэгэтинская впадина сильно суживалась, сдавленная широкими бэлями противоположащих хребтов. В этих бэлях вскрывались об-

широкие размыты отложений верхнемеловой эпохи. Среди них мы открыли еще другие костеносные русла. Особенно богатыми оказались средняя часть бэля Алтан-улы и находившаяся почти против нее, с южной стороны Нэмэгэтинской впадины, Цаган-ула («Белая гора»), иначе Цаган-хушу («Белая морда»). В Цаган-уле встретилось множество костей хищных динозавров и, кроме того, необычайное скопление черепашьих панцирей рода баена. Эглон, который обследовал Цаган-улу вместе с Рождественским, с восхищением рассказывал о целом слое, состоявшем сплошь из черепашьих панцирей и скелетов, местами плотно спрессованных друг с другом, точно финики. Здесь произошло захоронение тысяч черепашек, остатки которых были снесены сюда с суши после массовой гибели животных. Причины этой массовой гибели остались пока неясными, и мы надеялись раскрыть эту загадку после раскопок и дальнейшего изучения Цаган-улы. Но все наши силы были заняты в Центральном лагере Нэмэгэту, и мы могли только предварительно разведывать новые места.

В центре огромной Нэмэгэтинской котловины проходила гряда ярких пурпурных глин, кое-где с толстыми прослоями белых песков. По этой гряде, местами размытой на отдельные группы невысоких холмов и останцов, проходила старая караванная тропа, называвшаяся тропой Одиннадцати колодцев и пересекающая всю Нэмэгэтинскую котловину с запада на восток. Действительно, все колодцы либо сосредоточивались вдоль этой тропы, либо находились высоко в горах, там, где трещиноватые кристаллические породы служили аккумулятором атмосферной влаги. Красная гряда явно отличалась по характеру пород от меловых песчаников и глин. Еще в 1946 году профессор В. И. Громов высказал предположение о третичном возрасте этих пород, найдя обломок кости, похожий на кость млекопитающего. Новожилов и Рождественский также находили обломки костей, однако недостаточные для точного определения, и поэтому таинственная красная гряда продолжала оставаться для нас загадкой.

Когда я собрался провести более подробные исследования, произошло потрясающее открытие. Рождественский отправился вместе с Прониным на «Козле» на очередное обследование Алтан-улы. Они поднялись на машине очень высоко по бэлю и пробрались к самой сере-

дине размывов и ущелий Алтан-улы, совсем близко от стены осевой части хребта, сложенной твердыми древними породами. Рождественский обследовал близлежащие обрывы, а Пронин углубился в ущелье и пропадал там так долго, что Рождественский, давно уже собравшийся в обратный путь, решил его искать. Оказалось, что наш шофер побил все рекорды искателей костей.

Пронин забрел в центр обширного поля размывов меловых пород и подобрался к широкой площадке — уступу из плит песчаника. Над площадкой поднимались крутые склоны серовато-желтых глин, как бы запиравшие ход дальше. Снизу площадку опоясывало узкое сухое русло, прорезанное в ослепительно ярких оранжевых песках. Напротив над сухим руслом, по которому шел Пронин, возвышался утес песчаника. На уступе его оказалось логово барса, вернее ирбиса, с костями янгеров, или горных козлов, съеденных хищной кошкой. Пронин почувствовал, что забрел далеко, и хотел возвращаться, но прежде решил осмотреть уступ песчаниковых плит. Изумлению шофера не было границ, когда он увидел множество гигантских костей, торчавших во все стороны из плит песчаника. Слева, на самом обрыве уступа, прилепился наполовину разрушенный нелепый череп с утиной мордой и костяным возвышением на темени. Хвосты, ребра, позвонки, кости исполинских лап торчали везде, где только массивные плиты песчаника, лопнувшие и осевшие в подмытую снизу глину, показывали свое содержимое.

У Пронина голова пошла кругом. Усевшись на громадную кость, шофер дрожащими пальцами скрутил махорочную сигарку. Первой его мыслью было, как он потом откровенно признался, утаить свою находку. Ему, как водителю и бригадиру шоферов, в тот миг отчетливо представилось, каких невероятных усилий потребует попытка пробиться сюда с машинами. Но в следующую же минуту сознание ценности находки для науки перебило все остальные соображения, и Пронин поспешно зашагал к месту, где его ожидали Рождественский с Александровым. В тот же день слава открытия Пронина прогремела на весь лагерь. Неугомонный Эглон сейчас же стал проситься в маршрут к месту находки, которая потом получила название «Могилы Дракона». Конечно, надо было срочно исследовать находку — она могла изменить весь план дальнейших работ экспедиции.

Уже много дней по вечерам я ломал голову над тем, как образовалось местонахождение Нэмэгэту. Сидя в пите, под шорох летящего с ветром песка я чертил разные схемы, совещался с Новожиловым и Рождественским, стараясь восстановить картину образования местонахождения. Это было необходимо для решения не только ряда научных вопросов, но и жизненно важно для ориентировки дальнейших раскопок. Песчаники и глины меловых костеносных отложений Нэмэгэту, такие рыхлые, легко берущиеся лопатой на поверхности, в глубине оказались твердыми. Они едва поддавались кайлу, и каждый кубический метр породы стоил большого труда. Приходилось признать, что наши силы недостаточны для развертывания больших раскопок. Мы могли извлекать только те скелеты и находки, которые лежали у самых краев обрывов.

Распределение скелетов и костей в отложениях осталось неясным. Я обладал уже порядочным опытом по раскопкам в более древних — пермских и триасовых — отложениях. Находившиеся там животные все были гораздо меньше исполинских ящеров, и раскопачная площадка, вскрывшая костеносную породу на двести квадратных метров, уже давала ясное представление о расположении костей в местонахождении. Можно было говорить и о процессах образования местонахождений и закладывать новые раскопки с большей уверенностью. Здесь, в Нэмэгэту, каждый скелет динозавра занимал десятки квадратных метров площади костеносной породы. Промежутки пустой породы между скелетами измерились здесь сотнями квадратных метров. Таким образом, все было переведено в другой, гораздо более крупный масштаб, и для осмысливания накопленных данных нужны были иные методы. Поэтому я решил произвести теодолитную съемку всех находок для составления общего плана местонахождения Центрального лагеря. Так как находки и раскопки располагались в километровых расстояниях одна от другой, съемку надо было произвести с наиболее возвышенных точек по специальным сигналам, установленным на месте каждой находки. Как только мы с Новожиловым стали подготавливать материал к съемке, по законам гобийских неприятностей, разразилась сильнейшая песчаная буря. Она ярилась, то утихая, то снова усиливаясь, три дня подряд, повалила все поставленные сигналы и принудила нас пока отказаться от

производства съемки. Однако флаг Советского Союза, поднятый на утесе над лагерем, остался невредимым, хотя и отчаянно бился на ветру.

Раскопки продолжались и в бурю: работали в защитных очках, избегая разговоров. Каждое слово стоило доброй ложки песку в рот, что и самых болтливых побуждало к молчанию. Скелет гигантского хищника был давно выкопан, взяты скелеты хищных динозавров на «Кругозоре» и хребетике, названном «Соколиками». Теперь раскопки велись еще дальше от лагеря. На страшной круче Среднего каньона была заложена так называемая Р-5, или пятая раскопка, впоследствии давшая замечательное научное открытие. Здесь под наблюдением Преснякова выкапывался второй скелет гигантского хищного динозавра.

Остриженный под машинку, худой, загоревший до фиолетовой черноты, Пресняков неустрашимо сидел на корточках на узкой ступеньке в отвесном обрыве и расчищал изогнутый позвоночный столб. Громкий голос Преснякова слышался еще за километр от раскопки. Под стать начальнику были и рабочие: здесь подобралась молодежь из Алтан-Булака — черные, полуобнаженные и сердитые парни. Уже в Москве в монолите со скелетом хищного динозавра с Р-5 обнаружили кости необычайного, до сих пор неизвестного науке ящера. Похожий на большую черепаху метров шести в длину и вооруженный метровыми острыми, как бритвы, серповидными когтями, ящер был обитателем морских побережий. Малеев назвал его терезинозавром, что по-гречески означает «ящер-косарь».

У Эглона и Лукьяновой, наоборот, трудились солидные, стеснявшиеся загара сибиряки. Эглоновцы извлекали полный череп хищника, а лукьяновцы вели большую раскопку, так называемую Р-3, на выступе обрыва «Соколиков». Мы решили попросту скрыть там всю верхушку выступа — серую глину, под которой залегало огромное скопление костей неведомых динозавров.

Проводник Цедендамба, посланный к ближайшим араатам, добыл верхового верблюда и отправился на нем искать дорогу к Сэвэрэй сомону, вдоль северного борта котловины. После пятидневных разъездов он явился с известием, что дорога, подходящая для машин, найдена. Проверка этого сообщения была возложена на Новожилова, отправившегося для обследования местонахожде-

нии Гильбэнту. Проехав шестьдесят километров, он достиг восточной оконечности горы и вернулся с сообщением, что дорога, якобы найденная Цедендамбой, никуда не годится. Не обещало большой добычи и местонахождение Гильбэнту. Поэтому я принял твердое решение до последнего, 1950 года работ ограничиться исследованиями в западной части котловины Нэмэгэту.

Дорога, кое-где проложенная нами от Ноян сомона, оставалась пока единственным путем. Рождественский, отправившийся на «Дзерене» на Алтан-улу, открыл на обратном пути старую караванную тропу, сразу облегчившую все поездки в том направлении.

Против сквозной долины между массивами Нэмэгэту и Алтан-ула, по которой мы переваливали в Занэмэгэтинскую котловину в 1946 году, она пересекалась со старинной тропой «Одиннадцати колодцев». Эта тропа, шедшая с Хуху-Хото на Легин-гол («Душная речка») и Орок-нур, была вполне пригодна для передвижения автомашин. Веками ходившие здесь караваны притоптали песок, сгладили мелкие неровности. По этой легин-гольской (впоследствии мы узнали, что она не доходила до Легин-гола) тропе было очень удобно подниматься вверх на бэль Алтан-улы от тропы «Одиннадцати колодцев».

Я начал предварительные расчеты Западного маршрута для обследования возможной костеносности межторных впадин на западе Заалтайской Гоби. Мы собирались отправиться на двух машинах, описать гигантскую пещлю протяженностью около двух тысяч пятисот километров и возвратиться в Нэмэгэту, где остальная часть экспедиции продолжала раскопки. В этом маршруте должен был принять участие Ю. А. Орлов, который почему-то задерживался.

Переводчик Намнан Дорж направился на верблюдах на ту сторону Нэмэгэту. Там, на северном склоне, в сорока километрах от лагеря, был лечебный минеральный источник — аршан. Намнан Дорж привез пробы воды для Монгольского Комитета наук, а также два выючных верблюжьих бака около двенадцати ведер для лечения шопера Александра. У нашего завоевавшего общие симпатии, добродушного великана Ивана-Козлиного была застарелая язва желудка, полученная им еще в войну. По сообщению Намнан Доржа, аршан имел необычно холодную воду и находился на высоте двух тысяч метров. Мы попробовали воду — она была темная, очень

вкусная по сравнению с солоноватой водой из наших колодцев. Пришлось запретить трогать воду, иначе ее выпили бы в два дня. Водой пользовался один Иван-Козлиный, и целебная ли была вода или причиной тому хорошее питание, но к осени он избавился от мучивших его болей.

Первого июня Рождественский отправился на трех машинах в Улан-Батор. Вместе с ним уехали: Цедендамба — в аймак, домой, шофер Петрунин, у которого разболелся ампутированный зимой палец, и Намнан Дорж — для доставки образцов Комитету наук. Сразу по возвращении Рождественского мы отправлялись с ним в Западный маршрут — через наиболее пустынные впадины, вдоль границы Китая до Джунгарской Гоби. Около семи тонн коллекций везли наши машины из Нэмэгэту, дополнительный груз должен был быть взят на нашей базе в Далан-Дзадагаде.

Мы с Новожиловым, помимо наблюдения за раскопками дальнейших исследований Нэмэгэту, стали заниматься теодолитной съемкой местонахождения. В бурные ночи я переселялся спать в кузов отдельно стоявшей от лагеря машины и подолгу лежал, размышляя и прислушиваясь то к поразительной тишине безветренных порывов, то к приближавшемуся далекому рокоту ветра, который, налетая, сотрясал машину. В редкие спокойные вечера изумительные закаты оживляли унылую монотонность пыльных дней и беззвездных ночей. Закаты были сиянием алого пламени над срезом черного плато, окутанного покровом беспросветных туч. Скалы Нэмэгэту принимали цвет густейшего ультрамарина, обрывы и склоны ущелий — терракоты, а слева над синими горами протягивался меч красной бронзы, нависавший над огненно-светлой полосой зари.

Иногда случались закаты и более фантастичные. Параллельные гряды туч принимали пурпурно-фиолетовый оттенок, просветы между ними наполнялись алым огнем, который по мере приближения к горизонту становился все более золотым. На этом фоне угрюмо чернел край плато бэля с красными отблесками пожарища и трепетал совершенно багряный наш флаг.

Изредка наступали бурные и пасмурные дни, в которые мы отдыхали от жгучего и слепящего солнца Гоби. Несмотря на ветер, даль была чиста и ясна. Синяя дымка прилипала к горам, скрадывая угрюмую резкость их

очертаний, словно на темно-фиолетовый хребет было брошено прозрачное покрывало синего газа.

Мы с Новожиловым использовали ранние утренние часы для наших съёмочных работ. Обычно между пятью и десятью часами утра погода была тихой и безветренной. До этого бушевал предрассветный шторм, а после начинался обычный дневной горячий ветер, и накалявшаяся земля тонула в мареве движущихся воздушных потоков. Далеко внизу, по дну котловины, двигались один за другим грозные смерчи. Действительно, котловина Нэмэгэту была «Домом Смерчей», как называлась она у стариков гобийцев. Если выдавался полностью тихий день, то мы с Новожиловым с утра до ночи не покидали вершин холмов, гребней, хребтиков и плоскогорий, торопясь использовать случай, когда инструмент не дрожал от порывов злобного ветра и далекие сигналы не плясали в поле зрения трубы, приводя в отчаяние прикипших к точности геологов.

Здесь, высоко над жаркими ущельями, посреди бесконечных полей черного щебня, наедине с горами, обрамлившими котловину, было одиноко и торжественно. Маленьким призрачным голубым холмиком, перевернутым в трубе теодолита, казалась отсюда гора Ноян-Богдо — величественный потухший вулкан. Неожиданно мы увидели в трубу теодолита большой боковой кратер на серой пирамиде горы Хугшо. И как отрадно было увидеть в теодолит далеко-далеко на дне котловины одну-две юрты перекочевавших сюда аратов. Давно уже единственной нашей связью с живыми людьми — обитателями Гоби — оставались только периодические поездки Преснякова или Эглона в какие-нибудь юрты для закупки баранов — основного питания нашей экспедиции.

Много потерпели мы с Новожиловым от необычно крутых обрывов Нэмэгэтинских ущелий, когда приходилось пробираться напрямик по линии прицела инструмента. Особенно опасны были колодцы, часто встречающиеся в истоках промоин. Это малозаметные сверху ямы в песчаниках, обрывающиеся в колодцы с совершенно отвесными стенками, иногда даже расширившимися вниз глубиной по пятнадцать — двадцать метров. Нижняя по склону (и течению русла) стенка такого колодца прорезана узкой щелевидной промоиной, постепенно переходящей в склоны ущелья. Такие колодцы были естествен-

ными ловушками. На дне одного из них мы нашли кости лошади, когда-то провалившейся сюда.

Больших усилий стоило нам разыскивать чересчур далекие сигналы. Настоящую радость открытия переживал тот, кому удавалось увидеть в голубоватом стекле трубы теодолита крохотный черный треугольник — обо — или шест в волос толщиной. Мы спешили изо всех сил и, несмотря на бури, выполнили задачу в срок. Теперь все находки имели свое точное место на плане, и процессы образования этого огромного местонахождения отражались в точных цифрах съемки.

Раскопки на Р-5, Р-4, «Кругозоре» и других местах подходили к концу — огромные ящики-монолиты по тоне и больше весом давно уже сохли под знойным гобийским ветром. Надо было спускать их вниз с отвесных круч в сухие русла, по которым только и могли подойти машины. Здесь пригодилась моя давнишняя морская практика. Простое приспособление из двух вбитых рядом ломов и скользящей через них восьмеркой петли проволочного троса позволяло одному человеку с волшебной легкостью спускать вниз громадную тяжесть. Рабочие, вначале скептически отнесшись к «выдумке» начальника, быстро освоились с этим приемом. Пришлось оставить наверху только монолиты на Р-5 и на «Кругозоре». Здесь бóльшая высота спуска не позволяла ограничиться двумя связанными вместе буксирными тросами автомашин. Рождественский должен был привезти из Улан-Батора длинный трос, и тогда монолиты могли быть спущены прямо в машину. Странное впечатление производили эти большие ящики из чистых досок, испачканные белоснежным гипсом и стоящие на недоступных кручах среди безжизненного лабиринта ущелий Нэмэгэту.

Долгое пребывание в душных ущельях, тревожные, бурные и пыльные дни и ночи, однообразная и тяжелая работа начали утомлять людей. Все не могли дожидаться счастливого времени раскопок в открытых местах котловины Нэмэгэту.

Каждый переживал утомление по-разному. Эглон ворчал на то, что ему осточертело копать этих бесконечных громадных и зубастых гадов, и мечтал, чтобы выкопать хоть какого-нибудь настоящего зверя — маленькое изящное млекопитающее. Оттого наш Ян Мартынович рвался вниз, в котловину, к красной гряде. Лукьянова тосковала по товарищу-женщине, с которой она могла бы

поделиться своими женскими мыслями и чувствами. Как ни бережно все мы относились к нашей «одной-единственной», как ее называл Эглон, все же Мария Федоровна под конец объявила, что ей надоели «мужики»: «Все мужики, одни мужики, только мужики!»

Лукьянова отыскала себе где-то в оврагах «секретную комнату — дворец принцессы». Никто не знал, где находится это таинственное помещение, куда она скрывалась, чтобы побыть одной, без надоевших мужчин. Мы с Новожиловым выследили ее однажды в подзорную трубу теодолита и узнали, что тайный «дворец» находится в ущельях Северного обрыва. Так и пометили его со знаком вопроса на плане Нэмэгэту.

Новожилов худел и мрачнел, потому что плохо спал, опасаясь злобных пауков. Донимали его душные, безветренные ночи перед бурями, когда появлялось множество фаланг. Такой же страх перед фалангами испытывали и некоторые рабочие, особенно могучий иркутянин Петр Афанасьевич.

Что касается меня самого, то я в своем отвращении к этой мерзости был несколько не храбрее Новожилова. Долг начальника повелевал сохранять бесстрашие (увы, показное!).

Привлеченные запахом постоянно готовившейся пищи, в лагерь начали понемногу сходитьсь наиболее отважные обитатели пустыни — ушастые гобийские ежи. Первый же еж был схвачен и посажен в просторный ящик, где мирно пофыркивал над кусочком сахара. Когда Новожилов и Лукьянова, вооружившись рукавицами и пинцетом, вытащили из его иголок двух непомерно раздувшихся клещей, Тишка, как он был назван Новожиловым, и вовсе перестал бояться людей. Компания ежей увеличивалась — приходили новые и водворялись в тот же ящик. Дошло до пяти штук, но пятого, остромордого и черного, пришлось выгнать за злость. Гневно фыркая, он с позором отправился обратно в пустыню. У других были очень симпатичные, но разные мордочки: удлиненные, островатые или покорооче и потупее, с более светлой или темной шерсткой. Приятны их длинные ушки, на концах листиковидно расширенные. Ежи доставили немало приятных минут в нашей пустынной жизни. Мы собирались по несколько человек над ящиком и не дыша наблюдали, как они уморительно зевают, потягиваются, почесываются, валяются в жару на боку, разбросав лапки.

Немало переполоху наделал так называемый «поцелуй грифа». Александров в один из своих рейсов за баранами подстрелил на трупке издохшего от перелома ноги дикого осла-кулана громадного белоголового сипа. С трудом он привез свою добычу в лагерь, где сип, привязанный за ногу, сидел в очень унылой позе, как видно, страдая от ран. Он свесил почти до земли голую голову с сильно загнутым клювом и высоко поднял углы крыльев. Непреклонная птица с удивительными ясными глазами спокойно и пристально глядела на людей. Постепенно гриф ожил и стал делать попытки бросаться на проходивших мимо него людей. Еле увернулся от нападения рабочий Климов, затем Корнилов, наконец, вышла из палатки ничего не подозревавшая Лукьянова. Не успела она опомниться, как сип высоко подпрыгнул в воздух, клюнул ее в щеку и свалил с ног ударом крыльев. По-видимому, сип метил в глаз, но веревка не дала ему достать до цели. На вопль Марии Федоровны сбежалось чуть не все население лагеря. Я распорядился пристрелить птицу — отпустить ее, тяжелораненую, значило бы обречь на медленную и мучительную смерть. Однако убить сипа оказалось вовсе не так легко. Даже с простреленной головой гигантская птица продолжала жить, и окончательно добить ее удалось, только отрубив ей голову. У Лукьяновой кровь лилась из щеки ручьем — «поцелуй грифа» оказался довольно крепким. Больше всего пугало нас, что гриф за несколько часов до того лакомился падалью и на клюве у него мог оказаться трупный яд. Мы промыли щеку Лукьяновой всеми имевшимися у нас видами антисептики. Рана благополучно зажила, научив всех нас осторожности в обращении с грифами Гоби.

Наконец мы закончили съемку, и можно было предпринять серьезное обследование средней части Алтанулы, где было открыто Прониным неслыханное скопление скелетов. Тринадцатого июня в спокойный жаркий день мы спустились в котловину и направились на запад по тропе «Одиннадцати колодцев». У большого колодца Ойдул-худок («Многоводный колодец») красные глины, обнаженные на окружающих холмах, в ярком солнце казались пунцовым бархатом, щедро расстеленным по степи и собранным в пышные складки. Старая легин-гольская караванная тропа была легким путем для подъема на бэль, на высоту около двух тысяч метров. Кругом все — и желтые пески, и жестко торчащие кустарники —

выделялось четко и резко. Широкая тропа поросла редкими и жидкими пучками только что зацветшего ковыля. Перышки ковыля клонились и струились по ветру, создавая серебрящуюся и как бы текущую дымку над землей, будто тень воды на освещенном дне прозрачного потока.

По черному бэлю мы подъехали к огромной площади желтых размывов и ущелий Алтан-улы, похожей на Нэмэгэту. Только здесь глубина вреза была значительно большей. Мы стояли на краю отвесного обрыва высотой около ста метров. Снова сильное ощущение тайны и неизвестности овладело нами. Поодаль вздымалась отвесная стена ровного, как каменный забор, хребта, а ближе и вверху — глубокие ущелья и отвесные обрывы, ступенчато громоздящиеся друг на друге, — еще один лабиринт, скрывавший неведомые загадки.

Прежде всего надо было осмотреть «Могилу Дракона». Новожилов отправился обследовать обрывы к востоку, а мы с Прониным и Александровым спустились на дно глубокого сухого русла и направились напрямик к склону горы. «Напрямик» продолжалось каких-нибудь полкилометра, дальше мы начали петлять по руслам и переваливать хребтики, так как наш проводник Пронин старался укоротить дорогу. Идти было довольно легко: песок на дне сухих русел был плотным. Большие ящерицы — агамы сантиметров тридцать длиной, украшенные ярко-голубыми пятнами, — бегали по обвалившимся глыбам песчаника. Стены ущелий здесь были ниже нэмэгэтинских, зато самые ущельица более узки, и я не переставал с тревогой прикидывать ширину проезда для автомашины.

Скопище скелетов, открытое Прониным, произвело на нас большое впечатление. Плиты песчаника толщиной более полуметра и площадью с кузов автомашины лежали, перекосившись на широком уступе, а из-под них и на разломах торчали кости, кости и кости. Опытный взгляд палеонтолога быстро определял контуры скрытого в породе скелета. Отчетливо виднелся один скелет, необычайный по размерам даже для этих гигантских пресмыкающихся. Там, где почва вздымалась бугром и плиты переломались домиком, скелет лежал перевернутый на спину, завернув колоссальную голову под задние конечности второго скелета. Этот второй залегал на боку, сильно согнув спину, вытянув шею и подогнув под себя передние лапы, с восточной стороны уступа. Третий скелет как бы

огибал два других со стороны обрыва, слева, а четвертый, также гигантских размеров, лежал у песчаниковой стены, в глубине. Левее его, тоже у самой стены, лежали параллельно один другому два больших окремнелых ствола болотных кипарисов — таксодиев. Справа и слева в обвалах плит виднелись еще хвосты и ребра. Всего здесь было собрано в одну кучу шесть-семь скелетов утконосых динозавров — зауролофов, достигавших от шести до девяти метров в высоту в естественной стойке. Выветривание уже сильно повредило значительную часть костей. Краевые части плит рассыпались, и заключенные в них кости целыми каскадами обломков высыпались в боковые промоины и в сухое русло. Слева, на самом краю уступа, был сложен из обломков костей длинный холмик, напоминавший увеличенную могильную насыпь. словно неведомый богатырь был погребен рядом с могилой исполинских ящеров, захороненных здесь семьдесят миллионов лет тому назад. Место и в самом деле производило впечатление могилы исполинов, почему и было названо «Могилей Дракона».

Как бы то ни было, скопление костей представляло огромную ценность для науки. Несмотря на разрушение, здесь можно было собрать не менее двух-трех скелетов утконосых динозавров с черепами и всеми костями. Я пригласил открывателя «Могилы Дракона» Пронина сесть на высокий выступ песчаниковых плит, чтобы сфотографировать его. Внизу из камня частоколом торчали спинные отростки гигантских позвонков. На этих отростках Пронин и был увековечен для потомства. Вернувшись к краю бэля, где оставались наши машины и временный лагерь без палаток, мы обрадовались открытию Новожилова. Наш «Соколиный глаз» не уступил «Орлиному» и нашел всего в полукилометре от лагеря на «Красном утесе» скелет хищного динозавра. Отдельно в глыбе песчаника лежал череп горгозавра со стиснутыми челюстями и зловеще поблескивавшей кое-где эмалью загнутых назад зубов. Еще ближе к лагерю, почти у подножия «Орлиного утеса», Новожилов нашел второй скелет хищного динозавра крупных размеров, но сильно поврежденный.

Еще утром, отправляясь из лагеря, Новожилов видел крупного снежного барса — ирбиса, скрывшегося в направлении «Могилы Дракона». Этого подлинного хозяина здешних мест нам приходилось теперь выживать отсюда.

Вот и вечер при свете костра мы обсуждали новые открытия и планировали постановку раскопок. Казалось безнадежным попасть к «Могиле Дракона» на машине.

На следующее утро начались далекие походы. Пронин и я намеревались обследовать большую площадь обрывов и холмов западнее лагеря. После этого мы с Алексеевым и Прониным хотели сделать попытку разрыть автомобильную дорогу к «Могиле Дракона» на «Белле». Новожилов с рабочим отправился еще дальше в горах, туда, где вдали виднелись гряды красноватых обрывов. Путь через промоины, обрывы с крутыми подъемами и спусками оказался трудным.

День выдался очень жаркий даже для Гоби и совершенно безветренный. Знойно и душно было в узких оврагах, казалось, накапливавших неподвижный воздух. Как-то кусты вроде акации в полном цвету росли по одиночке в ущельях, как яркие, пахучие желтые шары по полтора метра в диаметре. Другие цветы, желтые и филовые, с высокими шишками соцветий (котовник) развили сильный и пряный запах вроде японских духов.

Мы с Прониным долго и безуспешно бродили по обрывам. Только в одном месте позвонок гигантского зурноода уходил в глубь склона. Убедившись в бедности палеонтологических остатков, решили вернуться в лагерь. К тому же нас дожимала жажда, а вода из фляжек давно была выпита. Обратный путь по тяжелому песку, под беспощадным солнцем показался особенно мучительным. Мы часто присаживались отдыхать, соблазняя друг друга воспоминаниями о Москве, где на каждом переборстке тележки с газированной водой и где есть прекрасные пивные с холодным, так хорошо утоляющим жажду пивом. Когда мы приблизились к лагерю и увидели, на какую высоту и крутую стену еще надо лезть, то испытали прямо-таки горе. Но лезть пришлось, и мы еле добрались до машин, где долго пили теплую гобийскую воду, показавшуюся нам лучше всякого пива.

Новожилов вернулся только к вечеру: над ним сыграла шутку гобийская прозрачность воздуха, сильно уменьшившая видимое расстояние.

Едва живые, оба несчастных путешественника начали подниматься на обрыв на четвереньках. Но я учел свой опыт и послал им навстречу рабочего с двумя полными фляжками воды. В общем у Новожилова было не больше успеха, чем у нас, чему я, признаться, даже обрадо-

вался. Из-за глубоких песков эти места почти недоступны для любого транспорта!

Попытка розысков дороги к «Могиле Дракона» на автомашине не увенчалась успехом. Почти все сухое русло под обрывом заграждали непроходимые пески. Пришлось признать, что к «Могиле Дракона» нет хода иным путем, чем тот, каким мы подъехали. Если бы у нас была лебедка, то можно было бы спустить вниз машину и на ней пробиваться по ущельям к «Могиле Дракона», а вывозимый материал поднимать на лебедке на верх плато, куда подходил проложенный нами автомобильный след. Но таким снаряжением мы не располагали, и материал можно было вывозить по руслу и наверх только на верблюдах. Стало быть, приходилось организовывать верблюжий транспорт.

Пятнадцатого июня мы вернулись в Центральный лагерь, а к вечеру этого же дня прибыл из Улан-Батора Рождественский на одной машине. У него отросла редкая козлиная бородка, придававшая ему сходство с китайским ученым и никак не гармонировавшая с невероятно широкополой шляпой. В Улан-Баторе Рождественскому пришлось ходить в пальто Шкилева, так как его собственное оказалось далеко запрятанным. Рост Шкилева достигал почти двух метров, так что пальто едва не волочилось по земле, и Рождественский с юмором рассказывал, как прохожие удивленно разевали рты при встрече с ним. Немудрено: белая шляпа, борода, теплое длиннейшее пальто в жару, конечно, производили эффект.

«Волк», загруженный бензином для Западного маршрута, остался ждать на дороге у колодца вблизи Ноянсомона. Другая машина — «Кулан» осталась в Улан-Баторе ждать Орлова, который телеграфировал, что вылетает из Москвы четырнадцатого июня. Теперь мне стало ясно, что Орлов не сможет принять участие в длинном маршруте. Подвергать его, еще не акклиматизировавшегося, всем невзгодам трудного пути было бы рискованно и неумно. Откладывать маршрут еще дальше мы не могли. Очень много работы по раскопкам оставалось в Нэмэгэту. Трезвый расчет привел к необходимости сократить Западный маршрут, оставив только южную его часть длиной в тысячу пятьсот километров.

Три последовавших затем дня были необычайно жарки. Мы заканчивали дела в Центральном лагере, писа-

и бесконечные инструкции остававшимся Эглону, Новожилову и Лукьяновой, собирали снаряжение в маршрут и спускали с круч оставленные до прибытия троса монолиты. Наконец настало последнее совещание и на следующий день на рассвете — выступление в путь-дорогу. Кроме уже поджидавшего нас «Волка», в маршрут шел «Дерен». Таким образом, два лучших шофера нашей экспедиции ехали с нами надежными помощниками в предстоявших трудностях. Провожал нас до Ноян сомон «Гарбаган» с грузом монолитов. На нем ехал Эглон, чтобы, используя нашего переводчика, договориться о найме верблюжьего транспорта.

Точный график автомобильных рейсов по вывозке коллекций, завозу бензина, леса, продовольствия мы составляли на месяц вперед. Вместе с Орловым приезжал находившийся в Улан-Баторе мой помощник по хозяйству Шкилев.

Двигок электростанции погиб. Отсутствие воздушного фильтра и ненадежная смазка клапанов привели к тому, что в песчаных вихрях Гоби маленький мотор оказался недолговечным. В не слишком бурную ночь мы раскладывали в сухом русле костер из саксаула и сидели вокруг него, беседуя и покуривая на сон грядущий. И в последний вечер перед нашим отъездом все собрались у костра. Корнилов напомнил о моем обещании как-нибудь рассказать о местонахождении Нэмэгэту, о динозаврах. Момент для этого сейчас был наиболее подходящий. Я начал рассказывать...

На том месте, где мы сидели, семьдесят миллионов лет назад плескались волны теплого моря. Едва видный берег находился в направлении хребта Нэмэгэту, еще дальше его на север. Воздух был жарким и влажным. В те времена на земле отсутствовали резкие климатические зоны, какие наблюдаются сейчас. Полюсы не имели громадных ледяных шапок, а следовательно, кольца пассатных ветров, который сейчас в северном и южном полушариях создают постоянные сухие ветры, были много слабее. Сейчас эти ветры лишают влаги широкие полосы суши и на пути пассатов проходят громадные пустыни. В северном полушарии — Гоби, Такла-Макан, Кара-Кум, Дешт-и-Лут, Аравийская пустыня, Сахара и так далее.

Но в меловом периоде все было по-иному. Отсутствие ураганных ветров позволяло расти гигантским деревьям

на мягких, полужидких болотных почвах. Самые материки в большей части низменные с плоскими, постепенно погружавшимися в море берегами. Отсутствовала резкая граница между мелководьем моря и затопленным, заболоченным берегом материка. Вода моря, вообще в те времена менее соленая, у берегов сильно смешивалась с пресными водами. Вероятно, и цвет морской воды был другим — серовато-зеленым, напоминавшим темную воду материковых болот. У нашего ночного костра в Гобийской полупустыне некогда находилось дно береговой зоны моря. По этому дну продолжались подводные русла огромной реки, разбившейся в прибрежных болотах на ряд рукавов.

Основная масса воды с большой скоростью устремлялась в широкое подводное русло, промывшее себе ложе в рыхлых песках мелководного моря. В это ложе подводный поток нес все те остатки погибшего населения материка, которые захватывались главным течением реки. Трупы исполинских ящеров, черепа и стволы деревьев вначале плыли совместно по воде. Особенно много их становилось в половодье, когда увеличивались сила и скорость течения. Но постепенно, разлагаясь, трупы теряли свою плавучесть, опускались на дно, некоторое время волочились течением по дну и, наконец, оседали на дне русла, там, где поток уже терял свою скорость — далеко от берега, вместе с песками, галечниками или глинами. Во время волочения по дну трупы, которые дольше находились в воде, начинали разваливаться. Течение разрывало их на куски, отделяло черепа, лапы, куски позвонков, которые и захоронялись вперемешку с целыми скелетами и костями от совсем рассыпавшихся трупов. Так возникло костеносное русло Нэмэгэту, где уже почти два месяца мы рылись, добывая документы прошлого нашей планеты.

Но что же находилось у неясной линии берега, откуда потоки сносили всю эту массу смертных останков жизни? Там жизнь должна была цвести очень буйно, чтобы в случайном захоронении дать столь громадное количество останков. Прибрежные болота материка отдавали в море массу органического вещества — истлевших частиц растительности. Эти вещества служили питанием для множества самых различных животных и, вероятно, паразитических растений вроде грибов. Широкие мелководья были очень богатыми источниками пищи, но толь-

то малое количество животных могло процветать здесь. Огромные приливные волны, свободно накатываясь из открытого моря, ходили здесь, сметая все живое, выбрасывая на берег плавающее, топя неплавающее. Для обеспечения этой богатой кормом области требовались особые, приспособленные к ней животные, и такие животные появились. Среди динозавров наиболее гигантскими размерами отличались зауроподы — величайшие наземные животные всех времен.

Зауроподы достигали в среднем двадцати пяти метров в длину. Четыре массивные лапы с чудовищными когтями обеспечивали им надежную опору на скользком подводном грунте. Очень длинная шея и такой же длины хвост не давали им тонуть на довольно значительной глубине — как раз на такой, на какую поднимали уровень воды большие приливные волны. Тяжелые кости ног, таза и хвоста делали животное устойчивым в воде, в то время как легкая подвижная шея с маленькой головой позволяла добывать пищу на большом расстоянии вокруг себя и на дне. Вес животного, достигавший пятидесяти тонн, и огромная мышечная сила обеспечивали победу над волнами. Чудовищные зауроподы размножились и расселились буквально по всему миру. Но к тому времени — к концу мелового периода, — в какое образовывались костеносные русла Нэмэгэту, материки стали более высокими. Громадные пространства мелководий сильно сократились, и зауроподы встречались гораздо реже, чем прежде, — в начале мела или в конце юры.

Действительно, в Нэмэгэту одна находка остатков зауропода приходилась на несколько десятков находок других динозавров. Эти другие — утконосые и хищные динозавры — обитали вдали от материкового побережья, там, где едва синела полоска низменного побережья, поднимались густейшие заросли болотных кипарисов. Угрюмые деревья с сильно расширявшимися книзу стволами, с жесткой, словно вырезанной из картона, зеленью теснились один к другому, образуя непроницаемую стену. Пестрые мхи, оранжевые и ядовито-зеленые грибы, лишайники и папоротники неряшливыми космами и растрепанными клочьями свисали с ветвей. Тяжкое, мертвое молчание царило в парном, застоявшемся воздухе страшного леса, тянувшегося на необозримые пространства вдоль берегов материка. Глубокие каналы с черной, непрозрачной водой там и сям прорезали гроз-

ные стены деревьев. Кое-где каналы и протоки расширились в заросшие густой болотной растительностью пруды или озера. Здесь, под защитой могучих лесов, пользуясь обильной растительной пищей, обитали утконосые динозавры. Название этих ящеров возникло оттого, что морды у них были уплощены и расширены. Покрытые роговым чехлом, они были очень похожи на утиный клюв. Огромное количество зубов — по пятьсот в каждой челюсти — у этих животных сливалось вместе, образуя в верхней и нижней челюстях четыре длинных и толстых зубных гребня с заостренными эмалевыми краями. Челюсти утконосых динозавров превратились, таким образом, в очень прочную сечку или сломорезку и могли обеспечить гигантское животное нужным количеством размельченной растительной массы. Запасные зубы, нараставшие все время снизу, с внутренней стороны заменяли стиравшиеся. Это стало необходимо, потому что истирание от растений, захватывавшихся вместе с песком и илом, было очень сильным. Утконосые динозавры, или траходонты, ходили на задних ногах, но только в воде. Слабый таз, не соответствующий чрезвычайной массивности костей задних ног, говорит о том, что животное не могло передвигаться на суше в вертикальном положении. Траходонты ходили по дну глубоких протоков, поддерживая равновесие с помощью сильных передних лап, снабженных плавательными перепонками и приспособленных к гребному движению.

За зоной глубоких болот побережья располагались леса других деревьев — родственников современных магнолий. Там на более возвышенной, хотя все еще влажной, почве обитали гигантские хищники. Они тоже ходили на задних ногах, подпираясь могучим хвостом, как и утконосые динозавры, но не в воде, а по суше. Вместо копыт, характерных для утконосых динозавров, у них были трехпалые, очень похожие на птичьи лапы с кривыми острыми когтями. Передние конечности создавали невыгодный перевес передней части тела, и они очень сильно уменьшились, обратившись в крохотные двухпалые лапки. Зато голова сделалась основным орудием нападения. Огромная пасть, усаженная кинжаловидными загнутыми зубами до тридцати сантиметров в длину, позволяла животному справляться с любой добычей, разрезая и отрывая громадные куски мяса. Череп для облегчения веса стал ажурной конструкцией наподобие мостовой фермы.

Достигли четырнадцати метров в длину и пяти метров высоты на ходу, эти исполинские хищники, карнозавры, могли развиваться и процветать только при наличии considerable массы малоподвижной и крупной добычи. Таковой добычей могли быть утконосые динозавры. Выходя на обширные участки берегов для кладки яиц или находясь вместе со своим молодняком в неглубоких болотах, утконосые динозавры становились жертвами хищников. Правда, гиганты, найденные нами на «Могиле Дракона», достигавшие почти девяти метров высоты, могли не бояться никаких хищных чудовищ.

По ту сторону магнолиевых лесов, там, где на сравнительно сухой почве росли цикадовые растения и рощи серых гинкго, обитали другие жертвы исполинских хищников — карнозавров. Они не могли укрываться в черные глубины недоступных лесных проток, как утконосые динозавры. Они должны были противостоять карнозаврам на твердой почве в открытом бою. Одни из них — панцирные динозавры, или анкилозавры, — развили защитную броню. Это были настоящие живые танки по десять метров в длину, покрытые костными плитами в ладонь толщиной, с головой и хвостом, усаженными опасными шипами. Хищные динозавры могли справляться с ними, только перевернув такое животное на спину. Другие динозавры — обитатели открытых пространств — приспособились к активной защите. Появились рогатые, быкообразные ящеры, больше самого крупного современного носорога. Черепа наибольших видов достигали почти двух метров длины. Снабженные острыми роговыми клювами и могучими рогами над ноздрями и над глазами, с широким, усаженным шипами костяным воротником, прикрывавшим шею, эти животные — цератопсы — были наиболее фантастическими и страшными созданиями из всех динозавров. Были однорогие, трехрогие и даже пятирогие цератопсы, а также стиракозавры, обладавшие вместо костяного воротника веером из длинных шипов на затылке. Тупые, упорные и невероятно живучие, они направляли навстречу гигантским хищникам острые двухметровые рога. Сколько сцен борьбы молчаливых пресмыкающихся разыгрывалось в угрюмых чащах и на солнечных полянах этого навсегда канувшего в прошлое мира. Здесь же, среди рогатых и панцирных динозавров, спасаясь от хищников на деревьях или в норах, жили древнейшие млекопитающие, более всего походившие из

современных животных на ежа (без иголок) или сумчатого опоссума. Здесь жили и еще какие-то быстрые животные — может быть, птицы, может быть, крупные насекомые. За ними гонялись мелкие хищные динозавры, очень легкие бегуны и прыгуны, бегавшие на задних ногах, с высоко поднятыми хвостами. Эти орнитомимиды, или птицеподражатели, были величиной с современного страуса.

В костеносном русле Нэмэгэту находилось больше всего остатков обитателей мрачной зоны прибрежных лесов, а также области, населенной хищниками. Остатки обитателей более глубоких областей материка почти не доходили сюда, в русло Нэмэгэту, и поэтому мы ничего не знали о жизни на сухой почве за полосой магнолиевых лесов. Только один раз, среди всех остатков динозавров, нам попало несколько костей огромного панцирного ящера. Чаще встречались скелеты мелких хищников, видимо, нередко забегавших в области охоты крупных карнозавров. Остатки других животных — черепах и крокодилов — подтверждали, что главная масса животных, захороненных в Нэмэгэту, обитала в болотной прибрежной зоне. Здесь были и такие типичные обитатели болот, как триониксы и огромные черепахи морского облика, и поразительный ящер с когтями-косами — терезинозавр, очевидно, тоже житель морского берега.

...Беседа о прошлом Нэмэгэту затянулась за полночь, и тут мы все спохватились, что на рассвете — отправление в дальний путь. Только золотистые уголья, присыпанные белым пеплом саксаула, остались от костра. Черная масса Нэмэгэту громоздилась над нами, упираясь в звездное небо, и словно напоминала о настоящем — высокогорной пустыне, безмерно далекой от всякого моря, в центре горных хребтов Азиатского материка...

Глава четвертая
УЗКАЯ СИНЯЯ ГОБИ

*Высокое небо — отец мой.
Широкая земля — мать моя!*

Старая поговорка

Пэмэгэту провожало нас тяжелым зноем. Моторы машины перегрелись на бесконечном подъеме на южный борт котловины. К роднику Даба мы добрались уже сильно распаренные. Хитроумный Пронин приколол к кузову своей машины большой вместительности ручной насос. Налив в него прохладной воды из родника, шофер разделся и полез спиной под клапан, издавая нечто среднее между ревом удовлетворения и визгом страдания. Мы решили проблему душа более просто, а именно — стали на берег ручейка и попросил окатить меня с головы до ног из обыкновенного ведра...

Только к вечеру доползли до колодца, где стоял «Волк». Грузенный монолитами «Тарбаган» дымил, перегревался и едва шел — пора было срочно менять кольца. Вылежанин, стоявший здесь уже третий день, отоспался и отъелся. Его густая раздвоенная борода распушилась, и узкое «старообрядческое» лицо приняло совсем профессорский облик. Из всей экспедиции больше всех был похож на ученого именно Вылежанин. Пронин, отрастивший себе короткую черную бородку, походил на русского боярина с примесью татарской или цыганской крови. В общем эти два наших шофера имели наиболее картинный вид и, несомненно, годились бы в персонажи любого приключенческого фильма.

Мы остановились на ночлег здесь же, у колодца. Я хотел оттянуть еще на день выезд в маршрут в надежде, что пойдет из Улан-Батора «Кулан» с Орловым. Исполинские кубические массивы гор «Трех Чиновников» высились над нами, и я долго бродил среди обрывов пермских песчаников и конгломератов, которые их слагали. Дедон притащил несколько кусков окаменелых деревьев. Это были уже не болотные кипарисы и не магнолии мелового периода. Стволы принадлежали кордаитам — странным деревьям, родственным одновременно папоротникам и хвойным. Двести тридцать миллионов лет тому назад необъятные кордаитовые леса покрывали материк от Таймыра до юга Африки. Кордаитовая «тайга» шу-

мела на месте Кузнецкого бассейна и Средней Сибири. Немалая доля огромных запасов угля этих мест образовалась за счет этих деревьев.

Мы двинулись в сомон и прямо на дороге, у «Опасной пропасти» и на откосах холмов, обнаружили множество мелких кристаллов горного хрусталя, очень чистых и прозрачных. В первый раз мы ехали здесь днем и в неистовом гобийском солнце сразу заметили их сверкающие огоньки...

Дорогой я думал о том, как неприятно выехать к какому-нибудь колодцу из чистой просторной пустыни. Вокруг колодца все затоптано, выбито, загажено скотом. От удушливого зноя еще противнее становится запах мочи и жужжание назойливых мух. Гобийские араты совсем не умеют бережно обращаться с водой и колодцами. Если сопоставить с этим необычайно строгие законы о содержании воды и колодцев в чистоте у арабов, которые уже свыше четырех тысяч лет являются обитателями Аравийской, а позднее и Северо-Африканской пустынь, то станет понятным, что монгольский народ, по существу, — недавний обитатель пустынной местности. По всей вероятности, он формировался в основном в степной или лесостепной местности типа Хангая или нагорий южной части Внутренней Монголии...

В сомоне было безлюдно. Школьники разъехали, отравились по кочевьям и все работники сомонных учреждений. Нас встретил со своей обычной широкой улыбкой худой, слегка сутуловатый заведующий школой. Вечером, за ужином, он рассказывал нам все, что знал о достопримечательностях окрестностей сомона. Недалеко от вулкана Ноян-Богдо есть древние рисунки на скалах, изображающие архаров и янгеров (козерогов). В пятнадцати километрах к юго-востоку от Сэвэрэй сомона на плоской равнине стоят два огромных обтесанных белых камня с какими-то надписями, похожими на европейские буквы. Вероятно, это были рунические надписи древних тюркских народов.

Прогуливаясь вечером, я всего в трехстах метрах к югу от школы обнаружил маленький десятиметровый вулканический конус, заросший полынью и покрытый на верхушке кусками пузырячатой лавы. Восточнее стояли еще два конуса, около шестидесяти метров высоты. Оказалось, что наши с Громовым предположения 1946 года были правильны. Мы находились в области древних по-

сухих вулканов. На отрогах горы Хугшо я наблюдал по меньшей мере три вулканических конуса, затем — трехсотметровый гигант Ноян-Богдо, и здесь, около озера, было четыре или пять разной величины конусов. Сейчас не осталось никаких следов древних извержений. Склоны вулканов покрылись песком, и горячий ветер высушил росшими на их склонах колючками. Только остатки полуразрушенных кратеров и столбчатые стены лавовых массивов говорили взгляду геолога о когда-то происшедшем здесь огненном дыхании глубин земной коры.

Нам дали тридцать верблюдов с двумя опытными водителями, и мы закупили в местном кооперативе больше полукилометра крепчайших веревок из конского волоса, чтобы сделать сетки для вывозки больших и тяжелых плит песчаника с «Могилы Дракона».

Все было готово, а «Кулан» из Улан-Батора так и не пришел. Я написал несколько лишних страниц инструкций и телеграмм и отдал распоряжение об отправке машины. Мы простились с нашими товарищами и завели моторы. Ехавшие с нами рабочие (только двое) Коля Бригси и малорослый проворный Кеша Сидоров поспешно полезли наверх, в кузов «Дзерена». Машины начали выезжать из двора, как вдруг появился неистово размахивающий руками директор школы. Его длинные ноги путались в полах на ветру, но сигнализация рукавами дошла до нас. Мы остановились и заметили мелькнувший на той стороне распадка силуэт крытой машины. Кроме наших, во всей Великой Гоби не было больше машин, покрытых, как фургоны.

Это был «Кулан». Горбоносый профиль Орлова издавка виднелся в окне кабины. Сверху прыгнула длинная фигура Шкилева в черном костюме и белоснежной никейной рубашке. Случайно первым подоспел к машине Иван-Козлиный, который был, пожалуй, на сантиметр выше Николая Абрамовича, и оба наших гиганта принялись трясти друг другу руки. Замечательное зрелище!

Через несколько минут состоялось запоздалое свидание, молниеносный «банкет» с улан-баторскими деликатесами, обмен новостями и беглый просмотр привезенной почты. Бедный Юрий Александрович очень огорчился, узнав, что ему не придется участвовать в Западном маршруте, но наши доводы показались ему благоразумными. В половине второго двинулись все четыре машины:

«Тарбаган» с «Куланом» нырнули в беспорядочную толпу холмов и хребтиков, направившись к Нэмэгэту, а «Волк» и «Дзерен» пошли налево, на юг, к развалинам монастыря Оботу-хурал («Курганный»).

Дорога шла по сухим руслам, стесненным грядами складок пермских отложений. Мощные слои покрытых пустынным загаром песчаников топорщились, как чудовищные ребра, а пачки углистых слоев между ними выглядели зияющими темными провалами. У полуразмытых глинобитных стен Оботу-хурала мы неожиданно встретили улан-баторского знакомого, заместителя министра товарища Ж. Самбу, в настоящее время — Председателя Президиума Великого народного хурала республики. Этот худой седоватый человек был знатоком Гоби и всего, что касалось скотоводства и кочевой жизни. Его книга «Советы арадам-скотоводам» пригодилась и нам. «Выбирай место для юрты в полдень», «Чем темнее вода, тем она чище», «Вход в загон поворачивай на юг — ветры оттуда редки» — подобные советы, исполненные мудрости вековых наблюдений монгольского народа, оченьгодились и для нас — гобийских путешественников.

К сожалению, времени для продолжительной беседы не было ни у товарища Самбу, ни у нас. Отведав угощения, мы простились и поехали на запад, прямо на заходящее солнце. Мелкие кустики ириса на черной щебнистой равнине золотились в лучах заката, и вся местность казалась залитой струящимся золотом. Свободные от растительности прогалины выделялись черными озерами, а дорога была подобна реке густого черного цвета.

Два дня мы ехали на запад по наклонным равнинам Эдзугэй-Гадзыр («Безлюдная земля») — гигантской пустоши, уходящей в пределы Китая. Ровные гряды, разрезанные узкими промоинами, покрывал сплошной панцирь черного щебня, сверкающий на солнце. Очень редкие маленькие пучки солянки — нитрарии были единственной растительностью на этих огромных, безжизненных, накаленных солнцем полях. Тропа шла по широкому плоскому бэлю хребта Тосту, изборожденному тысячами мелких промоин. Местами по дороге тянулись черные полосы углистых сланцев: мы шли все время по простиранию почти стертых гряд круто падающих пермских пластов. Удивляли невиданные раньше высоченные холмы песка, покрытые порослью тамариска. Так же непривычны мокрые низины с солончаками, которые okay-

и очутились группами разнолистных евфратских тополей, а иногда даже ив. Между голых холмов внезапно появилась лощина с обширным полем зеленой травы, высоким дерисом и рощицей тополей. Но уютная лощина оказалась опасной ловушкой для машин: сверху пухлая, снизу мокрая и скользкая глина. Деваться было некуда. Стиснув зубы, Пронин дал полный газ и ринулся вперед по большим кочкам. Машина с ревом запрыгала, точно мячик, отчаянно дергаясь и пробуксовывая, но все же мы выскочили.

За лощиной тропа вошла в небольшое ущелье, и мы увидели Хубтин-обо — гигантское обо с цоколем из крупных каменных глыб, сложенных попеременно с полуположенным саксаулом на верхушке маленького холма. По преданию, здесь был закопан тибетский клад — восемьдесят верблюдов серебра. Однако раскопка такого громадного обо, видимо, была непосильной задачей для чуживых кладонискателей. У нас на кладонискательство тоже не было времени, и мы двинулись дальше по еще более безжизненным черным равнинам. Вдали показался кулан, быстро свернувший в сторону. Крупные фаланги бстали прямо днем по дороге, и Пронин старался казнить мерзких тварей могучими колесами своего «Дзерена».

По обе стороны нашего пути шли гряды черных голых конусов, а между ними слегка поднимающаяся в стороны голая черная равнина — поразительное зрелище полной черноты. Отсвет этих черных пространств лег на небо, и его потускневшая синева приняла железный отблеск. Я не раз встречал это гобийское железное небо и пути по черной Гоби. Впереди большим серовато-паченым блюдом раскинулся обширный такыр. Огромная туча закрыла солнце на западе, и тотчас картина сверляющей черноты вокруг резко изменилась. Щебень и склоны ближних гор стали темно-фиолетовыми, дальние зубцы за ними — светло-лиловыми, гигантская тень погрузила даль в темно-серую пелену. Только слева от тучи осталось озеро серебряного света, в котором плавали зогорящиеся небольшие облака. От озера на фиолетовое поле щебня легла блестящая дорожка. Мы находились как будто на дне зловещей фиолетовой бездны, из которой только впереди и вверху было окно в сияющий светлый мир. Под колеса машины легла совершенно ровная и гладкая глинистая поверхность светло-кофейного цвета.

Местами, без трещин, глина была матовой, как неглазу- рованная керамика, или же, растрескавшаяся правиль- ными шестиугольниками, блестела на солнце, как метлах- ские плитки. Мы мчались здесь со скоростью семьдесят километров в час, пока не въехали в душную котловину между гор Ухур-Улан-ула («Красная корова — гора», то есть большая гора).

В ущелье были тысячи цикад, нахально залетавших сквозь открытое лобовое стекло в кабину. Мы с Прони- ным на нашей передовой машине все время опасались, что эти крупные, тяжелые насекомые вышибут нам с хо- ду глаза, и низко нахлобучили козырьки фуражек. Весь день мы шли при попутном ветре с невыносимой жарой в кабинах от перегретых моторов. От сильной тряски все внутренности, казалось, оторвались и колотились внутри. Рождественский к концу дня стал жаловаться на боль в спине. Я осмотрел его и обнаружил, что вдоль позвоночника у него на пояснице была содрана вся ко- жа от толчков о спинку сиденья. Рождественский распла- чивался теперь за свою худошавость, помогавшую ему лазить по горам в жару. Мы взобрались на обширное, изборожденное сухими руслами плоскогорье и поехали на довольно значительной высоте.

Ночевали, поставив койки прямо посредине черной равнины, около машин. Ночью налетела гроза. Ослепи- тельный свет непрерывных молний проникал даже в спальный мешок, куда я забрался с головой, покляв- шись промокнуть, но не вылезать. Под утро в полусне я почувствовал, что умираю. Что-то лежало на мне, ду- шило, давило, не позволяя дышать. Я стал дико бры- каться и бороться. Через несколько секунд с вылуплен- ными глазами, хватая воздух ртом, я опомнился на сво- ей койке. Оказалось, что кто-то укрыл нас с Рождествен- ским огромным брезентом, чтобы защитит от дождя. Взошедшее солнце нагрело брезент, и мы оказались в не- вероятной духоте. Рождественский с его здоровым серд- цем продолжал спать, а я едва не задохнулся.

Мы продолжали наш путь к юго-западу, держа курс на массив Сэгсэг-Цаган-Богдо («Торчащая белая свя- тая»), самую высокую гору в Южной Гоби. Здесь, в не- доступных пещерах, обитал гобийский медведь — почти вымерший подвид медведей. Это животное видели в 1943 году советские исследователи Э. М. Мурзаев, А. А. Юнатов и А. Б. Банников во время своего путе-

ности по Заалтайской Гоби. По мере приближения к долине Цаган-Богдо сухие русла стали глубокими и дорога перешла в непрерывные крутые подъемы и спуски с опасными косогорами. Вождение тяжело нагруженных машин превратилось в высший пилотаж. Наши машины «пикировали» на дно очередного русла, затем почти свечой взлетали вверх с отчаянной форсировкой моторов, иногда бросаясь в сторону, на косогор, когда подъем становился непосильным. Менее опытному водителю здесь было очень легко опрокинуться.

От родника Бильгиху мы повернули на юг, огибая с востока массив Цаган-Богдо. Здесь мы обнаружили ущелья и овраги в красноцветных меловых отложениях и даже нашли редкие обломки костей динозавров. Но никаких крупных скоплений ископаемых остатков не было. Мы обогнули Сэгсэг-Цаган-Богдо, пересекли горы Хуху-Сууни-нуру («Хребет Голубых Источников») и спустились в огромное сухое русло, твердое и поросшее гигантским саксаулом. На переднем плане возвышались охристо-рыжие холмы, за ними — рыжие со смоляными пинами и еще дальше — чернo-смоляные пирамиды и конусы гор Тумуртин-Хуху-нуру («Железистый Голубой хребет»). Сухое русло спускалось вниз, к югу, к Китаю, куда сбегали от окружавших нас гор наклонные равнины. Там впереди, среди моря низкого и тощего саксаула, возвышался черным загадочным островом горный массив Хитун-Суудал («Седло госпожи»). Слева тянулась обширная область размывов рыхлых желтых пород, в которых Намнан Доржу и Рождественскому удалось найти кости динозавров. Мы остановились на ночлег прямо в русле, чтобы утром предпринять более подробное обследование. Здесь, в высоком саксаульнике, было уютно после жарких, мертвых равнин и голых скалистых ущелий. Мы как будто бы находились в лесу. Пламя большого костра отбрасывало веселые блики и резкие тени от фантастических изгибов саксаульных стволов. Я закурил и стал записывать впечатления пройденного пути. Горы здесь протянулись на сотни километров скопищем конусов, узких и широких, острых и тупых, возвышавшихся по обеим сторонам нашей дороги. Конусы черные с блестящими склонами, словно облитые жидкой смолой, некоторые из них вытянутые в ширину и увенчанные, словно капорами, черными веерами голых скал. Только грозный Сэгсэг-Цаган-Богдо высился сплошной массой, будто

мрачный греческий собор со множеством плоских куполов.

Поразительная безжизненность черных равнин, наклонно скатывавшихся на юг, к центру Черной Гоби, местами перемежалась с оазисами разнообразной растительности, совсем иной, чем в унылой котловине Нэмэгэту. Гордо и прямо стояли рощицы евфратского тополя, не сгибаясь под ветром, и только буйно шумели густой листвой. Как приятен был звук лесного шума с его какой-то первобытной мощью после резкого, наглого или жалобного свиста и воя пустынных ветров! Евфратский тополь — стройное дерево с могучим стволом и очень светлой чешуйчатой корой. Листья на одном и том же дереве разные — одни круглые, другие узкие, как у ивы.

В сухих руслах по краям росли мелкие кустики, сплошь усеянные ярко-оранжевыми цветами. В середине русел островками попадался сочный баглур с совершенно малахитовым цветом зелени. Широкие малахитовые шапки красиво выделялись на сером песке русел, окаймленных рядами оранжевых кустиков и полосами черной щебенки. Изредка встречались цветущие желтым кустики арнебии, похожие на золотые короны, нечаянно брошенные на гальке и песке сухих русел.

Цвели тамариски. Почти голые стебельки их соцветий были густо усеяны шариками сиреневых или розовато-фиолетовых цветков величиной с просыное зерно. Красива была и серовато-зеленая тонкая листва тамарисков, огромные пушистые кусты которых колыхались под ветром в сухих руслах. Здесь, в этой Гоби, были распространены ковыльки. Они росли пучками или щеточками, больше всего похожими на большие малярные кисти, очень светлого и чистого желтого цвета. Такие пучки выделялись четко на голых щебнистых черных буграх и придавали им комичный вид оплешивевших голов. Ковыльки растут всегда редко — рядами пучков разбегаются они по красным глинам и черной щебенке. Но в сухих руслах ковылек дает резко обособленные светло-желтые полосы, контрастирующие с темной сочной зеленью солянок и багура или сероватой листвой полыни.

Новыми, невиданными ранее для нас были оазисы водоносных участков сухих русел, густо поросшие зеленой травой, тамарисками, евфратскими тополями и даже ивами. Но эти места были предательской ловушкой для машин: как правило, внизу, под травой, нас подстерегала

была мокрая глина. При малейшем недосмотре машина могла завязнуть очень серьезно. Поверхность здешней Гоби не благоприятствовала передвижению на машинах. Под панциря черного щебня здесь проглядывал не песок, как в Нэмэгэту, а рыжая пухлая глина. Такие места напоминали равнины по северной окраине Гоби, с той разницей, что тут они находились в горной местности. Быстрое движение по щебнистым равнинам в сторону от гор здесь труднее, чем в привычной «нашей» Гоби. Еще более неприятное впечатление производили плоские бугры у подножия гор, сложенные, видимо, корой выветривания. Они были покрыты толстой глинистой коркой с серыми выцветами солей, словно большими пятнами плесени на развалинах сгнивших гор. Ноги проваливались сквозь корку, вздымалась едкая соленая пыль — в жару и безветрие эти предгорные уступы казались тленом земли.

Западнее Цаган-Богдо мы вступили в область светло-серых выветренных сланцев, на солнце принявших густой голубой цвет. Сланцы прорезались ущельем, по долину которого шли наши машины. Странное впечатление оставляли мягкие очертания склонов и промоин, как будто обтянутых голубой тканью, после жестких, колючих, ошестившихся гобийских гор...

Записи образцов, снимков и рассмотрение карты были закончены уже после ужина. Луна поднялась высоко над сухим руслом. Ветер стих. Абсолютная тишина царила кругом — ничего живого, как и за сотни километров пройденного сегодня пути, не было слышно или видно. Резкие, искривленные тени высокого саксаула извивались на стальном песке. Я посмотрел на юг. Беспредельный простор огромной равнины плавно погружался вниз, туда, где на горизонте лежала, уже в пределах Китая, какая-то большая впадина. Повсюду, насколько хватал глаз, недвижно торчали исполинской щеткой причудливые в лунном свете серые стволы — море зарослей саксаула. Прямо передо мной, отливая серебром на кручах каменных глыб, в расстоянии десятка километров высился массив Хатун-Суудал. В океане призрачного одинообразия, безжизненности и молчания массив казался единственной надеждой путника, местом, где можно было встретить каких-то неведомых обитателей этой равнины, широко раскинувшейся под молчаливым небом в свете звезд и луны.

Я долго стоял, стараясь сообразить, как окружающая обстановка, отражаясь в мозгу человека, вызывает в нем строго определенные представления. Впрочем, проверить свои ощущения на ком-либо другом не было возможности — мои товарищи давно спали.

Утреннее исследование окружающих красноцветом привело к новым находкам. Намнан Дорж нашел обломки ребра и большой позвонок, я и Рождественский — еще несколько кусочков костей. Итак, местность, несомненно, была костеносной и заслуживала в будущем подробного исследования. В то же время ничего похожего на сказочные палеонтологические сокровища Нэмэгэту или Восточной Гоби здесь не было и в помине. Закончив предварительное обследование, мы двинулись дальше и быстро подъехали к черному Хатун-Суудалу. Вблизи гора оказалась скопищем развалившихся скал диоритового порфирита, черных и блестящих от пустынного загара. Ни одной былинки не колыхалось между камней, ни ящерица, ни насекомое не нарушали оцепенелой неподвижности каменных масс. Только столбы и струи нагретого воздуха поднимались там и сям над скалами. Черные камни будто растоплялись, принимая зыбкие, колеблющиеся очертания. Местами солнечные лучи как бы дробились в восходящих токах воздуха, и тогда призраки, огромные и едва заметные или маленькие, слепленные из густого тумана, колыхались, дрожали и кланялись над развалинами мертвых камней. Могучее солнце Гоби смогло сохранить завесу тайны над массивом Хатун-Суудал даже в ослепительном свете дня.

Долгий скат окончился, и мы пошли по межгорной равнине, между двумя параллельными хребтиками. Левый, или южный, называвшийся Цохио-Балынь («Медовая высокая скала»), был сложен какими-то красными породами. Правый, безымянный низкий хребтик, — черными. В точном соответствии с высотой гор большая часть межгорной равнины (около четырех километров) была покрыта сплошным красным щебнем. У северных черных гор узкой полосой, не более километра ширины, тянулся черный щебень. Я пожалел, что со мной не было профессора Громова: настолько неопровержимо в этой как бы нарочно созданной самой природой лаборатории доказывалось происхождение щебнистого покрова гобийских впадин из продуктов разрушения гор. Наш старый спор 1946 года разрешился.

Жара все усиливалась, поверхность красной равнины была изрыта мелкими промоинами. Беспрестанные точки и броски машины сегодня как-то особенно раздражали. Незаметно красный щебень сменился черным, и мы спустились на дно небольшой впадины, занятое такыром. По его серой цементной площади мы понеслись со скоростью семидесяти километров, сразу обогнав попутный ветер. Внезапно из какого-то оврага, слева, выскочили дзерешиха с двумя маленькими дзеренятами приблизительно двухмесячного возраста. Но эти крохотные существа неслись впереди машины с той же скоростью, что и мать. Ни один из ярких охотников, сидевших наверху, не поднял винтовки. Все, не исключая и Пронина, гикали, свистели и орало: «Дура! Сворачивай!» Не хотелось останавливать только что разбежавшуюся машину и было жалко маленьких зверей. Вдруг один дзеренок на всем ходу перекувырнулся через голову, встал на ноги и побежал дальше. Тут мать, видимо, поняла, что бегством не спасешься, и повернула в сторону. Укоризненные слова полстели ей вслед, машина мелькнула мимо.

За такыром мы въехали в низкие островные горы Хира-Хяр («Черный Гребень»), или Хар-Хон-Хере (горы «Черного Ворона»). Сплошной покров щебенки без следов растительности здесь был настолько плотным, блестящим и черным, что казался иссиня-черным. Щебнистое плато переходило в такие же откосы, а те — в округлые гладкие низкие горы. Все было как бы отлито из единого куска синевато-черного металла. Именно к таким горам применим специфически монгольский эпитет — харбаран — «ярко-черный». Только под ослепительным солнцем и чистым небом может быть такой черный цвет! Группы холмов, ошетиленных черными каменными щепками, похожими на изрубленные гигантские пилы, сторожили выход из гор «Черного Ворона». Отсюда начиналась огромная Номин-Гоби («Лазоревая Гоби»).

Сразу открылась область развития светлых гранитов — спокойная холмистая равнина: низкие белые бугры, вокруг них слой белой гранитной дресвы. Белый цвет обладал желтоватым кремевым оттенком, а потому казался мягким. Дальше шли гранитные конусы, иногда острые, иногда округлые и широкие, к середине просекаемые одной или несколькими черными жилами. Конусы местами приобретали овальные (в плане) очертания — перед нами как бы застыло стадо белых зверей

с черными полосами на спинах. Левее и ниже, на спускавшейся к югу наклонной равнине, среди океана мелкого саксаула мы заметили какое-то животное, медленно двигавшееся налево от нас. Расстояние было слишком велико, а наши бинокли слишком слабы, чтобы рассмотреть животное в мареве нагретого воздуха. Видно было, что оно серого цвета и крупных размеров. По предположению Намнан Доржа, это был дикий верблюд. Действительно, по размерам животное не могло быть никем иным, кроме верблюда. В этой совершенно пустынной и безводной местности не было ни одного арата, и верблюд вряд ли мог быть домашним, хотя, конечно, он мог оказаться одичалым.

Прямо впереди на западе острым конусом высилась гора Атаc-Богдо («Святой отец»). Этот массив запирает нам дальнейший путь на запад, к восточной оконечности Джунгарской впадины, но теперь мы не собирались туда. Мы должны были повернуть отсюда к северу и выйти к южным отрогам Монгольского Алтая. Там пролегла старая дорога, по которой мы рассчитывали легко добраться до огромного хребта Ачжи-Богдоин-нуру («Хребет Святого господина»), находившегося близко от юго-западных границ республики, обследовать бэли этого массива, а также впадину Хони-Усуни-Гоби («Гоби Овечьих источников»).

Уже давно, изучая карту будущего маршрута, я обратил внимание на невероятную крутизну обрывов, обозначенных невиданным сгущением горизонталей в ущелье, через которое шла на север старая вьючная тропа. От колодца Цзамиин-Бильгиху («Дорожный Закупоренный») с отвратительной, насыщенной гипсом и горькой солью водой мы начали углубляться в ущелье по дну широкого сухого русла, поросшего веселыми округлыми кустами караганы. Велико было наше удивление, когда вдруг мы пересекли след двух автомашин — одной маленькой «ГАЗ-67» и трехтонки «ЗИС». Как выяснилось впоследствии, машины прошли здесь на Баян-Ундур сомон («Богатый Высокий сомон»). Это до крайности обрадовало нас, потому что след автомобиля на гобийском бездорожье — это рука друга, протянувшаяся на десятки километров безвестного пути.

Колоссальные отвесные обрывы обступили нас. Прорезанные черными полосами вертикальных жил, они создавали впечатление какой-то человечески упорядочен-

ной работы, особенно если рядом шли две параллельные
жизни. Жаркий день заканчивался прохладным вечером.
Никакие тучи не ползали с северо-запада. Пятнадцать ки-
лометров мы ехали по дну ущелья, и горы становились
все круче, выше и теснее. Серый песок сухого русла
вдруг потемнел, став влажным. Поворот — и внезапно
среди грозных, совершенно голых скал раскинулись заросли
высокого камыша. Кусты цветущих тамарисков
окаймляли камыш справа, а слева, вдоль стены ущелья,
опулась роща толстых евфратских тополей с раскиди-
стыми кронами. Так неожиданно возникло это царство
буйной растительности, заключенное в стенах мертвых
гор. И сразу — движение и звуки жизни: волны ветра
по камышу и особый гордый шелест евфратского тополя!
Но вместе с радостями шли и неприятности жизни: тьма
кусачей мошки набросилась на нас, и ее жажда крови
умерялась лишь порывами ветра. Отборные клещи и
крупные фаланги поползли к нам. Сырая и вязкая почва
под ногами была непривычной для нас после абсолютно
сухой почвы Гоби. Здесь находился знаменитый по ка-
чествам своей воды родник Шара-Хулусуни-булак
(«Желтый камышовый ключ»), и здесь нам предстояло
полюбовать наш запас (во избежание всяких случайностей
машины несли тонну питьевой воды), потому что
дальше, на протяжении свыше двухсот километров, не
предвиделось сколько-нибудь сносных колодцев.

На следующее утро мы направились к северному
концу ущелья. Там роща одинаковых по возрасту и ве-
личине тополей дружно поднимала свои ветви, сплетая
их вверху, как руки, для совместной борьбы против на-
пора дикого и злобного ветра Заалтайской Гоби. Ущелье
широко раскрывалось, разбегаясь бесчисленными про-
моинами. Огромными ступенями горы опускались к впа-
дине Нарин-Хуху-Гоби («Узкая Синяя Гоби»). Эта впа-
дина — одна из самых глубоких в Гобийской Монголии
с абсолютной высотой семьсот метров. Мы рассчитывали
найти здесь поздние геологические отложения, которые
рассказали бы нам о последних этапах существования
индусской суши, — например, о верхнетретичной эпохе.

Мы спускались и спускались вниз, навстречу сильному
ветру. Тут произошло несчастье. На одной из остановок
ко мне подошел Вылежанин и сообщил, что в моторе
«Волка» прибывает масло. Обычно спокойный и насмеш-
ливый, сейчас Вылежанин был бледен и сильно волно-

вался. Дело было плохо: значит, в картер машинным поступает вода из пробитой прокладки блока. Действительно, масло сбилось в густую, комковатую пену. Мы вылили его, заменили свежим и продолжали спуск во впадину. Там, где мы предлагали остановиться для исследования и поисков костей, можно было разобрать мотор «Волка». Спустя некоторое время мы уже стояли на плоском дне впадины. Только небольшими пятнами виднелась редкая низкая растительность на обширных полях черного щебня, сквозь который проглядывала предательская желтизна пухлой глины. Убого и пусто было здесь, на дне наших неоправдавшихся надежд. Никаких молодых отложений, только низкие размытые холмики палеозойских филлитов — черных сланцев с мощными кварцевыми жилами. Местами желтые блюдца такыров нарушали черное однообразие. Около пятнадцати километров мы проехали поперек Узкой Синей Гоби, когда увидели островок желтых обрывов. Хотя было уже совершенно ясно, что Нарин-Хуху-Гоби не годится для палеонтологов, все же мы должны были получить представление о характере пород этих, явно поздних, отложений. «Волка» поставили на ремонт. «Дзерен» повернул на запад, к северному борту впадины. Как ни шагали мы с Рождественским и знаменитым искателем Прониным по размывам тамошних желтых пород, — все наши поиски оказались бесплодными. По-видимому, мы имели дело с очень поздними отложениями из остатков перемытой коры выветривания.

У «Волка» повреждение было хуже, чем я думал. Прокладка оказалась целой — следовательно, дал течь блок где-то внизу, может быть, в ничтожной раковине — дефекте отливки. Производить подобный ремонт здесь, посередине Заалтайской Гоби, на постоянном адском ветре мы не могли. Я решил, что «Волк» будет по-прежнему следовать за «Дзереном», меняя масло, как только оно собьется в комья. Машину во что бы то ни стало надо было вывести из этих недоступных дебрей поближе к населенному пункту или хотя бы к воде, даже если бы для этого и пришлось израсходовать весь наш запас масла. Ближе всего находился Баян-Ундур сомон — в четырехстах километрах к северу, в горах Монгольского Алтая. Проклиная ветер, мы собрали мотор. А ветер в Нарин-Хуху-Гоби действительно был особенный. С непостижимой настойчивостью он дул, нисколько не ослабе-

нии и не усиливаясь, в течение целого дня. Что-то возмущало нас в этой равномерной и упорной силе ветра, укрыться от которого на плоской равнине было некуда.

Мы двинулись вперед. Везде, в дне котловины, в пропастях и буграх, скрывались фиолетовые, сравнительно светлые филлиты, издавала отчетливого голубого цвета. Голубой полосой далеко на запад тянулась впадина — действительно Узкая Синяя Гоби. Впереди крутой черной стеной мрачного плоскогорья обрывался во впадину единственный, не посещенный никем из исследователей хребет Эдеренгийн-нуру («Будничный хребет»). Сорок километров мы поднимались со дна впадины к первым острогам этого хребта. Сорок километров тяжелого пути в постоянной тревоге за «Волка», по песчаному сухому руслу, которое становилось все более рыхлым. Но доблестная наша машина упорно шла следом за нами.

Время от времени Вылежанин останавливался и зачерпывал масло. Останавливались и мы в ожидании, потом Вылежанин махал рукой и трогался с места.

Сухое русло привело нас в суровое ущелье. Машины буксовали в тяжелом песке, рев моторов и унылое замыкание низших передач разносилось по мертвым просторам неведомого хребта. И случилось чудо — от нагрева ли блока, от пригорания масла или еще от чего-нибудь — щель в блоке мотора «Волка» закупорилась и вода перестала течь в картер. Она не текла весь остальной маршрут и даже еще рейс из Нэмэгэту до Улан-Батора. Только там, на заводе, нашли повреждение — трещину, оказавшуюся дефектом отливки, которую тщательно зачеканили и заварили.

Солнце садилось, длинные черные тени ложились поперек ущелья. Большие отдельные габбро-норита — вертикальные плиты, колонны и лестницы — производили впечатление начатой и незаконченной титанической работы. На склонах темно-серых скал зажглись серебристые звездочки — это редкие пучки ковылька усыпавши откосы ущелья. Становилось все холоднее. Еще в Нарин-Хуху-Гоби вместо адской жары, ожидавшейся в столь глубокой впадине, нас встретили хмурое небо и холодный ветер. К вечеру пришлось впервые в Гоби надеть ватники. Ущелье окончилось, и мы оказались на перевале, наверху плоскогорья Эдеренгийн-нуру.

Группы низких и широких конусовидных холмов разбегались в стороны и вниз, в долину. Плоскогорье было

светло-желтым от ковылька, а холмы — черные или увенчанные на вершинах «пуговкой» обнаженного черного камня. От низкого солнца ложились длинные заостренные тени. Казалось, что черные мечи загораживают нам путь по желтой равнине. Внизу под нами лежала еще одна впадина, на шестьсот метров выше Нарин-Хуху-Гоби, откуда мы только что поднялись. За впадиной — невысокий гранитный хребет Сомон-Хаирхан («Стрела-хребет»), а за хребтом — гигантская предгорная котловина, протянувшаяся на сотни километров вдоль южных уступов Монгольского Алтая. В этой именно впадине и проходила старая дорога, достигнуть которой мы так стремились. Насколько крут был южный обрыв Эдеренгийнуру, настолько полог и низок оказался его северный склон, на котором мы и остановились на ночлег.

Утром закоченелые от холода гобийцы увидели причину своих страданий. На севере, в гордом отдалении, высокие и недоступные, громоздились округлые плоские вершины Монгольского Алтая, и в центре их сиял снеговой массив.

Здесь еще не было цветов, и саксаул едва зеленел. Лето наступало тут позднее, чем в знойных южногобийских впадинах... Мы начали спуск по бугоркам, усеянным дресвой из кристаллов полевого шпата, сверкавшей на солнце. Этот волшебный блеск сразу же угасал, едва лишь горсть кристаллов оказывалась в руке, не освещенной косыми лучами утреннего солнца.

Внизу, на самом дне впадины, резкой белой полосой виднелся такыр. Его западный, противоположный солнцу конец тонул в мираже — обширном озере голубой воды. Справа глубокая, угрюмо-серая, поросшая маленьким саксаулом, подходила впадина Ценхэр-Хоолай («Бирюзовое горло»). На протяжении всего этого «бирюзового горла», насколько хватал глаз, не было никаких признаков гобийских красноцветов.

Снова тяжелый песок встретился в сухом русле, по которому мы углубились в хребет Сомон-Хаирхан. Низкие гранитные скалы обступили нас, и машины заматались из стороны в сторону по кочкам песка, подминая под себя высокие кусты караганы, в судорожных попытках продвинуться вперед. След неизвестных машин шел и тут. Мы понимали его и сочувствовали неизвестным путникам, читая эти узорные полосы, проложенные через кочки, промоины и песок гнусного сухого русла.

И вот круто повернули машину в сторону,— значит, срешили по дзерену, вот легковая бросилась налево, оставляя путь, а грузовая хитрила, пытаясь миновать развилку, но ничего не вышло...»

Безветренный день и тяжелый путь вселили в нас, несмотря на всю привычку, какое-то странное раздражение. Начали сбываться приметы «тяжелого дня» — понедельника: Намнан Дорж, а за ним и Рождественский промахнулись по дзерену, неподвижно стоявшему в какой-нибудь полусотне шагов. Обвинив друг друга, в штем оскорбленные насмешками зрителей, неудачливые охотники разошлись по своим машинам и предались мрачному молчанию. Но и мы были наказаны, так как, идя задним ходом из одного непроезжего места, мы раздавили канистру с чудесной водой, вывалившуюся при рывке.

Кое-как выбрались на перевал. Прямо впереди нас стояли грозные бастионы Монгольского Алтая. Машины бодро бежали вниз по тропе, но впереди уже желтели пятна неминуемых бугристых песков. Около песков стояла первая встреченная нами за все время пути юрта. По случаю достижения Монгольского Алтая был куплен баран, и, предвкушая обильный ужин, мы смело ринулись в пески. Пронин с ловкостью циркового артиста крутил рулем, переключал скорости по несколько раз в минуту, отчаянно газовал, и машина послушно вертелась вьюном по склонам высоких песчаных бугров. И какие-нибудь двадцать минут пески были побеждены, и мы направилась в подъем по широкому бэлю Монгольского Алтая...

Глава пятая

ВДОЛЬ ПОДНОЖИЯ АЛТАЯ

Он взял его солнце (если обгонит кто-нибудь в пути).

Поговорка

Совсем другой мир был здесь, у подножия этого главного хребта всей Монголии. Пятна свежей травы зеленели там и сям, означая места выходов родников. Все чаще встречались дзерены. Впервые мы увидели куланов, целое стадо, числом не меньше полусотни,

а однажды пронесся табун, в котором была добрая сотня голов.

Совсем другие породы — гранит, гнейсы, амфиболиты, слюдяные сланцы — слагали могучие, крутые стены хребта. Гигантские конусы выносов в устьях ущелий высыпали на бэль необъятное количество больших глыб этих горных пород. В сухих руслах резко выделялись светлые гранитные и гнейсовые валуны. Пересечение сухих русел здесь стало делом гораздо более трудным, так как дно их было завалено валунами и крупными глыбами.

Мы торопились до темноты стать на ночлег. Но нигде не виднелось ни кустика саксаула, а чтобы сварить барана, нужно было топливо. Со всех сторон бежали дзерены или куланы. Их упорная гоньба наперерез машинам начинала раздражать. Куланы — худшие бегуны, чем дзерены, — перебегали дорогу чуть не под самым радиатором машины. В каждом стаде видно было много самок с жеребятами. Пыль от бегущих стад поднималась со всех сторон: и на юге, где виднелись красновато-желтые округлые вершины Сомон-Хаирхана и желтели пески, и с севера, под близкими грозными темно-серыми уступами огромного Алтаин-Нуру (Монгольского Алтая).

Чем ближе к хребту, тем больше наша дорога стала походить на «американские горы»: быстрый спуск вниз, в очередное глубокое и широкое русло, взлет вверх и сравнительно плавное движение по куполообразному увалу до следующего русла, где повторялось то же самое. В одном из русел нас встретил огромный волк, необычайно большой для местной степной породы. Зверь спокойно и даже с любопытством поднял свою массивную голову и, насторожив уши, следил за машинами, тихо спускавшимися в русло. Намнан Дорж заметался с винтовкой в кузове, выбирая прицел. Но в этот момент взревел мотор «Дзерена» — машина пошла на приступ противоположного склона. Серой молнией волк прынул в сторону и исчез, будто призрак, — где уж было человеку тягаться с такой поразительной быстротой! Продолжая путь, мы догадались, на какой пище мог откормиться серый «хозяин». Весь бэль на протяжении многих километров был изрыт норами тарбаганов, настолько большими, что они представляли опасность для колес машин. Пронин был убежден, что здесь живут медведи, а

ни тарбаганы, но я разуверил его. Ни медведи, ни лисы, ни другие хищники не могли бы жить такими скоплениями — иначе им осталось бы только пожрать друг друга.

Внезапно откуда-то из-за конуса выноса или из ущелья наш путь пересекла старая автомобильная дорога — вернее, как и все дороги в Монголии, автомобильный накат, проведенный по старой караванной тропе. Мы стали достаточно опытными, чтобы с первого же взгляда определить, что уже несколько лет ни одно колесо не катилось здесь под угрюмыми откосами Монгольского Алтая.

Дорога отвернула от подножия гор к центру впадины, где, как всегда в больших котловинах, шла длинная гряды холмов. Машины повернули на гряде, и в момент подъема я увидел поразительную картину — слева на небольшой травянистой полянке (по-видимому, здесь близко была подземная вода) токовал большой черный гетерев! Две или три серенькие тетерки поодаль зачарованно смотрели на красавца. Мне неудобно было смотреть из-за плеча шофера, но и не хотелось останавливать машину на тяжелом подъеме. Видение мелькнуло и исчезло, и я до сих пор не знаю, в самом ли деле на пустынных гобийских равнинах иногда токуют косачи.

Дорога выпрямилась на гребне, но саксаула для топлива так и не было. Мы держали курс на запад под слепящими лучами низкого солнца, и невеселые думы одолевали меня. Отсюда предстоял еще далекий и безвестный путь вдоль огромного массива Ачжи-Богдоин-нуру, к впадинам Алак-нур («Пестрого Озера»). А качество автомобильной «дороги», по которой мы ехали, не выдерживало никакой критики. Старый накат был перебит новыми руслами и промоинами, задут песками, засыпан камнями, и только отдельные его участки позволяли передвигаться на прямой передаче. Становилось ясным, что большую часть пути нам предстоит проделать по бездорожью и с большим расходом бензина. Горючее, если считать восьмисоткилометровый обратный путь вдоль Центральной цепи Гобийского Алтая, оставалось совсем немного.

Солнце садилось низко, появившиеся на мертвом небесном крошечные кустики саксаула зажглись зеленоватыми золотистыми огоньками, редко разбросанными на черной равнине. И внезапно пришло решение: оставить надежную «больную» машину — «Волка» где-нибудь у

хорошей воды, а дальше пройти на одном «Дзерен», сократив свой маршрут до реальной возможности, то есть ограничиться обследованием хребта Ачжи-Богдоин-нуру и от него повернуть обратно. Хотя многое уже было сделано, но впереди еще ожидали нас большие трудности, а одна из машин уже оказалась тяжело поврежденной.

Черный щебень сменился красным песком, кустики саксаула стали гуще — и в закатных лучах солнца перед нами расстилалось море ярко-красного цвета с золотыми вспышками саксаульной зелени. Всего несколько минут мы летели по горящему красному полю, и вдруг — словно задернули штору: снова начался черный щебень. Из небольшой лощины справа выскочил табуи в десяток куланов. Они остановились и застыли перед надвигающимися машинами, только два диких осла ринулись вперед, надеясь перебежать нам дорогу. Машины шли быстро, и животные в панике пустились наутек впереди нас. Несколько минут они бежали прямо по дороге. Должно быть, плотно утоптанная ее поверхность помогала им ускорять бег. «Дзерен» шел со скоростью пятидесяти пяти километров в час и легко догонял куланов. Мы приближались к ним. Стали отчетливо видны их в ужасе косящие назад глаза, прижатые уши, раздувавшиеся порывистым дыханием светло-серые бока. Все гикали и свистели, чтобы прогнать их с дороги, но два дурака продолжали бежать перед нами. Радиатор «Дзерена» был уже всего в десяти метрах от них, и бег куланов превратился в судорожные рывки. Тут мы притормозили, куланы свернули влево и остановились изнеможенные, а мы проехали мимо.

Вскоре на пути появилась юрта. Порыжелая и рваная кошма на ее крыше свидетельствовала о бедности владельца. Никто не выскочил в панике и не побежал в степь, как это бывало иногда в труднодоступных уголках Гоби. Степенно и медленно из юрты вышла молодая женщина с чайником и пиалой. Мы остановились, и аратка поднесла нам горячего чая по прекрасному старинному обычаю монгольского народа. Следом за женщиной выбежали два ее маленьких сына. Один, поменьше, вцепился в дели матери, а другой, лет восьми, осторожно подошел к невиданному огромному чудовищу. Мы отблагодарили хозяйку сахаром, а я быстро заключил дружбу с мальчишкой, который, как все мальчишки мира, не сводил глаз с диковинных машин. Взяв мальчонку

из руки, я попросил Пронина завести мотор. Маленький агрегат сначала отпрянул, но тут же справился с испугом. Его живые черные глазенки заглядывали под открытый капот, сиюсья разобраться в устройстве мотора. Темнело. Мы распростились с минутными друзьями и двинулись дальше. Оглянувшись назад, я видел, что мальчишка, вбежав на холм, долго смотрел вслед нашим машинам, пока не превратился в невидимую среди сумерек точку. В свете фар показалось широкое сухое русло. Здесь росли высокие кусты саксаула — топлива было много. Наконец мы могли привести в исполнение мечту этого дня — постель как следует и отдохнуть. Уже второй день мы сидели под сильным холодным ветром, не снимая ватников, поэтому ночью с удовольствием залезли в спальные мешки. Мы привыкли к страшной жаре южных равнин и здесь, близ несущих холод снегов Монгольского Алтая, очень зябли. С утра мы перегрузили обе машины, разделили бензин, продовольствие и вскоре подъехали к родникам Ихэ-Дзарман («Большой солончак»). Просторная впадина поросла густой зеленой травой, обрамленной чащей тамарисков. Найдя для «Волка» уютную полянку недалеко от воды, мы простились с товарищами и двинулись дальше. Остающиеся — Вылежанин и Сидоров — с грустью смотрели нам вслед. Скоро мы запутались среди кочек и мокрой глины, дорога исчезла. С огромным трудом мы пробились через влажную котловину. Тропа была найдена и повела нас по гребням бесконечных, безжизненных белых холмов. Солнце слепило глаза, отражаясь от белого щебня, покрывавшего землю, тонкая белая пыль казалась ядовитой. Слева, на юге, тянулся низкий хребет — западный конец Сомон-Аирихана. До половины высоты его крутых склонов поднимались со дна котловины широкие шлейфы светло-желтых песков. Эти пески на черных горах, всползавшие на значительную высоту, производили прямо-таки страшное впечатление. Было очевидно, что хребет, стоящий поперек направления основных ветров, будет со временем весь засыпан, и океан песков займет южную часть котловины...

А справа по-прежнему уходила в неразличимую для глаза даль стена Монгольского Алтая, по-прежнему шли огромные бэлы из нагромождения валунов светлых гранитоиднейсов. По бэлям против крутых ущелий с чудовищными конусами выносов извивались огромные, круто

падающие русла. Алтай стоял неприступной крепостной стеной, и казалось, что нет возможности проникнуть в глубь этой исполинской горной массы.

Обнаженный, обдутый ветрами гранит появился под колесами машины. Мы поднялись на небольшое плоскогорье Дунда-Хурэн-Цаб-ула («Средняя гора коричневого ущелья») и остановились в удивлении. Необычайные формы выветривания гранитов покрывали вершину плоскогорья — воронки, низкие арки, широкие троны. Но на этих тронах заседали не духи и не ведьмы. Страшные ветры с Алтая высверливали гранит крутящимся при завихрениях песком. Громадные глыбы гранита с одинаковыми высверленными ямами казались головами попугаев или сов с черными глазными впадинами. Одна глыба была похожа на лемура с огромными глазами, продавленным носом и выступающими надбровными дугами, без лба. Такое чудовище-скала для первобытного человека, несомненно, была бы богом. К этому гранитному плоскогорью вплотную примыкали горы Мандалула («Молитвенная гора»), продолжавшие ту же гряду гранитных возвышенностей в центре котловины.

Гряда круто обрывалась в обширную саксаульную равнину, окаймленную с юга песками урочища Элэсуту («Песчаное»). Спуск по обнаженным скалам был убийственным, и только искусство Пронина спасло нас от серьезной аварии. Дальше тропа оказалась совершенно уничтоженной бесчисленными свежими сухими руслами. Трудность дороги усугубили песчаные кочки, в которых приходилось даже прокапываться. Неожиданно в центре саксаульной равнины появилась быстрая речка, журчавшая с давно позабытой нами нежностью. Вдоль берегов шла узенькая кайма мягкой зеленой травы, неправдоподобно яркой среди серых стволов саксаула и темного щебня. Лишь с трудом нашлось место, где вода покрывала лежачего человека, и то после сооруженной наскоро запруды. Освежившиеся и умиротворенные, мы посидели на берегу, покуривая.

А потом снова пошла борьба с песком и рытвинами, тревожные поиски постоянно исчезающей дороги, почти целиком стертой вновь образовавшимися руслами. Дно котловины понижалось — горы Мандалула были последней оконечностью срединной гряды, место которой заняло теперь углубление, богатое подземными водами. Перед нами предстало обширное зеленое пространство,

длинно протянувшееся на юг и на запад. Это был знаменитый оазис Цзахой («Краевой»). Мы с радостью устремились к веселой равнине, большие зеленые квадраты на которой явно обрабатывались человеком. Справа от дороги виднелся небольшой сарай, и невдалеке за ним мы встретили группу дюрбютов. Один ехал верхом на осле — редком для Гоби верховом животном. Угрюмые, дочерна загорелые лица равнодушно осмотрели нашу машину, когда мы остановились, чтобы расспросить дорогу. То ли они не знали путей на запад, то ли с ними не сумел справиться наш переводчик Намнан Дорж, заносчивый и нередко путавший наши намерения, но мы не отъехали и десяти километров, как безнадежно увязли в огромных кочках и мокрой почве.

Проклятая вода, зелень, мошку и все прочие достоинства этого красивого места, мы едва выбились обратно к сараю. Отсюда мы выбрались на край бэля и оказались в привычной нам обстановке Гоби — на щебнистой черной равнине, на которой не росло даже травы, а только редкие маленькие кусты саксаула. Здесь машина пошла свободнее, и мы направились вдоль зеленого моря оазиса Цзахой. Обширные рощи евфратских тополей тянулись рядом, но теперь уже этот зеленый рай не привлекал нас. В нем не было места машине — нашему верному помощнику, без которого мы не могли работать.

Впереди поднялся синий двухвершинный массив Хатун-Хайрхан («Милостивая госпожа»), а за ним показался вдали воздушный голубой и призрачный хребет Ажи-Богдоин-нуру — конечная цель нашего маршрута. Оттуда, с центральной части хребта, ботаник А. А. Юнатов рассматривал Джунгарскую Гоби. Перед ним в серой дымке лежала бесплодная пустыня Эллистын-Минген («Серебряные пески»), дальше светились иловые блюдца глинистых котловин, а над всем этим белели далекие снеговые пики восточного Тянь-Шаня.

Солнце скрывалось уже за чугунным откосом Монгольского Алтая, когда мы нашли автомобильный накат. Обрадованные, полетели мы вперед, но — увы! — гититское сухое русло пересекло путь, и в нем окончательно исчезли всякие следы и автомобиля и караванных троп. Стемнело, ехать при свете фар дальше стало опасно, и мы остановились на ночлег. Следующий день принес горькое разочарование. Сколько ни метались мы в поисках дороги — только сухие русла и сплошное мо-

ре саксаула лежали впереди. Пробиваться вперед по такой тяжелой дороге на одной машине с ограниченным запасом бензина было слишком рискованно. На это можно было бы пойти, если позади нас лежала сколько-нибудь приличная дорога. Но там были десятки километров прямо-таки адского пути, затем восемьдесят километров хорошего участка до родника, где остался «Волк», а потом — многие сотни километров вьючных троп и бездорожья до котловины Нэмэгэту. Говоря военным языком, наш дальний рейд имел совершенно необеспеченный тыл.

А хребет Ачжи-Богдоин-нуру был уже хорошо виден в бинокль. На самой его верхушке слабо мерцали три снежных поля, а у подножия тянулась гигантская красноватая полоса, вероятно, гранитов, пересекавшая наискось всю центральную часть хребта. «22 087», — записал я показание спидометра в полевой книжке, с горечью обозначив конец незавершенного полностью маршрута...

Мы недаром так стремились во что бы то ни стало достигнуть Ачжи-Богдо. В красноцветных породах, окружающих его подножие, монгольские исследователи нашли в 1955 году челюсть креодонта — древнего хищного млекопитающего. По всей вероятности, вокруг Ачжи-Богдо есть местонахождения самого интересного периода истории млекопитающих — эоцена...

День был знойный, ветер дул теперь в угон, и мы с наслаждением извальялись в речке, добравшись до нее к концу дня. Взобраться наверх, на обрыв Мандал-ула, отсюда оказалось невозможным. После первой же попытки я приказал повернуть вниз к пескам, где нашлась старая вьючная тропа. По ней мы лихо въехали на гранитную кручу Мандал-улы и к ночи вместе с оставшимися у родника Ихэ-Дзерман товарищами уже жарили свежую дзеренятину. В этот же вечер был отпразднован юбилей полугодового пребывания в Монголии. Завтра начиналось второе полугодие и с ним путь назад — на восток.

А утром при осмотре «Дзерена» выяснилось, что у него лопнул правый продольный брус рамы, и вчерашнее решение возвратиться в Центральный лагерь оказалось как нельзя более мудрым. Теперь обе машины были повреждены, и на обратном пути стало необходимо соблюдать большую осторожность.

Стада бежали стада куланов и дзеренов по зеленой равнине. Первый дождь, сильный и холодный, вынудил нас остановиться машины: было невозможно различить дорогу. Мы искали старинную караванную тропу, которая шла через Легин-гол на Хуху-Хото. Проехав более ста километров, мы действительно выехали на большую тропу. В этот момент спидометр показал ровно тысячу километров от начала маршрута.

Тропа пошла в широкое сухое русло на перевал — широкую перемышку между Монгольским и Гобийским Алтаем. Это была древняя сквозная долина, заполненная красно-бурыми четвертичными конгломератами и прорезанная новейшим руслом. Дорога была необыкновенно тяжелой — вся засыпанная крупными валунами, между которыми отчаянно лавировали машины. Вся ширина русла, насколько хватал глаз вперед, была завалена гладкими глыбами гранита светло-стального цвета в рамках темных кирпично-красных берегов. Свежий запах цветущей полыни тянул по ущелью. Внезапно слева показался целый город развалин крупного монастыря Амор-Буштин-хид («Обитель Спокойной Добродетели»). Хорошо сохранившиеся стены и башенки ступенями поднимались по склону. Окружавшие монастырь горные увалы производили странное впечатление необыкновенной чистотой своих склонов. Благочестивые паломники когда-то собрали вокруг все камни до последнего. Из этих камней были сложены основания расставленных всюду — и у тропы, и на вершинах горных увалов — своеобразных часовенок — каменных ниш из высоких гранитных или сланцевых плит. Внутри ниш яркими красками — синей, красной, желтой — были написаны изображения святых и выведены вертикальные ряды разноцветных тибетских букв.

Несмотря на дождь и пронизывающий ветер, мы решили осмотреть монастырь. В хмуром, бессолнечном свете, под нависшими облаками монотонные ступени глинобитных стен производили печальное впечатление. Полное безмолвие, ни малейшего признака жизни не было ни в узких переулках и на маленьких площадях, перерезанных низкими ступеньками из темно-серых камней. Времени у нас было мало, и ничего достопримечательного мы не обнаружили. Самое большое впечатление на нас, как на гобийцев, произвели огромные, до трех метров в поперечнике, колодцы, заполненные глубокой и чистой

водой. По краям низких стен, обрамлявших каждый колодец, были положены продолговатые гранитные бруски. В твердом камне на ладонь в глубину врезались многочисленные канавки — следы от веревок, которыми вытаскивали ведра с водой. По одному этому можно было судить о древности колодцев.

Приходилось поскорее выбираться отсюда, потому что мы попали отнюдь не на Легин-гольскую тропу, а на старую дорогу к монастырю. Как бы то ни было, мы удачно поднялись на перевал между хребтами, и для полного успеха оставалось еще суметь проехать отсюда на восток.

На восточном склоне ущелья Вылежанин обнаружил крутую, но отлично вымощенную дорогу, обложенную по сторонам белыми камнями. Этим «императорским», по выражению Вылежанина, въездом мы выбрались из долины, едва-едва преодолев крутизну подъема. Дальше шла грунтовая, расчищенная до последнего камешка дорога, которая привела на идеально ровную площадку, обложенную квадратом из крупных камней. Тут все следы благочестивых деяний кончились, и мы спустились в дикое русло, сплошь заваленное крупными камнями.

Около часа мы ворочали глыбы, прокладывая дорогу для машин. Спустя некоторое время встретилось второе такое же русло, потом третье. Наконец по узеньким тропам мы поднялись выше и поехали без всякой дороги по холмам слабо размытого плоскогорья между Монгольским Алтаем и южной цепью Гобийского Алтая. Плоскогорье поросло обычным желтым ковыльком. Над нами висела огромная темно-лиловая туча. Спустившееся солнце светило сбоку, в щель между горами и тучей. Вся равнина стала светло-золотой в кольце красных гор. Мы словно вырвались из плена холода, дождя и пасмурного неба. Светлая страна впереди обещала удачу. И точно: мы нашли большую караванную тропу, шедшую прямо на восток, по которой ехали до ночлега в урочище Кельтаг-Ноор (тюркско-монгольское — «Озеро в горах»).

Недалеко от нашей стоянки возвышались стены красных конгломератов, а из-под них выступали массивные граниты. Между конгломератами и гранитами мы увидели мощный слой ярко-красных пород около пятидесяти метров в толщину. Это были обогащенные железом продукты атмосферного выветривания гранитов, так называемые латериты. Такие породы могли образоваться

только в жарком и влажном климате. Наша находка показала, что в начале эпохи нижнего мела, а может быть, и раньше, в конце юрского периода, эти границы залегали на поверхности и подвергались выветриванию в тропическом климате. Следовательно, здесь сто миллионов лет тому назад была суша и были тропики.

Рождественский еще с вечера ликовал, полагая, что теперь по найденной тропе мы доберемся чуть ли не прямо до Пэмэгэтинской котловины. Однако, как это всегда бывает, дело оказалось не столь уж простым. Тропа исчезла, упершись в высохшую речку Сухайту-гол («Жили речка»), на дне которой кое-где оставались еще лужи воды. Проезжавший мимо молодой арат не знал вообще никакой дороги, а в речке — он предупредил нас — вязнут даже верблюды. Поразительное незнание местности, проявленное арамом, заставило усомниться в истинности его слов. Мы посоветовались, побродили с шоферами по дну русла и решили все же подниматься вверх по речке.

Русло прорезало огромную толщу нижнемеловых глин и сланцев и местами было совершенно сырым от выбившихся родников. Однако все двенадцать километров подъема мы преодолели без задержки и выбрались на перевал, где две скалы из черного базальта стояли воротами неведомой страны, а между ними проходила большая старинная тропа. Основным признаком давно брошенной и заросшей тропы — несколько полос дерисовых кочек, ленты которых выделяются своим соломенным цветом на серой степи. На склонах тропа — это промонна, обрамленная дерисом. В урочищах-впадинах, заросших дерисовыми кочками, тропа совершенно теряется, и ее нужно искать на буграх и склонах, где ее видно издали. Все эти признаки были у вновь найденной тропы, но и она не была Легин-гольской, хотя мы проехали по ней прямо на восток, к самому подножию высочайшей горы Гобийского Алтая — Ихэ-Богдо.

Машины шли быстро, солнце ярко светило, и настроение, удрученное вынужденным отступлением, понемногу начало подниматься.

— Смотрите, как умно проведена тропа, — склонился ко мне Пронин. — Ведь она идет по совсем ровной плоскости между двумя грядами скал! Они нарочно взяли подальше от больших гор: там все сильно размыто

сухими руслами. И в то же время не спустились в котловину, где кочки, пески и всякая дрянь...

Я полностью согласился с наблюдением водителя. Как геолог я мог бы добавить, что тропа идет по твердому древнему гобийскому плоскогорью, на котором выветривание уничтожило все крупные неровности. Плоскогорье сохранилось между двумя молодыми поднятиями — северной и южной ветвями Гобийского Алтая. Здесь, на этом плато, не было ни больших размывов, ни новых наносов — в общем, тут было хорошо машинам, но плохо диким животным, количество которых резко уменьшилось по сравнению с Монгольским Алтаем. Это объяснялось, по-видимому, малым количеством воды — на высоком плато не было родников: они выходили ближе к склонам горных цепей.

Юрты аратов встретились нам только у родников Баян-Хобур («Богатый маловодный колодец»), где мы и заночевали. Араты рассказали нам, что по пути, немного в стороне от дороги, живет старик, который знает все кругом и чуть ли не всю Гоби. Один из аратов любезно взялся проводить нас к этому старику. Едва мы выбрались из русла Баян-Хобур, как у тропы перед нами предстала древняя могила. Необтесанная длинная глыба серого слюдястого мрамора была поставлена вертикально и у подножия окаймлена квадратом из четырех поставленных ребром плит. Почти стершиеся китайские иероглифы, написанные черной тушью, покрывали вертикальными столбиками все четыре стороны обелиска.

Юрта старика стояла к северу от тропы, недалеко от родника Цаган-Булак («Белый ключ»). Родник оправдывал свое название, потому что вытекал у подножия мраморных скал белого и серого цвета. Тут находилась древняя каменоломня с испещренными китайскими надписями стенами. Правее, на выпуклой и гладкой мраморной скале, были высечены древние «писаницы» — раскоряченные человеческие фигурки с копьями в руках и след лошадиного копытца. «Писаницы» принадлежали, видимо, людям конца каменного века. Рядом были высечены и крупные китайские иероглифы. Посередине скалы проходил желобок с гладко отполированной поверхностью, совершенно как детская ледяная горка. Какому назначению служила эта короткая и скользкая дорожка — мы не смогли отгадать. Намнан Дорж, неосторож-

по ступивший на нее, грохнулся и улетел вниз, в жидкую грязь родника. Пронин подвергся той же участи, но скатился на другую сторону скалы, где росло какое-то людское растение, видом похожее на коноплю, но по свойствам — зловреднейшая крапива. Эти два приключения охладили наши поиски древних надписей, и мы направились дальше вдоль мраморного хребтика к сведущему старику.

Ему оказалось восемьдесят два года. Это был худой и истощенный, но удивительно милый и приветливый человек. Он действительно знал очень много, так как более тридцати лет водил чайные караваны из Внутренней Монголии в Синцзян. Сын старика, уже пожилой и с виду суровый, тоже оказался знатоком местности и согласился быть нашим проводником. Оба — и старик и сын — утверждали, что они ничего не слышали о наличии каменных костей в красных породах у подножия Ихэ-Богдо Между тем Намнан Дорж устремлялся именно туда, так как ему сообщили, будто бы там была найдена огромная «человеческая» голова, о которой даже знали в Иймаке. Однако оба знатока отрицали это и говорили, что много костей находится только в Нэмэгэту и Алтан-уле. Очень важным для нас явилось их сообщение, что «кости дракона» есть и на северном склоне Алтан-улы, а также в обрывах по северному краю Занэмэгэтинской котловины у гор Баян-ула.

Я слушал старика, точнее, перевод Намнан Доржа с живейшим интересом. Вдруг Намнан Дорж насупился и умолк. Но старик продолжал говорить, и нашему переводчику ничего не оставалось, как следовать за его речью. «Старик спрашивает, откуда вы родом?» — начал Намнан Дорж. Я ответил, что родился под Ленинградом, далеко на северо-западе от Монголии. «Он говорит, что вы — русский, а чувствуется, что вы любите Гоби больше, чем я — монгол», — криво усмехаясь, объявил Намнан Дорж.

Старик попал в точку: наш переводчик, родом из Хентеи, не любил пустынь Южной Монголии... «Он удивляется, как мы ходим по всей Гоби без проводников?» — продолжал переводчик.

Старик повернул ко мне доброе лицо и, глядя прямо на меня потускневшими глазами, убежденно сказал:

«Потому и ходишь, что любишь страну!»

Мы с Рождественским переглянулись, глубоко поль-

щенные признанием наших успехов. Теперь мы действительно почувствовали, что Гобийская Монголия не чужда для нас земля. Долго мы еще беседовали со старым ножаком караванов, пили чай и обсуждали дальнейший путь...

Мы все же решили посмотреть подножие Ихэ-Богдо и описали большую петлю, поднявшись на громадный бэля Ихэ-Богдо вдоль сухого русла Ичете («Враждебное») и спустившись вдоль «речки» Цаб-Чирин-гол («Речка журчащего ущелья»). Мы добрались до подножия горы Дунда-Богдо («Средняя Святая») — явно вулканического конуса с кратерным озерцом наверху. Сплошные покровы и потоки базальтов расстилались на десятки километров. Нагретый воздух клубился на их черной поверхности, и фотографические снимки у нас не получились. Расспросы встретившихся аратов-охотников и переговоры в юртах ни к чему не привели. Никто не слышал здесь ни о какой «гигантской голове» (что я и думал с самого начала!). Интересный маленький вулканический конус, покрытый белыми и желтыми потеками натриевых солей и серы, вознаградила нас на обратном пути. Чтобы спуститься с бэля Ихэ-Богдо, нам пришлось проделать «высший пилотаж» — езду по гребням хребтиков и по бровкам таких круч, что у новичка волосы встали бы дыбом. Но закаленные гобийские водители Пронин и Вылежанин вертели рулями с такой же невозмутимостью, как и на широком асфальте московских улиц.

На «речке» Цаб-Чирин-гол оказались высокие обрывы красных конгломератов. Тысячи мелких ниш, обрамленных снизу и сверху выступами более плотных слоев, испещряли отвесные стены. Иногда по сторонам ниш были как бы выточены маленькие колонны. Я подумал, что, может быть, подобные местности послужили прототипом буддийских храмов с сотнями маленьких ниш, украшенных статуями будд и бодисатв. Здесь же, в выточенных ветрами нишах, были лишь гнезда птиц и зайцев, необычайно многочисленных в этой местности.

Ниже опять потянулась черная щебнистая равнина, на которой машины могли развить скорость. Справа примчалось стадо харасультов, как в Монголии называют джейранов, бежавших изо всех сил наперерез машинам. Намнан Дорж блестящим выстрелом на всем ходу срезал одну антилопу. Когда мы подъехали ближе, то увидели, что животное было убито мгновенно, по

во инерции пролетело около двадцати метров, вспахивая черную щебенку. Широкая полоса светлой глины, протянувшись от места падения животного, свидетельствовала об этом. Плечо и бок харасульта были нацело обожжены камнями. Приблизительная скорость бега антилопы, судя по спидометру нашей машины, была больше шестидесяти километров в час. Тут я впервые понял, насколько опасно для животных падение на таком необычайно быстром бегу. Оставалось лишь удивляться, как могут они носиться по изрытой и кочковатой Гобии!

Скоро мы были снова на нашей тропе. Проводник Плидэлч разбил все наши прежние домыслы. Оказалось, что Летин-гольская тропа не поворачивает на юг, к Нэмэгэту, а проходит дальше на восток, в Банин-Далай-гомон. На юг идет другая — меньшая и более короткая тропа из Китая к мраморным разработкам Цаган-Булак и расположенным около них древним золотым рудникам. Эта тропа проходит между Алтан-улой и массивом Нэмэгэту. Мы должны были обязательно попасть на нее, так как это был единственный путь для прохода к нашим лагерям в Нэмэгэтинской котловине. Машины взяли курс на юго-запад, отдаляясь все больше от Ихэ-Богдо. Владычица Гобийского Алтая с юга кажется гигантским длинным плато. Слева, с запада — острый пик, а правее — постепенно опускающаяся к востоку плоскость, с отдельными пятнами снега у ее края. Весь день над Ихэ-Богдо стояла ровная полоса облаков, висевшая неподвижно на высоте около пятисот метров над горой, параллельно ее поверхности. В освещении полуденного солнца вся Ихэ-Богдо окутана синей дымкой, сквозь которую просвечивают красновато-фиолетовые ребра скалистых круч. Там и сям на горе облачные тучи — причудливые пятна глубокой синевы с фиолетовым оттенком.

Наверху, на плато Ихэ-Богдо, живет целая колония яртов, никогда не спускающихся вниз, на знойную равнину Орок-нура или в душную впадину Легин-гола. Там бродят стада наполовину одичавших сарлыков-яков. Раз в год работники багового управления и кооперации поднимаются на гору и снабжают «отшельников» товарами. День выдался очень жаркий, и, наблюдая в бинокль Ихэ-Богдо, я позавидовал живущим там, где всегда проливисто и много воды. Однако где они спасаются от

страшных осенних бурь и зимних снегов — осталось для меня неясным.

Равнина неожиданно позеленела. Маленькие кустики растительности образовали причудливый узор на россыпях кусочков ярких голубых известняков. Большие куски чистейшего снежно-белого кварца — остатки размытых жил до одного метра в высоту — там и сям торчали на равнине ослепительно белыми столбиками и пирамидками. Слабый ветер нес резкий запах крупной кустарниковой полыни, и я подумал, что запахи разных мест в Гоби как-то соответствуют окружающему ландшафту. Мертвые равнины, как Нарин-Хуху-Гоби, насквозь продуваемые ветром, вовсе не имеют запаха. Панцирь черного щебня днем всегда издает запах нагретого солнцем камня; в саксаульных сухих руслах — душный застоявшийся воздух, припахивающий глиной; участки сухих русел и впадины, поросшие серебристой полынью, издают свежий ее запах. По пустынным местам с зарослями лука отчетливо пахнет чесноком, заросли тамариска в цвету чуть-чуть припахивают сиренью. Особенно приятны светлые пространства с дерисом и мелкой полынью, по которым ветер разносит бодрящий свежий запах, олицетворяющий воздух простора Монголии.

Мы остановились на ночлег у невысоких мраморных гор Сультэин-Захир («Знаменный Управитель»), по преданию, таящих огромную пещеру с мумиями и сокровищами индийского племени аджаров. Намнан Дорж и Рождественский ринулись на поиски пещеры и... конечно, ничего не нашли, хотя мелких пещерок в этих горах было без числа. Я не торопясь пошел на прогулку вдоль гор и скоро остановился восхищенный. Передо мной расстилалась широкая равнина, в центре которой стоял огромный массив Ихэ-Богдо. От горы протянулась полоса густо-лиловых облаков, под которыми чередовались оранжевые, золотые и серебристые полосы света. Дальше, над самой горой и левее ее, в чистое голубовато-серое небо уходили легкие сиреневые облака, прорезанные огненно-алой лентой, которая вскоре скрылась за горой. Тогда массив Ихэ-Богдо стал легким, контуры грозных скал утонули в мягкой дымке, густо-синей и тонкой наверху, голубовато-серой и толстой внизу. С угасанием заката легкая дымка поднималась все выше, а над равниной легли особые гобийские сумерки. В вечерах Гоби есть замечательные полчаса, когда солнце почти угасло

... только узкая его полоска еще видна над горами. Воздух становится очень прозрачен и в то же время как бы равномерно пронизан палево-голубым светом. Теней нет, темное делается четким и как бы чугунным, далекое — светлое — легким, воздушным. Желтое становится ярко малахитово-зеленым, зеленое — теплым светло-розоватым, белое приобретает сиреневый оттенок, а чисто белое (кварцевые россыпи, например) — голубовато-серебряным. Пески сухих русел лежат бирюзовыми пятнами. И все вокруг необычайно чисто, свежо, спокойно. В этом удивительно мирном освещении, полном отрешенности и покоя. Утром горы закрыты дымкой, очертания их мягки и сглажены, в то время как на равнине видна каждая кочка и каждый камень. Днем, под высоким солнцем, равнина сглаживается и в потоках горячего влажного воздуха приобретает мутную однообразную поверхность. Зато горы снимают утренние покрывала и выступают мельчайшими подробностями.

У холодных стен Монгольского Алтая мы отвыкли от страшной жары южных межгорных впадин. И сейчас, по мере приближения к ним, становилось все жарче и мы делали вялыми и туго соображающими. Древнее тибетское плоскогорье все еще продолжалось. Однообразные широтные гряды-хребтики высотой по сорок — пятьдесят метров были разделены плоскими впадинками. Гряды поросли ковыльком, и наши машины без всякого труда пересекали их поперек одну за другой, направившись прямо на юг. Кое-где по сторонам высились группы островных гор со сглаженными округлыми формами.

У колодца Дзак-худук («Саксауловый колодец») мы встретились с нашим искусным проводником. Здесь находилась юрта его родственников, а дальше, как он сказал, людей нет и ему трудно будет вернуться домой. Мы горячо поблагодарили умного и наблюдательного «арта». Он действительно оказался знатоком местности.

Снова без проводника, по собственному усмотрению, мы двинулись на юг по веселым и твердым холмам, пока не добрались до довольно больших гор Баян-ула («Богатых»), окаймлявших с севера громадную межгорную впадину, названную нами Занэмэгэтинской (позднее мы приписали ей имя академика В. А. Обручева). Самая высокая островная группа этих гор, называвшаяся Ихэ-Товчи ула, угрюмо громоздила перед нами свои тяжкие очертания гранитные купола. Широкая сухая долина

вела в глубь гор. Мы оглянулись в последний раз на синий маяк Ихэ-Богдо и направились в ущелье. Русло оказалось твердым, и мы скоро и быстро пересекли горный массив.

Перед нами, отделенные от нас огромной впадиной, встали знакомые кручи Алтан-улы, а левее — изученный до мельчайших подробностей зубчатый контур Нэмэгэту. Алтан-ула и Нэмэгэту казались отсюда очень высокими. Их фундаменты — бэли — поднимались над дном впадины на высоту, равную высоте всего хребта. Вдоль подножия Алтан-улы шел пояс красных обрывов и ущелий, скрывавшийся далеко на западе в свинцово-серой дымке, курившейся над песками Эхими-Цзулуганай («Луговые истоки»). Там могли таиться большие научные ценности. А здесь, с северной стороны котловины, прямо под носом наших машин был такой же лабиринт обрывов, оврагов и сухих русел. Он уходил на восток на добрых пятьдесят километров вдоль борта котловины. Общий тон пород тут не красный, а светло-желтый и серый, гораздо более напоминающий породы Эргиль-обо в Восточной Гоби. Это могло означать, что северный лабиринт состоит не из пород мелового возраста, а из более поздних — третичных. Однако для обследования его у нас не было времени.

Сейчас перед нами стояла другая, не менее трудная задача — найти в ущельях массива Нэмэгэту именно то сухое русло, которым мы пересекли хребет в 1946 году, направляясь из Нэмэгэтинской котловины в Ширэгин-Гашун. Отсюда, с севера, Нэмэгэту имел иной облик, и мы с Прониным, два гобийских ветерана, долго совещались, рассматривая в бинокль чугунно-серые кручи казавшегося неприступным хребта.

Со дна котловины наплывала оглушающая жара, внизу под нами, там, где просвечивали сквозь серую поросль саксаула желтые пески, крутились пыльные смерчи. Измученные жарой, мы решили устроить чаепитие «для прояснения мозгов», как выразился Вылежанин, ехидно поглаживая свою раздвоенную профессорскую бороду. Внезапно с порывом сильного ветра налетел дождь. Мы забились под машину. Через несколько минут земля высохла, и тот же тяжелый зной, казалось, затопил все окружающее. Немного освоившись с жарой, мы двинулись дальше на восток по бэлю Баян-улы, стараясь не спускаться к центру котловины как можно дальше.

Поверхность бэля была усыпана сплошным, без единой гравийки, покровом крупной гладкой гальки. Преобладала желтовато-белая кварцевая, смешанная с черной, лиловой, фиолетовой, красной, коричневой, зеленой — точно пестрая грубая мозаика. Обширная поверхность плато казалась россыпью крашенных пасхальных яиц. По этой незабываемой пестрой равнине там и сям были разбросаны светло-синие и голубые многогранники из полированной ветром очень твердой породы. Местность напоминала картины Билибина или Кустодиева в старорусском стиле. Так и хотелось увидеть богатыря или сказочную царевну на этом ярком праздничном ковре. А внизу, под обрывами, уныло стлалась жаркая котловина с вихрящимися столбами пыли, в которую приходилось спускаться нашим машинам.

Медленно, маневрируя по гребням отдельных хребтиков, мы понемногу съезжали вниз и в то же время упорно продвигались на восток. По нашим расчетам, следовало проехать не менее пятидесяти километров, чтобы оказаться напротив сквозного ущелья. Это был долгий путь в лабиринте крутых оврагов и сухих русел, заполненных рыхлыми песками. Иногда мы ныряли с крутых склонов так, что машина становилась чуть ли не вертикально. Как ни виляли мы по гребням увалов — все равно приходилось спускаться в сухие русла и пересекать их одно за другим. В одном русле обе машины застряли, и мы проехали только на досках, настилая их метр за метром пути. Спустившись в другое, опять засели и увидели, что ни вправо, ни влево пути нет — везде глубокий песок. Кроме шоферов, нас было всего пять человек, и я до сих пор не понимаю, как мы сумели втащить на руках обе наши трехтонки прямо на крутой откос песка. Это можно было сделать только с отчаяния. Но как раз отчаяния, насколько помню, и не было. Наоборот, мы, как обычно, смеялись и шутили. Брилев едва не уморил нас всех, с разбегу бросившись помочь машине, уже высоко поднявшейся на склон. «ЗИС» грузно осел. Брилев отбросило назад. Он брякнулся в сухое русло, став на голову и потешно взбрыкнув ногами. Вылежанин чуть не вывалился из раскрытой кабины — управляя машиной, он следил за задними колесами и видел все происшедшее.

Как бы то ни было, мы пересекли русло, спустились еще ниже и очутились на краю бэля. Высокие кусты сак-

саула как часовые окружили нас. Мы находились близко от дна котловины, но уже значительно продвинулись на восток, оказавшись напротив восточного окончания Алтан-улы.

Настала удивительно жаркая ночь. Измученные жарой и лошадиной работой по вытаскиванию машин, мы долго лежали нагишом на своих постелях, пока отдышались настолько, чтобы уснуть.

Зловещий рассвет разбудил меня. На западе от песков поднимались косые столбы отраженного мутного света. Мохнатые серые облака, драными клочьями свисавшие вниз, были освещены красным огнем зари. Налевую виднелась необычайно крутая бледная радуга углом, а не дугой, как обычно. Подобной радуги я не видел никогда за все свои скитания и не слышал о таком явлении. Впереди расстилалось море саксаула. Наступил решающий день — сегодня нужно было пройти в Нэмэгэтинскую котловину.

Снова мы с Прониным перебирали приметы и наконец решили, что ущелье находится не между Нэмэгэту и Алтан-улой, а восточнее, прямо в серых стенах массива Нэмэгэту. Как оказалось впоследствии, мы были правы. По невысокой гряде, протянувшейся по дну котловины, мы устремились на восток. Утренний ветер дул с востока, и это помогло нам увидеть редкостнейшее зрелище. Наша машина с разгона перевалила через довольно высокий холм. Внезапно Пронин затормозил. Прямо перед нами, в шестидесяти шагах, застыл маленький табун диких лошадей. Животные стояли не шелохнувшись, их напряженные тела казались отлитыми из бронзы. Правее, отдельно от табуна, вытянув шею и широко раздвув ноздри, смотрел на машину вожак-жеребец. Видение продолжалось не более одной секунды. Повинуясь какому-то сигналу вожака, табун исчез за ближайшим холмом так быстро, что я не успел ни пересчитать лошадей, ни даже рассмотреть их как следует. Последнее, что я увидел, был развевающийся хвост жеребца и его повернутая назад голова с белой полоской оскаленных зубов... Подъехавшие на полминуты позже Рождественский с Вылежаниным уже ничего не увидели. Так судьба удостоила меня увидеть лошадей Пржевальского со столь близкого расстояния, с какого вряд ли кто из путешественников их видел.

Скоро мы достигли дна котловины. Тут выяснилось,

...нагнанные нас пески на самом деле — безобидный белый ковылек среди саксаула. По твердой щебнистой поверхности мы быстро проехали около пятнадцати километров и наткнулись на большую тропу, подошедшую с юга то слева. Это и была та самая тропа, которую мы в Намгэту считали Легин-гольской.

Крутой подъем напрямик на бэль — и мы против скалы у края желанного сухого русла, отворачивавшейся параллельно хребту на восток. Маленькие обо по обеим сторонам тропы, а также выложенные цветными камнями огромные знаки, вроде двух ножниц, соединенных концами, подтвердили верность пути. Позади, на севере, опять показался характерный профиль Ихэ-Богдо. День был пасмурен и прохладен, временами на минуту-другую побрызгивал дождь. Густой голубой туман спустился в Ванэмэгэтинскую котловину с запада и протянулся длинным языком по ее дну на восток. Через каких-нибудь четверть часа мы доехали до знакомого заброшенного колодца. Отвесные скалистые стены полукилометровой высоты обступили нас. Кое-где на возвышенных участках сухого русла сохранились на гальке следы наших машин, прошедших здесь в 1946 году. Мы остановились, вылезли с Прониным из машины и сели покурить, предавшись на несколько минут милым сердцу воспоминаниям.

И вдруг с шумом посыпались камни. Мы оглянулись и увидели двух козерогов, медленно карабкавшихся по совершенно крутой стене. Намнан Дорж схватил винтовку, тут же подбежал Рождественский. Потрясающий гром, многократно повторенный эхом, прокатился по горам. От гулких ударов пуль обрушились камни, но не козероги, которые скрылись невредимыми.

Сухое русло поднималось к югу и постепенно из твердого стало рыхлым. Это означало, что уклон уменьшился и недалеко вершина подъема. Направо отошло узкое ущелье с крутыми стенами из слюдистых сланцев. В ущелье жили вороны. Стая мрачных птиц приветствовала нас зловещными криками, гармонировавшими с огромной пропастью и хмурым небом над ней. Но мы повернули налево и скоро вышли на простор бэля. Машины все более удалялись от стены хребта, а высшая точка вершины еще не была достигнута. Как почти во всех горных хребтах, ущелье было эпигенетическим. Иными словами, вершина водораздела лежала вне самой высо-

кой части хребта, и стекавшие с этой вершины воды прорезали насквозь постепенно поднимавшийся рядом молодой хребет. Это было серьезным доказательством того, что совсем недавно в Гоби преобладали возвышенности с пологими, мягкими формами, как в Хангае.

Насколько легко было пересечь хребет, настолько трудным оказалось преодоление водораздела на верхней части бэля. Глубокие русла, заваленные огромными камнями, преграждали путь, и мы долго блуждали между ними, пока наконец не выехали снова на тропу. Мы не узнали ее: утоптаный когда-то песок был разъезжен автомашинами. Не стоило труда догадаться, что здесь проложили дорогу для вывозки коллекций из Алтан-улы, с «Могилы Дракона». Мы не повернули направо, на запад к Алтан-уле, а пошли вниз, в котловину, где должен был находиться Центральный лагерь.

Едва нас обступили бархатные красные холмы третичных отложений, как мы увидели палатки. Оказывается, лагерь сюда перевели из ущелий — поближе к Алтан-уле и к многоводному колодцу Ойдул-Худуку. В лагере давно слышали наши моторы, но не выходили встречать, так как думали, что это машины с Алтан-улы. И только когда мы, по обычаю, дали залп, тогда с приветственными воплями выскочили и запрыгали, радуясь, как дети, Лукьянова и Петрунин.

Всегда смуглая, Мария Федоровна в Гоби почернела, «как головешка», по непочтительному выражению Эглона, возраст которого давал право на известную фамильярность. Смоляные косы были распущены — впопыхах Лукьянова не успела их заплести. Пестрая клетчатая ковбойка и необъятные парусиновые шаровары составляли ее гобийский наряд. Под стать ей был Петрунин, до глаз заросший твердой щетиной рыжеватой бороды, с широко раскрытой от жары шерстистой грудью. Скоро мы уселись за удобным столом, поглощая чай.

Так закончилось наше первое путешествие по Заалтайской Гоби, и мы вернулись к ставшим обычными делам в котловине Нэмэгэту.

Глава шестая

ГОЛУБЫЕ МАЯКИ ДОЛИНЫ ОЗЕР

*По числу пройденных перевалов
жизнь ценится.*

Пословица

Через два часа после нашего возвращения из Западного маршрута в лагерь подошли «Дракон» из Улан-Оатора и «Тарбаган» с Алтан-улы. Таким образом, мы сразу оказались в курсе всех дел: узнали, что окончился весь запас леса и гвоздей, что масло для автомашин на исходе, что на раскопках в Алтан-уле поломались и твердый песчаник все наши инструменты. В остальных дела обстояли благополучно. Выкопанные в Нэмэ-гэту коллекции были вывезены из ущелий и частью перенесены в Далан-Дзадагад. Оставшаяся часть стояла победной пирамидой на высоком бугре недалеко от бывшего Центрального лагеря. Сюда, во временный лагерь, свозились коллекции с «Могилы Дракона», еще не упакованные за отсутствием досок. Лукьянова заведовала этим лагерем, в шутку прозванным «Лукьян-сомоном». Несколько дней она провела тут в одиночестве, царицей всей западной части котловины. Потом в помощь ей был приращен рабочий Намсарай.

Я отправился на «Могилу Дракона» на следующий же день после приезда, поговорил с Эглоном и убедился в безнадежности дальнейшего продолжения работы. Огромные плиты песчаника, содержавшие скелеты утконосых динозавров, не поддавались разделению на подъемные части, так как кости крошились и высыпались. Чтобы не погубить ценнейшей находки, следовало брать не большими плитами по тонне и более весом, а значит — прокладывать сюда доступную для автомашин дорогу. Волей-неволей приходилось отложить раскопки «Могилы Дракона» до следующей экспедиции. Я до такой степени не люблю откладывать что-либо намеченное, что меня в этих случаях одолевает хандра. Но когда я ранним утром 7 июля вышел из палатки на «Могилу Дракона» и окинул взглядом невеселое место, то оно совершенно преобразилось. Отвесные кручи Алтан-улы стали темно-зелеными, очень густого цвета, с отдельными черными пятнами пустынного загара и серыми бороздами

русел и рытвин. Прямо перед нами — светло-серые бледные обрывы и останцы, подчеркнутые полосой ярко-оранжевых песков на уровне «Могилы Дракона». Как всегда, величественная и покойная красота пустыни утешила меня.

«Что же такое Гоби?» — подумалось мне. И тысячи километров пройденных путей образовали в памяти сменяющуюся ленту мысленных картин. В прежнем моем представлении Гоби была равнинной пустыней, каменистой или песчаной, с редкой растительностью и палящим зноем. При более близком знакомстве Гоби сделалась гораздо более сложным понятием.

Это прежде всего равнинные плоские впадины с песками и глинистыми площадками в центре, где мало обнаженной почвы, а все одето щебенкой, черной, коричневой или серой, мелкой во впадинах и крупной — в горах. Это мелкосопочник — сильно размытые, задернованные плоские холмы или небольшие горы. Это гряды обнаженных твердых пород с россыпями камней и невысокими ощеренными скалами. Это обширные светлые плоскогорья, покрытые редкой желтой травой — ковыльком, и это же невысокие горы, вокруг которых вся поверхность иссечена мелкими промоинами и сухими руслами. Горы — то округлые, иногда засыпанные песками, то обнаженные, ошетиленные, истерзанные ветром и зноем. И, наконец, Гоби пересечена грозными, голыми скалистыми хребтами. Мощные пояса из крупных камней и щебня охватывают эти бастионы безжизненной материи. Подступы к ним заграждены бесчисленными сухими руслами, в которых встречаются неожиданные оазисы могучих деревьев — хайлясов и евфратских тополей. Гоби — это бесконечные заросли саксаула, редких кустов караганы, луки и полыни. Пухлые глины и солончаки с жирной зеленью солянок и эфедры. Есть здесь и громадные полосы подвижных песков с барханами двадцатиметровой высоты, зловеще курящиеся даже на слабом ветре. И еще многое и многое можно сказать о Гоби...

Передать основное ощущение Гоби в целом можно двумя словами: ветер и блеск. Ветер, дергающий, трещающий и раскачивающий, несущийся по горам и котловинам с шелестом, свистом или гулом... Блеск могучего солнца на неисчислимых черных камнях, полированных ветром и зноем, горящие отраженным светом обрывы белых, красных и черных пород, сверкание кристалликов

сони и соли, фантастические огни рассветов и закатов, серебристо-серебряный лунный свет, блестящий на щебне и гладких «озерах» твердой глины...

Июль оказался самым прохладным и дождливым месяцем. Медленно шли дни в нашем лагере в центре котловины Нэмэгэту. Машины работали неустанно, вывозя коллекцию и снаряжение в Далан-Дзадагад. В дождливые дни почва стала более мягкой, и машины продавили и прокатили наконец дорогу из котловины в Ноян сомон. Теперь достижение сомона для машин с полным грузом было делом нескольких часов. Но дорога досталась нам недешево: все машины дымили, требуя смены колец, грубо поломанных рессор на складе в Улан-Баторе все увеличивалась. Приходилось поочередно отправлять машины в Улан-Батор для ремонта. Первым ушел туда с легким грузом из бочек доблестный «Дзерен», рама которого, треснувшая в Западном маршруте, угрожающе прогибалась. Наличный состав экспедиции вновь разделился на два отряда.

Орлов с Эглоном и Новожиловым отправились на Цаган улу, чтобы раскопать слой прессованных черепках, а также обследовать западный конец «Красной гряды» трещинных пород, в которых все чаще и чаще находились пока еще неопределимые обломки костей. Лукьянова с другой партией рабочих отправилась снова в район бывшего Центрального лагеря Нэмэгэту для выемки так называемого «горбатого позвоночника» в Северо-Западной котловине. Над этим позвоночником мы с Эглоном и Громоным гадали в 1946 году. Здесь оказался целый скелет углоносового растительноядного динозавра — зауролофа. Мы с Рождественским отвезли отряд Лукьяновой на «Траконе» и высадили их на краю красного лабиринта с запасом воды и пищи, словно зимовщиков в Арктике. Рождественский, Шкилев и я оставались в «Лукьян-сомоне», трудясь над финансовыми расчетами и обработкой наблюдений Западного маршрута. Шкилев доставал особую тетрадь и размашистым почерком вписывал, что следует заготовлять для будущей экспедиции. Николай Абормович не отличался хорошей памятью и не выработал системы записей. Делая заметки повсюду — на перечнях вещей, квитанциях учреждений, расписках рабочих, он считал, по подсчету Рождественского, около 70 процентов ошибок. Но трудно было сердиться на нашего Николая Абормовича. Здоровый и спокойный, с мягким украин-

ским юмором, Шкилев был хорошим товарищем. Несмотря на перенесенную весной тяжелую болезнь, он всегда охотно бросался помогать в погрузке огромных монолитов или вытаскивать застрявшую машину. Отзывчивый и совершенно лишенный стяжательства или жадности, Шкилев пользовался общим доверием и любовью, несмотря на «грешные» для хозяйственника забывчивость и бессистемность в работе. Спали мы прямо под открытым небом, и наши дюралевые койки стояли на окраине лагеря. Бесконечный черный простор гобийской ночи затоплял койку — маленький островок человеческой жизни в неоглядном океане темного воздуха. А сверху — вся звездная бездна и бесконечность вселенной, становившаяся тут как-то ближе и понятнее.

Действительно, в это прохладное время со слабыми ветрами ночи в Гоби стали великолепны. Охлажденный воздух прозрачен неимоверно, чист и свеж, как нигде в мире, а неприглядная земля прикрыта тьмой и загадочна. Вечерами на раскопке Лукьяновой загорался костер. Рабочий, встав перед ним с листом фанеры, открывал и закрывал огонь и сигнализировал нам, а мы, развернув единственную оставшуюся у нас машину, маленького «Козла», отвечали вспышками фар. Столь далекая видимость с возвышенных мест (наш лагерь находился на «Красной гряде», а раскопки — на бэле) навела меня на мысль в следующей экспедиции использовать ракетную сигнализацию.

Пасмурная холодная погода с продолжительными дождями упорно держалась. Котловина Нэмэгэту изменила свой облик. Темные облака обычно садились все ниже, пока их обрывки не спускались прямо на бэль и стелились по подножию Алтан-улы. Огромные полосы синего тумана ползли по Нэмэгэту, а самые горы (Нэмэгэту и с юга — Хугшо, Шуша и Хурху) делались совсем темными, черновато-синими. Влажная равнина побурела и утратила прежнюю мутную и серую видимость. Все во круг стало резким, с темными тонами, хмурым и в то же время свежим, новым, без дрожания раскаленных воздушных потоков, без пыли и тусклого марева, так скрадывавших расстояние в сухие и знойные дни.

Вернулся Цаган-улинский отряд, закончивший работу. Орлов рассказал о находке костей древних млекопитающих в «Красной гряде». Найдена целая челюсть, принадлежавшая, как определил Орлов, диноцерату. Дино-

черепки — странная группа древних зверей, живших около пятидесяти пяти миллионов лет тому назад. Они обладали признаками разных отрядов: черепом, похожим на череп медведя, коренными зубами, как у древних летучих мышей, лапами, как у копытных, но с когтями и т. п. Тиноцераты до сих пор были известны только в Америке, а находка их в центре Азии представляла очень большой интерес. Орлов отправился с Эглоном, чтобы проверить место находки и определить возможность раскопок. Исследователи вернулись через день с заключением о целесообразности раскопок или задержки для дальнейших поисков. Я послушался их, не поехал на место сам, и это было моей ошибкой. На следующий, 1949 год мы провели исследование «Красной гряды», в результате чего были открыты интереснейшие, совершенно новые для Азии древнейшие млекопитающие, выкопаны целые черепа, части скелетов и, кроме того, неизвестные ранее черепахи и рыбы.

К 17 июля в лагере собрались все участники экспедиции, не было только Пронина с Брилевым: «Дзерен» числился в Улан-Баторе. Объявив выходной день, мы долго делились впечатлениями и рассказывали о приключениях. Больше всего рассказов доставалось на нашу с Рождественским и Вылежаниным долю. «Герои» Западного маршрута рассказывали о страшной жаре на черных наклонных равнинах около Цаган-Богдо, о полной безжизненности глубоких впадин Заалтайской Гоби, о таинственных горах Эдеренгийн-нуру, о невероятном количестве дикой живности у Монгольского Алтая, об оставшемся недоступном хребте Ачжи-Богдо.

Обсуждались и научные результаты наших открытий — и прежде всего перспективы исследования огромного пояса меловых и третичных красноцветов, окаймлявших всером Алтан-улу и протягивавшихся далеко на запад. Здесь оставалось еще очень много дела, но мы не могли ограничиться работами только в Нэмэгэту. Следовало произвести раскопки древних млекопитающих, более поздних, чем найденные в Эргиль-обо в Восточной Гоби или около Далан-Дзадагада в Хашиату. Благодарение требовало начать поиски с изучения открытых американской экспедицией местонахождений и пройти в Долину Озер — большую межгорную равнину, между северным склоном Гобийского Алтая и южными предгорьями Калганя. Там находилось несколько озер — Цаган-нур

(«Белое озеро»), Орок-нур («Серое озеро»), Холбочжин нур («Двойное озеро») и другие.

Было решено разделиться на два отряда. Один, под начальством Рождественского, шел прямо к Орок-нuru и начинал исследование местонахождений. Другой, под моим начальством, должен был обследовать котловину Дагшигуин-Шубуту («Непроходимая узкость») и Барун Баин к северу от Далан-Дзадагада, составлявшие продолжение полосы отложений мелового периода, протянувшейся на восток от Баин-Дзака. В центре этой полосы наша экспедиция 1946 года открыла местонахождение Олгой-Улан-Цаб, в твердых песчаниках которого остались лежать скелет гигантского динозавра — зауропода.

После возвращения в Далан-Дзадагад к моему отряду присоединился «Дзерен», который должен был прибыть к этому сроку из Улан-Батора починенным и загруженным бензином. Бензин следовало доставить на Орок-нур отряду Рождественского. По пути моему отряду предстояло еще обследовать впадину Оши-нuru, заполненную нижнемеловыми отложениями. В ней американская экспедиция нашла два скелета маленьких попугаеклювых ящеров, группы пситтакозавров, которые произошли от общих предков с исполинскими игуанодонтами и утконосыми динозаврами.

За разработкой планов и разговорами мы засиделись до поздней ночи. Яркая луна осветила холмы, а небо постепенно затянулось легкими перистыми облаками. В луне они засеребрились тысячекрылой стаей больших птиц, между которыми особенно ярко горели звезды. А под серебристыми птицами, парившими между звездами, стелилась до горизонта темная земля...

Утром машины покинули котловину и увезли отряд Рождественского. В лагере стало тихо. Новожилов с Лукьяновой уныло бродили по холмам в поисках кремневых орудий древних людей. В этих сборах Рождественский был непревзойденным мастером и уже успел обойти окрестности лагеря. Вечером мы с Новожиловым подводили итоги всей нашей работы.

Двадцатого июля из Далана за нами прибыли две машины — все, что нам смогли выделить. Однако имущества оказалось так много, что мы потратили на погрузку весь следующий день. Машины напоминали цыганские телеги: бочки, кадки, палки, кошмы, кастрюли были привязаны сзади, сверху, сбоку — везде, где только были

... возможность прочно укрепить вещи. Двадцать второго мы бросили прощальный взгляд на зеленую Алтан-улу, на угрюмые зубцы Нэмэгэту, величественную Хугшо и покинули Нэмэгэтинскую котловину.

Дождливый июль везде внес изменения. Пески Хонгоробо сомона плотно прикатались и легко пропустили машины. Высокогорный перевал через Гурбан-Сайхан зазеленел и запестрел цветами. Желтые поля альпийских и высокогорий стали нежно-зелеными, а пологие холмы по сторонам сквозной долины совершенно малахитовыми. Эта редкая в природе окраска происходила от яркой зелени долины, через которую просвечивали пятна синеватого на солнце щебня. Влажный ветер нес по ущелью запах долины и цветов. Густые заросли пахучей цветущей травы виднелись издали огромными голубыми пятнами. Каменные откосы украсились ярко-желтыми пучками цветов камнеломки.

На северной стороне перевала первым встретился нам мрачный невозмутимый як, который презрительно игнорировал наши машины.

Холодным, совершенно осенним вечером мы прибыли на базу, в аймак, застав Орокнурский отряд в унынии из-за отсутствия бензина. К вечеру подготовка машины к маршруту прервалась неистовым шквалом. Из низких белых облаков посыпался град в полкулака величиной. Все живое разбежалось, земля покрылась слоем льда — резко похолодало.

На следующий день Шкилев уехал в Улан-Батор на «Гирбагане». Следом выехал Орокнурский отряд на «Волке», «Кулане» и «Козле» в составе Рождественского, Эглона, Орлова, Намнан Доржа и других. Корнилов остался на базе для упаковки коллекций и отправки грузов.

Еще через день на «Драконe» отправились и мы, быстро достигнув котловины Дагшигуин-Шубуту, находящейся в ста тридцати километрах к северу от Далан-Дондагада. Дно котловины размокло от дождей и превратилось в опаснейшую «машиноловку». Я много путешествовал на автомобилях, но еще никогда не видал такой невероятно липкой грязи, отодрать которую от колес было трудно даже острой лопатой. Пришлось осторожно обходить котловину вдоль ее борта. В задачу отряда входило капитальное обследование Улан-Ош, открытого Орловым, Громовым и Эглоном в 1946 году. К сожалению,

проводника, водившего их, не было в аймаке. Приходилось положиться только на записи и рассказы самих открявателей. Можете представить мой ужас, когда оказалось, что никаких записей путешественники в свое время не сделали, не потрудившись даже записать расстояние по спидометру машины. Не лучше обстояло дело и с рассказами о пути по памяти: ничего внятного «откряватели» так и не сказали. Очевидно, всецело положившись на проводника, они продремали в машине до самого места. Разыскать это отсутствовавшее на картах урочище нам не удалось. Обрывов с красными породами нижнего мели и мелкими костями динозавров, похожих на Улан-Ош, нашлось довольно много.

К западу котловина, сужаясь, переходила в другую, вернее — в две, следовавших одна за другой, — Цзун-и Барун-Баин («Восточный и Западный Богатый»). В начале Цзун-Баина стояло громадное старинное обо с тибетскими надписями и старинными китайскими монетами, аккуратно положенными на каменную полочку. Дальше на запад котловина расходилась крутыми обрывами серых углистых глин, которые на солнце казались ярко-голубыми и синими. Голубые стены прочерчивались полосами белых конкреций и мясо-красных глин. Мы лазили по обрывам до заката, когда пестрота крутых стен стала еще более красочным чередованием широких синих, узких багряных и совсем тонких розовых полос. Эту нарядную пестроту окружали угрюмоватые коричнево-красные обрывы и холмы. Цветистые отложения обманули нас — только отдельные обломки костей каких-то мелких хищных динозавров встретились нам на размытых холмах вместе с обугленными стволиками растений и обломками панциря черепах. В погоне за новыми находками мы храбро штурмовали крутые стены голубых глин, что закончилось блистательным полетом Лукьянкой с какого-то рыхлого карниза. К счастью, «парашютистка» отделалась царапинами и испугом.

Дальше к западу голубые породы исчезли. Котловина стала угрюмой, кирпично-красной. У подножия круч толпились высоченные красные конусы, увенчанные почти кубическими плитами песчаника с гнездами орлов наверху. Мы попали в какой-то особый красный мир, даже тени казались коричнево-красными. День выдался жаркий. Солнце палило нещадно, пока мы, проклиная судьбу, бродили в лабиринтах промоин.

Только на следующий день мы вырвались на простор Барун-Байна — обширной, открытой на запад котловины. Здесь были широкие сухие русла с группами хайлясов, широко раскидистых, словно акации африканских саванн. В душных оврагах Барун-Байна обитало почему-то множество пауков. Паутинные сети перегораживали ряд за рядом узкие овраги. В центре каждой из них сидел тусклого вида громадный паук с черным изображением скорпиона на спине. К вечеру в рощице хайлясов мы с Новожиловым набрали на птенцов орла в очень примитивном гнезде — ямке в пыли, у подножия дерева. Немного поодаль на вершине хайляса, стоявшего в центре очень тесной купы из шести деревьев, мы увидели исповинское гнездо метра полтора в поперечнике. Зоркий глаз Новожилова заметил в нем какое-то движение. Что-то большое и черное едва различимо шевелилось в чаще ветвей. Я снял с плеча винтовку и выстрелил в гнездо. Ни секунду оттуда вздыбилась черная масса, рухнула обратно и стихла. Новожилов отважно взобрался на верхушку хайляса и увидел в гнезде уже мертвого черного грифа. С трудом мы вытащили из гнезда огромную птицу. Кроме нее, в гнезде не было ничего, и вообще, по-видимому, гнездо давно не использовалось. Зачем забрался сюда гриф — осталось непонятным. Новожилов уверял, что гриф был болен и попросту отлеживался в гнезде. Размах крыльев грифа достигал двух метров. Вокруг клюва и под клювом птицы были белые просветы, но общая окраска была настолько густа и черна, что по контрасту с ней эти белые участки казались ярко-голубыми.

Четыре дня мы странствовали по цепи котловин, исследуя бесчисленные красные обрывы в поисках пресловутого Улан-Оша. Если Улан-Ош и не удалось найти, то выяснилось много интересного. Цепь впадин к северу от Тачан-Дзадагада протянулась полосой около двухсот километров длины и на западе доходила, по-видимому, до Арча Богдо («Можжевеловая Святая») — самой восточной из трех главных вершин Гобийского Алтая. Там находилась впадина Оши — открытое американцами местонахождение нижнемеловых динозавров. Вся цепь котловин была заполнена отложениями нижнемеловой эпохи, морскими или болотными. В них отсутствовали ископаемые русла, и поэтому не было богатых скоплений костей. Только в голубых углистых глинах Цзун-Байна, залегающих в небольшом древнем русле, находились незначи-

тельные количества костей динозавров и черепах, да и то сильно поврежденных. Вероятно, более мощное русло мелового периода находилось на месте Олгой-Улан-Цаби. Этот останец нижнемеловых пород, одиноко стоявший на засыпанной песками равнине западнее Барун-Баина, был исследован в 1946 году Орловым и Громовым и содержал кости крупных динозавров. Когда я впоследствии показал составленную мною карту котловин Орлову с Эглоном, то, по их догадкам, оказалось, что Улан-Ош располагался примерно в тридцати километрах к северо-западу от последней нашей ночевки, уже вне пределов Цзун-Баинской котловины.

Эта последняя ночевка находилась среди выступов красных обрывов, недалеко от северо-западного края котловины Дагшигуин-Шубуту. На южной стороне котловины вечерний дождь спадал синими столбами из высоких серых туч. С запада надвигалась низкая красная туча. Докатившись до нас, она выбросила, точно щупальца, горизонтальные струи мелкого песка и пыли, несомые ураганным ветром. Мы поспешили по примеру далеких предков укрыться в пещерах, оказавшихся поблизости от машин. Здесь же была оборудована первобытная кухня. Втягивая запах варящейся баранины, мы устроились совсем уютно. На ровном полу пещеры мы расстелили постели и остались на ночлег.

Перед тем как стемнело, Новожилов вышел прогуляться и наткнулся на дикого кота — манула. Кот приветствовал его шипением и отвратительным воем, собираясь перейти в наступление, и Новожилов бежал. После этой встречи, с экспрессией рассказанной Новожиловым, удобства ночлега сильно померкли. Новожилов клялся, что дикий кот непременно придет ночью за остатками ужина, и горе тому, кто нечаянно окажется на его пути. Лукьянова, а за ней и Безбородов, ложась спать, завернулись с головой в одеяла, чтобы защититься от грозного кота.

Утром мы с Безбородовым замерили бензин в баке — его оставалось примерно на двести пятьдесят километров и ни капли более. До базы было не меньше ста пятидесяти километров. Нашему крейсированию по котловинам пришел конец, да и пора было возвращаться на базу. Отряд Рождественского поехал на Орок-нур с недостаточным запасом бензина и совсем ничтожным — масла, а путь предстоял им далекий и трудный. Первого ав-

... мы прибыли в Далан-Дзадагад, к нашему ужасу, оставив там ни одной машины. Однако в темноте подошли «Дзерен», который завяз в «машиноловке», в недавно покинутой нами котловине, и еле выкарабкался. Терrible дело было за «Тарбаганом»: бензин для отдачи долгов и маршрута на Орок-нур был именно на этой машине. Мы получили телеграмму о выходе машины из Улан-Батора и два дня ждали ее с тревогой.

Наступили жаркие и душные дни, чувствительные даже и прохладе глинобитного дома нашей базы. Четвертого августа утром явился «Тарбаган», запоздавший из-за поломки хвостовика. Начался спешный ремонт и разборка имущества. На следующий день «Тарбаган» снова ушел в Улан-Батор с грузом коллекций. Шестого августа выступили и мы к Орок-нuru на «Дзерене» и «Драконe». К сожалению, бензина доставили в обрез — всего десять вёшек для больших маршрутов пяти машин. Мы везли нашим обильную почту и ящик свежих огурцов. Впервые в этом году мы с жадностью отведали свежих огурцов и свежей капусты, привезенных «Тарбаганом».

Среди почты были две срочные телеграммы Орлову. Он давно ждал известий из дому. Я предвкушал удовольствие быть приятным вестником там, на далеком Орок-нуре.

Мы быстро доехали по знакомой дороге до Банн-Дзая и нашли на отвороте тропы знак и письмо Рождественского. Теперь пробка радиатора «Дзерена» направилась, как на маяк, на острый конус вершины Булагин (Родниковый), выступавший углом к северу из массива Арца-Богдо. Приволье широкой и твердой равнины скоро кончилось. Мы принялись метаться и вилять между огромными буграми песков и крупным саксаулом. Наши орокнурцы не вполне удачно выбирали дорогу. Дальше их след оказался проложенным через пухлые глины и буристые пески котловины Хурэн-Тойрим («Коричневая впадина»). Мы решительно отвернули направо, на север, к Циган-Обо, и легко проехали по гребням холмов, целое море которых расстелилось вдоль края впадины. Поднявшись на широкое плато, мы снова взяли курс на конусовидную вершину Арца-Богдо, быстро приближаясь к ней. Плато на десятки километров было засыпано щебнем кремнистых метаморфических известняков, на солнце казавшихся небесно-голубыми.

Одолев за день больше двухсот километров, мы заню-

чевали в холмах у подножия Арца-Богдо. Скалы розовато-белых пегматитов ступенчато поднимались над нашим биваком, и в них кусками зеркал сверкали крупные кристаллы мусковита — белой слюды. Когда я уселся на нижнюю ступень, чтобы отдохнуть и покурить, серебряные зеркальца заискрились красными огоньками закатного солнца, белый кварц зарделся розовым, а большие кусты синих цветов слабо трепетали на ветру перед скалами.

Зверский предрассветный холод напомнил, что монгольское лето кончается. Необыкновенно высокая трава достигала бортов машин, но дорога оставалась хорошей. Ехать приходилось наугад — без проводника, подступы к впадине Оши были неизвестны. На траверсе верхушки Арца-Богдо я решил повернуть на север. Обширная всхолмленная равнина с покровом мелкого щебня сплошь поросла диким луком. Как и везде, в Нэмэгэту и в Восточной Гоби при езде по луковым равнинам слышался запах чеснока. Этот запах раздражал обоняние. Все мы к вечеру были голодны и мечтали о полузабытых деликатесах вроде «Любительской» колбасы. Мощные слои базальтовой лавы покрывали там и сям вершины холмов. В одном сухом русле привлекли внимание красивые прослои в базальтах. В каждом прослое чередовались трех-пятисантиметровой толщины полоски ярко-красной яшмы, яшмы очень красивого бежевого цвета и, наконец, прозрачного опалесцирующего халцедона. Визу, под обрывом базальта, валялось множество каменных орудий, вернее, отходов производства орудий — нуклеусов и отломков. Пристальный осмотр окончательно убедил меня в находке мастерской каменных орудий. Здесь, непосредственно у месторождения яшмы и халцедона, доисторические обитатели Гоби занимались своим, требовавшим большого искусства делом. У мастеров каменного века чувствовался художественный вкус. Они разделяли разноцветные слои, выделявая орудия — ножички и стрелы какого-нибудь одного цвета, или же в более крупных орудиях — рубилах, ножах — красиво подбирали цвета, используя природную полосчатость. Я нашел несколько таких двухцветных красно-бежевых или бежево-белых стрел...

Еще около десяти километров мы поднимались постепенно все выше и вдруг с края обрыва увидели всю впадину Оши. Характерная особенность монгольских геоло-

гических обнажений проявлялась и тут. Впадина Оши была промыта в большой пологой возвышенности, остатком которой торчала гора Оши-нуру, собственно представлявшая собою обрыв восточного края впадины. Около пяти километров мы проехали, выбирая место для спуска, и наконец очутились на дне против длинного останца красных пород, прикрытых пятнадцатиметровой толщей черного базальта с идеально ровной плоскостью наверху.

Мы провели два дня в лабиринтах обрывов и ущелий, но, несмотря на тщательные поиски и присутствие таких знаменитостей, как «Соколиный» и «Орлиный» глаза — Непожилова и Пронина, нам удалось найти совсем немного костей динозавров. До вечера мы бродили в различных направлениях и каждый по намеченному участку, пока не выбивались из сил. Ветер редко достигал душного дна впадины, нагретые солнцем камни отдавали свой жар в застоявшийся воздух. Когда мы нашли следы лагеря американской экспедиции, которая провела здесь две недели, то удивились, зачем выбрали они такое плохое место для долгой стоянки. В первое посещение Оши в 1922 году американцам удалось сразу же найти два неполных скелета маленьких динозавров — пситтакозавров. Зато в 1924 году усилия шестнадцати человек при двухнедельных поисках не дали ничего. Немногом больше повезло и нам, хотя, конечно, нам удалось обойти и сколько-нибудь подробно обследовать едва видную часть всей сложной системы обрывов. Разгадку нашего неведения я нашел по ту сторону центрального останца. Здесь, впервые в Гоби, я увидел большие камни, покрытые лишайниками, и такой же замшелый шебень на склонах голых холмов. В гобийских горах Монголии нет древних камней и скал, какие часто встречаются у нас на родине — например, ледниковые валуны. Перед покрытыми мхом и лишайниками камнями как-то чувствуешь пронесшиеся над ними тысячелетия.

В гобийских горах камень обнажен и свеж, истерт ветром, растрескан солнцем и морозом, изрыт ветром. Рыхлые породы осыпаются глинистой коркой, как будто недавно облитые водой. Каждый обрыв здесь — как только что нанесенная земле рана. В зонах развития песков занесенные ими холмы и горы создают гнетущее впечатление победы рыхлой безликой пыльной материн над чем-то твердым и гордым. А здесь, на Оши, покрытые

лишайниками глыбы казались древним устойчивым ост- ровком среди хаоса размытого, вечно меняющегося кам- ня. Это означало, что размыв и разрушение горных по- род на Оши-нуру раньше, может быть, два-три тысяч- летия назад, были более сильны, а теперь ослабли. Вме- сте с ослаблением размыва перестали вымываться и окаменелые кости. В местонахождении Оши не было за- хоронено костных скоплений, потому что во время отло- жения пород не было речных русел. Указание на сильное развитие косой слоистости — признака переменных реч- ных потоков, сделанное американцами, нами не подтвер- дилось. Следовательно, в первое посещение Оши амери- канская экспедиция собрала все то, что было вымыто за- тысячи лет. Остатки же, погребенные и рассеянные в ог- ромных массах песчаников и глин, найти было мало шансов.

Я долго бродил по Оши, пытаюсь понять, как образо- валось это местонахождение, при каких условиях и в ка- кое время. Невероятные формы размывов со всех сторон обступали меня. Надменно выпятили красные груди утес- ы, сверху прикрытые броневыми плитами базальта цве- та железа, словно вожди сказочных индейцев. У подно- жия обрывов — поразительный хаос камня — конкреций темно-коричневого песчаника. Шары, колеса, валы, кол- басы, трубы, какие-то окорока — все темное и мертвое валялось на низких буграх. Выше камень делался свет- лее — красный, желтый, светло-серый. Его очертания на крутых стенах и выступах принимали облик живого: страшные рожи, птицы, звери хмуρο глядели с высоты на карабкающегося по дну ущелья человека. Особенно поразителен был уступ на восточном конце Центрально- го останца, высоко над дном котловины. Низкая камен- ная скамья образовала полукруг, и на концах его стояли два четырехметровых каменных идола: правый (север- ный) — с грозно нахмуренным лбом, левый (южный) — с недоброй гримасой искривленного рта. Человеческое подобие этих фигур выветривания было просто поразит- ельным. Еще более удивительна их «установка» на мест- ности — настоящее древнее жертвенное место.

Новожилов нашел вертикальную конкрецию песчи- ника около семидесяти сантиметров высоты, в профиль очень похожую на задорную старушонку. Ниже ущелий Центрального останца ветвились менее крутые овраги, разделенные широкими и плоскими промежутками. По

вершина этих маленьких плато, равно как и дно ущелья, была завалена правильными шарами темного песчаника размером в среднем с человеческую голову. Поверхность от пустынного загара шары удивительно походили на пушечные ядра, и местность напоминала поле обываемо жестокого старинного сражения.

На второй день пребывания на Оши Новожилов, Брицкий и я совершили обход восточной части впадины. На вершине горы Оши-нуру мы воздвигли обо, заложили в него обычную коробку с запиской об экспедиции и приступили к исследованию восточной системы обрывов и ущелий. Склон впадины спадал двумя гигантскими ступенями по сто метров высоты. Второй уступ образован базальты. По их плитообразной поверхности змеялись жуткие пропасти — обрывистые каньоны по пятьдесят — семьдесят метров в глубину. Верхний слой — черные и темно-коричневые отвесные базальтовые скалы, в трещинах которых пестрели яркие пучки синих цветов. Внизу валялись гигантские кубические глыбы базальтов.

Мы с трудом спустились в одну из таких пропастей. Базальты, раскалившись на солнце, дышали невыносимым жаром. Отсюда мы пробрались в ущелье глинистых пород с более пологими, но удивительно ровными и гладкими стенами. Серые породы казались откосами туго натянутой замши, красные — завесами бархата. Под ними вилась желтая лента русла, усеянная кустиками крупных оранжевых, синих и белых цветов. По ущелью струился их сильный аромат, особенно от оранжевых, которые носят у монголов замечательно поэтическое название — алтан дзула (золотая свеча). Они издавали запах лилии, но во много раз более сильный и пряный.

На самом дне котловины Оши идти было тоже нелегко. Душная жара, казалось, сгущалась. Песок с кустиками колючки хрустел под ногами, уступчиво оседая и замедляя шаг. Мы по очереди несли тяжелую кость огромного динозавра — зауропода, найденную в верхней серой толще. Но это были последние трудности. Исследование местонахождения закончилось, и непригодность это для раскопок сделалась очевидной. Отложения нижнемеловой эпохи, встреченные на Оши, чрезвычайно напоминали такие же отложения гор Хара-Хутул в Восточной Гоби. Те же базальты, серая и надбазальтовая глинистая толща, множество конкреций песчаника в подбазальтовых слоях. Но Хара-Хутул был очень богат остат-

ками растений и костями разнообразных динозавров. Там, как это уже говорилось, пролегалo большое русло, и сохранившиеся вертикальные пни болотных кипарисов указывали на близость затопленного низменного берега, находившегося в километре от костеносного русла.

На Оши зона отложения песчаников и глин находилась дальше от берега. Вода, сносившая остатки динозавров и растений, из береговой области сюда не дошла, только редкие трупы маленьких попугаеклювых динозавров заплывали сюда да еще попадали отдельные кости зауроподов — гигантских обитателей морских прибрежий.

Зона отложения Нэмэгэту находилась не ближе к берегу, чем Оши, но в Оши не было могучих рек, подводные русла которых заходили в море далеко от берега и приносили множество остатков обитателей суши.

Девятого августа мы начали штурмовать песчаный южный борт впадины, постепенно взбираясь с холма на холм. Насколько легок был спуск, настолько труден оказался подъем. С края котловины я еще раз окинул ее взглядом, проверяя направление сбросов, образовавших первоначально почти квадратную впадину, причудливо размытую затем временными потоками. Скоро мы вернулись к месту отворота, повернули направо, на запад, и, проехав двадцать пять километров, забрались на перевал между двумя невысокими горами. Опять небесно-голубой щебень известняка расстелился перед нами по наклонной равнине, спускавшейся к речке Хунгуй-гол («Безлюдная»). В жаркой впадине нас облепило невероятное количество мельчайшего гнуса — мокреца. Машины стали оседать и проваливаться в пухлых глинах, прямо-таки физическая духота чувствовалась среди этих пухлых глин, когда машину что-то хватало за задний мост, тянуло и осаживало назад. Трудно передать тревогу, с которой озираешься вокруг в поисках твердой почвы!

С трудом выбрались из ловушки и доехали до маленького бага. Там узнали, что автомобильный след, приведший нас в котловину, не принадлежал нашим машинам. Местность оказалась изъезженной машинами другой экспедиции, покрышки у которых, к несчастью, не отличались от наших. Я сфотографировал группу очень симпатичных мальчишек, выстроившихся передо мной верхом, наподобие трех богатырей Васнецова. Только

вместо копий в руках у «богатырей» были укрюки — длинные палки с веревочными петлями на концах, употребившиеся для ловли лошадей.

Разыскав старую караванную тропу, мы направились через холмы прямо на Бага-Богдо — наш очередной маяк. По твердой почве машины пошли быстро, и огромная Бага-Богдо росла перед нами с каждым часом. А справа, с севера, приближалась гигантская заросль дериса, совершенно непроходимая для машин. Эта заросшая дерисом котловина неумолимо отжимала нас на юг, к крутой подошве Бага-Богдо. На речке Хонгорингол («Нижняя речка») мы остановились на обед и нашли кол с письмом от Рождественского, который ночевал здесь 26 июля. Оказалось, что в это время два дня лил дождь. Стало понятно, почему следы наших машин казались старыми и мы их путали с какими-то чужими.

Вдоль подножия Бага-Богдо мы пробились через кочки и пески дальше к северо-западу, на широкую твердую равнину. Теперь маяком стала красавица Ихэ-Богдо, возвышавшаяся синей стеной далеко на западе. Гигантская Бага-Богдо протянулась в голубом тумане на юге вдоль всего нашего пути. Так сменяли друг друга наши голубые маяки. Всего лишь месяц тому назад мы находились по южную сторону этих гор, возвращаясь из Западного маршрута.

Вырвавшись на гладкую дорогу, мы поехали прямо на слепившее нас низкое солнце. Лукавая степь с торчащими пучками лука на закате испещрилась длинными острыми уголками черных теней, а щебень на голых промежутках стал розовым. Мы долго мчались по этому узорному ковру из черных клинышков на розовом фоне, пока не пересекли следа наших машин, шедшего на север, и тут остановились на ночлег.

Утром, не пройдя и четырех километров, мы наткнулись на прежний лагерь отряда Рождественского у родника Лу («Дракон»). Здесь стояло обо с бутылочкой и стрелой, указывавшей вверх по широкому руслу Хзандагол («Сандаловая речка»). К северу местность все время поднималась, и я тревожно думал о том, как добрались в цели машины Орокнурского отряда при крайне ограниченном запасе масла.

Через несколько километров мы спустились в русло. На за поворота навстречу вылетел «Козел». Завизжали тормоза, радостные вопли приветствовали наше прибы-

тие. Тут же мы стали вручать почту Орлову, Рождественскому и Эглону, которые оказались в машине. Александров, водитель «Козла», отошел от меня с разочарованным видом, но тут же был утешен Прониным, видимо, посвященным в улан-баторские секреты нашего Ивана Михайловича. Секреты эти, впрочем, знали все, но старались не смущать Александрова.

Я с торжеством протянул Орлову долгожданные телеграммы. Он жадно схватил их, распечатал одну, прочитал другую, и тут лицо его вытянулось. Просмотрев текст еще раз, Орлов отдал мне обе телеграммы, и через минуту все мы катались со смеху. Первая телеграмма, отправленная Московским центральным телеграфом, гласила: «В ваших телеграммах часто повторяется слово невмоготу тчк сообщите это географическое понятие или выражение чувств избежание ошибок дальнейшем». Вторая телеграмма из Улан-Баторского почтамта повторяла тот же запрос. Юрий Александрович любил писать в телеграммах место, где он в соответствующий момент находился. Добрый десяток телеграмм из Нэмэгэту, искаженного как «Невмоготу», привлек внимание Московского телеграфа...

Через полчаса мы прибыли в лагерь Орокнурского отряда у колодца Анда-Худук («Колодец Друга»), закончив маршрут и пройдя от Далана четыреста двадцать семь километров. Впервые в Гоби лагерь стоял на зеленой поляне, на траве. Порывы ветра гнали не пыль и песок, а приносили лишь запахи полыни и лука, разводя по траве широкие волны. Издали как будто густая, трава на самом деле была редкой и легко вытаптывалась. Колеса машин оставляли после себя быстро желтевшие борозды. Орокнурцы дошли сюда на последних каплях масла, да и бензина оставалось так мало, что наша задержка из-за ожидания машин в даланской базе вызвала у них серьезную тревогу.

Отряд Рождественского обследовал основные места нахождения, раскапывавшиеся американской экспедицией. Главные работы сосредоточились в сухом русле Татал-гола («Огородная речка»), где в нижнетретичных отложениях мы нашли около пятисот черепов и челюстей грызунов, насекомоядных и хищников, живших около тридцати пяти миллионов лет тому назад. Там же раскопали две ноги величайшего наземного млекопитающего — носорога белуджитерия. Лапы стояли вертикально;

очевидно, весь скелет был захоронен в стоячем положении. Последовавшим размывом весь верхний слой третичных песков был смыт вместе со скелетом. Остались на месте только стопы лап. Интересно, что американцы также нашли неподалеку в этих же отложениях четыре вертикально стоявшие лапы белуджитерия, оставшиеся от целого скелета.

В нижнемеловых сланцах, обрывы которых начинались у самого лагеря, вдоль подножия горы Ушуг («Пинок») заложили раскопку. Эглон добывал ежедневно несколько десятков отпечатков рыб. В общем, результаты не очень радовали — американские местонахождения не шли ни в какое сравнение с нашими южно- и восточнопобийскими. Для более продуктивных раскопок теперь следовало срочно перебрасываться в другой район, чтобы не упустить оставшееся время полевого сезона.

Вечером собрался «военный совет», продолжавшийся почти до рассвета. Я предложил перебраться на Эргиль-обо и расширить там прежние раскопки, чтобы получить побольше материала по третичным млекопитающим. Расскивать что-нибудь новое было поздно: для работ на шпале у нас не было баз с бензином, а наличного горючего не хватило бы на поиски новых местонахождений. Приняли мое предложение. Как оказалось впоследствии, это решение было не лучшим, так как дополнительные раскопки на Эргиль-обо дали не так уж много материала — нехватка бензина не позволила провести новые поиски в этом районе.

Рождественский с тремя машинами шел на юго-восток, до Далан-Дзадагадской дороги. Выйдя на нее, он останавливался. Одна из его машин шла в Далан-Дзадагадскую базу, забирала оттуда весь наличный бензин и часть коллекции и возвращалась к отряду. Снабдив его бензином и освободив от лишнего снаряжения и коллекций, эта машина направлялась в Улан-Батор. Рождественский продолжал свое продвижение на юго-восток, поперек всей Средней Гоби, по нашему маршруту 1946 года, до Улугей-Хиди и дальше на Эргиль-обо.

Я и Орлов с «Волком» и «Козлом» ехали в Улан-Батор, откуда Юрий Александрович срочно возвращался в Москву к началу занятий в Московском университете. Из Улан-Батора, загрузив «Волка» бензином, я должен был проехать на Эргиль-обо через Сайн-Шанду, доста-

вив бензин отряду Рождественского, и, таким образом, описать огромную петлю на север.

Несколько дней еще мы продолжали работу в «Долине Озер». «Волк» и «Дракон» ремонтировались, Эглон заканчивал раскопку рыб, а «научная сила» исследовала древнетретичные отложения озера Холбольчжиннур. Там, вблизи речки Тацаин-гол («Ракитовая»), пропилившей глубокое русло в базальтовом плато, ночью видели странное «гало» — огромную белую дугу на небе при ярком лунном свете. Дни стояли жаркие, с перепадавшими иногда дождями, с отдаленным громом и вспышками молний по ночам.

Орлову повезло на разные приключения. Однажды Юрий Александрович отправился на обнажение в одних трусах. Поднялся ветер, и Орлов прибежал в лагерь, едва дыша, жестоко исхлестанный песком и мелкими камешками. В другой раз внезапно налетевший вихрь подхватил пустую койку Орлова. Она взвилась вверх, отлетела на полсотни метров и плавно опустилась в глубокий овраг, став там на ножки как ни в чем не бывало.

Экономя горючее, мы не посетили, как предполагали вначале, Орок-нур — это классическое озеро Центральной Азии, привлекавшее внимание многих путешественников. По сообщениям аратов, Орок-нур теперь значительно усох и разделился на два озера. Лет шестьдесят тому назад, после ряда сухих лет, Орок-нур тоже состоял из двух озер.

Картина происхождения Орок-нурских местонахождений в общих чертах выяснилась. Найденные здесь ископаемые животные принадлежали к млекопитающим олигоценового времени и были характерны для сухих местностей. Этот животный мир был до крайности сходен, если не совершенно одинаков, с ископаемым животным миром тургайских степей Казахстана. Очевидно, там и здесь тридцать пять миллионов лет тому назад существовали одинаковые условия жизни — обширные степи-саванны с отдельными группами и рощами высоких деревьев. Исполинские носороги — белуджитерии и индрикотерии — благодаря своему неимоверному росту могли питаться ветками и листьями этих деревьев и не зависели от выгоравших в конце сезона мелких растений. Одновременно с гигантами жило множество степных грызунов и насекомоядных, а также мелких хищников. Более редкими были саркастодоны и эндрьюсархи — самые

громдные хищные млекопитающие, когда-либо обитавшие на Земле. Они походили на гигантскую гиену с чудовищной головой в треть всей длины зверя. Эти хищники, несомненно, питались белуджитериями и подобными им исполинами. Однако вряд ли эндрьюсархи могли одолеть исполинских носорогов в бою при своих слабых лапах — скорее всего они питались их трупами. Около тридцати миллионов лет тому назад в «Долине Озер» находились низовья небольших степных рек. Наводнения, изредка случавшиеся, топили множество мелких животных: древних зайцев, песчанок, ежей, сумчатых и охотившихся на них древних хищников — гиенодонов. Несчисленные кости этих животных скапливались гнездами в заводях речных низовьев. Тут же гибли исполинские белуджитерии, для которых хотя и не были страшны никакие степные наводнения, но зато были губительны зыбучие пески и плавуны речных низовий. Тяжелые животные погружались в зыбун. За миллионы лет речные пески становились песчаниками. Так получились необычайные захоронения — исполинские окаменелые скелеты, стоящие вертикально. Позднее извержения лав из вулканов Гобийского Алтая (Дунду-Богдо, или Тэвш) прикрыли речные отложения слоем базальтовых лав и тем предохранили их от окончательного размыва во время общего подъема Хангайских гор.

Глава седьмая ПО ХАНГАЙСКИМ СТЕПЯМ

У знания нет вершины.
Пословица

Пятнадцатого августа мы заранее разделили имущество, снаряжение и бензин, хотя должны были идти вместе до центра Убур-Хангайского аймака — города Арбани Хере. Несмотря на дождь, начавшийся к вечеру, Новожилов отправился на поиски ископаемых по своему усмотрению. Почти в сумерках он нашел скопление костей, которое прозевали все исследователи, неоднократно топтавшиеся в том месте. Уже ночью неутомимый искатель притащил полупудовый обломок черепа мастодонта. В темноте Новожилов упал и разбил находку на

несколько кусков, но тут же собрал все осколки, ползая на коленях. Как обычно, по мелкой пакости судьбы, подобные открытия случались в последний момент, когда все уже было упаковано и готово к отправке. На следующее утро Эглон, Орлов и Новожилов поехали на место находки мастодонта. Они нашли там несколько костей мастодонтов и носорогов, однако сочли, что раскопок ставить не стоит. Тогда я отдал приказ о выступлении.

День хмурился, по ветру плыли облака — гладкие и округлые, как громадные валуны. Мы въехали в сухое русло, окунулись в запах полыни и цветов и начали бесконечно длинный подъем на окаймлявшее «Долину Озер» плоскогорье. За ним голубели южные вершины Хангая — обетованной земли аратов. После перевала мы спускались наугад несколько километров без всякой дороги на беспредельную равнину, покрытую настоящей травой. Хотя преобладали ковыль и полынь, но уже пестрели разные цветы, а в низинках колыхались на ветру пушистые головки пырея. Это была уже не Гоби, а настоящая степь, похожая на южнорусскую или казахстанскую.

Справа показалась кристально прозрачная быстрая речка Аргуин-гол («Северная мелкая речка»). На берегу стояли юрты и несколько деревянных построек. Здесь помещался Гун-Нарин сомон («Глубокий узкий сомон»), относившийся уже к Убур-Хангайскому аймаку. Степь из-за отсутствия пыли и вихрей горячего воздуха казалась изумительно просторной. Впереди поднимались все выше южные предгорья Хангая. Над ними ползли тяжелые дождевые тучи, казавшиеся мрачными в сравнении с солнечным простором равнины. На востоке даже в бинокль не виднелось высоких гор, к большому удовлетворению Рождественского. Только примерно в двадцати километрах от сомона можно было различить скопище острых голубых скал Барун-Ошиин Чулу («Западные Разрушенные Камни»), теснившихся странным частоколом на ровной степи.

Мы направились вверх по долине Аргуин-гола и попали в радостный мир сверкающей воды и свежей травы в рамке ярко-голубых скал. Невысокие обрывы кремнистых известняков были серовато-голубые, голубые и даже светло-синие. Иногда голубой обрыв нависал над сверкающим и струящимся кристаллом речки. Россыпи

голубых плит выделялись на серебристых ковыльных склонах. Дальше голубые зубцы и острия увенчивали вершины зеленых холмов. С неохотой оставили мы дошну Аргуин-гола и полезли наугад прямо в отроги Ханган, в россыпи громадных гранитных камней, издали производивших впечатление то стад, то скопления юрт. Склоны гор мягко зеленели — действительно, здесь был простор аратским стадам и большие запасы корма для любой породы домашнего скота. Еще более высокие склоны преградили нам путь. Мы невольно заколебались, ехать ли дальше. Без проводника у нас не было уверенности в правильном выборе пути. Подъехав «в упор» к склонам, мы выехали на превосходный автомобильный накат. По этой дороге, извивавшейся у подножий горных отрогов, мы в какие-нибудь полтора часа пролетели семьдесят пять километров и очутились в широкой долине реки Онгин-гола («Плодородной реки»):

Еще по дороге встречалось множество цветов, среди которых преобладали бледно-лиловые ромашки с узкими лепестками. Они росли по пологим ложкам вдоль склонов и выделялись широкими лиловыми полосами среди серых гранитов и свежей зелени трав. В долине было много ярких синих и желтых цветов, и по всей степи шел узор цветистых пятен. Самые красивые цветы, какие я только видел в Монголии, встретились мне здесь. Это был особый вид ежовника — высокие тонкие стебельки, увенчанные густо-синими шариками соцветий размером с небольшое яблоко. Эти шары удивительно яркого и теплого синего цвета растут поодиночке и гордо торчат вверх, чуть покачиваясь. Издалека вся степь ровная и зеленая, а над ней, на высоте нескольких сантиметров, как бы реют в воздухе чудесные синие шарики.

Огромные стада овец и коров подтверждали богатство этой, новой для нас, области Монголии. Там и сям стояли всадники и всадницы в нарядных, ярких дели. Нам, привыкшим к безделью недоступных мест Гоби, такое многолюдство казалось невероятным. Араты весело приветствовали нас, но не задерживались и проезжали мимо по своим делам — видимо, наша автоколонна здесь никого не удивляла. Стада мохнатохвостых сарлыков (яков), то блестяще-черных, то серовато-белых, пристально рассматривали проносящиеся машины, никоим образом не пугаясь. Один крупный, свирепого вида бык упорно тиснул за концевой машиной.

Убур-Хангайский аймак — небольшой, но с хорошими деревянными домами, с красивыми воротами и заборами. Появились телеги, много автомашины. Приветливые аймачные начальники отвели нам для ночлега просторный дом, что было как нельзя более кстати, — ночью был сильный холод и бурный ветер.

Я заинтересовался переводом названий аймака: Арбаин-Хере по-монгольски означает «Ячменный бугор». Однако никаких посевов ячменя здесь от сотворения мира не производилось. Объяснение дал местный учитель — любитель истории. На бугре, где сейчас стоит аймак, был похоронен один из коней Чингисхана — Арбаинь. Гнедая масть по-монгольски обозначается как ячменная — арбаин, и это слово было именем коня.

Эглон с Петруниным на следующий день к вечеру привезли с лесозавода прекрасные кедровые доски. Кедровый лес, прочный и необычайно легкий, был наиболее подходящим материалом для нужд экспедиции.

Восемнадцатого августа мы все вместе выступили из аймака, чтобы через несколько километров разлучиться. За аймаком быстро несла свои воды широкая река Онгиин-гол. Переезжать ее вброд было страшновато, но неизбежно — большой мост оказался подмытым недавним наводнением. Я много работал в Сибири и в горах Средней Азии — в местностях, изобилующих многочисленными и быстрыми речками. Поэтому как-то особенно приятно было слышать шум большой реки, чувствовать запах и влажность воды. С большой неохотой отрываешься от почти гипнотизирующего созерцания быстротекущих струй, отблесков солнца, неверных зыбких очертаний камней на дне. Не верилось, что Онгиин-гол дальше на юге попросту теряется в песках, никуда не впадая. Здесь, где ее бег был таким быстрым и мощным, казалось невероятным, чтобы такая масса воды полностью исчезала через сто пятьдесят — двести километров.

Наша колонна остановилась на равнине за рекой. Здесь мы распрощались. «Дзерен», «Дракон» и «Кулан» пошли на юго-восток, а «Волк» и «Козел» налево, к северо-востоку, по тракту на Улан-Батор. Дорога поднялась резко в гору. На длинном подъеме мы еще долго видели наши машины, тянувшиеся по ровной степи. Они шли довольно быстро и походили на маленьких черных насекомых.

Через пятьдесят километров мы выехали на высокое

плоскогогорье, уставленное гранитными скалами. Каменные башни, штабеля кубических глыб, наклонные плиты — словно самой природой созданные противотанковые надолбы. Отдельные скалы покрупнее принимали облик лежащих львов и драконов. Здесь, несомненно, были священные для древнего человека места. Между высокими глыбами колыхались цветы, которые позже я видел осенью в Гоби, — белые колокольчики с лиловыми вкраплениями, а также белые крестообразные цветки с длинными пестиками, одиноко поднимавшиеся на высоких ножках. Здесь же росло интересное растение — стеллерова полынь — крупные белые цветы на длинных стеблях с сильным дурманящим запахом, в первый момент приятным, а затем кажущимся отвратительным. По монгольским поверьям, стеллерова полынь растет в местах, где происходили волчьи свадьбы. Отсюда и название растения — чоноин хубилга («волчье кувырканье»).

Дорога извивалась между каменных гряд. Спуски, подъемы и косогоры шли непрерывной чередой, не позволяя развивать ход. Там и сям встречались группы деревянных построек — бывших монастырей. Как правило, это скопление маленьких избушек — келий, окружающих двухэтажный храм. Все помещения умно приспособлены к новой жизни Монголии — заняты сомонами, складами и мастерскими. За плоскогорьем мы спустились в громадную котловину — солончак, всю изрытую ямами, и пересекли ее уже в сумерках. Ураганный ветер поднялся на закате, и мы ехали все дальше, выискивая укрытое от него место ночлега.

Наконец, черная стена гранитного хребта заслонила от нас западное небо. Ветер утих. Наступила светлая и свежая лунная ночь. Намнан Дорж выскочил из машины, намереваясь найти удобное для стоянки место, и пошел в тень горного обрыва. Внезапно раздался его испуганный вопль. Я поспешил выйти из кабины и с пистолетом в руке готов был прийти на помощь переводчику, как вдруг издал такой же крик испуга: правая нога провалилась в глубокую яму. Я вытащил ее, шагнул два раза, провалился левой и упал на четвереньки. Оказалось, что вся местность изрыта громаднейшими норами — видимо, тарбаганьими. Тут были целые пещеры по полметра в поперечнике. Подсвечивая передовой машине фарами сзади, мы осторожно продвинулись до самых гранитных обрывов. Скалы образовали высокий амфите-

атр, в котором жутко перекатывалось усиленное и умноженное эхо моторов. Я взял винтовку и выстрелил в середину полуцирка. В ответ послышался такой страшный гром, что как-то больше не захотелось нарушать покой величественных скал и холодной осенней ночи.

Утром выяснилось, что мы забрались в самый центр огромного полуцирка гранитных обрывов со ступенчатыми отдельностями. У подножия — ряды древних могил и курганов, которые полосой протягивались от скал в уходившую на восток зеленую равнину. Скалы, могилы, грозное перекатывающееся эхо — все это полностью оправдывало название гор — Онгон-Хаирхан («Заповедный»). Место, примечательное для нас, было не менее примечательным и для древних, устроивших здесь кладбище. Погребения, обложенные камнями с двумя вертикально стоявшими плитами на концах могилы, были приблизительно трехтысячелетней давности. За Онгон-Хаирханом потянулись гряды высоких холмов. На вершинах перевалов стояли среди полей зеленой травы плиты светлого гранита с художественно высеченными тибетскими надписями — буддийской священной формулой «Ом мани падме хум»¹. Такая плита с красивыми и четкими буквами, одиноко стоящая среди пустой степи на плоском гребне холма, производит сильное впечатление. Что-то величественное и подвижническое есть в этом свидетельстве труда человека, воздвигнутом на безлюдном просторе у древней тропы и как бы ободряющем путника в его стремлении вперед.

На пути попадались древние могильники — вертикальные глыбы камня до двух метров высоты, окруженные всегда квадратами более мелких, поставленных ребром камней. От этих могильников тоже веет каким-то особенным ощущением силы и тайны прошлых времен — так резко выделяются они в монотонности степных равнин и холмов. В конце длинного спуска показалось ущелье Алтан-обо («Золотое обо») с симметричными, правильными склонами, совершенно как ворота. Это и в самом деле были ворота — за ними кончались горы, и дорога выходила в большую долину реки Толы. У подножия скал, в устьях боковых промоин, снова виднелись ряды древних могильников.

Едва мы въехали в долину Толы, как на нас повеяло

¹ О, сокровище в цветке лотоса.

обнаком сырости и растений. Пахло прямо-таки северными огородами — сельдереем, укропом. Для нас, истосковавшихся по овощам, воспоминание о летнем супе с картошкой, петрушкой и прочей зеленью было очень острым. По этому поводу мы вели в кабине с Вылежаниным обстоятельные гастрономические разговоры. Доехав до реки, мы остановились и предались, несмотря на назойливую мошку — бич всех этих хороших мест, очарованно струящейся воды. Трудно все же нам, северянам, было не видеть рек.

От Толы мы повернули на старую дорогу, чтобы избежать лишних трех перевалов, и к вечеру подъехали к моей улан-баторской квартире.

Гридцатого августа мы отправляли в Москву Ю. А. Орлова, и тут весь руководящий состав экспедиции едва не погиб. Наш Юрий Александрович торопился домой, с трудом попал на ближайший самолет и очень нервничал, опасаясь дождливой, нелетной погоды. Как ни грех, в ночь перед отлетом пошел проливной дождь. Мы, позвонив в аэропорт, решили выехать пораньше, надеясь на изношенные в Гоби баллоны «Козла». Орлова поехали провожать я и Шкилев. Мы летели по знакомому шоссе к мосту через Толу, когда внезапно сквозь шелену дождя я увидел на дороге нечто желтое, показавшееся мне при слабом свете фар новым мостом. Я проезжал тут всего четыре дня назад и твердо знал, что никакого моста здесь быть не могло. Едва я раскрыл рот, чтобы сказать об этом сидевшему за рулем Александрову, как он сам заметил неладное. От резкого торможения дремавшие на заднем сиденье Орлов и Шкилев потянулись вперед, на нас. Машина остановилась в полутора метрах от края огромной промоины. Высокую насыпь шоссе промыла лившаяся со стороны Толы вода, грозно журчащая на дне образовавшегося маленького оврага. Приближалось наводнение, и нам нельзя было медлить.

Мы объехали промоину по старой дороге, на которой было уже полметра воды, снова взобрались на насыпь к мосту и двинулись дальше. Наша машина была единственной, которая в тот день прошла из города в аэропорт. Мы позвонили в автоинспекцию, чтобы предупредить возможные катастрофы. Александров принялся перевозить пассажиров в аэропорт от промоины. Машины, едущие из города, останавливались на размытом шоссе, пассажиры самолета, сняв ботинки и штаны, переходили

дили через воду вброд и здесь грузились на нашего «Колла». Александров, при своем громадном росте и силе, не боялся бурного потока и распорядился переправой, по своему командуя весьма именитыми пассажирами. Самолет отправился без опоздания, а мы отважно проехали по подводному шоссе и все-таки выбрались в город часам к одиннадцати дня.

Я тотчас же забрался в постель, решив отдохнуть от всех приключений. Через двадцать минут около моих дверей послышался страшный грохот и крик. В ярости я выскочил и столкнулся с приятелями — генералом и советником Министерства транспорта, которые с криками: «Наводнение, курорт Сангино тонет! Давайте лодку!» — ворвались ко мне. Пришлось ехать на склад, доставать резиновую лодку и отправлять на ней спасательную партию на курорт, расположенный в пойме реки Толы и затопленный наводнением. К вечеру наводнение окончилось, и на следующий день только снесенные юрты напоминали о вчерашних приключениях.

Как всегда, переписка телеграммами, получение всяких там разрешений — железнодорожных, таможенных, финансовых — затянулись, и только 5 сентября я смог выехать в Восточную Гоби. Ехать было давно пора, потому что работавший на Эргиль-обо отряд Рождественского наверняка израсходовал свой запас горючего. Отсутствие бензина означало отсутствие воды, а следовательно, катастрофу.

Наконец мы с Вылежаниным выехали на «Волке», загруженном бензином. Приходилось спешить. Чойрена мы достигли совсем рано, обогнав по дороге караван монгольских «ЗИСов» и «ГАЗов-51» другой советской экспедиции. После чая и короткого отдыха мы понеслись дальше. Вылежанин умудрился держать скорость даже на сложных поворотах за Хара-Айрик сомоном. Нога его как бы приросла к педали газа, а профессорская борода надменно торчала вперед, мотаясь в такт толчкам машины.

Светлые равнины перед аймаком теперь покрылись редкой зеленой травой, и белизна их исчезла. Только дорога оставалась по-прежнему белой. Росшие вдоль нее полосы полыни в зависимости от высоты солнца казались то стальными, то голубыми. Синей речкой змеилась дорога, пересекая блеклую зелень равнины на десятки километров. Кое-где пятна лиловых или почти белых рома-

они стелились яркими коврами. С одного из таких «ковров» выскочил одинокий дзерен, немедленно пустившийся пересекать дорогу. Мы с Вылежаниным решили определить выносливость животного и стали держаться с ним дистанцию, постепенно замедляя ход. Скорость падала с шестидесяти пяти до пятидесяти пяти, потом до пятидесяти, наконец, до сорока пяти километров в час. Дзерен все бежал, худея у нас на глазах — бока антилопы как-то провалились, а шея вытянулась. Гонка продолжалась четырнадцать километров, опровергнув распространенные представления о том, что дзерен может бежать быстро лишь очень короткое расстояние. Наверное, дзерен бежал бы и дальше, но мы побоялись, что дальнейшая гонка может сильно повредить животному, и, увеличив ход, оставили его позади.

Восточногобийский аймак мы прошли без остановки, пронеслись по «лесовозной» дороге мимо Банн-Ширэ, пересекли красную котловину «Конец Мира» и углубились в горы Дулан-Хара. Нашу одинокую машину обступили черные скалы с блестящим пустынным загаром. В центре хребта, в расширении сухого русла, среди низких бархатно-серых холмов, мы встретили четырех архаров. Вылежанин стал проклинать им же самим придуманное удобное устройство винтовки над спинкой сиденья. Пока он извлекал ее оттуда, животные исчезли в скалах.

На южной стороне гор показалось знакомое зрелище угрюмых песков, все цвета стали резко контрастны. Только черные пятна — скалы и желтые полосы — пески. К югу от этих гор до развалин старого монастыря простиралась пустынная «слепящая» равнина. Как в прошлый раз, в марте, так и сейчас, в сентябре, после прохода ее начали болеть глаза. На обед остановились под остатком стены в развалинах. Ничто не нарушало поразительного одиночества этих полустертых следов человеческой жизни. Огромные пни хайлясов торчали безжизненными изжелта-серыми обрубками и только подчеркивали, что все живое навсегда покинуло безотрадное место. Но наша машина была исправна и прочна, и нам нечего было поддаваться трагической меланхолии молчаливой и заброшенной впадины, сжигаемой знойным солнцем.

Подрамав в тени, мы двинулись дальше, удачно прошли пески, на полном ходу пронеслись при заходящем

солнце через Агаруту сомон и долго ехали ночью, пользуясь яркой луной, хорошо помогавшей свету зисовских фар старого типа. Не обошлось без «посадок» в песчаных сухих руслах, но при помощи досок и благодаря накопленному опыту мы удачно и быстро выбирались, несмотря на недостаточность рабочей силы, состоявшей только из одного начальника экспедиции.

Наконец в ярком лунном свете мы увидели справа похотий на нос корабля восточный выступ обрыва Эргиль-обо и повернули с дороги по тропе. Однако ехать здесь ночью было небезопасно, тем более что луна зашла, и мы, как ни хотелось дотянуть до лагеря, заночевали. Все же мы проехали от Улан-Батора шестьсот девяносто три километра, поставив рекорд скорости рейса на груженой машине «ЗИС-5», а также выносливости и искусства шофера. Я не мог сменять Вылежанина, так как в этом году вообще не водил машины из-за воспаления нерва правой руки.

Рано утром мы как снег на голову обрушились в лагерь. Товарищи никак не могли поверить, что мы доехали сюда за одни сутки. Секрет прост — одиночная машина идет всегда быстрее колонны, в которой неизбежны задержки, отставания, больше вероятности для мелких поломок, смены баллонов и т. п. Зато колонна представляет собою силу, которая пробьется практически везде и везде сделает нужную работу. Она несет с собой запасы горючего, резины, запасных частей, воды, продуктов. Огромное значение имеет взаимопомощь машины буксирной и то, что с колонной в экспедиции всегда едет довольно много людей.

Работа на Эргиль-обо заканчивалась. Весенняя раскопка теперь расширилась до самой стены обрыва и дала несколько хороших находок. Внизу, на холмах, Новожилову посчастливилось найти еще один череп, а также кости древнейших предков носорогов — ценолофов. Обрыв плато был обследован к западу на пятьдесят километров. В тридцати километрах от лагеря Пронин нашел два полных панциря слоновых черепах. Стало очевидным, что, если мы хотим получить еще материал, потребуются длительные поиски. А времени больше не было: собранные коллекции надо было перевозить к железной дороге и отправлять в Москву, а после того успеть за консервировать экспедицию до будущего года, организовать зимнее хранение машин и многое другое. И мы

решили заканчивать полевые работы 1948 года... В 1946 году А. К. Рождественскому пришлось снова побывать в Монголии. Он устанавливал в Государственном музее Улан-Батора скелет гигантского хищного динозавра, переданный монгольскому народу Академией наук СССР из находок нашей экспедиции. Рождественскому удалось совершить поездку на самую крайнюю западную оконечность обрыва Эргиль-обо и выкопать там два полных, прекрасно сохранившихся черепа титанотерия — протэмболотерия.

В последний раз я взобрался на раскопку. Свежие разрезы пород создавали красочные и замысловатые переплетения перекрещивающихся прослоев: вверху преимущественно желтых, в середине — серых и внизу — охристых или малиново-красных. Это сплетение прослоев так явно отражало пульсацию и перемещение фарватера реки, что я как наяву увидел перед собою эту ширь древних, давно исчезнувших струй. Свежая рана раскопки обрамлялась причудливыми фигурами выветривания — тысячами косых маленьких столбиков, пересеченных поперек торчащими тонкими пластинками. Пожуривая, я смотрел сверху на свернутый лагерь и думал, что три собравшиеся здесь машины пойдут недогруженными. Осенняя добыча на Эргиль-обо была слишком мала. И тут меня осенило — я вспомнил гигантский ствол окаменелого дерева, который так хотелось взять в 1946 году. Сейчас это стало возможным — всего несколько километров бокового маршрута от дороги к Шарити Хиду, и в музее встанет исполинский ствол из нижнееловых лесов Гоби весом около шести тонн.

Так и было сделано. Несмотря на великие трудности переноски огромных чугуново-серых кусков железистого кремния, заместившего собою древесину, мы исполнили чин. Дерево стоит сейчас в Палеонтологическом музее в Москве, хотя выставить его целиком пока не удалось — не хватает высоты помещения...

Тяжелело нагруженные, мы вернулись в Улан-Батор.

Пожалуй, впервые мы смогли оценить сделанную работу тогда, когда увидели во дворе нашего склада громадные штабеля ящиков с коллекциями, громоздившиеся как дом. Большинство ящиков было размерами с кровать, часто с двухспальную. Сколоченные из толстых брусков, окованные железными пластинами и наугольниками, эти тяжелые монолиты — по две-три тонны ве-

сом — будили еще совсем свежие воспоминания об отважной и умелой работе на погрузках в ущельях Нэм-гэту на бэле Алтан-улы, под кручами обрыва Эргил-обо. Умелые шоферы и рабочие не жалели сил вместе с научным и техническим персоналом экспедиции. Действительно, чтобы поднимать трехтонные тяжести маленькой кучкой людей и упрягивать их в машины, надо было не щадить себя. Примером для всех являлся Пресняков — инвалид войны, с серьезно поврежденным плечом он ворочал тяжести, не уступая никому.

Нам не удалось бы вывезти коллекции на железную дорогу к сроку подхода вагонов, если бы не дружеская помощь Министерства транспорта МНР, предоставившего нам несколько своих четырехтонных машин. Напомню читателю, что в 1948 году железная дорога оканчивалась в городе Сухэ-Батор, в трехстах тридцати километрах от Улан-Батора. В октябре закончилась вывозка коллекций, и экспедиция снова собралась вся вместе на главной базе в Улан-Баторе. Теперь я мог выполнить свой старый долг: еще в Гоби я обещал шоферам и рабочим рассказать о достижениях нашей экспедиции и дальнейших планах на будущие годы. Сейчас действительно уже много выяснилось.

Мы исследовали и раскопали отложения различного геологического возраста, от нижнемеловой эпохи до конца третичной — плиоцена. Где бы мы ни вскрывали богатые месторождения — в Восточной, Южной или Средней Гоби, — везде мы находили богатую фауну — крупных и многочисленных животных: динозавров, черепах, птиц или млекопитающих. Если мы углублялись в древние горизонты — нижний мел или нижнетретичные породы, то находили новых, неизвестных науке животных. Эти животные оказывались предками для многих появившихся позже в совершенно других местах и даже на других материках. Все это доказывало, что межгорные впадины Монголии — остатки не какого-то маленького островка суши, а обширного материка, ибо только на большом материке могла развиваться и умножаться столь богатая наземная жизнь. В полном соответствии с предвидением наших ученых — П. П. Сушкина, А. А. Борисяка и других — вымершая фауна Монголии оказалась одинаковой с ископаемой фауной нашей Средней Азии и Казахстана. Но из-за поднятий громадных горных хребтов отложения, заключавшие множество остатков

ископаемых животных, на нашей территории были уничтожены эрозией — размывом. Лишь кое-где уцелели отдельные их островки. В Монголии подъем горных хребтов начался позднее. Те пологие горные гряды, которые составляют сейчас водоразделы и истоки временных рек, были сравнительно невысокими и не могли обусловить энергичного размыва горных пород даже в более влажную древнюю эпоху. Современные острые хребты, пропиленные насквозь руслами водных потоков, образовались очень недавно. Я думаю, что эти хребты были лишь в зачатке в то время, когда в Египте уже строили пирамиды. Хребты поднялись к наступлению сухого периода и разгородили скалистыми заборами древнюю страну Монгольского плоскогорья. Воды с этих хребтов не смогли уничтожить верхний покров рыхлых осадочных отложений с остатками ископаемых животных. Когда хребты поднимутся еще выше, выйдут за снеговую линию, покроются ледниками и начнут питать многочисленные ручьи и реки — тогда палеонтологические сокровища Монголии быстро исчезнут. В настоящий момент грозные хребты Гоби только стоят на страже этих сокровищ.

...Экспедиция прекратила работу. Во дворе базы выстроилась вся доблестная автоколонна, защищенная брезентами, досками и фанерой, неподвижная и заснувшая до будущей весны. Я обошел в последний раз наглухо запертый огромный склад со снаряжением, осмотрел высокие штабеля пустых бензобочек и груды оставшихся до следующей экспедиции досок и брусьев. Безлюдно и тихо было в этом месте, прежде оживленном и шумном... Рабочие и шоферы уехали, один Александров остался присматривать за нашим имуществом.

Беслесье тучи ползли с заснеженных склонов Богдодулы. На мерзлую землю сыпался сухой снег, немедленно сдуваемый резким ветром... Завтра улетал и мой самолет. Завершался одиннадцатый месяц моего пребывания в Монголии. Все мы, участники экспедиции, не только выполнили стоявшие перед нами задачи, но многому научились и полюбили эту страну, где испытали уже много радостей, огорчений, труда и забот. Двое из нас — Шкиркин и Рождественский — тяжело переболели здесь, один — в начале экспедиции, другой — в конце ее, но, как и все другие, уже думали о предстоящем новом годе экспедиционных работ.

Глава восьмая НА ДАЛЬНИЙ ЗАПАД

*С добрым подружиться
путь луны пройти.*

Поговорки

Новый экспедиционный год наступил так быстро, что мы едва успели управиться с делами по разборке коллекций и обработке наблюдений в Москве. На этот раз мы запоздали и начали подготовку к полевым работам только с мая 1949 года в Улан-Баторе. Экспедиция выехала почти в том же составе, как и в 1948 году. Милеев поправился за зиму в Москве и опять оказался в нашем коллективе. Новым членом экспедиции был кинооператор Н. Л. Прозоровский — бывалый путешественник, оказавшийся отличным товарищем и неутомимым работником.

В начале июня мы приступили непосредственно к исследовательским работам. Рождественский выехал из Улан-Батора во главе отряда, чтобы начать изучение местонахождений на крайнем западе республики. Я оставался временно в Улан-Баторе вместе с Новожиловым из-за досадного нездоровья — «прострела», полученного во время перелета из жаркой Москвы через холодную Сибирь.

Еще в 1932 году геолог Е. Э. Разумовская посетила впадину озера Бэгер-нур («Почка-озеро») в Гоби-Алтайском аймаке. Исследовательница была поражена количеством костей ископаемых животных: носорогов, мастодонтов и трехпалых «лошадей» — гиппарионов. В задачу отряда Рождественского входило обследование и раскопки Бэгер-нурской котловины. Отсюда его отряд должен был пройти в огромную впадину Шаргаин-Гоби («Палевая Гоби»). Края впадины составляли обширные лабиринты размывов красноцветных пород гобийского типа. В них могли залегать богатые местонахождения, и у нас были все основания ожидать новых и интересных находок.

Рождественский собирался организовать опорную базу с запасом горючего, продовольствия и упаковочных материалов в центре Гоби-Алтайского аймака — Юсул Булаке («Девять ключей»). Сюда должны были подой

на машины моего отряда и в зависимости от результатов раскопок в Бэгер-нуре и поисков в Шаргаин-Гоби двинулся дальше на запад, к гигантским озерам Хиргис-нур («Киргизское озеро») и Хара-усу («Черная вода»). Между этими двумя озерами существовала протока, по которой воды озера Хиргис-нур перетекали в озеро Хара-усу. Быстрые воды протоки преграждали путь всем животным, которые должны были предпринимать обход на многие сотни километров вокруг того или другого из озер, чтобы пройти на юг или, наоборот, на север. Только волки перебирались через протоку. Поэтому она получила меткое народное название Чоно-Хайрих («Волчий прыжок»).

Крутые берега Чоно-Хайрих сложены красноцветными огложениями, заключающими кости третичных млекопитающих, как и в Бэгер-нуре: мастодонтов, носорогов, гиппарионов. На старом Хобдосском тракте, поблизости от великих озер, экспедиция геолога И. П. Рачковского открыла невысокую гряду Оши с остатками таких же животных. К огромным озерам мы и должны были направиться на Юсун-Булака. По дороге следовало осмотреть Дзергенскую котловину, где тоже могли быть ископаемые животные.

Еще в Москве мы мечтали побывать на великих озерах запада Монгольской Народной Республики. Особенно ярился Эглон — страстный рыбовод. По сведениям наших путешественников, озера эти пресные и очень богаты рыбой. Легко понять энтузиазм, с которым Эглон готовил к путешествию 1949 года резиновую лодку, бредень, удочки. Но судьба, как это мы увидим, разрушила все мечты.

Кроме великих озер Монголии, мы еще с прошлого года стремились увидеть знаменитого Менгэн-Тэмэ («Серебряного Верблюда») или Менгэн-Дэш («Серебряную Пиковальню»). В горах Байтак-Богдо, на западной границе МНР (Синьцзян-Уйгурский автономный район ГНР), на широкой равнине между двумя параллельными хребтами лежит огромный камень, отливающий серебром на сложенных и отполированных ветром выступах. Это не камень, а сплошная глыба железа — судя по цвету, с большим содержанием никеля, — очевидно, гигантский метеорит. Его еще не осматривал ни один специалист, но если размеры глыбы не преувеличены очевидцами, то «Серебряный Верблюд» — один из величайших в мире

метеоритов. Я предложил Метеоритной комиссии Академии наук взять с собой их сотрудника и доставить его к месту залегания метеорита. Метеоритная комиссия размышляла над этим простым делом так долго, что мы не дождались ее решения до конца экспедиции и этим ожиданием упустили время, когда смогли бы побывать там сами. Будем надеяться, что «Серебряный Верблюд» — возможно, величайший метеорит Азии — все же скоро удостоится внимания тех, кому надлежит этим заниматься!

Приключения отряда Рождественского описаны в его книге «На поиски динозавров в Гоби», в ней же приведены данные о его маршруте и работах. Чтобы не повторяться, я буду говорить лишь о своих впечатлениях. Две недели спустя после отъезда Рождественского, 21 июня 1949 года, я выступил из Улан-Батора на трех машинах: «Волк» и «Дракон» были ветеранами экспедиции, третья машина — полуторка «ГАЗ-АА», названная «Олгой-Хорхой» по имени страшного червяка гобийских легенд, была взята нами специально для работы в ущельях Алтан-улы на «Могиле Дракона». Управлял ею рабочий прошлой экспедиции, здоровенный Коля Брилев, получивший за зиму шоферские права. Новожилово облюбовал себе эту машину. Иван-Козлиный (Александров) упросил взять его в маршрут в качестве рабочего и помощника Безбородова. «Дракон», по нашим расчетам, должен был идти обратно в Улан-Батор сразу же из Юсун-Булака. Еще одним новым членом нашей экспедиции стал только что прибывший из Москвы юный репаратор И. А. Дурненков — очень старательный, работящий и веселый паренек, пришедшийся по душе всему коллективу экспедиции.

Под дождем выехали на Сухэ-Баторское шоссе и на двадцать втором километре свернули налево, на Архангайскую дорогу. Сильный дождь перешел в град. Похолодало. Хмурая погода длилась до самого вечера, пока мы ныряли по зеленым холмам с перевала на перевал. К вечеру мы спустились в огромную котловину заросших песков, прошли автостанцию Хадассан («Частокол») и остановились на ночлег, сделав около двухсот пятидесяти километров. На следующий день мы должны были добраться до центра Архангайского аймака — города Цецерлэг («Цветок»), но ничего не получилось. При переезде через речку «Волк» завалился в трясины,

Мы провозились с ним около трех часов и доехали только до озера Угэй-нур («Источниковое озеро»).

Угрюмые тучи нависли над нами, посыпался град. Стало холодно, темно; по дороге, покрытой белым слоем льда, потекли мутные ручейки. Мокрые холмы, ухаби-стая, залитая водой дорога — вид был совершенно как в подмосковном проселке в ноябре. Но за перевалом из-за тучи появилось синее небо, и мы спустились в низину, где множество круглых луж на желтой дороге ка-зались зеркалами синего стекла — так ярко отражали они небесную синь. Множество мелких белых цветов рас-сыпалось среди зеленых полян полыни. Озеро Угэй-нур, около десяти километров в длину, было как бы разделе-но на три части. Середина — в тени облаков — графит-но-серая и шероховатая от ветровой ряби. Оба конца озера гладкие, без ветра, блестели синевато-зеленым стеклом. За озером потянулись низкие гранитные увалы, а справа от дороги поднялся довольно высокий хребет. Между увалами — широкая долина речки Цецерлэг, очень похожая на среднеазиатскую речушку, заросшая нишанком и высокими тополями, засыпанная крупной галькой, сверкавшей на солнце, как темное стекло. Ка-залось, что миллионы бутылок разбиты здесь на огром-ном пространстве. В сырых ложках между холмами по-являлись яркие синие поля незабудок, иногда окаймлен-ные огненно-желтыми лютиками. Название города и реч-ки — «цветок» — оправдывалось. Склоны ближних гор тоже испещрены белыми точками цветов и выглядели очень нарядно в ярком солнце. При подъезде к Цецер-лэгу встретились узкие хребтики, усаженные пирамида-ми голого камня на равных расстояниях друг от друга, совершенно точно воспроизводившие спины доисториче-ских ящеров — стетозавров.

На одном из перевалов мы обогнали двух верховых охотников со старинными ружьями и сошками за плеча-ми. Охотники гнали трех сарлыков, а один вез поперек седла маленького белого сарлычонка. Тот покорно ле-жал и, поднимая свою до комичности короткую и тупую, почти кубическую мордашку, бесстрашными черными глазами провожал наши машины.

Цецерлэг — самый приятный из всех виденных мною аймаков. Это настоящий городок, есть и двухэтажные каменные постройки. Много домов с садами и кустарни-ками в палисадах, везде заборы из распространенной

в Улан-Баторе неокоренной лиственницы. Над городком господствуют серые кручи гор — обнаженные скалы, кое-где утыканные редкими лиственницами. У этих круч — большой монастырь с четырьмя храмами тибетской архитектуры. Теперь от них остались только пустые стены, окруженные множеством крохотных деревянных домиков — отдельных келий. Над монастырем, на середине высоты скалистой кручи, большое изображение бурхана — Будды, высеченное внутри овала из какой-то удивительно прочной красной краски, покрывающей поверхность скалы. Рядом еще два меньших изображения.

Перед Цецерлэгом — округлый зеленый бугор, совершенно скрывающий аймак с востока. Но стоило нам подняться на его вершину, как весь городок оказался прямо под носом. Сразу за аймаком, на западе, начинался подъем на перевал. С левой стороны к дороге подходил чудесный свежий лес — лиственницы, изредка кедры с полянами, усеянными желтыми и белыми цветами.

Необычайно длинный извилистый спуск за перевалом привел нас в горную долину. Густой лес хмурился с обеих сторон дороги. Кричала кукушка, верещали сойки, и стало казаться, будто мы совсем не в Монголии — настолько слился для нас облик страны с гобийскими пустынями. Спуск продолжался двадцать четыре километра. Дорога, покрытая ярким охристо-желтым песком, вилась по свежей зеленой траве вдоль темной стены леса с пятнами заледеневшего снега в тенистых местах. Наконец горы расступились, и мы выехали в широкую безлесную котловину. Опять встретились среднеазиатские речные долинки: широкая галечная россыпь, вдоль русла — заросли тополей, и у самой воды — ивняка. Деревья росли прямыми рядами, как будто нарочно посаженные. Кое-где виднелись белые домики, и повсюду — много юрт. Дальше лес занимал лишь северные склоны. Иногда деревья торчали частоколом на самом гребне хребтов, иногда лес спускался почти до подошвы гор. Большое впечатление оставила одна гора, могуче возвышавшаяся над дорогой на краю широкой равнины. На верхушке горы — гряда обнаженных скал, с северной стороны которой висел над кручей маленький клочок леса — низкие раскидистые лиственницы.

Безлесные горы Хангая другие, нежели горы Гоби. Тут мало голого камня — это мягкие по очертаниям увалы, сплошь заросшие редкой бледно-зеленой травой.

Природа Хангайских гор оправдывает название «Хангай» («обильный», «сытый»). Здесь даже обнаженные скалы округлы, с выпуклыми боками, сглаженные ветром, добродушного светлого цвета. Кажется, что самые горы — сытые. Гобийские скалы ощерены, со впалыми боками, почерневшие от пустынного загара, — у них действительно голодный вид.

Вдалеке перед нами — серые пологие купола высоких гольцов. Их склоны, как рубцами, были покрыты косями висячими долинами, в которых лежал снег. Белые ребра гольцов сияли невероятно ярко в голубой небесной дали.

Множество сарлыков встречалось на нашем пути, и мы хорошо познакомились с этими интересными животными. Прежде всего привлекали внимание их пушистые лошадиные хвосты. Они уморительно задирали их вверх, и тогда пышные султаны жестких волос развевались по ветру, как флаги. Хвосты яков имеют серьезное биологическое значение, служа сигналами, необходимыми для стадных животных, чтобы издали распознавать своих ближних и двигаться один за другим в темноте и в бурю. Для этой же цели служат, например, белые «зеркала» на заду у оленей, антилоп и других животных. Фигура сарлыка своеобразна и отлична от обычного рогатого скота, особенно когда животные пасутся. Шея яков посажена сравнительно низко, передний край холки отвесный. Очень забавны скачущие сарлыки. Они мчатся прыжками, высоко задирая хвост. Самые большие быки, с шерстью, свисающей от брюха до земли, обычно невозмутимы и неподвижны. Рога яков — велики: тонкие, острые и высокие, часто нелепо закручены — один рожище вниз, другой вверх или вперед. Это придает животным устрашающий вид, хотя и комылые их собратья тоже имеют суровый облик со своими мохнатыми, широколобыми головами и притупленными мордами.

Мы ехали после заката, стараясь дотянуть до станка Хурмэин («Базальтовый»), расположенного среди цветущих незабудками и лютиками мочажин в небольшой котловине у входа в грозное ущелье. Вечер становился все холоднее, и хотелось заночевать в доме. Однако помещение станка оказалось занятым рабочими геологической экспедиции. Мы повернули на широкий склон долины и по крутому подъему подъехали к самой опушке корявого низкого леса.

Тепло большого костра заменило нам ночлег под крышей. Только встать утром было трудновато: почти хватил порядочный мороз, и все покрылось инеем. Почему-то я долго не мог заснуть. Глядя на освещенный лунной склон гигантской горы на противоположной стороне долины, я смотрел, как удлинялась ее многокилометровая тень, и думал о пройденном пути.

Около Арахангая я видел такие же отложения, как и в Южной Гоби, около Ноян сомона. Мощные пласты глыбовых песчаников, чередуясь со слоями углистых сланцев и массивами конгломератов, образовывали исполтинскую толщу континентальных пород. Теперь для меня было ясно, что американские геологи, назвавшие эти отложения «серией Цеценван» (по китайскому названию города Цецерлэг), допустили серьезную ошибку, определив возраст их как юрский. На самом деле толща континентальных пород около Арахангая относилась к концу палеозойской эры и, вероятно, к эпохе нижней перми. Здесь породы имели несколько другой вид, чем в Гоби, так как не были покрыты коркой черного пустынного загара. Обширные массивы базальтов, долеритов, порфиритов и других основных эффузивных (излившихся на поверхность земли) пород свидетельствовали о столь же сильном вулканизме, как и в Южной Гоби. Я уверен, что в области развития Арахангайской толщи должны найтись древние вулканические конусы.

Мы не успели отъехать и нескольких километров от ночлега, как нас встретила сплошная наледь, вытянувшаяся вдоль дороги у русла реки. Резким, пронизывающим холодом дуло по ущелью. Здесь, в тени огромной горы, было мрачно, и мы попали сюда с солнечного плато совершенно как в погреб. Начинаясь подъем на громадный перевал, называвшийся Ихэ-даба («Великий перевал»). Двадцать шесть километров поднимались мы по убийственной дороге из гранитных плит, по ребрам крупных камней и россыпям остроугольных кусков кварцевых и диоритовых жил. Спуск был не лучше и еще более длинен. Машины, неистово раскачиваясь и содрогаясь, тащились на второй или третьей передачах. При каждом резком толчке нога шофера невольно сильнее прижимала газ. Машина отвечала на это более сильным воем передач. Совпадение толчка и воя давало полное впечатление живой реакции измученного существа. На полные бензином бочки глухо рокотали в кузове, и

обычные опасения все сильнее беспокоили меня. Течь в протершихся бочках, попадание бензина на раскаленную выхлопную трубу и страшный пожар машины — вот о чем не перестаешь думать, когда везешь бензин в бочках и дальнем маршруте и по плохой дороге. А здесь, на страшных камнях высоченных перевалов, эта тревога особенно выростала.

У высшей точки перевала стояло обо в несколько метров высотой — куча камней в десятки тонн весом. Со всех сторон нас обступили исполинские платообразные гольцы — удивительно ровные столовые горы. У крутых, как пожом обрезанных, краев их плато в каждом углублении склона сверкали снеговые пятна. Кое-где виднелись остатки размытых корытообразных долин, или отрогов, и широкие полуцирки, называемые геологами «кары», врезанные в верхние края столовых гор. Это означало, что здесь когда-то были горные ледники, вероятно, в эпоху более влажного климата.

Еще долго шла безотрадная дорога по большим белым камням, как по костям. Еле ползущие машины выли и содрогались, как в судорогах, под холодным резким ветром и бледным высоким небом. Потом светлые граниты сменились красными роговиками и кремнистыми сланцами. Камни стали мельче, но перевалы, хотя и менее высокие, шли один за другим. Русла полувысохших речек пересекали дорогу. Заваленные крупной галькой, серой вперемешку с белой, они казались полосами грубой ткани.

Мы с Вылежаниным ушли далеко вперед и остановились на самом верху перевала, чтобы подождать отставших товарищей. Отойдя в сторону от перегретой машины, мы растянулись на земле. Позади нас, на востоке, далеко вниз уходила извилистая долина и без конца тянулись гряды низких безлесных гор вплоть до ровной стены гольцов. Впереди, на западе, горы становились ниже, и удаленная равнина тонула в дымке нагретого воздуха. По сторонам уходили за горизонт слабо зеленые равнины плоскогорья. Поразительное одиночество и пустота как бы отрезали нас от всего мира. Одинокая машина на высоченном плато стояла наедине с небом и облаками, ползущими на уровне земли. Это незабываемое зрелище могло служить символом борьбы человека с бесконечными просторами Монголии.

Наконец показались наши машины, и мы покатались

вниз с большого спуска к невысоким хребтикам, заросшим травой и сплошь утыканным пирамидами и конусами черного камня. Местность начала принимать гобийский вид. Исчезли все следы леса, почва стала сухой, речки встречались все реже, появились скалы с черным пустынным загаром. Гладкая дорога позволила развить ход, и мы быстро достигли Дзаг сомона. Уже само название — «саксаульный сомон» — говорило, что мы покинули пределы Хангая.

После ночлега у колодца Цаган-Тологойн мы приблизились к долине реки Дзабхан. Вдоль северной стороны долины шли поразительно пестрые низкие горы с разнообразными конически-ступенчатыми формами. Вскоре и еще прозрачном с утра воздухе стали видны постройки Цаган-Олома. Цаган-Олом («Белый брод») стоял на самом берегу реки Дзабхан. Настоящая хорошая река с прозрачной и мягкой водой с шумом бурлила на перекатах, обещая замечательное купание. Однако как раз для купания-то и не было времени: мы хотели сегодня же поспеть в Юсун-Булак — теперешний центр Гоби-Алтайского аймака. Впрочем, когда стих ветер, налетело множество кусачей мошки, и желание купаться поостыло.

Наскоро пообедав в местной столовой, мы отправились по хорошей дороге прямо к югу и через сорок пять километров прибыли в аймак. Он стоял в безотрадном месте. Жители испытывали сильную нехватку воды и страдали зимой и осенью от неистовых ветров. Все признавали, что аймак поставлен неудачно. Его прежнее расположение в Цаган-Оломе было несравненно удобнее. Последний стоит на перекрестке разных дорог, на большой реке, а в смысле приближения к своим районам сорокапятикилометровое расстояние от Цаган-Олома до Юсун-Булака — совершенно пустяковая выгода по монгольским масштабам.

В полутемном строении мы нашли Петрунина и рабочего Илью Жилкина, уныло валявшихся на груде запасного снаряжения. В письме Рождественский сообщал, что на Бэгер-нуре его постигла неудача. Местонахождение, столь расхваленное геологами, на взгляд палеонтолога, оказалось очень бедным, хотя и содержало как-то новые, еще неизвестные науке виды. Раскопки за несколько дней дали незначительное количество костей по сорогов и обломок черепа мастодонта. Этого было достаточно, чтобы установить геологический возраст и усло-

образования местонахождения. Только накануне этого приезда отряд Рождественского ушел из аймака по прямой дороге в Шаргаин-Гоби.

Исследовав все обстоятельства, я принял решение — перенести базу в Цаган-Олом и затем выйти наперерез Рождественскому по Хобдосской дороге и заехать в Шаргаин-Гоби с запада через Тонхил сомон («Находящийся в выемке»). Немедленно погрузившись, мы сдали помещение, поблагодарили хозяев и к вечеру пришли в Цаган-Олом. Пока искали начальство, совсем стемнело. Наконец получили помещение под базу — длинный глинобитный дом, недалеко от берега Дзабхана. Устраивались уже ночью, в полной темноте, и только во втором часу утра закончили этот многотрудный день.

Двадцать шестое июня мы простояли в Цаган-Оломе, устраивая базу и распределяя грузы. «Дракон» и «Кукушка» отправились в Улан-Батор с грузом коллекций, пустых бочек и лишнего снаряжения. Со мной, кроме «Волка», осталась только полуторка — «Олгой-Хорхой». Чтобы избежать убийственной дороги через Арахангай, я направил наши машины в Улан-Батор по южной дороге, через Баин-Хонгор и Убур-Хангай. Расчет был правильным — машины дошли легко и быстро. На Цаган-Оломской базе оставили Дурненкова и с ним одного рабочего — наиболее молодого и слабосильного. Дурненков привык. В самом деле, сидеть здесь и «куковать» на складе в почти пустом поселке, в девятистах пятидесяти километрах от Улан-Батора, было совсем не весело. Выяснив, что у какого-то из местных жителей имеется гармонь, Дурненков немного повеселел. Вечером, уже в темноте, после окончания всех работ шоферы решили купаться. Я сидел, покуривая козью ножку, и поджидал Новожилова, искавшего мочалку для купания. Внезапно сквозь тьму с реки донесся вопль, затем второй и невообразимые испуганные крики. Сердце у меня заколотилось. Мне представил, что кто-то тонет в быстрой реке, и бросился к берегу. Где-то впереди журчала река, и узкая полоска воды поблескивала в свете звезд совсем близко. Друг я полетел куда-то в темноту, тяжело брякнулся на песок и оказался у самой воды, скрытой береговой зарослью. С нее-то и сверзился Вылежанин, растянув сушеницу на ноге, а затем я, отделавшийся более счастливо. В общем, наш «Волк» захромал и продолжал хромать до самого возвращения в Улан-Батор.

Рано утром двадцать седьмого июня мы направились по долине Дзабхана. Дорога вилась по ущельям и склонам холмов, потом отошла от реки и направилась поперек необыкновенно мрачной котловины. В ней стояли одинокие шатровидные останцы, а с юга высились конические горы с редкими полосами снега наверху. За длинным перевалом началась большая котловина — восточная оконечность Гуйсуин-Гоби («Гоби смерчей», «Вихревая Гоби»). У самого начала впадины находились развалины монастыря Могойн-хурэ («Змеиный монастырь») — целый город пустых стен и станция для проезжавших машин. От развалин монастыря через всю «Вихревую Гоби» виднелась гора Цасту-Богдо («Снежная святая») в четыре тысячи двести двадцать пять метров абсолютной высоты. Ее снежный плоский купол как бы парил над затянутыми фиолетовой дымкой плохо различимыми темными склонами. Цасту-Богдо представляла собою форпост снеговых гигантов Монголии, выдвинутый далеко на юг, в область Гоби. К середине дня над горой собрался облачный покров и повис над ней неподвижной плоской тучей, так же как над Ихэ-Богдо.

«Вихревая Гоби» — это огромная, совершенно плоская и поразительно жаркая впадина. В центре котловины — остров страшных пухлых глин, и вообще вся подпочва этой Гоби — глинистая. Нигде ни признака воды, ни сухого русла. Только жаркие ветры гуляли, вздымая пыльные смерчи, на всем стокилометровом протяжении Гуйсуин-Гоби. Вдалеке на севере в тусклом мареве виднелись цепи гигантских барханов подвижных песков Монголын-Элисун — «Монгольские пески». Они казались палево-желтыми, словно накаленными на подножии черного мелкосопочника.

Дорога здесь была хорошая, и машины неслись, отсчитывая безотрадные километры и приближаясь к концу этой жаркой пустыни. Обычная для монгольских дорог «гребенка», т. е. поперечные валики и выбоинки, составляла нас влиять из стороны в сторону, выбирая менее тряские участки. Простора для езды здесь было много, и Вылежанин небрежно поворачивал руль, чему-то ухмыляясь про себя. В этом году он не отпустил бороды, и его узкое «староверческое» лицо не было столь представительным, как в прошлую экспедицию.

— Вспоминаете вчерашний полет с террасы? — осведомился я.

— Нет, я все думаю о вчерашнем разговоре.— Вы-дежанин подразумевал нашу вечернюю беседу. Я рассказывал, какие задачи стоят перед нами здесь и каких вымерших животных мы будем тут раскапывать.

— Так что же вас веселит? — заинтересовался я.

— Если кому сказать, куда едем и зачем! Вот, скажем, спросит кто-нибудь встречный. А ему так, по чистоте сердца, и ответить: в Хобдо за носорогами и за жирафами. Это будет правда? Правда! А от такой правды за сумасшедшего примут! В лучшем случае скажут — ну и брехун!

Я подумал, что если бы действительно без подробных разъяснений объявить, что мы едем добывать здесь носорогов, жирафов, мастодонтов, то, кроме смуты, такое сообщение ничего бы не вызвало. А ведь мы рассчитывали добыть именно эти породы животных, только ископаемых...

Из-под рыхлых глин показались низкие пологие бугры черных коренных пород — «Гоби Смерчей» окончилась. С бугров открывалась перед нами обширная котловина Баин-гола («Богатая речка»), вся желтая и светлая от высокого дериса. Котловина подходила к подножию Цасту-Богдо. Дерисовый кочкарник кончался у пологих красных холмов, выше которых поднимались черные ребристые горы первой высотной ступени Цасту-Богдо. Еще выше громоздились грубые глыбы разрезанного ущельями плато. Они высились гигантскими кубами, затянутыми нежно-голубой дымкой, испещренные под верхним краем мелкими пятнами снега. Еще дальше и выше желтели светлые склоны центрального массива, поднимавшегося плоским удлинненным куполом, покрытым сплошной гладкой шапкой ослепительно белого снега. Узкие полосы снегов сползали по дну глубоких ущелий. Вечером весь массив Цасту-Богдо затянулся синей дымкой, и детали уступов исчезли, но снег продолжал быть столь же ярким и чистым и приобрел серебряный оттенок. Будто необычайно плотное белое облако улеглось на синевато-фиолетовом воздушно-легком троне.

В стане Баин-гол, расположившемся на бугре у скрещения нескольких дорог, мы были ошарашены сообщением, что наши крытые фургонами машины прошли здесь два дня назад, двадцать пятого числа! Эта новость означала, что в Шаргаин-Гоби отряд Рождественского ничегонеделал, а попросту пронесся сквозь нее. Впоследст-

вии выяснилось, что Рождественский, узнав от сведущих людей в Гоби-Алтайском аймаке о большом количестве «каменных» костей в Дзергенской («Эфедровой») котловине, устремился туда и попросту бросил работу в Шаргаин-Гоби. Он спасся от ответственности только тем, что ему действительно удалось найти крупное местонахождение. Но Шаргаин-Гоби осталась неисследованной и ждет ученых.

Мы направились в Дзергенскую котловину, в погони за чересчур проворными исследователями. Как на скалочном перепутье, три дороги предстали перед нами. Мне очень хотелось поехать по правой, потому что она шла на перевал с манящим названием Алтан-Хадас-даба («Перевал Полярной Звезды», вернее — «Золотого кола», как эта звезда называется у монголов). Но туда шла старая дорога, в обход Дзергенской впадины, и мы поехали по средней в бывший сомон Алтан-Тээли («Золотой шенек»), где узнали, что крытые машины прошли дальше на запад. Слева от нас гигантской стеной шел вдоль всей Дзергенской котловины хребет Батыр-Хаирхан («Милостивый Богатырь»), понижавшийся лишь далеко на севере. Его огромные конусы выноса слились в наклонный бэль, по краю которого вилась дорога. Большая ледниковая долина прямо против нас позволяла разглядеть в центральной части хребта плоский снеговой купол.

Мы прошли около четырех километров за поселок Алтан-Тээли и остановились у дороги в зарослях берез. Всех нас порадовала неожиданная встреча с любимым деревом русского человека. Маленький ручеек журчал по мшистым камням, тонкие белые стволы раскачивались на ветерке, а листва шептала нам про родину. Мирно и спокойно стало на душе. Устали мы за этот день порядочно, так как проехали триста пять километров.

Дзергенская котловина была неширока. На восточной ее стороне, на расстоянии двадцати — двадцати пяти километров, поднимался бэль хребта Бумбату-Нуру («Курган-гора»), шедшего параллельно Батыр-Хаирхану. Большие красновато-желтые пятна — размывы гобийских пород — виднелись у подножия Бумбату. Как оказалось, именно там Рождественский обнаружил большие скопления ископаемых животных. Местонахождение было названо по сомону — Алтан-Тээли. Под нами на дне котловины протягивалось к северу узкое болото с кое-где поблескивавшими лужами воды. Чувствуя, что

бани товарищи где-то близко, я решил попробовать подать им сигнал ракетами, которыми мы запаслись в этом году. Один за другим два ослепительно белых огня взвились над погружившейся в ночную тьму впадиной. Эффект был потрясающим. В болоте внизу поднялся надменный птичий гомон. Кричали утки, цапли, журавли, заурядли низкими голосами еще какие-то большие птицы, вероятно пеликаны. Где-то заблеяли и замычали домашние животные. Но товарищи, находившиеся в этот момент в ущельях бэля Бумбату-Нуру, на противоположной стороне котловины, ничего не заметили.

Продолжая путь на север, мы благополучно доехали до Дзерген сомона и здесь получили сведения, что две открытые машины прошли дальше на север. Перебраться на другую, восточную, сторону котловины у сомона, чтобы посмотреть там выходы красцветов, было невозможно, и мы поехали дальше. В северном конце котловины дорога близко прижалась к хребту. Здесь бэль был узок и покрыт сплошь черным щебнем, среди которого отдельные группы больших угловатых камней сверкали в низком солнце почти ослепительно, как полированный металл. Это сияние черных предметов, столь характерное для Монгольской Гоби, поистине удивительно!

Стена хребта Батыр-Хаирхана необычайно крута и непрерывна. Выше стены — скалистые ребра, двугранные и черные, они тянутся на всю высоту хребта и заканчиваются вверху блюдцеобразными впадинами. Но впадинам веерообразно развертываются к вершинам мелкие русла, сливающиеся книзу в одну глубокую долину. В этом месте хребет так близко к дороге, так крут и высок, что его исполинская масса, надвигающаяся на зрителя, кажется почти нереальной — очень уж велика. Исчтление усиливает едва заметная голубая дымка, окутывающая склон от подножия до вершины. В этой дымке круча хребта как бы всплывает вверх, над головой. Но если, на юге, хребет теряет свою стенообразную монолитность и рассекается темными глубокими долинами, дно которых снизу не видно и таинственно. Зато сквозь долины видны светлые купола гольцов со снежными полями. Черные от пустынного загара глыбы камней на склонах выноса означали, что эти выносы — старые остатки древнего, прекратившегося здесь размыва гор. Новые, современные выносы громоздились высокими

конусами, а валуны и щебень на их поверхности были совсем светлыми.

Центр котловины занимала низина с озерами и зарослями камыша. Сотни уток, гусей, розовых фламинго, белых цапель раззадорили наших охотников, однако позорно бежавших от комаров и слепней. Оазис богатейшей птичьей жизни был узок (два — четыре километра), зажатый между бэями параллельных хребтов.

К северу от Дзерген сомона появилось огромное поле светлых гранитных валунов, разбросанных с почти равными промежутками на пространстве около четырех квадратных километров. Машины наши лавировали между глыбами. Местность казалась сказочной, как будто сошедшей с былинных картин Рериха. В больших камнях, разбросанных по степи на зеленой траве, всегда есть что-то очень привлекательное. Таков типичный для русской равнины ледниковый ландшафт, где испокон веком жили, сражались и умирали наши предки...

Через пятьдесят километров от сомона бэли Батыр-Хаирхана и Бумбату-Нуру сомкнулись, глубокая впадина между ними исчезла. Мы повернули направо, поднялись над дном Дзергенской котловины и через пятнадцать километров достигли гряды Оши («Водопой»), за которой высился хребет Чжиргаланту («Счастливый»).

Вдоль гряды проходил не то канал, не то речка (как мы узнали потом — и то и другое), по которому быстро текла пресная вода из озера Хара-усу. Мы заметили телеграфные столбы на старой Хобдосской дороге и, так как нигде не было видно ни машин, ни белых палаток, решили доехать до озера. За кочкастой низменной котловиной Боро-Дуруни-Ама («Дождливого Облака Пасть») в мутном воздухе засветились воды озера Хара-усу. Но мы так и не увидели всю эту огромную водную гладь. Лишь небольшой залив врезался углом сюда, в безотрадную песчаную равнину, которая, несомненно, раньше была дном этого же ныне уменьшившегося озера. Я сразу понял, что наши мечты о закидывании сетей в озеро порождены незнанием. Отсюда, с юга, подходов к озеру почти не было. Вся прибрежная зона озера имела всего лишь полуметровую глубину и топкой грязью на дне. Становилась совершенно ясной несостоятельность рыболовных стремлений нашего Яна Мартыновича.

Увидев, что дорога уходит в пески, я остановил машину. Вдали показался небольшой верблюжий караван,

плывший извилистой цепочкой по однообразной и ровной поверхности впадины. Араты, ведшие караван, утверждали, будто своими глазами видели две крытые машины, проходившие дальше на Хобдо. Что-то было не так. Каким бы прытким ни оказался Рождественский, он не мог без исследования проскочить всю Дзергенскую котловину и миновать гряду Оши. Вероятно, мы гнались за мифом. Я решил набрать воды в колодце, купить у аратов в стоявших неподалеку юртах барана, вернуться на гряду Оши и заняться ее исследованием в ожидании, пока наши товарищи не объявятся сами.

Едва полуторка ушла к колодцу, а мы с «Волком» растянулись под машиной, как услышали надрывный вой мотора. Нас догнали Рождественский и Прозоровский на «Дзерене». Пронин был, что называется, весь в мыле: они гнались за нами около ста километров. Недоразумение вышло потому, что Рождественский не удосужился поставить у отворота с дороги каменную пирамидку — обо. Он попросту начертил на песке большую стрелу, которую мы на быстром ходу вовсе не заметили. Эта небрежность обернулась нам напрасным шестисоткилометровым пробегом машин. Впрочем, не совсем напрасным, потому что я осмотрел почти весь район наших работ на аванпосте.

После соответствующего, выражаясь по-морскому, «раздрая» мы направились обратно и к вечеру прибыли в лагерь отряда, находившийся в ущельях бэля хребта Бумбату, в семи километрах от автомобильной дороги.

Лагерь был поставлен на краю сухого русла, близ колодца. С таким удобством мы стояли только на Андахудуке, в Орокнурском походе прошлого года. В лагере и застал множество «инвалидов». У повара воспалились обожженные сковородкой пальцы, Рождественский хромал, а препаратор Пресняков, прозванный рабочими за любовь покрикивать «комендантом», скрючился от прострела. Один из рабочих, Александр Осипов, бывший гвардеец и снайпер с лихими усами, работая полуголым, снес кожу на спине и теперь уныло сидел в палатке. Другой рабочий, необычайно могучего сложения, прозванный Толя-Слоник, лежал в жару, без всяких симптомов. К «инвалидам» в последний момент присоединился Новожилов, который стал ссылаться на боли в почках.

На раскопках стали помогать шоферы. Пронин и Вы-

лежанин заменяли также и повара. К счастью, в экспедиции больные быстро выздоравливают. Не прошло и трех дней, как все «инвалиды» поправились, за исключением повара, серьезное нагноение у которого требовало хирургического лечения. Пока, до врача и больницы, его лечили спиртовыми и содовыми компрессами. Только несокрушимый Эглон сиял и цвел по обыкновению, однако и он едва не погиб от... кислого молока. У нас был трофейный немецкий алюминиевый бидон с герметически запирающейся крышкой. Кинооператор, ездивший на съемки в сомон, привез в этом бидоне кислого молока и поставил в палатку. В знойный день бидон очень сильно нагрелся. Пришедший на обед Ян Мартынович захотел полакомиться кисленьким. Едва успел он сбросить за щелку запора, как бидон буквально взорвался. Крышка хватила ошеломленного Эглона по зубам, мощная струя простокваши залепила очки и глаза. Мы застыли в испуге, но через минуту все уже весело хохотали вместе с пострадавшим и составляли заговор на кинооператора, чтобы подsunуть ему такой же нагретый бидон.

В первый же момент нашей встречи Эглон стал жаловаться, что у него кончились гипс и доски для монолитов. Я думал обрадовать его сообщением о привозе большого запаса, но Эглон презрительно фыркнул, заявив, что все это ни к чему, так как все находки будут исчерпаны через два дня. Рождественский прямо завопил от негодования: он считал найденное местонахождение очень богатым. Последующие дни я изучил строение костеносной толщи и выяснил условия образования местонахождения. Рождественский был совершенно прав: Алтай-Тээли оказался самым богатым из всех местонахождений ископаемых млекопитающих в Монгольской Народной Республике.

Чередующиеся слои желтых песчанистых глин и грубых конгломератов общей толщиной около двухсот метров залежали здесь не горизонтально, а наклонно, смятые в складку при подъеме хребта Бумбату-Нуру. Слой песчанистой глины в середине разреза был особенно богат костями. Прослой конгломератов, торчавшие под углом к поверхности бэля, в размывах образовали длинные гряды, склоны которых составляли более мягкие слои желтых глин. Там и сям, по всей длине желтых гряд, белели кости. Черепа, челюсти, ребра, позвонки, кости лап были беспорядочно перемешаны и нагромо-

они отдельными скоплениями, как бы кучами, в косте-
вой желто-бурой глине. Чаще всего встречались но-
согори из вымершей группы хилотериев, трехпалые гип-
парионы, крупные жирафы, реже хищники вроде круп-
ных тигров.

Подобные большие скопления одних и тех же живот-
ных объяснялись только катастрофами. На месте Дзер-
гетской котловины около пятнадцати миллионов лет то-
му назад существовала большая, значительно более ши-
рокая, межгорная впадина. Там обитало огромное коли-
чество животных: носорогов, жирафов и гиппарионов,
находивших обильный корм на влажной почве впадины.
Время от времени, возможно раз в сотни лет, случались
сильнейшие и продолжительные ливни, вызывавшие на-
воднения. С прилегающих гор во впадину устремлялись
потоки воды и грязи, губившие тысячи животных. Остат-
ки этих животных сносились потоками к центру впадины
и нагромождались там вместе с массами ила. Таким пу-
тем накопилась мощная залежь остатков вымерших мле-
копитающих, которую мы теперь раскопали. Во время
образования Алтан-Тээли горы, с которых стекали губи-
тельные потоки, находились гораздо дальше на востоке,
чем хребет Бумбату-Нуру. Этот последний поднялся в со-
сем недавнее геологическое время, прорезал и согнул
складки красноцветные отложения Алтан-Тээли. И в на-
стоящее время примерно раз в четверть века в Гоби слу-
чаются страшной силы ливни. Именно они и размывают
близ хребтов, создают лабиринты ущелий и оврагов в
рыхлых, легко разрушаемых породах мелового и трет-
ичного периодов. В эпоху образования Алтан-Тээли кли-
мат был гораздо более влажным и сила катастрофичес-
ких ливней во много раз превосходила современные.

Местонахождение Алтан-Тээли вопреки прежним вы-
сказываниям Эглона могло дать коллекций не на четыре
бывшие с нами машины, а на четыреста машин. Поэто-
му следовало провести здесь раскопки, которые пол-
ностью загрузили бы наш транспорт, и доставить в Улан-
Батор коллекцию, достаточную для полного изучения
животных этого геологического горизонта.

Пришлось провести в ущельях Бумбату одиннадцать
дней, считая с момента моего приезда. Эглон и Малеев
производили раскопки. Новожилов, Рождественский и я
бродили по горам, изучая отложения. Кинооператор Про-
оровский и наш новый переводчик, молодой студент

Улан-Баторского университета Туванжаб составляли особую группу. Почти каждый день они спускались в котловину, добывали лошадей и ездили в окрестные сомоны и баги, чтобы получить киноматериал о жизни монгольского народа в местах, близ которых работала экспедиция. Сообразно своей деятельности Прозоровский и Туванжаб отличались наиболее щегольским видом. Они в своих галифе, спортивных курточках с «молниями», кепках и начищенных сапогах выглядели очень импозантно среди нас, запыленных, повязанных платками, постоянно испачканных в пыли и глине.

Туванжаб — такого же юного возраста, как наш прошлогодний переводчик Очир, держался гораздо более уверенно. Широкое лицо с заостренным подбородком было еще детским, но твердо сжатый рот и прямая осанка делали его старше. Туванжаб любил европейскую одежду, не в пример старомодному Очиру, и в этом сошелся со старавшимся приодеться «при народе» кинооператором. Прозоровский выглядел даже картинно, когда вместе с Туванжабом спускался на лошадях к подножию хребта, перед увенчанной снегами величественной стеной Батыр-Хаирхана.

Все другие не бывали в населенных местах. Мало времени оставалось для работы: предстоял еще длиннейший путь возвращения на главную базу в Улан-Батор. Погода не благоприятствовала успешному ведению раскопок. В Южной и Восточной Гоби мы привыкли успешно справляться с главными затруднениями — безводьем, жарой и сильнейшими ветрами. Здесь ничего этого не было, кроме, пожалуй, ветра, но зато нам мешали почти каждодневные дожди. Иногда дождь был настолько силен и продолжителен, что сухое русло, на берегу которого стоял лагерь, превращалось в быструю речку, а передвижение по крутым склонам из размокшей глины становилось невозможным. В проливной дождь с холодом и ветром 6 июля пришлось прекратить всякие работы.

На горах, по всей цепи Батыр-Хаирхана и на Бумбату, выпал снег, серые плотные тучи спустились почти до уровня котловины. Расчищенный нами в ответвлении русла колодец замело песком. Я забрался в пустую машину, стоящую у края русла, и, завернувшись в одеяло, старался согреться.

Поток желтой воды несся мимо с характерным по-

испуганием и шорохом катящейся гальки. Лагерь будто вымер — все живое попряталось в палатки. Только неутомимые шоферы возились у машин, прикрываясь брезентами. Внезапно из-под моей машины раздался крик, перешедший в злобный рев и закончившийся разнообразными проклятиями. Испуганный, я выглянул из машины и увидел Пронина, державшегося одновременно за голову и поясницу. Он увлекся работой, но тут порыв ветра свалил прислоненный для укрепления брезента брус, который ударил шофера по ноге. От боли Пронин дернулся, стараясь высвободиться из-под машины, и рассадил спину о кронштейн подножки. Невзвидя света, несчастный водитель вскочил и с размаху треснулся головой о выступающий болт кузова. Это было уже слишком. Наш добродушный «Дзерен» так разозлился на судьбу, что несколько минут вертелся на месте от боли и ярости, походя на умалишенного.

В такой исключительно дождливый день ни у кого из «научной силы» не было занятий, и в палатке шла карточная игра в «короля» или подкидного дурака. Почему-то эти безобидные игры разжигали страсти. Особенным азартом отличались Прозоровский и Рождественский — самый искусный игрок из всех нас. Но едва наступало хоть малейшее прояснение погоды, Прозоровский без отдыха и срока носился повсюду, стараясь наснимать побольше эффектных кадров. Он побывал и в ущельях Цасту-Богдо, и на крутых склонах Батыр-Хаирхана, участвовал в экспедиции Новожилова к развалинам монастыря Сутай-Хурэ («Обитель Мудрецов»).

В районе развалин все подножие Цасту-Богдо было сложено древнепермскими породами, сходными с встречившимися нам около Арахангая и Ноян сомона. Как и в Ноян сомоне, у Сутай-Хурэ мощные пласты песчаников чередовались с углистыми и глинистыми сланцами. Вся пермская толща имела мощность — совокупную толщину всех пластов — не менее двух километров. Слои были смяты в складки и поставлены почти вертикально, «на голову», как говорят геологи. У подножия Цасту-Богдо не было пустынного загара. Очень светлые песчаники прорезывались черными полосами углистых прослоев и железистых сланцев. Издалека, с высоты, чередование пород казалось шкурой полосатого зверя. Повсюду лежали окаменелые черные бревна — стволы кордаитов, такие же, как в Ноян сомоне. Кордаиты, как я уже

упоминал, были необычайно широко распространены и палеозойскую эру на южных материках и в Сибири. Эти большие деревья образовали леса на необозримых пространствах, подобные современной тайге северных стран, тоже представленной однообразными деревьями на тысячи километров.

Новожилову удалось найти прекрасные отпечатки глоссоптерисов — очень древних высокоорганизованных растений, близких к высшим — покрытосемянным. Глоссоптерисы возникли и распространились двести пятьдесят миллионов лет назад на южных материках — в Южной Африке, Южной Америке, Австралии, Антарктиде, затем в Индии. Другой важной находкой Новожилова оказались интересные породы — угольные конгломераты с плоской галькой из окатанных кусочков угля. Перед нижнепермскими отложениями Сутай-Хурэ, так же как и в громадах пермских гор западнее Ноян сомона, мы, палеонтологи, чувствовали себя в преддверии большой загадки Азиатского материка. Здесь должны были сохраниться кости самого древнего наземного населения Азии — четвероногих позвоночных.

Находка нижнепермских отложений, состоящих из пород, обогащенных растительными остатками и темными солями железа с флорой южных материков конца палеозойской эры, здесь, в центре Азии, поднимала крупные научные вопросы. Рассматривая эти отложения (названные гондванскими — по стране гондов в Южной Индии) как отложения умеренных климатических поясов, приходилось признать, что климатические пояса нашей планеты в верхнем палеозое распределялись совершенно иначе, чем современные. Гондванские нижнепермские отложения южных материков связывались с Азией через Индию. Другая колоссальная область распространения гондванских отложений с такой же кордаитовой «тайгой» находилась в нашей Сибири, в Тунгусском (правобережье Енисея) и Кузнецком бассейнах, заполненных мощными материковыми отложениями. Развитие таких же отложений в Центральной Азии — Монголии — соединяло гондванские отложения Индии и Сибири, и следовательно, Сибири и южных материков. Получалась как бы гигантская полоса, протянувшаяся с севера на юг от Антарктики до Арктики. Если эта полоса означала климатический пояс, то, значит, климатические пояса верхнего палеозоя располагались перпендикулярно к со-

временным и экватор пермского времени стоял «вертикально», как наш современный меридиан. Следовательно, ось нашей Земли лежала в плоскости эклиптики, в плоскости вращения планет вокруг Солнца, подобно тому, как вращается в настоящее время планета Уран. Само собой разумеется, что решение проблемы потребует еще длительной большой работы. Астрономы, пока уверенно верящие в незыблемость планетных осей, будут находить всяческие возражения и авторитетно «опровергать» нас, геологов... Как бы то ни было, вопрос был очень интересен и открывал широкие горизонты. Было ведь чем думать под шум дождя, барабанившего по брезенту машины в лагере на Бумбату.

И другие, может быть, не столь крупные вопросы геологии заставляли заниматься их выяснением. Изучая бок хребта Бумбату, я заметил на нем три отчетливо выраженных уступа, каждый высотой от сорока до семидесяти метров. Эти уступы проходили вдоль всей котловины на абсолютной высоте от тысячи шестисот до тысячи семисот пятидесяти метров. Хотя во многих местах они были разрушены выветриванием и размывом, остатки их уцелели. Такие же уступы отмечались на гряде Оши, у подножия хребта Чжиргаланту. Я прослеживал эти уступы, все более убеждаясь в правоте географа М. Мурзаева, считавшего, что они являются озерными террасами, то есть выработаны на склонах гор волнами озера. Значит, когда-то озеро Хара-усу распространялось гораздо дальше на юг и Дзергенская котловина представляла собой его южный залив. Восточный берег этого залива обрамлял хребет Бумбату-Нуру. Хребты впоследствии поднялись, а озеро сократилось, и теперь террасы, на которых плескались озерные волны, находятся на высоте больше ста метров над дном Дзергенской впадины. После маршрута по Бумбату моя догадка превратилась в уверенность. Я вернулся в лагерь, чтобы вычертить расположение террас на карте и посмотреть их совпадение с границами древнего озера. Лагерь стоял пустой: все, кроме спавшего в палатке большого повара, были на раскопках.

Линии террас легли на карте как нужно, но я не успел насладиться торжеством ученого. Налетевший смерч сокрушил мою палатку, унес пачку оберточной бумаги, две алюминиевые сковородки и штаны Новожилова, сохнувшие после стирки. Веревки лопнули, верх-

ний горизонтальный кол переломился, а задний угостил меня по шее в то время, как я прикрыл собой драгоценные дневники и карты. Страшнейшая пыль с пола засыпала мне глаза, нос и рот. Через секунду все кончилось, и я выбрался из-под тяжелой материи ползком. Помочь поставить палатку было некому, одному при ветре это сделать не под силу. Ничего больше не оставалось, как, пользуясь ясной погодой, снова уйти в маршрут.

Рождественский на полуторке ездил к местонахождению Оши. Закончить исследование ему не удалось из-за поломки динамо. Однако он установил, что Оши очень похоже на Бэгер-нур. Там нашлись такие же твердые стяжения из гравия, заключавшие кости животных, большей частью разрозненные. На Оши совсем не было остатков трехпалых лошадей — гиппарионов, зато встречались кости мастодонтов, которых не было в Алтан-Тээли. По-видимому, и Оши, и Вэгер-нур образовались в более постоянных потоках — реках, приносивших издалека остатки животных. На это указывали находки мастодонтов. Эти слонообразные, на самом деле по строению зубов более близкие к свиньям и бегемотам, животные были обитателями рек. Только самые последние (американские) мастодонты, ставшие современниками человека, по образу жизни сделались совсем похожи на настоящих слонов. Мастодонты, обитавшие в Монголии, были речными или болотными жителями.

Всякому, кто побывал бы на наших раскопках в Алтан-Тээли и увидел целые штабеля носорожьих черепов, залежавшие один на другом в глинах, стало бы легко представить неисчислимое богатство животных на древней монгольской земле пятнадцать миллионов лет тому назад.

Глава девятая

ЧЕРЕЗ РАЗЛИВЫ РЕК

Длинного черного коня никаким арканом не удержишь (река).

Загадка

Раскопки закончились, но, вычислив вес всего нашего снаряжения, продовольствия, горючего и коллекций, я установил, что можно взять еще около трехсот

иограммов. Малееву досталось срочное задание — в течение двух дней найти и раскопать пару хороших черепов. К вечеру того же дня нашлись три черепа носорогов и один — ископаемого верблюда, великолепно сохранившийся. Раскопщики, работая до полной темноты, спешили изготовить монолит. К раскопкам для ускорения работы проложили крутой «императорский» (по нашим воспоминаниям 1948 года) въезд, и машины могли грунтоваться непосредственно на месте раскопок.

Странное зрелище представлял собою наш лагерь в эти пасмурные дни. Бэль хребта Бумбату, на уступе которого стояли палатки, — светлый и желтый, без угрюмой гобийской черноты. Низкие облака с утра стелились по подножию хребта на уровне лагеря, иногда сползая еще ниже к дороге в котловину. Напротив нас Батыр-Хвирхан утопал вершинами в массе облаков, и только фиолетово-темные бэли выступали снизу из-под клубящейся белой массы. Вечером четвертого июля суровая погода порадовала поразительным зрелищем. Низкие клочковатые тучи закрыли все небо над котловиной от хребта до хребта. Вдруг на западе, в тот момент, когда солнце садилось за невидимый горизонт, облачная мгла разошлась и открыла волшебную игру красок. Вокруг лагеря на бэле все казалось четким и обыкновенным, как днем. Хребты утопали в глубокой фиолетовой дымке, а нижние уступы отсвечивали над темной долиной чистым червонным золотом. Золотые краски поднимались все выше, и наконец оба хребта сделались отлитыми из золота. Только восточные концы гор остались фиолетовыми — еще темнее и мрачнее от контраста. Изли холмов бэля с запада взвились в высоту алые языки огня — так окрасились вертикальные космы и столбы туч. Огненная завеса стояла до тех пор, пока от подножия хребтов не поднялась фиолетовая мгла. Только вершины еще золотились. Цвет золота был необыкновенно яркий и чист. Три краски обрисовывали все окружающее — золотая, синяя и фиолетовая. Наконец все угасло, и наступили сумерки.

В последний день нашего пребывания на Алтан-Тээли стало очень холодно. С утра завыл ветер, огромные тучи нависли прямо над головой. На горах снова выпал снег. И в надежде, что новый дождь опять задержит нас, мы изо всех сил «добывали» погрузку и раскопки. К обеду тучи разошлись. Несмотря на азартный авральный труд, нам

не удалось закончить и погрузить «заказной» — последний монолит. Мы с Туванжабом сложили большое обо из обломков гранита и заложили внутрь неизменную записку об экспедиции и местонахождении. Вечером прибыл наш друг Шарын Иэнхорло — единственный арат, посетивший нас в нашем горном уединении. Этот симпатичный пожилой человек пас поблизости стадо и часто приезжал в лагерь, интересуясь нашими работами, расспрашивал о самых различных вещах, от ископаемых костей до устройства автомобилей.

В качестве прощального подарка арат приволок большую упитанную овцу. Хотя его стадо состояло преимущественно из коз, а нам для еды послужила бы и коза, Иэнхорло не мог нанести такой обиды своим русским друзьям. По монгольским обычаям домашний скот разделяется на тепломордый и холодномордый. Дарить тепломордый — значит выражать теплую дружбу. Подарки холодномордого скота вообще не делаются, потому что такой дар оскорбителен. Тепломордый скот — это овцы и лошади, холодномордый — козы, верблюды и рогатый скот. Этот обычай настолько еще силен в Монголии, что когда в период Отечественной войны монголы посылали скот в дар Советской Армии, то просили пересчитать всех коров и яков по весу на овец и записать как дар овцами, дабы не дарить холодномордых.

Скот в Монголии имеет и символическое значение для выражения людских чувств и характеров. Овца — символ глупости, лошадь — дружбы, верблюд — покорности, корова — упрямства, коза — злости, хитрости и всяческого сквернодушия.

Иэнхорло попрощался, вышел из палатки, бережно поднял угол нашего спущенного флага и громко сказал: «Уунийг узуулэгч!» («Друг на всю жизнь!») Арат вскочил на лошадь и грустный направился вниз по сухому руслу.

Девятого июля мы погрузили последний монолит и в двенадцать часов покинули лагерь. Но после выезда на дорогу пришлось почти час дожидаться «Тарбагана» и полуторку. День был знойным, и мы скучились в короткой тени под машинами. Даже ноги надо было убирать в тень — сапоги накалялись на солнце. Оказалось, что у полуторки в пятидесяти метрах от лагеря отлетел кронштейн задней рессоры — совершенно такая же авария, какая была у нас в 1946 году со «Смерчем», тоже

в самый момент выезда. Повсюду замечались следы сильных дождей. Дорога сделалась тяжелой, моторы нагревались. Даже в Гуйсуин-Гоби центральная впадина с пухлыми глинами оказалась затопленной. Озеро пришлось объезжать, осторожно выбирая дорогу на взбухшей глинистой почве.

Мы ночевали на станции в развалинах Могойн-хурэ и простились со снежными горами (Цасту-Богдо) только на следующее утро. У хозяина станции я увидел тощую кошку — животное, редко встречающееся у монголов. На мой вопрос, почему в Монголии не держат кошек, хозяин улыбнулся и рассказал старинное поверье о собаке и кошке. Собака будто бы каждое утро приходит посмотреть, жив ли ее дорогой хозяин, а кошка по утрам смотрит — не умер ли хозяин. Возможно, что это старинное поверье и сыграло какую-либо роль в отсутствии кошек. Однако, я думаю, дело проще. Кошка при кочевом хозяйстве бесполезна: нет запасов зерна, которые надо охранять от грызунов.

На первом большом перевале мы обнаружили, что плоскогорья покрылись совсем молодой травкой. Со всех сторон торчали зубчатые скалистые горы бледно-серого цвета с пятнами рыжих лишайников. Над ними низкое холодное небо, сплошь закрытое ровной облачностью — вид очень суровый, но полный какой-то необычной для Монголии свежести. На мрачной равнине с шатровыми останцами я увидел древние могильники. Они настолько вросли в почву, что были заметны только издалика, с возвышенности. Очевидно, эти гранитные надгробия в виде поставленных вертикально остроугольных глыб или кругов из камней были древнее всех других. Холодное безлюдье продолжалось и дальше. Все мы обрадовались, увидев на небольшом плоскогорье близ самой дороги две недавно поставленные юрты.

Остановка, чтобы покурить, потолковать с аратами и погреться, была оправдана замеченными Малеевым древними надписями. Травянистый склон, подходивший к дороге с юга, круто поднимался к подножию отвесных гранитных скал, а на них, на высоте около ста метров, отчетливо виднелись громадные буквы — не то тибетские, не то еще какие-то неизвестные иероглифы. Прозоровский с Рождественским вошли в раж и вызвались сбегать наверх и исследовать надписи. Я высказал предположение, что, может быть, это не надписи, но его с него-

дованием отвергли. Не говоря ни слова, я извлек бинокль, направил его на скалы и увидел только трещины гранитных отдельностей. Невооруженному глазу опять виделась загадочные буквы. Я промолчал о своем открытии, чтобы немного охладить ярых спорщиков. Через четверть часа оба явились, взмокшие от пота и сконфуженные. Велико же было негодование исследователей, когда я поднес им бинокль и они смогли еще раз убедиться в отсутствии надписей. На град упреков я хладнокровно отвечал сентенциями о необходимости пользоваться современной техникой.

Однако пора было двигаться дальше. Я вынул часы, было уже четверть одиннадцатого, и предложил садиться в машины. Высунувшийся из кабины Эглон возразил, что мои часы никуда не годятся: у него — пять минут двенадцатого. Решили проверить время. Вся «научная сила» и шоферы извлекли свои часы. Восемь штук этих коварных механизмов показывали самое различное время, с расхождением до одного часа. Лишь на телеграфе в Цаган-Оломе мы запросили Улан-Батор о точном времени и установили, что единственно верными часами обладал Рождественский. Корешо, что мы не были путешественниками прежних времен, когда точность съемки зависела от верности хода часов!

За мрачной равниной, миновав небольшой перевал, мы попали в круглую впадину — зеленую, ровную котловину, окруженную синими, поразительно яркого цвета горами. Горы имели мягкие очертания, их бэли, покрытые свежей травой, казались аквамариновыми. Цепь густо-синих гор на аквамариновых фундаментах, высишаяся за зеленым простором под хмурым бессолнечным небом, выглядела совершенно сказочной. Впереди над горами виднелся узкий голубовато-стальной просвет — там пролегалла долина Дзабхана. При спуске в долину дорога пошла по необычайно черным горам. В отличие от обычных гобийских гор, черных от пустынного загара, эти низкие, сильно разрушенные горы состояли из просквозь черных пород. Такая внутренняя, а не внешняя чернота сразу чувствуется на взгляд, и мне пришла на память монгольская поговорка: «Змеинная пестрота — снаружи, человекья пестрота — внутри»...

На вершине перевала, на маленьких ступенчатых площадках, стояло множество очень острых и высоких пирамидок с узкими основаниями. Это были редкой фор-

мы обо, столь же черные, как все зубцы, стены, откосы вокруг. Впереди и внизу в черных воротах уже виднелся сверкающий Дзабхан. По крутому выпуклому косо-гору мы стали съезжать в долину. Машина опасно кренилась и раскачивалась. Я заметил, что дорога проведена неладно — нужно было бы немного потрудиться и вскопать косогор.

— Ну кому здесь копать! — с досадой воскликнул Вылежанин, прижимая тормоз. Машина обогнула поворот — и... перед нами около двадцати рабочих усердно вскапывали косогор.

В Цаган-Оломе нас ожидала радостная встреча. Бедняги Дурненков и юный рабочий Никита истосковались от вынужденного сидения и по-детски радовались приходу машин. Немедленно началась перегрузка. Учитывая потрепанное состояние и тяжелый груз наших машин, я решил возвращаться в Улан-Батор не через Ара-Хангай, а по южной дороге, через Баин-Хонгор и Убур-Хангай («Южный Хангай»). Эта дорога не считалась магистральной и не имела мостов через мелкие речки. Поэтому при наступивших дождях был известный риск издержек на переправах. Так оно и оказалось впоследствии. Правда, мы потеряли всего два дня, так как южная дорога была короче.

Мелкий морозящий дождь продолжал преследовать экспедицию. Горы на востоке за Цаган-Оломом стали теперь ярко-синими. Конусовидный мелкосопочник казался издали скопищем темно-синих или темно-фиолетовых волн. Это всегда бывает в гобийских районах Монголии, когда влажно и пасмурно. Трудно представить себе более яркие и чистые оттенки синего цвета. Этот цвет, именно в его наиболее ярких тонах, больше всего любят в Монголии.

Перед Дзаг сомоном начался длиннейший подъем, незаметный и похожий на плоскость. Машина стала «задышаться» на третьей передаче, и пришлось переходить на вторую. После нескольких километров пути и отчаянных попыток двигаться на третьей передаче мы с Вылежаниным остановились. Осмотрели баллоны, тормозные барабаны, начали гадать, что такое приключилось с мотором. Пока мы дознались, что машина в полной исправности, нас догнал Пронин и принялся издеваться над премудрыми механиками. Лихачев со своим дымившим «Тарбаганом» отстал, и Пронин высказал ядовитое

предположение, что Лихачев разбирает мотор, будучи не в силах понять простую вещь. Однако Лихачев скоро догнал нас, высунул из кабины взлохмаченную голову и закричал, сияя застенчивой улыбкой:

— А я уже решил, что мой мотор совсем отказывается! Потом смотрю — нет, вы тоже едва плететесь!

Действительно, такого длинного и незаметного подъема я еще не видал. Машина без разгона становилась беспомощной и еле ползла. Зато с какой поразительной скоростью машина брала с разгона крутые подъемы.

Проливной дождь замыл дорогу, и мы нашли убежище в школе Дзаг сомона. Дождь лил всю ночь и продолжался на следующий день — двенадцатого июля. Сначала мы прошли тридцать один километр по арахангайской дороге, затопленной в глубоких ямах и лужах. Затем отвернули на восток, в ущелье между гор, по слишком следу на россыпях синеватых, в мокром виде — совсем синих, кварцитов. Дорога пошла по дну типичной хангайской долины, покрытой слоем почвы и сплошь заросшей травой. Дно долины тоже было задерновано — это никогда не встречается в Гоби. Крутые зеленые откосы, блестящие от мокрой травы, поднимались по сторонам. Здесь, на большой высоте — свыше двух тысяч метров, серые клочья туч низко теснились по гладким бокам гор. Машины устремлялись в сплошную завесу мгlistого дождя по неизведанной дороге.

Весь день шли мы по сказочному царству тумана, в подоблачной стране. Долина сузилась, склоны гор сделались скалистыми, по дну зазмеилась маленькая речка Убуртэлиин-гол («Южная Петлястая»). Слева, на вершинах теснившихся округлых гор, появились высокие обнаженные скалы, напоминавшие циклопические постройки. Клочья облаков проплывали между горами, то закрывая, то открывая таинственные черные башни. Будто замки, касающиеся в тумане низкого облачного неба, на селенные неведомыми обитателями.

Дальше потянулись странные горы, осыпавшиеся мокрыми, холодно поблескивающими плитами синего камня. Ниже по долине у русла речки появились очень плоские зеленые холмики, на вершинах которых круглые или квадратные могильники с вертикальными плитами до двух метров высоты. А у подошвы скал по обеим сторонам долины непрерывной цепью тянулись меньшие могильники. И так — на тридцать километров пути! Видно

каким удачно назвал эту долину — «Долиной старой смерти». Ближе к речке, почти на краю ее террас, одиноко маячили среди тумана огромные, по три-четыре метра высоты, грубо обтесанные квадратные столбы красного гранита. Вокруг этих угрюмых памятников — маленький холм из камней, на столбах широкими желобками высечены какие-то знаки — круги, косые линии, очерченные заостренного книзу щита.

Странное ощущение возникало при виде этих памятников, стоявших здесь под низкими облаками забытыми более двух с половиной тысяч лет. Что, какие мысли и желания хотели выразить ими люди того времени? На что надеялись они, предпринимая такие большие труды? И казалось — вот-вот, сроднясь с древним, поймешь обычный смысл, но машина проходила дальше, и могильник за могильником скрывался в тумане, как бы расплывшись в разделявших нас тысячелетиях.

А сверху плыли и плыли мутные слои облаков, разрывались, показывая стометровые заостренные столбы гранитов, стоявшие грозным частоколом, как зубы дракона. Эти страшные зубы рвали в клочья облака и загромождали им путь. Мотор ревел, машина раскачивалась и тряслась на камнях, холод проникал в щелястую кабину. Капли воды струились по стеклам, еще более смягчили и без того нерезкие в дымке тумана очертания скал и могильников. Огромные грифы тяжело взлетали с мочальных камней почти перед самой машиной и, распластав черные крылья, ныряли в низко плывущие облака.

И вдруг за поворотом огибающей скалу дороги открылся простор зеленой равнины, рассеченный последовательно, один за другим, как декорации в театре, провалявшимися из облаков столбами солнечного света. В одном из золотых столбов стояла на свежей траве белая юрta. У ее двери молодая девушка в голубом шелковом сарафане держала под уздцы рыжего коня. Ее круглое лицо было темное, как вишни, глаза приковались к нам с радостным удивлением. Необычайное зрелище — процессия огромных машин, спустившихся с гор неизвестно откуда!

Чудесный контраст юной, полной жизни фигурки с красивым конем перед нарядной юртой после отрешенности путешествия по хмурой стране тумана!

Множество серых камней и плит впаялись в почву среди желтеющей травы. Местами пучки жесткой темной сухой осоки еще резче оттеняли их цвет. Безмятежно,

не обращая внимания на дождь, паслись журавли. Огромное стадо баранов усеяло крутой черный склон. Внизу стадо сгрудилось плотной белой массой во всю ширину склона. Выше, до самой вершины, овцы казались белыми точками, испятнавшими гору до самого края облачного покрова. Когда большое стадо движется по склону, то кажется, что оно течет, струится.

Большущие собаки внезапно вырвались из гущи стада и с невероятной злобой бросились под колеса, так что Вылежанину пришлось вилать рулем, чтобы не задавить псов, пытавшихся вцепиться зубами в баялоны. Мокрый пастух, верхом на уныло поникшей лошади, помахал нам рукой. После долгого пути в совершенно безлюдной заколдованной стране тысяч древних могил долина создавала впечатление очень населенной.

Дорога взвилась на перевал, и мы очутились в фантастическом мире причудливых гранитных скал: башен, животных, статуй, идолов, навесов. Все — серое, мокрое и в серой же дымке тумана. Слева обнаженный бок гранитной горы был усажен, как щеткой, наклонными конусовидными утесами — получилась невероятных размеров колючая чешуя. Под навесом скалы промаячили священная тибетская надпись синими, черными и зелеными буквами. С другой стороны дороги непрерывной цепью по-прежнему шли древние могильники. Между этими древнейшими и старыми, отжившими отзвуками религиозных эпох оказались мы на «ЗИСах» с московскими номерами. Три мира, три измерения времени встретились тут, на подоблачном перевале в далеком пути..

Под перевалом дорогу преградила вздувшаяся от дождей речка. Крупные круглые камни на дне покачивались бурным течением. У шоферов волосы поднялись дыбом — из всего состава экспедиции только Вылежанин и я имели опыт переправ на машинах через быстрые реки Средней Азии. Короткое совещание в кабине — и Вылежанин бесстрашно повел своего передового «Волку» вниз по течению, пересекая речку наискось. Как всегда, на таких переправах из кабины казалось, что автомобиль крутится и беспомощно сплывает вниз, — так сильно впечатление от быстро несущейся под машиной воды. Огромные камни глухо грохотали под колесами, «ЗИС» кренился и тяжело оседал, но опасная переправа закончилась благополучно и для всех остальных машин. За речкой мы повернули налево, в большую сквозную долину,

и к пяти часам прибыли в аймак Баян-Хонгор. Аймак стоит необычайно красиво — на широкой возвышенности среди высоких зеленых холмов. Глядя на него, вспоминались легенды о первых городах наших предков, ставшихся на «семи холмах» среди диких просторов. Повсюду, в ущельях и на зеленых буграх, виднелись древние могильники, хотя и не столь частые, как в долине Убуртэлин-гола.

На ночевке в аймаке, прислушиваясь к шуму ночного дождя, я снова и снова переживал впечатления от «царства туманов». Существенной чертой скоплений древних могильников было то, что они находятся всегда там, где есть плиты гранита и, кроме того, множество причудливых скал, каменные палатки и скалистые отроги, вдающиеся от гор в степи. Это связано, без сомнения, с тем, что отдаленные наши предки — люди каменного века — искали убежищ именно в подобных местах. Ощущение убежища, передававшееся из поколения в поколение в преданиях, сказках и обрядах, сделало эти места в последующие времена священными. Здесь находили убежище уже не живые люди, как в каменном веке, а мертвецы более поздних племен, широко расселившихся по степям и удалившихся от гор.

К этим размышлениям примешивались другие, более тревожные. Дождь все лил, а на пути было много речек. В самом деле, первое же русло за аймаком встретило нас на следующий день несколькими потоками воды, прибывающей буквально на глазах. Вокруг на горах лежал свежеснеженный снег, а день, как на грех, выдался теплый и ясный. От таяния снегов вода прибывала по сантиметру в минуту. Приступили к переправе с серьезной подготовкой. Сняли ремень вентилятора, чтобы его пропеллер не забрасывал воду на мотор. Обмотали изоляционной лентой свечи и крышки трамблеров, закрыли фанерками радиаторы спереди. Машина «ЗИС-5», при всех своих превосходных качествах, боится бродов из-за глубокой посадки двигателя и низко расположенного трамблера. С принятыми мерами предосторожности мы лихо переправились через русло, выбросив на берег огромные всплески воды, в которых забарахтались довольно крупные рыбешки. Только «Дзерен» (Пронин поленился снять вентиляторный ремень) заглох посередине русла и должен был просушивать свечи, прежде чем смог тронуться дальше.

По широким зеленым холмам с могильниками мы доехали до следующей речки Харганаик-гол («Речка черных обрывов»). Едва мы спустились в ее долину, как чувство безнадежности охватило нас. Широким разливом быстро мчалась прибывающая вода. Мы принялись по следу брод, сняв сапоги и шлепая по воде, сначала достигавшей немного выше щиколоток. Впереди выступил Новожилов в своей нарядной кожаной курточке, изящно придерживая пальчиками приподнятые штаны. Пойменная терраса, сплошь залитая наводнением, внезапно окончилась, и Новожилов рухнул в самое русло реки, где вода была выше головы. Отчаянно уцепившись за какой-то кустарник, Новожилов вылез, мокрый до последней нитки, и в тот же момент раздался вопль выше по течению — это свалился в воду водитель полуторки Николай Брилев. Тогда приступили к поискам брода Лихачев и я, предусмотрительно раздевшись.

Широкоплечий, с выступающими сильными мускулами, Иван Иванович ходил осторожно, переваливаясь, как медведь, на крупных камнях русла. Но вода неслась слишком сильно, громко журча в подмывах и издавая характерное шипение по траве и кустам. В одном месте Лихачева сбило с ног течением. Нигде не нашли брода в самом мелком месте вода была выше уровня трамблера. Приходилось оставить мысль о переправе. Пока исследовали брод, струя воды обошла позади наших машин и образовала новый рукав. Пойма превратилась в топкое болото, и мы едва выбрались назад на склон долины. Надо было обождать, пока обтают снега на горах.

Машины выстроились в ряд у подошвы широкого склона, по которому вверх к гранитным скалам тянулись могильники. Меня осенила счастливая идея. Двадцать один человек — состав нашего отряда — представляли собою серьезную рабочую силу, и ее можно было использовать для раскопки одного из могильников в помощь монгольским археологам. Опыт раскопки и полученные при удаче материалы могли оказаться полезными для национального музея в Улан-Баторе.

Мы наметили большой кольцевой могильник около тридцати метров диаметром, с четырьмя огромными вертикальными глыбами, установленными против стран света по периметру круга. В центре лежал маленький холмик замшелых камней.

Я произнес короткую речь об археологических раскоп-

сам и постарался картинно расписать замечательные находки драгоценных кладов. В каждом участнике экспедиции пробудилась душа кладоискателя. Через несколько минут рабочие, шоферы и научные сотрудники бешено раскидывали камни на холмике. Никогда еще работа не производилась с таким азартом, но холмик оказался предательским. Под насыпью сравнительно мелких камней прошли все более укрупнявшиеся плиты, которые мы отворачивали с большим трудом. Плиты были уложены шатрообразно в четыре слоя, и все промежутки между ними забиты камнями. Последнюю плиту сначала хотели зацепить машиной, но все же соединенными усилиями подняли и отвалили в сторону. Под ней оказалась еще большая плита, в шесть квадратных метров, которую ни «ЗИС», ни весь состав нашей экспедиции не смогли бы перевернуть. Пришлось копать рядом с плитой траншею и подходить под нее сбоку.

Непосредственно под плитой в слое рыхлого песка оказался скелет мужчины громадного роста старше шестидесяти лет. Он лежал на спине головой на запад, с запрокинутым вверх лицом. Станным образом у скелета отсутствовали кисти обеих рук. Вместе с покойником не было найдено абсолютно ничего. Ни одного осколка посуды, обломка оружия, следов каких-либо украшений или одежды, так как если бы человек был похоронен совершенно голым. Высказывались предположения, что тут похоронили какого-то раба или врага, но в таком случае все это гигантское сооружение было бессмысленным. Такие огромные плиты могли перетаскиваться лишь доброй сотней человек, и то под кнутом.

Кости покойника сильно разрушились водой, затекавшей со склона под плиту, но Эглон пропитал их столярным клеем. Мы взяли череп, бедро и необыкновенно массивные поясничные позвонки. Судя по черепу, покойник был не монголом, а представителем европейской расы. С большой осторожностью мы упаковали кости, пролежавшие под плитой около трех тысяч лет, и передали их впоследствии археологам экспедиции профессора С. В. Киселева. Рабочие сильно разочаровались — никакого клада и даже ничего мало-мальски интересного. Как бы то ни было, за день была проделана поистине гигантская работа.

На следующий день мы успешно форсировали речку и, пройдя около восьмидесяти километров, опять застря-

ли перед речкой Туин-гол («Галочья речка»). Эта многоводная речка имела устрашающий вид: больше чем на километр разлились многочисленные протоки с неистомно несущейся черной водой. Под чистейшим небом Монголии самые прозрачные реки кажутся темно-синими, почти черными. Четыре часа подряд искали брод, но два главных протока были совершенно непроходимы. Однако вода быстро шла на убыль, и на следующий день можно было попытаться форсировать препятствие. Остановка оказалась кстати. У моей «командирской» машины «Волка» отломился кронштейн подрессорника, и машина стала крениться на крутых поворотах и косогорах. Усилиями всех механиков удалось устроить хитрое приспособление из бревен, двух кусков старой рессоры и большого количества проволоки, с которым машина благополучно пришла в Улан-Батор. Началась всеобщая стирка (купание состоялось ранее, при поисках брода). Вечером я отправился в геологическую экскурсию вверх по реке и вернулся только в сумерки, застав в лагере полное смятение.

В мое отсутствие к нам приехали гости — несколько аратов. На лошадях гостей наша молодежь устроила скачки. Обогнал всех Коля Брилев, а не в меру азартный Пресняков грохнулся на всем скаку с лошади, уцелев прямо-таки чудом. Седло свернулось под брюхо коня, и тот, напуганный, долго носился по долине, пока не превратил седло в ключья и щепки. Владелец коня, стирик, пришел в страшное огорчение. Нервно куря трубку за трубкой, он рассказал, как на этом седле, служившем ему уже тридцать лет, он ездил в Китай, к Тибету и к границам России, — последнее путешествие он проделал с войском национального героя Монголии Сухэ-Батора. В общем, за седло старику пришлось заплатить семьсот тугриков, и Пресняков месяц отработывал свою попытку состязаться с аратами в верховой езде.

С утра на следующий день вся экспедиция, за исключением Эглона, Малеева и повара, разделась догола. Эглона освободили от трудной работы по возрасту, Малеева — по больному сердцу, а повара — из-за нарывавших рук. Мы решили поддерживать машины в воде и подталкивать их, что облегчало переправу. С нашими тяжело груженными машинами переправа была нелегким и довольно рискованным предприятием. Рождественский поторопился и, не обладая опытом в переправе,

утопил полуторку в глубокой протоке. Мы поспешно спустили груз машины — бочки с бензином — вниз по течению. Сняли аккумулятор и вытащили полуторку «вручную» на косу. Приходилось торопиться, так как вода снова начала прибывать. Все же мы провозились около четырех часов, пока вылили воду и масло из мотора полуторки, промыли и запустили машину.

Еще две неприятные речки — у Барун-Ульцзейту сомона («Западный сомон знака счастья») и Тацаин-гол («Ракитовая речка») — форсировали с ходу, даже не снимая вентиляторных ремней, только с замотанными изоляционной лентой приборами зажигания.

Хорошо запомнились два дня — четырнадцатое и пятнадцатое июля, прошедшие в борьбе с водой. Шум несущейся на перекатах воды, боль в глазах от ослепительного блеска солнца на речках, яростный рев моторов, огромные всплески от тяжелых «ЗИСов» и, главное, дружная, веселая, ни на минуту не ослабевающая работа всех участников экспедиции...

Вода — наша мечта в Южной Гоби — здесь превратилась в опасного врага, но и этот враг остался побежденным.

Еще на спуске в долину Туин-гола на юге вдали виднелась голубая призрачная Бага-Богдо. Теперь на всем пути были прекрасно видны три наших «маяка» 1948 года: Ихэ-Богдо, за ней чашеобразная Тевш (Дунда-Богдо) и угрюмая Бага-Богдо. В стороне Ихэ-Богдо, на скалах последних отрогов Хангая, виднелись огромные базальтовые поля, протягивавшиеся к подножию трех Богдо. Эти черные плоскогорья голубели от марева нагретого воздуха, и казалось, что за остроконечным мелко-сопочником сразу начинается сияющее голубое море.

На плоскогорье за Тацаин-голом, на пологих зеленых холмах, торчал высокий зубчатый гребень кварцевой жилы, словно хребет снежно-белого дракона. Повсюду разбросаны куски абсолютно белого кварца, точно снежные глыбы среди зеленой травы. А справа продолжали реять над мрачными базальтовыми плато воздушно-голубые призраки трех высочайших гор Гобийского Алтая, столь хорошо знакомые нам по очертаниям.

Еще две-три речки не были препятствием: вода спала, но нас донимала зловредная мошкара. Для спасения от нее мы остановились на ночлег на вершине перевала в две тысячи двести метров абсолютной высоты у горы

Хан-ула. Больше препятствий до Убур-Хангая не было. Но там протекал Онгиин-гол — река, по размерам несравнимая с теми, какие мы едва преодолели. Разливи на Онгиин-голе исключал всякую возможность переправы.

На наше счастье, мост починили, и мы в одну минуту пересекли грозно вздувшуюся реку. Только у края долины оказалась протока, в обычное время сухая. Сейчас вода в ней доходила до коленей. Однако «Тарбаган» умудрился получить сильное повреждение: Лихачев сунулся в протоку с ходу, машина подняла огромный вал, вода ударила в радиатор, который Лихачев поленился прикрыть фанерой, погнула лопасти вентилятора, а тот распорол несколько трубок на задней поверхности радиатора. Пришлось снимать его и запаивать трубки. В этом рейсе «Тарбагану» вообще не везло. Он еле полз на длинных подъемах и жег невероятное количество масла — кольца в моторе сильно подносились. Вчера пробило якорь динамо, а сегодня — новая авария. Четыре часа были потеряны и вместе с ними — надежда доехать завтра до столицы Монголии. Мы остановились на ночлег на гранитном плоскогорье, как раз на месте нашего обеда в 1948 году. Все было на месте — и лужа, из которой тогда брали воду, и незабудки, которые собирала Лукьянова, и угольки от нашего костерчика. Казалось, что мы побывали здесь только вчера — так медленно течет время в монгольских просторах.

На следующий день в заповедном месте у Онгон-Хайрхана, где Прозоровский решил снять несколько кинокадров, мы остановились на обед.

Машины выстроились на равнине у гранитного полуцирка. Большая туча наплывала с запада, оттуда порывами дул холодный ветер. Усталые люди растянулись на земле, я тоже укрылся от ветра под радиатором своего «ЗИСа». Разговоры умолкли, ветер монотонно шелестел жесткой полынью. Звонко капала вода из разбитых дальней дорогой радиаторов, и, словно в такт им, кто-то перебирал струны гитары, издававшей редкие звенящие ноты. Совсем рядом высились грозные зубцы Онгон-Хайрхана, и свежий запах молодой полыни затоплял все плоскогорье. Таков был последний рабочий день далекого Западного маршрута. Переночевать пришлось в долине Толы, а назавтра у ворот нашей базы в Улан-Баторе я записал в полевой дневник показания спидометри

«Волка» 30 297—27 328 (показание при выезде) = 2969 километров маршрута. И доблестная машина пошла на ремонт в наш гараж во дворе краеведческого музея.

Глава десятая МОГИЛА ДРАКОНА

*На последнем верблюде — самый
тяжелый груз.*

Пословица

Значительная доля работы, запланированной на 1949 год, осталась позади. Как всегда, это не был тот успех, который представлялся в первоначальных планах. Жизнь внесла свои неумолимые поправки: Шаргаин-Гобли и Чоно-Хайрик остались неисследованными. Правда, было открыто крупное местонахождение Алтан-Тээли и восемь тонн добытых из него ценных коллекций лежали на нашем складе.

Теперь надо было браться за главную задачу этого года — раскопки «Могилы Дракона». К ним мы подготовились как смогли. Две лебедки, тали и длинные тросы для подъема тяжелых плит из ущелья, горные клинья, ломы и молоты для разламывания песчаника составляли наше вооружение. Лесозавод в Иро напил специально для экспедиции толстые доски и брусья, необходимые для упаковки плит с костями и для настила дороги по песчаному склону на выходе из ущелья. Улан-Баторский механический завод отковал нам стальные скобы и накладки, а также завершенные костыли для скрепления брусьев. Напоследок добыли еще двутавровую стальную балку для подвески талей. Снаряженные таким образом, мы могли теперь взяться за «Могилу Дракона».

Полутно с этой работой мы собирались продолжать обследование гигантских размывов костеносных красноцветов как в самой Нэмэгэтинской котловине, так и вне ее — в Ширэгин-Гашуне и в котловине В. А. Обручева. Но более всего меня занимала красная гряда глин и песков, проходившая по центру котловины Нэмэгэту. За предыдущие годы мы нашли здесь ничтожное количество костей, вернее — обломков. Но эти находки говорили, что «Красная гряда» содержит остатки очень древних

млекопитающих и таких, какие еще не находились в Азии. Если бы удалось обнаружить скопление остатков этих животных хорошей сохранности, то это, без сомнения, явилось бы крупным научным открытием и позволило бы определить геологический возраст таинственных, но, несомненно, кайнозойских красных пород. Вот почему я хотел во что бы то ни стало провести тщательное обследование «Красной гряды» в западной части котловины, где нам предстояло работать. Если бы удалось выполнить всю намеченную программу, то мы могли бы считать год удачным. Тогда на будущий, 1950 год нам осталось бы подробное исследование Восточной Гоби и маршрут к дальнему юго-западу в Джунгарскую Гоби. На этом последнем маршруте мы ликвидировали бы оставшиеся за нами «долги» 1948—1949 годов — исследование Ачжи-Богдо и Шаргаин-Гоби. Продуманные во всех отношениях планы предусматривали все, за исключением одного — работам 1950 года не суждено было состояться...

После очередного ремонта машин — смены рамы, радиатора и переднего моста у «Кулана» и мотора у «Тарбагана» — стало возможным начать перевозку людей и снаряжения в Далан-Дзадагад. Пока ремонтировались машины, от геологов из Восточной Гоби пришло сообщение о находке скелета небольшого ящера в меловых отложениях. Немедленно туда отправился Эглон на «Дзере» и привез неполный скелет неизвестного древнего крокодилообразного. В Южногобийский аймак поехал Новожилов на «Драcone» и полуторка с грузом леса. Отослав «Дракона» обратно, Новожилов направился на Баин-Дзак и остался там до подхода всей автоколонны. Новые наблюдения Новожилова привели к очень интересным заключениям.

Оказалось, что американцы, нашедшие здесь черепки маленьких плацентарных млекопитающих, впали в серьезную ошибку. Нам давно казалось сомнительной находка столь высокоорганизованных животных в таких низких горизонтах верхнего мела, как на Баин-Дзаке. Теперь Новожилов установил, что остатки млекопитающих вовсе не залегают в меловых отложениях, а высыпались из вышележащих отложений палеоцена при их размыве. Множество мелких конкреций, среди которых попадают и конкреции с костями, образовывали прослой среди пурпурных глин и красных песков палеоцена. Почти та-

ние же конкреции, но несколько более крупные и содержащие измельченную слюду, во множестве встречались в верхних слоях меловых песков. При общем размыве палеоценовых глин и меловых песков миллионы конкреций смешались и ссыпались к подножию обрывов Баин-Даака. Так кайнозойские млекопитающие были найдены вместе с яйцами динозавров.

Этих последних мы нашли много. Правда, цельные, нетронутые кладки находились крайне редко. Но большие куски скорлупы, видимо, от вылупившейся молодил или от съеденных, вернее выпитых, яиц встречались гораздо чаще. Мелкие обломки битой скорлупы были найдены нами в громадном количестве — целые прослойки скорлупок залегали среди желтых песков в верхней части обрывов. Еще больше было их на так называемом «Западном Поле», недалеко от старого колодца.

Строение скорлупы было очень различным. Мы находили толстые и тонкие скорлупки, покрытые бугорками, прямыми гребешками, волнистыми бороздками. Все это указывало на принадлежность яиц к разным видам, а вовсе не к одному виду динозавров — протоцератопсов, как это определили американские ученые. Самая принадлежность всех яиц динозаврам встала под сомнение. Крайняя редкость находок ископаемых яиц, современных динозаврам, противоречила массам захороненных остатков и вообще неисчислимому количеству этих животных, обитавших по всей земле. Между тем только в Монголии, да еще в самое последнее время в Северо-Восточном Китае — только в двух местах мира — были найдены учеными ископаемые яйца. Как бы ни было велико разнообразие условий захоронения, миллионы поколений миллиардов динозавров оставили бы такое множество скорлупы яиц, что она попадалась бы довольно часто. Поэтому напрашивается предположение о наличии у динозавров мягкой, кожистой скорлупы яиц, как у современных змей и ящериц. Твердая скорлупа яиц могла принадлежать крупным черепахам. В настоящее время во многих реках Южной Америки, как, например, в Ориноко, водится еще невероятное количество водных черепах. Они откладывают миллионы яиц преимущественно на островках и песчаных отмелях. Яйца служат предметом промысла целых индейских племен, которые добывают из них так называемое черепашьё масло — ценный пищевый продукт. В меловой период реки, без сомнения,

висколько не меньше, а, пожалуй, еще больше кишели черепахами. Скопления их яиц могли сноситься водой и образовывать прослой битой скорлупы или, оставаясь на месте, залегания целых кладок. Естественно, что у нас возникло предположение о том, что яйца, найденные в Баин-Дзаке, принадлежат нескольким видам крупных водяных черепах. Громадные количества их остатков, как, например, найденный нами в Цаган-уле черепаший слой, говорили о богатстве черепашого населения в меловой период на Центрально-Азиатском материке. Это предположение не подтвердилось, и американцы оказались правы в отношении принадлежности яиц динозаврам.

Впоследствии сотрудник Института морфологии животных Академии наук СССР А. С. Садов произвел микроскопическое изучение скорлупы яиц «динозавров» или «черепах». Некоторые яйца действительно могли быть черепашими. Другие же скорлупки походили на птичьи. Птицы — наиболее близкие родственники динозавров. Поэтому и яйца должны были принадлежать мелким динозаврам. Большой интерес вызвало открытие Садовым цветного пигмента на многих скорлупках. Испятанные пигментом яйца представляют собой приспособление для маскировки яиц под окружающую почву и, следовательно, служат верным признаком открытых кладок. Нашим современным пресмыкающимся, всем их группам — крокодилам, черепахам, ящерицам, змеям — свойственны закрытые кладки: отложенные яйца закапываются в песок или листья. Поэтому все яйца пресмыкающихся одноцветные, белого или очень бледного серого цвета. Пятна окраски на яйцах из Баин-Дзака говорят за еще одно сходство монгольских динозавров-процератопсов с птицами, выраженное в устройстве открытых гнезд.

Вот какие вопросы занимали Новожилова во время его одинокого пребывания у «Пылающих скал» Баин-Дзака и колодца Хашиату. Теперь его наблюдения и мысли превратились в печатный труд, опубликованный Академией наук наряду со многими другими работами, посвященными нашим открытиям.

Первого августа в Нэмэгэту выехала первая партия, Малеев, Эглон, Лукьянова, Пресняков и Дурненков должны были вести работы на Цаган-уле, пока мы с Рождественским не подвезем лебедки, лес и прочее снаряже-

ние для «Могилы Дракона». Новожилов, перевезенный с Гани-Дзака в Нэмэгэту, получил особое задание: исследовать «Красную гряду» в ее западной части. Там среди красных глин выступали грубые белые и серые пески, в которых могли залегать скопления остатков, так как пески отложились в древнем речном русле.

Прозоровский, Рождественский и я оставались в Улан-Баторе. Кинооператор проявлял свои пленки, а мы с Рождественским тосковали по Гоби и возились с отчетностью, которую Академия наук из года в год усложняла. Машины вернулись одиннадцатого августа, и мы собрались в отъезд. Неожиданно к нам прибыл крупный советский археолог — профессор А. П. Окладников. Ученый был приглашен Монгольским комитетом наук для консультации по изучению каменного века — эпохи, по которой Окладников был ведущим специалистом. Наибольшее количество кремневых орудий каменного века встречалось в Гоби, и Окладников обратился к нам, уже считавшимся знатоками тамошних мест. Мы с Рождественским показали профессору кое-что из наших коллекций кремневых орудий, а когда я рассказал о найденной нами недалеко от впадины Оши «мастерской», Окладников пришел в восторг. Еще молодой и необычайно живой, профессор нам понравился. Мы предложили ему ехать с нашей автоколонной до Южногобийского аймака, взявшись показать оттуда дорогу к важнейшим местам находок кремневых орудий. Окладников с радостью принял предложение. Еще больше обрадовался его шофер, только что прибывший из Москвы и опасавшийся неседомой для него Гоби.

Четырнадцатого августа мы наконец выступили. Все шло «нормально» — ужасающий ливень с утра, выключившийся накануне, в разгар укладки, электрический свет... В Мандал-Гоби был разгар надомы — праздника, и мы оставили там Прозоровского с Туванжабом и «Козлом» для киносъемок. Отсюда Туванжаб должен был вернуться в Улан-Батор, так как истекал срок его отпуска в университете.

Как обычно, у развалин Олдаху-хида нас встретила гобийская жара, тягостная после прохладной погоды в Улан-Баторе. Зной нисколько не смущал нашего нового спутника. Энергичный археолог на каждой остановке бегал по равнине и находил все новые и новые каменные орудия древнего человека. Мы, считавшие себя

«стреляными воробьями», только диву давались. Окончательно сразил нас Окладников, когда на всем ходу остановил свою машину и поднял с дороги обломок каменного топора — первого, найденного в Гоби.

Торопясь добраться до аймака, мы долго ехали ночью. На дороге спали птицы — преимущественно копытки. Быстро идущая машина налетала, как буря, на несчастных птиц, перед радиатором взвивалось облако крыльев и перьев, иногда птицы ударялись о радиатор или лобовое стекло. Секунда — и безвестные жертвы оставались позади, а машина мчалась и мчалась вперед без остановки. Иногда лисы металась на дороге в свете фар, а глаза встречных зверей или скота загорались желтыми огоньками. Неистово прыгали на светлой пыли длинноногие тушканчики...

При ночной езде по ровной дороге кажется, что машина идет все время под спуск. За ограниченным светлым пятном фар — темнота и почему-то видится спуск. При подъеме свет разливается вверх по склону, и дорога производит впечатление ровной.

Безлунная ночь веяла холодом, по ногам от мотора было тепло.

В Далан-Дзадагаде мы расстались с профессором Окладниковым и оставили «Кулана» для сопровождения «Козла» с Прозоровским, когда тот придет из Средней Гоби. У «Дзерена» сгорели два генератора — старый и только что поставленный запасной, оказавшийся с браком. Пронин храбро пошел в Нэмэгэту без динамо, на одном аккумуляторе.

Дорога ухудшилась от дождей. Перед Ноян сомоном на дорогу нанесло еще больше песка, чем в прошлом году. Заночевали в сухом русле, не добравшись до сомона, на второй день пути. Ветер всю ночь заносил нас мелким теплым песком, неумолчно шуршавшим по брзенту машин и спальных мешков. Из щелей каменных скал к нам ползли мелкие серые скорпионы.

Понятно, что мы обрадовались рассвету. Щербнистая ровная котловина за руслом озарилась лучами раннего солнца. Сильно выгоревшая растительность (в Южной Гоби в этом году была засуха — черный дзут, в то время как мы мокли под дождями в Хангае и в Западной Гоби) казалась совершенно желтой. У стоявших кольцом гор плавала голубая дымка. Я ехал по хорошо знакомой дороге и думал, что повторные наблюдения, мно-

сократные восприятия далеко не всегда ведут к изощрению, детализации, тонкости прочувствованного или проуманного. Очень часто виденное в третий, четвертый, пятый раз уже не вызывает внимания, не находит отклика в душе и безразличной тенью проходит мимо. А в то же время первое восприятие было остро, свежо и верно так, что повторение не смогло ничего добавить. Подобная утомляемость восприятия должна обязательно учитываться при обучении или анализе творчества ученого или художника.

В Ноян сомоне мы задержались по обычным делам: нужны были верблюды для подвозки воды на «Могилу Дракона» и вывозки накопанной «добычи» из узких оврагов Цаган-улы, а также бараны. Я пошел посмотреть на отбор животных и в сотый раз поражался, как помнят и узнают скот араты. Каждый узнает своих верблюдов, лошадей, овец и в тысячном стаде, углядит издали своего коня и в целом табуне. Такая память и узнавание по совершенно неуловимым для нас признакам кажутся чудом. Я пробовал отыскивать даже в небольшом стаде какую-нибудь только что показанную мне овцу, но всегда оказывался беспомощным. Должно быть, тысячелетний опыт и привычка многих поколений выработали у монгольского народа эту поразительную способность... Ночью ветер как-то особенно заунывно завывал в горах, обступивших сомон. Мне не спалось — одолевали беспокойные мысли. Как выбрать наиболее верное направление дальнейшей работы?

Я вышел из юрты, стараясь не разбудить хозяев. Было самое глухое время — «час быка» (два часа ночи) — власти злых духов и черного (злого) шаманства, по старинным монгольским суевериям. Странные ноянсомонские горы громоздили вокруг свои гребнистые спины. В глубочайшей темноте, затоплявшей ущелье, звонко шелестел по траве и невидимым камням ветер. Сквозь скалистую расселину на юге горела большая красная звезда — Антарес, и звездный Скорпион вздымал свои сверкающие огоньками клешни. Высоко под звездами мчались длинные полупрозрачные облака. Угрюмая местность не испугала, а даже как-то подбодрила меня. Впервые я отчетливо понял, что успел полюбить эту страну и теперь душа останется привязанной к ней. Теперь всегда дороги Гоби будут стоять перед моим мысленным взором, и каждая местность будет не просто впадиной, хреб-

том, сухим руслом, а участком огромного поля научных вопросов, какое представляет собою Монгольская Гоби. Вот, например, на западе, где скрыт во тьме срезанный кратер Ноян-Богдо, за кручами хребтов Тоску и Алтан-улы, за песками Эхини-Цзулуганай, находится море красноцветных пород, для полного исследования которых понадобится не один год. А сколько подобных мест стало известно нам теперь в Гоби!

Дорога «Академии наук», проложенная нами в 1948 году, отлично сохранилась и только кое-где в руслах оказалась перемытой. Уже к трем часам мы прошли Ойдул-худук, или бывший «Лукьян-сомон». Ничего не напоминало о большом лагере, находившемся здесь в прошлом году. Ветер развеял все следы экспедиции, кроме твердо накатанной дороги. Продолжая наш путь на запад, мы прибыли к следующему колодцу, Даацхудук («Большой грязный колодец»), к пяти часам и тут встретили полуторку с Эглоном и Лукьяновой, шедшую на Алтан-улу. Раздались приветственные выстрелы, отчаянно залаяла собака, сопровождавшая Эглона с Улан-Батора. Новости были самые приятные. Прежде всего Новожилов сообщил с Наран-Булака («Солнечного ключа»), вытекавшего из белых песков в «Красной гряде», что им найдены целый череп, челюсть и несколько костей какого-то неизвестного млекопитающего. Итак, значит, «Красная гряда» уступила настойчивым поискам и появились первые настоящие находки. На Цаган-уле Эглон, Малеев и Лукьянова копали каждый в своем отдельном овраге. Первый добыл множество черепов, а оба последние — каждый по скелету гигантского хищного динозавра. Нашлись и остатки утконосых динозавров и мелких хищников. Малеев уже закончил свою долю и перебрался на Алтан-улу, так как был назначен начальником лагеря на «Могиле Дракона». Мы направились к Алтан-уле все вместе, куда и прибыли к девяти часам вечера.

На плоскогорье бэля мы поставили лагерь не у самых обрывов, близ «Орлиного утеса», на краю сухого русла, где стояли в 1948 году, а на три километра ниже, где наметили спуск для машин. Здесь и был организован Главный, или Перевалочный, лагерь 1949 года.

В течение трех последующих дней мы занимались оборудованием Перевалочного лагеря и лагеря на «Могиле Дракона». Полуторку спустили в сухое русло. Ни

в этом русле была прокопана и выложена толстыми досками подъемная дорога. Уклон оказался настолько крут, что машине нечего было и думать подняться своим ходом. Но это нас не смутило. Напротив дороги установили лебедку, и полуторку под одобрительные крики вытащили наверх двое рабочих. Подъем происходил медленно и занимал двадцать пять минут. Для ускорения мы увеличили диаметр барабана лебедки и стали вытаскивать машину с грузом за шестнадцать минут. Отряд рабочих оторвался в ущелье, расширил отмеченные заранее повороты, срыл ступеньки, и полуторка пришла на «Могилу Дракона», к восторгу находившихся там «отшельников». Скоро путь с «Могилы Дракона» представлял собой накатанную фантастическую дорогу по узкому сухому руслу с бесчисленными извилинами, тесными проходами под башнями и гротами из выветрелого красного песчаника. По мере того как машина углублялась все дальше в лабиринт горных ущелий, возникало странное чувство — точно мы вторгались во что-то запретное для человека. И сама «Могила Дракона» — усыпанная чудовищными костями площадка среди оранжевых и палево-бледных уступов мертвого песчаника, нещадно палимого солнцем, казалось, принадлежала той отдаленной эпохе, когда только одни драконы и царствовали на земле.

Теперь огромные плиты, от половины до двух тонн весом, могли быть доставлены по сухому руслу к Перевалочному лагерю, а там подняты лебедкой вместе с машиной и перегружены на «ЗИСы» для доставки в Улан-Удтор.

Восемнадцатого августа подошли «Козел» (с кинооператором) и «Кулан», а на следующее утро Эглон вместе с Прозоровским отправились на Наран-Булак для пробных раскопок найденного Новожиловым места. Самого Новожилова привезли оттуда в Перевалочный лагерь: беднягу схватил свирепый прострел, и я взялся за его лечение.

На «Могиле Дракона» собралось научное совещание, происходившее в эффектной обстановке. Вокруг нас, как безмолвные часовые, стояли башни песчаника, над головами выступал утес ярко-оранжевых песков, а еще выше закрывала полнеба скалистая темно-зеленая круча Алтан-улы. Дымя махорочными сигарками, участники совещания расположились в живописных позах на

вздыбленных плитах песчаника, попирая ногами обломки разрушившихся костей.

Материала здесь действительно было много, но совсем неравноценного. Все кости по краю площадки были разрушены выветриванием и морозом. Нам не было смысла их брать, так как восстановление костей потребовало бы уйму времени и усилий. Решили выбрать «Могилу Дракона» лишь частично, взяв только лучший материал — залежавшие в центре площадки скелеты и черепа.

Вечером все собрались в Перевалочном лагере и со смехом вспоминали разные приключения, случившиеся во время нашего отсутствия. Особенно запомнился один поход Новожилова. Нестор Иванович отправился с Цаган-улы в дальнюю экскурсию к западной оконечности Алтан-улы. Он выбрал себе в спутники молодого рабочего Юру Борисова, и тот с охотой согласился. Путешественники вернулись поздно ночью. Борисов клялся, что никогда в жизни он не испытывал таких мучений и что больше он ни за что не пойдет с Нестором Ивановичем. Оказывается, Новожилов, хорошо тренированный для горных походов, ошибся в оценке расстояния. До дальних размывов было примерно двадцать пять километров, следовательно, маршрут туда и обратно составил пятьдесят. По жаре, с малым запасом воды для непривычного человека это было убийственно. С тех пор Новожилов стал внушать нашим рабочим суеверный страх. Только самые крепкие отваживались пускаться с ним в пешие маршруты. Своей мелкой, семенящей походкой Новожилов отсчитывал километр за километром по сыпучим пескам, кручам обрывов, по дну раскаленных сухих русел. Благодаря его героическому походу мы получили сведения, которые иным путем было бы очень трудно добыть ввиду недоступности этого места даже для верблюдов. На дальних размывах Алтан-улы Новожилов обнаружил выветрелый скелет карнозавра, часть скелета зауропода и другие кости.

Очевидно, там мы могли рассчитывать на хорошую добычу при систематическом обследовании и раскопках. Однако у нас и здесь был полон рот хлопот. Помимо основных раскопок на «Могиле Дракона» следовало продолжать изучение «Красной гряды» и хотя бы очень поверхностно осмотреть бесконечные размывы у западного конца Бумбин-нуру и северной стороны Алтан-улы. Кроме того, мы намеревались снова посетить Ширэгин-Га-

шун. После экспедиции 1946 года мне удалось встретиться с Б. М. Чудиновым и допросить с пристрастием автора мнимого кладбища динозавров. Чудинов уверял, что кладбище динозавров подлинно существует, но находится в северной половине впадины, а мы в 1946 году изучили только южную. Он снова перечислял свои приметы: останец в виде сфинкса, близ него — широкая тропа, спускающаяся на дно впадины к колодцу между красных бугров, неподалеку множество огромных, никем не исследованных пещер. Действительно, в 1946 году мы подошли к Ширэгин-Гашуну с юга, останец Цундж — сфинкс — видели издали в бинокль, а к центру впадины пробивались лишь с трудом на разгруженной полуприцепе. Может быть, на самом деле мы не дошли до сказочного кладбища драконов и обязаны это сделать теперь!

Двадцатого августа закончилась перевозка имущества и запасов на «Могилу Дракона». Над кухонной палаткой поднялся ароматный дымок, лебедка для переворачивания плит и затаскивания их на машину заняла свое место на противоположном берегу русла. Для верблюдов нашли удобное плато, перегнали их туда, и Малеев со всем своим отрядом окончательно перебрался в лагерь на «Могиле Дракона». Я установил код ракетной сигнализации между двумя лагерями (на расстоянии шести километров по прямой) и составил график работы автомашин на все время раскопок.

Ночью прибыл Эглон с Наран-Булака с замечательными новожиловскими находками. Череп в нижней челюстью принадлежал необыкновенному зверю, похожему одновременно на хищника и травоядного, на медведя и носорога из группы страннорогов или диноцерат, до сих пор известной только в Америке. Эглон с Лукьяновой из «Драконов» были отправлены в Наран-Булак для ведения раскопок.

С «Тарбагана» сняли динамо, переставили на «Дзерене». Я на «Дзерене», а Рождественский с Прозоровским на «Козле» направились на последнюю рекогносцировку Ширэгин-Гашуна. Такое построение рекогносцировочного отряда оказалось наилучшим. Тяжелая машина несла на себе запас горючего, воды, снаряжения и продовольствия, достаточный для продолжительного пребывания вдаль от лагеря и колодцев. Легковая машина высокой проходимости позволяла проникать в труднодоступные районы и вести подробные исследования. По

опыту ширэгин-гашунского похода мы стали строить в дальнейшем все ответственные рекогносцировочные поездки.

Мы всегда несколько опасались Ширэгин-Гашуна. Эта низкая впадина, защищенная от сильных ветров, была настоящей раскаленной печью. В 1946 году мы попали в Ширэгин-Гашун в октябре и то страдали от зноя, влачась по пухлым глинам и сыпким обрывам. Сейчас, в августе, Ширэгин-Гашун не сулил нам ничего доброго. Однако нами не был учтен совершенно новый фактор — наличие кинооператора. Еще в Западном маршруте стирожилы говорили нам, что не помнят лета с такой плохой погодой. Совершенно необычайная для Гоби пасмурность очень мешала съемкам Прозоровского. Так случилось и в Ширэгин-Гашуне. Все дни, за исключением последнего, сопровождались дождями, хмарью и небывалой прохладой, вернее даже холодом. Исследование страшного Ширэгин-Гашуна превратилось в приятную поездку. Я поклялся, что отныне во все наиболее жаркие страны буду ездить только с кинооператорами.

Рано утром мы направились на восток к выходу из ущелья, стараясь держаться как можно выше по бэлю, несмотря на громадные камни, усеивавшие поверхность плато. Выехали прямо к колодецу у ворот ущелья, на брали триста литров воды и покатали вниз по сухому руслу под сильным дождем. Старый колодец в середине ущелья оказался расчищенным. Близ него стояла юрта, однако ее обитатели отсутствовали. Едва перед нами открылся простор котловины В. А. Обручева (Занэмэгэтинской), как вдали мы увидели голубую и величественную Ихэ-Богдо. Мы спускались по «легин-гольской» тропе более десяти километров, пока не выехали на выровненную щебнистую поверхность центральной гряды. Здесь мы построили высокое обо, чтобы на обратном пути легче определить место поворота. Невольно я сравнивал нашу прошлую поездку в Ширэгин-Гашун в 1946 году и теперь. Теперь мы шли без проводника, со спокойной уверенностью в своем знании Гоби и умении проводить по ней машины. И действительно, Ширэгин-Гашун был достигнут легко и в тот же день. Машины шли местами по пятьдесят километров в час по увалам, сплошь покрытым мелкой галькой из третичных конгломератов. Грозная и совершенно безводная котловина В. А. Обручева не пугала путешественников. Напомню, что в 1946 году

мы шли от Алтан-улы до Ширэгин-Гашуна с невероятными трудностями два дня — вот что значит правильный выбор пути по гобийскому бездорожью.

Мы остановились у западного края Ширэгин-Гашуна. На следующий день, холодный и дождливый, низкие лиловые облака скрыли все горы. Мы оказались беспомощными, потеряв горные ориентиры, и не смогли выбрать направление на пресловутый сфинкс Цундж. Нет гор — нет и ориентиров в Гоби для мест, не нанесенных на карту. В последний момент перед выездом я внезапно увидел «сфинкса» в бинокль. Но взятое по компасу направление не помогло: надо было объехать выступающий на запад угол впадины.

Заморосил мелкий непрекращавшийся дождь, и мы как бы повисли в мутном, беспросветном пространстве. Спустившись на «Козле» на дно впадины, мы исследовали ее северную окраину. К вечеру погода несколько прояснилась. Я взобрался на одинокую красную горку. С нее хорошо просматривался обрыв Барун-Ширэ, где стояла наша экспедиция в 1946 году, а левее — мрачные холмы Чоноин-Шорголга. Останца Цундж нигде не было видно.

Вечерние тени протянулись к центру впадины от ее обрывистых краев. Ветер проносился почти беззвучно над увлажнившейся почвой. Ни малейшего признака жизни я не заметил на всем огромном пространстве. Только древнее столетнее обо на безвестной горке напоминало о человеке. Кто и зачем складывал его здесь, в забытом углу, в стороне даже от местных колодезных троп? Печальным покоем повеяло на меня от этой невесты когда и с какими надеждами сложенной кучки камней, которую только безлюдье Гоби сохранило во времени. Здесь, на холме, посреди безводной впадины, одолевало тоскливое чувство заброшенности, и я с удовольствием спустился к товарищам, к шелесту мокрых кустов и привычному фырчанью мотора.

В пасмурном, облачном покрове на следующий день появились большие прорывы, временами позволявшие увидеть горы. Удалось рассмотреть Нэмэгэту, Гильбэнту, Сивэрэй и, стало быть, ориентироваться. Ихэ-Богдо неожиданно показалась вся в снегу. Вот какова была причина свирепого северного ветра и необычайного холода в огненном Ширэгин-Гашуне!

Двинулись на юг, и внезапно, как из-под земли, вы-

росла черная голова сфинкса. Через полчаса мы карабкались по спине легендарного чудовища, а кинооператор снимал это восхождение. Останец Цундж был совсем не таким большим, как описывал его Чудинов и каким он казался в бинокль. Высота сфинкса не превышала двенадцати метров, длина — тридцати. Эта случайно образовавшаяся в результате размыва скала песчаника была похожа на лежащего с вытянутыми передними лапами и поднятой головой льва. Сходство, в особенности в некотором отдалении, было совершенно поразительно. У самых «лап» Цунджа я нашел грубо отделанное доисторическое орудие из очень темного кремня.

Отсюда начались поиски примет Чудинова. Нашли чуть заметную тропу, спускавшуюся на дно котловины по широкому сухому руслу через подобие ворот в красных обрывах. Справа и слева шли гряды причудливых размывов, внизу щетинился саксаул, и еще дальше, в самом низком участке котловины, краснели пухлые глины. Напротив виднелся обрыв Цзун-Ширэ и поодаль — Барун-Ширэ.

Все совпадало с приметами, на которых так настаивал Чудинов. Оставалось отыскать колодец, легендарные пещеры, а затем и кладбище динозавров. Мы спустились на «Козле» вниз по сухому руслу, пересекли саксауловую рощу и на ее южной «опушке» среди гигантских песчаных кочек по пятнадцати метров высотой в зарослях тамарисков нашли колодец с чистой, но тухлой минерализованной водой. Он был закрыт козлиной шкурой и завален стволами саксаула. Мы набрали воды для машины и проехали к западу. В изрытых и крутых обрывах обнаружили несколько пещер, из них три глубокие и длинные. Однако пещеры представляли собой простые промоины карстообразного типа в известково-глинистых песчаниках, и, видимо, весьма недавние. Ждать здесь археологических находок не приходилось. Итак, пещеры и колодец нашлись, теперь дело было за динозаврами, то есть за главной целью нашего путешествия.

За два дня — двадцать четвертого и двадцать пятого августа — мы исследовали всю северную часть дна впадины Ширэгин-Гашун. На первых же низких буграх из красных глин и конгломератов валялись кости конечностей мелких динозавров и обломки панцирей черепяк. В группе более высоких холмов Прозоровский обнаружил отдельные, сильно выветрившиеся кости кончю-

от утконосых динозавров. В залежавших ниже слоистых оранжевых пестрых песках Рождественский сделал замечательную находку — полный череп с частью скелета и панциря крокодила. После научной обработки этот крокодил оказался предком современных аллигаторов. Таким образом, находка в Ширэгин-Гашуне говорила, что аллигаторы — азиатского происхождения и что современный китайский аллигатор древнее американских и является потомком древней ветви азиатских крокодилов.

У крайнего северного останца я нашел рассыпавшийся скелет гигантского динозавра — зауропода, а Рождественский — кусок черепа панцирного динозавра — очень редкого в Нэмэгэту анкилозавра. Мы обошли все бугры, останцы и участки дна впадины. Нашлось много сильно разрушившихся крупных костей, обломков черепов и челюстей, но нигде не было больших скоплений и вообще сколько-нибудь хорошо сохранившихся скелетов. Недалеко от колодца я наткнулся на сильно разрушенный череп и несколько громадных костей. Кости залежали в крепких футлярах железистого песчаника, растрескавшихся от выветривания и заключавших в себе уже только костяную труху. Вероятно, это и было место, обнаруженное Чудиновым.

Ширэгин-Гашун был несравненно беднее Нэмэгэту. Рассеянное залегание костей невыгодно для раскопок, хотя здесь, несомненно, можно было добыть не тронутые выветриванием и хорошо сохранившиеся кости. Для постановки раскопок местонахождение приходилось считать нерентабельным по сравнению с Нэмэгэту. Теперь наш долг в отношении Ширэгин-Гашуна можно было считать выполненным, и мы могли возвращаться назад. В последний день Рождественский и Прозоровский поехали на «Козле» к холмам Чоноин-Шорголга, чтобы достичь западного конца барханов Хонгорин-Элисун («Светло-рыжие пески») и заснять их на киноплёнку. Мы с Прониным проехали на «Дзерене» к югу и продолжили исследование центральной части Ширэгин-Гашуна. Деревья саксаула здесь отличались особенной густотой: саксауловый лес казался огромным и величественным среди окружавшего мертвого простора. Я собрал замечательные пустынные многогранники, до сих пор не известные ни в какой геологической коллекции. Огромные кости динозавров от выветривания распались на продол-

говатые куски. Эти кусочки, обточенные ветром с песком, приняли пирамидальную форму. Не менее интересны были находки доисторических орудий из еще невиданного голубого зернистого кремня.

Рождественский с Прозоровским заблудились в барханах и приехали поздно ночью и то благодаря искусству Александра, сумевшего в темноте провести машину по очень трудному пути. После ночных передрыг мы выехали в обратный путь лишь в полдень. Опять безбрежные поля щебня и гальки стелились перед нами в потоках и столбах горячего воздуха. Непогода окончилась: нещадный зной повис над котловиной. Мы очень своевременно покончили с Ширэгин-Гашуном; предполагавшийся «подвиг» превратился в нормальную и вовсе не трудную работу. Как после этого было не благословлять присутствие кинооператора Прозоровского!

Зной становился все сильнее, редкие ящерки-круглоголовки влезли на кустики, ища спасения от жара накалившейся почвы. Серые призрачные тени появились в мареве слева, мчась наперерез. Машины шли быстро, тени превратились в стадо куланов. Рождественский и Александр дружным залпом свалили хорошо упитанного самца — подарок работникам на раскопках, куда мы прибыли, потратив на весь путь из Ширэгин-Гашуна всего четыре с половиной часа!

Глава одиннадцатая

РАЗГАДКА «КРАСНОЙ ГРЯДЫ»

*Именно делите мир не по северу и по югу,
не по западу и по востоку, но всюду
различайте старый мир от нового!*

Наставление из тибетских сказок

В лагере нас встретило необычайное многолюдство и приветственная стрельба. Только что прибыл Малеев с «Могилы Дракона», вернулись Эглон с Лукьяновой и Наран-Булака.

Ян Мартынович, сияющий и торжественный, вручил мне письменный рапорт об успехе раскопок в Наран-Булаке. Нашли несколько черепов и челюстей динозавров, невиданную целую черепаху и другие сокровища. Давно я не испытывал такой радости. Тайна «Красной

раскрылась, уступая нашим упорным трудам. Фауна древнейших млекопитающих, черепах и других животных нижнего эоцена — эпохи начала третичной системы, закончившейся около сорока миллионов лет тому назад, открылась глазам ученых. Следовательно, все красные отложения центральной гряды Нэмэгэтинской впадины были эоценовыми, то есть очень важными для отечественной палеонтологии, потому что на нашей Родине породы этого возраста очень редки. Нашим долгом было продолжать раскопки и поиски.

Место, где мы вынужденно поставили Перевалочный лагерь (именно вынужденно, без выбора), оказалось открытым страшным ветрам, дувшим вдоль Нэмэгэтинской впадины. В лагере на «Могиле Дракона» ветер чувствовался не так сильно, но здесь он дул по целым неделям и сильно раздражал нас. Без прикрытия буквально ничего нельзя было делать. При курении за воротник и в глаза летели жгучие искры, при чтении рвались немилосердно трепавшиеся страницы, при еде миска с супом была полной песку и пыли. Бесперывная вибрация нагнутой палатки очень надоедала, но еще больше мешала въедливая тонкая пыль, желтым туманом стоявшая внутри. Я изобрел себе другой род жилища. Из остатков фанеры и обрезков досок мы сколотили небольшую будку, такую, чтобы в ней едва-едва можно было поместиться. Эта будка на ветреном юру лагеря оказалась очень уютной. Не раз сюда собиралось «местное население» послушать патефон, пописать дневник или привести в порядок аппараты и приборы. Поставленная на краю обрыва будка удерживалась четырьмя проволочными растяжками, противостоявшими самым злобным шквалам. Опыт удался как нельзя лучше: будка была гораздо лучше защищена от ветра и песка, чем палатка. Позднее мы сделали в будке задвижную дверь и поставили двойную, не прогреваемую солнцем крышу. Такие будки я могу горячо рекомендовать для продолжительной лагерьной жизни в Гоби. Как часто во время ранних осенних ночей, в холодном мраке и реве ветра я сидел в своей будке за пишущей машинкой, звук которой заглушался ветром, и не мешал никому в спящем лагере. С одной стороны вдоль стенки, на ящиках с ценными приборами и патронами, — доски, на них — постель. Напротив — столик с двумя подсвечниками. По стенам — узенькие полки и гвозди, на которых размещено научное имущество —

фотоаппараты, бинокли. В углу — винтовка, а по другой стенке — вьючные чемоданы с документами. Над столом на стене — табель-календарь, график движения машины и таблица ракетной сигнализации. В общем, вполне приспособленная для работы и отдыха каюта...

Наступил сентябрь, ночи становились необычайно холодными даже для Гоби в это время года. Мы не рассчитывали на такой сильный холод и не оборудовали палатки переносными печками. Единственной отрадой работавших на «Могиле Дракона» стала кухонная палатка. У нас в Перевалочном лагере и этого не было. Днем во время работы мы забывали о ночном холоде, но единственное солнце закатывалось, как он подступал — неумолимый, неизбежный. Крепко досталось мне в одну из ночей четвертого сентября. Мы с Новожиловым определяли истинный меридиан по звездам с помощью теодолита. Звезды никак не «хотели» сходиться. К четырем часам мы заоченели так, что едва смогли закончить наблюдения. Новожилов принес изготовленную им «целебную» тинктуру — крепчайшую водку, настоянную на семи сортах полыни. С помощью этой зеленой жидкости ужасающей ядовитости и горечи нам удалось согреться.

Работа шла споро, как заведенные часы. Машины даже из самых дальних рейсов в Улан-Батор прибывали точно по графику. Новожилов совершил несколько поездок на «Козле» в котловину Обручева и на западный конец Бумбин-нуру («Банка-Хребет»). К сожалению, выделить ему в помощь грузовую машину никак не удавалось, а кратковременные наезды на одном «Козле» не принесли серьезных результатов, кроме обшей ориентировки. Интересным было открытие Новожиловым резко смятых красноцветных костеносных пород с северной стороны Алтан-улы. Слои песчаников были резко загнуты вверх и поставлены вертикально, параллельно оси хребта, показывая тем самым направление и характер поднятия.

Рождественский отправился в дальний маршрут в Номогон сомон («Тихий сомон») на юг от Далан-Дза дагада. Еще в 1946 году мы слышали о нахождении там «драконовых костей». Однако Рождественский вернулся ни с чем; в Номогон сомоне не было не только костей, но даже отсутствовали красноцветные осадочные породы мела или кайнозоя. На поверку оказалось, что кости встречались не у Номогон сомона, а в горах Номогон-

ува, на северной окраине Номин-Гоби («Лазоревая Гоби»), на восток от аймака — вдоль границы с КНР. Пришлось отложить исследование на следующий год работы экспедиции (так и не состоявшейся).

Опыт этих поисков показал, насколько трудно постижимо каждое серьезное открытие. Ничего не давалось с палата, а только в результате продолжительных поисков и тщательной подготовки. Неудача последних разведок явилась уроком для нашей научной молодежи, стремившейся все вперед к новым местам, не доделав еще начатого. Наука требует прежде всего систематичности. И вел неукоснительную борьбу с этими тенденциями к «великим открытиям», а заодно и со «слабохарактерностью» при раскопках.

Эглон, копавший на Наран-Булаке, посылал мне с каждой оказией записки о том, что там пора прекращать работу и перебрасываться на новые места. Последнюю записку доставил наш рабочий на верблюде. Он попал под проливной дождь, верблюд стал падать на скользкой почве, и Тимофеев едва добрался до нас. По дороге он наблюдал трагическую гибель одиноко пасущегося верблюда. Огромный и сильный самец неосторожно подошел к краю узкого оврага и соскользнул по склону из размокшей глины. Верблюд не разбился, но упал на спину вверх ногами и никак не мог встать. Животное билось всего несколько минут и умерло от напряжения или страха, прежде чем Тимофеев подоспел к нему на помощь. Этот случай показал, насколько верблюд, необычайно выносливый в привычных для него условиях, становится беспомощным при других обстоятельствах. Правы ли биологи, считая верблюда особенно выносливым? Это животное выносливо лишь к жаре, безводью и грубой пище — специальным условиям пустыни. На самом деле верблюд обладает малым запасом жизненной энергии и легко гибнет в случаях, требующих огромного напряжения и неутомимости.

Пришлось ехать к Эглону, в его лагерь среди высоких белых стен ущелья Наран-Булак. По дороге мне удалось убить харасульта — очень кстати, так как у Эглона кончилось мясо. Но и привезенный харасульта не утешил упавшего духом раскопщика. Из четырех заложенных пробных раскопок все оказались пустыми, за исключением первого, открытого Новожиловым скопления. Белые кости здесь залегали разрозненно или редкими гнез-

довыми скоплениями, то неудача наших раскопок еще ничего не значила. Мы избаловались исключительным богатством монгольских местонахождений. Я напомнил Эглону, как четырнадцать лет назад мы с ним копали пермские местонахождения в Поволжье. Там кости и скелеты редчайших пресмыкающихся, живших около двухсот миллионов лет назад, залегали в костеносном песке очень рассеянно. Мы применили вскрытие костеносного пласта большими площадками, до двухсот квадратных метров, и добились крупного успеха. Сейчас мы не могли делать большую раскопку — работа на «Могиле Дракона» отнимала все силы и к тому же затягивалась из-за неимоверной крепости песчаника. Я упросил Эглона сделать еще одну контрольную раскопку и для согласие на его возвращение в Перевалочный лагерь. Рабочие его отряда должны были усилить отряд Малеева на «Могиле Дракона».

Тонна за тонной песчаниковых плит, переполненных костями траходонтов, прибывали с «Могилы Дракона». Песчаник в глубине раскопки стал очень твердым. Весь горный инструмент поломался, и походный горн горел целыми днями для кузнечной работы. В плитах песчаника мы находили отпечатки кожи утконосых ящеров. Кожа их была усеяна круглыми костными бляшками разной величины — от горошины до грецкого ореха. Песчаник сохранил все складки и морщины кожи исполинов. Не поддавались объяснению отпечатки с рядами загадочных круглых ямок, возможно, отверстий каких-нибудь кожных желез.

К северу, в глубь обрыва, твердые плиты переходили в плотный песок, служивший границей скопления скелетов. Совершенно очевидно, что порода сцементировалась вокруг костей химическим действием продуктов гниения органических веществ. Крепость песчаника разочаровала нас. Препаровка, то есть освобождение из породы окаменелых костей, при такой твердости песчаника должна была занять в Москве многие годы. Как трудно извлекать скелеты крупных динозавров, залегающие в рыхлом песке, но это окупается быстротой их препаровки, а следовательно, и научной обработки. Материал с «Могилы Дракона» требовал многих лет тяжелой работы, прежде чем мог стать пригодным для научной обработки и музейной экспозиции. По всем этим соображениям мы перестали жадничать и оставили их

месте как разрушенные выветриванием кости, так и залегавшие в самой твердой плите. Один череп около метра длины, лежавший на боку, плохо сохранился, но я хотел взять его, чтобы выставить в музее без всякой препаровки, в естественном залегании. Однако невероятно крепкая плита, больше метра толщины, не позволила этого сделать. Череп и по сие время скалит свои многочисленные зубы в ущельях Алтан-улы.

На левой половине площадки Малеев открыл громадный, тоже лежавший на боку череп от другого скелета. На границе песка обнаружили превосходно сохранившийся череп маленького — молодого — зауролофа. Чтобы отделить его от плиты, поочередно били молотами самые сильные люди экспедиции — шоферы Брилев и Дихачев, рабочий Толя-Слоник и я. Мы любовались работой Брилева. Обнаженный до пояса, он широко и свободно размахивал двадцатикилограммовой кувалдой, могучие мышцы выступали пластинами на его широченной груди, вздувались буграми на прямых плечах, перекатываясь под гладкой смуглой кожей. В конце концов плита уступила. Когда Малеев уехал в Улан-Батор, а его место на раскопках занял Эглон, при помощи лебедки перевернули последнюю, оставшуюся нетронутой плиту. Под ней вскрылся исполинский череп, лежавший на тесни нижней челюстью вверх. Все эти три черепа уже препарированы и дополнили выставку Палеонтологического музея Академии наук СССР. Два из них принадлежали таким гигантам, какие еще не были известны среди утконосых динозавров — зауролофов. В естественном положении — стоя на задних ногах — эти животные достигали девяти метров высоты, а по массивности костей не уступали самым громадным ящерам — зауроподам. Маленький череп показывает, что вместе со старыми животными захоронились и очень молодые. Такое захоронение могло случиться только при какой-то катастрофической, внезапной гибели стада утконосых динозавров. Что это было: наводнение, эпизоотия или отравление газами? На этот вопрос условия залегания скелетов не дали нам никакого ответа.

По числу добытых и разрушенных черепов мы установили, что на «Могиле Дракона» было погребено не меньше шести скелетов крупных взрослых особей и седьмой — молодого индивида. Все скелеты принадлежали одному и тому же виду животных — зауролофу уз-

корылому, описанному Рождественским по нашим походкам.

Четвертого сентября в Улан-Батор отправились Малеев с Лукьяновой. Малееву следовало возвращаться в Москву для защиты диссертации, а Лукьянова должна была вести в Улан-Баторе препарковку части наших коллекций для Государственного музея МНР. Суета в Интервалочном лагере прекратилась.

На следующий день, когда мы мирно сидели в уютной машине и хлебали горячий суп, я воспользовался свободным временем, чтобы ответить на наиболее частый вопрос, задававшийся нам — палеонтологам — нашими рабочими, шоферами, приезжими араатами. Каким образом мы, ученые, распознаем погребенных в толщине горных пород зверей, если эти звери вымерли, когда еще на Земле не было человека?

— Существует наука анатомия, — начал я, — без которой ни один хирург не мог бы сделать операции или врач — определить болезнь. Анатомия подробно изучила, как устроены у человека кости, кровеносные сосуды, нервы, кишки, мозг. Из анатомии родилась сравнительная анатомия. Эта наука изучает строение не только человека, но и других животных, сравнивает их между собой, находя одинаковые системы органов, устанавливая различия в действии пищеварительной системы, зубов, органов движения — конечностей. Животные, приспособившиеся к одинаковым условиям существования, всегда похожи друг на друга. Например, крупная рыба — акула, вымерший морской ящер — ихтиозавр и современный морской зверь — дельфин обладают почти одинаковой формой тела. Однако их внутренние органы — скелет, дыхательная система, воспроизведение потомства очень сильно разнятся.

На основании данных сравнительной анатомии мы можем по строению даже отдельных частей животных, например скелета, установить, с каким родом животных мы имеем дело. У пресмыкающегося никогда не будет таких костей, как у млекопитающего или у рыбы, рыба будет отличаться от всех других позвоночных животных и так далее.

Но этим еще не исчерпывается могущество сравнительной анатомии. Изучая строение органов в их действии, функции, как говорят ученые, мы узнаем, какому назначению отвечает тот или другой орган.

Конята лошади, зебры или осла — приспособление к продолжительному бегу на твердой почве. Парные разнесенные копыта жвачных или свиней служат для передвижения по более мягкой, топкой почве, хотя отчасти служат антилопам и в сухих степях.

Широкие мозолистые ступни верблюда, расширенные пальцы-лапы страуса, толстые, с короткими ногтями-копытными ножки нашей копытки — все это приспособления для ходьбы по рыхлым, сыпучим пескам пустыни.

Слон, носорог и бегемот обладают круглыми, столбообразными ногами, хотя и являются разными, не родственными друг другу животными. Строение их конечностей одинаково только потому, что столбообразные ноги наиболее выгодны для огромных животных с большим весом тела и, следовательно, выполняют одинаковое назначение — функцию.

Зная назначение и действие каждого типа органов у современных животных, мы можем, находя такое же строение у вымерших животных, определить, к чему они были приспособлены, выяснить образ жизни давно исчезнувших с лица Земли тварей. Тем самым мы получаем важнейший ключ для воссоздания условий жизни в прошлых геологических эпохах и для выяснения условий образования горных пород. Для палеонтолога чрезвычайно важно, чтобы современные животные были подробно изучены зоологами и биологами. К сожалению, изученность строения современных животных крайне недостаточна. Для палеонтологов особенно нужно изучить животных древнего типа, которые еще живут в наше время. Именно эти животные наименее изучены, потому что живут в труднодоступных районах тропиков и субтропиков. Именно так уцелели пережитки прошлого населения нашей планеты. Таковы древние хищники — куниг кошки горной Азии, Центральной Америки и Центральной Африки, крокодилы, исполинские тропические хищницы, слоновые черепахи, тапиры, бегемоты, носороги, слоны, гиены, трубкозубы, броненосцы, ленивцы, сумчатые, однопроходные, панголины и многие другие. Все эти животные изучены очень плохо. Предстоит еще колоссальная работа, прежде чем биологи будут знать их полностью с нужными подробностями.

Но дело не только в анатомии. Для того чтобы понять действие и назначение устройства органов этих животных, надо во всех подробностях знать их образ

жизни: движение, питание, размножение, поведение в условиях той местности и страны, где они живут. Поэтому нужны десятки лет терпеливых и длительных наблюдений над жизнью этих животных. Эти наблюдения есть. Они накоплены тысячелетним опытом охотничьих народов Африки, Южной Азии, Австралии и Южной Америки. Самые знаменитые следопыты Африки — бушмены — знают в мельчайших подробностях жизнь диких зверей и птиц. То же самое можно сказать о даяках Индонезии, индейцах Центральной и Южной Америки, охотничьих племенах Индии. Именно у этих и у многих других народностей мы можем почерпнуть сведения о биологии животных, которые заменят столетие научных наблюдений. Однако расовые бредни, презрение европейских ученых к цветным приводят к тому, что ученые капиталистических стран даже не думают об этом. Здесь не только величайшая нелепость, но и прямое преступление перед будущими поколениями человечества. Охотничьи народы быстро исчезают. В условиях колониализма они превращаются в городских или сельских рабочих и навсегда отходят от промысла предков. Не меньше быстро вымирают и сами животные, исчезая с лица Земли.

Необходимы совершенно срочные меры, чтобы не упустить навсегда богатство народного опыта охотничьих племен и поставить его на службу науке.

Оратор сильно воодушевился, сев на любимого конька, но лекция прервалась. Неожиданно показались три машины: к нам приехали гости из ЦК Монгольской народно-революционной партии, совершавшие поездку по южным районам республики. Мы повезли гостей на «Могилу Дракона», засняли на киноплёнку и подробно разъяснили, как лучше выехать к северу через «наше» Намэгэтинское ущелье.

Работы на «Могиле Дракона» заканчивались. Подошло время перебазировать раскопки и лагерь в другое место. Около двадцати тонн плит с костями динозавров лежало в Перевалочном лагере и дожидалось окончания раскопок. Только тогда можно было разобрать деревянную подъемную дорожку и пустить брусья на укладку. Я настоял, чтобы Рождественский и Новожилов отправились еще раз на «Красную гряду» осмотреть необследованный участок между Наран-Булаком и горой в форме юрты к юго-западу от колодца Даац-худум

Новожиловки вернулись уже к обеду и сообщили, что найдены два черепа и множество обломков костей древнейших млекопитающих в обрывах прямо на борту главного родника Эхины-Цзулуганай, к северу от родника Улан-Булук («Красный родник»). Пригодность «Красной грядки» для раскопок подтвердилась еще раз, и я решил перенести лагерь туда.

Недалеко от «Могилы Дракона» были найдены два развалившихся размытых скелета крупных хищных динозавров. Такого материала у нас хватало, и мы не стали продолжать алтанулинские раскопки. Также пришлось отложить до будущего времени выемку находок Рождественского, ездившего к самым западным размытым массивам Нэмэгэту. Судя по найденным костям крупных и мелких хищных динозавров, там мог бы быть еще один центр раскопочных работ.

В ночь на 7 сентября налетела особенно сильная буря. Находившиеся в Перевалочном лагере Рождественский и Новожилов забились ко мне в будку. Наперекор буре мы завели патефон. Фанерная каморка четко резонировала и усиливала звук. Заглушая рев ветра, слышались звенящие ноты «Липы вековой» и могучие звуки серебряных труб из вступления «Лебединого озера». Мы представляли себе, как были бы потрясены путники, качавшиеся на верблюдах в ночную бурю в безлюдной Гоби, если бы ветер донес к ним из темной дали чудесную музыку Чайковского.

На следующий вечер мы закончили переброску лагеря с «Могилы Дракона» и окончательно подняли поуторку наверх. Сняли лебедку, разобрали деревянную опору и приступили к упаковке вывезенных наверх песчаниковых плит. Стальная балка для талей была более чем нужна, везти ее назад не имело смысла. Мы глубоко вкопали ее на месте лагеря. На стороне, обращенной к северу, Дурненков насверлил надпись: «АН СССР, МПЭ, 1949 г.». На полметра от поверхности, с той же северной стороны балки, закопали тщательно закупоренную бутылку с бумагами, указывавшими лагерь, расстояния до мест основных раскопок и перечислявшими участников экспедиции 1949 года. Стальная балка послужит прочным ориентиром на многие годы для будущих исследователей. Такой знак был гораздо лучше простого обо, воздвигнутого в Центральном лагере 1948 года. Правда, под обо там закопали испорченный походный

горн, а внутри обо положили бутылку со сведениями об экспедиции и советскими газетами 1948 года...

Уже в сумерках я вышел на обрыв сухого русла, что бы немного отдохнуть и оглядеться. Ненужные большие верблюды были пригнаны с «Могилы Дракона» и завтра возвращались в сомон. Внизу, в сухом русле, на сером песке светилась тусклым белым фонариком палатка погонщиков-аратов. Вокруг виднелись темные пятна лежащих верблюдов. Взошла яркая луна, в палатке потух огонек, и она стала голубовато-белой пирамидкой на свинцовых песках, а черное плато засветилось лунными бликами.

Восьмого сентября мы надолго, если не навсегда, покинули бэль Алтан-улы. Ветер скоро развеет щепки, обрывки бумаги и сотрет все следы нашей жизни. Остнется только укатанная дорога, глубокая выемка в склоне сухого русла, да еще несокрушимый стальной столб будет выситься, шлифуемый свирепым ветром, как памятник труду горсточки советских людей. Глядя на опустошенный лагерь, было трудно поверить, что совсем недавно здесь стояли ряды палаток, штабеля досок и брусьев, ящиков с припасами. По вечерам звучал исцельный смех, звуки гитары и патефона спорили с одним образным шумом ветра. Возвращаясь из рейсов, машины выстраивались за лагерем. Их громоздкие кузова казались прочной стеной, прикрывавшей нас с востока. С наступлением темноты в установленный час хлопали выстрелы ракетного пистолета, и плоскогорье озарялось вспышками ослепительного зеленого, голубого или белого света. Аварийных красных ракет, к счастью, не пришлось пускать ни разу... Одну-две минуты спустя под гребнем Алтан-улы возникала звездочка, одна, другая, светившие как будто из глубины горной громады. Это отвечал лагерь «Могилы Дракона». Если мы выпускали две зеленые ракеты, то спустя полчаса из ущелья огненными глазами дракона показывались фары полуторки. Это спешил за долгожданной почтой Малеев: две зеленые ракеты означали приход машин из Улан-Батора...

Я долго возился с перевозкой лагеря и поломкой машины — у «Тарбагана» сломался хвостовик. Запасные части у нас были, и авария означала лишь задержку. Только ночью мы с Прозоровским наконец отправились на «Козле» в новый лагерь. Мы без конца петляли по путаным сухим руслам, спускаясь на дно котловина

Ночная таинственная Гоби была океаном холодного ветра. Фары «Козла» вырывали из мрака кусты саксаула, выступы обрывов, ровные скаты широких русл. Прозоровский согнулся на заднем сиденье, жадно осматриваясь. Иногда раздавался тоскливый вопль кинооператора: «Эх, кадры, кадры!» И как я сочувствовал ему, много раз силясь запечатлеть, передать другим величие или краски чудесных видений, мелькавших передо мной на путях по Гоби с не поддававшейся осмысливанию быстротой!

В лагере у подножия останца в русле Эхини-Цзулуганай, близ родника Улан-Булак, уже стояли три палатки. Моя фанерная будка встала на высокой площадке — уступе холма над руслом. Только на Алтан-уле она стояла на буро-желтых меловых песках, а здесь — на белом песке эоцена. Взошла луна. Я уже не раз замечал, что здесь, и вообще на юге, луна голубее северной, та — более каленосеребряная. От голубого лунного света белые пески утратили сероватый оттенок и засеребрились. Серебряные холмы, склоны и уступы со всех сторон окружили новый лагерь, а площадка перед моей будкой напоминала роскошную серебряную плиту. На моем столике загорелись свечи, и стало опять хорошо работать, как будто и не было переезда с высокого бэля Алтан-улы сюда, на дно котловины, к саксаульным буграм. И ветер завывал по-прежнему, хотя и не с таким остервенением, как на открытом плоскогорье.

С рассветом в лагере возобновилось оживление. Часть рабочих продолжала разборку перевезенного и в мешке выгруженного кое-как имущества. Другие грузили машины коллекциями и пустыми бочками. «Волк», «Дракон» и «Тарбаган» шли в Далан-Дзадагад, а «Тарбаган» после выгрузки в аймаке должен был идти в Рождественский в Орокнурский район. Мы рассчитывали, что дождливое лето 1949 года принесет нам новые сборы костей мелких млекопитающих, вымытых из третичных отложений на Татал-голе. Кроме того, Рождественский собирался раскопать место к югу от лагеря Анда-худук, где Новожилов в 1948 году нашел остатки мастодонта. Оттуда Рождественский возвращался прямо в Улан-Батор, а «Тарбаган» немедленно шел нам навстречу в Далан-Дзадагад с полным грузом бензина, которого осталось в обрез. Поиски и раскопки Рождественского не увенчались успехом, и я до сих пор рас-

каиваюсь, что послал его туда, а не на Улан-Ош. В последнюю далекую разведку к горам Улан-Дэль ула («Красная грива»), в ста километрах к югу от Бани Далай сомона, отправился Новожилов на полторке. Там находились большие размывы красноцветных пород.

Рабочие сосредоточенно долбили раскопку — холодная осенняя Гоби уже поднадоела им всем, и ребята стремились в Улан-Батор. Прозоровский занимался сборкой растений и мелкой гобийской живности — мышей, змей и ежей. Я принялся за геологические исследования третичной толщи «Красной гряды».

Эглон с Александровым открыли замечательный континентальный горизонт на небольшом плато к северу от лагерь, названного нами «Северным Полем». На всей поверхности плато выходил слой грубых гранитников и мелких конгломератов, а в нем попадалось множество конкреций — стяжений того же гравийника, образующихся вокруг костей древних млекопитающих, остатков черепов и скелетов рыб. Открытие пришлось как нельзя более кстати. Мы теперь подготовились для серьезной схватки с «Красной грядой». Раскопки на месте находок вдоль русла очень быстро истощались. Небольшие пробные площадки, заложенные в разных местах, оказались пустыми. Сделать большую двухсотметровую раскопку не хватило бы времени. А тут — целое большое поле, богатое этими, с таким трудом дававшимися находками!

На следующий день мы с Эглоном проследили пространство горизонта «Северного Поля» на южный берег сухого русла, прямо к моей будке. В одной из промоин открылась громадная плита, сплошь покрытая скелетами крупных рыб из рода ильных рыб, или амий, и по силе время живущих в реках юга Северной Америки. Извлечение и упаковка находок на «Северном Поле» продолжались до четырнадцатого сентября. Я в это время обследовал окружающие останцы и ущелья. К северо-западу от лагеря древнее русло, заполненное конгломератом, было врезано в серые меловые песчаники. Прямо под красными третичными породами залегал неполный скелет крупного хищного динозавра. Это означало, что после мелового периода наступил размыв, вероятно, происходивший в палеоценовую эпоху. Возобновившееся в эоценовую эпоху отложение осадков сформировало породы «Красной гряды», которые легли на размывную

поверхность меловых песчаников. Часть мела была смыта вместе с палеоценом. Размыв дошел до средних горизонтов верхнемеловой эпохи. Позднее Новожилов прошел с маршрутом дальше меня и открыл береговую линию эоценового бассейна.

Четырнадцатое сентября оказалось днем, богатым событиями. С утра отправили «Козла» с Эглоном и Прозоровским. Они должны были заснять Баин-Дзак, не посещенный Прозоровским. Оттуда Эглон ехал прямо в Улан-Батор, а по дороге высаживал кинооператора в Мандал-Гоби для съемки каких-то недостававших для кинофильма кадров. Я должен был забрать Прозоровского на пути в Улан-Батор около двадцатого сентября. Население лагеря собралось проводить Яна Мартыновича, которого любили все без исключения. Маленькая машина была уморительно нагружена. На заднем сиденье устроился Прозоровский, защемленный и утопленный по шею в груде постелей и киноснаряжения. Я с наслаждением сфотографировал кинооператора и напомнил его жалобы в начале экспедиции. «Кинооператора возят, как собаку», — полушутя-полусерьезно ворчал тогда Прозоровский, карабкаясь в кузов грузовой машины. Но там он восседал в уютном мягком гнезде со всеми аппаратами под рукой и просторным обзором. Теперь наш Николай Львович вкушал сомнительную сладость дальнего путешествия на легковой машине.

К обеду прибыли две улан-баторские машины — «Дзерен» и «Кулан». Обе едва-едва дотянули до лагеря. На спуске с Гурбан-Сайхана у «Дзерена» вырвало кардан, который разбил аккумулятор, бензобак и сам согнулся в дугу. Уже в лагере выяснилась еще более серьезная авария. От удара кардана лопнул картер маховика. К счастью, именно у «Дзерена» на борту был запасной кардан. С ним машина ходила уже второй год, и теперь он пригодился. У «Кулана» окончательно рассыпался аккумулятор, но Пронин брался восстановить его из трех разбитых старых. Вечером явился «Олгой Хорхой» с Новожиловым. У полуторки поломалась передняя рессора, серьга задней и рассыпался кузов. В довершение беды полуторка сожгла весь свой запас бензина — двести пятьдесят литров. Бензина для возвращения на базу в аймаке осталось в обрез — восемьдесят литров на пять машин. В конце концов здесь, в знакомых местах, недостача горючего не была

опасной. На случай нехватки мы могли заранее встать под перевалом Гурбан-Сайхан и послать полуторку в аймак за бензином.

До поздней ночи мы с Новожиловым сидели в моей будке и, ежась от холода, рассматривали карты. Лагерь спал, слабый ветер катился по руслу, на «Северном Поле» гулко кричал филин: «Шубу! Шубу!» Шуба действительно очень требовалась.

Новожилов осмотрел на Улан-Дэль-уле много обрывов, но осталось неизученным еще несметное количество. Его находки исчерпывались двумя обломками костей таза, по которым ничего нельзя было сказать. В неудачах новых маршрутов истинным утешением являлись успехи в лагере. Одно только «Северное Поле» дало три тонны интереснейших находок. Слой конкреций за моей будкой разработал Дурненков и нашел черепаху, крупные челюсти и части черепов. Я нашел большой череп диноцерата рядом с раскопкой Эглона и был немало изумлен этим обстоятельством. Подобная же история случилась с Новожиловым. Он вторично обследовал большой останец к востоку от лагеря, в свое время осмотренный Рождественским, который абсолютно ничего там не нашел. Новожилов открыл на останце целое костеносное поле, названное «Восточным». Подобные неожиданности как нельзя лучше свидетельствовали о необходимости самого тщательного исследования таких мест, в которых исследователь не рассчитывает побывать вторично.

На гребне останца, возвышавшегося над лагерем, я установил теодолит. Вскоре на топографическую схему точно легли важные для раскопок подробности. Появились останцы «Восточный», «Контактный», «Хайлясовый» и «Западный». Немного дальше, за «Западным», поднимался останец, возглавлявший гряду меловых пород, уходившую в направлении к Цаган-уле. Этот останец, названный «Столовым Массивом», и другие, следовавшие за ним до Цаган-улы, вероятно, были выступами извилистой береговой линии третичной, превращавшейся в озеро, впадины. На севере «Столовый Массив» смыкался с обширной площадью мела, почти не осмотренной нами. Здесь имелись отличные перспективы для будущих раскопок.

Новожилов исследовал западные останцы и нашел в них множество костей динозавров. Нам, палеонтологам,

казалось странным, почти невероятным, такое скопление остатков гигантских ящеров в непосредственной близости от местонахождения третичных млекопитающих. Однако если вдуматься поглубже, то не было ничего удивительного: русла третичных потоков, отлагавших «Красную гряду», пересекали более древнее большое русло мелового периода. Так встретились два случая захоронений вымерших животных, по времени разделенные промежутком в двадцать миллионов лет.

В трубу теодолита я долго обшаривал противоположный, северный край Нэмэгэтинской впадины. Засечки на заметные вершины, азимуты и углы возвышения для точной установки раскопок на картах уже были промерены. Оставалось разыскать Перевалочный лагерь и тем самым связать оба места главных работ 1949 года. Стекло зрительной трубы выхватывало из почти не различимой глазом дали отдельные промоины, склоны обрывов, кусты саксаула, темные впадины под обрывами — все затуманенное и перевернутое «вверх ногами». Часы шли, я не раз протирал слезившиеся от напряжения глаза, по нескольку раз уже был просмотрен каждый километр удаленного бэля, а столб в Перевалочном лагере никак не находился. Я позвал Новожилова с его соколиным зрением, но и тот, пробившись с полчаса, объявил, что ничего не видит. Отчаявшись, я почти примирился с перспективой отказаться от точной увязки обоих лагерей. Внезапно я заметил у самого края поля зрения крохотную черточку, отличающуюся от всего другого резкой определенностью очертаний. Едва дыша и осторожно вращая микрометрический винт, я перегнал черточку в центр поля и тут убедился окончательно, что это был наш столб. Мы переоценили его размеры и потому так долго мучились с поисками. На этом расстоянии высокий рельс даже в трубу теодолита казался не больше короткой шпательки.

Раскопки завершались. Кончался наш запас гипса и шпательков, подъедались и продукты. Мы могли бы похвалиться поразительно точным расчетом всех запасов, если бы это совпадение не было случайным. Солнечные и холодные дни были напоены бодрящей свежестью, и все работали не покладая рук. Ремонт машин шел на полный ход. Пронин после долгих размышлений стянул разбитый картер мотора «Дзерена» железными лентами. Мы рассчитывали на пресловутую прочность «ЗИСа» и

надеялись, что машина дойдет до Далан-Дзадагада, куда «Тарбаган» подвезет новый картер.

У Новожилова и у меня накопилось много геологических наблюдений. Теперь загадок «Красной гряды» больше не существовало. В «Красной гряде» мы открыли четыре костеносных горизонта и по смене пород проследили восемь этапов ее образования. В первом этапе происходил общий размыв меловых пород. Образовалась узкая котловина, в которой отлагались конгломераты и нижние грубые пески. Скорость потоков была слишком велика, и остатки животных, не задерживаясь здесь, выносились куда-то дальше и там разрушались. Вскоре в котловине образовалось озеро, скорость потоков резко упала, и они стали приносить только тонкоотмученный материал. Отложились пурпурные глины без остатков животных, которых не могли принести медленные (слабые) потоки.

Затем наступило усиление приноса с частичным размывом уже отложенных пурпурных глин. В бассейн начали поступать кости нижнего костеносного горизонта, и отложилась нижняя песчаниковая плита. Еще большее увеличение скорости приносящих потоков вызвало отложение гравийника и множества костей второго нижнего горизонта. Течение было настолько сильным, что размывало рыхлые гравийные осадки, оставляя нетронутыми только участки, сцементировавшиеся вокруг костей. Так образовался слой конкреций с костями млекопитающих. Эти же потоки несли множество трупов крупных рыб и водяных черепах, погребавшихся вместе с конкрециями.

В следующую, пятую, фазу отложения образовались продольные речные русла и в них накопились десятиметровой мощности слои белых песков с редкими рассеянными костями. Шестая и седьмая фазы — это вновь образование сравнительно глубокого озера с отложением в нем коричневых глин и бурых глинистых песков. Это отложение было прервано седьмой фазой с усилением приноса, отложением желтых песков и верхней песчаниковой плиты, а также с костями млекопитающих верхнего костеносного горизонта. В последнюю, восьмую, фазу озерный бассейн распространился гораздо шире прежней узкой котловины и достигал в ширину не менее двадцати километров с севера на юг.

Такова была геологическая история «Красной гряды».

вид, прочитанная нами в смене различных пород и в распределении остатков животных. Потоки, приносившие кости, текли из лесов, окаймлявших озеро или ранее — водовину. Множество мелких древесных обломков, встреченных нами в костеносных горизонтах, говорило об этом. По-видимому, найденные нами древние млекопитающие обитали вдоль рек на опушках лесов. Попадая в воду, их остатки смешивались вместе с трупами речных обитателей — рыб и черепах — и сносились в ту водовину, которая пятьдесят миллионов лет спустя сделалась «Красной грядой» и вместилищем их окаменелых остатков.

Найденные в «Красной гряде» диноцераты, по описанию профессора К. К. Флерова, были представителями совершенно новой ветви азиатских диноцерат, названных монголотериями (в переводе с греческого — «монгольский зверь»). Это были травоядные, размером с крупного теленка животные, еще не потерявшие общего облика оленника. Широкие лбы и узкие теменные гребни их черепов напоминали медведей. Еще большее сходство с медведями придавали стопоходящие когтистые задние конечности, позволявшие животным легко вставать на дыбы. Длинные клыки, торчавшие вниз из верхней челюсти, как у современной кабарги, но гораздо более длинные, походили на клыки саблезубых тигров.

Другие найденные здесь звери принадлежали к группе пантоламбд, также до сих пор известных только на Американском материке. Величиной с собаку, они обладали замечательными зубами, похожими одновременно и на зубы травоядных и на древних насекомоядных — летучих мышей. Совершенно новыми были и черепахи, по-видимому, предки современных тропических черепах Африки и Южной Америки. Недаром так привлекала нас «Красная гряда». В ней, в самом сердце Азии, оказались скрытыми документы наземной жизни начала кайнозойской эры, и эта жизнь была в общем такой же, как и на удаленном Американском материке. Следовательно, различие древних млекопитающих, вопреки установившимся взглядам, было широким и повсеместным уже на заре кайнозоя.

С семнадцатого сентября ночные крики филина прекратились. Вместо них стал раздаваться печальный волчий вой. Сияющая гобийская красавица луна ущербилась, почти стала темными. Восемнадцатого сентября мы

принялись свертывать лагерь и грузить «Дзерена». В три часа дня «Дзерен» ушел на Далан-Дзадагад, чтобы задерживать всю колонну, так как из-за разбитого характера он не мог идти быстро. Четыре тонны драгоценной добычи из «Красной гряды» были погружены на «Волка» и «Кулана». Полторку забили бензобочками, «Дракона» — тяжелым снаряжением. Как назло, «ходовой» день — девятнадцатое сентября — выдался жарким. Необыкновенный палевый туман застлал все горы и лег на бэли котловины Нэмэгэту еще со вчерашнего дня. Ветер дул в хвост колонны, моторы перегревались, машины шли довольно быстро. К двенадцати часам достигли родника Даба. В последний раз я посмотрел на Нэмэгэту, но палевая дымка не дала мне проститься ни с ней, ни с Хугшо, несмотря на то что дорога проходила у самого подножия последней. Осталась позади и дикая серая стена Хана-Хере. Здесь не было дымки, и чудовищные «Три Чиновника» с их необычайными вырубленными формами нависли над нами в свете низкого солнца. Глубокие черные провалы, торчащие утесы, отвесные скалы... Две западные горы с наклонной столовой поверхностью были как бы грубо обтесаны с четырех сторон, а восточная — вздымалась исполинским горбом с длинными пирамидальными ребрами.

К четырем часам мы были в Ноян сомоне. Прощание с друзьями и знакомыми отняло два часа, и мы дошли в свете фар только до больших песчаных кочек, в которых отставался «Дракон» в 1948 году.

Пестрые горы в тридцати километрах к востоку от Ноян сомона поразили меня своей запыленностью. Мягкими, как бы подернутыми дымкой, были цвета горных пород: малиновый, охристо-серый, грязно-зеленый, буро-шоколадный, красно-серый и серовато-белый. Причудливо сочетались низкие конусы и выровненные площадки перечисленных цветов, испещренные пятнами черных камней и черно-зеленых кустов гобийского миндаля. Пыль и песок покрывали всю местность, лежали тонким слоем на склонах холмов. В руслах и долинах песок насыпан глубоким и рыхлым одеялом. При виде этой картины легкая тревога омрачила мне радость возвращения. Пески явно наступали на весь район наших работ в Южной Гоби. Они заносили и область пестрых гор у Ноян сомона, и запад Нэмэгэтинской котловины около Цаганулы, где появлялись новые и новые барханы. И было

принято вспомнить, что наша дорога в Нэмэгэту — трудная, трясучая, много раз проклинаящаяся, пересекает котловину высоко на бэле, в безопасности от несчастного нашествия.

Мы приближались к Цаган-Дерисуни. Знакомые черные холмы были испещрены почти горизонтальными террасами от низкого солнца. Сочетание скопища холмов и террас создало впечатление какой-то толпы, в быстром беге устремленной на запад, навстречу нашей колонне. Машины шли быстро, бензину хватило, и мы приехали в аймак к полудню, снявшись с ночлега в семь утра. Пронин добрался благополучно и разбирал мотор, никак не ожидая нас так скоро. Ночью пришел «Тарбаган» с бензином и картером для «Дзерена».

Двадцать первого сентября мы догрузили машины, насколько это было возможно, и выехали в Улан-Батор. За Олдаху-хидом внезапно отстали «Волк» и «Кулан». Мы долго ждали их. Равнина в засуху была совершенно мертвой. Ни единой травинки не было на красновато-желтой глине, покрытой серым щебнем. Ветер поднимал столбы рыжей в закатном солнце пыли. Отставшие машины подошли только ночью. У «Волка» сломалась крыльчатка помпы, у «Кулана» — трамблер. К полудню двадцать второго сентября мы добрались до Мандал-Гоби. Машины остановились у столовой, а я на «Драконе» поехал разыскивать Прозоровского. Надо было видеть, с какой радостью наш кинооператор выскочил из дома, едва услышав гул машины. Он истосковался от ничего-неделанья, поджидая нас. Уже в полной темноте мы доехали до большого обо на перевале шестьдесят восьмого километра от Улан-Батора.

Дальше шли опасные спуски, крутые повороты и косягоры. Шоферы наших машин, поврежденных в долгих маршрутах, с плохими тормозами, решили заночевать. Ледяной ветер пронизывал ватники. Мы разожгли большой костер и, погревшись, расхрабрились дотянуть до Улан-Батора еще сегодня на «Драконе» и полуторке. Машины пошли от веселого костра вниз в кромешную холодную тьму. Мгновение — и мир перестал существовать. Какие-то рытвины и бугорки виднелись впереди в свете фар. На самом деле это были спуски, подъемы и опасные косягоры, чувствовавшиеся только по мотору. Впереди нас шла полуторка. Пыль светлой стеной летела позади нее в свете наших фар. Когда полуторка удалялась, то

только слабое пятно желтого света двигалось впереди в необъятной тьме. И этот слабый свет мгновенно исчезал, когда машина ныряла под спуск, и тогда «Дракон» двигался одинокий, словно затерявшийся в огромной вселенной. От его сильных фар по сторонам дороги ложился отсвет. Стоявшая за этой чертой тьма, как всегда, казалась огромнейшим лесом. Деревья с правильными интервалами выстроились ровной линией вдоль освещенной дороги. Отчетливо выделялись огромные ветви почему-то не с листьями, а с хвоей, простертые на громадной, примерно семидесятиметровой высоте. Галлюцинации выдавала себя тем, что очертания деревьев не изменились, несмотря на быстрый ход машины.

Еще не было часа ночи, как мы подъезжали уже к нашей базе в Улан-Баторе. Эглон и Рождественский ожидали нас с шестнадцатого сентября. К утру прибыли и все остальные машины. Последний гобийский маршрут 1949 года закончился. Оставалось вывезти базу в Далан-Дзадагаде, а затем перебросить все на железную дорогу в Сухэ-Батор.

Так закончилась третья палеонтологическая экспедиция в Монгольскую Народную Республику 1949 года.

Еще больше узнали мы Гоби, еще больше полюбили эту пустынную и суровую страну. Наивно было бы думать, что теперь мы покончили с предварительным исследованием гобийских межгорных впадин. Огромное пространство: Джунгарская Гоби, Хони-Усуни-Гоби, впадина озера Алак-нур, Шаргаин-Гоби, пространство между Далан-Дзадагадом и Улугэй-хидом вдоль границы с КНР — все это простиралось на десятки тысяч неисследованных квадратных километров, которых еще не касались колеса наших машин. Да и в посещенных местах оставалось много неизвестного. Особенно на западе, где наши маршруты протянулись лишь одной длинной ниточкой.

Примером может служить рассказ старика арата, встреченного нами уже в Улан-Баторе. Старик арат рассказал нам о «каменных костях», которые он видел в двух местах недалеко от Цаган-Олома, к востоку от дороги на Юсун-Булак и к западу от нее, близ Шаргаин-Гоби. Описание, данное старым аратом, не оставляло никакого сомнения в полной правдивости его слов. Я и раньше не раз замечал, что монголы, когда говорят о деле, не стремятся что-либо прибавить или приукрасить.

В указания и советы, которые мы от них получали, были совершенно точными. Таким образом, в маршруте этого года мы прошли между двумя интересными местонахождениями, не подозревая об их близости. А теперь, в сообщении старика, выяснялся новый интересный район, смежный вдобавок с Шаргаин-Гоби, на которую я не перестаю и сейчас возлагать большие надежды.

Подобных сообщений из мест, смежных с районами наших раскопок, за годы, прошедшие со времени работы экспедиции, поступило еще несколько. Были присланы и кости громадных нижнемеловых травоядных динозавров — игуанодонов и больших титанотериев из Восточной Гоби как раз из оставшейся неисследованной области между Баин Ширэ, Хара-Хутул и Эргиль-обо.

Наступил день, и я вышел прощаться с автоколонной экспедиции, уходившей на север для погрузки и возвращения в Советский Союз. Пронизывающий ветер — самый первый спутник монгольских просторов, встречающий каждого жителя этой страны при рождении и провожающий его при смерти, — трепал изодранные тенты машины. Последние рукопожатия, приветственные взмахи рук, шум дружно заведенных моторов... И вот они пошли мимо: «МГ-41-15» — «Тарбаган»; «МГ-41-16» — «Волк»; «МГ-41-17» — «Дзерен»; «МГ-40-83» — «Дракон»; «МЛ-05-10» — «Кулан» и другие, более мелкие «звери». Если вы встретите их на улицах Москвы, доживающих свой век в честной работе, — помяните добрым словом и эти машины и их водителей. Это они, пробиваясь сквозь пыльные бури, знойные ураганы, в жестокий мороз и сильную жару через пески, горные хребты, глинистые котловины Гоби, дали возможность советским ученым совершить интересные научные открытия.

Я смотрел вслед исчезающей вдаль колонне и думал о том, что трудное путешествие обогатило не только науку, но и нас самих. В пустынной Гоби широко раскрыта книга геологической летописи как бы в дар человеку за суровость и бесплодие природы. У нас на зеленом, богатом водою Севере листы этой книги плотно сомкнуты — закрыты лесами, болотами, зелеными коврами равнин.

Здесь, в Гоби, как нигде, чувствуешь, насколько насыщена Земля памятью своего прошлого. В самых верхних ее слоях — орудия, черепки сосудов и другие предметы человеческого обихода. Глубже — стволы древних растений, кости вымерших животных. А еще ниже, в

пока недоступной нам глубине, таятся древние химические элементы — огарки звездного вещества...

Бродя по бесконечным лабиринтам красных ущелий, извлекая из-под тяжелых пластов песчаников, глины и конгломератов остатки жизни прошлого, мы все глубже проникали в великую книгу геологической летописи. Трудно передать ощущение, охватывающее тебя, когда кладешь пальцы на желобки в истертых зубах диноцерата, мастодонта или динозавра, сделанные пищей, съеденной десятки миллионов лет назад. Или стоишь перед раскопанным скелетом чудовищного ящера, стараясь разгадать причину его гибели по положению, в котором захоронилось животное. Или отчетливо видишь на окремелых костях следы заживших ран — сломанных и сросшихся переломов, отметины странных заболеваний. Кажется, что с глаз спадает какая-то пелена и они глядят прямо в глубину времени, а современная человеческая жизнь соприкасается с прошлым, давно исчезнувшим, но совершенно реально осязаемым. И тогда приходит отчетливое понимание, насколько важно познание прошлого. Без этого знания мы никогда не поймем, как появились, как исторически сложились среди всей остальной жизни мыслящие существа — мы, люди!

Только прикоснувшись к познанию прошлого, мы можем по-настоящему понять истинную ценность жизни. Великая история возникновения человека прежде всего поражает необычайной жестокостью. Сотни миллионов лет в смене неисчислимых поколений плескался на нашей планете океан бессмысленной, нерассуждающей жизни. Невообразимое число самых разных животных гибло, истребляемое голодом, микробами, хищниками, стихиями. В последовательной смене поколений происходило приспособление организмов к условиям существования, создание все более совершенных энергетических систем жизни, приобретение частичной независимости от воздействия окружающей физической среды. Как необходимость проявляется через сумму бесчисленных случайностей, так и высшие организмы — млекопитающие — постепенно вырабатывались из мелких, частных приспособлений. Наконец, организм животного со сложнейшими системами химической, физической и нервной регуляции, биологической защиты, пищеварения, воспроизведения потомства оказался в состоянии нести нагрузку в виде большого мозга. Это развитие на нашей планете

потребовало семьсот миллионов лет. Только за это время исторически сложились животные, из которых труд и речь создали людей. Самый последний этап становления человека продолжался около двух миллионов лет.

Убогими и наивными кажутся перед этой величественной картиной религиозные легенды о мгновенном сотворении человека и животных. Однако не менее наивны и предположения современных «ученых»-метафизиков о быстром, внезапном появлении разных видов, возникающих по мановению ока из совершенно других организмов.

Драгоценным созданием материи является человечество, появившееся в результате безмерно огромного и трудного исторического пути. Поэтому непростительно преступны все призывы к истребительной атомной войне, грозящей гибелью всему живому. Только отвратительное невежество, породившее фашистский расизм, только безродная империалистическая идеология в безответственном самодовольстве может не думать о грозной истории возникновения человека, неотвратимо определяющей его дальнейшие судьбы.

1955

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прошло пять лет. Уже закончена научная обработка почти всех сборов нашей экспедиции. Несколько томов научных статей в изданиях Академии наук посвящены материалам из монгольских мест находений. В Палеонтологическом музее Академии наук стоят гигантские скелеты карнозавров, утконосого и панцирных динозавров. Выставлено множество громадных черепов костей скелетов, или динозавров и черепах. Отдельные витрины занимают ископаемые монгольские крокодилы, носороги, титанотерии. Особняком выставлена замечательная фауна «Красной гряды», готовится к монтировке целый скелет азиатского диноцерата. Часть коллекций передана Государственному музею Монгольской Народной Республики. Среди них — целый скелет исполинского хищного динозавра из Намэгэту, который поставлен в Улан-Баторе в специально выстроенном для находок экспедиции зале.

Эти научные ценности, добытые экспедицией для нашего и монгольского народов, составляют лишь одну сторону ее работы и результатов. Другая сторона — научное значение сделанных открытий. Древний Азиатский материк, в состав которого входила гобийская территория Монгольской Народной Республики, оказался во многом стародавней, чуть ли не извечной пустыней.

Около ста миллионов лет назад, в конце юрского периода, там находилась суша с тропическим влажным климатом и массой растительности, образовавшей угольные бассейны. Затем в нижнемеловую эпоху произошло погружение с образованием больших озер. В верхнем мелу бассейны обмелели и превратились в огромные заболоченные пространства, богатые растительностью. Неподалеку на юге находился берег настоящего моря. Верхнемеловые низменности простирались из Монголии далеко на запад и составляли типичный ландшафт материка, единого с нашей Средней Азией. Здесь разивалась богатая наземная жизнь. Десятки тысяч разнообразных динозавров кишели в болотах и прибрежных лесах. Некоторые группы динозавров, как, например, анкилозавры — панцирные ящеры-типики, — возникли здесь, на Азиатском материке. Также азиатское происхождение, по-видимому, имеет и вся группа утконосных динозавров.

Анализ захоронения динозавров показал, что каждый род этих исполинских ящеров занимал особую, присущую только ему зону обитания. Прежние представления, рисовавшие жизнь динозавров всех вместе, в одной куче, — неверны. Главные группы динозавров обитали в трех разных зонах,

Самые большие ящеры — зауроподы — были жителями низменных открытых побережий. По таким побережьям, очень широко распространённым в меловую эпоху, ходили громадные приливные волны. Никакие другие животные, кроме гигантских зауроподов с их длинными костями и страшными когтями, не могли противостоять напору этих волн. Утконосые динозавры, также достигшие гигантской величины, укрывались в глубоких протоках среди затопленных древнейших лесов. Они не были четвероногими, как зауроподы. Стоя на задних ногах и балансируя передними, снабженными плавательными перепонками, как веслами, эти ящеры не боялись и шестиметровых глубин.

Исполинские хищные динозавры — карнозавры — не могли слезать на такую глубину за утконосами. Они обитали в более возвышенных областях низменностей и здесь охотились на других травоядных — меньших размеров и не приспособленных к обитанию в глубоких болотах. Такие травоядные — панцирные и рогатые динозавры — обладали тяжелым защитным вооружением, сильно ограничившим аппетиты хищников.

Таким образом три главные зоны обитания динозавров, по которым теперь и нужно распределять всех этих исполинских ящеров. Проблема размножения динозавров в свете условий их существования стала особенно интересной. Очевидно, что утконосые динозавры и зауроподы обязательно должны были выходить на сушу для откладывания яиц в каких-то специальных убежищах.

Мы не смогли проследить горизонты самых последних моментов мелового периода. Они, может быть, сохранились в Восточной Гоби, исследование которой не было выполнено, так как экспедиция недоработала один год по плану. Великое вымирание динозавров — вопрос следующей экспедиции в Монголию. Однако уже сейчас мы можем сказать, что оно не было таким повсеместно внезапным, как это представлялось раньше.

Вероятно, на территории Азиатского материка одновременно существовали области, в которых жили динозавры, преимущественно в долинах и дельтах рек, а также области, населённые млекопитающими, жившими в сухих и возвышенных местах, возможно, и на деревьях. Такими вероятными соотношениями последних слоев верхнего мела и палеогена. В эоцене древние млекопитающие все еще обитали в долинах рек и озёр, на опушках лесов.

Растительноядные звери питались преимущественно мягкой, связанной с водными бассейнами растительной пищей. Таковы древние группы диноцератов, корифодонтов, аминодонтов и другие. Напомним, что в палеоцене Монголии найдены остатки так называемых южнокопытных — странных зверей, доселе известных только в Южной Америке. Это важное указание, говорящее о том, что в начале

кайнозоя млекопитающие уже широко расселились по всем материкам.

В олигоцене и позднее — в неогене, во второй половине третичного периода, фауна млекопитающих Монголии становится совершенно одинаковой с фауной нашей Средней Азии, Сибири и Казахстана. Материк с сухими степями — саваннами — простирался на всю площадь Азии.

К востоку от Монголии, в Китайской Народной Республике, продолжают те же самые отложения, как и в МНР, содержащие динозавров и млекопитающих. Однако в Китае лучше представлены юрские отложения с огромными зауроподами.

Тесная связь истории кайнозоя в СССР и в Монгольской Народной Республике еще раз подтвердилась совсем недавно, уже после окончания работ нашей экспедиции. В Казахстане открыты титанотерии и исполинские хищники типа эидрюсархов. На другом конце Азиатского материка, в нашем Уссурийском крае, в углях тоже найдены титанотерии и болотные носороги — амниодонты. История животного мира, восстановленная на основании находок в геологических отложениях, позволяет нам определить последовательность и условия отложения горных пород. Так получается история геологического прошлого Азиатского материка, очень важная для практических нужд геологии полезных ископаемых.

В эту работу наша экспедиция внесла свою долю, продолжив славные традиции русских ученых в деле изучения Азии.

Теперь, после произведенных исследований, яснее становится, как много нужно еще сделать. Наша экспедиция едва затронула межгорные впадины Гоби. На территории Монгольской Народной Республики еще много не осмотренных нами мест. А дальше, к югу, в пределах Китайской Народной Республики, простираются обширные гобийские впадины Внутренней Монголии.

Не менее интересна и много обещает знаменитая «Долина Бесов» у восточной окраины Тянь-Шаня и провинция Гань-Су. Огромные поля красноцветных отложений есть в котловинах Синьцзян-Уйгурского автономного района у подножия Куэнь-Луня и по северной окраине Тибетского нагорья.

Задача исследования древней наземной жизни Азиатского материка имеет интереснейшие перспективы.

СПРАВКА-СЛОВАРЬ

Встречавшиеся в книге научные термины, географические названия и технические выражения в большей части разъясняются по ходу изложения. Для слов, оставшихся необъясненными, дается настоящий словарь.

1. ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ

Геологическая шкала времени

В книге мы встречаемся только с тем отделом шкалы, который включает историю планеты, когда на ней уже развилась жизнь. Эта история распадается на три эры: 1) палеозой (эру древней жизни), начавшийся около 600 миллионов лет тому назад и длившийся около 400 миллионов лет. В книге упоминаются отдельные периоды этой эры: силурийский, девонский и пермский; 2) мезозой (эру средней жизни), начавшийся после пермского периода палеозоя около 200 миллионов лет назад и длившийся около 110 миллионов лет. В книге упоминаются все три периода этой эры: триасовый, продолжавшийся 25 миллионов лет и сменившийся юрским такой же длительности, и меловой период, закончивший эру и длившийся около 60 миллионов лет; 3) кайнозой (эру новой жизни), начавшийся после мелового периода 55—60 миллионов лет назад и продолжающийся еще в настоящее время. Кайнозой делится на древние отложения, или палеоген, и новые, или неоген. Также встречаются названия третичные и четвертичные отложения. Первые составляют почти весь кайнозой, а четвертичный период — только самый последний этап этой эры — период великих оледенений, длившийся около миллиона лет. Самые древние отложения кайнозоя — это палеоцен и эоцен, продолжавшиеся свыше 20 миллионов лет, затем следует олигоцен длительностью в 16 миллионов лет и, наконец, перед четвертичным периодом был плиоцен, длившийся 6 миллионов лет. Названия всех перечисленных эр и периодов встречаются почти в каждой главе книги.

Отдельные геологические названия

Б э л ь — монгольское слово, вошедшее в науку, — высокий полог горного хребта, образовавшийся из продуктов его разрушения и окаймляющий подножие хребта. Характерен для пустынных областей.

Висячие долины — долины, русло которых не спускается постепенно в главную долину, а обрывается уступом. Встречаются в областях недавних поднятий.

Висячий маршрут — маршрут на большое расстояние, не имеющий опорных баз, кроме исходной точки начала маршрута.

Габбро-норит — «основная», глубинная изверженная порода.

Долериты — древние базальты; основные лавы с раскристаллизованной массой.

Диориты — породы со средним содержанием кварца, переходные от «кислых» (то есть с большим содержанием кварца) пород гранитов к «основным» породам (с малым содержанием кварца).

Зеркало скольжения — шлифованная плоскость на камне от сброса, то есть вертикального смещения пород по трещине.

Конус выноса — нагромождение продуктов разрушения хребта у его подошвы, в устье крутой горной долины. Обычно имеет вид правильно насыпанного конуса.

Кривая эрозии — уклон долины, по которой идет размытие хребта, или для больших областей — уклон от верховьев речного бассейна до моря.

Кварц-порфиры — излившиеся изверженные породы с отдельными кристаллами, рассеянными в стекловатой массе (порфиры) и с большим содержанием кварца.

Кора выветривания — зона поверхностного изменения горных пород от влияния атмосферы, воды, температуры и солнца. Проникает на различную глубину, в тех местах, где размыв незначителен, может достигать толщины в несколько десятков километров.

Конгломерат — горная порода, составленная из галек, сцементированных песчаником или известняком.

Конкреции — стяжения песчаника, мергеля или известняка обычно вокруг каких-либо органических остатков.

Метаморфические кварциты — слово «метаморфические» означает породы, подвергшиеся последующим изменениям от погружения в глубь земной коры или от соприкосновения с расплавленными изверженными породами. Кварциты — песчаники, в которых зерна песка спаяны кремнием.

Мергель — известняк с большим содержанием глины.

Останец — одиноко стоящая возвышенность, оставшаяся от размыта гор.

Пластовая интрузия — изливание расплавленных пород между слоями осадочных пород, принявшие форму пласта.

Сбросы — вертикальные перемещения участков земной коры по разломам-трещинам.

Структурные единицы — в геологии так называются участки земной коры, характеризующиеся определенным строением, например, область складчатых гор, зоны опускания или поднятий и т. д.

Халцедон — скрытокристаллический натечный кварц.

Фацции — совокупность условий отложения тех или других осадочных пород. Различаются морские, материковые, озерные фацции и т. д.

Филиты — тонколистоватые метаморфизованные сланцы.

Элювиальная дресва — грубый песок, или гравийник, образовавшийся от разрушения пород здесь же, на месте, без переноса.

Эпигенетическое ущелье, участок — часть долины, возникшая недавним поднятием и характерная крутыми склонами.

Йшма — разноцветный скрытокристаллический кварц, или кремни.

2. МОНГОЛЬСКИЕ ТЕРМИНЫ И НЕКОТОРЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Аргал — сухой помет скота.

Айком — аймачный (областной) комитет Монгольской народной революционной партии.

Бодисатва — божество буддийской религии, святой в высшей степени.

Баг — низшая административная единица (типа нашего сельсовета).

Делн, или дэли — национальная монгольская верхняя одежда вроде халата со стоячим воротом. Одинакова у мужчин и женщин.

Дарга — начальник по-монгольски.

Дюрбюты — западномонгольская народность.

Копытки, иначе саджи — пустынные птицы, похожие на куропаток с расширенными вроде копытца коготками на лапах для хождения по песку.

Лама — буддийский монах.

Орнитолог — ученый, изучающий птиц.

Рунические надписи — рунический алфавит — особая древняя письменность с угловатыми, палочковидными начертаниями букв. Был распространен у древних скандинавов и тюрок.

Сарлык — як, порода рогатого скота, выведенная в горной Азии.

Субурган — каменная постройка в виде башенки с кубическим основанием и шпилем наверху. Такие постройки окружали буддийские храмы и монастыри и служили хранилищами священных предметов.

Сомон — средняя административная единица в МНР, соответствующая нашему району.

Тон — верхняя деревянная часть юрты в виде выпуклого колпака, прикрывающаяся специальным клапаном из кошмы.

Такыр — участок затвердевшей глинистой поверхности, гладкий и без растительности. Название из нашей Средней Азии.

Фаланга, или, вернее, сольпуга — крупный прыгающий паук с длинными задними конечностями.

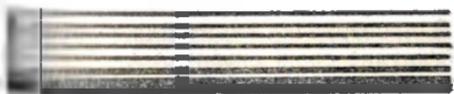
Црик — название монгольского солдата.

Уртон — пробег почтовой лошади и расстояние между почтовыми станциями в старину. Равен примерно 30—35 километрам.

На краю Ойкумены

ПОВЕСТЬ

Часть первая ПУТЕШЕСТВИЕ БАУРДЖЕДА

Глава первая ЗАВЕЩАНИЕ ДЖОСЕРА

Над низкими глинобитными оградами взвились клубы пыли, послышались пронзительные крики. Что-то случилось в лабиринте узких улиц, у самой пристани города Белых Стен¹ — столицы Черной Земли, страны Та-Кем².

Уахенеб — кормчий царского казначея — стремительно поднялся и стал всматриваться в сторону города, откуда доносился тревожный шум. Сидевшие рядом гости не двинулись, даже не оглянулись на происходившее за стенами маленького сада.

— Что происходит там? — нетерпеливо спросил кормчий, пытаясь заглянуть в потупившиеся лица друзей.

— Вестники Великого Дома³ ловят преступника... — неохотно ответил седовласый тесть Уахенеба.

— Но шум около дома Антефа, моего друга и друга детей моих! — с беспокойством воскликнул кормчий.

— Ловят самого Антефа, — вмешался молодой сед. — Мы знаем, что за ним приходили вестники нашей окраины.

— Как! Ловят Антефа, а вы сидите, словно идет погоня за антилопой? — негодуяще вскрикнул Уахенеб. Этот человек не может быть преступником! Кто не знает корабельного плотника Антефа!

Кормчий негодуяще оглянулся на неподвижные фигуры своих гостей и выскочил на улицу, а за ним оба его юных сына, такие же высокие и плечистые, как отец. К ним присоединились и корабельные ученики Уахенеба, находившиеся в числе гостей.

¹ Белая Стена (Мемфис) — столица Египта в Древнем Царстве.

² Та-Кем — Черная Земля. В просторечии «кем» или «кемт» «черная». Так называли древние египтяне свою страну.

³ Великий Дом — иносказательное наименование царя (пер-о), откуда пошло древнееврейское «фараон».

Уахенеб слишком много времени проводит в плаваниях и еще не знает, как свирепствуют сейчас посланцы фараона... — тихо сказал тесть кормчего.

Если не научится быть покорным, то скоро его поволокут, закованного, в каменоломни! — угрюмо проворчал худой кузнец.

Стыдно тебе, говорящему худое, — вмешалась жена кормчего. — Мой Уахенеб умен и испытан в опасных делах. Его любит и сам казначей бога Баурджед...

Любит как крокодил антилопу, — бурчал упрямый кузнец, — пока у его лучшего кормчего все хорошо. Но стоит только Уахенебу оступиться — кто защитит его? Кто посмеет выступить против повеления Великого Дома?..

Крики приблизились к воротам сада, и жена кормчего тревожно выглянула на улицу.

Слева, в конце узкого прохода между однообразными оградами из серого речного ила, показался одинокий беглец. Он опередил на два десятка локтей¹ своих преследователей, во главе которых неслись, словно гончие собаки, два полуобнаженных человека в пестрых поясах вестников фараона, вооруженные кинжалами и тяжелыми палками. За вестниками бежал всякий сброд: бездельники — сыновья пристанских чиновников, погонщики ослов и случайные прохожие, обрадовавшиеся перемене в однообразии неторопливой жизни. Все вопили и визжали, будто увидели «отвращающего лицо» — злого духа пустыни или подземное чудовище древних преданий.

Беглец не походил ни на злодея, ни на чудовище. Его истомленное лицо в разводах грязи, глаза, расширенные и полные отчаяния, могли вызвать только жалость и негодование в каждом, кто знал этого человека.

Беглец приблизился к Уахенебу.

— Антеф! — негромко окликнул его кормчий и продолжал скороговоркой: — Беги улицей Гребцов налево, повернешь у сада богини к складу товаров, доставленных нами... Скажи сторожу — я велел, и он укроет тебя среди тюков. Там жди ночи... Беги и не оглядывайся.

Антеф поравнялся с Уахенебом. Преследователи почти настигли свою жертву. Кормчий закричал и ринулся прямо на Антефа.

Наблюдавшая из сада женщина вскрикнула от него-

¹ Локоть — основная древняя мера длины, равная приблизительно 0,5 метра.

дования. Но, когда ее сыновья и трое из учеников мужи кучей бросились вслед Уахенебу, столкнулись с преследователями и свалились в густую пыль, она поняла, что Уахенб и молодежь действуют по уговору.

Антеф исчез за углом, а молодые люди продолжали удерживать преследователей с криками: «Поймали, поймали!..»

Бежавшая позади вестников толпа остановилась в недоумении. Наиболее азартные приняли участие в свалке, и пыль совершенно закрыла все происходящее на улице. Вестникам фараона не скоро удалось разобраться в сумятице и освободиться от рук своих усердных помощников. Но когда выяснилось, что беглец избежал поимки, то старший вестник подскочил к Уахенебу с угрозами:

— Как смел ты, старый бегемот, вмешиваться в дело Великого Дома? Твое глупое усердие и неловкость твоих щенков привели к тому, что преступный Антеф убежал от законного возмездия. Но кара не минует злодея, тебе же придется держать ответ перед начальником. Поидем.— И вестник положил грязную, исцарапанную руку на плечо Уахенеба.

Тот резким движением сбросил руку представителя власти.

— Я не виноват... я старался помочь тебе и сам не знаю, как вышло, что преступник ускользнул. Но мне нельзя идти с тобой — казначей бога приказал мне прийти сегодня вечером, я не могу ослушаться повеления. Где я живу, ты знаешь, — спокойно добавил Уахенб.

Кормчий солгал, но расчет его оказался верным.

Вестник нахмурился и огляделся в раздумье. Плечи к плечу с кормчим стояли сильные юноши, на лицах которых читалась твердая решимость не уступать никому. Толпа, только что объединявшаяся яростным преследованием, разбилась на группы. Люди выжидали в молчании, не проявляя никакого сочувствия вестникам, терпевшим очевидное поражение.

Бормоча проклятия, вестники удалились вслед скрывающемуся Антефу. Кормчий с помощниками вернулся в свод. Молодежь дала волю смеху, горячо обсуждая случившееся и вспоминая, как грохнулся под ноги вестникам фараона старший сын Уахенеба. Встревоженные гости скоро разошлись; участники побоища отправились к реке смывать пыль.

Уахенб сидел в раздумье до темноты, потом встал,

захватил приготовленный женой мешок с пищей и вошел в непроглядную тьму.

Ни одного огонька не было видно в домиках пристанного поместья. Жечь масло или жир в светильниках было дорого, да и проводимый в труде день был слишком длинен, чтобы люди засиживались в своих домах после наступления темноты. Только неутомимая молодежь, таеь от старших, собиралась у маленького храма. Из темноты доносились тихие разговоры, легкие шаги босых ног...

Кормчий быстро добрался до склада, побеседовал с Антефом, возвратился домой и молча взобрался на плоскую крышу дома, где все его семейство спасалось от духоты и насекомых и лежало в ряд на жестких циновках из папируса.

— Удалось тебе? — прошептала жена, когда кормчий улегся с тяжелым вздохом усталого человека.

— Антеф в безопасности, — помолчав, ответил Уахе-неб. — Он знает тайное место на краю западной пустыни, в городе мертвых. Там спрячется он... пока не отчалит снова мой корабль. Но это малое дело... — Кормчий угрюмо умолк.

— Что же еще плохо, во имя священной девятки? ¹ — с беспокойством спросила жена.

— Плохо все... плоха наша жизнь, трепещущая перед людьми Великого Дома, перед посланными жрецов. Они гнут ее, как ветер пустыни гнет тонкий стебель тростника, как сгибает раба кнут надсмотрщика!

— Разве это ново для тебя? — удивилась жена.

— Нет нового в том, но почему плохое должно длиться вечно? Неужели никогда не наступит хорошее? Еще совсем недавно, когда ты носила нашего младшего сына ², фараон — строитель великой пирамиды ³ обрек нас, простых неджесов и роме ⁴, на голод и разорение. Если бы не добыл я пищи и золота в опасном плаваньи в страны Зеленого моря ⁵, может, не осталось бы в живых никого из наших братьев и сестер. Но великая пирамида построена, фараон отошел в вечность, а разве жить ста-

¹ Священная девятка — девять главных богов Египта.

² Имена детей не называли во избежание «сглаза».

³ Имя фараона запрещалось называть по тем же соображениям.

⁴ Неджес — «маленький», название свободного жителя Египта.

⁵ Роме — египтянин.

⁵ Так называлось у египтян Средиземное море.

ло легче? По-прежнему требуют с нас непосильной работы, бьют и отдают в рабство за недоимки. Множество чиновников смотрит за нашими путями, записывают каждую меру собранных плодов, каждого журавля¹ и еще не родившегося детеныша антилопы...

— Ты был в разных странах. Неужели и там так тяжело жизнь?

— Плохо везде, где есть бедность. Я не видел страны, в которой бы не было бедняков, мучимых страхом, болезнями и голодом. И я не видел страны лучше нашей Кемт. Только здесь земля так плодородна, только здесь не свирепствуют ветры, сокрушительные ливни. Страна защищена пустынями от набегов хищных соседей. Прекрасно наше вечно ясное небо, могучая река — источник жизни, богатые сады и поля. Мы любим нашу Кемт, и всем нам плохо жить тут!

— С детства я любила сказки о Стране Духов — волшебном Пунте². Вот там хорошая жизнь, там люди, похожие на нас, роме, живут подобно духам полей Иалу³.

— Никто не видел Пунта, безмерно далек от нас и недостижим смертному, — неохотно ответил Уахенеб. Плохо, что нет защиты для нас в родной нам Черной Земле. Надо спасти друзей, а они спасут нас... так, твердо решил кормчий. — Слушай, ты еще не знаешь всего о несчастьи Антефа. Он тяжело поранил себя теслом и не мог работать пять времен года⁴. Дом его стоит на земле храма Хнума⁵... Антеф задолжал начальнику мастеров⁶, не уплатил долга, и жрец захотел взять в храм его дочь.

— Как, ясноглазую То-Мери? — воскликнула жена.

— Тише. Да, ее. Она красива, и жрец может продать ее с выгодой в храм Нейт или... оставить рабыней у себя

¹ Журавли и антилопы приручались и разводились в Древнем Египте.

² Пунт — легендарная страна, богатая золотом и благовониями, по представлениям египтян, находившаяся у истоков Нила, в Стране Духов — Та-Нутер. Позднее, когда египтяне стали плавать далеко на юг, страны, открытые ими на восточном побережье Африки, южнее Сомали, получили название Пунта.

³ Поля Иалу — в представлении египтян о загробном мире соответствуют нашему раю.

⁴ Пять времен года — приблизительно полтора года У египтян год делится на три времени.

⁵ Хнум — один из главных богов, изображавшийся с бараньей головой.

⁶ Начальник мастеров — титул главного жреца.

Рабы храма под начальством младшего жреца ворвались в дом Антефа, избили его и жену и увели дочь. Антеф побежал сказать вестникам...

— Зачем? — удивилась жена.

— Теперь я тоже скажу: зачем? — ответил кормчий. — За один вечер я стал умнее на десять лет...

Антеф так любил свою То-Мери!

— Потому и сделался гонимым, подобно робкой антилопе. Дом его без хозяина и отца, жена и дети оплакивают его как умершего. Пойди к ним на рассвете и скажи тайное утешение. А я... — Уахенеб умолк.

— Я слушаю тебя!

— Антеф сделал то, что должен был сделать отец и мужчина. Он проник в храм Хнума в поисках дочери, проследил, что она заперта в кладовой дома начальника мастеров, и, пытаясь освободить То-Мери, напал на жреца...

— И...

— И едва спасся из храма. Вернулся в дом свой в великом горе и напрасно размышлял, придумывая, как спасти дочь. Вестники объявили его врагом города... Остальное ты знаешь.

— Ты задумал опасное дело, господин мой, — сказала жена, поняв затаенные думы кормчего.

— Не опасайся, я сумею исполнить это, не привлекая внимания чиновников Великого Дома. Я почти гость здесь — так редко приходится бывать мне дома, за мной нет записей и глаз... Если хочешь помочь мне, пойди скорее в дом, где живут мои ученики Ахавер и Нехеб-ка, разбуди их. Скажи, что я заболел и зову.

— У нас в саду спит сегодня тот — большой и темнокожий, твой мастер паруса¹...

— А, большой Нехси здесь? Это помощь от богов... Я разбужу его!..

Проснувшиеся сыновья Уахенеба стали умолять отца позволить им тоже идти на таинственное дело. Но кормчий оказался неумолимым.

Во тьме и тишине четыре человека выскользнули на улицу и молча направились к храму Хнума, стоявшему среди большого сада, на возвышенном участке берега. Уахенеб обладал хорошей зрительной памятью и навсе-

¹ Мастер паруса — моряк, управляющий единственным парусом египетского корабля.

гда запоминал те места, в которых ему приходилось бывать. Теперь он уверенно обошел главный вход, в глубине которого мерцал слабый огонь двух светильников, и приблизился к небольшим воротам, ведущим во внутренний двор около дома главного жреца.

— Теперь ты, Ахавер, и ты, Нехеб-ка, по сигналу Нехси начинайте драку у ворот, бросайте камнями, выкрикивайте проклятия... Когда раздастся вопль шакала, убегайте, но сначала в верхнюю улицу, чтобы спутать мысли врагов, потом бегите к реке. Мы будем ждать в лодке за Кедровой Пристанью...

Все последующее произошло быстро: крики Ахавера, грубая брань Нехеб-ка, грохот камней о доски ворот, истошный лай собак главного жреца, кинувшихся к ограде. Замелькали факелы в руках младших жрецов, которые спали в храме и теперь выскочили на шум.

Мрак во внутреннем дворе казался особенно непроглядным. Большой Нехси, увлекаемый за руку Уахенебом, быстро добрался до крепкой двери в низкой кубической постройке из плотной, затвердевшей на жарком солнце глины. Дверь быстро уступила огромной силе моряка. В душной тьме помещения царило молчание.

— То-Мери, где ты? Я Уахенеб, друг твоего отца, ты знаешь меня. Выходи скорей!

В глубине кладовой раздался слабый крик.

Уахенеб устремился внутрь, вытянув вперед руки. Его ладонь коснулась плеча девушки. Кормчий провел рукой по лицу и волосам То-Мери, чтобы успокоить девушку, и нащупал твердый ремень бегемотовой кожи, прикрепленный к металлическому ошейнику, замкнутому на тонкой девичьей шее.

— Я привязана, — прошептала То-Мери.

Кормчий дернул изо всех сил, но ремень был крепким. Медлить долее было нельзя: там, у ворот, жрецы могли опомниться и схватить Ахавера с его другом, а собаки почуять присутствие чужих во дворе.

— Нехси, скорее! — позвал Уахенеб.

Гигант потянул, и прочная кожа в два пальца толщиной разорвалась.

Нехси бросил легкую То-Мери себе на плечо и побежал за Уахенебом. Они перелезли через изгородь там, где двор граничил с садом. Пронзительный вопль шакала пронесся в темноте, повторился раз, другой, третий.

Ахавер и Нехеб-ка катались по земле, браня друг дру

ги и осыпая ударами. Услышав сигнал, они вскочили на ноги.

Жрецы, домовые рабы и сам главный жрец столпились вокруг них с факелами, наблюдая за дерущимися со шкрякотом и негодованием. За воротами неистовствовали свирепые собаки. Внезапно оба юноши повернулись и бросились вверх по улице. Они бежали рядом изо всех сил, и быстрые ноги унесли их далеко от растерявшихся жрецов. Ахавер и Нехеб-ка пробежали четыре квартала и, не услышав погони, свернули в поперечный переулок. Они долго неслись вдоль реки, пока решились спуститься к берегу, и подошли к Кедровой Пристани с другой стороны.

Лодка отплыла беззвучно, весла искусных гребцов гнали ее с возрастающей скоростью. Там, где находился храм Хнума, мелькали огни факелов.

Ахавер и Нехеб-ка торжествующе засмеялись.

— Гребите, гребите! — весело сказал кормчий. — Путь далек, скоро рассветет... — И сильным толчком кормового весла Уахенб прибавил ходу лодке.

Нехси заставил сидевшую на дне лодки девушку опереться спиной на его колени и старался разогнуть запор ошейника, путаясь в массе густых вьющихся волос. Ошейник был заперт на толстый бронзовый крючок.

Лодка удалилась на шесть тысяч локтей от города Белых Стен и плыла вдоль ненаселенного западного берега великой реки. Позади осталась гигантская пирамида и город мертвых для знати и богатых, примыкавший к северной стороне пирамиды. Мрак рассеивался, гладь реки заблестела тускло и неприветливо.

Мастеру паруса наконец удалось справиться с крючком. Ошейник раскрылся, и Нехси швырнул его далеко на середину реки.

Все сидевшие в лодке следили за его полетом. С легким всплеском орудие унижения и плена навсегда погрузилось на дно реки. И в тот же миг за восточной пустыней поднялся краешек солнца, яркие лучи алого света выгорелись на реке в том месте, где потонул ошейник.

— Утопить бы так все, что гнетет нас! — задумчиво сказал Уахенб, выразив этим неясные стремления своих спутников.

Лодка причалила у двух одиноко росших пальм.

В сотне локтей от берега, в пределах высокой бесплодной равнины, расположился город мертвых для про-

стых роме. Здесь не было ничего похожего на массивные каменные или кирпичные гробницы знатных людей, только бесчисленные ряды маленьких холмиков отмечали места, где хранились останки отошедших в западные края.

— Неужели Антеф не боится оставаться здесь в ночные часы? — удивился большой Нехси.

— О, мне пришлось один раз быть здесь поздно вечером, — отозвался Нехеб-ка. — Выли шакалы, хохотали гиены, страшные птицы ночи летали над головой. Вдали ревел лев, глухим плеском отзывались в реке крокодилы, — мне показалось, что стонет земля, наполненная умершими. Я едва удерживал свое сердце от бегства.

— Антеф не здесь, он скрывается в древнем подполье, близко от берега. Если каждому из нас придется выбирать между позорной смертью и страхом перед отошедшими, — я думаю, что он меньше убьется мертвых, спокойно сказал Уахенеб. — От мертвых еще никто не погиб. Здесь давно живет старый сторож с семьей, и все от мала до велика здоровы и целы. У нас, бедняков, не знающих вещей¹, тут нет ничего — ни таинственных гробниц, ни подземелий. Про город мертвых для знатных рассказывают страшные предания... А может быть, для того, чтобы... никто не смел трогать вещи, хранящиеся в богатых гробницах? — Кормчий тихо рассмеялся, а его спутники посмотрели на него с удивлением.

— Мы будем здесь жить? — тихо спросила девушка, устремив на Уахенеба глаза, еще полные грусти.

— Совсе нет, — рассмеялся кормчий. — Тебя завтра возьмет на корабль мой верный друг, кормчий Саанам. Ты будешь жить в Дельте, у моих родных, пока не повернется лицо богов...

— А отец?

— Антефа нельзя отослать с тобой. Я возьму его на свой корабль тайно, в день отплытия. Нам не дадут много отдыхать — скоро пойдем мы опять за кедром для храмов на Великое Зеленое море...

В доме Уахенеба вновь собрались гости — кормчий решил отпраздновать спасение Антефа и его дочери, не объясняя никому причины торжества. Опустели два кубка вина, громадный глиняный сосуд с пивом. У опьяневших людей развязались языки, все смелее стали

¹ Не знающий вещей — египетский термин, означивший бедняков.

вились выкрики и взволнованные речи о несправедливости жизни в Та-Кем, о том, что жрецы обманывают бедняков, что государство не жалеет своих подданных.

— Рабы у богатых и во дворцах живут лучше, чем мы! — воскликнул тот же хмурый кузнец, который угрожал Уахенебу каменоломнями в прошлый раз.

Кормчий поднял руку:

— Слушайте сказку о стране счастья!

Низенький старик с круглой лысой головой говорил о трудности жизни без просвета и защиты.

Гости стали кивать головами, соглашаясь.

Сказка описывала чудесную страну Пунт, страну джунглей счастья. Никто не согнут страхом и голодом, золото сверкает в речных песках, деревья отягощены чудесными плодами, благовонные смолы текут по стволам, прекрасные девушки дарят всех ласковыми улыбками. Все равно сыты, нет тяжелых работ и свирепых зверей...

— Там, там! За восточной пустыней, за Лазурными Водами¹, в безмерной дали!

Старик вскочил, указывая на восток; поднялись и все гости, всматриваясь в пыльную мглу над восточными холмами, точно стараясь сквозь нее разглядеть призрачное видение чудесной страны...

— Никто, никто, кроме могучих людей-богов древности, не достигал пределов Пунта!

— Недоступна, прекрасна желанная страна, отрада смертных, живущих там наравне с духами, похожих на нас, детей Черной Земли!..

Внезапно раздался удары палки в калитку сада. Громкий стук оборвал сказку; люди насторожились, воцарилось молчание, полное опасений. Урюмый человек, морщинистый и суровый, подошел к кормчему. Уахенеб поджидал его с затвердевшим, как у статуи, лицом.

Мой и твой господин, казначей бога Баурджед, велит тебе прийти завтра, после дневного сия! — громко, не допускающим возражения тоном сказал посланный, и Уахенеб перевел дыхание. Зов казначея еще не был белой.

Пестрые занавеси в оконных просветах колыхались под легким ветерком. По коричневой полированной поверхности деревянных колонн пробегали слабые блики

¹ Лазурные Воды — Красное море.

света. В комнату, тяжело ступая, вошел великий властитель, молодой фараон Джедефра¹. Следом за ним шли два человека с золотыми нагрудными знаками. Они с привычной ловкостью распростерлись на полу перед фараоном. Нетерпеливое движение руки Джедефра заставило их встать. Один, высокий и худой, носивший звание хранителя царских сандалий, снял с ног фараона сандалии из позолоченной кожи. Другой, смотритель ларца с притираниями, осторожно освободил Джедефра от тяжелого парика, прикрытого полосатым головным платком и пшентом², и снял футляр, заменявший бороду. Фараон с облегчением провел ладонью по гладко и бритой голове.

Вельможи удалились. Джедефра сбросил длинную белую одежду из серебристого льна, выделанного так тонко, что ткань просвечивала. Он остался в короткой рубашке, перетянутой голубым поясом с тяжелыми синими лентами на золотых пряжках.

Фараон устало потянулся. Нелегко было соблюдать каменную неподвижность поз, требуемых ритуалом при публичных появлениях.

Сухое, жестокое лицо Джедефра было хмурым и сосредоточенным. Он медленно подошел к окну, выходящему на запад, и слегка отодвинул плотный занавес.

В прозрачном воздухе под густой синевой чистого неба предстал перед Джедефра предел его страны. Дворец фараона стоял на невысоком холме, близ которого плодородная темная земля Нильской долины резко граничила с красновато-желтой пустыней. Вдали отчетливо вырисовывались изгибы огромных песчаных бугров. Там пески, поднимающиеся горами по пятьсот локтей вышины, пылают под знойным небом, как гигантский костер, преграждающий живым путь в страну запада, царство ушедших, обиталище мертвых...

От песчаных холмов к долине сбегали голые каменные уступы. На них за белой каменной оградой колыхалась темная зелень высоких пальм.

Джедефра угрюмо усмехнулся. В глубокой тишине доносился лишь плеск воды в ступенчатых бассейнах Рабы, выстроившись длинной цепочкой, с утра до ночи качали воду из реки, чтобы вокруг пирамиды мог существовать...

¹ Джедефра — фараон IV династии Древнего Царства (2877—2869 гг. до н. э.).

² Пшент — двойная корона египетского царя.

ступать зеленый сад. А некоторым деревьям сада было уже больше двадцати лет...

Но фараон, конечно, не думал об этом. Миллионы роме, сотни тысяч рабов, как трудолюбивые муравьи, копились у него под ногами, обожествляя все четыре имени царя¹. Джедефра думал о древнем обычае царей воздвигать на краю западной пустыни — границе страны мертвых — особые сооружения, получившие название «священная высота»². Эти «высоты», резко возвышаясь над плоской страной, поднимали ввысь, утверждая в вечности личность фараона.

Со времени великого Джосера³, создателя могущества страны Черной Земли, эти сооружения стали строить из камня. Недалеко от его дворца, на том же западном плоскогорье, высится исполинская пирамида Хуфу⁴ — беспощадного властелина, грозного фараона, неожиданным наследником которого явился он, Джедефра, сын одной из самых молодых и незаметных жен Хуфу. Сын, знавший отца только в образе живого бога, владыки сурового и недоступного, Джедефра рос вдали от дворца и воспитывался в маленьком храме, у старого жреца, даже не думая о том, чтобы занять видное место в государстве Черной Земли.

Его мать — умная и хитрая южанка, происходившая из области древнейшей столицы Та-Кем, тайно готовила сыну иное. Она сумела добиться доверия могущественного союза жрецов Ра, безраздельно владычествовавших в «Городе» — храме Солнца, у начала Дельты, к северу от столицы. Жрецы осмелились противостоять даже могучему Хуфу, фараону, впервые сумевшему согнуть непокорных слугителей богов и взять у бесчисленных храмов часть богатств и рабов для постройки великой пирамиды.

Этот грозный пришелец из средней Кемт, выдвинутый старой знатью и жрецами бога Хнума, сменил владык потомков Хасехемуи⁵ и еще более возвеличил божест-

¹ Фараон, кроме собственного имени, имел еще несколько так называемых тронных имен.

² Священная высота — по-древнеегипетски «перема»; отсюда — пирамида.

³ Джосер — выдающийся фараон III династии (2980 г. до н. э.).

⁴ Хуфу, иначе Хеопс — фараон IV династии (2900 г. до н. э.), строитель самой большой пирамиды.

⁵ Хасехемуи — последний фараон II династии, отец Джосера.

венную власть фараонов. Перед его железной волей и безграничной жестокостью вся Кемт в страхе распростерлась ниц. Всю мощь государства, укрепленного фараонами-предшественниками — Джосером и Снофру¹ и их советниками — учеными Имхотепом, Кегемни, Шихотепом, воспетыми в народе, все богатства Та-Кем и его многочисленных рабов Хуфу употребил на достижение единственной цели — постройки огромной пирамиды, невиданной от сотворения мира.

Гигантская пирамида должна была навеки утвердить имя Хуфу, поразить все будущие поколения. Она стояла над каждым жителем страны, господствовала над мечтами, мыслями, поступками и снами миллионов людей. Все другое, даже великие и грозные боги, требовавшие непрерывных жертв, обрядов и празднеств, отошло на задний план. Количество громадных камней, уложенных в пирамиду, каждый новый десяток локтей ее вышины сделались важнейшими новостями страны.

Забывты были далекие походы в неизвестные страны, неведомые и манящие дали морей Великой Дуги. Забыт был и самый мир, окружающий страну Та-Кем, словно все средоточие Вселенной сошлось на узкой ленте Черной Земли и внутри ее, на острие пирамиды Хуфу...

Страна обеднела, ропот недовольства все чаще раздавался не только среди бедных земледельцев, но и среди могущественной знати и великих жрецов.

А фараон продолжал постройку. И вот белая пирамида в триста локтей высоты ослепительно сверкает под вечно голубым небом, в кольце садов и храмов. Каждый из ее камней, весом в шесть быков, так тщательно пригнан к другим, без следов соединения, что пирамида кажется единой массой. В глубине белой пирамиды заключен саркофаг из черного гранита, и в нем лежит отошедший в страну запада грозный фараон.

И теперь он, Джедефра, живой бог, принявший власть и силу всего государства, хочет возвеличить себя исправлением бед, нанесенных постройкой великой пирамиды. Он тоже строит свою «высоту» там, против дворца, на северном конце плоскогорья, не считая возможным нарушить священный обычай. Но всего в шестьдесят локтей будет это сооружение — жалкий холмик перед колоссальной гробницей Хуфу.

¹ Снофру — фараон-завоеватель, последний в III династии (2980—2900 гг. до н. э.).

Джедефра отменил подати с храмов, вернул им тысячи рабов. Он посылал суда к Великому Зеленому морю, и на восток, и на юг, в страну Куш¹. Посланные возвратились благополучно, с добычей золота, меди, кедрового дерева. Но в стране неспокойно. Начальники округов недовольны, урожаи уменьшились, голодные земледельцы опять осмеливаются грабить государственные склады.

А он, живой бог, молод и не знает, что нужно сделать еще, хотя и хочет быть подобным Джосеру и Снофру, пошлеличившим Та-Кем и без конца прославляемым в легендах и преданиях. Если бы у него был советник, мудростью равный Имхотепу...

Недавно он беседовал с великим ясновидцем², который снова намекнул фараону на неправильный путь, избранный им в управлении государством. Верховный жрец настаивал на строительстве новой огромной пирамиды, уверяя Джедефра, что такова воля богов и заветы высшей мудрости. Народ Та-Кем многочислен, трудолюбив, рабы должны быть непрерывно заняты самым тяжелым трудом, иначе толпы их разъярятся и возникнут бунты. Что может быть лучше постройки новой великой пирамиды! Народ будет все более убеждаться в ничтожестве своей земной жизни и обратит свои мысли к загробному существованию в счастливых полях Иалу. Благие властители сепов³ должны будут отдать для постройки пирамиды свои богатства, рабов и даже часть свободных людей — значит, у них не будет сил противиться фараону. А ему, живому богу, останется только требовать покорности себе и богам, возвышая храмы и жрецов, одаривая их золотом, рабами и скотом.

Великая пирамида прославит его на миллионы лет. А он построил ничтожную гробницу, роняя свое божественное достоинство. Это посеет пагубные сомнения в умах людей, которые могут перестать чтить жрецов и страшно сказать! — богов. И без того не только знатные, но даже простой народ начинает требовать себе лучшей жизни, здесь, сейчас, а не в стране ушедших.

Джедефра не сумел хорошо возразить великому ясновидцу. Он только сказал, что хочет искать других путей,

¹ Страна Куш — часть Нубии, на юг от Египта, выше по Нилу.

² Великий ясновидец — титул верховного жреца Ра.

³ Сепы — области или провинции.

подобных путям Джосера, но не знает, как это сделать.

Жрец, затаив злобную усмешку, объявил царю, что времена Джосера миновали безвозвратно. Теперь фараон должен идти другими путями и Джедефра не может отступить от них, иначе страну постигнут бедствия. Угроза, скрытая под внешней почтительностью верховного жреца, встревожила молодого фараона. Он, сам получивший власть из рук жрецов Ра, знал их могущество и знал истинную цену своему божественному достоинству, незывлемому только в глазах простого народа.

Он был одинок, занял трон владык Черной Земли силой жрецов Ра и мог опираться только на них. Но они направляли его по пути, не казавшемуся достойным ему, с детства воспитанному на преданиях о деятельности великих фараонов — потомков Хасехемуи, выходцев с юга, откуда была родом и его мать. И тут он вспомнил, что его отец, грозный Хуфу, не раз призывал жрецов древнего бога знания, письма и искусства — Тота и требовал от них открыть ему тайну храмов Тота, по преданиям, хранивших бесчисленные сокровища и тайные книги знаний. Хуфу, старавшийся добыть как можно больше сокровищ для постройки своей пирамиды, грозил жрецам Тота всевозможными карами, но ничего не добился. Жрецы объявили ему, что тайные замки Тота — не более как легенда, оставшаяся от очень древних времен, когда их бог был одним из главенствующих.

Джедефра решил обратиться к служителям Тота с надеждой на их знания. Жрецы бога, главенствовавшего во времена Джосера, должны были научить молодого фараона тайнам власти и созданию мощи и богатства.

И сейчас Джедефра ожидал главного жреца Тота, обещавшего явиться к фараону на закате солнца.

Джедефра отвернулся от окна, прошел по мягким коврам и опустился в легкое кресло из черного дерева.

Снизу, со двора, обнесенного высокой глинобитной стеной, донеслось негромкое бряцание оружия. Стукнул медный щит, и в тишине поплыл протяжный, звенящий звук.

Внезапно и бесшумно в комнате появился крепкий, коренастый человек с блестящим бритым черепом. Он был в простой набедренной повязке, но переброшенная через левое плечо леопардовая шкура означала сан главного жреца. Жрец не распростерся на полу, а только склонился перед Джедефра, согнув локти у пола, и бри

ни фараона недовольно поднялись. Пришедший выпрямился как ни в чем не бывало и, осторожно ступая, приблизился к фараону. Джедефра пристально всматривался в его лицо — тяжелый лоб, резкий выступ крупного носа, недобрый прищур смелых глаз.

Он звал меня, великий царь, анх уда снеб (жизнь, здоровье, сила¹), — сказал жрец, избегая назвать имя фараона и обращаясь к нему только в третьем лице.

Ты великий начальник мастеров Носатого?² — спросил фараон. — Ты вовсе еще не стар. — Тень недоверия скользнула в словах Джедефра.

— Всего два года, как я назначен вместо ушедшего Джехути, мощный Бык Черной Земли, — ответил жрец.

Джедефра нетерпеливо нахмурился:

— Можешь избегать хорошей речи. Мы будем говорить как два жреца.

Жрец склонился в знак послушания.

Два года — это немного, — продолжал фараон. — Ведомы ли тебе тайны Тота?

Ведомы, Великий Дом, — спокойно ответил жрец.

Тогда слушай и потом скажешь мне все, что открыла тебе премудрость Носатого, — приказал фараон.

Огонек мелькнул в непроницаемых глазах жреца, точно искра, высеченная в черном кремне.

Джедефра говорил медленно, стараясь придать словам тяжесть и прочность бронзы.

Он хочет быть продолжателем великого Джосера. Страна обеднела, постройка великой пирамиды отняла прежние богатства. Повсюду недовольство, и только страх, оставшийся после царствования Хуфу, еще сдерживает гнев знатных людей и голод бедняков. Нужно дать богатства знати и хлеб земледельцам. Но в сокровищнице бога мало золота, каналы и плотины попорчены, так как оставались долго без ухода и починки. Презренные негры страны Нуб, согнутые прежде в покорности, теперь осмелели настолько, что разрушили Дом Снофру — стену в пятьдесят тысяч локтей длиной, воздвигнутую на южных границах Та-Кем. Теперь эта сильная крепость больше не угрожает неграм: они добывают золото не для Та-Кем, а для себя, у самой стены.

¹ Жизнь, здоровье, сила — обязательная приставка ко всякому упоминанию фараона.

² Носатый — фамильярное название бога Тота, изображавшегося с головой ибиса.

Чтобы найти дорогу истины, фараон хочет знать о других странах, окружающих Та-Кем, до самых пределов Великой Дуги. Какие сокровища можно добыть оттуда? Куда нужно послать верных и отважных людей? Если же, кроме жалких негров, на краю Великой Дуги обитают только духи... тогда нужно искать иные пути для поднятия могущества Та-Кем!

Джедефра замолчал и вопросительно посмотрел на жреца. Тот выждал несколько минут и заговорил:

— Одиннадцатая из сорока двух великих и тайных книг, называемых «Души Ра», содержит перечень местностей и учение о том, что они заключают в себе Писец ее — сам Тот¹. Но разве Великому Дому не известно завещание его предка Нетерхета-Джосера?

Жрец заметил удивление, мелькнувшее в лице Джедефра, и быстро спросил:

— Неужели верховный жрец Ра не сказал об этом?

Джедефра поднялся, лицо его стало грозным:

— Я хочу видеть завещание теперь же! Где скрыто оно? В его высоте?

— Да, на этой плоской горе, против Белой Стены, ответил жрец и заглянул в окно.— Ра вступает²,— продолжал он,— во время жатвы³ ночь хороша для пути

Жрец опустил глаза и, отойдя в угол комнаты, бесшумно и бесстрастно уселся на ковре.

По зову фараона молчаливые комнаты ожили.

Просторное судно с высоко поднятой кормой поплыло вверх по широкой реке. Джедефра расположился на троне из черного дерева под навесом, раскрашенным в желтую и синюю клетку, цвета царского покрывала. Четыре светлокожих гиганта ливийца, стоя наготове с луками и секирами, охраняли священную особу царя.

Плавание должно было занять весь вечер и часть ночи: от дворца фараона до столицы страны — города Белых Стен — было не меньше шестидесяти тысяч локтей.

Медленно проплывали мимо унылые берега — ровные крутые уступы плоскогорья западной пустыни, болотистые заросли восточного берега. Мертвые склоны долины казались низкими лишь невысокой, красной в лучах солнца

¹ Подлинный текст.

² Ра — имя бога солнца; в Древнем Царстве — верховное божество. Ра вступает (подразумевается — в западные края) — он садится.

³ Время жатвы, время наводнения, время посева — три основных времени года у египтян.

свещающегося солнца полоской. Между ней и рекой колыхалось обширное зеленое пространство густой болотной растительности. Кое-где поблескивали озерки воды. Группы высоких пальм трепетали темными перистыми кронами, чеканно выделяясь в золотистом небе.

Под ветром высокая трава сгибалась, словно серебряные волны широко катились по сплошным зарослям осок.

Стройные «дары реки» — папирусы стояли в самой воде, поднимая звездчатые метелки из узких листьев почти на два человеческих роста, а около них были разбросаны крупные яркие чаши голубых и белых лотосов.

Временами пальмы образовывали небольшие рощи: на кольчатых стволах виднелись низенькие, скученные домики, построенные из зеленовато-серого нильского ила. На плоских крышах некоторых домов расположились отдыхать семьи земледельцев. Кое-кто уже спал, завернувшись в мягкие циновки из папируса, другие еще доканчивали скудный ужин из стеблей того же папируса, политых касторовым маслом. При виде барки фараона люди проворно поворачивались к реке и утыкались лбами в глину крыши или в мягкую пыль вытопанной вокруг домов земли.

Солнце зашло, закат быстро мерк, ослабевший ветер стал прохладным. Фараон встал, нарушив молчание:

— Я сделался усталым, сердце мое следует дремоте! ¹

Джедефра удалился в каюту на корме в сопровождении хранителя сандалий. Кормчий потряс жезлом, и весла послушных гребцов стали опускаться в воду.

Жрец направился на плоский нос судна, низко нависший над водой, где стоял помощник кормчего с шестом, непрерывно измерявший глубину. До восхода луны необходимо было плыть с осторожностью. Река изобилвала мелями, часто менявшими свое место и неизвестными даже самому опытному кормчему.

В сумеречном воздухе быстро замелькали неясные мечущиеся тени — множество летучих мышей вылетело из своих дневных убежищ. Слева, из-за темной стены скалистого берега, медленно поднималась ущербная луна. Ее красные высокие рога первыми бросили дробящийся свет на гладь широкой реки ², черные полосы теней вонзились в освещенный край пустыни.

¹ Подлинный текст.

² В южных странах серп луны занимает горизонтальное положение.

Луна поднималась все выше, свет ее принимал все более яркий блеск серебра, и наполнявшая долину темнота быстро отступала к северу.

Жрец стоял на носу судна, глубоко задумавшись.

Он думал о том, что завещание Джосера не исполнилось. Могучий фараон, создавший единое и крепкое государство, вместе с могуществом заложил и другие семена, которые могут дать гибельные всходы. Старое глвенство бога наук, письма и искусства Тота уступило место богу солнца Ра, символу безграничной власти, отождествленной с личностью фараона.

Было понятно, почему жрецы Ра, давно оттеснявшие от фараона служителей Тота, скрывали завещание.

Совсем близко на песчаной отмели раздался громкий всплеск. Огромный эмсех — крокодил — показал в свете луны свою гребнистую спину, и расходящиеся перед его головой волны заблестели, разворачиваясь серебряным веером. Жрец оглянулся и с минуту провожал глазами священное животное. Потом вернулся к своим мыслям.

Новый фараон сам позвал жрецов Тота. Значит, ему не хочется править по указке жрецов Ра. Он пытается сам найти свой путь, ищет советника. Это разумно и хорошо; хорошо потому, что таким советником может стать он, верховный жрец Тота — Мен-Кау-Тот.

Тогда возродится былая слава и сила жрецов Тота, умножится их число и богатства... Настало время, ибо плохо стало в стране, обедневшей во время владычества Хуфу: новый фараон не знает, что делать, как стать настоящим владыкой. Недаром хранители божественной премудрости не должны открывать всего фараону, чтобы противопоставлять воле владыки мудрость вечного знания, обуздывать власть и силу...

Уже давно ушел помощник кормчего, судно шло быстрее, а жрец все еще размышлял в тишине.

Вдали послышался громкий лай собак. Изредка пронзительные вопли ослов прорезали ночной мрак — судно приближалось к Белой Стене, и по берегу реки тянулись дворцовые имения и сады храмов столицы.

Пробудившийся фараон появился на палубе и приказал войти в столицу тайно. Судно причалило к большой каменной площадке у храма сокола Гора¹, близ северной оконечности города.

¹ Гор — верховное древнее божество, изображавшееся в виде сокола. Произошло от родового тотема древних царей.

Джедефра сел в кресло-носилки, и дюжие негры быстро понесли фараона через сонную окраину. Кривые и темные пыльные улицы были ограждены ветхими глинобитными стенами сливавшихся друг с другом домов. Небольшая охрана фараона, пользуясь лунным светом, шла без факелов.

Дома по сторонам становились реже, улица расширялась. Внезапно перед глазами идущих открылся пологий подъем, усыпанный остроугольными камнями и испещренный черными пятнами теней. Справа слабо блестела река, а налево подъем переходил в плоскую возвышенность, за которой неясно обозначались размытые обрывы и бугры песков. Оттуда доносились хохот гиен и стонущие вопли шакалов. Перед обрывом, пересекая наискось возвышенность, резко выделялся огромный прямоугольник рубчатых белых стен. В центре прямоугольника поднималась на сотню локтей ступенчатая пирамида. Под луной ее белый цвет казался чистым и матовым, тени на уступах лежали рядами горизонтальных черных полос. С правой стороны пирамиды над стенами выступали крыши каких-то построек.

Под тяжелой поступью носильщиков хрустел песок, нанесенный ветром на плиты старой дороги, проложенной еще во время постройки. Пирамида приближалась, вырастая над окружающей местностью; уже можно было различить скошенные ребра ее уступов. У ближайшего, юго-восточного, угла стены несколько низких чахлах деревьев обозначали место входа. Под деревьями стояла низенькая мазанка сторожей.

Шествие приблизилось к стенам, сложенным из крупных кусков известняка. В четыре человеческих роста высотой, с выступами в виде вертикальных брусьев, стена производила впечатление несокрушимой прочности.

Из домика выскочили две темные фигуры и в страхе упали в пыль перед фараоном. Стройные белые полуколонны, похожие на связки крупных стеблей папируса, подпирали над входом плоскую плиту с насечкой в виде фестонов. Высокое дверное отверстие прижималось вплотную к левой колонне.

Зажгли факелы. При неровном вихрящемся свете Джедефра вошел в дверной проход следом за жрецом и телохранителями. Дальше начинался длинный коридор, обрамленный множеством столбов, в сечении имев-

ших форму длинных овалов. На закруглениях колонн были продольные валики в виде стеблей папируса. Между широкими стенообразными сторонами колонн царил глубокий мрак. В просветы, сделанные в кровле, лился косой лунный свет.

Коридор вывел пришедших на гладкий большой двор, обсаженный раскидистыми и корявыми сикоморами¹. На плитах двора лежал толстый слой нанесенного ветром песка. Огромная пирамида замыкала задний конец двора. Разбуженные шумом и светом факелов хищные птицы поднялись в воздух, издавая пронзительные клочущие крики. Глаза сов заблестели в темных впадинах крыш и стен, летучие мыши носились взад и вперед над двором.

Жрец, взявший на себя роль проводника, повернул направо, потом назад и через короткий проход провел фараона на второй, меньший двор храма Львиного Хвоста (Хеб-Сед), построенного в честь одноименного праздника тридцатилетия царствования великого фараона.

Двор был заполнен гробницами приближенных и родственников Джосера. Как сундуки со слабо выпуклыми крышками, стояли они в ряд на своих пьедесталах.

Четыре тонкие, как пальмовые стволы, колонны лепились на фасаде каждой гробницы.

Таинственно и мрачно стояли эти тяжелые, наглухо закрытые ящики с единственной узкой дверью посередине, сохраняя внутри весь жизненный обиход давно умерших любимцев фараона Джосера.

Храм Львиного Хвоста окончился. Новый узкий проход вывел пришельцев к восточной грани пирамиды. Справа за стеной колыхались ветром сикоморы. Еще дальше, за деревьями, вновь поднимались массивные белые колонны двух гробниц: дочери фараона — принцессы Инт-Ка-С и матери Джосера Нимаат-Хапи. На стене, совсем близко от угла пирамиды, лепились столбики, увенчанные массивными изваяниями коршунов с опущенными крыльями. На груди каждой птицы зияло большое круглое отверстие. Ветер, врываясь в эти отверстия, производил мелодичные низкие звуки, полные глубокой печали. Казалось, что самые стены гробниц вечно плачут о похороненных в них женщинах.

Джедефра изумился искусной выдумке прославлен

¹ Сикомора — фиговое дерево, смоковница.

ного строителя, ученого врача и первого советника великого Джосера — премудрого Имхотепа.

У подошвы пирамиды с северной стороны располагался храм самого Джосера. На шум оттуда вышло несколько почти обнаженных жрецов, поспешно и безмолвно отступивших в тьму боковых проходов.

Жрец повел фараона через короткие запутанные переходы и перегородки между черными, расписанными золотом и синью колоннами в глубь храма.

Незаметно они очутились далеко внутри пирамиды. Впереди чернел коридор, ведущий в камеру с саркофагом фараона. Жрец остановился перед плитой из красного гранита. На левой стене вырисовывался барельеф фараона с занесенной над головой палицей. Жрец быстро притронулся к палице.

Гранитная плита повернулась, встала ребром поперек прохода, под ней зачернела пустота. Вниз вели широкие ступени. Жрец быстро спустился, освещая путь фараону. Джедефра последовал за ним, осторожно поддерживаемый телохранителями, и очутился в просторной квадратной комнате, расположенной как раз под саркофагом Джосера и высеченной прямо в скале.

Джедефра приказал своим слугам удалиться обратно в коридор и, оставшись вдвоем с жрецом, огляделся.

Вся стена подземной комнаты была покрыта плитками зеленого фаянса, углубленными посередине и увеличивавшими отражение пламени факелов.

Выкрашенный в темно-синюю краску потолок, казалось, уходил высоко вверх, и написанные на нем золотом изображения как будто парили в ночном небе. Налево в стене была неглубокая ниша, впереди которой стояла известняковая статуя фараона Джосера.

Великий Нетерхет-Джосер сидел на своем простом троне, высоко подняв подбородок, прижав одну руку к груди, а другую свободно положив на колени. Голову обрамлял полосатый царский платок, высеченный грубыми деталями. Застывшее скуластое лицо фараона, с низким лбом, приплюснутым носом и выпяченным крупным ртом, было исполнено силы. Костлявые челюсти, сведенные напряжением, говорили о непреклонной воле. Большие, глубоко посаженные глаза были сделаны из черного полупрозрачного камня, зрачок из серебра, белки покрыты эмалью, а веки и брови обозначены черной медью.

Красные огоньки светильников мелькали в этих не-

обыкновенно живых глазах, придавая взгляду статуи злое и упорство. Окрашенные в темно-коричневый цвет лицо и руки резко выделялись на белом камне.

Два фараона Черной Земли встретились взглядами — два олицетворения всемогущей земной власти.

Со смутной тревогой Джедефра отвернулся и посмотрел в ту сторону, куда вечно обречены были смотреть неподвижные глаза Джосера. Там, в рамке из светлых фаянсовых плиток с изображениями сокола, высилась обнаженная и отполированная часть каменной стены, испещренная глубоко врезанными иероглифами, покрытыми зеленой краской — цветом, воскрешающим мертвое.

По сторонам стояли две тончайшие вазы древней работы с именем богини Маат¹, вырезанные из цельных кусков горного хрусталя. Рядом с вазами оба простенка охраняли две большие бронзовые статуи сокола Гора с головами, отлитыми из золота, и глазами из красного камня. Птицы, увенчанные сложными золотыми коронами, сидели совершенно симметрично, обратив друг к другу хищные загнутые клювы. Сходство статуй с живой натурой было так велико, что невозможно было не верить в действительность существования таких громадных соколов. Полированные выпуклые глаза блестели пронзительно и надменно.

Джедефра глухо сказал жрецу:

— Надпись сделана священным письмом, тебе знакомым. Читай!

Жрец свободно разбирал особый, секретный шрифт, которым иногда делались надписи, составлявшие тайну для непосвященных. Он быстро и громко начал чтение. В душной темноте подземелья, под глухое потрескивание светильников звучали отрывистые, иногда щелкающие звуки языка Та-Кем, выражавшие последнюю волю умершего более ста лет назад Джосера.

— «...Я был в моем дворце в великом беспокойстве, читал жрец, — ибо река не поднималась семь лет и страна находилась в величайшей нужде. Тогда я собрался с сердцем и спросил премудрого Имхотепа, где находится родина Хапи² и какой бог там правит. Имхотеп ответил: «Мне необходимо обратиться к богу. Я должен пойти в хранилище Тота и справиться в «Душах Ра». Он

¹ М а а т — «видящая», богиня истины.

² Х а п и — так называли египтяне Нил.

пошел и вскоре вернулся и рассказал мне о поднятии реки и о всех вещах, с этим связанных: он открыл мне мудеса, к которым не был еще указан путь никому из царей и значала...»¹

Жрец сделал паузу. Фараон быстро спросил:

— Разве Нетерхет-Джосер не ходил по прекрасным путям, по которым ходят достойные? Почему мудрец открыл ему тайны только в большой беде?

Взгляд жреца стал тяжелым и пристальным, он погрузил его, словно копье, в глаза Джедефра.

— Великое знание,— медленно заговорил он,— опасно, если открыто для не умеющих держать сердце свое. И мудрец, если царь не пойдет по дороге бога, может много исправить...

Джедефра шумно вздохнул, загораясь гневом.

Жрец поспешно закончил:

— Великий Имхотеп открыл царю тайны в час бедствия. Раньше в этом не было нужды...

Джедефра сдержал себя и знаком велел жрецу читать дальше.

Голос жреца развертывал перед фараоном волшебные дали неведомых стран. Джедефра узнал, что жизнь его страны — могучая река Хапи — вовсе не вытекает из двух источников на краю Великой Дуги. Далеко на юге она берет свое начало в беспредельных болотах, а из гор таинственного Та-Нутер течет вторая река прозрачно-голубой воды², которая вливается в Хапи выше последней шестой ступени. Дожди необычайной силы льют в стране Пунт все время наводнения, и голубая река дает тот подъем воды на двенадцать локтей, от которого зависит жизнь его страны. Если воды поднимаются на два локтя ниже — страна Та-Кем обрекается на голод.

Шесть огромных каменных ступеней-порогов ведут к месту слияния обеих рек; первый — у границ Кемт, на острове Неб.

И еще узнал фараон Джедефра, что мир велик и населен множеством народов. За песками восточных пустынь, между двумя могучими реками, живет оседлый и многочисленный народ, не уступающий в познаниях народу Та-Кем³. Позади Та-Кем, на Великом Зеленом море, есть большая страна с многочисленным населением.

¹ Подлинная надпись в переводе академика Б. А. Тураева.

² Голубой Нил.

³ Шумеро — вавилонская культура в Двуречье.

нием Там есть города с величественными постройками¹. Единственные обитатели этих городов покрывают стены непонятными письменами, создают искусные изображения зверей и людей.

— «Нетерхет-Джосер говорит для своих потомков, повелевая им помнить об этом. В трудный час Черной Земли можно повернуть силы Кемт на покорение стран и народы их отдадут свои богатства.

Тяжелы пути по земле — только Великая Дуга, искорясь смелым сердцам, пронесит людей на необъятные расстояния и соединяет их между собою. В покорении Великой Дуги — будущее счастье земли Кемт, в полнине всей необъятности мира — ее мудрость, в хорошем и многочисленном флоте — сила. Строй суда, способные бороться с морем, как то открыто мне премудростью Имхотепа...

Укрепи свое сердце и следуй по этому истинному пути...»

В подземелье становилось душно. Мелькающие блики факелов, дробившиеся на тысячи светлых пятен в глазури изразцов, упорный жуткий взгляд статуи Джосера, пронзительные красные глаза золотых птиц, торжественно размеренный голос жреца, слова, падавшие как камни... Джедефра почувствовал, как воля его слабеет и он, владыка, становится мальчиком на берегу безбрежного моря, жадно раскрытыми глазами смотрящим в неведомую даль... Фараон знал о сэтэп-са, могучем гипнотическом воздействии, которое умели применять жрецы. Джедефра собрал волю и стукнул своим посохом в пол.

— Ты прочел мне все? — спросил он вздрогнувшего жреца.

— Да, все, Великий Дом, — поспешно ответил жрец. Горящие глаза его погасли, морщины усталости легли вокруг рта.

Бряцающая оружием, телохранители зашевелились у лестницы. Джедефра в последний раз осмотрел тайное подземелье и направился к выходу.

Прозрачное, сияющее утро заглядывало в просветы крыши храма Джосера. В просторе развернувшейся справа долины, у подножия сверкающей белой пирамиды, белая подземная комната показалась сном.

Джедефра благосклонно кивнул жрецу, остановившемуся в почтительной позе у входа в храм.

¹ Критская культура на острове Крит.

Я пошлю своего казначея на юг, в Пунт, и дальше, в Страну Духов, узнать край Великой Дуги... Доволен ли ты?

Жрец молча поклонился фараону.

Тогда ответь мне еще! Знаешь ли ты, где находится храм Тота, в котором хранятся тайные книги, планы и вещи из дальних стран?

Храм бога Тота, Великий Дом, в котором были планы и «Души Ра»,— это тайна Имхотепа...

Тебе неведомая? — резко спросил Джедефра, прощительно взглянув на жреца.

— Я только след на пыли от ног великого мудреца,— бесстрастно ответил жрец.

Фараон отвернулся, жестом подозвал рабов с носилками. Жрец проводил фараона через дворы храмов до выхода из наружной стены и остался, скрестив руки, в сверном проходе.

Неподвижный, подобно статуе, он следил, как слегка покачивались носилки Джедефра на дороге к городу Белой Стены.

Двое юношей в одних набедренных повязках широко шагали по обе стороны носилок. Они несли на длинных шестах полукруглые опахала.

Юноши держали их так, что голова фараона всегда находилась в тени.

Золотые основания опахал, ручки носилок, отделка сидений фараона, полированная медь оружия телохранителей сверкали на открытом склоне в ярком солнце.

Шестые скрылось за первыми домиками, и жрец пошел обратно в храм Джосера, согбенный, в раздумье.

Жрецы храма окружили его, и самый старший почтительно приблизился.

— Ты хочешь знать, почему я открыл тайную комнату фараону? — спросил жрец, не дожидаясь вопроса старика.

— Именно так, мудрый Мен-Кау-Тот!

— Для подчинения нам фараона, для возвеличения нас, слугителей Тота! — громко сказал жрец, названный Мен-Кау-Тотом. — Все больше уходят от власти слугители Тота, — продолжал Мен-Кау-Тот. — Его величество, жизнь, здоровье, сила, — молод. Совет отца мудрости Имхотепа — ибо кто, как не он, говорит через Джосера! — поможет ему идти праведно, так, как это считаем мы. А может быть, и не будет так. Жрецы Ра

давно помышляют о господстве бога солнца в стране Кемт. Давно боремся мы с ними за власть и богатство, за почет нашим богам, какой был в древние времена Нармера¹. То ведомо тебе...

— Слушаю и запираю рот свой,— тихо ответил старый жрец.— Ты мудр, как и надлежит быть великому начальнику мастеров...

В это время утомленный фараон, покачиваясь на носилках, тоже размышлял о виденном. Огромная надпись с завещанием Джосера неотступно стояла перед его глазами.

«Я построю много судов,— размышлял Джедефра,— по сто локтей в длину. Для Черной Земли близкими станут Зеленое море и страны Иаа² за Лазурными Водами... Трус тот, кто прогнан со своей границы,— я согну трусов, разобью бродячие народы и заставлю работать для Черной Земли...»

Приветственные клики помешали фараону размышлять дальше. Над воротами большого дворца трепетили флаги на высоких шестах. Красная корона над входом обозначала, что это северные ворота.

Фараон удалился на омовение и отдых, приказав позвать к себе чати — главу над всеми царскими работами (то есть главного строителя и первого сановника) — и одного из двух «казначеев бога», заведовавших сокровищницей Верхней и Нижней Кемт.

Когда Джедефра вошел в тронный зал, оба вельможи уже ждали своего владыку. По знаку фараона первым приблизился казначей бога Баурджед. Это был совсем еще молодой человек. Его гладкая бронзовая кожа оттенялась простым белым передником. Пестрый воротник обнимал шею и плечи. Широкое лицо с горбатым носом и твердым ртом, обрамленное витыми прядями короткого парика, дышало энергией.

Баурджед упал к ногам фараона. Джедефра оказал ему особую милость, разрешив поцеловать свою ногу вместо праха у ног царя, как это следовало по обычаю. Затем, по воле Джедефра, Баурджед приподнялся и остался коленапреклоненным у подножия трона.

¹ Нармер, или Менес, иначе Аха (3400 г. до н. э.) — первый фараон, объединивший под своей властью обе страны — Верхний и Нижний Египет. Считается основателем династий фараонов.

² Иаа — страна за Красным морем, часть Синайского полуострова.

Ты посетил чужие страны, ты перешел пространства, — начал фараон. — Мое величество довольно в своем сердце: ты привез с Зеленого моря двадцать кораблей с кедром для храмов и дворцов, ты был у озер Змея¹ и врат Юга. Теперь надлежит тебе следовать в Пунт и быть оком фараона в этой неведомой нам стране духов. Из Пунта надлежит тебе проникнуть еще дальше на юг, до пределов земли на берегах Великой Дуги. — Джедефра умолк, выжидательно глядя на Баурджеда.

Тот вздрогнул, приподняв голову, мускулы его напряглись, и лицо приняло желтоватый оттенок. Но почти мгновенно молодой человек справился с собой и бесстрашно поник головой.

Какой избрать путь для следования, — продолжал фараон, — предоставляем тебе: плыть Лазурными Водами или же идти через страны Вават и Иэртет², вверх через ступени Хапи. Спроси совета у мудрого Мен-Кау-Тота... Через два дня придешь ко мне, и я дам тебе ту силу, какая потребуется.

Джедефра замолчал и велел приблизиться чати — главному строителю.

Баурджед поспешно вышел из зала. Приказ фараона встал его врасплох, он никак не мог ожидать такого поручения. Неведомый путь в безмерную даль, в пугающую Страну Духов... Что может быть страшнее для сына Кемт, чем возможность погибнуть на чужбине, без погребения по магическим обрядам, обеспечивающим душе вечность!

Оглушенный и растерянный, Баурджед прислонился к деревянной колонне и долго стоял, пока не овладел собою.

Джедефра и чати долго беседовали в опустевшем зале. Фараон, удалив всех присутствующих, немедленно приказал главе работ сесть рядом с собою, без всякого этикета. Чати, тучный и низкорослый, выпячивая круглые глаза, снял парик, обнажив лысое плоское темя.

Наступил вечер. Фараон повел своего приближенного в покои и продолжал беседу за ужином.

Джедефра хотел что-нибудь сделать для расширения пришедшей в упадок оросительной системы, Завещание великого Джосера неотступно стояло перед ним, указы-

¹ Озера Змея — озера на Суэцком перешейке.

² Вават и Иэртет — части современной Нубии на отрезке долины Нила между Асуаном и Хартуном.

вая путь к великой славе. Его отец Хуфу построил величайшую пирамиду, а память его проклинает множество людей, ненависть реет над его могилой — нет, это не слава! Молодой фараон понимал, что ему не придумать лучше сказанного в завещании, где опыт выдающегося правителя Черной Земли соединился с мудростью Имхотепа.

Джедефра чувствовал, что нужно торопиться. Причина неопределенной тревоги, оставшейся после разговора с великим ясновидцем, теперь стала яснее для фараона. Он начинал понимать борьбу разных сил за власть и богатство, происходившую в государстве, борьбу, в которой жрецы, объединяясь с частью знатных людей, играли главную роль. Если он хочет повернуть к былым временам Джосера, то его поддержат богатые владельцы земель в септах — провинциях — и жрецы Тота. Но тогда он пойдет наперекор намерениям жрецов Ра, поставивших его у власти. Могущество Ра ему хорошо известно, и с ними ведь вся знать столицы, армия чиновников и еще одна сила — жрецы Пта. Опасно вступить в эту борьбу. Нужно до времени скрывать свои намерения...

Чати, осторожный и хитрый вельможа, не противоречил фараону, но старался охладить молодого владыку, указывая на неисчислимые трудности возобновления строительных работ в провинциях, когда все рабочие государства оказались сосредоточенными в области столицы, а окраины обеднели, и сокровищница бога уже не может собрать нужных средств...

В то время как Джедефра совещался с чати, Баурджед в тоске одиноко сидел на берегу реки, не смея вернуться домой. Ему не могло прийти в голову попытаться изменить приказ фараона, это веление живого бога. Ключистинный сын Черной Земли, молодой казначей только свою страну мыслил местом своей жизни и смерти. Да что посылают ему боги такое тяжкое испытание?

За спиной Баурджеда послышался шорох.

Казначей обернулся и увидел старшего кормчего своего корабля. Он вспомнил, что еще вчера послал ему приказание прийти. Уахенеб почтительно склонился перед Баурджедом:

— Я помешал тебе в размышлении, господин... Весник передал мне твое повеление...

— Нет, хорошо, что ты пришел, Уахенеб! Ты будешь нужен мне... Его величество, жизнь, здоровье, сила, ин-

хотел мне идти вверх, в Страну Духов, пока не достигну края земли, и не возвращаться в Та-Кем, не проникнув на юг, до самой Великой Дуги...

Кормчий, при упоминании фараона склонившийся еще ниже, отшатнулся.

Я беру тебя и других, ходивших со мной на Зеленом море, опытных в путешествиях,— продолжал Баурджед, пристально вглядываясь в лицо кормчего с неосознанным желанием найти в нем выражение растерянности и ужаса. Но кормчий оправился, и его суровое лицо не отразило желанного Баурджеду страха.— Что же ты молчишь, Уахенеб? — недовольно спросил молодой казначей.— Разве тебя не страшит гибель там, так далеко от Черной Земли?

— Страшно остаться без погребения далеко от гробниц предков,— тихо сказал суровый кормчий.— Я маленький, сын простого человека, и мое дело повиноваться. Но я знаю — давно живет в народе мечта о богатом Пуште, стране, где никто не согнут страхом и голодом, где широка земля и множество деревьев со сладкими плодами... Нет больше страха, как погибнуть в дороге, но не будет и большей славы в веках, если проложить туда пути для сынов Черной Земли...— Уахенеб оборвал речь, сверкнувшие было глаза его потухли.

— Хорошо,— сказал удивленный Баурджед.— Ты храбр и закален в странствиях... Я призывал тебя для другого дела, еще не зная воли Великого Дома. Можешь идти в дом свой, я опять позову тебя, когда будет нужно.

Молодой казначей проводил взглядом уходившего кормчего. Разговор с суровым Уахенебом как будто облегчил его душу. Может быть, Баурджед почувствовал себя менее одиноким, вспомнив, что сотни верных людей будут служить ему в пути. Может быть, выполнение воли фараона стало казаться не столь безнадежным.

И еще смутная досада на самого себя придала твердости Баурджеду. Казначей сознавал, что он, знатный и могущественный вельможа, оказался в чем-то слабее своего кормчего — простого человека, встретившего страшный приказ с подобающим воину мужеством и спокойствием.

Несколько успокоившись, молодой казначей медленно направился к дому. Но бурное отчаяние его юной жены снова повергло Баурджеда в смятение. Он не смог скрыть от нее страшную правду...

После слез и иступленных воплей, после нежной мольбы молодая женщина бросилась в храмы, обратившись к помощи богов.

Вместе с Баурджедом она склонялась в полутемных святилищах перед звероголовыми изображениями тех, кто должен был спасти Баурджеда от судьбы, изменившей ее, и дать другое направление мыслям фараона.

Страшные, выкрашенные в черный и темно-красный цвета статуи богов-зверей сидели перед молодой четой и пугающей неподвижности. И оба невольно вздыхали с облегчением, выходя на солнечный свет из храма, в котором оба чувствовали себя одинокими, придавленными и отвергнутыми, несмотря на льстивые уверения жрецов.

Тоска, снедавшая молодого казначея, только усилилась, когда поздно вечером они с женой вернулись в свой богатый и уютный дом. И Баурджед снова ощутил бы недовольство собой, если бы мог узнать, что делалось в это время в домике Уахенеба, стоявшем у самого берега, на нижней окраине города. Когда явившийся домой кормчий рассказал жене о плавании, предстоящем ему, та испугалась, но быстро овладела собою. Еще крепким сорокалетняя женщина, вырастившая троих детей, она привыкла к невзгодам жизни без Уахенеба, так часто отлучавшегося в свои плавания. Тут было иное: страшная угроза нависла над небогатым, но благополучным существованием всей семьи. И все же жена Уахенеба старалась не показать мужу своей жестокой тревоги, зная, что он ничем не сможет помочь ни ей, ни себе.

Уложив мужа отдохнуть, она принялась стряпать; достала пива, созвала друзей. И в этот вечер на маленьком дворе Уахенеба долго не смолкал шум возбужденных разговоров, воспоминаний о перенесенных опасностях, бодрящих напевов, что помогают жить морякам, земледельцам и водителям караванов через безотрадные, мертвые пустыни...

Отчаяние, слезы и мольбы перед богами не помогли: в назначенный срок Баурджед предстал перед фараоном. Долгая беседа со жрецом Тота Мен-Кау-Тотом ободрила молодого человека. После наставлений жреца Баурджед получил надежду на возвращение, хотя в доме его оплакивали, как идущего на верную гибель.

— Я повелел казначею севера освободить тебя от работ, — сказал Джедефра.

Баурджед ничего не ответил.

Какой же путь ты избрал? — продолжал фараон.

— Я думал идти вверх, — ответил Баурджед, — но мудрый Мен-Кау-Тот отсоветовал мне. Я поплыву Лазурными Водами — так будет скорее...

Джедефра удовлетворенно наклонил голову.

— Я прикажу рабам умастить тебя. Пошли в гавань Суу¹ мой приказ впереди себя, чтобы лучшие суда прибыли туда от озер Змея и стояли в готовности. Возьми лучших воинов, рабов, опытных в плавании, оружия, продовольствия и сокровищ, сколько понадобится. И не медли с отправлением — путь невообразимо далек, ни один из сынов Черной Земли не дерзал еще совершить его... А я хочу, чтобы ты вернулся быстрее. Весть об открытии пути в землю богов ободрит голодных, богатства, которые ты привезешь, успокоят вожделения знатных. До пределов мира достигнет власть Черной Земли, и польются богатства в нее потоком, подобным Хапи. Богатства, взятые из чужой страны, скорее приведут Та-Кем к новой силе, чем долгая постройка каналов и плотин. Вот почему на тебя большая надежда. Будь смел, как подобает сыну Та-Кем и твоему высокому назначению. И обнимешь ты детей своих, успокоишься в гробнице своей². А я позабочусь, чтобы гробница была достойна тебя! — Неподвижное лицо фараона осветилось благосклонной улыбкой.

Баурджед, припав к ногам владыки, благодарил Джедефра и удостоился новых знаков милости.

Большая толпа собралась у истертых ступеней, сходящих к реке против главной торговой площади. Три больших грузовых судна медленно выплыли на середину реки. Борясь с течением, гребцы ударяли по воде, и легкие брызги искрились на солнце вокруг мерно качавшихся желтых весел.

Все стоявшие у пристани отдельными кучками: садовники и жрецы, воины, густо усеявшие площадь и берег толпы простого народа и только что закончившие погрузку рабы — все были по-разному взволнованы отправлением невиданной экспедиции. Многоголосый шум толпы то стихал, то снова усиливался, заставляя недобольно хмуриться группу вельмож и жрецов, стоявших у северного края причала.

¹ Гавань Суу — ныне Коссейр на Красном море.

² Обычная древнеегипетская формула благополучия.

Многие смотрели на отъезжающих с тревогой и сожалением, как бы не сомневаясь в неизбежной гибели храбрых. Другие оживленно переговаривались, высказывая смелые надежды. Нашлись и такие, которые завидовали отправляющимся и хотели бы быть в их числе. Их было больше всего среди бедных ремесленников и садоводов столицы, в особенности молодых, еще не смирившихся с однообразием своего тяжелого ежедневного труда.

За судами, уходящими из пределов страны, молчаливо и грустно следили рабы, которым суждено было кончить здесь свои дни в унижении и плену.

Не раз слишком отважные возгласы, раздававшиеся в толпе, заставляли людей испуганно оглядываться назад. Там, вдали, на балконе дворца, подпертом высокими столбами, невидимый в глубокой тени навеса, присутствовал сам живой бог, фараон, даже имя которого не смел произнести житель Кемт...

На каждой мачте, составленной из двух высоких, сходящихся кверху стволов, поднялись огромные квадратные паруса. Мастер паруса, большой Нехси, сидевший высоко на корме, потянул за веревки — широкая рея повернулась, и парус надулся. Кормщики-негры навалились на рулевые весла, привязанные по два с каждой стороны высокой кормы. Суда стали быстро удаляться от города Белых Стен.

Баурджед с кормы головного судна жадно вглядывался в берег. Городские постройки медленно принимали туманные, нерезкие очертания.

Уже около часа шли суда вверх по реке, а все еще позади, на левом берегу, можно было различить далекую зелень пальм и над нею едва заметную белую полоску. Но вот долина повернула прямо на юг, красноватые обрывистые скалы выдвинулись справа и закрыли отдаленный низкий берег...

День за днем плыли суда мимо сел и городов. Ничто не нарушало дробного покоя безлюдных болот, дремавших в жарком солнце. Северный ветер — друг Черной Земли — дул почти непрерывно, ослабевая лишь к рассвету, и днем снова возобновлял свою благодатную деятельность.

До зимней прохлады было еще далеко, и птицы скоплялись на реке в таком несметном количестве, как во время наводнения.

Великолепные цапли поднимали вверх свои гибкие

и смотрели на проходившие суда зоркими, ясными глазами. Священные птицы Тота¹ иногда проносились над судами к радости всех, веривших, что их тяжелый, уловистый полет сулит удачу и доброе напутствие. Временами встречные суда сообщали новости из провинции Юба, и надрывные голоса разносились по реке, пока не затонули вдали. Десять из сорока двух сепов провинций обеих стран² — уже были пройдены Баурджедом на пути от столицы государства.

Выше по реке долина снова расширялась, отклоняясь на восток, — начиналась провинция Антилоп. С древних времен здесь среди домашнего скота преобладали антилопы разных пород.

Суда проходили близко от каменоломен, в которых гудило множество рабов. У самой воды люди пилили камни, превращая грубо обтесанные глыбы в гладкие, правильные плиты и брусья.

Длинные медные пилы сверкали на солнце, с визгом и скрежетом врезаясь в камень при помощи беспрерывно подсыпаемого мокрого песка. Черные и бронзовые тела голых рабов блестели от пота.

Одного раба били палками, растянув во всю длину на горячем прибрежном песке.

Спутники Баурджеда равнодушно смотрели на привычное зрелище: раб, военнопленный, назывался в стране Кемт «живой убитый» — между ним и настоящими людьми лежала тень смерти, не дававшая ему того права на жизнь, которым обладали роме, истинные сыны Черной Земли.

Суда экспедиции повернули к левому берегу, в тихую воду, пересеченную длинными выступами зарослей тростников и папируса. Вода реки уже стала прозрачной, папирусы качали свои опахала, туманно отражаясь на ее желтоватой поверхности. Внезапно из-за изгиба колеблющейся зеленой стены показались две лодки из святок стеблей папируса, с изогнутыми, как гусиные шеи, кормами и длинными носами. На той, что была ближе к судам, величественный бородатый мужчина с копьём в руке всматривался в чашу зарослей.

Во второй лодке стройный юноша держал наготове

¹ Священные птицы Тота — ибисы.

² Первоначальное отдельное существование Верхнего и Нижнего Египта очень долго отражалось в государственных названиях.

круто изогнутый лук, а старый нубиец стоял на коленях на корме, уперев длинный шест в дно реки.

Мужчина, повернув лицо, стал вглядываться в суды, и Баурджед узнал Сенноджема — самого начальника Аитилопьего сепы.

Лодки быстро подошли к судам. В это время с противоположного берега послышались крики. Там, где работали рабы, пилившие камни, забегали надсмотрщики в длинных пестрых одеяниях, с посохами в руках. Накидываемый палками человек вырвался из крепких рук своих мучителей и мгновенно бросился в реку. Он был, по-видимому, незаурядным пловцом — так легко и быстро рассекал он спокойную желтую гладь реки, лежа на боку, щекой к воде. Крокодилы не появлялись — они или не заметили еще пловца, или их было мало в этой области. Пловец быстро достиг середины реки и приблизился уже к левому берегу. Он плыл близко от судов, и Баурджед мог хорошо разглядеть беглеца. Это был ливиец светлокожий, с большими синими глазами юноша, красивый той очаровательной, задумчивой, почти девичьей красотой, которая свойственна ливийцам в юном возрасте.

Обе лодки, стоявшие рядом, оказались между бегльцом и берегом. Юноша, видимо сын Сенноджема, быстро натянул лук, и стрела, пущенная меткой и безжалостной рукой, глубоко вонзилась в бок ливийцу. Беглец слабо вскрикнул, обратив побелевшее лицо с огромными, широко раскрытыми глазами к лодкам. Несколько судорожных движений — и красивый раб скрылся под водой.

Сын начальника провинции улыбнулся и гордо вскинул голову, но отец, недовольно нахмурившись, обратился к нему с упреком:

— Напрасно ты сделал это! Наша земля и наши постройки требуют много рабочих рук. Это не мудро, и не годится для мужчины такая горячность.

— Достойный отец, ведь опоздай я с выстрелом, и раб уже скрылся бы в тростниках, — попытался оправдаться сын.

Сенноджем спрятал в бороде суровую усмешку:

— Мальчик, ты не знаешь, что из нашей страны некуда убежать. Страшные песчаные горы хранят границу на западе — этот безумец не прожил бы и дня в пламени зное. Наши воды стерегут крокодилы, заросли гиены и львы. Не прошло бы двух дней, как беглец бы

погиб или же, что вернее, приполз бы обратно в плен, согнутый страхом и голодом.

Юноша виновато потупился, но отец продолжал:

— Ты ошибся, но это урок. А сейчас не будь печален и идем встречать знатного сановника — казначея самого Гора, фараона...

И начальник сепы первым взобрался на судно Баурджеда, подхваченный десятками раболепных рук.

Баурджед остановился на один день для отдыха в доме Сенноджема, окруженном чудесными садами.

Путь по родной стране был уже недолог — всего пять дней плавания оставалось до столицы древних царей Та-Кем. Там долина реки описывала крутую дугу и шла прямо на восток на протяжении трехсот тысяч локтей. Дивотворный Хапи глубоко врезался в пустыню, отделявшую Лазурные Воды от Черной Земли. От середины этой извилины до моря было не более четырехсот тысяч локтей, и здесь пролегал единственный путь к Лазурным Водам и дальше — в древние медные рудники на северо-востоке, в стране Ретену.

Этой дорогой ходили очень редко, раз в десятки лет, только большими военными караванами. Трудности пути через пустыню были очень велики.

Только самая неотложная необходимость заставляла сынов Та-Кем идти в этот раскаленный ад. Даже великому Джосеру не удалась попытка вырыть колодцы на страшном пути, хотя на этих работах погибло много людей.

Последние приготовления заняли четыре дня. Грузовой караван из трехсот ослов, навьюченных большей частью мехами с водой, уже отправился вперед. Выступление главного отряда с самим Баурджедом было назначено на середину ночи.

Вечерний свет, прозрачный и мягкий, ложился на благословенную землю Кемт. Баурджед, отослав всех, вышел один на плоский берег. Ветер утих, селения противоположного берега казались совсем близкими — так спокойна была река.

Свободные земледельцы группами и в одиночку спешили к своим домикам, под сень сикомор и пальм. Рабы, в сопровождении надсмотрщиков, толпой шли в свой поселок, скрытый высокой оградой. На невысоком холме, в зелени виноградников, сновали люди, доносились смех и заунывное пение. Обнаженные рабы несли в пле-

тенках, раскачивавшихся на длинных палках, высокие, только что запечатанные кувшины с вином.

Вдали закружилась розовеющая пыль, расступилась, в ней замелькали гладкие желто-серые бока и спины, выдвинулись длиннейшие рога: пастухи гнали стадо больших антилоп — ориксов¹. Два пастуха позади несли на коромыслах в корзинах маленьких новорожденных антилоп; их матери доверчиво шли рядом и косились черными влажными глазами на медленно переступавших людей.

Мальчики загоняли в ограды птичьих дворов стада журавлей, которых они пасли на берегу реки.

Со смехом и шутками охотники вели на веревках крупных хойте (гиен). Серые с острыми ушами пятнистые собаки в широких ошейниках бежали впереди.

Несколько лодок плыло через реку на правый берег. В них переправляли с пастбищ антилоп и коз. Животные спокойно лежали на дне лодок.

Мирное оживление вечера только растравляло тоску Баурджеда. Он знал, что видит свою родную страну в последний раз перед неведомо долгим, опасным путем туда, где не ступала еще нога жителя Кемт. В страши, населенные невиданными людьми и зверями... Неслыханно повеление фараона, но он обязан выполнить его. Умереть или жить, но идти вдаль, на юг. Нет другого пути, и нет сейчас у него другой жизни...

На обнаженную спину Баурджеда повеяло жаром. Он обернулся, и взор его, только что отдохавший на зрелище возделанных садов и полей, перенесся на красные скалистые обрывы, изборожденные черными промоинами и трещинами. Две красные стены расходились к реке, образуя подобие широких ворот, а вдаль, на восток, шел как бы коридор из голых, бесплодных скал, исчезающий в мутном дрожании раскаленного воздуха. Ни одного звука не доносилось оттуда, ни одно деревце не оживляло крутых обрывов, окаймленных у подножия холмами крупного щебня и гладкими волнами песка. Через несколько часов Баурджед со своим караваном скростся в этой раскаленной долине, пересекающей горы восточной пустыни...

Звонкая отрывистая песня пронеслась над рекой, но слышались всплеск и возня. Молодежь вышла купаться к реке, пользуясь последними лучами солнца.

¹ Антилопы, журавли, гиены приручались в Древнем Египте.

Баурджед снова повернул к реке и увидел почти бесчисленно стоявших поодаль чиновников своей экспедиции. Они явились с докладами, но не смели нарушать разумия начальника. Баурджед глубоко вдохнул прохладный живительный воздух и медленно направился к своим подчиненным...

Последний глоток воды из любимой могучей реки. Не из богатой, разукрашенной чаши — нет, подобно простому земледельцу, погрузив колени во влажный речной песок, низко склонившись над серебриющимися маленькими волнами.

Как призраки, как уже отошедшие в страну запада, молча двигались люди в ярком свете луны. Мрачные скалистые стены — разверзнутая пасть неведомого — прижали их, сошлись позади, сомкнулись, отделив от радостных садов Та-Кем. Родная земля отвернулась от путешника, прошлое скрылось вдаль, будущее было неведомым, осталось одно настоящее — тяжелый, далекий путь. На нем высокие скалы дышали гневным жаром, их изрытые знойными ветрами склоны надвигались, как грозные духи пустыни, песчаные бугры шелестели, дымясь мельчайшим багровым песком, веявшим смертью над опущенными головами идущих...

Два жреца неторопливо шли по внутреннему двору храма Ра. Солнце слепило, отражаясь от стен и прямоугольных столбов белоснежного известняка. Оба жреца, как по команде, быстро оглянулись и свернули направо, к высокому портик.

В тени, под толстыми плитами камня, тяжело давившими на верхушки колонн, сразу повеяло прохладой. Дальше, в глубь храма, полумрак все более сгущался, и жрецы, ослепленные переходом от сверкающего снаружи дня к темноте храма, пошли осторожней, протягивая вперед руки. Они остановились у черного отверстия невысокого входа.

— Это ты, Каамесес, и ты, Хориахути? — Мощный голос, раздавшийся из мрака, заставил вздрогнуть обоих жрецов.

— Да, это мы, великий ясновидец, сердце и язык бога на земле! — дружно откликнулись названные.

— Войдите, произнеся магические слова для очищения глаз и сердца!

Жрецы, бормоча заклинания, вступили в темный про-

ход. Впереди горел маленький светильник, и его огнем показал вошедшим направление. Едва только жрецы приблизились со светильником, он мгновенно угас, а впереди и слева вспыхнул другой.

Пришедшие достигли тяжелой кожаной завесы. Тут второй светильник тоже угас, и они остановились во мраке.

Жрец постарше громко произнес священную формулу отражения зла¹. Прежний голос снова разрешил им идти. За занавесом находилась небольшая квадратная комната, в самой толще массивных стен храма. Мягкие шкуры на полу заглушали шаги.

У задней стены на роскошном кресле из черного дерева восседал великий ясновидец — верховный жрец бога Ра. Девять золотых светильников на высоких подставках давали достаточно света, чтобы разглядеть властное лицо сидевшего и острый блеск его жестких, спокойных глаз. Оба пришельца упали на колени перед креслом верховного жреца. Тот указал им на львиную шкуру перед собой.

— Не нужно почестей, мы одни. Садитесь и говорите просто, не тая дурных вестей. И не бойтесь ничего, я давно знаю вас.

Жрецы переглянулись, и старший из них заговорил.

— Позволь сначала мне довести до твоего сведения. Потом Хориахути расскажет тебе вести с Юга. Он только что прибыл из Шмуна — города восьми богов².

Верховный жрец Ра молча кивнул головой.

— Его величество, жизнь, здоровье, сила, — продолжал старший жрец, — как то ведомо тебе, получил из гавани Суу весть о том, что казначей бога на семи кораблях благополучно отплыл, и затем более трех месяцев не было никаких вестей о кораблях. Из этого Великий Дом заключил, что путешествие началось хорошо, и Баурджед уже прошел далеко на юг. Тогда их величество дал сто колец золота храму Тота в Белой Стене, и древний храм Тота в Шмуне одарил землей, рабами и скотом. Начальник мастеров Мен-Кау-Тот часто бывает у фараона, ободряя его в новых мероприятиях. Два дня назад чати поехал на юг, чтобы осмотреть место рытья большого канала у пирамид Снофру. Вместе с ним по-

¹ Отражение зла, отражение крокодила — ритуальные молитвы.

² Ш м у н — современный Эшмун.

войско для князя Юга, который обещал Великому Дому поход в страну Нуб¹...

Жрец поклонился и замолчал.

Ты не сказал еще мне, что говорят в столице, как велика сила их речей.

Истинно сказано: «Враг для города — это говорящий...» — Жрец лицемерно потупился, заметив, как блестящие глаза великого ясновидца. — Много недовольных среди знатных людей. Все смелее говорят их языки в домах. Они недовольны тем, что начинается возвышение владык сепов, которым фараон раскрывает сокровищницу, посылает людей для войны и построек. Они боятся, что толпа маленьких людей разъярится, ибо народ начал мечтать теперь о стране Пунт, где все живут в довольстве, как издревле говорилось в сказках. Благочестие падает... Недавно военачальник Уахкарт осмелился сказать, что лучше завоевывать далекие страны, как то делал Снофру, чем строить пирамиды!

Верховный жрец Ра злобно схватился за свою бороду.

— Я был в Шмуне глазами начальника мастеров Пта², — робко заговорил младший жрец. — Начальник Антилопьяго сепса Сенноджем написал начальнику Юга. Сенноджем хорош для его подданных, он собирает отряды воинов, он хвалится своим величием, происходящим от древних царей — потомков Гора. Жрецы Тота возвышают его, они заключили союз с жрецами Хнума, обогащенными Хуфу и ныне злобствующими на жрецов Ра и Пта... Но главный враг наш — Мен-Кау-Тот. Он говорил начальнику мастеров Хнума, что скоро богатство трех главных храмов Ра перейдет храмам Хнума, и... и... прости меня, великий ясновидец!.. Что он, Мен-Кау-Тот, низведет тебя до простого жреца в захудалом храме Дельты!..

Верховный жрец внезапно встал:

— Ты понял правильно. Вот враг мой и ваш, дети мои! Но напрасно тщится он отобрать нашу славу и наше богатство — скоро познает он все величие бога Ра на дерзкой шее своей! Хвалю ваши глаза и уши, вы оба будете награждены и возвеличены в совете.

Джедефра заболел.

Целыми днями молодой фараон угрюмо лежал в верх-

¹ Нуб — по-древнеегипетски «золото», современная Нубия.

² Пта — один из восьми главных богов Египта.

ней компате своего загородного дворца, глядя в окна на широкую реку и свою маленькую пирамиду — будущую крепость в загробной вечности. Законченная постройкой, она едва возвышалась над пальмами окружающего сада... Уже более двух лет назад отправился Баурджед в неведомые дали Юга. С тех пор никаких вестей не было о судьбе посланных, да и не могло быть. Они или погибли, или еще странствуют там где-то, или возвращаются со славной добычей. Так медленно осуществляют великие дела... Постройка большого канала задерживалась по совету чати до возвращения войска из страны Пуп с золотом и другой добычей. Хорошо хоть то, что великий ясновидец перестал надоедать ему с постройкой большой пирамиды и храма Ра при ней. Сейчас, когда фараон болен и ослабел духом, ему трудно было бы противостоять настойчивости верховного жреца...

Фараон вздрогнул, когда, как бы в ответ на его мысли, в прорези двери показалась высокая фигура верховного жреца. Кряхтя, он распростерся перед фараоном.

— Его величество, жизнь, здоровье, сила, болен, кости его стали серебром, — ласково заговорил жрец. Большая вина на мне — давно я не был в городе, и не услышали мои старые уши зова божественной необходимости. Теперь прибыл я отразить болезнь, возродить силу бога!

И поднявшийся по приказу фараона жрец поведал Джедефре о страшной магической силе древнего обряда, записанного в тайной книге, известной только верховным жрецам Ра. Только в самых крайних случаях разрешилось применять этот обряд, разглашение тайны его карается немедленной смертью. Сейчас болезнь живого бога, конечно, позволяет применить великую силу обряда для немедленного излечения царя. Только выполнить его нужно в полной тайне, ночью, в уединенном месте, в присутствии самого великого ясновидца и трех главных и доверенных жрецов. Найдет ли его величество силы, чтобы сегодня же ночью тайно удалиться из города? Обряд можно сделать поблизости, в пирамиде самого Джедефра. Постройка ее только что окончена, и там нет никого, кроме садовников, которые будут ночью мирно спать. Если живой бог ослабел, жрецы понесут его. Только ему нужно спуститься одному, не привлекая ничьего внимания, в сад, к боковой двери в ограде.

Джедефра слушал ласковую и искреннюю речь жреца

и прежняя вера в могущество Ра, вера, с детства индурявшаяся в него, возрождалась в ослабевшей душе фараона. Болезнь изнурила его, лекарства помогали мало, а ему нужно, очень нужно было скорее стать снова властным и твердым.

Разве служителям Ра известно больше, чем жрецом Посатого, владеющим всеми тайнами храмов Тота? — спросил Джедефра.

Великий Дом сегодня же ночью убедится в ничтожестве жрецов Тота! — воскликнул великий ясновидец, и глаза его засверкали.

Фараон согласился исполнить все, как говорил великий жрец, и высокий старик поспешно удалился. Спустившись в сад, он скрылся в тени деревьев и вышел через боковую калитку, оставив ее незапертой.

Джедефра, ободренный возможностью скорого излечения, с нетерпением дожидался ночи. К вечеру он отпустил всех приближенных и слуг, объявив, что будет один беседовать с богами и чтобы никто не смел приближаться к его покоям.

Верховный жрец выбрал удачно время. Угольно-черная тьма безлунной ночи объяла сонный дворец, погасил блеск реки. В домике стражи у главных ворот светился слабый огонек.

Фараон, неслышно ступая босыми ногами, пошатываясь и вытирая пот от слабости, спустился по лесенке прямо с балкона. Джедефра был взволнован тайной предстоящего обряда, но несколько не боялся. Чего мог бояться живой бог Та-Кем в подвластной ему стране, где все живое покорно простирается в пыли, целуя следы владыки!

Едва фараон подошел к боковой дорожке, как четыре тени возникли перед ним, склоняясь до земли. Подхвативший крепкими почтительными руками, Джедефра с облегченным вздохом опустился на носилки. Его быстро понесли к реке. Под покровом темноты пересекли широкую площадку на речной стороне дворца и спустились к маленькой пристани. На темной реке фараон разглядел очертания небольшой лодки. Все было, видимо, приготовлено заранее.

Жрецы поставили носилки с фараоном в лодку. Пирамида находилась на левом берегу немного ниже дворца, и лодка спускалась по течению. Провожатые фараона только несколько раз ударили веслами.

На левом берегу повторилось то же. Носилки понесли не к главному входу, а налево, за угол южной ограды. В зловещей тишине чуть скрипнула небольшая дверь южного входа, закрылась снова, и шаги носильщиков стали совсем бесшумными на плитах дорожки. Звезды исчезли, темнота вокруг сделалась совершенно непроглядной, повеяло запахом влажного камня. Джедефра догадался, что его внесли внутрь пирамиды или заупокойного храма, врытого в землю у ее восточной стороны. Носилки опустились на гладкие плиты пола. Жрецы помогли фараону встать и зажгли факел. Джедефра осмотрелся. Они находились в заупокойном храме, отстроенном для того момента, когда он, Джедефра, отойдет в вечность, когда ему, объединившемуся с богами, здесь будут совершаться служения, а его набальзамированный труп будет заключен глубоко под каменной толщей пирамиды.

Странное, необъяснимое, похожее на страх чувство сжало сердце фараона. Но строгие лица жрецов были спокойны. Они повели фараона в святилище маленького храма. Четыре статуи самого Джедефра занимали всю широкую сторону святилища. Фараон в четырех одинаковых ликах сидел с мрачной и величественной неподвижностью, устремляя взоры из загробного мира на ничтожных и дерзких пришельцев. И опять грудь молодого фараона стеснилась тревожной тоской.

Великий ясновидец, почтительно согнувшись, попросил Джедефра стать у жертвенника — большого куска отполированного гранита, — прямо против четырех статуй.

Джедефра коснулся коленями и руками холодного камня и вздрогнул. Внезапно факел потух, во мраке Джедефра услышал лишь тяжелое дыхание жрецов, видимо взволнованных предстоящим страшным обрядом.

Фараон открыл рот, чтобы спросить о чем-то, но в этот момент слабый свет появился сзади, блеснув на поверхности жертвенника.

Верховный жрец Ра, стоявший около фараона, вдруг взмахнул тяжелой палицей, обмотанной тканью, и обрушил страшный удар на затылок Джедефра. В мозгу фараона вспыхнул ослепительный свет и сразу померк. Без звука Джедефра рухнул на пол, перестав быть властью, живым богом Черной Земли. Жрец отпрянул от издающего тела, как бы сам ужаснувшись содеянного. Дол

тое время мрак и тишина царствовали в пустом, казалось, храме. Наконец, тихий и хриплый, прозвучал голос великого ясновидца:

— Зажгите факел, все кончено!

Жрец подошел к лежащему ничком фараону, приложил ухом к сердцу и ощупал затылок. Твердость руки не изменила жрецу — удар был верен. Кость оказалась раздробленной, но снаружи, под волосами и париком, ничего не было заметно.

Жрецы подняли мертвеца и положили на кусок гранита.

Делайте, как я сказал, — снова обратился к своим сообщникам великий ясновидец. — Нужно спешить!

Двое жрецов могучего телосложения взяли медные молоты, третий высоко поднял факел. Согнувшись и тревожно оглядываясь, мучимые страхом, жрецы дружно ударили по статуям Джедефра. Грохот раздался по храму, посыпались куски голов, плеч, рук, открывая белый налом известняка под темной раскраской.

— Не бойтесь, бейте смелее! — закричал окрепшим голосом великий ясновидец. — Снаружи никто не услышит. А если и услышит — кто может осмелиться войти сюда в ночь, когда властвуют мертвые...

Через несколько минут все стихло. Жрецы погасили факел, унесли из прохода носилки. Под ясными звездами было светлее, страх перестал угнетать убийц. Лодка понесла их на середину реки, жрецы дружно гребли вверх по течению, торопясь в столицу. Задолго до рассвета они причалили к пристани у города. Один повел лодку дальше, а три жреца, никем не замеченные, скрылись в храме Ра.

Великий ясновидец устало опустил в кресло.

— Брат покойного — Хафра будет фараоном. Он уже оповещен, и все решено между нами... Мы ошиблись, выбрав сначала другого, но сами же исправили ошибку! Теперь дорога Ра исполнится славы в веках и даст множество благ вам, верным служителям бога. Пусть будет ваш отдых спокоен.

И великий ясновидец удовлетворенно закрыл глаза, чтобы вздремнуть перед смутой грядущего дня.

Пять лет миновало с того ужаснувшего всю Кемт дня, когда фараон Джедефра был найден мертвым в своем

заупокойном храме, неизвестными путями перенесенная туда из дворца и пораженный рукою богов.

Пять лет лежал Джедефра в своей пирамиде, а его брат, мрачный, деспотичный Хафра, снова с неслаженной силой утвердил безмерную власть фараона, тождественную с властью самих богов, и прежде всего бога солнца Ра.

Снова все силы Черной Земли были собраны для постройки второй гигантской пирамиды, подобной пирамиде Хуфу. Но и этого уже было мало для единого источника всей мощи государства, которое представлял собою фараон.

Советники Хафра требовали новых, невиданных построек, чтобы поразить народ и создать непоколебимую основу царскому трону.

На том же плоскогорье, рядом со строящейся пирамидой, тысячи искуснейших рабочих обтесывали громадный выступ скалы. Все яснее обозначалась гигантская статуя лежащего льва с человеческой головой, с лицом фараона Хафры, увенчанного царским пшентом и змеей. Передние лапы могучего зверя по двадцать пять локтей в длину мощно вытягивались вперед, к берегу реки как будто пытаясь объять и придавить всю страну Кемп

Величайшая статуя — древний символ мощи фараона, — называвшаяся Ху¹, смотрела на протекавшую по ней реку, словно сам Хафра молчаливо, величественно и грозно взирал на ничтожную жизнь своего народа. Обло статуи Ху строили заупокойный храм Хафра — все из прозрачного алебастра и красного гранита; из такого же гранита делалась облицовка пирамиды, поражая своих строителей великолепием. Семь статуй Хафра с величайшим трудом высекались из очень твердого черного камня — может быть, новый фараон помнил, как легко разбиваются статуи, изготовлявшиеся прежде из известняка.

Семь лет не было никаких известий об экспедиции Баурджеда. Отважные путешественники были забыты теми, кто их послал. Другие интересы владели государством гигантских построек.

Прошла молва о гибели Баурджеда.

Но в народе говорилось другое — свои надежды на лучшую жизнь народ вкладывал в песни и сказки об отважных путешественниках, ищущих страну духов.

¹ Ху — по-древнеегипетски сфинкс.

Главный жрец Тота Мен-Кау-Тот, устранный от двора фараона, уединился в своем храме, мрачно выслушивал жалобы служителей своего бога на обиды и ущемления, чинимые им жрецами Ра и Пта.

Но там, в безмерной дали, воля погибшего фараона продолжала действовать.

Обессиленный трудностями пути, изнуренный болезнями, Баурджед дождался своих спутников, посланных им еще дальше Пунта, за пределы мира. Лишь небольшая кучка людей вернулась в Та-Нутер из далей юга — все, что осталось от когда-то столь многочисленной экспедиции.

Рабы, воины, знатные чиновники — все равно гибли в волнах бурного моря, в знойных лихорадочных болотах, в зубах диких зверей, под копьями и стрелами злых и воинственных племен.

Только сила приказа умершего Джедефры удерживали здесь скитальцев, всеми помыслами стремившихся в родную Кемт, цепеневших от ужаса, что, подобно многим товарищам, их души навсегда останутся на чужбине. Семь судов, когда-то покинувших гавань Суу, давно уже перестали существовать, но были готовы новые, заботливо хранимые на берегу в большом тростниковом сарае, на высоких столбах.

Глава вторая ПОДВОДНЫЕ САДЫ

Под высоким солнцем море, лениво колыхаясь, мутно клубилось тяжелыми испарениями. На отлогой прибрежной равнине толпились песчаные кочки, кое-где поднимали свои раскидистые зонты одинокие акации.

Дозорный воин, протирая слезящиеся от солнца глаза, еще раз посмотрел на голубую туманную полосу горизонта и быстро выскочил из-под тростникового навеса на вершине высокой кучи аккуратно сложенных камней. Ветром спустился с холма и вбежал в ворота толстых глинобитных стен крепости Суу — крайней гавани Та-Кем на Лазурных Водах.

Начальник крепости, за минуту до того изнывавший от зноя, тоски и безделья, сразу сбросил сонную одурь, — Ты не ошибся? — переспрашивал он воина, сисема на дозорную вышку.

— Нет, я хорошо видел: корабль не похож на лань, но парус, как белая стена, очень широкий.

— Наш корабль, оттуда — это может быть только он, — тяжело дыша, проговорил начальник.

— Осмелюсь спросить — кто «он»? — негромко сказал один из сопутствующих начальнику чиновников, но тот недовольно нахмурился и промолчал.

Одинокий парус приближался вырастая; уже видны были борта, выкрашенные в черную и красную краску, странный высокий нос и необычайный помост на корме. Слабые крики донеслись в глухом плеске волн, разбиравшихся о прибрежный риф.

Нос корабля устремился в проход между рифами; стукнув, упала тяжелая рея, весла взбили пену, и киль зашуршал о прибрежный песок. Негры по пояс в воде потащили канат, другие сбросили ветхие мостки. Послышались четкие удары — в песок забивали причальный столб.

Двое людей в измятых цветных воротниках вели под руки исхудалого человека в длинной одежде.

Золотой знак фараона Джедефры ослепительно блестел у него на груди. Ступив на берег, приезжий зашатался и опустился на колени, сжав руки и склонив голову. Спутники окружили его, некоторые последовали его примеру, другие стояли в молчании. Спешивший навстречу со своей свитой начальник крепости остановился, почувствовав, что для этих людей сейчас неуместны приветственные слова.

Наконец прибывший поднялся и хрипло заговорил, обращаясь к своим спутникам:

— Вот достигли мы родины; взята колотушка, вбит столб, носовой канат брошен. Скоро, о, скоро увидим тебя, благословенная река Хапи! ¹

Он двинулся навстречу начальнику крепости, простирая руки. Редкие слезы катились по исхудалым, изборожденным морщинами щекам.

Жирный, опухший от безделья начальник крепости смутился. Великие переживания этих так долго разлу

¹ Перевод подлинного текста.

ченных с родиной сынов Та-Кем нашли отклик в его душе. Глаза его широко раскрылись; он, потрясенный, зарыдал в объятиях знатного царедворца.

В своем дворце, поблизости от строящейся исполинской пирамиды, фараон Хафра подждал вестника далеких стран, чудесно возвратившегося Баурджеда.

Каменно-неподвижным сидел Хафра на массивном золотом троне в конце узкого зала, окаймленного двумя рядами деревянных колонн из пальмовых стволов. За спиной фараона застыли два прислужника с опахалами.

Баурджед остановился у входа, отделанного белыми финисовыми плитками, в ожидании начальника церемоний, распоряжавшегося приемом. Баурджед шел сюда со странным чувством, не покидавшим его с тех пор, как вернулся он на долгожданную родину. Он точно вырос в страданиях на далеком пути, точно побывал на высоте неба, откуда впервые развернулась перед ним вся необъятность мира, неизмеримая безбрежность Великой Дуги, невероятная протяженность суши.

И горячо любимая родная страна представлялась ему теперь полоской садов перед просторами гор, степей и лесов далекого юга. А гигантские пирамиды! Только он и его спутники, созерцавшие величие исполинских гор Пушта, видят ничтожество постройки, исполненной по приказу фараона. Там, в рядах островерхих горных цепей, пирамиды затерялись бы жалкими холмиками...

Баурджед украдкой взглянул на застывшего, положив руки на колени, Хафру, перед которым распростерлись самые знатные люди страны, не смея поднять голову и посмотреть поверх возвышения, на котором стоял трон фараона.

Великий владыка, живой бог — фараон. Тот, кто поглотил его, уже умерший, тот, кто семь лет назад казался ему полным властелином всех его дум и поступков... И этот, еще более величественный и властный, подчинивший всех своему желанию...

Перед мысленным взором Баурджеда пронеслись пройденные им земли, бесконечное море, множество различных им людей разного цвета кожи, разной жизни, богов и обычаев, вспомнились рассказы о новых странах и селениях там, за достигнутыми пределами.

Величие фараона померкло, фараон не был более бо-

гом; впервые предстал он перед Баурджедом только неограниченным смертным властелином своей богатой и могучей, но все же небольшой страны. Впервые почувствовал Баурджед, как мало мог значить фараон во всем большом мире, как ничтожна воля владыки перед ходом жизни этого необъятного мира. Устои привычных понятий рушились, отзываясь страхом в душе путешественника.

Он вздрогнул, когда распорядитель приема неслышно подошел к нему и коснулся его плеча. Лицо царедворца было полно надменной суровости: фараон Хафра не посылал своих даров навстречу Баурджеду и ничем еще не проявил своей милости за великий подвиг, совершенный путешественником. Дары далеких стран, привезенные Баурджедом, уже лежали в царской сокровищнице, и это было, конечно, известно фараону...

Царедворец подвел Баурджеда к лесенке из белого снежного алебастра, ведущей на тронное возвышение. Здесь распростерся Баурджед, а фараон, слегка опустив глаза, скользнул взглядом по спине путешественника, покрытой пятнами и рубцами от залеченных ран и язв. Не поднимая головы, Баурджед рассказал в немногих словах о своем прибытии, о совершенном пути, о целях, с которыми послал его Джедефра.

— Ты выглядишь больным,—медленно проговорил фараон,—пойди отдохни среди родных. Через несколько дней я призову тебя, и ты расскажешь мне все, что видел и узнал в стране духов.

Едва заметное движение Хафры — и на палец Баурджеда был надет тяжелый золотой перстень. Прием окончился — Баурджед попятился ползком до второй колонны, поднялся и скрылся за ней в сопровождении теперь уже ставшего приветливым распорядителя.

Баурджед вышел через боковую дверь в дворцовый сад, остановился и со вздохом поглядел на дар фараона. Этот маленький кусочек золота, хотя бы и с именем божественного владыки,— разве это нужно ему, перешедшему пространства? Какая награда вернет потерянное здоровье, годы вдали от родных и близких, даст ему детей, которые могли бы быть у него, возродит красоту его жены?.. И что вообще нужно ему, отдавшему так много?..

— Не огорчайся! Нет награды, не будет и наказания,— услышал он знакомый твердый голос.

Незапно вышедший из-за цветущих кустов Мен-Кау-Тот смотрел на Баурджеда с суровым участием.

Пойдем отсюда. Я пришел поговорить с тобою,— продолжал старый жрец с прежней властной манерой.

Они вышли из ворот дворца и повернули налево к реке. Мен-Кау-Тот молчал, и только когда они уединились под пестрой колоннадой маленького храма Нейт¹, старик заговорил снова.

— Я знаю, что гнетет тебя,— пристально глядя на Баурджеда, начал жрец.— Будь осторожен и бойся фараона.

Перадостно усмехнулся путешественник, и, читая его мысли, Мен-Кау-Тот резко спросил:

— Ты думаешь, что слишком ничтожен для того, чтобы навлечь гнев Хафры? Тогда послушай меня, сын мой. И скажу все, и истинны будут эти слова. За семь лет, с того времени как ты ушел, мало было в Та-Кем людей, которые бы так ждали тебя. Ты служил моим целям, и теперь ты и я — одно...

Удивленный Баурджед хотел спросить старика, но тот остановил его.

— Это неважно теперь — мне недолго осталось жить. А ты должен еще много сделать... Берегись фараона — он ослеплен собственным могуществом. А ты видел большой мир и слишком много знаешь. Фараону не нужно познание далеких стран — весь мир ему лишь средство для собственного возвеличения, для окончания постройки его высоты. Но он хочет узнать о путях легкого овладения сокровищами стран, лежащих вокруг Черной Земли. Имей его желание в сердце, когда будешь рассказывать о своем путешествии.

— Не смогу, отец,— грустно ответил Баурджед,— и из-за чего. Ты прав: я не жду награды, и сердце мое гонится печалью.

— Еще раз говорю — берегись, сын мой! Ты уже получил так много, видел то, о чем не мечтал ни один владыка Кемт. Твоя страна, твой народ — разве не наградили они тебя за верность и твердое сердце? Ты еще не слыхал, какие сказки ходят о тебе в народе, как прославил народ в своих песнях тебя и твоих спутников. Твое имя в народе почти наравне с именем отца мудрости Имхотепа. И еще потому берегись Хафры. Когда

¹ Нейт — богиня неба, мудрости и любви в Нижнем Египте.

твоя слава дойдет до жрецов Ра... — Старик замолчал и нехотя поднялся со ступеней.

Внизу едва слышно струилась речная вода.

— Надлежит нам расстаться, — тихо сказал Мен-Клу Тот. — Исполнится время — и я приду к тебе. — И жрец скрылся между колоннами.

На маленькой площадке близ храма собралась небольшая толпа. Люди разных возрастов и профессий окружили худого большеглазого юношу с лирой через плечо — уличного певца и сказочника.

Он начал рассказывать нараспев что-то, стоя и ударяя ногой о землю в такт речитативу и отрывистому гудению струн. Люди слушали с жадным вниманием, изредка хором подхватывая ударения на созвучных словах.

— Маасен пет, маасен та, мака шебсен эр маау¹, — напевал юноша.

Радостно взволнованный, Баурджед понял, что песни прославляла его и его товарищей.

— Они видели небо и видели землю, и храбры были их сердца, более чем у львов, — тихо повторил путешественник.

Песня-сказание, порожденная душой народа — свободной в своей любви и ненависти, неподкупной в оценке свершившегося, — прославляла его. Его, чувствовавшего себя беспомощным изгнанником, думавшего, что родина его забыла. Что могло быть выше и прекраснее такой награды!..

Баурджед обогнул храм с другой стороны площади и направился к ожидавшей его у пристани фараонной лодке, чтобы ехать домой, на северную окраину города Белой Стены.

Усевшись на ковре посреди низкой затемненной комнаты, Баурджед начал свой рассказ. Фараон Хафр, окруженный сыновьями и приближенными, восседал на кресле рядом с главной женой.

Баурджед был плохим рассказчиком. Но сейчас, во дворце Хафра, он опять почувствовал себя человеком из иного, огромного мира, что простирает свои пространства далеко за пределы Та-Кемт. И перед ним, этим миром, вся роскошь дворца и грозная близость фараона

¹ Подлинный текст.

казались не более как торжественной игрой детей в старом и тесном отцовском доме...

Он говорил медленно, стараясь передать отрывочными картинками теснившиеся в памяти воспоминания.

Он начал с того, как семь лет назад его экспедиция пересекла восточную пустыню.

Время путешествия не было благоприятным: едва достигнув полосатой горы Сетха, экспедиция потеряла от жажды и жары двести рабов и полтора ста ослов. Они шли дальше с великой поспешностью, сжигаемые зноем, познавшие вкус смерти на своих губах.

Наконец в переливчатых волнах горячего воздуха скрылись позади последние скалы, с плоской равнины выдвинулось впереди сияющее голубое море. Экспедиция пришла в гавань Суу. Вскоре семь лучших кораблей углубились в безвестную даль на юг.

Баурджед вначале думал плыть открытым морем — там, где манила моряков чудесная сияющая синь. Он надеялся на прохладу и более сильные попутные ветры.

Это оказалось невыполнимым. Удушливая влажная жара изнуряла людей, все предметы покрывались соленой липкой слизью, сильные порывы ветра сменялись долгим затишьем. Опытный в плаваниях кормчий Уахнеб посоветовал вернуться к берегу, от которого они так необдуманно удалились. За несколько тысяч локтей от берега лазурная вода как бы обрезалась белой полоской пены — волны непрерывно бились о выступы подводных рифов, бесконечной цепью тянувшихся вдоль берега. За этой пенной чертой вода принимала цвет изумруда и почти не колебалась. Корабли пошли по изумрудной воде между берегом и рифами. Этот путь оказался самым лучшим. Здесь дули почти непрерывно северные ветры, корабли плыли быстро, не изнуряя гребцов. Пустынный берег был гол и мертв — редко-редко деревья или высокие кустарники виднелись вдали на плоской прибрежной равнине да по ночам доносились вопли шакалов. Ни следа пребывания человека не встретилось путешественникам на протяжении шестидесяти дней плавания.

Зато в море довелось увидеть незабываемые чудеса. Вначале корабли, затерявшиеся среди сверкавшей расплавленным серебром воды, быстро подгонялись сильными ветрами, и моряки, следя за мелями и островками, ничего не замечали. Позднее они освоились с плаванием,

и однажды, когда ветер ослабел и суда медленно двигались по зеркальной глади кристально-прозрачной зеленой воды, впервые предстали перед сынами Кемт прекрасные подводные сады.

В теплой воде под кораблями дно моря было на глубине всего в четыре локтя, устланное серебристым белым песком. Сначала заметили желтые и красные кусты каких-то растений, оказавшиеся при пробе веслом твердыми как камень.

Затем под кораблями замелькали большие лиловые шары, коричневые связки прозрачных бокалов, темно-красные клубни, усеянные массой мельчайших отверстий. Пестрые раковины лежали на дне, между каменистыми кустами сновали маленькие черно-белые рыбки. Угрюмо клубились над дном черные, мягкие и пористые массы — это были губки, знакомые бывавшим у Зеленого моря. Люди часто бросались в воду, загоняя в сети стаи крупных серебряных рыб.

Однако после того, как путешественники познакомились с опасностями этих изумрудных вод, беспечность сменилась осторожностью.

Какие-то плоские мерзкие рыбы¹ погубили двух воннов, распоров им животы своими тонкими хвостами.

Гигантские черные морские ежи² с иглами в локоть длиной наносили долго не заживающие раны.

Попытки схватить диковинно-прозрачных, похожих на студень животных³, переливавшихся смесью розового и небесно-голубого цвета, кончались воплями непонятным способом обожженных людей.

Но подлинное волшебство подводных садов открылось только после того, как корабли приблизились к белой полосе прибоя. Мелкая изумрудная вода протянулась широким каналом вдоль берегов. Этот канал отделялся от синего открытого моря подводными скалами. Когда частые мели задержали дальнейшее продвижение, кормчий передового корабля Уахенб повел суда вдоль подводных скал.

Невольный крик вырвался у наблюдателей — из си не-зеленой глубины внезапно начали всплывать кусты, грибы, деревья, причудливые кружева, смутные, подернутые нежно-зеленой дымкой. Несколько дальше чисто

¹ Скаты-хвостоколы.

² Род тропических морских ежей (дионема).

³ Медузы различных видов.

нарисовывались, словно вырезанные, молочно-белые и бирюзовые каменные кусты. Их белые и сине-фиолетовые ветви переплетались сказочным узором, ярко освещенные солнечными лучами. Кусты сменялись тончайшей замысловатой вязью цвета сливок, перемежавшейся с тонкими ярко-алыми и пурпурными кустиками¹.

Забыв все, люди всматривались в прозрачную воду, и там по мере движения кораблей подводные сады разбуртывались в великолепном разнообразии красок и тонов, в неисчерпаемом богатстве оттенков, зависящих от глубины воды. То они едва чудились в полутьме прозрачными голубыми, красными и изумрудными тенями, то выступали совсем близко к поверхности, принимая удивительно яркую и чистую окраску.

Ближе к самому краю рифов ступеньками сбегали и глубину белые и фиолетовые зонтики и чаши, блюда, словно сделанные из слоновой кости; высокие прозрачные розоватые бокалы, извивы просвечивающих голубым огнем пластин и гребней.

Над обрывами в качающихся бликах солнца висели на выступах круглые купола как будто из чистейшего снежно-белого фарфора, усеянного бирюзовыми пятнами и звездами.

Бесконечное разнообразие форм и красок ослепляло растерявшихся наблюдателей. Давно шли корабли над подводными садами Лазурных Вод. Все участники экскурсии, во главе с самим Баурджедом, провели много часов, лежа на бортах кораблей и без усталости следя за проплывающими мимо картинами.

Красота подводных садов была волшебной. Десятки риз люди, очарованные небесно-голубым кустом или алым кружевом, бросались в воду и обламывали твердые как камень ветви или фестоны, обжигающие таинственным огнем. Но, вытасканные из воды, они мгновенно превращались на воздухе в серые или грязные обломки, теряя всю свою красоту. Желтые и светло-зеленые живые цветы², шевелившие длинными щупальцами между волшебными кустами, едва только их поднимали на судно, превращались в бесформенные комки отвратительной слизи.

¹ Описываются коралловые рифы Красного моря. Упомянуты различные кораллы: мадрепоры, миллепоры, турбинарии разных видов.

² Актинии, или морские анемоны.

Подводная красота не давалась в руки человеку, безвозвратно терялась, едва только люди хотели поймать ее, удержать для себя. Суеверный страх охватил сынов Кемт при виде необъяснимых превращений.

Тех наиболее неистовых, которые хотели, нырнув, насладиться очарованием волшебных садов под водой, стерегли страшные ядовитые рыбы¹. Похожие на толстых змей, по семь локтей в длину, эти рыбы были коричневого и стального цвета, усеянные на спине мелкими черными пятнами. Они обладали пастью с необыкновенными, острыми и длинными зубами. Скрываясь в темных проходах меж дивных кустов, они поднимали вверх голову и страшными выпуклыми глазами следили за пловцами, раскрывая пасти.

Края рифов, обращенные к открытому морю, обрывались сразу в безвестную темную глубину. Там исчезали, растворяясь во тьме, последние силуэты кустов и выступов на крутом обрыве, и глубокая таинственная пучина была мертва и темна.

Иногда оттуда всплывали гигантские рыбы с острым рылом и щелевидным ртом², снабженным пилой острейших зубов. Они безжалостно хватали неосторожных купальщиков, мгновенно откусывая руки или ноги. Безмятежное сияющее море оглашалось отчаянными криками, окрашивалось кровью. Приобретя опыт, путешественники купались только в мелкой зеленой воде за рифами. Когда на поверхности моря показывались треугольные спинные плавники гнусных рыб, боязнь и отвращению наполняли мореплавателей.

В первом месяце плавания экспедиция не терпела недостатка ни в продовольствии, ни в пресной воде. На берегу находились родники, рыбная ловля или охота на птиц доставляла вкусную пищу во время ночевки. Моряки вели суда вдоль берега, готовые при первых признаках бури спасать корабли на суше.

К концу первого месяца корабли обогнули тупой красный мыс³, за которым берег огромной пологой дугой врезался в материк. Странная белая вода окружила корабли. Путешественники вначале испугались, но потом разглядели, что белизна воды происходила от мельчай-

¹ Угреобразные хищные рыбы — мурены.

² Акулы.

³ Мыс Рас-Хамра (см. лоцию Красного моря).

ного белого песка¹, взбаламученного прибоем, набегавшим на плоское дно. На берегу поднималась высокая гора с закругленной верхушкой, на которой сверкал огромный круглый глаз, слепивший отражением солнца. Будто око неведомого бога строго смотрело на незваных пришельцев, сея смущение в суеверных сердцах детей Черной Земли. Баурджеду удалось успокоить спутников, объяснив, что такие блестящие пятна встречались ему и раньше на склонах гор, где обнажены скалы из кварца или гипса.

Тем не менее строгий глаз горы навлек на экспедицию целый ряд испытаний.

Еще с утра моряки заметили отсутствие птиц. До сих пор пеликаны, бакланы и чайки в огромном количестве скоплялись на скалистых островках, выступавших на краю рифовых гряд, у полосы прибоя. Здесь они пожирали пойманную рыбу и доверчиво подпускали охотников. В этот день птицы исчезли, и хотя по-прежнему рифы шли нескончаемой грядой к югу, до края горизонта не было видно ни одной. Почувствовав недоброе, опытные проводники и кормчие решили на всякий случай пристать к берегу.

Около полудня неизменно ясное небо впереди закрылось извилистой грядой черно-красных туч, похожих на стадо огромных быков. Скоро во всю высоту неба встали шквученные столбы темных облаков, ветер стих, удушьящая темнота скрыла корабли один от другого. Над морем нависла страшная мгла кровавого цвета, и вода тоже казалась озером темной крови.

Путешественники в ужасе пали ниц. Горячий ветер вдруг обрушился на суда с пронзительным свистом. Воздух наполнился мельчайшей песчаной пылью, причинявшей сильную боль глазам, носу и горлу. Жалобные стоны раздавались на кораблях, быстро заглушаемые массой горячего песка, несшегося в море из пустыни.

Кровавая ветряная мгла разъединила людей, каждый оказался предоставленным самому себе, одиноким перед лицом невиданного бедствия. Баурджед, прощаясь с жизнью, закутал лицо плащом и упал на том же месте, где стоял, а на него навалились окружавшие его люди.

Крутящийся песок бушевал не более двух часов. Так же внезапно все прекратилось, яркое чистое небо встало

¹ Коралловый песок.

над кораблями, серебристое сияние моря опять разлилось до самого горизонта. Несколько человек поддались страху и выпрыгнули на берег, другие, упав в воду, не смогли выбраться, задыхаясь в тучах песка.

Потрясенные испытанием люди думали только о воде, но, к их горю, вода, запасенная на кораблях, почти вся высохла, а на берегу нигде не удалось обнаружить родников. Баурджед приказал спешно плыть дальше, оттаиваясь только для поисков воды. К счастью, попутный ветер окреп и погнал корабли, иначе сжигаемая жаждой гребцы не смогли бы долго двигать суда. До захода солнца не удалось найти воды в прибрежных ущельях.

Пришлось плыть ночью. До сих пор с наступлением ночи суда приставали к берегу, и путешественники раскидывали лагерь на берегу, не смея доверить свой ночлег изменчивому морю. Точно так же при первых признаках бури они быстро вытаскивали свои корабли на берег и, недоступные ярости моря, спокойно переживали непогоду. Теперь, в первый раз, корабли при свете угасающей в пустыне зари покинули береговой канал и вышли за гряды рифов, в синюю морскую даль. Глубочайшая чернота ночи уже не удивляла Баурджеда. Небо было настолько черным, что звезды казались серебряными и их яркие блики колыхались в темных волнах. Страдания людей усиливались — хрипкое дыхание едва проходило через ссохшееся горло, растрескавшиеся губы были сведены судорогой, им казалось порой, что звезды вертятся в бреду перед воспаленными глазами.

Вдруг Баурджед увидел, что очертания корабля и особенно обрисовались на воде, лица спутников выступили из темноты. Он невольно ухватился рукой за борт, казалось, корабль поднимается на воздух в волнах неоноватного света. Хор испуганных воплей показал Баурджеду, что он не грезит. Преодолев головокружение, он огляделся. Все море вокруг было охвачено пламенем, волны крутили и взметывали голубые вспышки, а неоновые всплески у носов кораблей рассыпали миллионы золотых огоньков. Каждое весло, опускаясь на воду, рождало вспышку света, и огненная полоса уходила вдаль за кормой корабля.

Пронизанная светом вода стала прозрачной и легкой, корабль качался в ней, будто брошенный в неведомый мир между водой и небом.

Освоившись с невиданным зрелищем и поняв, что им угрожает опасность, люди стали замечать в воде животных невероятного вида. Подобные прозрачным лентам, гребням, зонтикам¹, точно сделанные из волшебного гибкого стекла, эти животные колыхались в горящих волнах, сами испуская еще более сильный голубой или фиолетовый свет. Некоторые из них были огромны — их прозрачные купола достигали двадцати локтей в поперечнике, видимые издали, как сияющие островки².

Отважный гребец — азиат, бросившийся в море для того, чтобы схватить одно из этих существ, — почти мгновенно погиб. Пospешившие к нему на выручку товарищи покрылись сплошными ожогами, нанесенными тонкими нитями, свешивавшимися с краев зонтика и достигавшими многих локтей длины.

Долго плыли корабли по светящемуся морю, и пораженные люди забыли о своих невзгодах. Но, когда волны внезапно погасли, жажда начала мучить людей с новой силой.

С рассветом ветер утих, при ярком солнце суда еще двигались к берегу на веслах.

Сияющая голубизна моря здесь пересекалась узкими полосами кровавого цвета, простиравшимися вперед и назад до горизонта³. Как красные змеи, извивались эти страшные полосы, с поразительной четкостью выделявшиеся на прозрачной синей воде. По приказанию Уахенеба, когда корабль находился на одной из красных полос, зачерпнули воды. Вода в сосуде отливала багрянцем, потеряв прозрачность, и действительно походила на жидкую кровь, но без запаха. Откуда же взялись в море эти исполинские потоки крови, какие животные, духи или боги могли пролить такое ее количество? Или это была кровь самого моря?

Страх перед непонятным так же владел Баурджедом, как и всеми его подчиненными.

Но его поддерживала отвага спутников — опытных ишнов и моряков: кормчего Уахенеба, его помощника Ахивера, парусного мастера Нехси, начальника воинов Иптоура. Они своим мужеством иногда заставляли Баурджеда — повелителя сотен людей — недоумевать и

¹ Сальпы, гребневники, медузы.

² Исполинские тропические медузы до 11 метров в поперечнике.

³ Скопления микроскопических водорослей, от которых Красное море и получило свое название.

изумляться: откуда, из каких глубин души черпают они спокойную отвагу, веселый задор и неутомимость, когда, казалось, их усталые тела должны были бы беспомощно простираться по палубе? Мужество людей, постоянно, много дней находившихся с ним рядом, одолевало испуг перед сверхъестественным, перед проявлениями неизвестных сил, во власти которых он находился...

Напрягая последние силы, гребцы вывели корабли из кровавых полос. Вскоре послышался шум прибоя, и наконец суда оказались за пенной границей, у берега. Еще издали было видно широкое устье ущелья, через которое сбегали к морю заросли высоких деревьев — первые рощи, встреченные экспедицией. Никогда еще весла не мелькали с такой скоростью, причал кораблей не выполнялся так быстро. А дальше за песчаными холмами была вода, свежая и чистая, дивного вкуса, изливавшаяся обильным ручейком в прохладной тени пальм, в зарослях собачьих башмаков...¹

На этом месте Баурджед прервал свой рассказ и, сощурив глаза, словно утомленный от блеска жаркого моря, посмотрел на фараона.

Тот сидел оцепенев; рот грозного властелина приоткрылся, глаза, прикрытые тяжелыми веками, были устремлены вдаль, туда, где в прорезе окна виднелось длинное плоскогорье со строящейся пирамидой.

Хафра медленно выпрямился, принимая снова обли божественного владыки, и приказал принести угощение.

Но едва только присутствовавшие заговорили, обмениваясь впечатлениями, переспрашивая Баурджеда, фараон прервал их нетерпеливым жестом.

В молчании подкрепились едой и вином, и Баурджед снова продолжал повествование.

В рощах деревьев у чистой воды экспедиция отдыхала несколько дней, схоронив четырнадцать спутников, погибших во время плавания без воды. Окрестность изобиловала дичью, и путешественники насладились свежим мясом антилоп и диких свиней. Искусные мастера пероделали сосуды для воды, чтобы избежать повторения неренсенного бедствия.

Повернув за мыс, оканчивавшийся холмом удивительно круглой формы², корабли долго шли вдоль безжизненной плоской равнины, покрытой солью и ослепитель-

¹ Древнеегипетское название колючих кустарников.

² Район мыса Тхерауба (см. лоцию Красного моря).

на блестящей на солнце. На яркой лазури моря были разбросаны дикие скалистые острова. Их число все увеличилось, росли и размеры. Попадались острова с хорошей пресной водой, поросшие лесом или кустарником или увенчанные высокими холмами по пятисот локтей вышины.

На берегу протянулась длинной полосой песчаная равнина с буграми дымящихся под ветром песков, а за ней, из сухой мглы, начали всплывать отдельные горы такой высоты, о которой путешественники не имели никакого представления. Первая огромная вершина широким куполом поднималась в заоблачные выси, за ней вдалеке другая, пониже, была покрыта лесом. Острые гряды черных камней пересекали равнину, подползая к самому морю, береговые обрывы были рассечены узкими, зловещими ущельями.

Плавание шло без особых приключений. За белыми скалами на берегу начались обширные болота, поросшие деревьями с необычайными, торчавшими в воздухе корнями¹. Болота охраняли три стража — близко от моря высились три острых черных конуса высотой не меньше четырехсот локтей.

Едва только корабли миновали болота с их нездоровыми испарениями, в прояснившейся дали берега показались цепь за цепью величественные островерхие горы². Они возникали вдалеке, как бы плававшая в синеватой дымке. Сразу чувствовалось, что они должны быть невероятной высоты. Баурджед и его спутники были уверены, что эти горы те самые, которые отделяют Страну Духов от верховьев Хапи, и радость проникла в их сердца. Здесь впервые заметили людей на берегу — черных нагих дикарей, быстро скрывшихся в зарослях. Только здесь гордые, презиравшие других, непохожих на себя людей сыны Черной Земли поняли радость встречи с человеком.

Беспредельные пустые пространства сотнями дней тянулись перед ними, и ужас одиночества в огромном и пустом мире, чувство беспомощности перед необъятной природой овладевали путешественниками. Теперь оказалось, что они не одни; здесь живут, пусть черные и нагие, но настоящие, подобные всем другим люди. Все моряки

¹ Мангровые заросли.

² Горы Абиссинии.

с грустью смотрели вслед им, исчезнувшим, точно призраки.

Вскоре путешественники подверглись новому испытанию. Небо потемнело от тяжелых туч, и в неистовом сверкании молний и сокрушающем грохоте грома на сынов Та-Кем полился такой дождь, о котором не слышали никогда на их родине, где дождь — событие, случаемся раз в несколько лет. Темные облака извивались над кораблями, уподобляясь образу вызывающего бурю злого змея Апопа¹, вспышки молний освещали развернутые пасти и хищные лапы.

Сплошные потоки ревущей воды низвергались с небес, заливая корабли; люди захлебывались, едва переводя дыхание; все мгновенно пропиталось водой. Испуганные яростным громом и ослепленные непрерывными вспышками молний, задыхавшиеся моряки отчаянно вычерпывали воду, наполнившую корабли.

Ливень прекратился быстро; все стихло, засияло горячее солнце, и только на дымившихся берегах долготворчали скатывавшиеся в море потоки.

Кончался второй месяц плавания. Путешественники научились не бояться зловещих скал, ярости прибоя, неземной красоты подводных садов. Даже в багровой темноте песчаной бури или потоках неистовых ливней корабли шли вперед, ныряя черно-красными носами, послушные воле великого фараона Джедефры, движимые упорством людей, закалившихся в борьбе с неведомым. Будто змеи, драконы и другие сказочные чудовища, без конца выползали в море скалистые мысы, уходили назад за корму горящие на солнце бухты.

Но новые трудности ожидали смелых путешественников, подстерегали их за выступами берега, скрывались за пылающим южным горизонтом.

До сих пор берег Лазурного моря был почти прямой, короткие мысы и неглубокие заливы нарушали однообразие этой стремящейся вдаль, подобно полету стрелы линии. В начале третьего месяца плавания корабли пошли в глубокую бухту, врезанную в берег в южном направлении. Перед кораблями сошлись береговые скалы, прохода вперед не было, и пришлось огибать на вселенной длиннейший скалистый мыс, против которого в море неслись большие острова. За этим мысом корабли встре-

¹ А п о п — олицетворение бури, мрака и ужаса в египетском пантеоне.

ичи сильный ветер. По ровной, подернутой мелкой рябью поверхности моря быстро перебегали отдельные редкие волны. Каждая из волн катилась, поднимаясь округлым горбом с оторочкой пены впереди. Они начали просить затрещавшие суда, заливать их через борты. Моряки едва успели укрыться между островами. К вечеру ветер ослабел, и можно было бы плыть по успокоившемуся морю, но оказалось, что сила гребцов не способна преодолеть сопротивление непрестанно дувшего ветра. День за днем дули встречные ветры, люди выбивались из сил. Суда проходили ничтожные расстояния.

Баурджед решил выйти в открытое море, но и там встречные ветры не давали хода кораблям, постепенно отгоняя суда к востоку.

Вскоре путешественники увидели берег и с удовольствием узнали, что ширина Лазурных Вод здесь так же невелика, как и на севере, где суда Кемт переплывали его, отправляясь в военные походы на рудники восточных стран. Значит, подобно исполинскому каналу, Лазурные Воды протянулись прямой узкой полосой вдаль на миллионы и миллионы локтей расстояния. Восточный берег моря здесь был совершенно мертв и безводен.

Страдая от палящего зноя, моряки приложили все усилия к тому, чтобы пробиться обратно к своему берегу, и пристали туда почти на том же месте, откуда отошли, — у больших островов. По пути видели черных рыб невероятной величины¹, превосходивших в несколько раз длину кораблей. Эти рыбы выставляли над поверхностью моря свои гладкие черные спины, похожие на острова из черного гранита, громко сопели, выбрасывая фонтаны воды, и разбивали воду чудовищными хвостами. Путешественники удалились от этих рыб со всей возможной скоростью. Крепкие корабли Кемт впервые покисались им утлыми, ненадежными скорлупками.

Встречные ветры не только не прекращались, но, наоборот, дули почти непрерывно. Баурджед сдался, на время побежденный. Выбрав удобное место, изобиловавшее водой и дичью, путешественники вытащили корабли дилско на берег. Здесь провели они остаток времени наводнения и три месяца посева в томительном ожидании перемены ветров, сражаясь со множеством хищных зверей и ядовитых пауков, казалось, собравшихся со всей

¹ То есть китов.

пустыни вокруг. Люди страдали без привычной пищи — плодового и пшеничного хлеба, овощей. Все запасы кончились, и дальнейшее пропитание всецело зависело от удачи охотников или от тех съедобных растений, которые изредка попадались в небольших перелесках, заполнявших горные долины высокого берега.

В последний месяц посева вновь подули сильные и постоянные северные ветры, и корабли, починенные и осмотренные, продолжали путь.

Восточный берег Лазурных Вод вдруг начал приближаться к западному. К изумлению Баурджеда, море сузилось до полусотни тысяч локтей¹. Оба берега были мрачны и бесплодны — черные горы торчали подобно множеству свиных сосцов. Грубая черная земля, не родившая ни травинки, покрывала все вокруг.

Едва корабли миновали это узкое место, берега стали быстро расходиться, беспорядочные волны толкали суда, опасно кренившиеся и иногда зачерпывавшие воду.

У двух кораблей оборвались реи, корабль Баурджеда дал течь. Полдня плыли при таких угрожающих обстоятельствах, затем огромная, просторная бухта раскинула свою гладкую, спокойную поверхность².

Моряки поразились внезапной перемене — исчезла влажная и душная жара, сопровождавшая их все долгое плавание по Лазурным Водам. Воздух стал легкий и чист, как воздух благословенной Кемт. Люди обрадовались этому, как счастливому предзнаменованию.

Берега вдаль зеленели, издали чувствовался странный аромат, доносившийся от земли.

Горы были покрыты кустарниками и низкими деревьями с плотной блестящей листвой. Все эти растения издавали очень приятный запах.

Корабли плыли еще несколько дней вдоль берега, на юг, и тут случилось непонятное. Берег встал против дневного солнца, пути на юг дальше не было. Баурджед и его спутники растерялись: вместо того чтобы достичь края суши на берегу Великой Дуги, они дошли до края моря. Смущение закралось в сердца — приказ фараона оказался невыполнимым.

Корабли повернули на восток и двенадцать дней плыли вдоль берега, подолгу простаивая на суше от бурных

¹ Баб-эль-Мандебский пролив.

² Аденский залив, где гораздо прохладнее, чем в Красном море.

налетов ветра и волн по восьми локтей высоты. Страшные темно-красные тучи неслись яростными шквалами, сильнейшие дожди с ревом изливались на пустынный берег, усеянный горами сыпучих песков. А берег все более отворачивал от восточной стороны к северной.

Сомнений не было — Великая Дуга таинственно исчезала куда-то, и они достигли пределов мира. Но где же волшебный Пунт с его богатствами, с похожими на народ Черной Земли жителями, со множеством селений на берегах моря?

В необозримую даль вперед уходил безлюдный берег, и все так же в глубине суши над ним возвышался ровный и невысокий скалистый уступ, изрезанный сухими оврагами.

Баурджед остановил экспедицию. Никто не ожидал такого конца. Готовились к новым, неслыханным трудностям, невероятным чудесам, может быть к гибели. А здесь, после дивных приключений в пути по Лазурным Водам, — сухая и жаркая ненаселенная земля, преградившая путь на юг.

Снова вытащили корабли на берег, построили хижины. Из лагеря у подножия желтых утесов разошлись в разные стороны вооруженные отряды — для разведки страны и в поисках пищи.

Сам Баурджед во главе ста двадцати воинов и вооруженных рабов двинулся на юг. Он поднялся на голые плоские горы, пройдя пятьсот тысяч локтей от берега.

Далеко на западе высилось полчище гор той же неслыханной высоты, какие они видели за большими болотами в пути по Лазурным Водам. Они теснились грозной толпой, поросшие лесами, прикрытые облаками, лежавшими, точно на отдыхе, на их острых, иззубренных плечах. На юге перед Баурджедом расстилалась, насколько хватал глаз, желтая горячая пустыня без оврагов, рощ или оазисов. Ни одна река не пересекала светлую, казавшуюся рыхлой равнину, ни одно озеро не блестело радостным огоньком на однообразной плоскости.

А на востоке — там шли без конца такие же плосковерхие уступы, как и тот, с которого Баурджед пытался проникнуть взглядом в неведомое. Ни следа городов или селений, ни даже признака кратковременного пребывания человека.

В тяжелом раздумье Баурджед возвращался назад. Трудности похода его отряда, дни без питья под злоб-

ным, гнущим солнцем, бессонные ночи, полные тревожных мыслей,— все оказалось напрасным, загадка осталась неразрешенной.

Но в лагере встретили его неожиданные вести.

Один из отрядов, посланных на запад, после пяти дневного пути наткнулся на маленькое селение, расположенное в лесистой долине, уходившей к подножию западных грозных гор. Неведомые люди были умны и понятливы. Вооруженные только легкими копьями и кремневыми ножами, они пасли стада коз на склонах гор, в изобилии населенных дикими зверями. Язык их был неведом никому из рабов, взятых из-за Врат Юга¹. Но с помощью жестов и рисунков на песке людям Баурджеда удалось объясниться с ними. Смелые и гордые, они нисколько не боялись странных пришельцев с оружием из невиданного металла, снабженных дальнометущими луками. Никто из них не согласился идти в лагерь, и угрозы начальника Имтоура едва не испортили дела.

Наконец они поняли, что пришельцам нужно узнать об окружающей стране. За меч из блестящей меди двоюношей отправились вверх по долине и возвратились через десять дней с тремя старцами, проведшими свою долгую жизнь в беспрестанных перекочевываниях по стране со стадами скота и в охотничьих походах. После долгих и трудных объяснений выяснились неслыханные вещи.

К югу лежала бесконечная богатая страна, но путь к ней был прегражден высокими горами и безводными пустынями. Расстояние было так велико, что требовало многих месяцев пути, и без вьючных животных нечего было и думать пускаться в такое предприятие. Но море, оказывается, вовсе не кончалось здесь. Старики не могли объяснить этого в подробностях, но единодушно утверждали, что дальше к востоку находится край земли и только одно безбрежное море омывает этот предел мира.

Обрадованный вестями, Баурджед решил плыть дальше. Но прежде чем корабли могли тронуться в путь, пришлось потратить еще три месяца на заготовку запасов продовольствия.

Три месяца посланцы Та-Кем жили бок о бок с жителями бесплодных гор. Надменный царедворец Баурд

¹ То есть за южной границей Египта.

вод, у себя в Та-Кем смотревший на каждого темнокожего человека из пределов Юга как на заведомого раба, едва восхищался своими случайными соседями, любящими их гибкими, сильными телами, сказочной смелостью охотников, выходивших с копьями против львов в одиночку.

Не раз Баурджед охотился вместе с вождями племени, забыв о всякой важности, заглядывался на юных стройных девушек, едва прикрывавших свою наготу скудной одеждой.

За малейшую обиду, нанесенную местным жителям, Баурджед установил немедленную казнь, но строгий закон не пришлось привести в исполнение: никто, даже заносчивые ливийцы, ни разу не поссорился с соседями — так сильна была у них тоска по человеку после страхов безлюдного моря.

Пять месяцев стояли здесь корабли; уже год прошел со времени отплытия из гавани Суу.

Глава третья ВЕЛИКАЯ ДУГА

Снова поднялись истрепанные, много раз чиненные шпруса, заскрипели весла в истершемся дереве. Не подозревая о грозной опасности, Баурджед повел свои семь судов на новые поиски края Великой Дуги и волшебного Пунта. Опять прохладный, могучий простор морского воздуха оживил привыкших к нему моряков. Длинной лентой развевывался однообразный песчаный берег; возвышавшиеся поодаль утесы окрашивались в солнечных лучах в разноцветные, то мрачные, то радостные узоры. Встречное течение замедляло путь, но, несмотря ни на что, уходили на запад все новые и новые тысячи чоктей берега, неуклонно увеличивая расстояние до священной Черной Земли, отдаляя срок возвращения.

При появлении багровых туч суда поспешно укрывались на берегу, вытаскиваемые десятками сильных рук. Так удавалось избегать внезапных ветров потрясающей силы, которые иначе давно бы покончили с экспедицией Баурджеда. Здесь пришлось плавать больше ночью, чем днем. После полудня ветры дули с моря и от-

носили корабли на мели к берегу. Ночами яркая луна хорошо помогала морякам избегать небольших, но острых подводных скал, обозначавшихся в блестящем серебре моря матовыми кругами разбитых волн.

Луна была уже на сильном ущербе, когда ночью моряки заметили, что черная стена скалистого берега повернулась вправо, на юг. Взволнованный кормчий разбудил Баурджеда. Но берег не кончался, и суда шли вдоль него всю ночь. Встала заря. Носы кораблей были направлены на ее алый огонь, и вдруг берег справа исчез, удаляясь назад, за корму последнего судна¹.

Навстречу вставали волны невиданных размеров. Высотой они лишь немного превосходили уже виденные моряками восьмилуктевые волны Лазурных Вод. Но те возникали только при бурных ветрах, вздымаясь с яростной быстротой, и, словно разгневанные духи моря, металась в поисках жертвы.

Теперь же волны при слабом береговом ветре широко развевывали перед моряками свои темные склоны, по-личаво, медленно и грозно вздымая свои верхушки, увенчанные багряным светом зари. Они не металась, наталикаясь друг на друга,—нет, волны шли спокойно рядами, цепь за цепью, будто наступающее полчище могучих великанов. И само необозримое море казалось чудовищной грудью, дышавшей мерно и плавно, порождая при каждом вздохе новую гряду водяных гор. Страх охватывал людей, словно сама их жизнь исчезала в воличавой бесконечности океана.

Не было больше голубого сияния, лазурного цвета прозрачного теплого моря. Вода потускнела, темная ее масса не давала возможности проникнуть глазам в глубину, синевато-серые отблески ложились на гладких скатах колышущейся пучины.

Корабли взлетали на тяжкую грудь водяного вала, быстро низвергались в темные провалы и снова, задрожав носы и поникнув кормой, устремлялись вверх до следующего падения. Казалось, чьи-то мощные, безжалостные руки играли судами, точно скорлупками, мерно подбрасывая и опуская беспомощные корабли. Паруса захлопали, провисая и снова надуваясь, загремели реи, затрещали весла под давлением водяных гор. Кормчие, покрытые потом с головы до ног, испуганно призывали себе

¹ Суда прошли восточную оконечность Сомалийского полуострова — мыс Гвардафуй.

на помощь гребцов. Неверное управление угрожало страшным бедствием, при малейшей ошибке растерявшихся гребцов весла переламывались, как тростинки, или тяжко ударяли людей, калеча их.

Молчание нависло над кораблями, нарушаясь только ударами воды и треском дерева. Настороженное, прерывистое дыхание выдавало волнение людей. Все понимали, что перед ними какое-то новое, невиданное море, более грозное, чем то, по которому они так долго плыли. Непобедимая мощь чувствовалась в его просторе, подавляла вздымавшимися грядями водяных гор.

Баурджед приказал во что бы то ни стало повернуть обратно к берегу. С большим страхом кормчие принялись выполнять опасный маневр. Благодаря веслам удалось быстро развернуть корабли, не подставляя их открытые борта ударам громадных волн.

Берег уходил круто на юг, устремляясь еще правее, и Баурджед наконец понял. Они обогнули огромный, величиной с целую страну, выступ суши и достигли Великой Дуги, испытав впервые ее грозное дыхание.

Лазурные Воды оказались не более как ее заливом, узким отростком. Теперь берег отклонялся к западу; если так, то скоро они увидят южный край мира на берегу Дуги.

Баурджед поделился своими соображениями со спутниками. Неописуемая радость осветила лица, только что помрачневшие перед зрелищем мощи океана. Значит, скоро будет выполнено поручение фараона, скоро начнется обратный путь, пусть бесконечно далекий, пусть угрожающий снова всеми перенесенными страхами, опасностями и страданиями, но путь, ведущий к мирным полям святого Хапи!

Как далеки были эти наивные мечты от страшной действительности! Корабли приблизились к берегу, и сейчас же новый страх смял возникшую было радость.

Угрюмые утесы высились отвесно, залитые светом утреннего солнца. Море билось о них с оглушительным грохотом, высоко вверх летели столбы сверкающих водяных брызг. Громадные водяные горбы, побелевшие сверху, вспучивались под берегом, черные гряды злобно ощеренных скал вставали и снова скрывались в рушащихся водах пены. При каждом спаде волны черные зубы утесов будто выпрямлялись, сбрасывая с себя бешено льющиеся струи воды. Этот берег более не сулил безопас-

ного приюта кораблям Баурджеда. Острые скалы грозили смертью, рев прибоя возвещал немедленную гибель.

И суда, подчиняясь всемогущей силе, во власть которой они так внезапно и незаметно вошли, опять повернули от спасительной суши к грозному лицу Великой Дуны.

Вода вокруг была необыкновенно холодна и темного цвета. Гнилой, неприятный запах бил в лицо вместе с брызгами пены. Корабли шли медленно, беспомощно мотаясь в громадных волнах. Кормчие стремились сохранить направление вдоль берега, едва заметного справа.

В своем соединенном упорстве люди не сломились, а продолжали борьбу еще более ожесточенно. Понемногу моряки освоились с волнением, гребцы заработали усерднее и смелее, часто сменяя друг друга. После полудня ветер с моря понес корабли быстрее и быстрее прямо на юг, и к вечеру суда проплыли большое расстояние, подошли к берегу, и моряки снова убедились в невозможности пристать.

Ветер становился сильнее, с шумом рвал паруса; им пришлось спустить.

С поникшей головой Баурджед стоял на переднем корабле, оглядывая остальные шесть, нырявшие и качавшиеся подобно игрушечным деревянным уткам, какими он любил пускать мальчиком в садовом бассейне. В памяти мелькнули теплые, яркие краски родных садов, покой и тишина отцовского дома.

С чувством попавшего в западню зверя Баурджед оглянулся вокруг.

По-прежнему мерно вздымались огромные волны, только ритм их дыхания заметно убыстрился. Последние лучи солнца угасали вдали, за белевшей полосой бурнов, а в небе висела зловещая густая облачная масса, освещавшаяся снизу частыми вспышками молний.

Тяжелое ощущение недоброго, готовящегося ему и его спутникам, давило Баурджеда. Маленькие, недавно казавшиеся такими уютными и надежными корабли сгущались вокруг головного — начальники кораблей ждали приказа, отвергнутые землей, затерянные в море на краю мира.

Все более крепло у Баурджеда сознание, что корабли Та-Кем не годились для плавания по Великой Дуге.

Но ничего нельзя было сделать. Он — полный владыка душ и тел своих спутников, начальник воинов, испол-

... воли всемогущего фараона — чувствовал себя
... неопытным, робким мальчиком, готовым спрятать
... в коленях у матери, если бы она была здесь.

Тьма сгущалась над морем, свист ветра становился
... и заунывнее, а молнии все чаще сверкали, освещая
... края темных облаков.

С корабля на корабль прокричали распоряжение Баурджеда — плыть всю ночь по ветру, ни в коем случае не разлучаться, держась ближе друг к другу. Подавать сигналы ударами в медные щиты...

Мрак разъединил корабли, погрузив людей в одиночество. Он был так густ, что с носа нельзя было видеть, что делается на корме. Только огни молний давали возможность следить за соседними кораблями.

Страшные крики, вой и вздохи неслись из-за туч, как будто сам мрачный Сетх¹ или грозная Сохмет², — львица, пожирательница людей, спорили там из-за добычи. В вое ветра люди слышали окликавшие их голоса и в страхе оглядывались с бьющимися сердцами. Зловещее томление и тоска охватывали людей, точно звавший их голос принадлежал самой смерти.

В надрывный скрип дерева и унылое завывание ветра со всех сторон вплетались зловещие медные удары, подобные невыразимо напряженным вскрикам. Им изредка вторили глухо доносившиеся человеческие слова — отрывочные, бессвязные и от этого казавшиеся испуганными.

В полной угрозы ночи корабли быстро шли к югу, гонимые, как сухие листья в ветер. Слева и спереди часть горизонта непрерывно светилась, будто там собрались со всего мира зарницы и молнии.

Вздых, вырвавшийся из груди Баурджеда, потонул в громовом реве вдруг налетевшего ветра. Корабль повалился набок, и Баурджед упал на колени, сильно ударившись головой. Сознание покинуло его, и он неминуемо полетел бы за борт, если бы смелый моряк, по имени Ансеф, не удержал его, прикрыв собственным телом в углублении между краем борта и палубой.

Когда Баурджед снова открыл глаза и сознание вернулось к нему, он долгое время не мог сообразить, где находится. Его окружало что-то исполински громадное,

¹ Сет, или Сетх — бог подземного царства, владыкя темных сил

² Сохмет — богиня войны, голода и болезней в образе львицы.

несущееся, давящее. Он чувствовал под собою по-прежнему твердую палубу корабля, но она исчезала под крутящейся пеной. Размахи судна превратились в быструю смену взлетов и падений, похожую на скачку раненой антилопы. Понемногу Баурджед заставил себя собраться, отчаянно сжимая голову в ладонях.

Полное злобы рычание ветра, душившего его, мешало ему прийти в себя.

Гром вздыбленного моря убил все звуки. Только рев ветра яростно спорил с раскатами водяных гор.

На палубе корабля, под обломками сломавшейся мачты, лежали гребцы, вцепившись в вытащенные на палубу весла. Часть людей, обвязавшись веревками, держала рулевые весла. Группа воинов распростерлась на палубе, удерживая своими телами покрышки трюмных отверстий, наскоро сооруженные из парусов.

Бледно-серый мертвый свет слабо освещал все происходящее. Иногда вдруг оно выступало с жуткой отчетливостью в слепящей вспышке молнии, подобное бредовой картине.

Баурджед в смертельной тревоге старался разглядеть другие корабли, скрытые провалами волн и полосами пены. Посмотрев на эти заливаемые водой скорлупки, он понял до конца весь ужас своего положения.

Два корабля слегка опередили корабль Баурджеда, держась справа от него. Сквозь дикую пляску гребней волн и взмахи хвостов пены он различил на них тонкие треугольники уцелевших мачт. Слева и сзади шли еще три корабля, а седьмого нигде не было видно. Великое чудо было в том, что шесть кораблей пока шли, и еще большее чудо, что бешеная сила бури не разметала их по темному кипящему морю.

Внезапно один из кораблей, шедших слева, резко накренился; мелькнули людские руки, вздыбленные пелла. Через мгновение дно опрокинувшегося судна покинулось в косматом гребне исполинского вала и исчезло. Оцепенев от ужаса, Баурджед и державший его воин смотрели на гибель спутников. В волнах едва виднелись головы нескольких людей.

Боевой огонь возмущения зажегся в угнетенном Баурджеде. Он должен был что-то делать, сражаться с этой губящей, пусть необоримой силой. Цепляясь за что попало, он пополз к кормовой части судна, где дверь в виднее, крытое помещение уже поддавалась под напором жи-

ливавшей корабль воды. Все дальнейшее вспомнилось Баурджеду неясными, спутанными обрывками. Он помнил, как рубили борта, чтобы облегчить сток воде с палубы, как он сам и знатные чиновники его свиты вместе с рабами бешено отливали воду в черной тьме внутри судна, избитые ударами качки, как неистово пытались выделать все отверстия в палубе, неосмотрительно проделанные строителями, никогда не знавшими ничего о Великой Дуге. Баурджед помнил искаженные, мокрые неузнаваемые лица, мелькавшие вокруг него во вспышках молнии. Сыны Кемт и рабы — негры, ливийцы, азиаты — сражались со стихией во имя жизни.

С чувством благодарности и восхищения Баурджед следил за сильной фигурой Уахенеба, обрисовывавшейся на корме сквозь пелену летящей пены. Иногда особенно яркие вспышки молнии вырывали из тьмы его твердое лицо с запавшими от невероятного напряжения щеками. Кормчий с тремя помощниками изнемогал, удерживая рулевое весло — единственную надежду корабля.

Уахенеб криками подбодрял товарищей по другую сторону кормы, его резкая команда прорывалась через оглушительное неистовство бури. И люди, забывая страх смерти, беспрекословно подчинялись рулевому, сумевшему держать корабль против неслыханной силы Великой Дуги, вселить надежду в их потрясенные сердца, помочь найти силу в усталых телах. И работали с нечеловеческим напряжением.

Баурджед помнил еще одно страшное зрелище, неизгладимо запечатлевшееся в душе. С его кораблем сблизилась два других. Один — с украшенным медью носом, где начальником был любимец Баурджеда, веселый Симехет, — внезапно стал погружаться кормой. Десятки людей посыпались за борт, в губительные волны, стремились к шедшему рядом кораблю Мерира. Протянутые руки конвульсивно цеплялись за его борта, спасение пловцов казалось совсем близким.

Но тут, закрывая полнеба и касаясь вершиной низких туч, поднялся вал двадцати локтей в высоту. Корабль Мерира не смог, отягченный спасавшимися, своевременно повернуть и ускользнуть от чудовища. Косматая вершина гигантской волны хищно загнулась вперед, и тяжелая масса воды обрушилась на корабль, отшвырнув в сторону судно Баурджеда. Никто не всплыл на месте ги-

бели двух кораблей, только какие-то обломки иногда мелькали между волнами.

Смерть была неизбежной, и все же люди на судах продолжали борьбу, перестав сознавать все, кроме необходимости сохранения корабля.

Моряки не заметили, что борьба становится легче, что хриплые, отрывистые восклицания уже слышны сквозь бурю, что серый полумрак синее и размахи корабля замедляются. Но, только когда яркий солнечный свет залил все вокруг, они поняли, что вырвались из лап ревущей неумолимой смерти, что будут жить.

Солнце уже клонилось к закату — так долго несла корабля ужасная буря. Из уцелевших обломков долго собирали мачту; подняли ее, распустили большой синий флаг — Баурджед давал сигнал тем судам, которые спаслись. Если спаслись... Но вскоре приблизился один корабль, потом другой. Невыразимо велика была радость снова увидеть товарищей. Три корабля направились кходящему солнцу и тут заметили впереди, в бушевавших вдали волнах, еще одну черную точку. То был четвертый корабль...

Баурджед замолчал и провел рукой по изменившемуся, взволнованному лицу. Потрясенный фараон велел принести вина и крепкого пива.

Отдохнув немного, Баурджед продолжал рассказ.

Каждый из путешественников после бури сделал из «подобным человеку, схваченному в темноте. Тела дрожали, сердца отсутствовали в них, и они не могли делить жизнь от смерти»¹.

Разбитые, наполненные водой корабли тяжело переваливались на высоких волнах, треща и содрогаясь словно в воспоминаниях пережитого. Все помыслы людей были устремлены к берегу. Если земля снова отвергнет их, встретив грохотом и пеной прибоя, то смерти избежать. Не хватит сил пробыть еще ночь в объятии Великой Дуги, невозможно спасти поврежденные суда.

Медленно подвигались суда к берегу — далекая туманная полоска против солнца оставалась все той же, не давая ответа на терзавший моряков вопрос.

Корабль Баурджеда, на котором осталось больше людей, шел опять впереди. Незаметно море посветлело, кич

¹ Подлинный текст.

ва ослабла — корабли медленно взлетали вверх и плавно опускались на редких длинных волнах. На взлете с высоты большого вала с судна внезапно увидели берег, оказавшийся совсем близко. Низкий и песчаный, он полого уходил под широкие разливы и всплески накатывавшихся волн. Водяные валы медленно вставали длинными стенами, их верхушки горбились, блестя на солнце, как спины громадных животных. Неуловимо быстро гребни валов закручивались вперед и с глухим шумом простирались на гладком песке.

Путешественники не успели оглянуться, как суда оказались на песчаной отмели, заливаемые водой.

По горло в воде, под могучими и ленивыми ударами волн моряки отчаянными усилиями вытащили свои корабли дальше на берег.

Несколько пальм, покорно склонивших свои стройные кольчатые стволы перед лицом Великой Дуги, говорили о присутствии пресной воды.

Под их растрепанными морским ветром кронами чувство покоя и безопасности наполнило сердца измученных людей. Очень скоро все забылись тяжелым сном, не думая о дальнейшем, все еще переживая случившееся.

Здесь, на этом пустынном берегу, к Баурджеду с полной ясностью пришло сознание необъятности мира, исполинского величия еще не покоренной человеком природы и чувство бесконечной оторванности от милой родины.

К утру суда оказались далеко от моря, на голом песке. Путешественники уже знали, что море с правильными промежутками то наступает на сушу, то отступает от нее, и поэтому не удивились. Осмотр кораблей показал ряд серьезных повреждений.

Снова построили лагерь на неведомом берегу, снова разошлись в разные стороны отряды в поисках нужного дерева, смолы и пищи.

Страна была жаркой, пустынной и неприветливой, но прошло много времени, прежде чем удалось ее покинуть. Путь на юг продолжался. Оставалось уже меньше половины людей, отправившихся из гавани Суу, износилась одежда, кончились взятые с родины запасы.

Корабли шли и шли вдоль берега, избегая мощного волнения, неуклонно стремясь на юг, в нетерпеливом ожидании окончательного поворота берега на запад.

Ночами на берегу раскидывалось над ними необычай-

но черное небо, на котором всплывали с юга новые, чуждые по очертаниям созвездия, а родные, знакомые звезды с каждым днем опускались все ниже, к северному горизонту.

Чужое небо пугало людей, вечная неизменность его, усвоенная опытом многих веков у себя в Та-Кем, рушилась, непонятное вновь вставало перед людским умом, терявшимся в догадках.

И даже солнце как будто бы взбиралось все выше на небо; в полдень оно стояло прямо над головой, обрушивая каскады прямых, как стрелы, все пронзающих лучей.

Ветры, дувшие с суши, приносили странные запахи. В них чудились ароматы неведомых цветов, удушливые испарения громадных болот, сухое и горькое веяние сожженных степей. Там, за невысокими горами, на запад шла загадочная, полная тайн земля, несомненно изобилующая всевозможными чудесами. Но берег оставался пустынным в течение двадцати дней плавания, пока прибрежные горы не стали высокими и кругловершинными и не оделись в зеленый ковер густейших лесов. В знойные часы дня от них шел одуряющий запах, круживший голову. Слово все драгоценные ароматы смешались и пропитали тяжелый воздух. Леса подползли к берегу, редкостные обезьяны гуф и киу во множестве скакали по ветвям и спускались на землю, привлеченные видом судов.

Тут обнаружилась новая беда — в днищах кораблей образовались большие дыры. Какие-то морские черви источили крепкое дерево, и оно стало распадаться при ударах волн или трении о песок во время причалов.

Испытанные во всех опасностях, избежавшие столько смертей, путешественники впали в безысходное отчаяние.

Единственным крепким мостиком, связывавшим их с далекой родиной, были корабли — залог возвращения. Без кораблей на чужих берегах края земли в безмерной дали от Черной Земли — как смогут они вернуться, как найдут покой смерти в Кемт?

Починяя разваливающиеся корабли, экспедиция продолжала путь.

И вот наконец гигантские деревья неслыханной, невообразимой высоты подошли близко к морю. Устье большой реки обозначилось пятном темной воды, втор-

нейся в сине-зеленые волны Великой Дуги. Тысячи синих птиц с длинными носами покрывали воду у берегов, розовые тучи фламинго¹ светились на солнце, белые цапли спускались повсюду, и важные пеликаны отдыхали, покачиваясь на глади широкой открытой бухты.

Корабли обогнули небольшой плоский мыс, и тут перед глазами путешественников предстало все то, о чем они мечтали в бурных волнах моря или на мертвых берегах под молчаливыми звездами все долгие дни невероятного пути.

Большое селение раскинулось на плоском берегу моря. Круглые дома с коническими крышами из тростника стояли на высоких сваях, под сенью отягченных плодами деревьев. Вдали, на склонах холмов, виднелись засеянные поля. Огромное стадо коз и коров с невероятно длинными рогами отдыхало в тени широколиственных золотых деревьев. Желтые вислоухие собаки бегали по берегу и лаяли на приближавшиеся суда.

Навстречу спешили толпой крепкие, стройные мужчины в белых набедренных повязках и женщины в коротких белых платьях с одинаковыми узкими белыми лентами поверх длинных вьющихся волос. Цвет кожи незнакомцев был такой же, как у сынов Кемт.

Затаив дыхание они следили, как один за другим приближались и причаливали невиданные корабли.

Медленно подошел бородатый вождь с кинжалом за поясом, со множеством золотых браслетов на правой ноге.

Повинуясь его знаку, навстречу Баурджеду несли плоские корзины с грудями ярко-желтых и зеленых чешуйчатых плодов.

Так свершилась мечта народа Черной Земли, предвиденная Джосера, воля Джедефры,— экспедиция достигла сказочного Та-Нутер, или Пунта, после полутора лет беспримерного плавания. Страна была обширной, богатой благовониями и золотом; необычайно вкусные плоды доставляли обильную и разнообразную пищу.

Жители Пунта и в самом деле ходили на сынов Кемт и, несмотря на то, что не понимали их языка, гостеприимно приняли путешественников, которым показалось, что они прибыли в сказочную страну духов счастья.

¹ Фламинго — болотная птица красивой розовой окраски, с длинной шеей, длинными ногами и большим, круто загнутым вниз клювом.

Но то было лишь первое впечатление после многих месяцев борьбы с морем и пустынями, со страшными силами Великой Дуги.

Баурджед хорошо запомнил, как однажды в ответ на его восхищение страной кормчий Уахенеб сердито сказал, что высокие сановники в Та-Кем и здесь, в Пунте, не хотят видеть страданий простых неджесов — бедняков. А Пунт, по мнению Уахенеба, только тем и отличался от Черной Земли, что здесь не было армии чипомников, но зато во главе каждого рода стоял свой вождь, притеснявший своих подданных по своим собственным законам — иными словами, без всякого закона.

Скоро Баурджед сам убедился в этом. Легенда о сказочной стране развеялась дымом костра на морском берегу. Не хотелось возвращаться с такой вестью на родину, всегда, с очень древних времен видевшую в Пунте страну мечты, страну надежд народа на хорошую жизнь.

Оставалось узнать край земли на Великой Дуге, и эта задача казалась легкой: так далеко уплыли корабли Баурджеда, что никто не сомневался в близости Пунты к окраине мира. Теперь они достигнут ее даже по суши, без своих источенных червями судов.

Полгода экспедиция знакомилась со страной мнимых духов; изучала обычаи и язык, узнавала дороги, налаживала торговлю, меняя оружие, ткани и украшения на золото и ароматные смолы деревьев Пунты. Потом настало время идти на поиски края суши. Лишь после выполнения этого следовало думать о возвращении.

Но больше трех лет пришлось еще пробыть в далекой стране, а пределы суши так и не были достигнуты.

Оставив наиболее искусных людей на берегу для постройки новых судов, Баурджед послал отряд на запад, а сам отправился на юг с основными силами оставшихся воинов, используя в качестве вьючных животных маленьких пестрых быков с длинными рогами. На восьмой день пути тяжелая лихорадка свалила Баурджеда. Его отнесли обратно в прибрежный город, а экспедицию вместо него повели начальник воинов Имтоур и кормчий Уахенеб.

Баурджед поник головой и печально посмотрел на фараона. Лучи заходящего солнца осветили его лицо с запавшими щеками, глубокие тени легли вокруг глаз и рта печатью бесконечной усталости. Длинный рассказ

потрясающие воспоминания измучили путешественника. Баурджед приподнялся и достал из принесенной с собой шкатулки несколько свертков, которые с низким поклоном подал фараону.

— Дальше мой рассказ не может быть полным,— тихо проговорил он.— Я был между жизнью и смертью много месяцев, а потом сделался слабее недавно родившегося младенца. Вот здесь писцы, по моему приказанию, записали все то, что случилось с нами в попытках достигнуть края земли. Я осмелюсь предложить эти книги тво величеству, жизнь, здоровье, сила...

Хафра недовольно сдвинул брови.

— Мы слышали от тебя так много чудес,— прозвучал металлический ясный голос фараона,— и хотели бы узнать скорее конец путешествия. Соберись с сердцем, отдохни в моем дворце и перед ночью продолжишь рассказ. Помни, что я еще не слышал от тебя самого главного...

Удивленный словами фараона, Баурджед покорно дил отвести себя в маленькую угловую комнату. Там путешественник лежал в одиночестве, наслаждаясь проливной. Перед его закрытыми глазами без конца проплывали видения из далекого мира, потревоженные в памяти. Баурджед не мог заснуть, размышляя о том, чего же хочет от него фараон, и вспоминая недавний разговор со старым жрецом Тота.

Наступила ночь, когда его снова позвали к фараону.

Слабое мерцание светильников в глубине обширного балкона не мешало свету ярких звезд. Часто сбиваясь и пугаясь, Баурджед поспешил окончить фараону отчет о своей экспедиции.

Он рассказал о том, как западный отряд достиг огромного пресного моря¹, переплыть которое они не смогли и возвратились.

На обратном пути отряд прошел мимо исполинской горы, ушедшей в глубину неба своей двуглавой вершиной чистой сверкающей белизны². Со склонов горы сползали вниз, в долины, пласты необычайно холодного голубого камня. Этот камень был прозрачен и в руках превращался в воду, исчезая без следа.

Баурджед говорил о деревьях чудовищной высоты, висевших своими верхушками звезд, о других деревь-

¹ Озеро Виктория.

² Гора Килиманджаро.

ях, более низких, но толщиной превосходящих всякое изображение.

Миллионы зловредных мух и разноцветных мурашек терзали путников.

Необозримые стада антилоп, свирепых быков, слонов, жирафов теснились на просторах степей, на опушках темных лесов... Тысячи зверей, похожих на больших олов, дико раскрашенных в черные и белые полосы, бешено пронеслись перед путешественниками; черные чудовища с рогами на носу и на лбу бросались из-за кустов с ужасающей свирепостью.

Разные народы встречались путешественникам, разные оттенки кожи, звучания непонятных языков, различные виды оружия — все перемешалось в их памяти.

Отряд, направленный на юг, шел бесконечно долго, пока не достиг высоких гор. На тех горах росли мрачные леса из деревьев с иголками вместо листьев¹. По ночам все деревья светились пугающим синеватым светом. Там же видели светящихся зверей, и — страшно сказать! люди стали светиться сами, покрываясь как бы одеждой из холодного огня. Тот свет предвещал ужасные грозы, нещадно крушившие все вокруг, избивая людей, ломая деревья и зажигая леса².

В страхе отряд поспешно пересек горы и пришел к большой реке³, равной самому священному Хапи. Здесь жили люди со странным серым цветом кожи, искусные в скотоводстве и выделке оружия.

Посланцы Баурджеда долго жили здесь, познакомились с языком серых людей и смогли узнать о пути дальше на юг.

Оказалось, что край суши невообразимо далек, никому не известны его пределы. Местные жители уверяли, что дальше на юг, за горами и лесами, идут просторы степей с голубыми травами⁴. Там, на юге, холоднее, чем здесь, и живут воинственные племена. Воины их бегут быстрее антилоп и бросают копья дальше, чем летит стрела.

Несмотря на предупреждения об опасности, Имтоур и

¹ Дерево виддрингтония.

² Скопления атмосферного электричества, частые на высоких плоскогорьях Африки.

³ Замбези.

⁴ Степи Южной Африки.

Уахенеб направились на юг от реки, стремясь во что бы то ни стало выполнить волю фараона.

В кровопролитных сражениях отряд быстро лишился лучших, испытанных, сильных воинов и поспешно отступил назад, не выполнив намерения. Погиб сам начальник Ипшоур, был ранен Уахенеб, из семидесяти человек к большой реке вернулось всего четырнадцать.

Баурджед говорил, как долго томился он в чужой стране, ожидая возвращения посланных им отрядов. Сто три человека, закаленных годами тяжелого пути, не боявшихся ни необъятного моря, ни зверей, ни людей, исчезли, растворились в просторе огромного, поистине бесконечного мира.

Едва оправившись, Баурджед двинулся на поиски южного отряда, собрав всех способных к походу людей.

Волею богов им удалось встретить маленькую группу сынов Кемт, пробивавшихся на север, к Пунту. Едва живые поведали они начальнику, что пределы мира так и остались непознанными. Стало ясно только одно — земля на юг простирается на такое громадное расстояние, перед которым вся страна Кемт не более маленького островка в дельте Хапи. Пройти до конца суши можно только с тысячами воинов, и на это потребуются десятилетия...

Строители, остававшиеся на берегу, приготовили три корабля, давно уже бережно сохранявшиеся в тростниковом сарае, на уступе берега. Эти корабли были выстроены по-новому — борьба с волнами Великой Дуги не прошла даром. Высокие и прямые носы закрыли досками твердого дерева, крепкая палуба не имела ни одного отверстия, не закрывавшегося плотными крышками. Рули поместили на высокой подставке, защищенной от волн, днища кораблей были обиты тонкими листами золота, чтобы избежать разрушения дерева от морских червей.

Но все уцелевшие спутники Баурджеда помещались на одном корабле. Два других некому было вести. Напрасно пытался Баурджед уговорить вождей Пунта дать ему гребцов, напрасны были и попытки соблазнить кого-нибудь щедрыми посулами. Все жители Пунта наотрез отказались покинуть родину.

Пришлось идти на одном корабле, несмотря на всю опасность такого плавания. После четырех с лишним лет пребывания на суше люди Баурджеда с радостными воз-

гласами спустили корабль в объятия Великой Дуги. Сейчас ее волны были легкими, весело и ласково бежали они из безбрежной дали неведомого. Корабль нагрузили тысячью больших колец¹ золота и серебра, уложили двадцать толстых стволов черного дерева, пятьдесят огромных слоновых клыков, пятьсот мер драгоценных благовоний, шкуры и рога необычайных зверей, перья невиданных птиц. Все это прибыло благополучно и лежит сейчас в сокровищницах обеих стран, у казначея бога.

Тяжел и долог был обратный путь, по несколько месяцев приходилось стоять в ожидании благоприятных ветров. Но они пробились через бури и дожди, страшные зубы подводных скал, спаслись от громадных волн, были пощажены песчаными ураганами, чтобы повергнуть к стопам их величества все добытое в тяжких лишениях, сообщить познанное о великом и чудесном мире, простирающемся на юг от родной Кемт...

По знаку фараона все присутствующие покинули балкон. Остались только чати и верховный жрец Ра.

— Ты совершил неслыханные подвиги,— медленно заговорил Хафра,— перешел необозримые пространства, и сердце твое крепче красного камня Врат Юга.

Баурджед склонился лбом к полу, почтительно выслушав слова фараона.

— Но ты вернулся с малой добычей, потерял много храбрых воинов и умелых рабов,— продолжал фараон. Чем же возвеличил ты божественное имя царей Кемт и далеких, посещенных тобою странах?

Баурджед молчал — ему нечего было отвечать.

Хафра помедлил, в то время как чати и верховный жрец одобрительно закивали головами.

— Я не порицаю тебя,— слова фараона тяжело падали на сердце путешественника,— ты выполнил волю моего божественного брата и не мог ничего знать о перемещениях в Черной Земле. Иначе ты бы вернулся, едва достигнув Пунта, с богатой добычей и сам не подвергся бы лишениям в попытках достичь недостижимого. Мне нужно знать, много ли воинов потребуется, чтобы разбить эти южные страны, хороши ли будут рабы тех племен, много ли драгоценных камней можно взять оттуда для

¹ Денежная единица.

украшения моего храма. Ты еще ничего не сказал об этом

Негодование стеснило грудь Баурджеда. Он только что пережил снова все величие широкого мира, и надменная самовлюбленность владыки вызвала в нем почти отращение.

Великий Дом, сын Гора,— тихо ответил путешественник,— там много разных племен, не объединенных дружкой, и ни одно из них в отдельности не смогло бы противостоятъ огромному войску Та-Кем. Но южная земля велика, и людей там, как песка в западной пустыне, — все войско, весь народ Черной Земли растворился бы в ней подобно горсти соли, брошенной в воду. Мы не могли бы удержать завоеванного, ибо наша сила велика, покамест мы все вместе на нашей земле, как муравьи в муравейнике...

— Ты хочешь сказать,— гневно перебил фараон,— что мне и моему избранному богами народу не подвластны земли жалких негров? Вот как ты укреплял величие фараона в далеком Пунте!

— Сын Гора, жизнь, здоровье, сила,— поспешно ответил Баурджед,— я только хотел сказать, что мир так велик...

— Что вся земля Кемт перед ним не более островка в просторах Дельты? — быстро спросил Хафра.

Баурджед утвердительно наклонил голову.

— Может быть, и моя высота, которая станет больше всего, что было и будет создано людьми, покажется тебе лишь ничтожным холмиком? А может быть, ты посмел меня, бога и владыку мира, сравнить с презренными вождями презренных далеких племен? — последовали быстрые вопросы фараона.

Растерявшийся Баурджед прижался лбом к полу.

Фараон отгадал его мысли, еще неясные и смутные, порожденные тоской по свободе и простору минувших лет путешествия.

Хафра замолчал и устремил неподвижный взгляд поверх головы Баурджеда, подняв и сжав челюсти.

С затаенным дыханием Баурджед готовился встретить новый удар судьбы. Прошло несколько томительных минут.

— Иди домой,— наконец заговорил Хафра.— Завтра утром созовешь своих спутников и передашь им мое заповещение рассказывать сказки о твоём путешествии.

Всякого, кто нарушит приказ, постигнет кара. И ты сам запомни мои слова...

Ошеломленный путешественник спустился с балкона, провожаемый молчаливыми взглядами двух первых советников владыки Кемт. Ночная темнота сомкнулась во круг Баурджеда, и так же темно стало в его душе; настоящее и будущее его жизни потерялось во мраке.

Победитель необозримых пространств побрел, ступаясь, по прямой пальмовой аллее к воротам дворца...

Сильные удары весел разбивали мутную воду Хапи.

Три могучих негра-гребца быстро гнали вверх по течению легкую лодку. Под плетеным сводом навеса сидели двое. Это были Баурджед и старый Мен-Кау-Тот.

Суровое лицо жреца было печально; он говорил, не спуская глаз с жадно внимавшего ему Баурджеда:

— Тяжелы камни судьбы, и горе тому, кто очутился под ними. Но в темную ночь мудрый познает свое родство с безднами неведомого. Сердце его трепещет, а мысли ширятся... Великое дело совершил ты, но суждено ему пройти без пользы для родины, исчезнуть для времени в сокровищнице тайной мудрости. Я предвижу падение жрецов Тота, предвижу худшие бедствия и падение могущества Кемт, если владыки его пойдут путем Хуфу и Хафры. Горько, что нет ныне человека, подобно премудрому Имхотепу, ибо сила фараона возросла величайшим образом. Народ Черной Земли стал былинкой, расяластанной под копытом быка...

Мен-Кау-Тот тяжело вздохнул, меряя глазами удившую вдаль долину, словно стараясь разглядеть будущее.

— Знай же, — помолчав, снова заговорил жрец, — что фараон приказал сжечь все записанное твоими писцами о путешествии. Мало того, в храме Джедефры была доска черного гранита с перечислением дел отошедшего фараона. Там было написано и о том, что он послал тебя разыскивать Пунт и край Великой Дуги. По приказу Хафры надпись стерта, твое имя уничтожено, и теперь ничто не передаст векам свершенного тобою подвига. Твои гребцы и воины отосланы надолго к озерам Змеи Уахенб исчез.

Но народ — он не забыл тебя и продолжает прославлять тебя в песнях, новые сказки о тебе передаются из уст в уста в городах и селениях. Вот почему, пока гнев Хафры не обрушился на тебя всей силой, я посоветовал

могут укрыться во дворцах Тота. Давно уже фараон раскидывает их, но никогда не найдет, ибо верны слуги божества мудрости. Там искусные резчики смогут запечатлеть навеки на твердом камне описание твоего путешествия, а ученые жрецы запишут все, что познал ты в странствованиях по далекому югу. Так в поколениях людей сохранится память о могуществе и знаниях жрецов Тота. Отойди от жизни на время, пока не загладится смятение, внесенное тобой, под подошвой великой пирамиды. И гробница твоя сохранится для тебя, и пляска Муу¹ будет совершена перед ее дверью. Те твои спутники, которые вяли голосу мудрости, тоже будут целы...

— Как мне благодарить тебя, отец мой! — взволнованно произнес Баурджед. — Сколько раз я уже шел по путям твоей мудрости, и все сбывалось, как ты говорил... Прими же в дар прекрасную память далекого мира, которую сохранил я для себя во всех испытаниях...

Баурджед порылся в складках одежды и извлек оттуда плоский обломок камня величиной с наконечник копья, с округлыми краями. Камень был тверд, чрезвычайно чист и прозрачен, и его голубовато-зеленый цвет был неописуемо радостен, светел и глубок, с теплым оттенком прозрачного вина. Зеркальная поверхность камня была отполирована, видимо, рукой человека.

— Его доставил Уахенеб, — продолжал Баурджед, протягивая сверкающий камень жрецу, — с берегов большой южной реки. Такие камни добывают далеко на юге, кому удается пройти мимо свирепых племен. Для меня он олицетворяет сияющую даль Великой Дуги, увидев которую хоть раз забыть уже нельзя...

Мен-Кау-Тот взял камень с едва заметной улыбкой:

— Мне, слуге Тота, не нужно ничего. Но мы спрячем камень в сокровищнице Тота, среди других вещей, ибо сейчас ему лучше сохраняться не у тебя.

Баурджед согласно склонил голову и устремил спокойный взгляд на зеркальную гладь реки.

За кормой лодки убегал назад, к далекому городу Белых Стен, струйчатый узкий след. Он живо напомнил Баурджеду широкие полосы, взборожденные его кораблями в просторах неведомых морей. Сколько раз, тоскуя по родине, он часами следил за разматывавшейся нитью

¹ Пляска Муу — ритуальный танец при погребении.

пенного следа, растворявшегося в дали, отделявшей его от Черной Земли...

А сейчас на родной реке этот след от маленькой лодки быстро исчезает на гладкой воде. Это все, чем окончились его мечты и стремления, думы, выношенные за пределами знакомого мира, надежды, заботливо оберегавшиеся в грозных опасностях...

В неторопливых беседах с Мен-Кау-Тотом шло время плавания вверх по Хапи. Путники торопились. Ости навливаясь в селениях они избегали, и только изредки лодка причаливала к ступени какого-нибудь одинокого, бедного храма, стоявшего на берегу. Там брали они припасы и подкреплялись вином.

На пятый день пути, на рассвете, лодка вошла в лабиринт зеленых островков, разделенных узкими протоками чистой воды. В полутьме, между высокими папирусами, лодка, поворачивая то направо, то налево, углубилась в непроницаемую стену болотных зарослей. За ней оказался тихий залив с чистым песчаным дном. Лодка причалила. Мен-Кау-Тот в сопровождении Баурджеда вышел и направился по едва заметной тропинке, поднимавшейся к прибрежным скалам.

Солнечные лучи, вспыхнув, осветили верхний край обрыва, у подножия которого еще лежал полумрак. На мгновение в этом полумраке мелькнули две фигуры в белом и исчезли...

По ту сторону узкого и длинного ущелья в скалах, ничем не отличавшегося от тысячи ему подобных, оказалась замкнутая в голых, опаленных утесах долина. В центре ее возвышался плоский бугор, окаймленный зелеными кустами. Двойное кольцо наполненных водой оросительных канав окружало холм.

В долине было душно и безветренно, тусклое марши поднималось от черных блестящих скал.

На противоположной стороне долины виднелось небольшое ущелье. Мен-Кау-Тот уверенно направился к левой стороне холма, раздвинул густую заросль и вскарабкался на вершину. Баурджед последовал за стрижком.

Резкий крик священной птицы Тота пронесся по долине. Перед пришельцами выросли неведомо откуда взявшиеся четыре громадных негра, вооруженных до зубов. Они почтительно приветствовали старого жреца и помогли спуститься к подошве холма на его противоположную

ложную сторону. Несколько старых сикомор росло здесь, отбрасывая густую тень на склон, в котором Баурджед заметил высеченный прямо в скале ход.

В прохладной темноте по длинному и высокому коридору жрец и Баурджед проникли в круглое подземелье. Вокруг в стенах, разделенные равными промежутками, виднелись узкие, как щели, входы, числом девять. Мягкий свет падал откуда-то сверху — очевидно, подземелье сообщалось с поверхностью холма.

Более двадцати жрецов, низко кланяясь, вышли встретить Мен-Кау-Тота и путешественника. Трое из них, по-видимому старшие, выступили вперед.

— Приветствуем тебя, отец мудрости! — заговорил один, маленького роста. — Давно мы поджидаем тебя, и все приготовлено по полученным указаниям! — Жрец повернулся и знаком отпустил всех остальных.

Трое старших повели новоприбывших вокруг зала в девятый, последний вход. Узкий пустой коридор был наглухо перегорожен каменной плитой. Сопровождавшие жрецы постучали по стене — плита была поднята скрытым вверху механизмом. Они вошли в продолговатую большую комнату, обрамленную колоннами из гранита. Между колоннами были закреплены гладкие плиты черного диабазы, без всяких письмен или изображений. Посередине стояла статуя Носатого, бога Тота, на высоком пьедестале. В ногах статуи Баурджед заметил плоскую чашу.

— Осмотрись, сын мой, — сказал Баурджеду Мен-Кау-Тот, — в этом убежище тебе придется пробыть до времени. Видишь, готовы плиты из камня вечности. На них неизгладимо будет вырезана вся повесть о твоём путешествии, и сохранится она в веках. Воздадим же славу великому богу мудрости, обучившему людей языку и письму, возвысившему нас, его верных служителей! Пусть твой камень из недостижимо далеких стран будет смиренным даром божеству и сохраняется навеки перед его очами. — И Мен-Кау-Тот положил сверкающий обломок кристалла на медную чашу в ногах статуи.

Потянулась вереница медленных дней, как капли тягучей смолы, истекавшей из дерева на жарких берегах Лавуриных Вод, палимых безжалостным солнцем. Так непохожа была теперешняя жизнь Баурджеда на всю прошлую, что путешественнику она казалась лишь пре-

ходящим забытьем, подобным тому, какое наступает после тяжелого приступа лихорадки...

На восходе солнца жрецы шли купаться к реке предводительствуемые Мен-Кау-Тотом. Они выступили лениво и важно, как это могут делать лишь люди, чья жизнь ни разу не заставляла спешить. После долгого омовения процессия так же неторопливо возвращалась назад, и люди, поев, принимались за дело.

Баурджеда усаживали в прохладном подземелье, напротив высоких светильников, рядом с сидевшими поджав ноги, опытными писцами. Снова и снова злится сывались все подробности путешествия, какие только мог вспомнить Баурджед. Затем его отправляли отдыхать, а совещание жрецов вновь прослушивало записки и решало, что следует включить в вечную надпись на камне.

В большом зале началась работа. Каменотесы протягивали ряды параллельных шнурков, прочерчивая и разграфляя по ним гладкую поверхность диабазы. Но медленная и тщательная разметка плит оказалась мизерным делом по сравнению с чудовищным трудом высекания письмен. Коптящее пламя светильников не грело воздух подземелья, и рабочие-резчики обливались потом и задыхались, трудясь утром, днем и вечером, получая лишь короткое время на сон.

Измазанные копотью и покрытые каменной пылью лица были угрюмы, люди молчаливо терпели тяготы работы, подчиняясь угрожающим окрикам и жестам начальствующих за ними жрецов. После того как искусные чертежники вырисовывали мелом письмена, резко выделенные на черной стене, их место на мостках занимали рабы с бронзовыми зубилами и тяжелыми медными молотами. Они грубо выдалбливали середину очерченных контуров, неистово борясь с твердым и хрупким камнем. Неверный удар мог испортить весь труд, и всю плиту пришлось бы делать снова. Поэтому рабы выполняли свою задачу под угрозой смерти: кара за порчу плиты была именно такова. Медленно, медленно, осторожно подвигалась работа. Время, ценность человеческого труда, усилий, страданий не имели значения.

После первой грубой обработки мастера-резчики острыми зубилами и деревянными колотушками заканчивали вырубку контура. Им на смену снова шли худощавые

ники, которые без молотков, одним усилием нажима рук, сглаживали резцами края углублений, добиваясь изящества и четкости линий. Наконец все изъязы и следы резцов стирались кожей с мелким песком и водой, полировались охряной землей — только тогда надпись была готова.

Баурджед никогда не представлял себе ранее, как велик труд по вырезанию надписей на камне, всегда восхищавших его своим изяществом, удивлявших точным подобием одних и тех же знаков, одинаковых во всей надписи.

Наблюдая месяц за месяцем чудовищную работу, путешественник ужаснулся. Время жатвы сменялось посевом, наводнением, снова жатвой, а стук молотков в мрачном подземном зале продолжался, прерываясь лишь поздней ночью. Иногда с мостков падал один из труженников, сраженный истощающей работой. На другой день он или возвращался и продолжал труд, еще более согбенный, пошатываясь и полузакрыв глаза, или же исчезал и заменялся другим.

Медленно и неуклонно, иероглиф за иероглифом, плита за плитой, стены зала покрывались повестью о путешествии Баурджеда.

Люди Черной Земли, не щадившие усилий на увековечение своей памяти, считали, что нужно во что бы то ни стало изготовить записи, способные противостоять тысячам лет всеразрушающего времени. Они не могли подозревать, что их надписи, сохранившиеся действительно тысячелетия, с чрезвычайными ухищрениями ума прочтенные потомками, доживут до времени такого могущества человека, что величайшие подвиги сынов Кемт не смогут поразить ничьего воображения.

Как ни был мудр Мен-Кау-Тот, как ни велик был подвиг Баурджеда, разве могли они знать, что настанет время, когда путь из Белой Стены в Страну Духов будет совершаться беззаботными юношами по воздуху за время, недостаточное, чтобы выполнить обряд утреннего омовения, когда исчерпаются пределы мира на всей земле и люди, гораздо более могучие, чем страшные зверобоги Черной Земли, обратят свои помыслы к путям между звездами! Ничего этого не подозревала ограниченная мудрость древнего человека, и первый дальний поход по океану казался неповторимым, невероятным подвигом.

Баурджед торопливо шел по тропинке через скалистое ущелье. Скоро он достиг берега реки, где в тихом заросшем тростником заливе, он знал, были спрятаны лодки. Путешественник долго искал, раздвигая тростники и папирусы, пока не увидел наконец две лодки, укрытые в подмыве берега, между зарослью колючих кустарников на берегу и стеной зелени в воде.

Баурджед выбрал маленький и легкий челнок.

Зеленая стена расступилась под напором изогнутого носа лодки и открыла сверкающий простор широкой реки. Северный ветер, ровный и прохладный, рябил поверхность воды. Энергично гребя веслом, Баурджед выбрался на середину реки. Лодка повернулась носом на север и быстро понеслась вниз, к далекой столице Черной Земли.

Позади остался тайный храм в скалах, где Баурджед провел несколько томительных месяцев.

Баурджед осмотрелся кругом с чувством выпущенного из мрачной темницы, грудь его расширилась, вбирая живительный ветер, сощуренные глаза впивались в далекий горизонт пустынной равнины левого берега.

Путешественник положил весло, предоставив лодку медленно крутясь, идти по течению, и задумался.

Хорошего не ждал он впереди, грозная неопределенность будущего отравляла ему радость возвращения в мир.

Но что бы ни было уготовано ему судьбой, Баурджед знал, что он больше не может скрываться в храме Тоту. Его угнетали месяцы, проведенные в молчаливых и прохладных подземельях, одинокие прогулки по маленькой долине среди скалистых теснин, чуждое ему общество жрецов с их постоянными секретами, таинственными разговорами вполголоса, отъездами неведомо куда. Жрецов, старавшихся даже простые житейские дела объявлять тайной.

Баурджед за свою трудную жизнь скитальца научился верной оценке людских поступков и вещей, тому пониманию мира, которое дается жизнью. И вся эта таинственность более не казалась ему насыщенной святой и непогрешимой мудростью. Подчас она то смешливо то раздражала его.

Баурджед питал глубокое уважение к умному, старому Мен-Кау-Тоту, но все яснее понимал, что никогда не сможет приобщиться к жизни жрецов.

Ему, видевшему необъятные просторы мира, победившему Великую Дугу, окончить свои дни в тесных подвалах!

Никогда он не сможет жить без своих верных спутников, отважных и способных на всякое дело. Теперь, прощая почти год без них, он чувствует, как сроднился с ними за семь лет великого пути. С удивлением Баурджед понял, что даже рабы, сопутствующие в походе, ближе и дороже ему, чем важные жрецы Тота. И, поняв это, он решил идти навстречу судьбе, как много раз ходил прежде, в реве моря и ветра, в зное солнца и блеске молний.

Несмотря на все уговоры Мен-Кау-Тота, путешественник покинул тайный храм, и вот — он на реке, на пути к людям и миру!

У Баурджеда не было никаких ясных планов. Он знал, что не может покинуть свою страну, хотя это и было легко ему, знавшему и Зеленое море, и восточные страны, и дали юга. Нет, в путешествиях он понял, как дорога ему родина.

Он не покинет Черной Земли, не расстанется с родными, не бросит товарищей-спутников. Прежде всего ему надо разыскать их, хотя бы Уахенеба, этого спокойного храбреца, сумевшего возвратиться из таких крайних пределов земли, которые даже самому Баурджеду казались недостижимыми. Он разыщет Уахенеба, вместе они соберут товарищей и попросятся на службу в ниши Дельты, в береговую стражу Зеленого моря, или будут водить суда на острова, лежащие позади¹, и на восток, за лесом. Фараон не будет преследовать их, не занимающих высокого положения, удаленных от города и селений на границу страны...

Баурджед взял весло, выправил лодку и уверенно пошел легкий челнок вниз по течению. Предстоит еще несколько дней пути, и придется позаботиться о пропитании. Но разве не блестит у него на пальце тяжелый перстень с именем фараона Хафра? А на левой руке есть два кольца золота, предусмотрительно надетых, как браслеты.

¹ Позади — то есть на севере, впереди — на юге. Так обозначили древние египтяне два основных направления.

Туман белой пыли заполнял гигантскую выемку или меноломни. Грохот молотков, скрип деревянных салазок для перетаскивания глыб камня, крики надсмотрщиков сливались в непрерывный глухой гул. В меноломне не было ветра, и палящий зной казался особенно нестерпимым. Баурджед отер со лба пот и пошел вдоль проложенной к реке дороги, всматриваясь во всех попадавшихся навстречу.

Надсмотрщики застывали от удивления при виде Баурджеда — прогулка этого, по-видимому, знатного человека по меноломне была неслыханным явлением. Навстречу путешественнику группа людей тащила тяжелую глыбу известняка, обмотанную веревками и укрепленную на деревянных салазках. Рабочие упирались то грудью, то спинами в пеньковые лямки, другие помогали им рычагами сзади. Салазки не позволялось останавливать — их было очень трудно сдвинуть с места. Люди, мокрые от пота, надрывались изо всех сил, вздох вырывался разом из нескольких грудей.

Один из передовых тянульщиков, шедший спиной к Баурджеду, внезапно перевернулся в ляжке, подставив ей грудь вместо наболевшей спины. Путешественник не удержал восклицания — он узнал Уахенеба...

Бывший кормчий взглянул на своего начальника, угрюмо отвел глаза и крепче навалился на ляжку. Но Баурджед спешил уже навстречу с поднятой рукой. Каменная глыба остановилась, двое подбежавших с бранями надсмотрщиков испуганно согнулись и отступили, когда Баурджед ткнул одному из них прямо в лицо перстень с именем фараона.

Уахенеб, тяжело дыша, приблизился к Баурджеду. Грязный, потный и недоумевающий.

— Сколько здесь еще твоих товарищей, Уахенеб? спросил Баурджед, не теряя времени на объяснения.

— Здесь Нехеб-ка и Антеф, Ахавер и большой Нехси и другие, тебе известные, всего семнадцать человек, торопливо прохрипел Уахенеб.

Баурджед знаком подозвал перетрусившего надсмотрщика, на лбу которого остался красный отпечаток имени фараона.

Спустя несколько минут вокруг Баурджеда стояли его бывшие сподвижники из простых неджесов. Изможденные лица засветились радостью, люди приветствовали своего начальника.

Идемте, на реке ждет большая лодка! — нетерпеливо крикнул Баурджед и зашагал назад по широкой дороге к берегу.

Люди поспешили за путешественником, повинуясь ему беспрекословно, как в прежние дни.

Уахенеб догнал Баурджеда:

— Как тебе удалось освободить нас, господин? Разве Великий Дом...

— Вовсе нет,— перебил кормчего Баурджед, оглянувшись и продолжал вполголоса: — Я тоже в немилости и хожу под угрозой кары!

— Но как же тогда?..

— Потому я и спешу. Здесь не знают меня, а перстень их величества дает мне власть... пока. Я разыскал твой дом, Уахенеб, и там узнал, что тебя схватили за рассказы о стране Пунт, где не оказалось духов, и послали сюда ломать камень для великой пирамиды. А вместе с тобой были схвачены еще другие мои люди. И достал лодку и прибыл сюда... Там на веслах твои друзья — вот, смотри!

Гребцы махали им с реки.

Освобожденные каменотесы хотели вымыться, но Баурджед не позволил и велел усаживаться в лодку. Только когда они отчалили, Баурджед облегченно вздохнул.

— Что хочешь ты делать дальше, господин? — осторожно спросил Уахенеб.— До Белой Стены нам плыть вверх всего тридцать тысяч локтей, но ведь там скоро узнают...

— Мы не пойдем к городу, а поплывем вниз, в Дельту, на запад, к горе Рогов Земли. Там укроетесь вы все где-нибудь до времени, а я вернусь в город просить милости у Великого Дома — позволения нам быть в береговой страже или на кораблях Зеленого моря: Черной Земле требуется много дерева для построек!

— Я опасаясь за тебя и за всех нас, господин,— угрюмо проворчал Уахенеб.— По себе я узнал, как твердо сердце Великого Дома и его царедворцев. Плохо надеяться на их милость, и особенно нам, беднякам, на которых все большие люди смотрят как на врагов.

— Напрасно так говоришь, Уахенеб,— нахмурился Баурджед,— я уверен...

Путешественник оборвал разговор, взглядываясь в берег. Неясный шум несся из каменоломен, большая толпа людей бежала к реке, а впереди мчались, путаясь в

полах своих длинных рубах, несколько надсмотрщиков и два чиновника, начальствовавшие над работами.

— Погоня за нами! — взволнованно крикнул Баурдждед.

Уахенеб покачал головой; глаза его загорелись, он вытянул шею, будто стараясь приблизить голову к берегу. Его товарищи возбужденно вскочили, гребцы подняли весла.

Шум разрастался, гулко раскатываясь по реке. Вдали на берегу мелькали неясные фигуры бегущих, кое-где войны взмахивали копьями и, окруженные со всех сторон, падали.

Кучки дерущихся таяли, и рассыпались, и опять появлялись в другом месте.

— Это мятеж, господин! — воскликнул Уахенеб. Неугасимо горит пламя гнева в согнутых тяжелой работой, не знающих вещей, осужденных свирепо и беззастенчиво... Придавлены они силой, палками и угрозами, но жажда правды и свободы не умирает! Видишь, маленькой причины достаточно, чтобы всколыхнуть толпу. Сюда, к нам, явился ты и освободил нас, смутил надсмотрщиков и воинов, разъярил всех рабочих. И вот, видишь, они тоже хотят освобождения.— Кормчий встал на колени на дно лодки и поднял умоляющий взгляд на Баурдждеду.— Господин, ты храбр и справедлив, мы знаем тебя много лет... Там наши товарищи, мы сроднились с ними. Так же, как и они, мы не ждем свободы и счастья от знатных правителей и беспощадных судей. Ты узнал, что в далеком пути рабы оказались такими же людьми как и мы, храбрыми и сильными, нашими товарищами. Так было и тут для нас, потерявших тебя, беззащитных и осужденных. И мы все просим тебя, господин: поверни лодку, возьми начальство над толпой. Ближе к Белой Стене есть еще каменоломня и рабочие дома. Мы пойдем туда, откроем их, число наше умножится, и придем в город, где мало сейчас войска...

— И что же дальше? — встревоженно спросил Баурдждед.

— Весь бедный народ, стонущий под пятой великой пирамиды, пойдет с нами. Мы разгоним воинов, уничтожим чиновников, разобьем дома больших людей. Ты тоже был большим, ведомы тебе пути и склады оружия, и ты можешь управлять военной силой! — Уахенеб замолк, вне себя от волнения.

Другие освобожденные спутники Баурджеда согласно окликали головами, все глаза устремились на путешественника.

Баурджед беспомощно огляделся.

Толпа на берегу все увеличивалась, воины и чиновники исчезли, сотни рук делали призывные жесты лодке, неясные крики становились все громче, и путешественник разобрал имя Уахенеба.

Никогда не думал бывший казначей фараона о возможности мятежа. Подняться против божественной власти казалось ему высшим преступлением. С детства воспринятые им поучения повторяли только одно: что завистливые и неумелые бедняки всегда враждебны богатым и знатным, олицетворяющим добро и правду. «Не пристрастен тот, кто богат, ибо он владыка вещей, не имеющий нужды»¹ — таково было любимое изречение его отца.

В своих скитаниях Баурджед узнал нужду, увидел величие человека в простых людях. Все это пошатнуло первоначальные воззрения знатного царедворца на жизнь. Но мятеж! Встать во главе грязных бедняков и рабов, вести их на столицу, на дворцы, приближенных фараона, может быть, на самого владыку... Нет, это невозможно! Баурджед отстраняюще выставил вперед руку:

— Нет, Уахенеб, я этого не могу сделать. И без того всех нас обвинят в том, что мы дали разъяриться толпе. Надо плыть скорее вниз, укрываться и дальше делить, как я сказал!

Лицо кормчего замкнулось и сделалось непроглядно суровым.

— Тогда, господин, верни меня на берег. Я не верю в милость Великого Дома и не могу оставить тех, кто долгое время делил со мной и труд, и голод, и побои. Я пойду с ними... А вы? — властно обернулся Уахенеб к остальным товарищам.

— Мы с тобой! — без раздумья ответили четырнадцать человек; только трое отделились и умоляюще взглянули на Баурджеда.

— Ты погибнешь, Уахенеб! — вскричал изумленный и возмущенный Баурджед.

¹ Подлинный текст.

— И ты, господин, тоже,— спокойно, с оттенком печали отозвался кормчий.— Прощай! Ты был хорош для нас и мог бы сделаться хорошим для всей Черной Земли... Прикажи править к берегу, господин!

Плотная толпа сгрудилась вокруг выскочивших на пристань бывших спутников Баурджеда, приветствуя их восторженным воплем.

Уахенеб пристально посмотрел прямо в лицо своего начальника, и в глазах старого кормчего Баурджеда прочитал последний вопрос, мольбу и тоскливую тревогу.

— Они пойдут за мной,— тихо сказал Уахенеб, и я знаю, где правда, но не знаю путей... Как прийти к другой, хорошей жизни, куда нанести удары?

— И я не знаю,— так же тихо ответил Баурджед, и не верю, чтобы это могло быть...

— А я верю. Мы можем погибнуть, но погибнем все вместе. И товарищи простят мне мое незнание, если до конца я буду с ними...— Кормчий замолк и вдруг встрепенулся, словно вспомнив что-то.— Где хранится оружие для новых воинов в городе? Скажи мне это, господин, и мы всегда будем хорошо вспоминать тебя...

— В большой кладовой около сокровищницы бога, рядом с улицей Кузнецов,— без колебания ответил Баурджед.— Ты узнаешь этот дом по красной и белой полосе вверху стен, под крышей...

Уахенеб поклонился начальнику.

Баурджед вздохнул и знаком велел гребцам оттолкнуть лодку.

Внезапно четыре гребца — все товарищи по плаванию в Страну Духов — выпрыгнули на пристань.

Баурджед сделал вид, что ничего не заметил. Весла схватили трое из оставшихся. Лодка отчалила.

Мятежники, окружившие Уахенеба и внимательно слушавшие его, не обратили внимания на отъезжавших. Чувствуя себя усталым, Баурджед опустился на кормовое сиденье. И опять, как тогда, давно-давно, при разговоре с Уахенебом о повелении фараона идти в Страну Духов, тоскливое недовольство собой и стыд овладели Баурджедом. Словно опять его кормчий оказался в чем-то выше его, более мужественным и более правым.

— Достойный Мен-Кау-Тот, помнишь, как ты мудро остерегал нашего гостя?

— Говори дальше! — воскликнул старый жрец. — Скажи все, что узнал ты в Белой Стене.

— Баурджед освободил сосланных в каменоломни, разъярил толпу. Мятежники дошли до города, захватили его окраины. Во главе были спутники Баурджеда, которым он повелел начальствовать бунтовщиками. Они захватили оружие, но победа их длилась недолго. Мятежники разбрелись, а воины фараона, стража храмов и молодые джаму¹ соединили свою силу, истребив всех противников. Сам Баурджед скрылся в Дельте, но почему-то задумал вернуться. Мятежник из Дельты в руке бога², и теперь он исчез без следа и слова.

— Проходит жизнь мятежника на земле, не продлится она, — мрачно пробормотал старый жрец, — бьет бог грехи его кровью его!³ Не ожидал я, что Баурджед окажется зачинщиком мятежа... Впрочем, он отдал нам все, что имел, исполнил свое назначение и более не нужен. В великой тайне будем мы хранить все записанное. Будет открыто оно только тому властителю, которого найдем и направим по нашим путям.

— Истинно так, мудрый Мен-Кау-Тот. Да не воспользуются знанием служители Ра и Пта, не будет и простой народ пленяться рассказами о свободной жизни! Все будет сокрыто в наших подземельях!

Но мудрый верховный жрец ошибся.

По-прежнему в хижинах бедных земледельцев, казармах воинов, храмовых сторожках, рабочих домах рассказывалась повесть о великом и отважном путешествии сынов Кемт, Неведомые певцы из народа слагали все новые песни, вплетая в действительность исконные мечты о справедливости и свободе, дополняли повесть тем, что хотелось бы всякому видеть в своей настоящей жизни. И все бо́льшее число умов начинало задумываться над поисками путей к правде и сомневаться в божественности величия фараонов.

¹ Джаму — добровольцы-воины из знатной молодежи и богачей.

² Подлинный текст.

³ Подлинный текст.

Часть вторая НА КРАЮ ОЙКУМЕНИ

ПРОЛОГ

Свежий осенний ветер неся над простором подернутой рябью Невы. Острый шпиль Петропавловской крепости в блеске солнечного дня казался золотым лучом, взвившимся в голубую высоту неба. Под ним плавно выгибал свою широкую, могучую спину Дворцовый мост. Волны, качаясь и сверкая, мерно плескались на светлые гранитные ступени набережной.

Сидевший на скамье молодой моряк посмотрел на часы, вскочил и быстро пошел по набережной вдоль Адмиралтейства. Желтые стены легко поднимали ввысь свой венец белых колонн в прозрачном осеннем воздухе.

Автомобили мягко неслись по отполированному асфальту, играя мечущимися вспышками солнца на начищенных стеклах и разноцветной эмали кузовов.

Молодой человек быстро шел по набережной, не обращая внимания на праздничную суету кругом. Он шагал уверенно и легко. Юноше стало жарко, он сдвинул на затылок свою морскую фуражку. Звенели, сползая с моста, трамваи. Моряк пересек садик с деревьями, горевшими осенним багрянцем, прошел вдоль большой площадки и на секунду остановился перед входом, где великаны из полированного гранита подпирали массивный балкон над горбатым подъемом тротуара. Залеченные рубцы от фашистских бомб еще виднелись на двух исполинских гранитных телах. Юноша вошел в тяжелую дверь, снял черную шинель и поспешил к широкой лестнице белого мрамора, устремлявшейся из полутемного вестибюля к светлой колоннаде, обрамленной рядом мраморных статуй.

Навстречу ему, радостно улыбаясь, шла стройная девушка. Ее внимательные, широко расставленные серьезные глаза потемнели, сделавшись теплыми. Моряк чуть смущенно взглянул на девушку. Она на ходу прятала поморок вешалки в раскрытую сумочку— значит, он не опоз

лиц Юноша оживился и уверенно предложил начать осмотр снизу, с отделов древностей.

Пробившись сквозь толпу посетителей, юноша и девушка прошли между колоннами, подпиравшими расписанный яркими красками потолок. Они миновали несколько огромных залов. После обломков ваз и плит с непонятными надписями, после мрачных, черных изваяний Древнего Египта, саркофагов, мумий и всех других предметов погребального обихода, выглядевших еще более сумрачно под сводами хмурых залов нижнего этажа, захотелось ярких красок и солнца. Юноша и девушка заторопились наверх.

Они быстро прошли еще две комнаты, направились к боковой лестнице, ведущей в верхние залы из небольшого помещения с узкими окнами, сквозь которые глядело бледное небо. Несколько восьмигранных конических витрин стояло между белыми колоннами,— мелкие произведения древнего искусства, выставленные в них, не привлекали внимания проходивших.

Внезапно перед глазами девушки в третьей витрине выступило пятно чудесного голубовато-зеленого цвета, такого яркого, что, казалось, оно излучало свой собственный свет. Девушка подвела своего спутника к витрине. На серебристом бархате был наклонно прикреплен плоский камень с округлыми краями. Он был чрезвычайно чист и прозрачен, его сверкающий голубовато-зеленый цвет был неожиданно радостен, светел и глубок, с теплым оттенком прозрачного вина. На гладкой, видимо, отполированной рукой человека, верхней грани выделялись четко вырезанные человеческие фигурки размером и мизинец.

Цвет, блеск и светоносная прозрачность камня резко выделялись среди пасмурной строгости зала и бледных красок осеннего неба.

Девушка услышала шумный вздох своего спутника, увидела его затуманенный воспоминанием взгляд.

— Таким бывает море на юге в ясную погоду, в полдневные часы,— медленно сказал молодой моряк. Непреклонная уверенность очевидца прозвучала в его словах.

— Я не видела этого,— откликнулась девушка,— только чувствую в этом камне какую-то глубину, свет или радость, не могу сказать, что именно... Где это находят такие камни?

Ни крупная, общая четырем витринам надпись «Антские погребения VII века, Среднее Приднепровье, река Рось», ни маленькая этикетка в самой витрине: «Гребенский курган, древнее родовое святилище» — ничего не объяснили молодым людям. Непонятными были и предметы, окружавшие замечательный камень: обезображенные до неузнаваемости ржавчиной обломки ножей и копий, плоские чаши, какие-то подвески в форме трапеций из почерневшей бронзы и серебра.

— Это раскопано в Киевской области,— пытался сообразить юноша,— но я не слышал, чтобы там или где-нибудь на Украине добывались подобные камни... У кого бы спросить? — Молодой человек оглядел просторный зал.

Ни одного экскурсовода, как назло, не было поблизости, только в углу около лестницы сидела сторожиха.

Послышались шаги: в зал спускался высокий человек в тщательно отглаженном черном костюме. По тому, что сторожиха встала со стула и поздоровалась почтительно, девушка безошибочно догадалась, что этот человек здесь какое-то начальство. Она тихонько подтолкнула своего спутника, но тот уже шагал навстречу пришедшему и, вытянувшись по-военному, начал:

— Разрешите спросить?

— Разрешаю. Что угодно? — сказал ученый, и его спокойные глаза близоруко сощурились, рассматривая молодых людей.

Юноша объяснил, что именно их интересует. Ученый улыбнулся.

— У вас есть чутье, молодой человек! — одобрительно воскликнул он. — Вы попали на одну из самых интересных вещей нашего музея! Изображение на камне вы хорошо рассмотрели?.. Нет?.. Мелко! А зачем же здесь это приспособление? Смотрите!

Ученый схватился за деревянную рамку, прикрепленную на верхнем срезе витрины, опустил ее. Как рывок против камня установилось большое увеличительное стекло. Щелкнул выключатель, яркий свет залил поверхность камня.

Заинтересованные еще более, девушка и юноша заглянули в стекло. Вырезанные на камне фигуры, увеличившись, стали полными жизни. С одного края прозрачной голубовато-зеленой пластины тонкими скупыми линиями была обозначена фигурка обнаженной девушки,

стоявшей с поднятой к щеке правой рукой. Завитки густых вьющихся волос ложились на намеченную четкой дугой округлость плеча.

Всю остальную часть поверхности камня занимали три обнявшиеся мужские фигуры, выполненные с еще большим мастерством, чем изображение девушки.

Стройные, мускулистые тела замерли в момент движения. Повороты тел были сильны, резки и в то же время изящно сдержанны. В центре могучий человек, выше двух стоявших по сторонам, широко раскинул руки на их плечи. По бокам его двое, вооруженных копьями, стояли с внимательно наклоненными головами. В их позах была напряженная бдительность мощных воинов, готовых с уверенностью отразить любого врага.

Три маленькие фигурки были исполнены с большим мастерством. Идея — братство, дружба и совместная борьба — была в них выражена с необычайной силой.

Глубина прозрачного и светлого камня, служившего одновременно и фоном и материалом, усливала красоту произведения. Теплый влажный отблеск, казалось исходящий откуда-то из камня, придавал телам трех обнявшихся людей золотистую веселость солнечного света...

Под фигурами и на гладком сломе нижнего края можно было заметить неровно и поспешно нацарапанные непонятные знаки.

— Насмотрелись? Вижу, что вас захватило! — Голос ученого заставил вздрогнуть обоих молодых людей. — Хорошо. Хотите, немного расскажу про камень? Этот камень — одна из загадок, какие встречаются нам иногда в исторических документах древности. В чем загадка? Слушайте по порядку. Это берилл¹, минерал не из очень редких. Но такие голубовато-зеленые бериллы чистой воды крайне редки. Во всем мире находятся только на юге Африки. Раз. Теперь, на камне вырезана гемма² — подобные вещи любили делать в расцвете древнегреческого искусства в Элладе. Но берилл — камень очень твердый. Чтобы вырезать на нем изображение с такой тщательностью, нужно резать только алма-

¹ Берилл — минерал из группы алюмосиликатов. Твердость — 7,5—8. Разновидности, прозрачные и окрашенные в густой изумрудно-зеленый цвет, называются изумрудами и являются драгоценными камнями. Синевато-голубые разновидности называются аквамаринами, розовые — воробьевитами.

² Гемма — небольшое изображение, вырезанное на камне. Указанной геммы нет ни в Эрмитаже, ни в других музеях.

зами — эллинские мастера их не имели. Два. Далес, и трех мужских фигур средняя, несомненно, изображает негра, правая — эллина, а левая — это какой-то человек из других средиземноморских народов: может быть, критянин или этруск. И, наконец, по технике изображения человеческого тела гемма должна бы относиться к эпохе расцвета Эллады; в то же время целый ряд особенностей указывает на время несравненно более раннее. Я уже не говорю о том, что копья, здесь изображенные, совсем особенной, не свойственной ни Элладе, ни Египту формы... Целый ряд противоречивых, несовместимых указаний... Но гемма-то существует, вот она...

Ученый помолчал, потом продолжал так же отрывисто:

— Есть еще много исторических загадок. Все они говорят одно: мало, мало мы знаем! Плохо представляем жизнь древности. Например, здесь у нас в золотой кладовой есть среди скифских изделий одна золотая пряжка. Ей две тысячи шестьсот лет, а на ней изображен ископаемый саблезубый тигр¹ во всех подробностях. Так. А палеонтологи вам скажут, что этот тигр вымер триста тысяч лет назад... Ха!.. В египетских гробницах вы увидите фрески, где с поразительной точностью нарисованы все породы зверей, обитавших в Египте. Среди них неизвестный зверь огромной величины, похожий на гигантскую гиену, — такой не известен ни в Египте, ни во всей Африке. Или в Каирском музее есть статуя девушки, найденная в развалинах города Ахетатона, в Египте, построенного в XIV веке до нашей эры, — вовсе не египтянки, и работа совсем не египетская — будто из другого мира. Мои коллеги вам сразу объяснят короткостилизация, — шутливо растянул слово ученый. А я всегда при этом вспоминаю одну историю. В тех же египетских стенописях часто встречалась одна рыбка. Небольшая, ничем не особенная. Но нарисована всегда кверху брюхом. Как это так: египтяне, такие точные художники, и вдруг неестественная рыба? Объяснили, конечно: и стилизация тут была, и религия, от влияния культа бога Аммона. Вполне убедительно, ну и усно

¹ Саблезубые тигры — вымершая группа крупных кошачьих. Жили в конце третичного и в четвертичном периоде (от 6 миллионов до 300 тысяч лет назад). Отличаются длинными (до 0,3 метра) клыками верхней челюсти и связанной с их развитием способностью очень широко раскрывать пасть. Вероятно, охотились на самых крупных травоядных.

конлись. А спустя пятнадцать лет выяснилось: есть в Ниле и сейчас такая рыбка, и — совершенно точно — плавает она всегда кверху брюхом. Поучительно!.. Вот заговорился я, увлекся! До свиданья, молодые люди, интересуйтесь загадками истории.

Одну минутку... профессор! — воскликнула девушка. — Неужели вы сами не можете объяснить эту вещь? Ну так, сами для себя. Скажите нам... — Девушка смущалась.

Ученый улыбнулся:

— Что с вами поделать! То, что я скажу вам, будет просто догадка, не больше. Одно несомненно: настоящее искусство отражает жизнь, само живет и поднимается к новым высотам только в борьбе против старого. В те далекие времена, когда была создана эта гемма, процветали бесправие и рабство. Множество людей влачило болезненную жизнь. Но угнетенные поднимали оружие против беспощадного рабства. И вот, глядя на изображение трех воинов, хочется думать, что их дружба возникла в битве за свободу... Может быть, они вместе бежали на родину из плена... Мне кажется, эта гемма еще одно свидетельство далекой борьбы, которая бушевала тогда, но скрыта от нас веками. Сам неизвестный художник, возможно, участвовал в борьбе... Да это и не может быть иначе... От этого так и совершенно его произведение. Это, так сказать, одинокая победа нового над старым, свершенная в глубине прошлых веков. Эти свидетельства, доходящие до нас, особенно привлекают внимание наших людей, поднявшихся на борьбу со всем тем, что мешает росту нового. Во всем — в жизни, науке, искусстве. Вот и вы оба сразу обратили внимание на эту гемму среди множества резных камней.

Девушка и юноша снова приникли к стеклу, ошеломленные потоком сведений. Камень казался им таинственным и влекущим.

Глубокий, ясный и чистый цвет моря... На нем братское объятие трех людей. Сверкающий камень, как бы передавший свой свет прекрасным телам, здесь, в пасмурном, строгом зале... Юная девушка, полная жизни и женственного обаяния, стояла будто на краю моря.

Молодой моряк со вздохом распрямил уставшую спину. Девушка еще продолжала смотреть. Издалека по гулким проходам донесся топот ног и шум приближающейся экскурсии. Тогда и девушка оторвалась от стекла.

Щелкнул выключатель, рамка была поднята, а голубо-то-зеленый кристалл продолжал сверкать на бархат

— Мы придем еще сюда, правда? — спросил моряк

— Конечно, придем! — отозвалась девушка.

Юноша нежно взял ее под руку, и они задумчиво шли вверх по белым ступеням лестницы.

Глава первая

УЧЕНИК ХУДОЖНИКА

Плоский камень далеко выдавался в море. Оно, невидимое в ночной темноте, слабо плескалось внизу. Камень еще не потерял дневной теплоты, и юноше не мешали порывы прохладного ветра, пробегавшие между скалами.

Юноша задумчиво смотрел вдаль, туда, где тонул в тьме конец серебряной полосы Млечного Пути. Он следил за падающими звездами. Они вспыхивали сразу в множестве, пронизывали небо сверкающими иглами и скрывались за горизонтом, потухая, как раскаленные стрелы, упавшие в воду. Вновь рассыпались по небу огненные стрелы и улетали в неведомую даль, в сказочные страны, лежавшие за морем, у самых пределов Ойкумены¹.

«Спрошу у деда, куда они падают», — решил юноша и тут же подумал, как хорошо было бы летать так через небо, прямо к неизвестной цели.

Да, он уже не юноша — еще несколько дней, и он достигнет возраста воина. Но не воином он будет, а делается знаменитым художником, прославленным скульптором. Он отличался от многих людей врожденной способностью видеть формы природы, чувствовать и запоминать их... Так сказал ему учитель — художник Агнор. И в самом деле, там, где другие равнодушно проходили мимо, он останавливался, потрясенный до глубины души, замечая то, чего еще не мог осмыслить и объяснить. Многообразные лики природы влекли его своими ежечасными переменами. Позже взор стал острее. Юноша мог сам выделять и надолго удерживать в памяти

¹ Ойкумена — населенная земля; по представлениям древних греков, окруженная кольцом пустынной, необитаемой суши, обтекаемой кругом океаном.

черты, которые находил прекрасными. Неуловимая красота гналась повсюду — в изгибе гребня бегущей волны и в развевавшихся ветром завитках волос Тессы, дочери учителя, в стройных колоннах сосновых стволов и в грозных утесах, надменно возвышавшихся над морем. С тех пор стремление к созданию прекрасных форм стало его целью. Показать красоту тем, кто не в состоянии уловить ее. И что может быть прекраснее, чем тело человека! Но его передать — как раз самое трудное...

Вот почему так непохожи эти подхваченные памятью живые черты на те изображения богов и героев, которые он видит вокруг, которые сам учился делать! Даже творения самых искусных мастеров Энниады¹ не могли дать убедительного изображения живого человеческого тела.

Юноша смутно чувствовал, что в них искусственно выпячены и грубо усилены только отдельные черты, выражающие радость, волю, гнев или ласку, но и только. Ради силы впечатления скульптор жертвовал всем остальным. Нет, он должен суметь передать красоту! Тогда он сделается величайшим скульптором своей страны и люди будут прославлять его, восторгаясь созданными им произведениями. В них живая красота впервые будет навеки запечатлена в бронзе или камне!

Юноша далеко унесся в смелых мечтах, но тут сильная волна гулко плеснула ввысь. Несколько капель попало на камни и на лицо юноши. Он вздрогнул, очнувшись, и смущенно улыбнулся в темноте. Боги! Еще, наверное, далеко то время... А сейчас Агенор часто бранит его за неумелую работу и почему-то всегда оказывается правым... А дед? Тот мало интересуется его успехами как художника. Он озабочен только тем, чтобы сделать из своего внука знаменитого борца. Как будто для художника нужна сила! И все-таки хорошо, что дед так воспитал его!.. Юноша знал, что он на редкость силен и вынослив. Как приятно показать свою силу и ловкость на пещерных состязаниях в селении перед Тессой, радостно замечая огонек одобрения в глазах девушки!

Юноша вскочил с горящими щеками, все мускулы его тела напряглись. Он с вызовом подставил грудь ветру, поднял лицо к звездам и вдруг тихо рассмеялся.

¹ Энниада — южный угол Акарнании, страны на юго-западной оконечности Северной Греции. Речь идет о Древней Элладе до ее объединения и расцвета.

Медленно приблизился он к краю камня, взглянул в темноту, казавшуюся бездонной, и, звонко крикнув, прыгнул вниз. Сразу ожила тихая, молчаливая ночь. Внизу было море, ласково охладившее его разгоряченную кожу, засверкавшее мельчайшими огоньками вокруг рук и плеч.

Волны, играя, выталкивали юношу наверх, стремились отбросить назад. Он поплыл, угадывая в темноте колебания воды, уверенно вскидываясь на высокие волны, внезапно встававшие перед ним. Сердце слегка замирало — море словно не имело ни дна, ни края, сливаясь с темным небом в одно целое. Он был наедине со звездами.

Большая волна подбросила юношу; он увидел на берегу отдаленный красный огонь. Легкое движение и волны послушно понесли юношу на берег, к едва сгустившему пятну песчаной отмели.

Слегка вздрагивая от холода, он снова вскарабкался на плоский камень, поднял свой плащ из грубой шерсти, свернул его и пустился бежать по берегу к огоньку костра.

Далеко вокруг разносился ароматный дым горевшего хвороста, собранного в зарослях кустарника.

В слабом свете тусклого пламени обозначалась стена маленького дома, сложенного из угловатых камней, над ней выступ камышовой крыши. Далеко протянутые ветви одинокого платана прикрывали жилище от непогоды. У костра задумчиво сидел старик в сером плаще. Услышав шаги, он с улыбкой повернул в сторону проходившего юноши морщинистое лицо, темный загар которого оттенялся седой курчавой бородой.

— Где ты был так долго, Пандион? — с укоризной сказал старик. — Я уже давно вернулся и хотел поговорить с тобой.

— Я не думал, что ты так скоро, — оправдывался юноша, — и бегал купаться. Я готов слушать тебя хоть всю ночь.

Старик отрицательно покачал головой:

— Нет, беседа будет длинной, а утром тебе рано вставать. Я хочу завтра сделать тебе испытание, и нужно, чтобы ты был в полной силе. Вот свежие лепешки я привез новый запас — и мед. Сегодня праздничный ужин: поешь, но, как подобает воину, немного и без жидкости.

Юноша с удовольствием разломил лепешку и погрузил ее белый мягкий излом в глиняный горшочек с медом. Он ел, не отрывая глаз от деда, молча и нежно смотревшего на внука. Удивительны и совершенно одиоковы были глаза у старика и юноши — сияющие, золотистые, подобные сгущенному цвету солнечного луча. Народное поверье говорило, что люди, обладавшие такими глазами, происходили от земных возлюбленных самого «сына высоты» Гипериона¹, бога солнца.

Я думал сегодня о тебе, когда ты уехал, — заговорил юноша. — Почему другие аэды² живут в хороших домах и сытно едят, ничего не зная, кроме своих песен? А ты, дедушка, знаешь так много, так искусно слагаешь новые песни, а должен трудиться у моря. Лодка уже тяжела тебе, а я только один у тебя помощник. Ведь у нас нет рабов!

Старик улыбнулся и опустил перевитую жилами руку на кудрявую голову Пандиона:

— И об этом я хотел говорить с тобой завтра. Сейчас скажу только, что разные песни можно слагать о богах и людях. И если ты честен перед самим собою и открыты глаза твои, эти песни не будут приятны знатым владельцам земель и военным начальникам. И ты не будешь иметь ни богатых даров, ни рабов, ни славы, тебя не будут звать в большие дома, и песни не доставят тебе пропитания... Пора спать, — оборвал себя старик. — Смотри, Колесница Ночи³ уже поворачивается в другую сторону неба. Быстро мчатся ее черные кони, а отдых нужен человеку, чтобы быть сильным. Идем. — И старик направился к узкому входу убогой хижины.

Старик рано разбудил Пандиона.

Приближалась холодная пора осени: небо было в тучах, пронизывающий ветер шелестел сухим камышом, иван чахотка трепетал разрезанными листьями.

Под суровым и требовательным наблюдением деда Пандион занялся гимнастическими упражнениями. Тысячи тысяч раз, с детских лет, проделывал он их на вос-

¹ Гиперион, позднее Феб — бог солнца у греков.

² Аэды — народные певцы в древние времена истории Эллады. Позднее стали называться рапсодами.

³ Колесница Ночи — Большая Медведица.

ходе и закате солнца, но сегодня дед выбирал труднейшие упражнения и все увеличивал их число.

Юноша метал тяжелое копье, бросал камни, перепрыгивал через препятствия с мешком песка за плечами. Наконец дед привязал к его левой руке тяжелый наплыв орехового дерева, в правую дал узловатую дубину, а к голове прикрепил обломок каменного горшка. Сдерживая смех, чтобы не потерять дыхание, Пандион по зову, данному дедом, пустился бежать на север, туда, где береговая тропинка огибала крутой каменистый склон. Он вихрем пронесся по тропе, вскарабкался на первый уступ обрыва, спустился и еще быстрее побежал обратно. Старик встретил внука у хижины, освободил от всего снаряжения и приник щекой к его лицу, стараясь по дыханию определить степень утомления.

Юноша, помолчав, сказал:

— Я мог бы проделать это еще много раз, прежде чем попросить отдыха.

— Да, это так, — ответил старик медленно и горло выпрямился: — Ты можешь быть воином, способным сражаться неутомимо и носить тяжесть медного оружия! Мой сын, твой отец, дал тебе здоровье и силу, я укрепил их в тебе и сделал тебя выносливым и смелым. — Старик окинул взглядом фигуру юноши, одобрительно посмотрел на широкую выпуклую грудь, на сильные мышцы под гладкой, без единого пятнышка, кожей и продолжал: — У тебя нет родных, кроме меня, слабого старика, нет богатств и слуг, а вся наша фратрия¹ — три небольших селения на каменистом берегу... Мир велик, и много опасностей грозит одинокому человеку. Самая большая из них — потерять свободу, быть захваченным в рабство. Потому я приложил столько усилий, чтобы сделать из тебя воина, отважного и способного на любое боевое дело. Теперь ты свободен и можешь служить своему народу. Пойдем принесем сейчас жертву Гинериону, нашему покровителю, в честь наступления твоей зрелости.

Дед и внук направились вдоль зарослей побуревшей осоки и камышей туда, где, выдаваясь далеко в море, длинным валом поднимался узкий мыс.

Два толстых, широко распластавшихся дуба росли на

¹ Фратрия — объединение нескольких родов. Из фратрий состояло племя в древние времена, когда еще силен был родовой общественный уклад жизни.

конце мыса. Между ними из грубых плит известняка был сложен жертвенник, а позади стоял потемневший деревянный столб, обтесанный в виде человеческой фигуры. Это был древний храм, посвященный местному богу — реке Ахелу, впадавшей здесь в море. Устье реки терялось в зеленых зарослях, кишевших птицами, прилетающими с севера.

Впереди открывалось затуманившееся море. Оттуда шли волны, с плеском набегавшие на острый конец мыса, похожий на шею громадного животного, погрузившего голову в воду.

Торжественный гул волн, пронзительные крики птиц, свист ветра в камышах и шум дубовых ветвей — все эти звуки сливались в тревожную раскатистую мелодию.

На грубом каменном жертвеннике старик развел огонь. Он бросил в пылающий костер кусок мяса и лещуку. Окончив жертвоприношение, старик подвел Пандиона к большому камню у обрывистого края мшистой скалы и велел отвалить его в сторону. Юноша легко справился с тяжестью и по указанию деда засунул руку в глубокую щель между двумя слоями известняка. Звякнул металл — Пандион извлек покрытые зелеными пятнами окиси медный меч, шлем и широкий пояс из квадратных медных пластин, служивший панцирем для нижней части туловища.

— Это оружие твоего рано погибшего отца, — тихо сказал дед. — Щит и лук ты должен будешь добыть себе сам.

Юноша, взволнованный, склонился над боевыми доспехами, осторожно счищая с металла налет окиси.

Старик сел на камень и, прислонившись спиной к скале, молча наблюдал за внуком, стараясь скрыть от него свою печаль.

Пандион, оставив доспехи, бросился к деду и порывисто обнял его. Старик обхватил рукой стан юноши, чувствуя твердость его могучих мышц. Деду казалось, что он и его давно погибший сын как бы возрождались заново в этом юном теле, созданном для борьбы.

Старик повернул к себе лицо внука и долго смотрел в открытые золотистые глаза:

— Теперь тебе надлежит решить, Пандион: пойдешь ли ты к вождю нашей фратрии, чтобы стать его воином, или останешься подручным у Агенора.

— Останусь у Агенора, — не раздумывая, ответил

Пандион.— Если я пойду в селение к начальнику, мне придется там жить, есть вместе со всеми в собрании мужчин, и тогда ты останешься один. Я не хочу разлучиться с тобой и буду помогать тебе.

— Нет, теперь мы должны расстаться, Пандион, но усилим, но твердо сказал старик.

Юноша удивленно отпрянул, но рука деда удержала его.

— Я исполнил обещание, данное моему сыну твоему отцу, Пандион,— продолжал старик.— Теперь ты вступаешь в жизнь. Начало твоего пути должно быть свободно, а не отягчено заботой о беспомощном старике. Я удалюсь из нашей Энниады в плодородную Элиду¹, где живут мои дочери со своими мужьями. Когда ты станешь прославленным мастером, ты найдешь меня...

На горячие протесты юноши старик только отрицательно качал головой. Много ласковых, умоляющих, умоляющих слов было сказано Пандионом, пока он не понял, что непреклонное решение деда выношено годами, укреплено жизненным опытом.

С печалью, камнем лежавшей на душе, юноша весь день не отходил от деда, помогая ему готовиться к отъезду.

Вечером они оба уселись у перевернутой, заново перекопанной лодки, и дед достал свою старую, выцветшую лиру. По-молодому сильный голос старика понесся вдоль берега, замирая вдали. Печальный напев напоминал размеренный плеск моря.

По просьбе Пандиона старик пел ему предания о происхождении их народа, о соседних землях и странах.

Сознавая, что он слушает деда в последний раз, юноша жадно ловил каждое слово, стараясь запомнить все, ни, с детства неразрывно слитые у него с обликом деда. Пандион образно представлял себе древних героев, объединявших разные племена.

Старый аэд пел о суровой прелести своей родины, где сама природа есть земное воплощение богов, о величии людей, умеющих любить жизнь и побеждать природу, не прячась от нее в храмы, не отворачиваясь от настоящего.

¹ Элида — область в северо-западной части Пелопоннесского полуострова.

И сердце юноши взволнованно билось перед дорогими, будущими в неведомую даль, открывающими за каждым поворотом новое и неожиданное.

Утром как будто вернулось жаркое лето. Чистая синица неба дышала зноем, неподвижный воздух наполнился звоном цикад, и солнце ослепительно отражалось на белых скалах и камнях. Море стало прозрачным и лениво колыхалось у берегов, приняв вид старого вина, колеблющегося в исполинской чаше.

Когда лодка деда скрылась вдали, тоска стеснила грудь Пандиона. Он упал, упершись лбом на скрещенные руки. Он почувствовал себя мальчиком, одиноким и покинутым, потерявшим с отъездом любимого деда часть своего сердца. Слезы текли по рукам Пандиона, но это уже не были слезы ребенка, они катились редкими тяжелыми каплями, не облегчая горя.

Далеко отошли мечты о великих делах. Ничто не утешало юношу — он хотел быть вместе с дедом.

Медленно и неумолимо пришло сознание невозвратимости потери, и юноша справился с собой. Устыдившись слез, закусив губы, он поднял голову и долго смотрел в морскую даль, пока смятенные мысли не потекли последовательно и плавно. Пандион встал, окинул взглядом горящий на солнце берег, маленький домик под плаганом, и снова тоска сделалась нестерпимой. Он понял, что дни юности миновали, что не вернется уж никогда беззаботная жизнь с ее наивными, полудетскими мечтами.

Медленно побрел Пандион к дому. Там он опоясался мечом и завернул в плащ свои вещи. Юноша плотно закренил дверь, чтобы буря не ворвалась в дом, и пошел по каменистой тропинке, чисто выметенной морскими ветрами. Сухая и жесткая трава грустно шелестела под ногами. Тропинка подошла к холму, покрытому густым темно-зеленым кустарником, мелкие листья которого, нагретые солнцем, издавали аромат свежих оливковых веточек. Здесь тропа разветвлялась на две: одна вела направо, к группе рыбацких хижин, стоявших на берегу моря, другая шла вдоль берега реки к селению. Пандион повернул налево; за холмом его ноги окунулись в горячую белую пыль, стрекотание цикад заглушило шум моря. Основание каменистого склона горы у реки

тонуло в деревьях. Узкие листья олеандров, тяжелые и лишь смоковниц перемежались с пышными кронами огромных орехов — все это сливалось в сплошную клубящуюся массу, казавшуюся почти черной у обрывов белых известняков. Тропинка нырнула в прохладную тень и после нескольких поворотов привела к поляне, застроенной небольшими домиками, теснившимися к пологим скатам виноградников.

Юноша ускорил шаги и направился к низкому белому строению, скрывавшемуся за узловатыми стволами олив. Он вошел под навес, и навстречу ему поднялся невысокий чернобородый пожилой мужчина — мастер лукозоджик Агенор.

— Ты пришел, Пандион! — радостно приветствовал юношу художник. — А я уже думал посылать за тобой! А, вот что! — Агенор заметил вооружение Пандиона. Дай я обниму тебя, мой мальчик... Тесса, Тесса! — крикнул он. — Смотри, какой воин пришел к нам!

Пандион быстро повернулся. Из внутренней двери выглянула девушка в темно-красном химатионе¹, накинутом поверх выгоревшего голубого хитона². Радостная улыбка показала безупречные зубы, но через мгновение девушка нахмурилась, спрятав улыбку, и холодно обвела юношу взглядом.

— Видишь, Тесса рассердилась на тебя: два долгих дня ты не мог прибежать к нам и предупредить, что не будешь работать, — упрекнул Пандиона художник.

Юноша стоял молча, опустив голову и исподлобья переводил взгляд с девушки на учителя.

— Что с тобой, мой мальчик... то есть уже не мальчик, а воин? — спрашивал Агенор. — Ты печален сегодня. И что это за сверток ты принес?

Прерывающимся голосом, бессвязно, вновь переживая испытанное, Пандион рассказал об отъезде деда.

Пришла жена художника — мать Тессы.

Художник положил обе руки на плечи юноши:

— Мы давно полюбили тебя, Пандион, и рады тебе! А я счастлив, что ты выбрал путь художника и предположил его жизни воина. Она не минует тебя позднее, с собой

¹ Химатион — верхняя одежда эллинских женщин: примитивный кусок ткани в виде шали. Набрасывался через плечо, в плохую погоду надевался и на голову.

² Хитон — длинная одежда без рукавов из тонкой ткани. Длиннее одеяние эллинских женщин.

как же тебе нужно достичь многого, что дается лишь долгим трудом и размышлениями.

Пандион, по обычаю, склонился перед женой Агенора, и та покрыла его голову краем плаща, а затем нескоро прижала к груди.

Девушка радостно вскрикнула и, смутившись, скрылась в глубине дома, провожаемая улыбкой отца.

Агенор, отдыхая, присел у входа в мастерскую. У дома росли старые оливковые деревья. Их огромные узловатые стволы причудливо переплетались, и задумчивый взор художника находил в них очертания людей и животных. Одно дерево напоминало коленапреклоненного великана, поднявшего над согнутой шеей широко расставленные руки. У другого корявые выступы ствола сливались в скорченное страданием, безобразное туловище. И все деревья сгибались, казалось, с усилием подталкивая вверх тяжелую массу бесчисленных ветвей, покрытых серебристыми мелкими листьями.

По другую сторону дома мелькнула женская фигура в праздничном ярко-синем химатионе с золотыми блестками. Художник узнал дочь в тот самый момент, когда девушка скрылась за склоном холма. Неслышно ступая босыми ногами, к Агенору приблизилась его жена и села рядом.

— Тесса опять пошла в сосновую рощу к Пандиону, — сказал художник и прибавил: — Дети думают, что нам неизвестна их маленькая тайна!

Жена его весело засмеялась, но, внезапно став серьезной, спросила:

— Что ты думаешь о Пандионе теперь, когда он прожил у нас больше года?

— Я люблю его еще больше, — ответил Агенор, и жена согласно наклонила голову. — Но... — Художник замолчал, обдумывая дальнейшие слова.

— Он хочет слишком многого, — закончила за него жена.

— Да, он хочет многого, и много ему дано от богов. И некому научить его — я не могу дать ему то, что он ищет, — сказал художник с ноткой грусти в голосе.

— А мне кажется, что он мечется, не находя себя. Он не похож на других юношей, — тихо сказала жена. —

И я не понимаю, что ему еще нужно, а иногда просто жаль его.

— О милая, ты права: не даст ему счастья стремление достигнуть того, чего никто не сумел еще сделать. А тревогу твою... Я понимаю ее причину: ты боишься ли Тессу?

— Нет, не боюсь, дочь моя горда и смела. Но я чувствую, что любовь к Пандиону может принести ей много горя. Плохо, когда человек, как Пандион, одержим исканиями — тогда любовь не излечит его от вечной тоски...

— Как излечила меня, — ласково улыбнулся жене ху дожник. — А когда-то я, пожалуй, ходил на Пандиона.

— Ну нет, ты всегда был спокойнее и крепче, — сказала жена, погладив седеющую голову Агенора.

Тот посмотрел вдаль, за деревья, куда скрылась Тесса. Девушка торопливо шла к морю, часто оглядываясь, хотя и знала, что так рано в праздничный день никто не пойдет в священную рощу.

От белых обрывов бесплодных каменистых гор уже веяло жаром. Сначала дорога пролегла по равнине, покрытой колючками, и Тесса шла осторожно, чтобы не порвать подол своего лучшего хитона из тонкой, полу прозрачной материи, привезенной из-за моря. Дальше местность вспучилась холмом, сплошь покрытым крошечными красными цветами. В ярком солнце холм пылал, как будто залитый темным пламенем. Здесь не было колючек, и девушка, высоко подобрвав складки хитона, побежала.

Быстро миновав одинокие деревья, Тесса очутилась в роще. Стройные стволы сосен отливали восковым лиловым блеском, раскидистые вершины шумели под ветром, а ветви, опущенные мягкими, в ладонь длиной иглами, превращали яркий солнечный свет в золотую пыль.

Запах нагретой смолы и хвои смешивался со свежим дыханием моря и разливался по всей роще.

Девушка пошла медленнее, бессознательно подчинившись торжественному покою рощи.

Направо среди стволов перед нею возвышалась серая, обсыпанная хвоей скала.

На полянку падал столб солнечного света, и сосны вокруг казались вылитыми из красной меди. Сюда от нее доносился рокочущий гул моря — невидимое, оно ни поминало о себе низкими мерными аккордами.

Из-за скалы навстречу Тессе выбежал Пандион и прижал девушку к себе, затем слегка оттолкнул ее и зорко осмотрел, словно стремясь вобрать в себя весь ее облик.

Завитки ее блестящих черных волос трепетали вокруг гладкого лба, узкие брови приподнимались к вискам, переливаясь чуть заметно, и это придавало большим синим глазам едва уловимое выражение насмешливой гордости.

Тесса мягким движением отстранилась.

— Поспеши, сюда скоро придут! — сказала она, нежно глядя на юношу.

— Я готов.— С этими словами Пандион подошел к скале, расщелившейся узкой вертикальной пещерой.

На глыбе известняка стояла незаконченная статуя в половину человеческого роста из плотной глины. Тут же были разложены деревянные инструменты скульптора — изогнутые пилочки, ножи и лопатки.

Девушка сбросила синий химатион и медленно подняла руки к застежкам, скреплявшим сборки разрезанной вдоль плеч легкой ткани.

Пандион следил за ней, улыбаясь и перебирая инструменты, но, когда он отвернулся к статуе, восторженная улыбка медленно сползла с его лица. Еще очень далеко было этому грубому изображению до восхитительной живой Тессы. Но все же в глине появились уже все пропорции ее тела. Сегодня решающий день: подготовка кончена. Он перенесет на недвижимую глину обаяние живых линий.

Пандион хмуро и решительно повернулся к Тессе. Та, не коса взглянув на него, кивнула головой. Потупив глаза, девушка оперлась на ствол сосны, подложив одну руку под затылок. Пандион молча погрузился в работу. Взгляд юноши сделался пронзительным, глаза перебежали с тела подруги на глину и обратно, запоминая, соразмеряя и сравнивая.

Много дней уже шла эта борьба творческих рук с мертвой, безразлично податливой глиной, которую нужно было заставить принять прекрасную форму живого.

Время шло. Чуткое ухо юноши уже несколько раз улавливало подавленные вздохи уставшей Тессы.

Пандион прекратил работу, отступил от статуи, и Тесса невольно вздрогнула, услышав горький стон разочарования. Изображение стало гораздо хуже. То, что жило в нем и привлекало едва намеченными чертами, те-

перь, приглаженное и определившееся, умерло. Измени- ние стало лишь тяжелым подобием смуглого тела Тессы, стоявшей перед огромным сосновым стволом.

Закусив губы, юноша сравнивал Тессу со статуей, и непременно стараясь отыскать ошибку. Ошибки не было это нельзя было назвать ошибкой: просто он не смог передать жизнь, остановить изменчивое движение форм тела. Ему казалось, что сила его любви, его восхищения красотой Тессы позволит ему подняться высоко, совершить великий творческий подвиг — и явится миру невиданная статуя... Так было вчера, было еще полчаса тому назад! И вот он не может... не умеет... не в силах... Даже для Тессы, которую так любит! Что же теперь делать! Весь мир померк для Пандиона, инструменты упали на землю, кровь бросилась в голову. В отчаянии, сознавая свое бессилие, юноша бросился к девушке и упал, обняв ее колени, перед ней.

Девушка, смущенная и недоумевающая, положила ладони на горячее, поднятое вверх лицо Пандиона.

И вдруг инстинктивным чутьем женщины она поняла, что делается в душе художника. С материнской любовью она склонилась над юношей, говорила ласковые слова, прижимала к себе голову Пандиона, скользя тонкими пальцами по кольцам коротких волос.

Бурное отчаяние юноши улеглось.

Вдали послышались голоса. Пандион оглянулся кругом; порыв его угас, а с ним ушла и гордая надежда. Ему казалось, что его юношеская мечта никогда не сбывается. Скульптор подошел к своей статуе и остановился в раздумье. Маленькая рука Тессы легла ему на согнутый локоть.

— Не смей, неразумный мальчик,— прошептала девушка.

— Не могу, не смею, Тесса,— согласился Пандион, и отрывая взгляда от изваяния.— Если бы эта...— юноша запылулся,— не была сделана с тебя, если бы не ты, и уничтожил бы ее сейчас же. Эта вещь так груба и некрасива, что не должна существовать и чем-то напоминать твой облик...— С этими словами юноша легко сдвинул камень вместе со статуей в глубь пещеры. Он старательно замаскировал узкую щель обломками камней и пригоршнями сухой хвои...

Юноша и девушка направились на звук морского прилива. Они долго шли молча. Пандион заговорил, старинно

передать любимой свою тоску и разочарование. Девушка убеждала Пандиона не оставлять попыток, говорила о своей уверенности в нем, в его способности выполнить задуманное. Но Пандион был непреклонен. Сегодня он понял, что еще далек от подлинного мастерства, что дорога к настоящему искусству лежит через долгие годы упорного труда.

Нет, Тесса, я теперь знаю, что не могу воплотить тебя в статуе! — страстно говорил он. — Я беден здесь и здесь, — он притронулся к сердцу и глазам, — чтобы передать твою красоту...

— Разве она не твоя, Пандион? — Девушка порывисто закинула руки за шею художника.

— Да, Тесса, но как я иногда страдаю от нее! Я никогда не устану любоваться тобою и в то же время... не могу этого выразить... Каждый миг кажется последним. Точно вот-вот исчезнет твоя красота, подобно улетевшему звуку песни... Ты ушла, и я не могу изобразить твои черты, самому себе рассказать о них! А я должен воплотить тебя в глине, дереве, камне. Я должен понять, почему так трудно передать красоту, ибо если я сам не осмыслю этого, то как я смогу сделать живыми свои творения?

Тесса внимательно слушала юношу и, чувствуя, что сейчас перед ней открыта вся душа Пандиона, с горечью понимала свое бессилие. Тоска художника передавалась и ей, на сердце росла неопределенная тревога.

Вдруг Пандион улыбнулся, и не успела Тесса опомниться, как мощные руки подняли ее на воздух. Пандион побежал к берегу, опустил девушку на влажный песок и сам скрылся за круглым холмом.

Мгновение — и девушка увидела голову Пандиона на гребне приближавшейся волны. Скоро юноша вернулся. От недавней печали не было и следа. И происшедшее в роще показалось Тессе не таким серьезным. Она тихо рассмеялась, вспомнив свое жалкое глиняное подобие и удрученное лицо его создателя.

Пандион тоже подсмеивался над собой, как мальчик, выстался перед девушкой своей ловкостью и силой. Так, медленно, часто останавливаясь, шли они к дому. И только на самом дне души Тессы продолжала гнездиться тревога.

Агенор тронул рукой колени Пандиона:

— Народ наш еще молод и беден, мой сын. Нужны

века жизни в достатке, чтобы сотни людей могли посвятить себя высокому мастерству художника, сотни людей могли предаться изучению красоты человека и мира. А мы еще так недавно изображали своих богов, обтесывая каменные или деревянные столбы... Но вот ты стремишься понять законы красоты, и я могу предсказать, что наш народ пойдет далеко по пути изображения прекрасного. А сейчас в древних и богатых странах мастера в сто раз искуснее нас...

Художник встал и извлек из угла комнаты большой ларец желтого дерева, достал из него сверток, покрытый красной материей. Сняв ее, он осторожно поставил перед Пандионом статуэтку в локоть величиной, сделанную из слоновой кости и золота. Слоновая кость от времени пожелтела, и ее полированная поверхность покрылась мельчайшими черными трещинками.

Статуэтка изображала женщину, державшую в протянутых руках двух змей, завившихся кольцами до локтевых сгибов. Тугой пояс с валиками по краям охватывал необычайно тонкую талию, поддерживая длинную, до пят, юбку, сильно расширяющуюся книзу и украшенную нитью поперечными золотыми полосками. Спину, плечи, бока и верхние части рук закрывала легкая накидка, оставлявшая обнаженной грудь и живот до талии.

Тяжелые волнистые волосы были подняты узлом на затылке, как у эллинских женщин, а на темени. От узла отделялись густые пряди, покрывая сзади шею и спину.

Ничего подобного Пандион еще не видел. Чувствовалось, что эта статуэтка — создание великого мастера. Особенно привлекало внимание странно равнодушное лицо статуэтки — плосковатое и широкое, с тяжело обозначенными скулами, с толстыми губами, со слегка выдающейся вперед нижней частью.

Прямые широкие брови усиливали выражение равнодушия на лице женщины, но пышная грудь высоко вздымалась, точно в нетерпеливом вздохе.

Пандион оцепенел! Если бы он обладал искусством неизвестного мастера! Если бы резец его мог с такой же точностью и изяществом передать форму, оживавшую под розовато-желтой поверхностью старой кости!

Агенор, довольный произведенным впечатлением, следил за юношей и медленно поглаживал щеку концами пальцев.

Прервав молчаливое созерцание, Пандион отставил драгоценную статуэтку подальше. Не отрывая глаз от ускло поблескивавшего творения древнего мастера, юноша тихо и грустно спросил учителя:

Это из древних восточных городов? ¹

О нет! — отвечал Агенор. — Она древнее их всех, древнее богатых золотом Микен, Тиринфа и Орхомен ². Я взял ее у Хризаора, чтобы показать тебе. Его отец в молодости плывал с отрядом на Крит и нашел ее среди остатков древнего храма в двадцати стадиях ³ от развалин города морских царей ⁴, разрушенного страшными землетрясениями.

— Отец, — юноша, сдерживая волнение, с мольбой прикоснулся к бороде художника ⁵, — ты знаешь так много. Неужели ты не смог бы, если бы захотел, перенять искусство древних мастеров, научить нас, повести туда, где сохранились прекрасные творения? Неужели ты никогда не видел этих дворцов, воспетых в легендах? И много раз мечтал о них, слушая деда!

Агенор опустил глаза. Тень набежала на спокойное и приветливое лицо.

— Я не сумею объяснить тебе, — ответил он после недолгого размышления, — но ты сам скоро это почувствуешь: то, что умерло, нельзя возродить. Оно чужое нашему миру, нашей душе... оно прекрасно, но безнадежно... чарует, но не живет.

— Я понял, отец! — страстно воскликнул Пандион. — Мы будем только рабами мертвой мудрости, хотя и в совершенстве будем подражать ей. А нам нужно стать равными древним мастерам или сильнее их, и тогда... о, тогда!.. — Юноша замолчал, не находя слов.

Агенор загоревшимися глазами посмотрел на своего

¹ Пандион подразумевает восточную часть Греции, где в доэллиническое время, во второй половине II тысячелетия до нашей эры (1600—1200 гг.), был расцвет так называемой микенской культуры, непосредственно сменившей критскую. Эгейская, или критская, культура — еще не разгаданная культура доэллинического периода в Средиземноморье. (в среднем — тысячелетие до нашей эры).

² Микены, Тиринф, Орхомены — культурные центры Микенской эпохи.

³ Стадия — мера расстояния, приблизительно равная 180 метрам.

⁴ Город Кносс — центр эгейской (критской) культуры.

⁵ Жест-просьбы в Древней Элладе.

ученика, и его жесткая маленькая рука одобрительно сдавила локоть юноши.

— Ты хорошо сказал то, что я не мог выразить. Да, древнее искусство для нас должно быть мерой и пробой, а идти нужно своим путем. А чтобы этот путь не оказался очень далек, учиться нужно у древней мудрости. Ты умен, Пандион...

Вдруг Пандион мягко скользнул на глиняный пол и обнял ноги художника:

— Отец и учитель, отпусти меня посмотреть древние города... Я не могу, боги мне свидетели... я должен идти все это. Я чувствую в себе силу достигнуть высокого... Мне надо узнать родину тех редкостей, что иногда встречаются у наших людей, поражая их. Может быть, я...— Юноша умолк, покраснев до ушей, но его прямой смелый взор продолжал искать взгляд Агенора.

Тот сосредоточенно смотрел в сторону, хмурился и молчал.

— Встань, Пандион,— наконец произнес художник. Я давно ждал этого. Ты не мальчик, и я не могу удержать тебя, хотя и хотел бы. Ты волен идти куда тебе угодно, но я говорю тебе, как сыну, как ученику... более того, как равный — другу... что желание твоё губительно. Оно грозит тебе страшными бедствиями.

— Я не боюсь ничего, отец! — Пандион откинул назад голову, ноздри его раздувались.

— Я ошибся: ты совсем мальчик,— спокойно произнес Агенор.— Выслушай, положив сердце на ладони, если любишь меня.

И Агенор рассказал, что в восточных городах, где еще живут древние обычаи, осталось много произведений древнего искусства. Женщины, как тысячелетие тому назад на Крите, носят длинные жесткие юбки, раскрашенные с необыкновенной пестротой, и обнажают груди, прикрывая плечи и спину. Мужчины — в коротких рубашках без рукавов, с длинными волосами, вооружены маленькими тяжелыми бронзовыми мечами.

Город Тиринф окружен гигантской стеной в пятьдесят локтей вышины. Эти стены сложены из колоссальных обтесанных глыб, украшенных золотыми и бронзовыми панелями, издаലെка сверкающими на солнце, как огни, разбросанные по стене.

Микены еще величественнее. На вершине высокого холма располагается этот город, ворота из огромных камней

ней оклеены медными решетками. Далеко видны большие постройки с равнины, окружающей холм.

Хотя свежи и ярки краски стенных росписей во дворцах Микен, Тиринфа и Орхомен, хотя по-прежнему по гладким дорогам, выложенным большими белыми камнями, иногда проносятся колесницы богатых землевладельцев, но все больше зарастают травой забвения эти дороги, дворы пустующих домов, даже скаты могучих стен.

Давно прошли времена богатства, времена далеких нашествий в сказочный Айгюптос¹. Теперь вокруг этих городов обитают сильные фратрии, обладающие множеством воинов. Их начальники подчинили себе все вокруг на далекие расстояния, захватили города в свои темны², согнули слабые роды и объявили себя властителями страны и людей.

Здесь, в Энниаде, еще нет таких могучих вождей, как нет городов и красивых храмов. Но зато там больше рабов — жалких, потерявших свободу мужчин и женщин. И среди них не только пленные, захваченные в чужих странах, но и рабы из своих же сограждан, принадлежащих к бедным родам.

И что уж говорить о чужеземных странниках: если не стоит за их плечами могущественная фратрия или племя, с которым ссориться небезопасно даже сильным вождям, или если нет у путешественника многочисленной дружины воинов, тогда только два пути могут быть у странника — смерть или рабство.

— Помни, Пандион, — художник схватил юношу за обе руки, — мы живем в суровое и опасное время! Роды и фратрии враждуют между собой, общих законов не существует, вечный страх рабства висит над головой каждого скитальца. Эта прекрасная страна не годится для путешествия. Помни, что, покинув нас, ты будешь на чужбине без очага и закона, всякий может тебя унижить или даже убить, не боясь пени и мести³. Ты одинок

¹ Айгюптос — греческое название Древнего Египта; произошло от искаженного египетского Хет-Ка-Пта (Дворец Духа Пта) — другое название города Белой Стены (Мемфиса).

² Темен — земельный надел крупного вождя.

³ Убийца подвергался кровавой мести со стороны родственников, но мог заплатить пению по соглашению и тем избавиться себя от преследования.

и беден, я тоже ничем не могу помочь тебе — значю, тебе не собрать даже небольшого отряда. А один ты погибнешь очень быстро, если только боги не сделают тебя невидимкой. Видишь, Пандион, хотя кажется так просто проплыть проливом тысячу стадий от нашего Ахелосова мыса до Коринфа, откуда полдня пути до Микен, день до Тиринфа и три до Орхомен, но для тебя это все равно что отправиться за пределы Ойкумены! — Агенор встал и направился к выходу, увлекая за собой юношу. Ты стал родным мне и моей жене, но я не говорю о нас. Представь страдания моей Тессы, если ты будешь плакать жалкие дни в рабстве на чужбине!

Пандион густо покраснел и ничего не ответил.

Агенор чувствовал, что не убедил Пандиона, а тот в нерешительности колебался между двумя могучими предложениями: одним — удерживавшим его на месте, другим влекущим вдаль, несмотря на неизбежную опасность.

И Тесса, не зная, что будет лучше, то восставала против его путешествия, то, полная благородной гордости, упрашивала Пандиона уехать...

Прошло несколько месяцев, и, когда весенние ветры донесли из-за пролива¹ слабый запах цветущих холмов и гор Пелопоннеса, Пандион окончательно выбрал свой жизненный путь.

Теперь ему предстояло единоборство с чужим и далеким миром. Полгода, которые он хотел провести вдаль от родных мест, представлялись ему вечностью. Временами Пандиона тревожило ощущение, будто он навсегда покидает свою родину... По совету Агенора и других мудрых мужей селения Пандион ехал на Крит — обиталище потомков морского народа, родину древней культуры. Хотя огромный остров находился посреди моря, несравненно дальше древних городов Беотин и Арголиды², поездка туда представлялась более безопасной для одинокого путешественника.

Остров, лежавший в центре морских путей, был заселен теперь разными племенами. На берегах его постоянно встречались иноземцы — купцы, моряки, грузчики. Разноязычное население Крита занималось торговлей и жило в большем мире, чем Эллада, и лучше относилось к приезжим. Только в глубине острова, за горными пере-

¹ Подразумевается Коринфский залив.

² Область в восточной части Греции.

вотими, еще ютились потомки древних племен, враждебно относившиеся к пришельцам.

Пандион должен был переправиться через Калидонский залив к острому мысу, расположенному против южной Ахайи, и здесь наняться гребцом на одно из судов, отправлявшихся на Крит с шерстью после зимнего перерыва; в бурное время года утлые суда избегали дальних плаваний.

В день полнолуния молодежь селения собиралась для танцев на большой поляне священной рощи.

Пандион в задумчивости сидел на маленьком дворике у дома Агенора, угнетенный тоской. Завтра совершится неизбежное — он оторвет от сердца все любимое и родное ему и предстанет перед неизвестной судьбой. Тоска разлуки, жалость к покинутой возлюбленной, неверное будущее — вот ядовитая чаша его пути, одиноких исканий.

В темном и молчаливом доме Тесса шелестела одеждою, потом появилась в черном отверстии двери, оправивши складки наброшенного на плечи покрывала. Девушка негромко окликнула Пандиона, который мгновенно вскочил и устремился ей навстречу. Черные волосы Тессы были закручены на затылке в тяжелый узел и обрамлены по темени тремя лентами, сходявшимися вместе под углом.

— Ты причесалась сегодня, как аттическая девушка! — воскликнул Пандион. — Это красиво!

Тесса, улынувшись, грустно спросила:

— Ты разве не пойдешь танцевать в последний раз, Пандион?

— А разве ты хочешь пойти?

— Да, я буду танцевать для Афродиты, — твердо промолвила Тесса. — И еще журавля.

— Танцевать журавля, этот аттический танец! Для чего ты так и причесана. У нас его, кажется, ни разу не танцевали.

— А сегодня будут все — для тебя, Пандион!

— Почему для меня? — удивился юноша.

— Разве ты забыл — журавля в Аттике танцуют в память, — голос Тессы задрожал, — счастливого возвращения Тезея¹ с Крита и в честь его победы... Пойдем,

¹ Тезей — герой эллинских мифов, отправившийся на Крит и там победивший в подземельях лабиринта чудовище Минотав-

милый! — Тесса протянула обе руки Пандиону, и, прижавшись друг к другу, молодые люди вошли под деревья на краю селения.

Море шумело навстречу, зовуще раскрывало свою беспредельную ширину. В ранних солнечных лучах морская даль вздымалась подобно выпуклой поверхности испанского моста. Да и в самом деле, море было мостом и далеким странам, мостом, соединяющим народы.

Медленные волны, розовея с зарей, несли издалека, может быть от самого сказочного Аягюптоса, клочья белой лотистой пены. И солнечные лучи плясали, дробясь и качаясь, на неустанной, вечно подвижной воде, пронизывая воздух слабым мерцающим сиянием.

За холмом скрылась тропинка, с которой еще были видны селения и семья Агенора, посылавшая последние приветы.

Прибрежная равнина была пустыня. Пандион остался наедине с Тессой перед морем и небом. Впереди, на песке, чернела маленькая лодка, на которой Пандион должен был обогнуть мыс при устье Ахелоя и переплыть Калидонский залив.

Девушка и юноша шли молча. Их медленные шаги были неверны: Тесса в упор смотрела на Пандиона, и он не мог отвести взгляд от лица любимой.

Скоро, слишком скоро они подошли к лодке. Пандион выпрямился, в глубоком вздохе расправил стесненную грудь. Настал момент, ожидание которого дни и ночи угнетало Пандиона. Так много нужно было сказать Тессе в эти последние минуты, но не было слов.

Пандион смущенно стоял, в голове мелькали обрывки мыслей, непоследовательные и бессвязные.

Вдруг Тесса внезапным движением крепко обняла Пандиона за шею и, точно боясь, что их могут подслушать, торопливо и прерывисто зашептала:

— Поклянись мне, Пандион, поклянись Гиперионом страшной Гекатой...¹ Нет, лучше своей и моей любовью, что ты не поедешь дальше Крита, туда, в далекий Ли

ра. Ежегодно красивейшие девушки и юноши обрекались в жертву чудовищу. Тезей избавил родную Аттику от кровавой дани парии Крита.

¹ Геката (далеко разящая) — богиня луны и колдовства у эллинов.

гонтос... где тебя превратят в раба и ты исчезнешь из моей жизни... Поклянись, что вернешься скоро...— Шепот Тессы прервался сдавленным рыданием.

Пандион прижал девушку к себе и произнес клятву, а в это время перед его мысленным взором пронеслись морские дали, утесы, рощи и развалины неведомых селений — все то, что сейчас отделит его от Тессы на шесть долгих месяцев — месяцев, в которые он не будет знать ничего о любимой и она о нем.

Пандион закрыл глаза, чувствуя, как бьется сердце Тессы

Минуты шли, неизбежность разлуки надвигалась, ожидание становилось невыносимым.

— В путь, Пандион, скорее... Прощай...— прошептала девушка.

Пандион вздрогнул, отпустил Тессу и быстро подошел к лодке.

Поддаваясь сильным рукам, лодка медленно сдвинулась, днище зашуршало по песку. Пандион вошел до колен в холодную плещущую воду и обернулся. Борт подбрасываемой на волнах лодки слегка ударял его по ноге.

Тесса, неподвижная, как статуя, стояла, устремив взгляд на мыс, за которым должна была сейчас скрыться лодка Пандиона.

В душе юноши что-то надломилось. Он сорвал лодку с отмели, прыгнул в нее и взялся за весла. Тесса резко повернула голову, и порыв западного ветра подхватил ее распущенные в знак печали волосы.

Лодка быстро отплыла, повинувшись сильным ударам весел, а он, не отрываясь, смотрел на застывшую девушку. Ее лицо было высоко поднято прямо над обнаженным плечом.

Ветер закрыл лицо Тессы ее черными волосами, и девушка не пыталась поправить их. Сквозь волосы Пандиону видны были блестящие глаза, вздрагивающие ноздри прямого маленького носа и яркие полураскрытые губы. А волосы, шевелясь под ветром, густой массой окутывали шею. Концы их завивались бесчисленными колечками на щеке, виске и высокой груди. Девушка стояла без движения, пока лодка не удалилась от берега и не повернула носом на юго-восток.

Тессе казалось, что не лодка огибает мыс, а мыс, темный и мрачный, в тени низкого солнца, выдвигается слева в море, постепенно приближаясь к лодке. Вот он кос-

нулся небольшой чернеющей черточкой в сверкающем море, вот она скрылась за ним...

Тесса, ничего более не сознавая, опустилась на плотный влажный песок.

Лодка Пандиона затерялась среди бесчисленных волн. Давно уже скрылся из глаз мыс Ахелоя, а Пандион продолжал грести изо всех сил, точно боялся, что тоска заставит его вернуться. Он ни о чем не думал, стараясь измучить себя работой под знойным солнцем...

Солнце перешло на корму лодки, и медленные волны приняли цвет темного меда. Пандион бросил весла на дно. Осторожно оттолкнувшись одной ногой, чтобы опрокинуть узкую лодку, юноша прыгнул в море. Освежившись, он поплыл, подталкивая лодку перед собой, потом снова забрался в нее и выпрямился во весь рост.

Впереди виднелся острый мыс, а левее чернел продолговатый островок, ограничивавший с юга Калидонскую гавань — цель его плавания. Пандион снова принялся грести, и островок медленно рос, поднимаясь из моря. Вершина его распалась на отдельные игольчатые кроны деревьев. Скоро ряд стройных кипарисов, похожих на темные наконечники гигантских копий, предстал перед Пандионом. Деревья, защищенные от ветров крючковатым скалистым мысом, поднимавшимся с юга, устремились в чистую синеву неба. Юноша осторожно провёл лодку меж камней, отороченных скользкими рыжеватыми водорослями. Ровное песчаное дно было ясно видно сквозь прозрачную зеленовато-золотистую воду. Пандион вышел на берег, разыскал невдалеке от старого, поросшего мхом жертвенника полянку с мягкой весенней травой и допил запасенную в дорогу воду. Есть ему не хотелось.

До гавани, скрывавшейся по ту сторону острова, было не больше двух десятков стадий.

Юноша решил прийти бодрым и свежим к владельцу корабля. Он лег под узорными ветками.

С необычайной ясностью перед закрытыми глазами Пандиона возникли картины вчерашнего праздника.

Пандион и другие юноши селения лежали в траве, ожидая, пока девушки закончат танец в честь Афродиты. Девушки в легких юбках, собранных вокруг талии из разноцветных лент, танцевали попарно, спиной друг к другу. Взявшись за руки, они посматривали через плечи,

словно каждая из них любовалась красотой своей подружки.

Серебряными волнами в лунном свете взлетали и падали складки белых юбок, смуглые тела танцовщиц гнулись, как гибкие стебли, в такт нежным и протяжным грустным и радостным звукам флейты.

Потом юноши смешались с девушками и начали танец журавля, приподнимаясь на кончиках пальцев и раскидывая в стороны напряженные, как крылья, руки. Пандион был рядом с Тессой, не сводившей с него встревоженных глаз.

Вся молодежь селения была внимательнее обычного к Пандиону. Только лицо одного Эвримаха, влюбленного в Тессу, сияло, показывая, как он рад отъезду соперника. Пандион замечал, что остальные не шутили с ним, как прежде, меньше было задорных колкостей — словно между ним, уезжавшим, и всеми остающимися уже легла какая-то граница. Отношение друзей одновременно выражало зависть и жалость, как к человеку, стоящему на грани большой опасности и выделенному среди всех остальных.

Луна медленно скрывалась за деревьями. На поляну выдвинулось широкое покрывало черной тени.

Танцы окончились. Тесса с подругами спела Иресиону — песню о ласточке и весне, любимую Пандионом. Наконец молодежь парами направилась к тропинке к селению. Пандион и Тесса шли позади всех, намеренно замедляя шаги. Едва они поднялись на гребень холма перед селением, как Тесса вздрогнула и остановилась, прижавшись к Пандиону.

Отвесные обрывы известняковых круч, вздымавшиеся позади виноградников, отражали лунный свет, как исполнившее зеркало. Казалось, над селением, прибрежной равниной и темным морем стояла прозрачная завеса серебристого света, полная зловещего очарования и молчаливой тоски.

— Мне страшно, Пандион, — шепнула Тесса. — Велика мощь Гекаты — богини лунного света, и ты отправишься в те места, где она владевает...

Волнение Тессы передалось Пандиону.

— Нет, Тесса, не на Крите, а в Кари¹ владычеству-

¹ К а р и я — страна на побережье западной оконечности Малой Азии.

ет Геката, туда не лежит мой путь! — воскликнул юноша, увлекая девушку домой...

Пандион очнулся от грез. Нужно было поесть и продолжать путь. Он принес жертву морскому богу и, выйдя на берег, измерил свою тень¹, переставляя ступни ног по ее отмеченной длине. Тень в девятнадцать ступней показала ему, что нужно торопиться — до вечера надо было устроиться на корабле.

Пандион, обогнув на лодке остров, увидел белый каменный столб — знак гавани — и начал грести быстрее.

Глава вторая

ПЕННАЯ СТРАНА

Ветер уныло свистел в жестких кустах, поднимая крупный песок. Хребет протягивался на восток, как дорога, насыпанная неведомыми гигантами. Он, изгибаясь, обрамлял обширную зеленую долину. Горы пологим откосом спускались к морю. Откос был покрыт ковром ярко-желтых цветов и издалика казался огромным куском золота, обрамлявшим сверкающую синеву моря.

Пандион ускорил шаги. Сегодня особенно остро ощущал тоску по покинутой Энниаде. Ему не советовали забираться так далеко, в эту замкнутую горами часть Крита, где потомки древнего морского народа были неприступны с пришельцами.

Пандион торопился. За пять месяцев он побывал в разных концах огромного острова, длинной гористой полосой протянувшегося посреди моря. Молодой скульптор видел чудесные и странные вещи, оставленные древним народом в опустелых храмах и почти безлюдных городах.

Много дней провел Пандион в развалинах гигантского Дворца Секиры в городе Кноссе, первые постройки которого уходили к временам незапамятной давности. Бродя по бесчисленным лестницам дворца, юноша впервые увидел большие залы с красными, суживающимися кверху колоннами, любовался карнизами, ярко расписанными черными и белыми прямоугольниками или украшенными черными и голубыми завитками, напоминавшими череду бегущих волн.

На стенах уцелели великолепные фрески. У Пандиона

¹ Измерением тени определяли время в Древней Элладе.

захватывало дух от восторга, когда он глядел на изображения священных игр с быками, на процессии женщин с сосудами в руках, на девушек, пляшущих внутри ограды, за которой толпились мужчины, на неведомых гибких зверей среди гор и странных растений. Контуры фигур казались Пандиону неестественными с их невероятно тонкими талиями, широкими бедрами и вычурными движениями. Растения тянулись вверх на очень длинных стеблях, почти без листьев. Пандион понимал, что художники прошлых времен намеренно искажали естественные пропорции в стремлении выразить какую-то мысль, но она была непонятна юноше, выросшему на свободе, среди прекрасной, суровой природы.

В Кноссе, Тилиссе и Элире и в таинственных развалинах древней гавани¹, все дома которой вместо обычных тесаных глыб были построены из ровных и гладких плит серого слоистого камня, Пандион видел множество женских статуэток из слоновой кости и фаянса, блюда и чаши из сплава золота и серебра, покрытые тончайшими рисунками, фаянсовые вазы с чудесной пестротой узоров или изображениями морских животных.

Но поражавшее молодого скульптора искусство осталось ему непонятным, как таинственные надписи, встречавшиеся в развалинах и сделанные забытыми знаками на умершем языке. Великое мастерство, проявлявшееся в любой мельчайшей детали каждого произведения, не удовлетворяло Пандиона: ему хотелось большего — воплотить живую красоту человеческого тела, перед которой он преклонялся.

И неожиданно для себя изображения людей и животных, выполненные с большой реальностью, Пандион увидел в произведениях искусства, привезенных из далекого Айгюптоса.

Жители Кносса, Тилисса и Элиры, показывавшие их Пандиону, говорили, что множество подобных вещей сохранилось на Крите в округе Феста, где обитали потомки морского народа. И Пандион, несмотря на предупреждения об опасности, решил проникнуть в горное кольцо на южном побережье Крита.

Еще несколько дней — и, посмотрев все, что можно, он поплывет домой, к Тессе. Пандион был теперь уверен в своих силах. Как ни хотелось ему поучиться у масте-

¹ Так называемом «шиферном городе», древнее название которого осталось неизвестным.

ров Айгюптоса, любовь к родине и Тессе была сильней, крепко держала данная девушке клятва.

Как чудесно будет вернуться домой с последними осенними кораблями, заглянуть в синие блестящие глаза любимой, увидеть сдержанную радость Агенора, учителя, заменившего ему отца и деда!

Пандион, прищурившись, посмотрел на бесконечную ширь моря. Нет, там, впереди, чужие далекие страны, Айгюптос, а его море позади, за высокой горной грядой. Он все еще идет от него, а не к нему. Нужно посмотреть здесь, в Фесте, древние храмы, о которых он много слышал на побережье. Вздохнув, Пандион ускорил шаги, почти побежал. Отрог хребта опускался вниз широким склоном, покрытым, как кочками, каменными буграми, между которыми темнели пятна кустарников. У подошвы склона среди деревьев неясно виднелись развалины громадного здания, полуобрушившиеся стены, остатки сводов и уцелевшие ворота в рамке черно-белых колонн.

Развалины стояли безмолвно, изгибы стен были раскрыты перед Пандионом, точно исполинские руки, приготовившиеся обхватить жертву. Широкие свежие трещины — след недавнего землетрясения бороздили поверхность стен.

Молодой скульптор тихо пошел, стараясь не нарушать покоя руин, вглядываясь в темные углы под уцелевшими колоннами.

Обогнув выступавший угол, Пандион очутился в квадратной зале без крыши, стены которой были расписаны уже знакомыми яркими фресками. Вглядываясь в чередование коричневых и черных мужских фигур, несших щиты, мечи и луки среди странных зверей и кораблей, Пандион, вспомнив рассказы деда, догадался, что перед ним изображены путешествия военного отряда в страну черных, по древним преданиям расположенную на самом краю Ойкумены.

Изумленный этим свидетельством далеких путей древнего народа, Пандион долго вглядывался в стенные росписи, пока, повернувшись налево, не увидел посередине залы мраморный куб, украшенный синими розетками и завитками из стекла. У подножия куба лежали груды совершенно свежих, недавно сорванных цветов.

Значит, здесь был кто-то, среди этих развалин живут люди! Затанув дыхание юноша устремился к выходу, к портку, заросший высокой травой.

Портик из двух белых квадратных столбов и двух красных колонн стоял на краю небольшого обрыва, едва возвышающегося над густой листвой деревьев. По обрыву и небалась утоптанная пыльная тропинка. Юноша спустился в долину и оказался на гладкой, мощеной дороге. Пандион пошел на восток, стараясь бесшумно ступать по горячим камням. Широкие листья платанов с правой стороны дороги, едва трепетавшие в жарком воздухе, отбрасывали полосу тени. Путешественник облегченно вдохнул, укрывшись от знойного солнца. Пандиону давно хотелось пить, но у себя на родине, бедной водой, он был приучен к воздержанию. Пройдя около двух стадий, юноша заметил впереди, у небольшого холма, где дорога поворачивала на север, длинное низкое здание. Несколько помещений, как ряд одинаковых ящиков, были открыты со стороны дороги и совершенно пусты. Пандион узнал старый дом для отдыха путешественников: он часто видел такие на дорогах северного побережья и поспешил пойти в пестро раскрашенный центральный вход, разделенный единственной колонной. Слабое журчание привлекло истомленного жарой и долгим путем юношу. Пандион вошел в отделение ванн, где вода из большой трубы выложенного тяжелыми плитами источника стекала в широкую воронку, проделанную в стене, переливаясь через края трех бассейнов.

Сбросив одежду и сандалии, Пандион вымылся в чистой холодной воде, вдоволь напился и прилег отдохнуть на широкой каменной скамье. Журчание воды и легкий шепот листьев баюкали, заставляя слипаться глаза, воспаленные от солнца и ветра на горных перевалах.

Пандион задремал.

Он спал недолго: тень от колонны, пересекавшая освещенный солнцем пол, почти не изменила своего положения. Пандион вскочил освеженный и быстро накинул свою несложную одежду. Поев сухого сыра и снова напившись, юноша направился к выходу и вдруг замер: вдалеке послышались голоса. Он вышел на дорогу и стал оглядываться. Да, несомненно, в стороне от дороги, за густой зарослью кустов, был слышен смех, обрывки непонятных слов и изредка отрывистое звучание струн.

Пандион почувствовал одновременно радость и опасение, мышцы его напряглись, он невольно ощупал рукоятку отцовского меча. Прошептав несколько молитвенных слов своему покровителю и праотцу Гипериону, юноша

пошел сквозь чащу прямо на голоса. В чаще было душно, резкий ароматический запах стеснял и без того затесненное дыхание.

Осторожно обходя высокие кусты с огромными колючками, пробираясь между стволами земляничного дерева с его тончайшей светлой и гладкой корой, Пандион приблизился к группе миртовых деревьев, стеной преграждавших ему дорогу.

Среди плотной листвы висели гроздья белоснежных цветов. На миг перед Пандионом возник облик Тессы — миртовое дерево на его родине посвящено было девичьей юности. Голоса теперь звучали совсем близко — люди почему-то говорили приглушенно, и юноша понял, что он неправильно определил расстояние. Решительный момент наступил. Пандион, согнувшись, нырнул под низкие ветки и осторожно раздвинул их руками: на полянке, поросшей свежей травой, он увидел необычайное зрелище.

В центре поляны лежал огромный белоснежный бык с длинными рогами. По блестящей, выхоленной шерсти животного на боках и морде были разбросаны мелкие черные пятна.

Поодаль в тени расположилась группа: юноши, девушки и пожилые люди. Стройный человек с вьющейся бородой, с золотым обручем на голове, одетый в короткую рубашку, стянутую бронзовым поясом, выступил вперед и подал какой-то знак. Тотчас из группы отделилась девушка, закутанная в длинный тяжелый плащ. Она подняла вверх широко раскинутые руки. От этого движения плащ упал. Девушка осталась в одной набедренной повязке, схваченной широким белым поясом, обшитым пушистым черным шнуром. Иссиня-черные волосы были распущены, на обеих руках выше локтей сверкали узкие браслеты.

Быстрыми, легкими шагами, точно танцуя, девушка приблизилась к быку и внезапно замерла, издав горловый крик. Сонные глаза быка раскрылись и заблестели, он подогнул передние ноги и начал приподнимать тяжелую голову. Девушка стрелой бросилась вперед и прильнула к огромному животному. На несколько мгновений девушка и бык замерли. У Пандиона побежали по спине мурашки.

Бык выпрямил передние ноги, в то время как задние еще лежали на земле, и высоко поднял морду. Живот

ное образовало как бы тяжелую пирамиду грозных мышц. Смуглое тело девушки, прижавшееся к крутому спаду широкой спины быка, отчетливо выделялось на белой шкуре. Одной рукой она уцепилась за рога, другой обхватила непомерную шею. Одна из сильных ног девушки вытянулась вдоль спины чудовища, торс луком выгнулся вперед. Контраст между красивыми, но чудовищными по силе и тяжести формами животного и гибким человеческим телом ошеломил Пандиона.

На мгновение молодой эллин увидел строгое лицо девушки с крепко сжатыми губами. С глухим ревом бык вскочил на ноги и подпрыгнул с легкостью, удивительной для его исполинского тела. Девушка, подброшенная в воздух, уперлась руками в мощную холку, вскинула вверх ноги и перевернулась, пролетев между высокими рогами. Она встала на ноги в трех шагах от морды чудовища и, вытянув вперед руки, хлопнула в ладоши и опять резко вскрикнула. Бык опустил рога и яростно бросился на нее. Пандион ужаснулся: гибель прекрасной и отважной девушки казалась неминуемой. Забыв о необходимой осторожности, юноша выхватил меч и хотел выскочить на поляну, но девушка снова с неуловимой быстротой прыгнула на быка и, миновав опущенные смертоносные рога, оказалась сидящей на его спине. Животное в неистовстве помчалось по лужайке, взрывая копытами землю и издавая грозное мычание. Юная победительница спокойно сидела на разъяренном быке, крепко сжимая коленями его круглые бока, раздуваемые частым дыханием. Бык подлетел к группе людей, приветствовавших его радостными криками. Звонкий удар в ладоши — девушка запрокинулась назад и спрыгнула на землю позади животного. Она, взволнованно дыша, присоединилась к зрителям.

Бык с разгону промчался до края поляны, повернулся и устремился на людей. Вперед выступили сразу пять человек — трое юношей и две девушки; прежняя игра повелась в более быстром темпе. Бык, хрюкая, с топотом бросался на отвлекавших его криками и ударами в ладоши молодых людей, а те перепрыгивали через него, вскакивали ему на спину, на мгновение прижимались к нему сбоку, ловко избегая страшных рогов. Одна из девушек ухитрилась сесть верхом прямо на шею быка, впереди выпуклой мощной холки. Глаза животного вылезли из орбит, пена заклубилась на морде. Опуская голову, по-

чти упираясь носом в землю, бык старался сбросить бесстрашную наездницу. Она откидывалась назад, цепляясь за холку закинутыми назад руками, и упиралась ногами в основания ушей. Продержавшись несколько секунд, девушка спрыгнула на землю.

Юноши и девушки стали гуськом, на некотором расстоянии друг от друга, и по очереди перескакивали через налетавшее на них животное. Игра длилась долго — бык носился с устрашающим ревом, грозя смертью, а гибкие человеческие фигуры бесстрашно мелькали вокруг.

Рев быка перешел в хриплый стон, шкура потемнела от пота, изо рта вместе с неровным дыханием вылетали пена. Еще немного — и бык остановился, опустив голову и поводя глазами. Крики зрителей огласили воздух. По знаку, данному человеком с золотым обручем, играющие оставили в покое побежденное животное. Люди, стоявшие и сидевшие на земле, собрались вместе, и не успел Пандион опомниться, как они исчезли в кустах.

На опустевшей поляне остался измученный бык, и только его хриплое дыхание да примятая трава свидетельствовали о происшедшем сражении.

Взволнованный Пандион только сейчас понял, как ему повезло. Ему удалось видеть древнюю игру с быком, столетия тому назад распроетраненную на Крите, в Микенах и других старинных городах Греции.

Гибкий, проворный человек побеждал в бескровной борьбе быка — священное животное древних, воплощение воинственной мощи, тяжелой и грозной силы. Молниеносной быстроте животного противопоставлялась еще большая быстрота. Точность движений спасала человеку жизнь. Пандион с малых лет старался развить силу и ловкость и хорошо представлял себе, как много усилий и времени требовала подготовка к участию в столь опасной забаве.

Пандион не последовал за игравшими и вернулся по дороге.

Он решил, что лучше искать гостеприимства у людей в тот момент, когда они дома.

Дорога на протяжении нескольких стадий шла прямо и затем вдруг сворачивала на юг, к морю. Деревья, окаймлявшие ее, исчезли, уступив место запыленному кустарнику. Тень Пандиона заметно удлинилась, когда он подошел к повороту. В кустах послышался шорох. Юноша остановился прислушиваясь. Какая-то птица, нерез-

лешная против солнца, шумно взлетела и скрылась в кустах. Успокоенный, Пандион двинулся дальше, уже не обращая внимания на звуки. Вдали послышались нежные, мелодичные призывы дикого голубя. На зов откликнулись еще две птицы, и вновь наступила тишина. В тот момент, когда Пандион огибал поворот, крики голубя прозвучали совсем близко. Юноша остановился, чтобы разглядеть птицу. Внезапно сзади себя Пандион услышал шум крыльев; над ним взвились две сизоворонки. Пандион обернулся и увидел трех человек с толстыми палками в руках.

Незнакомцы, оглушительно крича, бросились на юношу. Пандион мгновенно обнажил меч, но получил удар по голове. В глазах у юноши потемнело, он зашатался под тяжестью навалившихся на него тел — еще четыре человека, появившись из-за кустов, напали на него сзади. Сознание Пандиона затуманилось; он понял, что погиб, и продолжал отчаянно обороняться. От сильного удара по руке он выронил меч. Юноша упал на колени, переброшив через себя вскочившего ему на спину человека, ударом кулака свалил другого, третий со стоном отлетел от пинка ногой.

Нападавшие, видимо, не имели намерения убить пришельца. Они отбросили палки и, воодушевляя себя воинственными воплями, снова напали на Пандиона. Под тяжестью пяти тел он упал на землю лицом в дорожную пыль, наполнившую ему рот и нос, запорошившую глаза. Выдыхаясь от чудовищного напряжения, Пандион поднялся на четвереньки, пытаясь стряхнуть с себя врагов. Они бросались ему под ноги, сдавливали шею. Куча тел опять рухнула на землю, пыль залубилась вокруг, красная в солнечных лучах. Нападающие, почувствовав необыкновенную силу и выносливость юноши, больше не кричали — на пустынной, безмолвной дороге раздавались только шум борьбы, стоны и хриплые вздохи сражающихся.

Пыль покрыла тела, одежда превратилась в грязные, помятые тряпки, а борьба все продолжалась.

Несколько раз Пандион вскакивал, освободившись от противников, но враги одолевали вновь, цепляясь за ноги юноши. Вдруг победные крики огласили воздух: к нападавшим прибыло подкрепление — еще четыре человека вступили в борьбу. Руки и ноги юноши спутали крепкие ремни. Едва живой от усталости и отчаяния,

Пандион закрыл глаза. Его победители, оживленно переговариваясь на непонятном языке, распростерлись в тени рядом с ним, отдыхая после тяжелой борьбы.

Поднявшись, они знаками велели юноше идти с ними. Пандион, понимая бесполезность сопротивления, решил сберечь силы до подходящего случая и кивнул головой. Незнакомцы развязали ему ноги. Окруженный тесным кольцом врагов, Пандион, пошатываясь, побрел по дороге.

Вскоре он увидел несколько убогих построек из необделанных камней. Из домов вышли жители: старик с бронзовым обручем в волосах, несколько детей и женщин. Старик подошел к Пандиону, одобрительно оглядел пленника, пощупал его мускулы и весело сказал что-то со провождающим Пандиона людям. Юношу подвели к небольшому домику.

С пронзительным скрипом открылась дверь — внутри оказался низкий очаг, наковальня с разбросанными вокруг инструментами и куча углей. На стенах висели два легких больших колеса. Невысокий старик со злым лицом и длинными руками велел одному из спутников Пандиона раздувать угли, снял с гвоздя металлический обруч и подошел к пленнику. Грубо подтолкнув его под подбородок, кузнец разогнул обруч, примерил на шею юноши, недовольно пробурчал что-то и нырнул в глубину кузницы; он с грохотом вытащил металлическую цепь, сунул конечное звено в огонь и принялся сгибать бронзовый обруч на наковальне, частыми ударами молотка подгоняя к нужному размеру.

Только сейчас юноша понял всю тяжесть случившегося. Дорогие образы, сменяя друг друга, промелькнули перед ним. Там, на родном берегу, ждет Тесса, уверенная в нем, в его любви и возвращении. Сейчас ему надеть бронзовый ошейник раба, он будет прикован на крепкой цепи, без надежды на скорое освобождение. А он считал последние дни своего пребывания на Крите... Он скоро уже мог бы приплыть в бухту Калидона, от которой начался путь, оказавшийся роковым.

— О Гиперион, мой прадед, и ты, Афродита, пошлите мне смерть или спасите! — тихо прошептал юноша.

Кузнец спокойно и методично продолжал свою работу, еще раз примерил ошейник, расплющил его концы, отогнул и пробил дыры. Оставалось заклепать цепь. Старик что-то буркнул. Пандиона схватили, знаками велели лечь

ни землю у наковальни. Юноша собрал все силы для последней попытки освободиться. Из-под ремней, скручивающих локти, брызнула кровь, но Пандион забыл про боль, чувствуя, что ремни подались. Мгновение — и они лопнули. Пандион ударил головой в челюсть навалившегося на него человека, и тот рухнул. Юноша опрокинул еще двух и помчался по дороге. С яростными воплями враги погнались за ним. На крики выбегали мужчины, вооруженные копьями, ножами и мечами; число преследующих все увеличивалось.

Пандион свернул с дороги и, прыгая через кустарники, помчался к морю. По пятам с гневным ревом бежали преследователи.

Кусты поредели, начался небольшой подъем. Пандион остановился — далеко внизу, под стеной крутых скал, раскинулось сверкавшее в солнечных лучах море. В десятке стадий от берега был хорошо виден медленно плывущий красный корабль.

Юноша заметался по краю обрыва, стараясь найти тропинку для спуска, но отвесные скалы тянулись далеко в обе стороны. Выхода не было — из кустов уже бежали враги, на ходу выстраиваясь в изогнутую дугой линию, чтобы с трех сторон окружить Пандиона.

Юноша оглянулся на преследователей, посмотрел вниз. «Здесь — смерть, там — рабство, — промелькнуло у него в голове. — Ты простишь меня, Тесса, если узнаешь...» Больше нельзя было медлить.

Каменная глыба, на краю которой стоял Пандион, висела над обрывом. На двадцать локтей ниже выдавался другой уступ. На нем росла низкая сосна.

На прощание окинув взглядом любимое море, юноша прыгнул вниз, на густые ветви одиноко стоявшего дерева. Яростный крик врагов на секунду достиг его ушей. Пандион пролетел, ломая сучья и раздирая тело, до нижних толстых ветвей, миновал выступающее ребро утеса и упал на мягкую осыпь рыхлого склона. Юноша скатился еще на двадцать локтей ниже и задержался на выступе скалы, влажном от залетавшей сюда во время прибоя пены. Ошеломленный, еще не сознавая, что спасся, юноша приподнялся и встал на колени. Сверху преследователи старались попасть в него камнями и копьями. Море плескалось под ногами.

Корабль приблизился, словно моряки заинтересовались происходящим на берегу.

В голове Пандиона глухо шумело, он чувствовал сильную боль во всем теле, глаза заволокло слезами. Он смутно сознавал: когда его преследователи принесут луки, гибель будет неизбежной. Море манило его, близкий корабль казался посланным богами спасением. Пандион забыл, что судно могло быть чужеземным или принадлежать врагам,— ему казалось, что родное море не обманет.

Пандион встал на ноги и, убедившись, что руки действуют, прыгнул в море и поплыл к кораблю. Волны накрывали с головой, избитое тело плохо подчинялось его воле, раны мучительно жгло, в горле пересохло.

Судно приближалось к Пандиону, с него раздавались ободряющие крики. Послышался резкий скрип весел, корабль вырос над головой юноши, сильные руки подхватили Пандиона и подняли на палубу... Юноша безвольно распростерся на теплых досках, погрузившись в беспмятство. Его привели в сознание, дали воды — он долго и жадно пил. Пандион почувствовал, что его оттащили в сторону и чем-то накрыли. Молодой скульптор погрузился в глубокий сон.

Горы Крита еле виднелись у горизонта. Пандион пошевелился и, невольно застонав, очнулся. Он находился на корабле, непохожем на суда его родины — низкобортные, с защищенными плетенкой из прутьев боками, с веслами, выведенными над трюмом. У этого корабля были высокие борта, гребцы сидели под палубными досками, по обе стороны прореза, расширявшегося в глубину трюма. Парус на мачте в центре судна был более высоким и узким, чем на эллинских кораблях.

Груды кож, наваленные на палубе, издавали тяжелый запах. Пандион лежал на треугольной площадке у острого носа судна. К юноше подошел бородастый горбоносый человек в толстой шерстяной одежде, протянул ему чашку теплой воды, смешанной с вином, и заговорил на незнакомом языке с резкими металлическими интонациями... Пандион покачал головой. Человек притронулся к его плечу и повелительным жестом указал на корму судна. Пандион обернул вокруг бедер смоченные кровью лохмотья и направился вдоль борта к навесу на корме.

Там сидел худой, такой же горбоносый, как и пришел

ный Пандиона, человек. Он раздвинул в улыбке губы, обрамленные жесткой, выдающейся вперед бородой. Его сухое, обветренное и хищное лицо, казавшееся отлитым из бронзы, выражало жестокость.

Пандион сообразил, что попал на торговое судно финикийцев и видит перед собой начальника или хозяина корабля.

Первые два вопроса, заданные ему начальником, Пандион не понял. Тогда купец заговорил на ломаном ионическом наречии, знакомом Пандиону, примешивая к нему карийские и этрусские слова. Он спросил Пандиона о его приключении, узнал, откуда он родом, и, приблизив к нему горбоносое лицо с острыми немигающими глазами, сказал:

— Я видел, как ты бежал,— это поступок, достойный древнего героя. Мне нужны такие бесстрашные и сильные воины — в этих морях и на их берегах много разбойников, грабящих наших купцов. Если будешь служить мне верно, легка будет твоя жизнь и я вознагражу тебя.

Пандион отрицательно покачал головой и несвязно рассказал, что ему нужно скорее вернуться на родину, умоляя высадить его на ближайшем острове.

Глаза начальника зло заблестели.

— Мой корабль направляется прямо в Тир¹, на пути моем одно море. Я царь на своем корабле, и ты в моей власти. Я могу приказать сейчас же покончить с тобой, если это понадобится. Ну, выбирай: или тут,— финикиец указал вниз, где под палубой мерно двигались весла и раздавался унылый напев гребцов,— ты будешь рабом, прикованным у весла, или получишь оружие и присоединишься вот к тем! — Палец купца повернулся назад и гнулся под навес: там лениво лежали пять здоровенных полунагих людей с тупыми и зверскими лицами.— И жду, решай скорей!

Пандион беспомощно оглянулся кругом. Корабль быстро удалялся от Крита. Расстояние между Пандионом и его родиной все увеличивалось. Помощи ждать было неоткуда.

Пандион решил, что в роли воина ему легче будет бежать. Но финикиец, хорошо знавший обычаи эллинов, оставил его принести три страшные клятвы в верности.

¹ Тир — древняя столица Финикии, к югу от современного Бейрута, на юге нынешней Сирии.

Начальник смазал раны юноши целебным составом и отвел к группе воинов, поручив накормить.

— Только смотреть за ним хорошенько! — прикрикнул он, уходя. — Помните, что все вы отвечаете передо мной за каждого в отдельности!

Старший из воинов, одобрительно усмехаясь, потрепал по плечу Пандиона, пощупал мускулы и что-то сказал остальным. Те громко захохотали. Пандион недоумоно посмотрел на них; глубокая печаль сейчас отделила его от всех людей.

До Тира оставалось не более двух дней плавания. За четыре дня, проведенные на корабле, Пандион несколько освоился со своим положением. Ушибы и раны, оказавшиеся неглубокими, зажили.

Начальник корабля, заметив ум и разнообразные знания Пандиона, был доволен юношей и несколько раз беседовал с ним. От него Пандион узнал, что едет древним морским путем, проложенным народом острова Крит в южную страну черных. Путь кораблей лежал мимо враждебного и могущественного Айгюптоса, вдоль берегов огромной пустыни до Ворот Туманов¹.

За Ворота Туманов, где скалы юга и севера сближались, образуя узкий пролив, лежал предел земли огромное Туманное море². Здесь корабли поворачивали на юг и вскоре достигали берега жаркой страны черных, богатой слоновой костью, золотом, маслом и кожей. Именно этим путем шли дальние плавания экспедиции жителей острова Крит — Пандион видел изображение такого путешествия в роковой для него день. Морской народ достиг дальних стран юга на западе, куда не дошли посланцы из Айгюптоса.

Теперь корабли финикийцев плавают вдоль берегов юга и севера, добывая дешевые товары и сильных рабов, но редко заходят дальше Ворот Туманов.

Финикиец, догадываясь о незаурядных способностях Пандиона, хотел оставить его у себя. Он манил юношу прелестью путешествий, рисовал ему картины будущего возвышения, предрекал, что после десяти — пятнадцати лет хорошей службы эллин сам сможет стать купцом или начальником корабля.

Юноша слушал финикийцев с интересом, но знал, что

¹ Ворота Туманов — Гибралтарский пролив.

² Туманное море — Атлантический океан.

жизнь художника не променяет на богатство в чужой стране.

С каждым днем все нестерпимее становилось желание увидеться хотя бы на миг с Тессой, вновь услышать монуций шум священной сосновой рощи, где прошло столько счастливых часов. Юноша подолгу не засыпал, лежа рядом с храпящими спутниками, и с бьющимся сердцем сдерживал стон отчаяния.

Начальник корабля приказал ему учиться искусству кормчего. Томительно ползло время для Пандиона, когда он стоял у рулевого весла, соразмеряя направление корабля с движением солнца, или, следуя указаниям кормчего, ориентировался по звездам.

Так было и в эту ночь. Пандион опирался бедром о борт судна и, вцепившись в рукоятку руля, преодолевал сопротивление усиливающегося ветра. По другую сторону судна стоял кормчий с одним из воинов¹. Звезды мелькали в просветах туч, надолго скрываясь в темноте хмурого неба, а унылый голос ветра, постепенно понижаясь, переходил в угрожающий гул.

Корабль бросало, весла глухо стучали, то и дело слышался пронзительный голос воина, подгонявшего рабов бранью и ударами плети.

Начальник, дремавший в глубине навеса, вышел на палубу. Он внимательно вглядывался в море и, явно встревоженный, подошел к кормчему. Они долго переговаривались. Начальник разбудил спавших воинов и, погнав их к рулевым веслам, сам встал рядом с Пандионом.

Ветер резко повернул и яростно набросился на корабль, волины громоздились все выше, заливая палубу. Мачту пришлось убрать — положенная на кипы кож, она издавалась над носом судна, глухо стуча о высокий волнорез.

Борьба с волнами и ветром становилась все отчаяннее. Начальник, бормоча про себя не то молитвы, не то проклятия, приказал повернуть корабль к югу. Подхваченное ветром, судно быстро понеслось в неведомую черную даль моря. За тяжелой работой у руля быстро прошла ночь. Светало. В сером сумраке стали яснее видны метавшиеся грозные волны. Буря не утихала. Ветер, не ослабевая, налетал, давил на корабль.

Тревожные крики огласили палубу — все находив-

¹ У кораблей древних было два рулевых весла по одному с каждой стороны кормы.

шися на ней указывали начальнику на правый борт судна. Там, в хмуром свете рождающегося дня, море пересекла огромная пенная полоса. Волны замедляли свой бешеный бег при подходе к этой голубовато-серой ленте.

Весь экипаж корабля обступил начальника, даже кормчий отдал руль воину. Тревожные выкрики сменились быстрой, горячей речью. Пандион заметил, что все внимание устремлено на него: в его сторону показывали пальцами, грозили кулаками. Ничего не понимая, Пандион следил за начальником, его гневными, протестующими жестами. Старый кормчий, схватив хозяина за руку, что-то долго говорил, приблизив губы к его уху. Начальник отрицательно качал головой, выкрикивая отрывистые слова, но наконец, видимо, сдался. Мгновенно люди бросились на ошеломленного юношу, закручивая ему назад руки.

— Они говорят: ты принес нам несчастье,— сказала начальник Пандиону, презрительно обводя рукой стоявших вокруг.— Ты вестник бедствия, из-за твоего присутствия на судне случилось несчастье: корабль отнесен к берегам Та-Кем, по-вашему — Айгюптоса. Чтобы умиловать богов, тебя надо убить и бросить за борт этого требуют все мои люди, и я не могу защитить тебя.

Пандион, все еще не понимая, впился взглядом в финикийца.

— Ты не знаешь, что попасть на берег Та-Кем для нас всех смерть или рабство,— проворчал тот угрюмо. В древние времена у Кемт была война с морскими народами. С тех пор тот, кто пристанет к берегам этой страны вне указанных для чужеземцев трех гаваней, полужит плену или казни, а его имущество идет в казну царя Та-Кем... Ну, понял теперь? — оборвал он свою речь, отворачиваясь от Пандиона и вглядываясь в приближавшуюся пенную полосу.

Пандион понял: ему снова угрожает смерть. Готовый до последней минуты сражаться за жизнь, которую он так любил, он обвел беспомощным и ненавидящим взглядом озлобленную толпу на палубе.

Безвыходность положения заставила его решиться.

— Начальник! — воскликнул юноша.— Прикажи своим людям отпустить меня — я сам брошусь в море!

— Я так и думал,— сказал финикиец, обернувшись к нему.— Пусть учатся у тебя эти трусы!

Повинуясь повелительному жесту начальника, воины

отпустили Пандиона. Ни на кого не глядя, юноша подошел к борту корабля. Все молча расступились перед ним, как перед умирающим. Пандион сосредоточенно глядел на пенную полосу, скрывавшую плоский берег, инстинктивно соразмеряя свои силы с быстротой злобных волн. В голове мелькали обрывки мыслей: «Страна за полосой пены¹ — пенная страна... Африка».

Это и есть тот страшный Айгюптос!.. А он поклялся Тессе своей любовью, всеми богами даже не думать о пути сюда!.. Боги, что делает с ним судьба... Но он, наконец, погибнет, и это будет самое лучшее...

Пандион бросился вниз головой в шумящую пучину и сильными взмахами рук отплыл от корабля. Волны подхватили юношу. словно наслаждаясь гибелью человека, они швыряли его вверх, опускали в глубокие провалы, ниваливались на него, давили и топили, заполняя рот и нос водой, хлеща по глазам пеной и брызгами. Пандион больше ни о чем не думал — он отчаянно боролся за жизнь, за каждый глоток воздуха, неистово работая руками и ногами. Эллин, рожденный на море, был прекрасным пловцом.

Время шло, а волны все несли и несли Пандиона к берегу. На корабль он не оглядывался, забыв о его существовании перед неизбежностью смерти. Скачки валов стали реже. Волны катились медленнее, длинными грядками, поднимая и обваливая грохочущие навесы вспененных гребней. Каждая волна переносила юношу на сто локтей вперед. Иногда Пандион соскальзывал вниз, и тогда исполинская тяжесть воды обрушивалась на него, погружая в темную глубину, и сердце пловца готово было лопнуть от напряжения.

Несколько стадий проплыл Пандион, много времени шла борьба с волнами, и наконец силы его иссякли в объятиях водяных великанов. Угасла и воля к жизни, все тяжелее было напрягать ослабевшие мускулы, не стало желания продолжать борьбу. Рывками почти безвольных рук юноша поднялся на гребень волны и, повернув лицо к далекой родине, закричал:

— Тесса, Тесса!..

Имя любимой, дважды брошенное в лицо судьбе, в лицо чудовищной и равнодушной мощи моря, было сейчас же заглушено ревом бурных волн. Вал накрыл непо-

¹ А ф р о с — пена по-древнегречески.

движное тело Пандиона, с грохотом рассыпался над ним, и юноша, погружаясь, вдруг ударился о дно в вихре илби ламученных песчинок.

Два дозорных воина в коротких зеленых юбках — знак принадлежности к береговой страже Великого Зеленого моря¹, — опираясь на длинные тонкие копья, осматривали горизонт.

— Начальник Сенеб напрасно послал нас, — лепетно проговорил один из них, постарше.

— Но корабль финикийцев был у самого берега, — возразил другой. — Если бы не прекратилась буря, получили бы легкую добычу — у самой крепости.

— Посмотри туда, — перебил его старший, показывая вдоль берега. — Пусть я останусь без погребения, если это не человек с корабля!

Оба воина долго всматривались в пятно на песке.

— Пойдем назад, — предложил наконец младший. Мы и так много бродили по песку. Кому нужен труп презренного чужеземца вместо богатой добычи — товаров и рабов, уплывших вместе с кораблем...

— Ты сказал, не подумав, — снова прервал его старший. — Иной раз эти купцы бывают богато одеты и носят на себе драгоценности. Золотой перстень не повредит тебе — зачем нам давать отчет Сенебу о каждом утопленнике...

Воины зашагали по плотной, утрамбованной бурей полосе влажного песка.

— Где ж твои драгоценности? — насмешливо спросил младший старшего. — Он совсем гол!

Старший угрюмо пробормотал проклятие.

Действительно, лежавший перед ними человек был совершенно обнажен, руки его были беспомощно подогнуты под туловище, короткие вьющиеся волосы забиты морским песком.

— Посмотри, это не финикиец! — воскликнул старший. — Какое могучее и красивое тело! Жаль, что он мертв — был бы хороший раб, и Сенеб наградил бы нас...

— Какого он народа? — спросил младший.

— Я не знаю: может быть, это туруша², или кефти³,

¹ Так называлось у египтян Средиземное море.

² Туруша — этруск.

³ Кефти, или кефтину — по-египетски значит «позади»; на звание Крита и жившего на нем народа.

они еще кто-нибудь из северных морских племен ханебу¹! Они редко попадают в нашу благословенную страну и несутся за выносливость, ум и силу. Три года назад... Постой, он жив! О, хвала Амону!

Легкая судорога прошла по телу лежавшего.

Воины, бросив копья, перевернули бесчувственного, принались растирать ему живот, сгибать ноги. Их усилия увенчались успехом. Скоро утопленник — это был Пандион — открыл глаза и мучительно закашлялся.

Сильный организм юноши справился с тяжким испытанием. Не прошло и часа, как дозорные воины повели Пандиона, поддерживая под руки, в крепость.

Воины часто отдыхали, но еще до самых знойных часов дня молодой скульптор был доставлен в маленькое укрепление, стоявшее на одном из бесчисленных рукавов дельты Нила, западнее большого озера.

Воины дали Пандиону воды, несколько кусков лепешки, размоченных в пиве, и уложили на полу прохладного глинобитного сарая.

Страшное напряжение не прошло даром — острая боль резала грудь, сердце ослабело. Перед закрытыми глазами мелькали бесчисленные волны. В тяжелом забытии Пандион слышал, как отворилась ветхая дверь, сбита из кусков корабельной обшивки. Над Пандионом наклонился начальник укрепления — молодой человек с неприятным и болезненным лицом. Он осторожно снял плащ, брошенный на ноги юноши, и долго осматривал своего пленника. Пандион не мог подозревать, что решение, созревшее в уме начальника, приведет к новым неслыханным испытаниям.

Начальник накрыл Пандиона и, довольный, вышел.

— Каждому по два кольца меди и кувшину пива, — огрызисто сказал он.

Воины береговой охраны приниженно склонились перед ним, а затем вонзились в его спину озлобленными взглядами.

— Мощная Сохмет, что мы получили за такого раба... — прошептал младший, едва начальник удалился от них. — Вот увидишь, он пошлет его в город и получит не меньше десяти колец золота...

Начальник внезапно обернулся.

— Эй, Сенни! — крикнул он.

¹ Ханебу — северяне.

Старший воин угодливо подбежал.

— Смотри за ним хорошенько, я поручаю его тебе. Скажи моему повару, чтобы он дал хорошую пищу, но будь осторожен — пленник выглядит могучим бойцом. Завтра приготовишь легкую лодку — я пошлю пленника в дар Великому Дому. Мы напоим его пивом со съедобным снадобьем, чтобы избежать возни.

...Пандион медленно поднял отяжелевшие веки. Он спал так долго, что потерял всякое представление о времени, о том, где он находится. Смутно, обрывками он вспоминал, что после ожесточенной борьбы с бушующим морем он был куда-то отведен, где-то лежал в тишине и темноте. Юноша пошевелился и почувствовал скованность во всем теле. Он с трудом повернул голову и увидел зеленую стену тростника со звездчатыми метелками наверху. Над головой было прозрачное небо, близко, у самого уха, слабо журчала и плескалась вода. Постепенно Пандион сообразил, что лежит в узкой и длинной лодке, связанный по рукам и ногам. Приподняв голову, юноша увидел голые ноги людей, толкавших лодку шестами. Люди были хорошо сложены, с темной бронзовой кожей, одетые в белые набедренные повязки.

— Кто вы такие? Куда вы везете меня? — закричал Пандион, стараясь рассмотреть людей, стоявших на корме.

Один, с гладко выбритым лицом, склонился над Пандионом и быстро заговорил. Станный язык с мелодичным прищелкиванием и четкими ударениями гласных был совершенно незнаком юноше. Пандион напрягся, пытаясь разорвать свои путы, и беспрестанно повторял тот же вопрос. Скоро несчастному пленнику стало ясно, что его не понимают и не могут понять. Пандиону удалось раскатать зыбкую лодку, но один из охраны поднес острие бронзового кинжала к его глазу. С отвращением к людям, к себе и всему миру Пандион оставил попытки к сопротивлению и более не возобновлял их в течение всего долгого пути по лабиринту болотных зарослей. Данное уже закатилось солнце, луна высоко поднялась на небе, когда лодка подплыла к широкой каменной пристани.

Пандиону освободили ноги, умело и быстро растерли их, чтобы восстановить кровообращение. Воины зажгли два факела и направились к высокой глинобитной стене с тяжелой дверью, окованной медными полосами.

После продолжительных пререканий со стражей лю

ли, привезшие Пандиона, отдали появившемуся откуда-то изнанному бородатому человеку маленький сверток и получили в обмен кусочек черной кожи.

Завизжала в петлях тяжелая дверь. Пандиону развязали руки, втокнули внутрь тюрьмы. Вооруженные копьями и луками стражи задвинули тяжелый брус. Пандион очутился в тесной квадратной комнате, набитой человеческими телами, лежавшими вповалку. Люди тяжело дышали и стонали в беспокойном сне. Задыхаясь от вони, казалось исходящей от самих стен, Пандион отыскал себе свободное место на полу и осторожно присел. Юноша не мог спать. Он раздумывал над событиями последних дней, и на сердце у него было тяжело. Медленно шли бессонные часы одинокого ночного раздумья.

Пандион думал только о свободе, но не находил путей к спасению из плена. Он попал в глубь совершенно неизвестной страны. Одиноким, безоружным пленником, не знающим языка окружающего враждебного ему народа, он ничего не мог предпринять. Пандион понимал, что его не собираются убивать, и решил ждать. Потом, когда он хоть немного узнает страну... но что ждет его в этом «потом»? Пандион чувствовал, как никогда, острую тоску по товарищу, который помог бы ему преодолеть страшное одиночество. Он думал о том, что для человека нет худшего состояния, чем быть одному среди чужих и враждебных людей, в непонятной и неизвестной стране — рабом, отделенным от всего непроницаемой стеной своего положения. Одиночество среди природы переносить гораздо легче: оно закаляет душу, а не принижает ее.

Эллин покорился судьбе и впал в странное оцепенение. Он дождался рассвета, равнодушно разглядывая своих товарищей по несчастью: пленников, принадлежавших к разным и неведомым молодому скульптору азиатским племенам. Они были счастливее его — могли переговариваться друг с другом, делиться горем, вспомнить прошлое, обсуждать сообща будущее. На молчавшего Пандиона были устремлены любопытные взгляды заключенных. Все беззастенчиво рассматривали его, а он стоял в стороне, нагой и страдающий.

Стражи бросили Пандиону кусок грубого холста для набедренной повязки, потом четверо чернокожих людей внесли большой глиняный сосуд с водой, ячменные лепешки и стебли какой-то зелени.

Пандион был поражен видом совершенно черных лиц, на которых ярко выделялись зубы, белки глаз и коричневые-красные губы. Юноша догадался, что это были рабы, и его удивили их веселые и добродушные лица. Черное кожаное смеялись, показывая белоснежные зубы, подшучивали над пленниками и друг над другом. Неужели пройдет время, и он будет способен чему-то радоваться, забыв о жалкой роли человека, потерявшего свободу? Неужели пройдет эта грызущая его непрестанно тоска? А Тесса? Боги, если бы знала Тесса, где находится он сейчас!.. Нет, пусть лучше не знает: он вернется к ней или умрет — другого выхода нет...

Мысли Пандиона прервал протяжный окрик. Дверь раскрылась. Перед Пандионом засверкала широкая река. Место заключения было совсем близко от берега. Большой отряд воинов окружил пленников щетиной копий. Скоро все были загнаны в трюм большого судна. Корабль поплыл вверх по реке, и заключенные не успели осмотреться кругом. В трюме стояла жара. В воздухе, наполненном тяжелыми испарениями, под накаленной палубой, было трудно дышать.

Вечером стало прохладнее, и изнуренные пленники начали оживать — вновь послышались разговоры. Судно продолжало свой путь всю ночь, утром ненадолго остановилось — пленникам принесли еду, — и утомительное путешествие продолжалось. Так прошло несколько дней — их не считал оцепеневший, безучастный Пандион.

Наконец голоса гребцов и воинов зазвучали оживленнее, на палубе началась суматоха — путь был окончен. Пленников оставили в трюме на всю ночь, и рано утром Пандион услышал протяжные окрики команды.

На пыльной, выжженной солнцем площадке полукольцом выстроилась охрана, выставив вперед копья. Пленники выходили по одному и мгновенно попадали в руки двум громадного роста воинам, у ног которых лежала груда веревок. Египтяне выкручивали пленникам руки так сильно, что плечи у людей выгибались и локти за спиной сходились вместе. Стоны и крики несколько не трогали гигантов, наслаждавшихся своей силой и беззащитностью жертв.

Наступила очередь Пандиона. Один из воинов схватил его за руку, едва только юноша, ослепленный дневным светом, ступил на землю. От боли оцепенение, овладевшее Пандионом, прошло. Обученный приемам кулачного

бон, юноша легко вывернулся из рук воина и нанес ему олушительный удар в ухо. Гигант упал лицом в пыль, а ногам Пандиона, второй воин в растерянности отскочил в сторону.

Пандион оказался окруженным тринадцатью врагами • устремленными на него копьями.

В неистовой ярости юноша прыгнул вперед, желая погибнуть в бою — смерть казалась для него избавлением. Но он не знал египтян, накопивших тысячелетний опыт усмирения рабов. Воины мгновенно расступились и бросились сзади на Пандиона, выскочившего за круг. Молодой храбрец был сбит с ног и задавлен телами врагов. Тупой конец копья сильно ударил его между ребер и нижнюю часть груди. Огненно-красный туман поплыл перед глазами юноши, дыхание его прервалось. В это мгновение египтянин свел закинутые над головой руки Пандиона вместе и соединил их в запястьях деревянным, похожим на игрушечную лодку предметом.

Тотчас же воины оставили юношу в покое.

Пленников быстро связали и погнали по узкой дорожке между берегом реки и полями. Молодой скульптор испытывал страшную боль: руки, поднятые вверх над головой, были защемлены в деревянную колодку с двумя острыми углами, сдавливавшими кости запястий. Это приспособление не давало возможности согнуть руки в локтях и опустить их на голову.

С боковой дорожки к группе Пандиона присоединилась вторая партия пленных, затем третья,— число рабов возросло до двухсот человек.

Все они были связаны самым безжалостным способом; у некоторых руки были в таких же колодках. Лица пленников были искажены от боли, бледны и покрыты потом. Юноша шел как в тумане, едва замечая окружающее.

А вокруг расстилалась богатая страна. Воздух был необыкновенно свеж и чист, на узких дорогах царствовала тишина, огромная река медленно катила воды к Великому Зеленому морю. Пальмы едва заметно качали верхушками под легким северным ветром, зреющие зеленые поля невысокой пшеницы чередовались виноградниками и фруктовыми садами.

Вся страна была огромным садом, возделанным в течение тысячелетий.

Пандион не мог смотреть по сторонам. Он брел, стиснув зубы от боли, мимо высоких стен, окружавших дома богачей. Это были легкие и воздушные строения, в два этажа, с узкими и высокими окнами над дверными нишами, обрамленными деревянными колоннами. Бело-снежные стены, расписанные сложным узором ярких и чистых красок, выступали необыкновенно четко в ослепительном солнечном свете.

Внезапно перед пленниками возникло исполинское каменное строение с прямыми срезами невиданно толстых стен из больших глыб камня, притесанных с поразительной правильностью. Темное и таинственное здание, казалось, оседало на землю и, распростершись, придавило ее своей чудовищной тяжестью. Пандион прошел вдоль ряда толстых колонн, угрюмо сереющих на фоне яркой зелени сада, раскинувшегося на равнине. Пальмы, смоковницы и другие фруктовые деревья чередовались, образуя прямые линии, казавшиеся бесконечными. Холмы были покрыты густой зеленью виноградников.

В саду у реки стояло высокое и легкое строение, расписанное такими же яркими красками, как и другие дома в этом городе. У фасада, обращенного к реке, за широкими воротами возвышались высокие, как мачты, столбы с пучками развевающихся лент. Над широким входом располагался огромный снежно-белый балкон, обрамленный двумя колоннами и прикрытый плоской крышей. По карнизу крыши шла цветистая роспись — узор из чередования ярко-синей и золотистой краски. Ярко-синие и золотые зигзаги украшали верхнюю часть белых колонн.

В глубине балкона, затененной коврами и шторами, виднелись люди в снежно-белых длинных одеждах из мелко плиссированной легкой материи. Сидевший в центре человек наклонил над перилами балкона голову, отягченную высоким красно-белым убором¹.

Стража, сопровождавшая пленников, и важно выступавший впереди начальник мгновенно распростерлись ниц. По мановению руки фараона — это и был живой бог, верховный владыка страны Кемт — пленников построили гуськом и медленно начали проводить перед

¹ Корона фараона двойная: красно-белого цвета — в знак власти над «обеими странами» — Верхним и Нижним Египтом. Красная корона — Нижнего Египта, белая — Верхнего.

балконом. Толпившиеся придворные вполголоса обменивались замечаниями и весело смеялись. Красота дворца, роскошь одежд фараона и его приближенных, их свободные надменные позы так резко оттенялись искаженными лицами измученных пленников, что в душе Пандиона поднялось неистовое возмущение. Он почти не помнил себя от боли в руках, тело его дрожало, как в ознобе, закушенные губы пересохли и запеклись, но юноша выпрямился, глубоко вздохнул и обратил к балкону гневное лицо.

Фараон что-то сказал, обратившись к придворным, и все одобрительно закивали головами. Вереница пленников медленно двигалась.

Скоро Пандион очутился за домом, в тени высокой стены. Постепенно здесь собралась вся толпа пленников, но все же окруженная безмолвными воинами. Из-за угла показался тучный горбоносый человек с длинным посохом из отделанного золотом черного дерева в сопровождении писца с дощечкой и свертком папируса в руках.

Человек сказал несколько надменных слов начальнику стражи, тот согнулся в низком поклоне и передал распоряжение воинам. Повинуясь движению пальца вельможи, воины грубо расталкивали толпу и отводили в сторону тех, на кого показывал сановник. Пандион был замечен одним из первых. Всего было отобрано человек тридцать, наиболее сильных и мужественных с виду. Их немедленно повели обратно по той же дороге до окраины сада. Затем воины погнали пленных вдоль низкой стены. Тропинка становилась все круче и привела к огромному квадрату глухих стен, стоявшему в ложине, между пшеничными полями. По толстым стенам из кирпича-сырца в десять локтей высоты расхаживали вооруженные луками воины. На углах возвышались навесы из ипшова.

В стене, обращенной к реке, был прорезан вход; больше нигде не было видно ни двери, ни окон — слепая зелено-серая поверхность стен дышала жаром.

Пленных ввели в дверь, сопровождавшие их воины быстро удалились, и Пандион оказался в узком дворике меж двух стен. Вторая, внутренняя, стена была ниже наружной, с единственной дверью в правой стороне. На свободном пространстве стояли грубые скамейки, и часть двора была занята низким строением с чернев-

шим отверстием у входа. Группу пленников теперь окружали воины с более светлым цветом кожи, чем у тех, которые привели их сюда. Они все были высокого роста, с гибким и хорошо развитым телом, многие с синими глазами и рыжеватыми волосами. Пандион не видел раньше такого народа, равно как и чистокровных жителей Аigyптоса, и не знал, что это были ливийцы.

Из пристройки появилось двое людей; один нес какой-то предмет из отполированного дерева, другой серый фаянсовый сосуд. Ливийцы схватили Пандиона и повернули его спиной к пришедшим. Юноша почувствовал легкий укол — к левой лопатке его приложили полированную дощечку, усаженную короткими заостренными пластинками. Затем человек резко ударил рукой по дощечке — брызнула кровь, и Пандион невольно вскрикнул. Тогда ливиец обтер кровь и стал растирать рану тряпкой, намоченной жидкостью из фаянсового сосуда: кровь быстро остановилась, но человек несколько раз обмакивал тряпку и протирал рану. Только сейчас Пандион заметил на левых лопатках окружавших его ливийцев ярко-красный знак — какие-то фигурки в овальной рамке¹ — и понял, что его заклеямили.

Колодку сняли с рук Пандиона, и он не мог сдерживать стонов от страшной боли в затвердевших суставах. С величайшим трудом ему удалось развести руки. Затем Пандион, нагнувшись, прошел через низкую дверь во внутренней стене. Очутившись на пыльном дворе, юноша без сил опустился на землю.

Отлежавшись, Пандион напился мутной воды из огромного глиняного сосуда, стоявшего у входа, и стал осматривать место, которое, по мнению владычествовавших здесь людей, навсегда стало его домом.

Большой квадрат земли, примерно по две стадии с каждой стороны, был заключен в высокие, неприступные стены, охранявшиеся ходившей поверху стражей. Всю правую половину огороженной площади занимали крошечные глинобитные клетушки, сомкнутые друг с другом боковыми стенами и разделенные узкими продольными проходами. Такие же низенькие домики находились в левом углу. Передний левый угол отгораживался низкой стеной, оттуда шел острый аммиачный запах.

¹ Овальной рамкой окружались иероглифы, составлявшие имя фараона.

Близ двери стояли сосуды с водой. Здесь же длинный участок почвы был намазан глиной и чисто выметен. Это было место для еды, как узнал впоследствии Пандион.

Вся свободная часть квадрата была выглажена и выюптана — ни одной травинки не зеленело на ее серой и пыльной поверхности. В воздухе царил духота — жаркий день, казалось, осаждал весь свой зной в квадратное углубление, замкнутое высокими стенами и открытое сверху. Таков оказался шене — рабочий дом, один из многих сотен ему подобных, разбросанных по стране Га-Кем. Здесь томились разноплеменные рабы — рабочая сила, основа богатства и красоты Айгюптоса. Шене стоял пуст и тих — рабы были выведены на работу; только несколько больных безучастно лежали в тени стены. Этот рабочий дом предназначался для вновь поступивших пленников, недавно попавших в страну рабства и еще не обзаведшихся семьями, чтобы умножить число рабочих рук Черной Земли.

Теперь Пандион стал мере — наследственным рабом фараона — и попал в число тех восьми тысяч человек, которые обслуживали сады, каналы и строения дворцовых хозяйств.

Другие пленники, проходившие вместе с Пандионом парский осмотр и оставленные у стены дворца, были распределены между сановниками в качестве саху — рабов, находящихся в их пожизненном владении и со смертью владельца переходивших в шене фараона.

В душном воздухе стояло гнетущее молчание, изредка нарушаемое тяжелыми вздохами и стонами пригнанных вместе с Пандионом новых рабов. Клеймо раскаленным углем горело на спине Пандиона. Юноша не мог найти себе места. Вместо просторов моря, тенистых роц на омываемых вечно плещущими волнами берегах родины — клочок пыльной земли, стиснутой стенами. Вместо свободной жизни с любимой — рабство в чужой стране, в бесконечной дали от всего родного и близкого.

Только надежда на освобождение удерживала юношу от желания разбить голову о стену, заслонившую от него широкий и прекрасный мир.

Глава третья РАБ ФАРАОНА

Как и год назад, цвели кустарники, расстилались пламеневшие ковры по склонам холмов. На берегах Энниады опять наступила весна. Стало рано закатываться сверкающее созвездие Стрелы¹, а ровное дуновение западного ветра возвестило начало плаваний. В Калидонскую гавань вернулись обратно пять кораблей, отпльвших на Крит с началом весны, и прибыли два критских корабля. А Пандиона все не было.

Агенор часто впадал в задумчивое молчание, старясь скрыть тревогу от домашних.

Одинокий путешественник затерялся на Крите, исчез где-то в горах огромного острова, среди разноязычных племен и множества больших селений. Художник решил поехать в Калидонскую гавань и оттуда, если представится возможность, отправиться на Крит, чтобы разузнать хоть что-нибудь о судьбе Пандиона.

Тесса теперь часто уединялась. Даже немое сочувствие родных тяготило ее.

В глубокой печали девушка стояла перед равнодушным и вечно подвижным морем. Иногда она прибегала сюда, надеясь, что Пандион обязательно вернется на то же самое место, где они расстались.

Но давно уже прошли эти дни надежды. Теперь Тесса знала, что там, за чертой, разделившей небо и море, произошло несчастье. Только плен или смерть могли помешать Пандиону вернуться к ней.

И Тесса молила волны, бежавшие издалека, может быть оттуда, где сейчас находился любимый, сказать ей, что случилось. И тогда ей казалось: еще немного — и волны действительно дадут ей знак, по которому она поймет, где Пандион.

Но море мерно бросало к ее ногам похожие один на другой всплески, и их шум был равносильен молчанию. Облака плыли в высоте, не замечая внизу Тессу, маленькую, ничтожную, беспомощную.

Девушка поникла черной головкой, словно надломившись от тяжести дум.

Как узнать, что с любимым? Как преодолеть разд

¹ Стрела — Стрелец. Ранний заход этого созвездия означал конец зимних бурь.

лишше их пространство ей, женщине, чья доля в жизни быть при мужчине хозяйкой и охранительницей его дома, спутницей в пути, целительницей при поражениях? А для той, которая посмеет выйти из повиновения мужчине — будь то отец, муж или брат, — для той одна дорога — быть гетерой в городе или порту. Она — женщина, значит, не может отправиться в другие страны, не может даже попытаться разыскать Пандиона.

Ей останется беспомощно метаться по берегу огромного моря. Ничего нельзя сделать! Ничем нельзя помочь!

Если даже Пандион погиб, она никогда, никогда не узнает о месте его гибели, никто не передаст ей его последние слова, его думы.

Девушка распростерлась на песке, вздрагивая от рыданий и не замечая заката, розоватым пятном выделившего ее хитон на сером сумеречном берегу. Когда Тессу окружила темнота, ей показалось, что прохладное прикосновение ночи одело ее черным покрывалом, укрыв от беспредельного и враждебного мира. Во тьме даже пространство, отделявшее девушку от любимого, не казалось таким большим, и заплаканные глаза Тессы невольно поднялись к небу.

Южная часть неба приближалась, как выдвинутая издали пепельная гора. Это полная луна рассеивала свои лучи.

Ее сияющий круг был серебряным зеркалом, собравшим в себе весь свет уснувшей земли. Зеркалом, отражающим все мечты и надежды людей, в тоске обращенные к небу, как сейчас у нее, Тессы. Девушка верила, что луна превращает все это в печальный негреющий свет, волшебным образом успокаивающий смятенные души...

Чары Гекаты успокоили девушку, но не погасили страстного зова, вновь посланного ею вдаль. Впиваясь в яркий диск остановившимися глазами, Тесса думала, что, может быть, Пандион в этот миг тоже смотрит на него из темной безвестности. Тогда ее любовь, ее призыв обратятся от зеркала Гекаты, дойдут до любимого, помогут ему, передадут весть о его Тессе!

Тесса не двигалась, подняв вверх озаренное луной лицо в несбыточной, невозможной надежде, и вдруг необъяснимая уверенность, что Пандион жив, наполнила ее душу радостным трепетом...

То же сияющее зеркало, пожалуй, светившее еще ярче, повисло над огромной рекой в стране, где не знали богини Гекаты, а называли луну чуждым именем «аб».

Голубовато-серебряный поток лунного света заполнил всю долину. Огражденный вертикальными черными тенями в глубоких рывтинах крутых обрывов, он струился над рекой, по ее течению — с юга на север.

Темнота заполняла квадратный колодец рабочего дома близ великой столицы Айгюптоса — Нут-Амон, или Уасет.

Стена была ярко освещена и отбрасывала от своей шероховатой поверхности мутный слабый отблеск.

Пандион без сна лежал на охапке жесткой травы, брошенной на пол тесной клетушки. Он осторожно высунул голову из низкого, как нора, входа. Рискуя привлечь внимание стражей, юноша встал на колени и любовался лунным диском, всплывшим в небе высоко над краем мрачной стены. Ему стало больно от мысли, что эта же луна светит сейчас в далекой Энниаде. Может быть, Тесса, его Тесса, сейчас спрашивает Гекату, где он, не подозревая, что его глаза устремлены из гнусной ямы на серебряный диск. Пандион спрятал голову в темноту, наполненную пыльным запахом разогретой глины, и отвернулся к стене.

Уже давно прошло буйное отчаяние первых дней, бешеные приступы страшной тоски. Пандион сильно изменился. Его густые четкие брови были постоянно сдвинуты, золотистые глаза потомка Гипериона потемнели от гневного огня, затаенно и упорно поблескивавшего в них, губы всегда оставались плотно сжатыми.

Но могучее тело по-прежнему было наполнено неистощимой энергией, ум не притупился. Юноша не пал духом, он по-прежнему мечтал о свободе.

Молодой скульптор постепенно превращался в бойца, страшного не только своей храбростью или силой, но и бесконечным упорством, желанием сохранить свою душу в окружающем аду, пронести через все испытания свои мечты, стремления и любовь. То, что было абсолютно невозможно ему, одинокому, не знавшему языка и страны, — противопоставить себя веками созданному гнету огромного государства, — теперь становилось реальным у Пандиона были товарищи! Товарищ! Только тот может понять все значение этого слова, кому приходилось одному стоять перед грозной, превосходящей силой, кому

приходилось быть одному вдали от родины, в чужой стране. Товарищ! Это значит и дружеская помощь, и понимание, и защита, общие мысли и мечты, добрый совет, полезное порицание, поддержка, утешение. За семь месяцев, проведенных на работах вокруг столицы, Пандион накопился со странным языком Айгюптоса и научился хорошо понимать своих разноплеменных сожителей.

В толпе пятисот рабов, заключенных в шене и ежедневно выгоняемых на работу, юноша начал различать все больше людей с определенной и сильной индивидуальностью.

И рабы, постепенно доверяясь друг другу, понемногу сблизились и с Пандионом.

Люди объединились на почве общих тяжелых лишений, общего стремления к свободе; добиться освобождения, нанести удар слепой, угнетающей силе государства Черной Земли и вернуться к потерянной родине. Родина — это было понятно всем, хотя у одних она находилась за таинственными болотами юга, у других за песками востока или запада, у третьих, как и у Пандиона, — за морем на севере.

Но в шене лишь немногие нашли в себе силы для подготовки к борьбе. Другие, изнуренные непосильной работой, постоянным недоеданием, безропотно и медленно угасали. Это были главным образом пожилые люди. Они не интересовались окружающим. В их потухших глазах не светилось решительности, у них уже не было желания тайно общаться с товарищами. Они работали, медленно ели, спали тяжелым сном, чтобы наутро, вздрогнув от окрика надсмотрщика, опять вяло и безразлично шагнуть в колонне.

Пандион понял, почему в рабочем доме было так много отдельных клетушек: они разъединяли людей. После ужина было запрещено общаться между собой; стража со стен зорко следила за выполнением этого приказа — стрела или палка наутро наказывала ослушников. Не у всех людей хватало сил и смелости, пользуясь темнотой, неслышно переползая в клетушки других. Это делали только немногие.

Самыми близкими друзьями Пандиона стали три человека.

Первый из них был Кидого — огромный негр, ростом почти в четыре локтя, происходивший из очень далеких мест Африки, на юго-запад от Айгюптоса. Добрый, ве-

сильный и восторженный Кидого был тоже искусным художником и скульптором. Его выразительное лицо с широким носом и толстыми губами сразу привлекло Пандиона умом и энергией.

Пандион привык к тому, что негры хорошо сложены, но этот гигант сразу привлек внимание скульптора своим пропорциональным и красивым телом. Впечатлению необычайной мощи от крупных, будто кованных из железа мускулов как-то сочеталось с легкостью и гибкостью высокой фигуры Кидого. Огромные глаза под выпуклым высоким лбом были полны внимания и поражали своей живостью.

Вначале Пандион и Кидого понимали друг друга при помощи рисунков, наспех сделанных на земле или на стене заостренной палочкой. Потом молодой элли стал хорошо объясняться с негром на смеси слов языка Кемт и легкого, быстро запоминающегося языка Кидого.

В безлунные ночи, в угольно-черной тьме, заполняющей шене, Пандион и Кидого переползали один к другому и, шепотом беседуя, черпали новые силы и мужество в обсуждении планов побега.

Спустя месяц после того дня, как Пандион впервые переступил порог шене, в рабочий дом к вечеру пригнали еще несколько рабов.

Новички сидели и лежали около входа, беспомощно озираясь, с хорошо знакомой каждому пленнику печатью подавленности и горя на измученных лицах. Пандион, только что вернувшийся с работы, подошел к одному из высоких сосудов, чтобы набрать воды, но внезапно едва не выронил своей глиняной чашки. Двое из прибывших негромко говорили на знакомом Пандиону языке этрусков. Этруски — этот таинственный, суровый древний народ — часто появлялись на берегах Энниады и пользовались славой колдунов, знающих тайны природы.

Весь задрожав под властью воспоминаний о родине, Пандион заговорил с этрусками, и они поняли его.

На вопрос Пандиона о том, как они попали сюда, оба пленника угрюмо отмалчивались и, казалось, совсем не обрадовались встрече.

Оба этруска были людьми среднего роста, очень мускулистыми, широкоплечими. Темные волосы пленников свалились от грязи и свисали неровными космами на

обе стороны лица. Старшему из них на вид было около сорока лет, другой, по-видимому, приходился ровесником Пандиону.

Сразу бросалось в глаза их сходство — запавшие щеки подчеркивали массивные скулы, строгие карие глаза поблескивали неподкупным упорством.

Озадаченный равнодушием этрусков, Пандион почувствовал обиду и поспешил уйти в свою клетушку. Несколько дней Пандион намеренно старался не обращать внимания на новых пленников, хотя и заметил, что этрусски наблюдают за ним.

Дней через десять после прибытия этрусков Пандион и Кидого сидели рядом за ужином из стеблей папируса. Оба друга быстро съели свои порции, и, как всегда, оставалось немного времени, чтобы поговорить, пока остальные насытятся. Соседом Пандиона с другой стороны оказался старший этруск. Неожиданно он положил юноше на плечо тяжелую руку и насмешливо посмотрел в глаза Пандиону, когда тот обернулся.

— Плохой товарищ освобождения не получит, — медленно, с оттенком вызова произнес этруск, несколько не опасаясь, что его поймут стражи: жители страны Ти-Кем не знали языков своих пленников, презирая чужеземцев.

Пандион нетерпеливо потрянул плечом, не поняв скалининого, но этруск крепко сжал пальцы, впившиеся, как медные когти, в мышцы юноши.

— Ты презираешь их напрасно... — Этруск кивнул в сторону остальных рабов, поглощенных едой. — Другие тебя не хуже и также видят сны о свободе...

— Нет, хуже! — запосчиво перебил Пандион. — Они уже давно здесь, а я не слыхал о побегах!

Этруск презрительно сжал губы:

— Если у молодости не хватает разума, она должна учиться у старших. Ты силен и здоров, как молодой конь, и твоим теле остается еще мощь после дня тяжелых работ, недостаточная пища еще не подкосила тебя. А у них не хватает уже сил — только в этом твое отличие и твое счастье. Но помни, что бежать в одиночку отсюда нельзя: мы должны узнать дорогу и пробиваться силой, и сила у нас одна — всем вместе. Когда ты станешь товарищем для всех, тогда твои мечты приблизятся к жизни...

Поразенный пронизательностью этруска, угадавшего

его тайные мысли, Пандион не нашел, что ответить, и молча опустил голову.

— Что он говорит, что говорит? — допытывался Кидого.

Пандион хотел пояснить, но надсмотрщик застучал по столу; рабы, кончившие ужин, уступили место другой партии и разошлись на отдых.

Ночью Пандион и Кидого долго обсуждали слухи об этрусках. Им пришлось признать, что вновь прибывший лучше всех понимал положение рабов. В самом деле, для успеха бегства им, носящим клеймо фараона, нужно было точно знать пути выхода из этой страны. Мало того: нужно было пробиться сквозь враждебное население, считавшее, что доля «диких» людей заключается в работе на избранный богами народ.

Уныние овладело обоими друзьями, но они почувствовали доверие к умному этруску.

Прошло еще немного дней, и в шене фараона стало четверо друзей. Они постепенно приобретали все больший авторитет среди остальных рабов.

На старшего этруска, носившего грозное имя Кави — бога смерти, скоро многие стали смотреть как на вождя. Трое других — второй этрусок, по имени Ремд, Кидог и Пандион, — сильные, выносливые и смелые молодые люди, сделались его верными помощниками.

Среди пятисот рабов находилось все больше борцов, готовых отдать жизнь за ничтожную возможность вернуться на далекую родину. Так же медленно в остальных, запуганных, измученных и забитых, возродилась уверенность в своей силе, окрепла надежда, что, объединившись, они смогут противостоять организованной мощи громадного государства.

А дни все шли — пустые и бесцельные, горькие дни плена, наполненные тяжелой работой, ненавистной уже потому, что она способствовала процветанию жестоких властителей жизнью тысяч рабов. Ежедневно с восходом солнца отряды изможденных людей под охраной воинов покидали шене и расходились на различные работы.

Жители Аigyптоса, презирая чужие народы, не думали себе труда изучать языки своих пленников. Поэтому новые рабы использовались сначала на самых простых работах; позже, освоив язык Кемт, они могли понимать сложные распоряжения, обучались ремеслам. До имени пленников надсмотрщикам не было никакого дела, любой

раб послал кличку по названию своего народа. Так, Пандион назывался экуеша¹, этруски — туруша, Кидого и другие чернокожие должны были откликаться на кличку некси — негр.

Первые два месяца пребывания в шене Пандион и сорок новых рабов поправляли оросительные каналы в садах Амона², насыпали размытые прошлогодним наводнением плотины, разрыхляли землю вокруг фруктовых деревьев, качали и носили воду на клумбы с цветами.

Постепенно надсмотрщики, заметив выносливость, силу и сметливость новоприбывших, составили новый отряд и направили его на строительные работы. Случилось так, что все четыре друга и еще тридцать сильных рабов — вожаки всей массы пленников шене — оказались вместе. С переводом на строительные работы их постоянная связь с оставшимися прервалась — отряд Пандиона по неделям ночевал в других шене.

Первой работой Пандиона вдали от садов фараона была разборка древнего храма и гробницы на западной стороне реки, в полусотне стадий от шене. Во главе с надсмотрщиком и пятью воинами пленники переправились на барке через реку. Их погнали на север вдоль реки, к высоким кручам отвесных скал, образовавших здесь огромный выступ. Тропинка, миновав возделанные поля, перешла в мощеную дорогу; внезапно перед Пандионом развернулась картина, навсегда запечатлевшаяся в его памяти. Рабов остановили на широкой площади, спускавшейся к реке. Надсмотрщик ушел, приказав ожидать его здесь.

Впервые у Пандиона была возможность не торопясь оглядеться, присмотреться к окружающему.

Прямо перед ним на триста локтей в высоту поднималась отвесная скалистая стена цвета красной меди, испещренная пятнами сине-черных теней. У подножия этих утесов раскинулась тремя широкими уступами белая колоннада храма. От прибрежной равнины поднималась полоса гладкого серого камня, обрамленная двумя рядами странных скульптур — чудовищ в виде спокойно лежащих львов с человеческими головами³. Дальше широкая белая лестница с боковыми скатами, на которых

¹ Экуеша — собирательное название народов Эгейского моря.

² Храм в Карнаке, близ современного Лусора.

³ Сфинксы.

были высечены извивающиеся желтые змеи по одной с каждой стороны, вела ко второму уступу, подпертому низкими, в два человеческих роста, колоннами из ослепительно белого известняка. В центральной части храма виднелся второй ряд таких же колонн. На каждой из них было изображение человеческой фигуры в царской короне, со скрещенными на груди руками.

Колоннада обрамляла второй уступ храма в виде большой площадки с аллеей из лежащих чудовищ. На тридцать локтей выше расположилась самая верхняя терраса, сплошь обнесенная колоннадой и углублявшаяся в полукруглую естественную выемку скал.

Нижний уступ колоннады разбежался в ширину ступи на полторы: по краям шли простые цилиндрические колонны, в центре — квадратные, выше — шести- и шестинадцатигранные. Центральные колонны и верхушки боковых, карнизы портиков, а также человеческие фигуры были покрыты ярко-синей и красной росписью, от которой снежная белизна камня казалась еще ослепительнее.

Этот храм, ярко освещенный солнцем, резко отличался от мрачных, давящих храмовых зданий, виденных Пандионом раньше. Молодому эллину казалось, что ничего прекраснее в мире нельзя себе представить — так радостны были эти ряды снежно-белых колонн в рамках цветных узоров. А на широких террасах росли никогда не виденные Пандионом деревья — низкорослые, с плотной массой ветвей, обильно усеянных мелкими, тесно прилегающими друг к другу листьями. Эти деревья испускали сильный тяжелый аромат; их золотисто-зеленая листва празднично выделялась на белизне колоннады, оттененной красными скалами.

Кидого в буйном восхищении толкал Пандиона в бок, прищелкивал губами и издавал неопределенные звуки восторга.

Никто из рабов не знал, что храм, находившийся перед ними, был построен уже давно — около пятисот лет тому назад зодчим Сенмутом для своей возлюбленной царицы Хатшепсут¹ и назывался Зешер-Зешеру² — «величественнейший из величественных». Необыкновенные деревья, росшие на территории храма, были вывезены из далекого Пунта, куда царица Хатшепсут отправила

¹ Хатшепсут — царица XVIII династии (1500—1457 до н. э.).

² Знаменитый храм Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри.

большую морскую экспедицию. С тех пор с каждым новым походом в Пунт вошло в обычай привозить деревья для храма и возобновлять древние насаждения, как будто сохранившиеся неприкосновенными с отдаленных времен.

Вдали послышался зов надсмотрщика. Рабы поспешно двинулись в сторону от храма и, обогнув площадку слева, оказались перед древним храмом, построенным тоже на уступе скалы в виде небольшой пирамиды, опирающейся на частую колоннаду¹.

Выше по реке виднелось еще два небольших строения из серого полированного гранита. Надсмотрщик подвел отряд к ближайшему из них, и партия Пандиона влилась в группу из двухсот рабов, уже начавших разрушение храма². Белая штукатурка, покрывавшая внутренние стены, была расписана красочными, мастерски выполненными рисунками. Но строительные чиновники и мастера Айгюптоса, руководившие работами, заботились только о целостности полированных гранитных глыб, составлявших наружную облицовку портика и колоннады. Внутренние стены беспощадно разламывались.

Пандион был потрясен уничтожением древних произведений искусства и ухитрился присоединиться к группе рабов, укладывавших каменные блоки на деревянные салазки, которые затем веревками оттаскивались к берегу и грузились на тяжелую низкую барку.

Он не знал, что прекрасные храмы древности уже давно разбирались: фараоны Айгюптоса не ценили памятников прошлого и спешили прославить свое имя в веках постройкой храмов и гробниц из готовых материалов.

Ни дикие кочевники — гиксосы, завоевавшие Та-Кем много столетий назад, ни мятежные рабы, подчинившие себе на короткий срок страну за два столетия до рождения Пандиона, не тронули великолепных построек. А теперь по тайному повелению новых фараонов разрушались даже гробницы древних царей, и похищенное золото поступало в сокровищницу владык Айгюптоса из погребальных комнат, скрытых под засыпанным песком

¹ Храм Ментухотепа — фараона Среднего Царства (Ментухотеп IV, фараон XI династии, около 2050 г. до н. э.).

² Преимущественно разрушались храмы Среднего Царства (2160—1580 гг. до н. э.) из-за обилия в них хорошо отделанного камня.

пирамидами Древнего Царства¹, из маленьких изящных гробниц Среднего Царства и огромных подземелий великих царей первых династий Нового Царства².

Пандион участвовал в разборке храма всего три месяца. Он и Кидого работали усердно, стремясь облегчить труд товарищей. Это было на руку надсмотрщикам: система труда в Та-Кем была организована так, что слабые должны были тянуться за сильными. Незаурядная сила и сообразительность негра и эллина были замечены, и друзей послали в мастерскую каменщиков для обучения. Из этой мастерской их взял к себе один из скульпторов фараона, и тогда совсем оборвалась всякая связь с товарищами из шене.

Пандион и Кидого поселились в длинном уютном сарае, где жили другие рабы, уже обученные несложному искусству. Природные жители Айгюптоса — свободные ремесленники — занимали несколько хижин в углу обширного двора мастерской, заваленного необделанным камнем и грудями щебня. Египтяне подчеркнуто сторонились рабов, как будто за общение с ними подвергались опасности наказания.

Начальник мастерской — царский скульптор — не подозревал, что Пандион и Кидого — скульпторы, и был потрясен успехами друзей. Истосковавшиеся по творческой работе, они жадно взялись за любимый труд, на время забыв, что работают на ненавистного фараона.

Кидого с увлечением лепил животных — бегемотов, крокодилов, антилоп и других неизвестных эллину зверей; по его моделям другие рабы изготовляли фаянсовые статуэтки. Египтянин заметил у Пандиона склонность к изображению людей и сам принялся обучать подавшего большие надежды экуешу; он требовал от Пандиона особой тщательности при выполнении заказов. «Малый недосмотр губит совершенство», — без конца повторял египетский скульптор заповедь древних мастеров Черной Земли. Пандион усердно учился, и временами тоска его становилась меньше. Эллин делал большие успехи в тончайшей отделке статуй и барельефов из твердого камня, в чеканке золотых поделок.

¹ Древнее Царство — с III по VIII династию (2900—2445 гг. до н. э.).

² Новое Царство — XVIII, XIX и XX династии (1500—1205 гг. до н. э.).

Сопровождая царского скульптора, Пандион побывал во дворце фараона, в комнатах невиданной роскоши. На светлых полах царских покоев в рамках волнистых линий или многоцветных спиралей были с неподражаемой живостью изображены заросли Великой Реки с их растениями и животными. Прозрачная голубая глазурь покрывала фаянсовые плиты на стенах комнат, сквозь нее можно мерцали, просвечивая, замысловатые рисунки из листового золота — волшебное произведение искусства.

Среди всего этого великолепия молодой эллин с ненавистью замечал надменных, неподвижных придворных.

Он рассматривал их белые одежды, заглаженные мелкими складками, тяжелые ожерелья, кольца и нагрудные знаки из литого золота, завитые мелкими прядями ювелиры до плеч, расшитые туфли с загнутыми вверх носками.

Пандион, скользя безмолвной тенью за торопившимся мастером, рассматривал драгоценные сосуды с тончайшими стенками, вырезанными из горного хрусталя и твердых пород камня, стеклянные вазы, горшки из серого фаянса с бледно-голубым рисунком — создания неимоверно долгого, искусного труда.

Самое большое впечатление произвел на юношу египетский храм недалеко от садов Амона, где начинал Пандион свою жизнь в качестве раба, изнывая за высокими стенами шене.

Этот храм многих богов строился уже больше тысячелетия. Каждый из царей Кемт вносил свою лепту, расширяя новыми пристройками и без того огромную площадь храма, занимавшего более восьмисот локтей в длину.

На правом берегу реки, в пределах столицы Уасет, или просто Нут — «Города», как звали ее жители Египта, раскинулся великолепный сад с правильными рядами высоких пальм, в обоих концах которого громоздилось несколько храмов. Эти сооружения соединялись длинными аллеями из статуй странных животных с берегом реки и священным озером перед храмом непонятной Пандиону богини Мут.

Звери с львиными телами, с бараными или человеческими головами, высеченные из гранита, высотой в три человеческих роста, производили угнетающее впечатление. Неподвижно застывшие, загадочные, они лежали

на своих пьедесталах, теснясь один к другому, и головы их нависали над проходившими, окаймляя широкую аллею, залитую ослепительным солнцем.

Огромные иглы обелисков по пятьдесят локтей высоты, одетые листами ярко-желтого азема — сплава золота и серебра, горели как раскаленные, пронизывая жесткую темную листву пальм.

Каменные плиты, покрытые серебром, которыми были вымощены аллеи, днем слепили глаза, а ночью, при свете звезд и луны, казались струями неземной светящейся реки.

Исполинские пилоны — громадные плоскости тяжелых стен, слегка расходящиеся к основанию и имеющие форму трапеций, — заграждали вход в храм, возвышаясь на пятьдесят локтей над аллеями сфинксов. Стены пилонов были покрыты огромными скульптурными изображениями богов и фараонов, исчерканы таинственными письменами Та-Кем. Чудовищные двери, обитые бронзовыми листами со сверкающими изображениями из азема, запирали высокие проходы пилонов, поворачиваясь на литых бронзовых петлях весом в несколько быков.

Внутри храма теснились толстые колонны высотой до пятидесяти локтей, заполняя пространство вверху тяжелыми барельефами.

Громадные куски камня в стенах, перекрытиях и колоннах были пришлифованы, пригнаны друг к другу с непостижимой точностью.

Рисунки и барельефы, расписанные яркими красками, нестрили стены, колонны и карнизы, повторяясь несколькими ярусами. Солнечные диски, коршуны, звероголовые боги мрачно смотрели из таинственного полумрака, ступавшегося в глубине храма.

Снаружи сверкали такие же яркие краски, золото и серебро, высились чудовищно тяжелые строения и скульптуры, оглушая, ослепляя и подавляя.

Пандион видел повсюду обожествленных владык Та-Кем, сидящих в нечеловечески спокойных и надменных позах, — статуи из розового и черного гранита, красного песчаника и желтого известняка. Иногда это были колонны из целой скалы по сорок локтей высоты, высеченные угловато и грубо, или страшные по своей мрачности раскрашенные, тщательно отделанные скульптуры, превосходящие человеческий рост.

Молодой эллин, выросший в простом селении и по

стояннй близости с природой, был вначале поражен и уничтожен. В этой огромной и богатой стране все происходило на него сильнейшее впечатление.

Исполинские постройки, сооруженные неизвестно какими, казалось недоступными простым смертным способами, страшные боги во мраке храмов, непонятная речница со сложными обрядами, отпечаток глубокой древности на засыпанных песком сооружениях — все это вначале подавляло Пандиона. Юноша поверил, что надменные и непроницаемо сдержанные жители Айгюптоса знают самые глубокие истины, владеют особыми, могущественными науками, скрытыми в совершенно непонятных для чужеземцев письменах Черной Земли.

И вся страна, зажатая между смертоносными, безжизненными пустынями на узкой ленте долины огромной реки, несущей свои воды из никому не известных далей Юга, казалась каким-то особым миром, не имеющим отношения к остальной Ойкумене.

Но постепенно трезвый разум молодого эллина, жаждущий простых и естественных истин, начал справляться с массой впечатлений.

У Пандиона теперь было время на размышления, и в душе молодого скульптора с ее неустанной тягой к прекрасному родился вначале глухой, а позже осознанный протест против жизни и искусства Айгюптоса.

В плодородной стране, не знающей суровой непогоды, с ярким, чистым, почти всегда безоблачным небом, в удивительно прозрачном, живительном и бодрящем воздухе все, казалось, способствовало здоровой и счастливой жизни. Но молодой эллин, как ни мало он знал страну, не мог не видеть ужасной нищеты и скученности немху — беднейших и наиболее многочисленных жителей Айгюптоса. Исполинские храмы и статуи, прекрасные сады не могли заслонить бесконечные ряды нищенских хижин десятков тысяч ремесленников, обслуживавших дворцы и храмы столицы. А что касается рабов, томившихся в огнях шене, об этом сам Пандион знал лучше кого-либо другого.

Пандион все яснее сознавал, что искусство Айгюптоса, подчиненное владыкам страны — фараонам и жрецам и направлявшееся ими, противоположно его стремлениям и поискам законов отображения красоты.

Что-то близкое и радостное Пандион почувствовал

единственный раз, когда увидел храм Зешер-Зешеру, открытый, сливающийся с окружающей местностью.

А все остальные исполинские храмы и гробницы наглухо замыкались высокими стенами. И там, за этими стенами, мастера Айгюптоса, по велению жрецов, использовали все приемы, чтобы увести человека от жизни, унижить его, задавить, заставить ощутить свое ничтожество перед величием богов и владык-фараонов.

Непомерная величина сооружений, колоссальное количество затраченного труда и материала уже сразу подвигали человека. Много раз повторявшееся нагромождение одинаковых, однообразных форм создавало впечатление бесконечной протяженности. Одинаковые сфинксы, одинаковые колонны, стены, пилоны — все это с искусно отобранными скупыми деталями, прямоугольное, неподвижное. В темных проходах храмов исполинские однообразные статуи возвышались по обе стороны коридоров, зловещие и угрюмые.

Повелевавшие искусством владыки Айгюптоса бились пространства: отделяясь от природы, они загромажили внутренности храмов камешными массами колонн, толстых стен, каменных балок, иной раз занимавшими больше места, чем пролеты между ними. В глубину храма ряды колонн еще более уплотнялись, залы, недостроенные, точно освещенные, погружались постепенно в полнотьму. Из-за множества узких дверей храм становился таинственно недоступным, а темнота помещений еще более усиливала страх перед богами.

Пандион осознал это рассчитанное воздействие на душу человека, достигнутое веками строительного опыта.

Но если бы Пандиону удалось увидеть чудовищные пирамиды, резко выделяющиеся своими правильными гранеными формами над мягкими волнами пустынных песков, тогда молодой скульптор яснее ощутил бы наглядное противопоставление человека природе, в котором скрывался страх владык Та-Кем перед непонятной и враждебной природой, страх, отраженный в замкнутой, таинственной религии египтян.

Мастера Та-Кем возвеличивали своих богов и владык, стремясь выразить их силу в колоссальных статуях, симметричной неподвижности массивных тел.

На стенах сами фараоны изображались в виде больших фигур. У их ног копошились карлики — все остальные люди Черной Земли. Так цари Айгюптоса пользовались

лись любым поводом, чтобы подчеркнуть свое величие. Царям казалось, что, всячески унижая народ, они возвышаются сами, возрастает их влияние.

Пандион еще очень мало знал о подлинном, самобытном и прекрасном народном искусстве жителей Черной Земли. Там, в изображениях и предметах простых людей, искусство было свободно от уз требований придворных и жрецов. Пандион мечтал о творениях, которые не угнетали и не давили бы человека, а, наоборот, возвышали. Он чувствовал, что настоящее искусство — в радости и простом слиянии с жизнью. Оно должно так же отличаться от всего созданного в Айгюптосе, как отличается его родина разнообразием рек, полей, лесов, моря и гор, пестрой сменой времен года от этой страны, где так однообразно возвышаются скалы по берегам единственной, повсюду одинаковой речной долины, окаймленной возделанными садами. Тысячи лет назад жители Айгюптоса прятались в долине Нила от враждебного мира. Теперь их потомки пытались отвести лицо от жизни, укрываясь внутри своих храмов и дворцов.

Пандиону казалось, что величие искусства Айгюптоса в значительной мере было обязано природным способностям разноплеменных рабов, из миллионов которых выбиралось все наиболее талантливое, невольно отдававшее свои творческие силы на прославление угнетавшей их страны. Окончательно освободившись от преклонения перед могуществом Айгюптоса, Пандион решил бежать как можно скорее и убедить друга Кидого в необходимости бегства...

С этими мыслями Пандион поехал вместе со своим начальником, Кидого и десятью другими рабами в дальнюю поездку, к развалинам Ахетатона¹. Молодой скульптор рассекал гладкую поверхность реки веслами, радостно чувствуя стремительный бег лодки по течению. Путь был далек. Надо было проехать чуть ли не три тысячи стадий — расстояние, близкое к тому, которое отделяло его родину от Крита, и когда-то казавшееся неизмеримо далеким. Пандион во время этого плаванья узнал, что до Великого Зеленого моря — так называли жители Айгюптоса море, на северной стороне которого ждала Пандиона его Тесса, — было вдвое дальше, чем до Ахетатона.

¹ Ахетатон (ныне Тель-эль-Амарна) — столица фараона Эхнатона.

Веселое настроение Пандиона быстро прошло: впервые он ясно представил себе, как глубоко внутри «пещерной страны» — Африки он находится, какое огромное пространство отделяет его от берегов моря, где он мог бы надеяться на возвращение.

Молодой эллин угрюмо склонялся над веслами, а лодка все мчалась по бесконечной сверкающей ленте гладкой реки, мимо зеленых зарослей, возделанных полей, тростниковых чащ и раскаленных скал.

На корме, в тени пестрого навеса, лежал царский скульптор, овеваемый опахалом услужливого раба. А по берегам тянулись маленькие тесные хижины — огромное количество народа кормила плодородная земля, тысячи людей копошились на полях, в садах или зарослях папируса, добывая себе скудную пищу. Тысячи людей теснились друг к другу на пыльных, выжженных солнцем улицах бесчисленных селений, у окраин которых надменно возвышались тяжелые исполинские храмы, наглухо замкнутые от яркого солнца.

В голове Пандиона вдруг мелькнула мысль, что не только ему и его товарищам выпал на долю подневольный труд в Кемт, что, пожалуй, все эти обитатели жалких домиков тоже живут в плену безрадостного труда, тоже являются рабами великих владык и вельмож, несмотря на все свое презрение к нему, жалкому, заклеяменному дикарю...

Задумавшись, Пандион громко стукнул веслом о весло другого гребца.

— Эй, экуеша, ты заснул? Берегись! — раздался громкий окрик рулевого.

На ночь рабов запирали в тюрьмы, стоявшие вблизи каждого большого селения или храма.

Скульптора фараона с почестями встречали местные начальники, и он в сопровождении двух доверенных слуг шел отдыхать.

На пятый день плавания лодка обогнула выступ подмытых рекою темных утесов. За ними протянулась обширная равнина, закрытая с берега рядами высоких пальм и сикомор. Лодка приблизилась к выложенной камнем набережной с двумя широкими лестницами, спускающимися в воду. На берегу над зубчатой стеной массивным кубом поднималась башня. Сквозь приоткрытые тяжелые ворота виднелся сад с прудами и цветущими лу

жилками; в глубине стояло белое здание, украшенное острыми узорами.

Это был дом главного жреца здешних храмов.

Царский скульптор, сопровождаемый подобострастными поклонами стражи, вошел в ворота, а рабы остались снаружи под надзором двух воинов. Ожидать пришлось недолго — вскоре скульптор появился в сопровождении человека со свертком исписанного папируса в руках и повел рабов мимо храмов и обитаемых домов к большому участку, занятому разрушенными стенами, летом колонн с провалившимися кровлями. Среди этого мертвого города попадались небольшие здания, несколько лучше сохранившиеся. Редкие пни обозначали участки бывших садов; высохшие бассейны, пруды и каналы были засыпаны песком. Песок толстым слоем покрывал каменные плиты дороги, ложился откосами вдоль изъеденных временем стен. Ни живой души не было видно кругом, мертвое молчание царило в иссушающем зное.

Скульптор коротко рассказал Пандиону, что эти развалины были когда-то прекрасной столицей фараона-отступника¹, проклятого богами. Имя его не должен произносить ни один истинный сын Черной Земли.

Что сделал этот царствовавший четыре века назад фараон, почему он построил здесь новую столицу, об этом Пандион ничего не мог узнать.

Скульптор развернул свертки, и по чертежу оба египтянина разыскали остатки продолговатого здания с поилками перед входом колоннами. Стены внутри были облицованы плитками из лазурно-синего камня с золотыми жилками.

Пандион и другие рабы скульптурной мастерской должны были осторожно снять тонкие шлифованные плитки, плотно припаявшиеся к стене. На эту работу ушло несколько дней. Рабы ночевали здесь же, в развалинах, пища и вода доставлялись им из соседнего селения.

Окончив порученное им дело, Пандион, Кидого и четыре других раба получили приказание осмотреть наудачу некоторые здания и поискать, нет ли в развалинах красивых вещей, которые можно было бы доставить во дворец фараона. Негр и элин пошли вдвоем, впервые

¹ Фараон Эхнатон (Аменхотеп IV, 1375—1358 гг. до н. э.), пытавшийся ввести в Египте новую религию с единым богом — солнечным диском Атоном.

без присмотра стражей и внимательного взгляда или смотрщика.

Друзья взобрались на привратную башню какой-то обширной постройки, чтобы осмотреться. С востока на развалины надвигались пески пустыни, раскинувшейся на несколько хватал глаз грядами низких холмов и грудями щебня.

Пандион оглянулся на безмолвные развалины и, в волнении стиснув руку Кидого, зашептал:

— Бежим! Нас хватятся не скоро, никто не видит.

Добродушное лицо негра расплылось в усмешке.

— Разве ты не знаешь, что такое пустыня? — изумился Кидого. — Завтра в этот час воины найдут наши трупы, иссушенные солнцем. Они, — Кидого подразумевал египтян, — знают, что делают. Путь на восток всего один — там, где колодцы, и этот путь стерегут. А здесь крепче цепей держит нас пустыня...

Пандион угрюмо кивнул, минутный порыв его углы. Друзья молча спустились с башни и разошлись в разные стороны, заглядывая в провалы стен или проникая в темноту открытых входов.

Внутри небольшого двухэтажного, хорошо сохранившегося дворца с остатками деревянных решеток в окнах Кидого повезло отыскать небольшую статую египетской девушки из крепкого желтоватого известняка. Он позвал Пандиона, и оба залюбовались работой бесименного мастера. Красивое лицо было типичным для египтянки. Пандион уже знал облик женщины Айгюптоси: низкий лоб, узкие, приподнятые у висков глаза, холмиками выступающие щеки и толстые губы с ямочками в углах.

Кидого понес находку начальнику мастерской, а Пандион углубился в развалины. Машинально переступая через обломки, перебираясь через кучи камней, Пандион подвигался вперед, не разбирая направления, и скоро вошел в прохладную тень уцелевшей стены. В глубине прямо под ним, виднелась плотно закрытая дверь под именем. Пандион нажал на медную оковку. Гнилые доски рассыпались, и молодой скульптор вошел внутрь помещения, слабо освещенного через щель в потолке.

Это была небольшая комната в толще каменных стен, выложенных тщательно пригнанными камнями. Два легких кресла из черного дерева, отделанные кожей, были крылись толстым слоем пыли. В углу юноша заметил

развалившийся ларец. У противоположной стены на куске розового гранита эллин увидел скульптуру из серого камня — фигуру женщины в рост человека. Только верхняя часть изваяния была тщательно отделана.

Две изгибающиеся пантеры из черного камня стояли, как бы для охраны, по сторонам статуи. Пандион осторожно стер пыль с изваяния и отступил в немом восхищении.

Искусство скульптора передало в камне прозрачную ткань, облегающую юное тело. Левая рука девушки крепко прижимала к груди цветок лотоса. Густые волосы обрамляли лицо длинными мелкими локонами, образуя тяжелую прическу, разделенную пробором и спадавшую ниже плеч. Очаровательная девушка не походила на египтянку. У нее было круглое лицо с прямым небольшим носиком, широким лбом и огромными, широко расставленными глазами.

Пандион заглянул на статую сбоку, и его поразила странная и лукавая насмешливость, запечатленная скульптором на лице девушки. Такого выражения живости и ума он никогда не видел на статуях: художники Аigyптоса больше всего любили величественную и равнодушную неподвижность.

Девушка была похожа на женщин Энниады или, скорее, на прекрасных жительниц островов его родного моря.

Ясное и умное лицо статуи было так далеко от мрачной красоты творений Аigyптоса, изваяно с таким неподражаемым совершенством, что мучительная тоска опять вернулась к Пандиону. Стиснув руки, молодой эллин старался представить себе модель скульптора, эту близкую ему чем-то девушку, неизвестно какими путями попавшую в Аigyптос четыре столетия назад. Была ли она такой же, как он, пленницей или по доброй воле приехала из неизвестной страны?

Луч солнца проник через щель вверху, пыльный свет упал на статую. Пандиону показалось, что лицо девушки изменило выражение — глаза загорелись, губы задрожали, словно трепет таинственной, скрытой жизни возник на поверхности камня.

Да, вот как нужно делать статуи... вот у кого нужно бы учиться передавать живую красоту... у этого мастера, умершего так давно!

С благоговейной осторожностью Пандион положил

пальцы на лицо статуи, ощупывая почти неуловимые, мельчайшие детали, так верно передавшие жизнь.

Долго стоял Пандион перед прекрасной девушкой улыбавшейся ему дружески и насмешливо. Ему казалось, что он нашел нового друга, осветившего ласковой улыбкой вереницу безрадостных дней.

И невольно мысли юноши перенеслись к Тессе. Ее образ, потускневший в суровости его теперешней жизни, вновь стал живым и манящим...

Глаза Пандиона в задумчивости блуждали по россыпям потолка и стен, где сплетались звезды, букеты лотосов, узоры изломанных линий, головы быков. Вдруг Пандион вздрогнул: видение Тессы исчезло, и перед ним на темной стене появилось изображение пленников, связанных спина к спине, влекомых к стопам фараона. Пандион вспомнил, что уже поздно. Нужно было спешить с возвращением и оправдать свою задержку. Но, взглянув еще раз на статую, Пандион понял, что не сможет отдать ее в руки своего хозяина-скульптора. Юноше это казалось предательством, вторичным пленением невинной девушки во враждебном к иноземцам Айгюптое. Он поспешно оглянулся, вспомнив про ящик, замеченный им в углу. Встав на колени, Пандион достал оттуда четыре фаянсовых бокала в виде цветов лотоса, покрытые яркой голубой эмалью. Этого было достаточно. Пандион в последний раз посмотрел на изваяние девушки, стараясь запомнить все подробности ее лица, и с тяжелым вздохом вынес бокалы наружу. Оглянувшись по сторонам, молодой скульптор поспешно завалил вход большими камнями и, сгребая горстями щебень, старательно присыпал заграждение, пытаясь придать ему вид давно осыпавшейся стены. Потом он осторожно увязал бокалы в набедренную повязку, невольно сделал прощальный жест в сторону оставшейся в своем убежище статуи и поспешил обратно. Направление ему указывали крики рабов, очевидно разыскивавших его. Среди них выделился звонкий и сильный голос Кидого.

Царский скульптор встретил Пандиона угрозами, но сразу смягчился, едва увидел драгоценную находку.

Обратное плавание длилось на три дня дольше гребцам приходилось бороться с течением. Пандион рассказал Кидого про статую, и негр одобрил его поступок.

прибавив, что, может быть, эта девушка происходила из народа машуашей, жившего на северном краю великой западной пустыни.

Пандион уговаривал Кидого бежать, но друг в ответ только отрицательно покачивал головой, отвергая все планы эллина.

За семь дней плавания Пандиону так и не удалось убедить друга, но сам он уже не мог долее бездействовать; ему казалось, что еще немного — и он не выдержит и погибнет. Он тосковал по товарищам, оставшимся на строительных работах и в шене. В них он чувствовал ту силу, которая могла бы привести к освобождению, давала надежду на будущее... А здесь не было надежды на свободу, это заставляло Пандиона задыхаться от бессильной ярости.

Через два дня после возвращения в мастерскую скульптор фараона повел Пандиона во дворец главного строителя. Там готовился праздник. Пандион должен был вылепить из глины модели статуэток и сделать по ним формы для сладких печений.

Молодой скульптор, закончив работу, по приказу хозяина остался во дворце до конца пира, чтобы с другими рабами нести царского скульптора домой. Не обращая внимания на рабов и рабынь, во множестве сновавших по дворцу, Пандион удалился в сад.

Стемнело, на безлунном небе зажглись яркие звезды, и пир все продолжался. Снопы желтого света, проникая в сад через широкие оконные проемы, вырывали из темноты стволы деревьев, листву и цветущие кустарники, поблескивали красными огоньками на зеркальной воде бассейнов. Гости собрались в большом нижнем зале с колоннами из полированных кедровых стволов. Зазвучала музыка. Пандион, так давно не слышавший ничего, кроме заунывных и незнакомых песен, незаметно подобрался к большому низкому окну, укрылся в кустах и стал наблюдать.

Из наполненного людьми зала шел тяжелый аромат благовоний. Стены, колонны и рамы окон были увешаны гирляндами свежих цветов, больше всего, как заметил Пандион, лотосов. Пестрые кувшины с вином, плетенки и чаши с фруктами стояли на низких подставках возле сидений. Разгоряченные вином гости, облитые душистой помадой, теснились вдоль стен, а посередине между колоннами медленно танцевали девушки в длинных одеяни-

ях. Черные волосы, заплетенные в многочисленные тонкие косички, развевались по плечам танцующих, широкие браслеты из разноцветного бисера охватывали запястья, пояски из цветных бус просвечивали сквозь тонкую ткань. Пандион не мог не заметить некоторой угловатости строгих женщин Айгюптоса, отличавшихся от сильных девушек его родины. В стороне молодые египтянки играли на различных инструментах: две девушки — на флейтах, одна — на многострунной арфе, еще две извлекали резкие дрожащие звуки из длинных двухструнных инструментов.

Танцовщицы держали в руках блестящие листы тонкой бронзы, время от времени прерывая мелодию короткими звенящими ударами. Непривычная для уха Пандиона музыка составлялась из смены высоких и низких скачущих нот то в медленном, то в убыстренном темпе. Танцы окончились, утомленные танцовщицы уступили место певцам. Пандион, прислушиваясь, старался разбирать слова. Это ему удавалось, когда мелодия шла медленно или звучала на низких тонах.

Первая песня прославляла путешествие в южную часть Кемт. «Ты встречаешь там красивую девушку, она отдает тебе цвет своей груди», — разобрал Пандион.

В другой песне с воинственными выкриками прославлялась храбрость сынов Кемт в витиеватых, показавшихся Пандиону бессмысленными выражениях. С раздражением молодой эллин отошел от окна.

«Имя храброго не погибнет на всей земле вовеки», донеслись до него последние слова, и пение прекратилось. Послышались смех, оживленное движение, и Пандион снова заглянул в окно.

Рабы привели светлокую девушку с коротко подстриженными волнистыми волосами и вытолкнули ее на середину зала. Она стояла, смущенно и испуганно оглядываясь, среди растоптанных на гладком полу цветов. Из толпы гостей выделился человек и сказал девушке несколько сердитых слов. Она покорно взяла протянутую ей лютню из слоновой кости, и пальцы ее маленьких рук забегали по струнам. Низкий и чистый голос девушки разлился по залу, гости замолкли. Это не была отрывистая, спадавшая и опять повышавшаяся, скачущая египетская мелодия — звуки лились свободно и печально. Сначала они падали медленно, как отдельные звенящие капли, потом слились в мерном колебании, зарокотили,

вспенились, как волны, и понеслись с такой безудержной тоской, что Пандион замер. Пандиону казалось — свободное море колыхалось в песне, в непонятных звуках волшебного голоса. Море, незнакомое и нелюбимое здесь, в Лигиуптосе, родное и светлое — для Пандиона. Пандион сначала стоял ошеломленный, — так много запрятанного в самой глубине души вдруг устремилось наружу. Тоска по свободе, близкая и понятная Пандиону, властно звала, плакала и томилась в песне. Зажав уши и стиснув зубы, чтобы не вскрикнуть, он побежал в глубь сада. Там, бросившись на землю во тьме под деревьями, Пандион тяжело и неудержимо зарыдал...

— Эй, экуеша, ко мне! Экуеша! — послышался зов козьяина Пандиона.

Молодой эллин не заметил, что окончился пир.

Скульптор фараона был заметно пьян. Опираясь на руку Пандиона и поддерживаемый с другой стороны своим рабом, рожденным в неволе, начальник мастерских отказался возлечь на носилки и пожелал пойти пешком к дому.

На половине пути, изредка спотыкаясь на выбоинах дороги, он вдруг принялся расхваливать Пандиона, проща ему большую будущность.

Пандион шел под впечатлением песни, почти не слушая начальника. Так они дошли до цветного портика дома египтянина. В дверях появилась его жена с двумя рабынями, державшими светильники. Царский скульптор, пошатываясь, взобрался на ступеньки и похлопал по плечу Пандиона. Тот спустился вниз — рабы мастерской не имели права входить в дом.

— Погоди, экуеша! — весело сказал начальник, пытаясь изобразить на лице хитрую усмешку. — Дай сюда! — Он почти вырвал из рук рабыни светильник и что-то сказал ей шепотом. Рабыня скрылась в темноте.

Египтянин втолкнул Пандиона в дверь и ввел его в приемный зал. Налево у простенка стояла большая красивая ваза с четким черно-красным рисунком. Такие сосуды Пандион видел на Крите, и снова сердце юноши жгло от боли.

— Повелел его величество, жизнь, здоровье, сила, — торжественно произнес царский скульптор, — мне изготовить семь ваз по образцу этой, из стран твоего моря! Мы только заменим варварские краски на любимые в Кемт синие цвета... Если ты отличишься в этой работе,

я скажу о тебе Великому Дому... А теперь...— возник голос начальник и повернулся к поспешно приближавшимся двум темным фигурам.

Это были ушедшая рабыня и какая-то другая девушка, закутанная в длинный пестрый плащ.

— Подойди ближе! — нетерпеливо приказал египтянин и поднес светильник к лицу закутанной девушки.

Большие выпуклые черные глаза боязливо взглянули на Пандиона, пухлые детские губы раскрылись в трепетном вздохе. Пандион увидел выбивавшиеся из-под покрывала вьющиеся волосы, тонкий нос с нервно трепетавшими ноздрями — рабыня была, несомненно, азиаткой, из восточных племен.

— Смотри, экуеша! — сказал египтянин, неуверенным, но сильным движением срывая с девушки плащ.

Она слабо вскрикнула и спрятала лицо в ладони, оставшись нагой.

— Бери ее в жены! — Царский скульптор толкнул девушку к Пандиону, и она, вся задрожав, прижалась к груди молодого эллина.

Пандион слегка отодвинулся и погладил спутавшиеся волосы юной пленницы, поддаваясь смешанному чувству жалости и нежности к милому, испуганному существу.

Царский скульптор, улыбаясь, одобрительно прищелкнул пальцами:

— Она будет твоей женой, экуеша, и у вас будут хорошие дети, которых я оставлю моим детям в наследство...

Точно стальная пружина внезапно развернулась в Пандионе. Душевное смятение, давно нараставшее в нем и разбуженное сегодняшней песней, вскипело. Красный туман застлал глаза.

Пандион отступил от девушки, оглянулся и поднял кулак.

Египтянин, трезвея, побежал в дом, громко сзывая всех слуг на помощь. Пандион, не взглянув на труса, с презрительным смехом пнул ногой дорогую критскую вазу, и глиняные черепки с глухим звоном рассыпались на каменном полу.

Дом наполнился криком и топотом ног. Несколько минут спустя Пандион лежал у ног начальника мастерской, а тот, нагнувшись, плевал на него, изрыгая проклятия и угрозы.

— Негодяй заслуживает смерти! Разбитая ваза доро

ме его презренной жизни, но он может сделать много хороших вещей... и я не хочу терять хорошего работника, — говорил час спустя успокоившийся скульптор своей жене. — Я пощажу его жизнь и не отправлю его в гюрьму, потому что оттуда он попадет на золотые рудники и погибнет. Я верну его в шене, пусть одумается, а ко времени будущего посева возьму обратно...

Так Пандион, избитый, но не смиренный, вернулся в шене и, к своей большой радости, встретился с другими этрусками. Весь строительный отряд после разборки храма работал на поливе садов Амона.

К вечеру следующего дня внутренняя дверь шене раскрылась с обычным скрипом и пропустила под прищипанные возгласы рабов улыбающегося Кидого. Спиная негра вздулась, исполосованная ударами бича, но зубы сверкали в усмешке, а глаза весело блестели.

— Я узнал, что тебя послали назад, — сообщил он изумленному Пандиону, — и стал кататься по мастерской, вопя и ломая все, что подвернется. Побили и тоже отправили — мне это и нужно! — закончил Кидого.

— А ты же хотел стать мастером? — насмешливо спросил Пандион.

Негр беззаботно махнул рукой и, страшно выкатив глаза, плюнул в том направлении, где находилась великая столица Айгюптоса.

Глава четвертая

БОРЬБА ЗА СВОБОДУ

Камни, накаляясь на солнце, обжигали плечи и руки людей. Легкий ветерок не нес прохлады, но сдувал с гладкой поверхности каменных глыб мельчайшую известковую пыль, разъедавшую глаза.

Тридцать рабов, выбиваясь из сил, тянули жесткие канаты, поднимая на стену тяжелую плиту с каким-то сложным барельефом. Ее нужно было вставить в приготовленное гнездо на высоте восьми локтей. Четыре опытных и сметливых раба направляли плиту снизу. В числе их находился Пандион, стоявший рядом с рабом-египтянином — единственным из жителей Айгюптоса, находившимся в шене среди чужеземных пленников. Этот египтянин, осужденный в вечное рабство за неиз-

вестное страшное преступление, занимал крайнюю клетушку в юго-восточном, привилегированном углу шене. Два лиловых клейма в виде скрещенных широких полос пятнали его грудь и спину, на щеке была изображена красная змея. Мрачный, никогда не улыбавшийся, он ни с кем не общался и, несмотря на всю тяжесть своего положения, презирал иноплеменных рабов, подобно своим свободным соотечественникам.

И сейчас, не обращая ни на кого внимания, попурил бритую голову, египтянин упирался руками в край толстой плиты, чтобы не давать камню раскачиваться.

Мокрая от пота черная кожа Кидого блестела, резко выделяясь рядом с белым полированным известняком.

Вдруг Пандион заметил, что на веревке начали дрожать волокна, и издал предостерегающий крик. Дни других раба отскочили в сторону, а египтянин, не обратив внимания на Пандиона и не заметив того, что делалось вверху, остался под плитой.

Молодой эллин, далеко выбросив правую руку, мгновенным толчком в грудь отшвырнул египтянина назад. В ту же секунду плита рухнула, слегка задев отпрянувшего Пандиона и ободрав ему кожу с руки. Желтая бледность покрыла лицо египтянина. Плита стукнулась о подножие стены, большой угол барельефа откололся.

С негодующим криком к Пандиону подбежал ил надсмотрщик и хлестнул эллина бичом. Четырехгранный ремень в два пальца толщиной, сделанный из шкуры бегемота, глубоко рассек кожу на поясице. У Пандиона от боли потемнело в глазах.

— Негодяй, зачем ты спас эту падаль? — завопил надсмотрщик, замахиваясь вторично. — Плита, упавшая на мягкое тело, осталась бы цела! Это изображение дороже сотен жизней жалких тварей таких, как вы! Продолжал он, нанося второй удар.

Пандион бросился было на надсмотрщика, но был схвачен подоспевшими воинами и жестоко истязан бичами.

Ночью Пандион лежал на животе в своей клетушке. Его лихорадило, глубокие борозды от бича на спине, плечах и ногах воспалились. Приползший к нему Кидого поил его водой, смачивая время от времени голову.

У входной двери слышался легкий шорох, потом шепот:

— Экуеша, ты здесь?

Пандион отозвался и почувствовал прикосновение руки.

Это был египтянин. Он достал из-за пояса маленькую баночку, долго возился, растирая что-то на ладони, потом начал осторожно водить рукой по рубцам Пандиона, намазывая жидкую мазь с едким, неприятным запахом. Элли вздрагивал от боли, но уверенная рука продолжала свою работу. Когда египтянин принялся массировать ноги, боль на спине уже прекратилась, а еще через несколько минут Пандион тихо уснул.

— Ты что ему сделал? — шепнул Кндого, совершенно невидимый в своем углу.

Египтянин, помолчав, ответил:

— Это кифи — самое лучшее лекарство, тайна наших жрецов. Мне принесла его мать, хорошо заплатив воину.

— А ты хороший человек! Прости меня, я думал, ты дрянь! — воскликнул негр.

Египтянин буркнул что-то сквозь зубы и неслышно скрылся в темноте.

С этого дня египтянин подружился с молодым эллином, по-прежнему оставляя без внимания его друзей. Теперь часто по ночам Пандион слышал шорох возле своей клетушки. Если у эллина никого не было, костлявое тело египтянина быстро скользило внутрь. Ожесточенный, одинокий сын Жа-Кем был откровенен и разговорчив наедине с чутким молодым эллином. Пандион скоро узнал историю египтянина.

Яхмос — «сын месяца» — происходил из старого рода педжесов, бывших верными слугами прежних фараонов, но со сменой династии устранившихся и обедневших. Яхмос был обучен наукам и стал писцом начальника маячьего септа. Случилось так, что он полюбил дочь строителя, требовавшего крупного обеспечения. Потеряв голову от любви и отчаявшись в возможности быстрого обогащения, Яхмос решил достать нужную сумму во что бы то ни стало и сделался грабителем царских усыпальниц. Знание письменности давало ему большие преимущества в этом страшном, жестоко каравшемся деле. Скоро в руках Яхмоса было много золота, но его невеста оказалась выданной замуж за чиновника с крайнего юга.

Яхмос пытался скрасить горе веселыми пирами, попойкой наложниц — деньги быстро исчезли. Понадобились другие. Темные пути богатства уже были знакомы,

и Яхмос вновь принялся за свое страшное дело, но в конце концов был схвачен, подвергся жестоким пыткам, товарищи его казнены или умерли от мучений. Яхмоса приговорили к ссылке на золотые рудники. Каждая новая партия отправлялась туда во время наводнения, раз в год, и Яхмос пока был отдан в шене, так как не хватало рабочих рук для постройки новой стены храма Пти.

Пандион с интересом слушал рассказы Яхмоса, поринаясь неслыханной отваге египтянина, казавшегося ему невоинственным человеком.

Яхмос рассказывал о своем пребывании в страшных подземельях, где мучительная смерть подстерегали смельчака на каждом шагу благодаря ухищрениям строителей.

В самых древних гробницах, скрытых глубоко под огромными пирамидами, сокровища и саркофаги защищались толстыми плитами, запиравшими узкие наклонные ходы. Позже применялись лабиринты фальшивых ходов, прерывавшиеся глубокими колодцами с гладкими стенами. Тяжкие глыбы падали сверху при попытке грабителей отодвинуть загораживавшие ход камни, груды песка из сооруженных наверху колодцев засыпали входы погребальных камер. Если дерзкие гости продолжали попытки проникнуть дальше, массы земли обрушивались из колодцев и запирали нарушителей покоя усопших царей в узком пространстве между кучами песка и вновь насыпавшейся землей. В менее древних гробницах в темноте низких галерей бесшумно смыкались каменные челюсти, решетки с копьями падали с колонн, едва нога пришедшего ступала на роковую плиту пола. Яхмос знал, как много ужасов тысячелетиями скрывалось в молчании и тьме, поджидая жертву. Опыт приобретался ценой гибели многих товарищей по ремеслу. Не раз наткнулся египтянин на истлевшие останки неведомых людей, погибших в западне в неизвестные времена.

Много ночей провел Яхмос с товарищами на краю западной пустыни, где на протяжении сотен тысяч лет тянулись города мертвых. Скрываясь в темноте, не смея говорить или зажечь свет, ощупью, под заунывные вопли шакалов, вой гиен или громовой рык льва, грабители рылись в душных ходах или пробивали целую скалу, стремясь угадать направление, в котором находилась глубоко запрятанная гробница.

Страшное ремесло, достойное народа, заботившегося

более о смерти, чем о жизни, старавшегося сохранить в точности не живые дела, а славу мертвых!

Потрясенный Пандион с ужасом слушал рассказы о приключениях этого худого, невзрачного человека, во имя минутных удовольствий столь часто рисковавшего жизнью, и не понимал собеседника.

— Зачем же ты продолжал все это? — спросил как-то Пандион. — Разве ты не мог уехать?

Египтянин рассмеялся беззвучным, невеселым смехом.

— Страна Кемт — особая страна. Ты, чужеземец, не понимаешь ее. Мы все здесь в плену, не только рабы, но и свободные сыны Черной Земли. Когда-то, в незапамятные времена, пустыни охраняли нас. Теперь Та-Кем, вжатый среди пустынь, — это большая тюрьма для всех, кто не может делать далекие походы с многочисленным войском.

На западе — пустыня, царство смерти. На востоке — пустыня, проходимая лишь для больших караванов с запасами воды. На юге — враждебные нам дикие племена. И соседние народы пылают гневом на нашу страну, построившую свое благо на несчастье слабых племен.

Ты не сын Та-Кем и не понимаешь, как страшно нам умереть на чужбине. В этой повсюду одинаковой долине Хапи, где тысячелетия жили наши предки, взрыхлили всю землю, избороздили каналами и сделали плодородной, должны умирать и мы. Та-Кем замкнут, и в этом его проклятие. Когда людей слишком много, их жизни ни во что не ценятся, а переселяться нам некуда — избранный богами народ нелюбим людьми чужих стран...

— Но сейчас тебе разве не лучше бежать? — допытывался Пандион.

— Бежать одинокому и заклеяменному? — удивился египтянин. — Я теперь хуже иноземца... Запомни, египтянин: бежать отсюда нельзя! Если только силой перевернуть всю страну Черной Земли. Но кто же может это сделать? Хотя были такие дела в давние времена... — Яхмос печально вздохнул.

Насторожившийся Пандион принялся расспрашивать Яхмоса и узнал о великих мятежах рабов, потрясавших временами страну. Узнал о том, что к рабам присоединились беднейшие слои населения, жизнь которых мало отличалась от подневольной.

Узнал о том, что простым людям запрещено общаться с рабами, ибо «бедный человек даст разъяриться толпе, отданной в рабочие дома», как писали фараоны в наставлениях своим сыновьям.

Узок был мир бедных сынов Кемт — только одну улицу своего селения знал земледелец или ремесленник. Он старался иметь поменьше знакомых, унижался перед стражами — «вестниками», приносящими ему повеления чиновников. Фараон требовал покорности и тяжелого труда, за малейшую провинность виновного беспощадно избивали. Громадное число чиновников обременяло страну, свободный выезд и путешествия запрещались всем, кроме жрецов и вельмож.

По просьбе Пандиона Яхмос нарисовал на полу в блике лунного света чертеж страны Кемт, и молодой эллин ужаснулся. Он находился в середине долины Великой Реки длиной во много тысяч стадий. На север или на юг была вода и была жизнь, но пробраться до границ государства по густо заселенной, усеянной воинскими укреплениями стране невозможно. А по сторонам, совсем рядом, шли безлюдные пустыни, там не было стражи, но не было и возможности существовать.

Немногие дороги с колодцами для караванов хорошо охранялись.

После ухода египтянина Пандион провел бессонную ночь, пытаясь придумать план бегства. Юноша инстинктивно понимал, что в дальнейшем надежды на удачный исход бегства будут тем меньше, чем больше изнурит его непосильный труд раба. Только исключительно выносливым и сильным людям может улыбнуться счастье при побеге.

На следующую ночь Пандион пополз к этруску Кави, передал ему сведения, полученные от египтянина, и убеждал сделать попытку взбунтовать рабов. Кави отмалчивался, пощипывая в раздумье бороду. Пандиону было хорошо известно, что подготовка к восстанию давно уже ведется, что в группах разных племен выдвинулись свои вожди.

— Я не могу терпеть больше! Зачем? — страстно воскликнул молодой эллин, и Кави поспешио зажал ему рот. — Пусть смерть, — добавил эллин, успокоившись. Чего ждать? Что изменится? Если изменится через десять лет, так тогда мы уже не сможем ни сражаться, ни бежать. Разве ты боишься смерти?

— Не боюсь, и ты это знаешь,— отрезал этруск,— но за нами пятьсот жизней. Или ты хочешь принести их в жертву? Дорогая цена твоей смерти!

Пандион резко поднялся и ударился головой о низкий потолок.

— Я подумаю, поговорю,— поспешно сказал Капи,— но жаль, что всего два шене поблизости от нас. Плохо, что у нас нет языков в других шене. Завтра ночью будем говорить, я дам тебе знать. Предупреди Кидого...

Пандион выбрался из клетушки этруска, прополз вдоль стены и, торопясь, чтобы успеть до восхода луны, направился к Яхмосу. Яхмос не спал.

— Я ползал к тебе,— взволнованно зашептал египтянин.— Я хочу тебе сказать...— Он запнулся.— Мне сказали, что завтра меня возьмут отсюда — отправляют триста человек на золотые рудники в пустыню. Так вот — оттуда не возвращается никто...

— Почему? — спросил Пандион.

— Рабы, сосланные туда, редко живут больше года. Ничего нет ужаснее работы там — в раскаленном сердце горы, без воздуха. И воды дают мало — ее не хватает. А нужно бить крепчайший камень, поднимать руду на себе в корзинах. Самые стойкие падают замертво к концу работы, исходят кровью из ушей и горла... Прощай, экуеша, ты светлый человек, и я полюбил тебя, хотя ты спас меня напрасно. Но я ценю не спасение, а сочувствие... Давно уже горькая жизнь заставила нашего древнего певца сложить хвалу смерти. И я сейчас повторяю ее... «Смерть стоит передо мной, как выздоровление перед больным, как выход после болезни,— речитативом зашептал египтянин,— как пребывание под парусом в ветреную погоду, как запах лотоса, как путь, омытый дождем, как возвращение домой с похода...» — Голос Яхмоса оборвался со стоном.

Охваченный жалостью, молодой эллин придвинулся к египтянину.

— Но ты можешь сам...— Пандион не договорил.

Яхмос отшатнулся:

— Что ты говоришь, чужеземец! Разве я могу заставить свое Ка¹ вечно терзать Ба² в никогда не кончающихся страданиях...

¹ Ка — по египетским верованиям, разумная душа.

² Ба — телесная душа, призрак тела.

Пандион ничего не понял. Он был искренне убежден, что со смертью окончатся и мучения, но промолчал, идя веру египтянина.

Яхмос принялся поспешно рыть землю в углу своей клетушки, отодвинув в сторону солому, на которой спал ночью.

— Вот возьми этот кинжал, если ты когда-нибудь посмеешь... а это на память обо мне, если случится чудо и ты станешь свободным...— Яхмос положил в руку Пандиона гладкий и холодный предмет.

— Что это, зачем мне он? — удивился молодой элли.

— Это камень, который я нашел в подземельях одного старого храма, спрятанного в скалах.

И Яхмос, радуясь возможности забыться в воспоминаниях, рассказал Пандиону про таинственный древний храм, на который он наткнулся в поисках богатых гробниц, у излучины Великой Реки, много тысяч локтей ниже «Города» — столицы Уасет.

Яхмос заметил следы старой тропинки, которая вели к крутым утесам от берега небольшого залива, густо заросшего тростником. Место было удалено от селений и никем не посещалось, так как ничего привлекательного для земледельца или пастуха не было на бесплодных скалистых обрывах.

Яхмос мог без опаски производить свои поиски и, не теряя времени, направился в глубину узкого ущелья, заваленного каменными глыбами. Камни покрывали тропу, видимо обвалившись много позже того времени, когда она служила для сообщения с берегом реки. Долго Яхмос пробирался через скалы, промоины, кусты колючек. Ущелье изобиловало пауками — поперек проходы были протянуты их паутинные сети, прилипавшие к потному лицу грабителя царских могил.

Наконец стены ущелья разошлись, открывая замкнутую среди высоких холмов долину. В центре ее возвышался бугор, окаймленный двумя рядами оросительных канав, — должно быть, раньше здесь был родник, использовавшийся для сада. Молчание царило в тусклом мареве душистой и безветренной долины. Черные блестящие скалы возвышались кругом, замыкая долину. Только на противоположной ее стороне виднелось ущелье, по добное тому, которым пришел Яхмос в это позабытое нами место.

Грабитель взобрался на холм и сразу увидел высечен

ный в скале ход, ранее скрытый за вершиной бугра. Ход был завален, и Яхмосу пришлось немало потрудиться, прежде чем он смог проникнуть внутрь. Яхмос очутился в прохладной темноте. Отдохнув немного, он зажег светильник, который всегда был при нем, и пошел по высокому коридору, тщательно осматривая выступавшие по обеим сторонам статуи. Яхмос опасался коварных ловушек, грозивших мучительной смертью. Но его опасения оказались напрасными: древние строители или не приготовили западней, надеясь на скрытое расположение храма, или же минувшие тысячелетия обезвредили ловушки. Яхмос беспрепятственно проник в большое круглое подземелье со статуей бога Тота в центре, склонявшего свой длинный клюв с высоты пьедестала. В стенах Яхмос заметил десять узких, как щели, входов, расположенных на равном расстоянии один от другого. Они ввели в комнаты, заваленные истлевшими вещами: свертками, папирусами, деревянными досками с рисунками и надписями. Одно помещение было заполнено связками сухих трав, превращавшихся в пыль при малейшем прикосновении, в другом лежали груды камней. Не обнаружив ничего интересного для себя, Яхмос обошел восемь комнат — все они были квадратные. Девятый вход привел Яхмоса в продолговатую комнату, обрамленную колоннами из гранита. Между ними были закреплены доски черного диабазы, испещренные письменами на древнем языке Та-Кем. Посреди комнаты стояла еще одна статуя носатого бога Тота, на ее пьедестале в плоской чаше из меди сверкнул в лучах светильника драгоценный камень. Яхмос с жадностью схватил его, поднес к огню и не удержался от возгласа разочарования. Камень не принадлежал к тем, которые ценились в Та-Кем. Опытный глаз грабителя сразу определил, что он не имеет для купцов ценности. Но, странное дело, чем больше всматривался Яхмос, тем более привлекательным казался ему неизвестный камень. Это был голубоватозеленый обломок кристалла величиной с наконечник копья, плоский, полированный и необыкновенно прозрачный. Заинтересованный Яхмос решил прочесть ственные надписи, надеясь найти какое-нибудь объяснение происхождению камня. Он еще не забыл древнего языка Та-Кем, которому учили в школах высших писцов, и принялся разбирать иероглифы, прекрасно сохранившиеся на поверхности диабазы.

В подземелье было мало воздуха — отдушину для проветривания храма давно обрушились, масло в светильнике догорало, но Яхмос упорно читал, и постепенно перед отверженным грабителем раскрывалась повесть о подвиге, совершенном в незапамятные времена, вскоре после постройки великой пирамиды Хуфу. Фараон Джедефра послал своего казначея Баурджеда далеко на юг, в Та-Нутер — Страну Духов, чтобы познать пределы земли и Великую Дугу — океан. На семи лучших кораблях Баурджед отплыл на юг из гавани Суу на Лазурных Водах. Семь лет странствовали сыны Черной Земли. Они достигли Великой Дуги и долго плыли на юг, вдоль неизвестных берегов. Половина людей и четыре корабля погибли от страшных бурь Великой Дуги, оставшиеся достигли сказочного Пунта. Но приказ фараона гнал их дальше: им нужно было узнать, где на далеком юге находятся пределы земли. Оставив корабли, сыны Черной Земли двинулись на юг по земле.

Больше двух лет странствовали они через темные леса, пересекали громадные степи, переходили грозные горы — обиталища молний, — и достигли, исчерпав все силы, большой реки, на которой обитал могущественный народ, умевший стронуть каменные храмы. Оказалось, что предел земли все еще бесконечно далек — там, на юге, за голубыми степями и лесами с листьями из серебра. И там, за пределами земли, течет Великая Дуга — океан, — пределы которой никому из смертных не известны. Путешественники поняли свое бессилие выполнить до конца волю фараона и, вернувшись в Пунт, снарядили новые суда взамен своих старых, источенных червями и разбитых в борьбе с волнами Великой Дуги. Но уцелевших людей едва хватило на один корабль. Нагрузив его дарами Пунта, храбрецы решили повторить свой неизмеримо тяжкий путь. Стремление вернуться на родину придавало им силу, — они победили ветры и волны, песчаные бури, коварные подводные скалы, голод и жажду, пробились в Лазурные Воды и прибыли в гавань Суу после семи лет отсутствия.

Многое изменилось в Черной Земле: новый фараон — беспощадный Хафра — заставил страну забыть обо всем, кроме постройки второй исполинской пирамиды, долженствовавшей возвеличить его имя на тысячи веков. Возвращение путешественников было неожиданным для всех, и фараон был разочарован, узнав, что земля и

оксан необъятны, а народы, обитающие далеко на юге, многочисленны. Ему, считавшему себя владыкой всего мира, Баурджед доказал, что страна Кемт — всего лишь маленький уголок исполинской земли, богатой лесами и реками, всякими плодами и зверями и населенной разными племенами, также искусными в работе и охоте.

Гнев фараона обрушился на путешественников. Спутники Баурджеда были сосланы в отдаленные области. Под страхом смерти было запрещено рассказывать о путешествии, в записях фараона Джедефры были стерты места с упоминанием о посылке путешественников на юг, в Страну Духов. Сам Баурджед погиб бы от гнева Хафры и его путешествие навсегда исчезло бы из памяти людей, если бы не вступился мудрый старый жрец бога наук, искусства и письма Тота. Этот жрец вдохновлял погибшего фараона на познание пределов земли, на поиски новых богатств для обедневшей от постройки гигантской пирамиды Кемт. Устраненный от двора нового фараона Хафры жрецами Ра, он пришел на помощь путешественнику и укрыл его в тайном храме Тота, где собраны были разные тайные книги, планы, образцы растений и камней далеких земель. Великое путешествие Баурджеда по приказу жреца записали на каменных плитах, чтобы сохранить навеки в недоступном подземелье до тех времен, когда стране потребуется это знание. Из самой далекой достигнутой ими страны, за большой южной рекой, Баурджед привез голубовато-зеленый прозрачный камень, неизвестный жителям Та-Кем. Такие камни добывались в Стране голубых степей, лежавшей в трех месяцах пути южнее большой реки. Баурджед поднес этот знак крайнего предела мира богу Тоту, и именно этот камень взял Яхмос с пьедестала статуи.

Яхмос не смог прочитать всей повести о путешествии. Едва дошел он до описания каких-то волшебных подводных садов, встреченных путешественниками в плавании по Лазурным Водам, как светильник погас, и грабитель с трудом выбрался из подземелий, захватив с собой только необыкновенный камень.

При свете дня кристалл из далеких земель оказался еще более прекрасным, и Яхмос не расставался с ним, но камень не принес ему счастья.

Пандиону предстоял великий путь на родину, и Яхмос надеялся, что камень, с которым Баурджед добрался домой из неслыханных далей, поможет и эллину.

— А разве ты не знал раньше ничего об этом путешествии? — спросил Пандион.

— Нет, оно осталось скрытым для сынов Кемт,— ответил Яхмос.— Пунт давно известен нам, много пливаний в разные времена совершили туда корабли Кемт, но земли далекого юга — по-прежнему для нас таинственная Страна Духов.

— Но неужели не было других попыток достичь их, неужели никто не смог, подобно тебе, прочитать эти древние надписи и рассказать о них всем другим? — продолжал допытываться Пандион.

Яхмос задумался, не зная, что ответить чужеземцу.

— Властители юга — начальник южных провинций Та-Кем — не раз ходили в глубь южных стран. Но в записях перечисляется только добыча — слоновая кость, золото, рабы, доставленные фараону. И пути остаются неизвестными. А морем дальше Пунта никто не пытался плавать. Слишком велики опасности, и нет теперь столько храбрых людей, какие были в древности.

— Но почему же никто не прочел этих надписей? — не успокаивался Пандион.

— Не знаю... не могу тебе ответить,— признался египтянин.

Яхмос действительно не мог знать, что жрецы, в глазах жителей Черной Земли являвшиеся хранителями древних тайн и великими учеными, уже давно не были ими. Наука выродилась в религиозные обрядности и магические формулы, папирусы, заключавшие мудрость прошлых веков, истлели в гробницах. Храмы стояли в запустении и развалинах, никто не интересовался историей страны, отраженной в бесчисленных надписях на стойком камне. Яхмос не знал, что таков неизбежный путь всякой науки, оторвавшейся от животворных сил народа, замкнувшейся в узком кругу посвященных...

Близилось время рассвета. С тяжелым чувством Пандион простился с несчастным египтянином, у которого не оставалось никакой надежды на спасение.

Молодой эллин хотел взять кинжал, оставив камень Яхмосу.

— Неужели ты не понял, что мне более ничего не нужно? — сказал египтянин.— Зачем же ты хочешь бросить прекрасный камень здесь, в гнусной яме шене?

Пандион взял кинжал в зубы, а камень зажал в руке

и поспешно пополз, старательно прячась в тень от луны, к своей клетушке.

До рассвета молодой эллин лежал без сна. Щеки его горели, дрожь пробегала по телу. Пандион думал о важном переломе в своей судьбе, о скором конце однообразной череды томительных дней тоски и отчаяния.

Входная дыра клетушки обозначилась серым пятном, из темноты выступил весь убогий обиход жилья Пандиона. Молодой эллин поднес кинжал к свету. Широкое лезвие из черной бронзы¹ с выпуклым ребром посередине было остро отточено. Массивная рукоятка с насечкой из азема изображала вытянувшуюся львицу — свирепую богиню Сохмет. Пандион вырыл кинжалом в углу под стенкой ямку и положил туда подарок, чтобы тщательно спрятать, но тут же вспомнил о камне. На ощупь отыскав его на соломе, юноша опять придвинулся к выходу, чтобы лучше рассмотреть кристалл.

Плоский обломок камня с округленными краями был величиной с наконечник копья. Он был тверд, чрезвычайно чист и прозрачен, цвет его казался серо-голубым в предрассветной печальной мгле.

Пандион выставил камень на раскрытой ладони в отверстие входа, и в это мгновение вспыхнуло поднимавшееся солнце. Камень преобразился — на ладони Пандиона лежал он, полный блеска, его голубовато-зеленый цвет был неожиданно радостен, светел и глубок, с теплым отливом прозрачного золотистого вина. Зеркальная поверхность камня была отполирована, видимо, рукой человека.

Цвет камня напомнил Пандиону о чем-то близком, его отблеск согрел угнетенную душу юноши. Море — да, именно таким бывает море вдали от берегов, в часы, когда солнце высоко стоит в синеве безоблачного неба. Путур аз — божественный камень: так назвал его несчастный Яхмос.

Чудесная вспышка кристалла среди безрадостного утра показалась молодому эллину счастливым предзнаменованием.

Да, прощальный подарок Яхмоса был великолепен.

¹ Черная бронза — особенно твердый сплав меди с редким металлом. Древние металлурги умели путем прибавления к бронзе цинка, кадмия и других металлов получать сплавы высокой твердости.

Кинжал и невиданный камень! Пандион поверил, что камень послужит залогом его возвращения к морю. Морю, которое не обманет, вернет ему свободу и родину. Молодой эллин погрузился взглядом в прозрачную глубину камня, из которой всплывали волны у родных берегов...

Угрожающий рокот большого барабана пронесся над клетушками шене — сигнал утреннего подъема.

Пандион мгновенно решил — он не расстанется с необыкновенным камнем, не оставит этот символ свободного моря в пыльной земле шене. Пусть камень всегда будет с ним!

После нескольких не вполне удачных проб молодой эллин нашел наконец способ спрятать камень незаметно в своей набедренной повязке и, поспешно закопав кинжал, чуть было не опоздал к утренней еде.

По пути и во время работы в саду Пандион наблюдал за Кави и заметил, что тот перебрасывался короткими фразами то с одним, то с другим из известных Пандиону вожаков шене. Те поспешно отходили от этруска и что-то говорили другим.

Улучив момент, Пандион приблизился к Кави. Тот, не поднимая головы, склоненной над обтесываемой глыбой, быстро и негромко произнес, не переводя дыхания:

— Ночью, до восхода луны, в крайнем проходе у северной стены...

Пандион вернулся к своей работе. По дороге в шене он передал Кидого слова этруска.

Весь вечер провел Пандион в ожидании — давно уже не было у него такого подъема духа и готовности к борьбе.

Едва рабочий дом успокоился и воины на стенах дремали, в темноте клетушки Пандиона появился Кидого.

Два друга быстро поползли к стене и повернули в узкий проход между клетушками. Они достигли северной стены, где в узкой щели господствовала особенно глубокая тьма.

Воины редко ходили по этой стене — им удобнее было наблюдать с западной и с восточной стороны, вдоль проходов между клетушками. Поэтому можно было не опасаться, что охрана наверху услышит тихий разговор.

В проходе в два ряда, упираясь ногами в стены и голова к голове, лежало не меньше шестьдесят рабов.

Кави и Ремд — в середине. Старший этруск шепотом подозвал к себе Пандиона и Кидого.

Молодой эллин, нащупав руку этруска, протянул ему захваченный с собой кинжал. Кави в недоумении ощутил прохладный металл, порезал руку об острое лезвие и жадно схватил оружие, шепча благодарность.

Истосковавшийся по оружию бывалый воин обрадовался. Он понял, что, передавая драгоценный кинжал, молодой эллин тем самым признавал старшинство Кави, без слов выбирая его своим вождем.

Не спросив Пандиона, откуда он достал оружие, Кави заговорил, делая долгие паузы, чтобы лежавшие поблизости могли передать крайним, не имевшим возможности ничего расслышать. Совещание вожаков началось — решался вопрос о жизни и свободе пятисот людей, заключенных в шене.

Кави говорил о том, что нельзя откладывать мятеж, потому что впереди у них нет никаких надежд, положение может сделаться только хуже, если рабов снова разделят и разошлют.

— Силы, единственно обеспечивающие успех в бою, уходят в тяжелой работе на угнетателей, все меньшей бодростью и здоровьем обладают наши тела с каждым месяцем жизни в плену. Смерть в бою почетна и весела — в тысячу раз легче умереть сражаясь, чем умереть под ударами жестоких бичей!

Дружный шепот одобрения пронесся по рядам невидимых слушателей.

— Да, мятеж нельзя откладывать, — продолжал Кави, — но при одном условии: если мы найдем путь выхода из проклятой страны. Даже если мы отомкнем еще два-три шене, даже если мы достанем оружие, наша сила мала, мы не сможем продержаться долго. После великого мятежа рабов владыки Кемт стараются разъединить отдельные шене, у нас нет связи с ними, нам не удастся взбунтовать сразу множество людей. Мы находимся в самой столице, где много войска, и не сможем идти по стране с боем. Лучники Айгюптоса страшны — у нас же почти не будет луков, да и не все способны хорошо владеть ими. Давайте думать, можно ли нам идти через пустыню на восток или на запад. В пустыне мы сможем оказаться очень скоро после выхода из шене. Если нельзя идти через пустыню, я думаю, нужно отказаться от мятежа — это будет напрасная трата сил и

мучительная гибель. Тогда пусть бегут только те из нас, кто захочет попытаться пройти через верную смерть и маленькой надежде на свободу. Я, например, все равно буду пытаться.

Взволнованный шепот поднялся вокруг умолкнувшего этруска.

Слова его, переданные из конца в конец, вначале возбудившие боевое настроение, теперь посеяли сомнения среди смелых вожаков. Они отнимали надежду на благополучный исход, даже на призрак успеха, и самые храбрые бойцы заколебались. Разноязычный шепот витал в угольно-черной тьме прохода.

К центру группы, где лежали четыре друга, подполз густобородый аму — семит из-за Лазурных Вод. Его соплеменники составляли значительную часть всего населения рабочего дома.

— Я настаиваю на мятеже. Пусть смерть поглотит нас, но мы отомстим проклятым жителям проклятой страны! Мы покажем пример, которому будут следовать другие! Давно уже Кемт живет в мире, свирепое искусство угнетения отняло волю к борьбе у миллионов рабов. Мы зажжем ее снова...

— Хорошо, что ты думаешь так, ты храбрец, — прервал его Кави. — А что ты скажешь тем, кого поведешь за собой?

— То же скажу! — пылко ответил семит.

— И ты уверен, что за тобой пойдут? — прошептал этруск. — Правда слишком тяжела... а ложь в таком деле бесполезна — люди хорошо чувствуют, где правда. Их правда — та, что лежит в сердце каждого.

Семит ничего не ответил. В это время между лежащими протиснулось гибкое тело ливийца Ахми. Пандион знал, что этот молодой раб, плененный в сражении у Рогов Земли, происходил из знатного рода. Ливиец уверил, что близ гробниц древнейших царей Кемт, у городов Тинис и Абидос, идет на юго-запад дорога в Уахет Уэр — большой оазис в пустыне. Тропа с хорошими колодцами, обильными водами, не охраняется войсками. Нужно войти в пустыню сразу за белым храмом Зешер Зешеру и направиться на северо-запад, где в ста двадцати тысячах локтей от реки пересечь дорогу. Ливиец брался провести до тропы и дальше. В оазисе мало пещер, и мятежники сумеют захватить его. Дальше, за переходом через пустыню всего в двадцать пять тысяч локтей

твой, лежит второй большой оазис — Пашт, вытянувшийся полосой по направлению к западу. Еще дальше будет оазис Мут, от которого тропа с колодцами ведет к холмам Мертвой Змеи, а оттуда дорога на юг, в страну черных, неведомую ливийцу.

Я знаю эту дорогу, — вмешался Кидого, — по ней и шел в злой год моего плена.

— В оазисах большие запасы фиников, мы отдохнем. Там вовсе нет укреплений, и мы сможем взять с собой мясных животных. С их помощью мы легко дойдем до Мертвой Змеи, а там, за Соляным озером, уже чаще поддается вода.

План ливийца вызвал общее одобрение. Он казался вполне осуществимым.

Все же осторожный Кави спросил ливийца:

— Ты уверен, что до колодцев от берега реки именно сто двадцать тысяч локтей? Это большой переход.

— Может быть, и немного больше, — спокойно ответил ливиец. — Но сильный человек может одолеть этот переход без воды при одном условии — начать путь никак не позже середины ночи и двигаться без отдыха. Больше одного дня и одной ночи в пустыне без воды не проживешь, а ходить после полудня тоже нельзя.

Один из азиатов — хериуша — предложил прямо напасть на крепость по дороге в гавань Суу, но, как ни заманчива была попытка для рабов, большинство которых составляли азиаты и аму, пробиться прямо на восток, план был признан невыполнимым.

Предложение ливийца было куда надежнее, однако возникли разногласия между неграми и азиатами: путь на юго-запад уводил азиатов еще дальше от родины, но был выгоден неграм и ливийцам. Жители Ливии надеялись уйти на север от оазиса Мут и попасть в ту часть своей страны, которая не была подвластна войскам Кемт. Пандион и этруски намеревались идти с ливийцами.

Всех примирил пожилой нубиец, объявивший, что знает дорогу на юг в обход крепостей Черной Земли через степи страны Нуб к Лазурным Водам.

Узкий серп луны уже поднялся над уступами пустынных холмов, а мятежные рабы продолжали разрабатывать план бегства. Теперь обсуждались подробности восстания и распределялись роли каждой группы, предводительствуемой тем или иным вожаком.

Восстание было назначено через ночь, сразу же после наступления полной темноты.

Шестьдесят людей неслышно расползлись в разные концы шене, а наверху, на фоне освещенного низкой луной неба, четко выделялись фигуры стражей, ничего не подозревавших и полных презрения к спавшим в глухой боковой яме под их ногами.

Весь следующий день и ночь и еще день шла подготовка к восстанию, осторожная и незаметная. Опасные предатели, вожаки сговаривались только с хорошо известными им людьми, рассчитывая, что остальные, после того как стража будет перебита, все равно присоединятся к массе восставших.

Наступила ночь мятежа. В темноте неслышно собрались кучки людей, по одной у каждой из трех стен северной, западной и южной. С восточной стороны, у внутренней стены, скопились две группы.

Передвижение людей произошло так быстро, что, когда Кави стукнул камнем по опорожненному кувшину для воды, подавая сигнал атаки, рабы уже успели составить живые пирамиды. Тела семидесяти человек образно вывали наклонную плоскость, прислоненную к отвесной стене. Таких живых мостов было пять, по ним со всех сторон взбирались опьяненные предстоящей битвой люди.

Кави, Пандион, Ремд и Кидого в числе первых поднялись на внутреннюю стену. Молодой элин, ни секунды не раздумывая, прыгнул вниз, в черную тьму, а за ним бежали и прыгали десятки людей.

Пандион сбил с ног воина, выскочившего из сторожевого дома, и вскочил ему на спину, заворачивая назад голову. Позвонок египтянина слабо хрустнули, тело обмякло в руках Пандиона. Вокруг в темноте рабы с глухим ропотом разыскивали и хватали своих ненавистных врагов. В неистовстве люди кидались с голыми руками на вооруженных воинов. Не успевал воин вступить в бой с одним врагом, как сбоку и сзади на него набрасывались новые противники; безоружные, но сильные неистовой яростью, они вонзали зубы в руки, держащие оружие, впивались пальцами в глаза. Оружие, оружие любой ценой — такова была единственная мысль нападавших. Те, кому удавалось вырвать копье или нож, чувствуя в руках смертоносную силу, еще яростнее бросались на врагов. Пандион колот направо и налево

онитым у убитого врага мечом. Кидого действовал большой палкой, употреблявшейся для носки воды.

Кави, поднявшийся по живой лестнице, соскочил прямо на четырех воинов, дежуривших возле внутренней двери. Ошеломленные египтяне оказали лишь слабое сопротивление, буквально задавленные обрушившейся на них в молчании и тьме сверху массой людей.

С торжествующим криком Кави отодвинул тяжелый засов, и скоро толпа освобожденных рабов затопила пространство между стенами, вломилась в дом начальника шене, истребляя воинов, отдохавших после смены караула.

Наверху на стенах схватка была еще более ожесточенной. Девять стражей, стоявших на стене, скоро заметили атакующих. Засвистели стрелы, молчание ночи огласилось людскими стонами, тупыми ударами о землю издающихся с высоты тел.

Но девять египтян не могли долго противостоять сотне яростных рабов, которые с разбегу бросались прямо на копья, падали на стражей и вместе с ними скатывались со стены.

За это время в пространстве между стенами окончились расправа с охраной и чиновниками. У убитого начальника охраны были найдены ключи от наружной двери. Визг ржавых петель разнесся в тишине ночи, как клич победы.

Копья, щиты, ножи, луки — все до последней стрелы было отобрано у убитых. Вооруженные рабы взглянули колонну беглецов, и все, храня молчание, быстрым шагом направились к реке. Дома по дороге были начисто ограблены, умерщвлены десятки жителей. Восставшие рабы разыскивали оружие, пищу. Только строгое запрещение вожаков удержало людей от желания поджечь все дома. Кави очень боялся раньше времени привлечь внимание войск из охраны столицы.

Началась переправа через реку на всех попадавшихся под руку лодках, баржах и плотках. Несколько человек погибло в воде от громадных крокодилов, стороживших реку Та-Кем.

Не прошло и двух часов с начала мятежа, а головной отряд уже подходил к дверям шене, расположенного на противоположном берегу реки, по пути к храму Зешер-Мешеру.

Кави, Пандион и два ливийца открыто подошли к

дверям и постучали, в то время как около сотни других рабов приближались к стене поблизости от двери.

Со стены раздался голос воина, спросившего у пришедших, что им надо. Ливиец, хорошо владевший языком Кемт, потребовал начальника шене, сославшись на письмо управляющего царскими работами. За дверью заговорило несколько голосов, вспыхнул факел, и раскрытая дверь показала пришельцам такой же точно междустенный двор, какой был только что покинут мятежниками. Из группы воинов выступил начальник стражи и потребовал письмо.

С яростным ревом Кави бросился на него и воином ему в грудь кинжал Яхмоса, а Пандион с ливийцами устремился на воинов. За ними, пользуясь смятением, с оглушительными криками ворвались стоявшие наготове вооруженные рабы. Факелы потухли, в темноте раздались стоны, вопли, воинственные крики. Пандиону удалось быстро справиться с двумя противниками, и он отомкнул внутреннюю дверь. В проснувшемся от шума битвы шене раздался призыв к восстанию, рабы разных племен забегали по двору, созывая своих ошеломленных собратьев криками на родном языке. Рабочий дом загудел, как растревоженный улей; гул, все нарастая, перешел в низкий рев. Воины наверху на стенах металась, боясь спуститься, выкрикивая угрозы и посылая время от времени стрелы наугад в темноту. Но битва между стенами утихла, снизу со двора полетели меткие стрелы и копья в воинов, отчетливо видимых на стене, и второй шене был освобожден.

Недоумевающая, опьяненная свободой толпа вылилась из дверей, разбредаясь в разные стороны и не слушая призывов своих освободителей. Скоро иступленные вопли слышались со стороны селения, в ночи заалели пятна пожаров. Кави посоветовал другим вожакам поскорее собрать уже знакомых с дисциплиной товарищей по шене. Этруск задумчиво теребил свою бороду. В его устремленных вперед, на запад, глазах бегали красные огоньки — отблеск пожаров.

Кави думал о том, что, пожалуй, освобождение рабов из второго шене без всякой подготовки, проведенной среди рабов, оказалось ошибкой. Присоединение к восставшим, усвоившим понятие о совместной целеустремленной борьбе, неподготовленной, действовавшей вразброд,

опыщенной возможностью мщения и свободой массы людей повредит, а не поможет успеху.

Так и оказалось. Значительная часть рабов из первой шене тоже увлеклась грабежом и разрушением. Кроме того, было потеряно время, каждая минута которого имела значение. Поредевшая колонна двинулась к третьей шене, располагающемуся в восьми тысячах локтей от второго, совсем рядом с храмом Зешер-Зешеру.

Менять план восстания не было времени, и Кави предвидел серьезные затруднения. Действительно, этруск заметил при подходе к шене силуэты выстроившихся на стенах воинов, услышал крики «аату, аату!»¹ и свист стрел, которыми египтяне еще издали встречали приближавшуюся колонну восставших.

Мятежники остановились для обсуждения плана атаки. Шене, подготовленное к обороне, было хорошей крепостью, и на взятие его требовалось время. Восставшие подняли страшный шум, чтобы спавшие рабы проснулись и напали на охрану изнутри. Но те медлили, очевидно не решаясь или же не догадываясь, как напасть на расположившуюся на стене стражу.

Кави, надрывая охрипшее горло, созывал вожаков, чтобы убедить их отказаться от нападения на шене. Те не соглашались: легко доставшаяся победа окрыляла их, им казалось возможным освободить всех рабов Кемт и овладеть страной.

Вдруг ливиец Ахми испустил пронзительный вопль, и сотни голов повернулись в его сторону. Ливиец размахивал руками, указывая по направлению реки. С возвышенного берега, наклонно поднимавшегося к скалам, река, смывавшая множество пристаней столицы, была видна далеко. И всюду мелькали бесчисленные огоньки факелов, сливавшиеся в тускло мерцающую полосу; светящиеся точки виднелись и на середине реки, скоплялись в двух местах на берегу, где находились мятежники.

Сомнения не было: отряды многочисленных воинов переправлялись через реку, спеша окружить место, где пылал огонь пожаров и где находились взбунтовавшиеся рабы.

А здесь восставшие все еще метались из стороны в сторону, изыскивая способ нападения; некоторые пыта-

¹ А а т у — мятежники.

лись подойти к врагам по дну оросительного канала, другие выпускали драгоценные стрелы.

Кави обвел взглядом неопределенную по своим очертаниям темную массу людей. На его взгляд, боеспособная колонна насчитывала не более трехсот человек, из которых меньше половины имели ножи и копья, а луком было добыто не более тридцати.

Пройдет немного времени, и сотни страшных лучников Черной Земли засыпят их издалека тучей длинных стрел, тысячи хорошо обученных воинов зажмут в кольцо едва отведавшую свободы толпу.

Ахми, гневно сверкая глазами, кричал, что подошла уже середина ночи, и если они сейчас не уйдут, будет поздно.

Ливийцу, Кави и Пандиону пришлось потратить не мало драгоценных минут, чтобы объяснить распаленным, жаждущим битвы людям бесполезность попытки противостоять войскам столицы. Вожаки настаивали на немедленном уходе в пустыню и в случае необходимости готовы были сделать это, бросив всех остальных, увлеченных поисками оружия, мщения и грабежом. Часть несогласных рабов отделилась от колонны и направилась вниз, вдоль реки, к богатой усадьбе какого-то вельможи, откуда доносился шум и мелькали огни факелов. Остальные — их было немногим больше двухсот человек — подчинились.

Скоро темная, извивающаяся длинной змеей толпа втянулась в узкое ущелье между кручами еще раскаленных от дневного солнца скал и выбралась на плоский край долины. Бесконечная, усыпанная песком и щебнем равнина раскинулась перед беглецами. Пандион в последний раз оглянулся на слабо блестящую внизу огромную реку. Сколько дней тоски, отчаяния, надежд и гнева провел он перед ее спокойно струившимся ликом. Рядом, горячая благодарность к верным товарищам наполнила сердце молодого эллина. С торжеством он повернулся спиной к стране рабства и ускорил свои быстрые шаги.

Отряд мятежников отошел уже на двадцать тысяч лент от края долины, когда ливиец остановил колонну. Позади, на востоке, небо начало светлеть.

В сером свинцовом полусвете едва обрисовались контуры округленных песчаных бугров, достигавших ста пятидесяти локтей высоты и смутно тянувшихся до хму

рой полосы горизонта. В час рассвета пустыня молчала, воздух был неподвижен, шакалы и гиены утихли.

— Что хочешь ты, все время торопивший нас, чего ты медлишь? — спросили ливийца из задних рядов.

Ливиец объяснил, что начинается самая трудная часть пути: бесконечные гряды песчаных холмов. Дальше они становятся все выше, достигая трехсот локтей. Нужно построиться цепочкой, по два человека в ряд, и идти, не отставая, не обращая внимания на усталость. Кто отстанет, тот не дойдет. Ливиец будет идти впереди, выбирая путь между песчаными горами.

Выяснилось, что почти никто не успел напиться, и уже сейчас многие томились жаждой после горячки боя. Не все добыли плащи или куски материи, для того чтобы закрыть от солнца голову и плечи. Но делать уже было нечего.

Цепочкой в двести локтей длины люди двинулись дальше, молча глядя себе под ноги, вязнувшие в рыхлом песке. Передние ряды заворачивали то вправо, то влево, обходя сыпучие склоны, — путь шел крутыми извилинами.

На востоке загорелась широкая пурпурная полоса.

Серповидные или остро зазубренные гребни песчаных холмов окрасились золотом. Освященная пустыня показала Пандиону морем застывших высоких волн с гладкими скатами, отливающими оранжево-желтым цветом. Дикое возбуждение после ночи восстания медленно отступало, в души рабов проникал необычный для них покой и мир. Молчание и простор пустыни в золотых даях утренней зари очищали истомленных в плену людей от долголетней злобы и страха, тоски и отчаяния.

Ярче становился окружающий свет, бездонней лазурь неба. Солице поднималось выше; лучи его, сначала ласково гревшие, теперь палили и жгли. Замедленное продвижение в лабиринте глубоких душных ущелий между огромными холмами песка становилось все тяжелее. Тени холмов сильно укоротились, по нагретому песку уже было больно ступать, но люди продолжали путь, не останавливаясь, не оглядываясь. Впереди бесконечно повторялись совершенно похожие друг на друга песчаные холмы, не давая возможности ничего видеть.

Время шло; воздух, солнечный свет и песок перестали существовать раздельно и слились в сплошное море

пламени, слепящего, удушающего и обжигающего подобно расплавленному металлу.

Людям, происходившим из северных приморских стран, в том числе Пандиону и двум этрускам, было особенно трудно.

В голове молодого элина, словно стиснутой обручем, бешено стучала кровь, отдаваясь невыносимой болью.

Ослепленные глаза почти перестали видеть — в них плавали, струились или быстро вращались пятна и полосы удивительно ярких цветов, сменявшихся в причудливых сочетаниях. Неистовая мощь солнца превратила песок в массу золотой пыли, пропитанной светом.

Пандион бредил наяву. В обезумевшем мозгу мелькали видения. В багровых вспышках огня двигались колоссальные статуи Айгюптоса, тонули в волнах фиолетового моря. Море, в свою очередь, расступалось, стада полузверей, полуптиц мчались куда-то, низвергаясь с отвесных обрывов удивительной высоты. И снова выстраивались в боевой порядок и шли на Пандиона гранитные фараоны Черной Земли.

Шатаясь, молодой элин тер глаза, бил себя по щекам, стараясь видеть то, что было на самом деле, — шипящие жаром откосы песка, заходящие друг на друга и слепящем золотисто-сером свете. Но снова крутились цветистые огненные вихри, и тяжелый бред овладел Пандионом. Только страстное желание быть свободным заставляло его передвигать ноги в такт с черными ногами Кидого, и тысячи песчаных бугров отходили назад, к Айгюптосу. Новые цепи высоких песчаных гор встали перед беглецами, разделенные огромными гладкими поронками, в глубине которых выступали угольно-черные участки почвы.

Молящие хриплые стоны все чаще пробежали по длинной цепочке рабов; здесь и там обессиленные люди падали на колени или прямо лицом в раскаленный песок, упрашивая товарищей прикончить их.

Угрюмо отворачиваясь, люди продолжали идти, и просьбы затихали позади, за мягкими по своим очертаниям горами песка. Песок, песок, раскаленный, чудовищный в своей массе, необозримый, тихий и злобный казался, затопил всю Вселенную морем душного, синего пламени.

Впереди, в золотистом огне солнца, мелькнул далекий серебристый проблеск. Ливиец издал слабый ободренный

ищий крик. Все яснее вдали вырисовывались пятна, меркавшие нестерпимо ярким голубым сиянием. Это были участки почвы, покрытые кристаллической солью.

Песчаные холмы мельчали, понижались и скоро прергались в небольшие кучи затвердевшего, слежавшегося песка, и ноги идущих стали двигаться легко, освобожденные от привязчивых объятий рыхлых песков. Желтая твердая глина, изборожденная темными трещинками, казалась гладкой плитой дворцовой аллеи.

Солнце еще на целую ладонь не дошло до полудня, мятежные рабы уже достигли обрывистого невысокого уступа из коричневого слоистого камня и повернули под прямым углом налево, на юго-запад. В короткой расщелине, широким углом врезавшейся в уступ скалы и издали черневшей подобно отверстию пещеры, располагался древний колодец — родник с прохладной и чистой водой.

Предотвращая свалку обезумевших от жажды людей, Кави поставил самых сильных у входа в ущелье. Сначала напоили наиболее ослабевших.

Солнце уже давно перешло за полдень, а люди все шли и шли, отползая в тень обрыва со вздувшимися животами, и снова возвращались к воде. Постепенно беглецы оживали, послышалась быстрая речь выносливых негров, отрывистый смех, легкая перебранка... Но веселье не приходило к ободрившимся людям — много верных товарищей осталось умирать в лабиринте песчаных гор, юварнщей, только что ступивших на дорогу свободы, мужественно боровшихся, презирая смерть, сливших свои усилия в беззаветном порыве с усилиями тех, которые спаслись.

Пандион с удивлением смотрел, как преобразились рабы, с которыми он провел так много времени в шене. Исчезло тупое равнодушие к окружающему, лежавшее одинаковой печатью на усталых, изможденных лицах.

Глаза, прежде тусклые и безразличные, теперь внимательно и живо смотрели кругом, черты суровых лиц как бы выступали резче. Это были уже люди, а не рабы, и Пандион вспомнил, как прав был мудрый Кави, когда упрекнул его в презрении к своим товарищам. Жизненная неопытность Пандиона помешала ему понять людей. Молодой эллин принял тяжкую угнетенность от долгого плена за природные свойства пленников.

Люди сгучились у склона ущелья в небольших пятнистых спасительной тени. Скоро непробудный сон овладел

всеми — погони можно было не опасаться в этот день: кто, кроме людей, решившихся на смерть ради свободы, сможет днем пройти через пылающий ад песчаного моря?

Беглецы отдыхали до заката, и усталые ноги опять стали легкими. Небольшое количество пищи, которое сумели пронести через пески самые сильные, было тщательно разделено между всеми.

Предстоял большой переход до следующего родника. Ливнец говорил, что придется идти всю ночь, зато на рассвете, еще до наступления жары, они будут у воды. За этими колодцами снова лежит область песчаных холмов — последняя перед большим оазисом. К счастью, она не широка — не больше, чем пройденная, и если мятежники выступят к вечеру, когда солнце придет из юго-запад, то ночью войдут в большой оазис, где достанут пищу. Таким образом, без еды придется быть всего сутки.

Все это казалось нестрашным людям, испытавшим так много. Главное, окрыляющее и бодрящее, заключилось в том, что они, свободные, уходили все дальше и дальше от проклятой страны Кемт, все меньше становилось вероятности, что их настигнет погоня.

Закат потухал; на пламя горящих углей сыпался серый пепел. Последний раз вдоволь напившись, беглецы двинулись в путь.

Удручающая жара исчезла, развеивная черным крылом ночи. Темнота ласково и мягко обнимала сожженных пламенем пустыни людей.

Они пошли по низкому ровному плоскогорью, усыпанному массой остроугольного щебня, резавшего ноги неосторожных путников.

К середине ночи беглецы спустились в широкую долину, усеянную серыми каменными шарами. Странные камни от одного до трех локтей в поперечнике лежали повсюду, точно рассыпанные неведомыми богами мячи. Люди, шедшие уже не цепочкой, а нестройной толпой, пересекали долину наискось, направляясь к подъему, видневшемуся далеко впереди.

После оглушающе тяжелого дня, когда с такой беспощадностью проявлялась слабость человека, тихий покой ночи был глубок и задумчив. Пандиону показалось, что бесконечная пустыня поднялась к небесному своду, звезды сделались совсем близкими в прозрачном воздухе, пронизанном каким-то темным сиянием. И пустыни

стала частью неба, слилась с ним, поднимая человека над его страданиями, оставляя наедине с вечностью пространства. Взошла луна, и серебряный покров света лег на темную почву.

Отряд рабов достиг подъема. Пологий склон был выложен плитами крепкого известняка. Плиты, отполированные до блеска песчаными вихрями, зеркально отражали свет луны и казались голубой стеклянной лестницей, ведущей в небо.

Пандион ступил на их скользкую холодящую поверхность, и ему показалось, что он поднимается по сверкающим небесным ступеням. Еще немного — и он достигнет темно-синего свода неба, ступит на серебряную арку Млечного Пути и пойдет по звездному саду, далекий от всех тревог.

Но подъем окончился, лестница потухла, начался длинный спуск в расплывшуюся внизу чернеющей плоскостью равнину, засыпанную крупным песком. Она замыкалась цепью зубчатых утесов, торчавших наклонно из песка, как обрубки исполинских бревен. Отряд подошел к скалам уже на рассвете и долго двигался по лабиринту узких трещиннообразных обрывов, пока проводник-лшвиец не нашел источника. С утесов было видно полчище новых песчаных гор, враждебным кольцом обступивших скалы, в которых укрылись беглецы. Глубокие фиолетовые тени лежали между розовыми скатами песков. Пока, у воды, песчаное море не было страшно.

Кидого нашел защищенное от солнца место, где гигантский каменный куб высился над стенами песчаниковых слоев, обрезанных с севера глубокой промоиной. Между утесами было достаточно тени для всего отряда, и она должна была скрывать людей до захода солнца.

Усталые люди мгновенно заснули — теперь оставалось только ждать, пока неистовствующее в высоте солнце, спускаясь, не начнет смиряться. Небо, такое близкое ночью, вновь вознеслось в недостижимую даль и оттуда слепило и жгло людей, как будто в отместку за ночную передышку. Время шло; мирно спавших людей окружил чуждый океан солнечного огня, уничтожающий все живое.

Чуткий Кави проснулся от слабых жалобных стонов. Этрусск с недоумением поднял отяжелевшую голову и прислушался. Кругом изредка слышался сильный треск,

сменявшийся протяжными, жалобными стонами, полными тоски. Звуки усилились; многие беглецы проснулись, в страхе оглядываясь кругом. Ни признака движения не было среди раскаленных скал, все товарищи были на прежних местах, продолжали спать или прислушивались. Кави разбудил безмятежно спавшего Ахми. Ливиец сел, широко зевнул и затем рассмеялся прямо в лицо удивленному и встревоженному этруску.

— Камни кричат от солнца,— пояснил ливиец, — это знак, что жара спадает.

От голоса камней в грозном молчании пустыни, полного какой-то безнадежности, беглецам стало не по себе. Ливиец влез на утес, посмотрел вокруг сквозь щель в сложенных ладонях и объявил, что скоро можно будет трогаться в последний переход до оазиса: нужно идти в путь в дорогу.

Хотя солнце уже сильно склонилось к западу, песчаные горы продолжали пылать. Казалось совершенно невозможным покинуть тень и выйти в это море огня и света. Но люди без единого протеста построились попарно и направились вслед за ливийцем — так силен был зов свободы.

Пандион шел теперь в третьем ряду от ливийца Ахми и по-прежнему рядом с Кидого.

Неистощимая выносливость и добродушная веселость негра ободряли молодого эллина, чувствовавшего себя неуверенно перед страшной мощью пустыни.

Враждебное палящее дыхание ее опять заставляло людей низко опускать головы. Они прошли уже не меньше пятнадцати тысяч локтей, когда Пандион заметил легкое беспокойство проводника-ливийца. Ахми два раза останавливал колонну, забирался, утопая по колени в песок, на вершущки песчаных холмов, осматривая горизонт. На вопросы ливиец не отвечал.

Высота холмов уменьшилась, и Пандион обрадованно спросил Ахми, не кончаются ли пески.

— Еще далеко, много песка! — хмуро отрезал проводник и повернул голову на северо-запад.

Посмотрев туда же, Пандион и Кидого увидели, что горящее небо там закрыто свинцовым туманом. Сумрачная пелена, поднимавшаяся ввысь, побеждала исполнскую мощь солнца и сияние неба.

Вдруг слышались звонкие и приятные звуки высокие, певучие, чистого металлического тона, как буд

то серебряные трубы начали за буграми песков странную мелодию.

Они повторялись, нарастая, все более громкие и частые, и сердца людей забились сильнее под влиянием бессознательного страха, который несли эти серебристые лучания, ни на что не похожие, далекие от всего живого.

Ливиец остановился и с жалобным криком упал на колени. Подняв руки к небу, он молился богам, просил защитить от ужасного бедствия. Испуганные беглецы тесно сбились вместе в узком пространстве между тремя песчаными холмами. Пандион вопросительно посмотрел на Кидого и изумился — черная кожа негра стала серой. Молодой эллин впервые видел своего друга испуганным и не знал, что так бледнеют чернокожие. Кави схватил за плечо проводника и, без усилия подняв его на ноги, злобно спросил, что случилось.

Ахми повернул к нему искаженное от страха лицо, покрывшееся крупными каплями пота.

— Песок пустыни поет, зовет ветер, а с ним прилетает и смерть, — хрипло проговорил ливиец. — Идет песчаная буря...

Гнетущее молчание повисло над отрядом, нарушаемое только звуками поющего песка.

Кави стоял в недоумении — он не знал, что делать, и те, кто знал, понимали силу грозящей опасности и тоже молчали.

Наконец Ахми опомнился:

— Вперед, скорее вперед! Я видел там скалистую площадку, свободную от песка: нужно успеть дойти до нее. Здесь смерть неизбежна — всех засыплет песком, а там... может быть, кто-нибудь спасется...

Испуганные люди устремились за бежавшим ливийцем.

Свинцовый туман превратился в багровую мглу, заглушившую все небо. Вершины песчаных холмов злоеюще задымились, дыхание ветра коснулось воспаленных щип роем мельчайших песчинок. Стало нечем дышать, воздух точно пропитался жгучим ядом. Но вот расступились песчаные бугры, и беглецы оказались на небольшом клочке каменистой почвы, почерневшей и сглаженной. Вокруг нарастал грохот и гул несущегося издалека ветра, багряное облако быстро потемнело снизу, будто черная завеса задернула небо. Она вверху осталась темно-

красной, бледный диск солнца скрылся в страшной туче. Подражая более опытным, люди поспешно срывали с себя набедренные повязки, тряпки, прикрывающие головы и плечи, укутывали лица и падали ниц на неровную по верхность горячего камня, прижимаясь друг к другу.

Пандион немного замешкался. Последнее, что он уви-дел, наполнило его ужасом. Все вокруг пришло в движе-ние. По черной почве покатались камни с кулак вели-чиной, точно сухие листья, гонимые осенним ветром. Холмы выбросили по направлению к беглецам толстые извивающиеся щупальца, песок задвигался и быстро по-несся, растекаясь кругом, точно вода, выброшенная бу-рей на отлогий берег. Клубящаяся масса налетела на Пандиона — юноша упал и больше ничего не видел. Сердце колотилось, и каждый его удар отдавался в го-лове. Участившееся дыхание с трудом прорывалось сквозь горло и рот, казалось, покрывшись твердой коркой.

Свист ветра звучал высокими нотами, заглушенный глухим шумом несущегося песка, пустыня грохотала и ревела вокруг. В голове Пандиона помутилось, он борол-ся с безчувствием, куда погружала его душившая, иссу-шающая буря. Отчаянно кашляя, молодой эллин осно-бождал горло от песчаной пыли и вновь начинал учи-щенно дышать. Вспышки сопротивления Пандиона повто-рялись все реже. Наконец он потерял сознание.

А гром бури становился все увереннее и грознее, его раскаты перекатывались по пустыне, как гигантские медные колеса. Каменистая почва содрогалась ответным гулом, как металлический лист, а над ней неслись тучи песка. Песчинки, насыщенные электричеством, вспыхи-вали голубыми искорками, и вся масса движущегося пес-ка катилась, полная синеватых сверканий. Казалось, в минуты на минуту польется дождь и свежая вода спасет иссушенных знойным воздухом, впавших в беспамятство людей. Но дождя не было, а буря продолжала грохотать. Темная груда человеческих тел покрывалась все более толстым слоем песка, скрывавшим слабые движе-ния, заглушавшим редкие стоны...

Пандион открыл глаза и увидел на фоне звезд силуэт черной головы Кидого. Как потом узнал Пандион, истр-долго хлопотал над безжизненными телами друзей молодого эллина и этрусков.

В темноте возились люди, раскапывая занесенный песком товарищей, прислушиваясь к слабому треску

жизни в груди бесчувственных, отодвигая в сторону погибших.

Ливиец Ахми со своими привычными к пустыне соплеменниками и несколько негров ушли назад, к источнику в скалах. Кидого остался с Пандионом, не в силах покинуть едва дышавшего друга.

Наконец полуживые, почти не различавшие дороги пятьдесят пять человек пошли, держась друг за друга, с Кидого во главе, по следам ушедших. Никто не думал о том, что им пришлось повернуть назад, может быть, навстречу возможной погоне — в мыслях каждого была только мечта о воде. Вода, оттеснившая волю к борьбе, погасившая все стремления, — вода была маяком в смутной горячке распаленного мозга.

Пандион потерял всякое представление о времени, забыл о том, что они отошли от источника не более чем на двадцать тысяч локтей, забыл обо всем, кроме того, что надо держаться за плечи впереди идущего и вяло ступать в такт товарищам. Примерно на середине пути они услышали впереди голоса, показавшиеся необыкновенно громкими: Ахми и двадцать семь человек, ушедших с ним, спешили навстречу, бережно неся пропитанные водой тряпки и две старые тыквенные бутылки, найденные у источника.

Люди нашли в себе силы отказаться от воды, предложив Ахми дойти до оставшихся на месте катастрофы.

Сверхчеловеческие усилия требовались для того, чтобы вернуться к колодезю, силы убывали с каждым десятком шагов, тем не менее люди молча пропустили группу водоносов и поплелись дальше.

Зыблющийся черный туман застилал взоры спотыкавшихся людей, некоторые падали, но подбодренные угорами, поддерживаемые более выносливыми товарищами, продолжали путь. Пятьдесят пять человек не могли вспомнить последнего часа пути — люди шли почти бессознательно, ноги их продолжали свои неверные, замедленные движения. И все же путники дошли, вода вернула сознание, напитала их тела, позволила сгустившейся крови вновь размягчить высохшие мышцы.

И как только путники пришли в себя, они вспомнили о товарищеском долге. Едва оправившись, они пошли назад, по примеру первых, неся навстречу бредущим где-то в песках источник жизни — воду, капающую с мокрых кусков ткани. И эта помощь была неоценимой, по-

тому что пришла как раз вовремя. Солнце уже всходило. Последнюю группу оставшихся в живых поддержала принесенная ливийцами вода. Люди остановились посреди песков, будучи не в силах идти дальше, несмотря на угрозы, понукания и даже угрозы. Мокрые тряпки дали людям еще час отсрочки — время, оказавшееся достаточным для того, чтобы добраться до колодца.

Так вернулся к воде еще тридцать один человек; всего спаслось сто четырнадцать — меньше половины вошедших в пустыню два дня назад. Самые слабые погибли еще при первом переходе через пески, теперь страшная катастрофа погубила множество отличных, мощных бойцов. Будущее казалось уже гораздо менее определенным. Вынужденное бездействие угнетало, силы для продолжения намеченного пути еще не вернулись, оружие было брошено там, где застигла людей песчаная буря. Если бы у мятежников была пища, то они скорее восстановили бы силы, но остатки еды были разделены еще в начале прошлой ночи.

Солнце пламенело в чистом, ничем не затуманенном небе, и те из оставшихся на месте катастрофы, в которых еще теплилась жизнь, теперь наверняка погибли.

Спасшиеся укрывались в щели между скалами, где лежали сутки назад вместе с теми, которых уже не было. Как и вчера, люди ждали вечера, но уже не только убывали дневного жара, а наступления ночи, надеясь, что ее прохлада даст возможность ослабевшим продолжать борьбу с пустыней, стоявшей на пути к родине.

Этой последней надежде не суждено было осуществиться.

С наступлением вечера беглецы почувствовали, что могут потихоньку двигаться дальше, как вдруг услышали вдали хриплый рев осла и лай собак. Несколько времени мятежники надеялись, что это торговый караван или отряд сборщика податей, но вскоре на сумеречной равнине показались всадники. Знакомые уже крики «Аату!» огласили пустыню. Бежать было некуда, сражаться нечем, прятаться бесполезно — злые остроухие собаки разыскали бы беглецов. Несколько мятежников опустилось на землю — последние силы оставили их, другие растерянно заметались среди камней. Некоторые в отчаянии рвали на себе волосы. Один из ливийцев, совсем молодой, жалобно застонал, и крупные слезы покатались из испуганных глаз. Аму и хериуша стояли, понутив головы и скре-

жсца зубами. Несколько человек бессознательно бросились бежать, но были сейчас же остановлены собаками.

Более выдержанные оставались на месте, словно оцепневшие, напрягая ум в поисках спасения. Воинам Черной Земли, без сомнения, повезло: они настигли беглецов, когда они были совсем без сил. Если бы хоть половина былой энергии оставалась у мятежников, большинство их предпочло бы смерть в неравном бою вторичному плену. Но сейчас силы восставших были исчерпаны — беглецы не оказали сопротивления подъезжавшим с луками наготове воинам. Борьба за свободу окончилась — теперь в тысячу раз счастливее были те, которые спали вечным сном там, среди разбросанного оружия.

Измученные, потерявшие надежду рабы стали покорными и безучастными.

Вскоре все сто четырнадцать человек со связанными назад руками, скованные за шеи цепочками по десятку, побрели на восток под ударами бичей. Несколько воинов поехало на место катастрофы, чтобы удостовериться в гибели остальных.

Преследователи рассчитывали получить награду за каждого приведенного назад человека. Только это спасло беглецов от жестокой смерти. Ни один не погиб в этом ужасном обратном походе, когда они шли нагие и связанные, исхлестанные бичами, не получая пищи. Караван медленно двигался, обходя пески по дороге.

Пандион брел, не смея взглянуть на товарищей, не воспринимая внешних впечатлений. Даже удары бича не выводили молодого эллина из оцепенения. Единственным воспоминанием, сохранившимся у Пандиона от обратного пути в рабство, был момент, когда они достигли долины Шила, недалеко от города Абидоса. Начальник отряда задержал караван, высматривая пристань, где пойманных должна была ждать барка. Пленники сгрудились на краю спуска в долину, некоторые опустили на землю. Утренний ветер доносил запах свежей воды.

Пандион вдруг увидел на краю пустыни веселые нежно-голубые цветы. Качаясь на своих высоких стебельках, они распространяли тонкий аромат, и у Пандиона мелькнула мысль, что утраченная воля посылает ему свой последний дар.

Губы молодого эллина, растрескавшиеся и кровоточившие, зашевелились, неуверенные, слабые звуки вырвались из горла. Кидого, с тревогой присматривавшийся

к другу на остановках — негр оказался в другой цепочке, — прислушался.

— Голубые... — донеслось до него последнее слово. Пандион погрузился в прежнее оцепенение.

Беглецов освободили от пут и загнали в барку, доставившую их к окрестностям столицы. Там их, как особо опасных и стойких мятежников, бросили в тюрьму, в которой они должны были ожидать неизбежной ссылки на золотые рудники.

Тюрьма представляла собой огромную яму, вырытую в сухой и плотной земле, облицованную кирпичом и перекрытую несколькими крутыми сводами. Вместо окон были пробиты вверху четыре узенькие щели, вместо двери — наклонный люк в потолке, через который спускали воду и бросали пищу.

Полумрак, всегда царивший в яме, оказался благодеянием для беглецов: у многих из них от страшного света пустыни болели воспаленные глаза, и пленники, оставаясь на солнце, неминуемо бы ослепли.

Как мучительно было после нескольких дней свободы пребывание в темной, вонючей яме — об этом могли поведать лишь сами заключенные.

Но их наглухо отрезали от мира, до их чувств и переживаний никому не было дела.

И все же, несмотря на безвыходность положения, едва только люди оправились от последствий трудного похода, они снова начали на что-то надеяться.

— Опять заговорил Кави, как всегда грубовато излагая понятные всем мысли. Опять раздался смех Кидого, звучали резкие выкрики ливийца Ахми. Пандион, тяжело переживавший крушение надежд, приходил в себя медленнее.

Не раз молодой эллин нащупывал в набедренной по вязке камень — чудесный подарок Яхмоса, но ему не удалось кошунством достать прекрасную вещь здесь, в мерзкой, темной яме. К тому же камень обманул его — он не оказался волшебным, не помог добиться свободы и достигнуть моря.

Все-таки Пандион однажды украдкой извлек зелено-синий кристалл и поднес его к бледному лучу, опускавшемуся из щели, но не достигавшему пола подземелья. При первом же взгляде, брошенном на радостную прозрачность камня, желание жить и бороться снова заговорило в Пандионе. Он лишился всего — он даже не

смеет подумать о Тессе, не смеет вызвать образы родины. Все, что у него осталось,— это камень, как мечта о море, о когда-то бывшей, иной, настоящей жизни.

И Пандион стал часто любоваться камнем, находя в его прозрачной глубине ту крохотную долю отрады, без которой никому невозможно жить.

Не более десяти дней провел Пандион с товарищами в подземелье. Без допросов, без всякого суда участь беглых рабов была решена властвующими людьми там, наверху. Неожиданно открылся люк, в отверстие упала деревянная лестница. Рабов выводили наверх и, ослепленных дневным светом, связывали и сковывали цепочкой по шести. Затем мятежников повели к Нилу и немедленно погрузили на большую баржу, вскоре отплывшую вверх по реке. Бунтовщиков отправляли на южную границу Черной Земли, к Вратам Юга¹, откуда им предстоял последний и безвозвратный путь в страшные золотые рудники страны Нуб.

Через две недели после того, как беглецы сменили подземную тюрьму на плавучую, в пятистах тысячах локтей вверх по реке, к югу от столицы Кемт, в роскошном дворце начальника Врат Юга на острове Неб происходило следующее.

Начальник Врат Юга, он же начальник провинции Неб, жестокий и властный Кабуефта, почитавший себя вторым человеком после фараона в Черной Земле, вызвал командующего своими войсками, начальника охот и главного каравановожатого Юга.

Кабуефта принял вызванных на балконе дворца за обильным угощением, в присутствии главного писца. Крупный и мускулистый, Кабуефта надменно возвышался над собеседниками, сидя, в подражание фараону, на высоком кресле из черного дерева и слоновых клыков.

Он несколько раз перехватывал вопросительные взгляды, которыми обменивались созванные им сановники, и усмехался про себя.

С балкона дворца, стоявшего на возвышенной части острова, открывался вид на широкие рукава реки, обтекавшие группу храмов из белого известняка и красного гранита. По берегам шла густая поросль высоких пальм, листва которых темной перистой полосой тянулась вдоль

¹ Врата Юга — города Неб и Севене (ныне Сиенна и Асуан) на островах Элефантина и Филэ.

подошвы крутого скалистого берега. С юга подходила отвесная стена гранитного плоскогорья, в восточном конце которой располагался первый порог Нила. Там долины реки сразу сужалась, простор возделанной спокойной равнины обрывался у неизмеримого пустынного пространства страны золота Нуб. С уступов скал смотрели на дворец могилы знаменитых предков — владык Врат Юга, бесстрашных исследователей страны черных, начиная с самого великого Хирхуфа¹. Рядом, на тщательно обтесанной скалистой стене, виднелась огромная надпись. С балкона строчки крупных иероглифов казались лишь правильными серыми линиями, но начальнику Юга не нужно было читать горделивую надпись своего предка Хему. Кабуефта знал наизусть каждое слово и каждое мог отнести к себе.

«В год восьмой... хранитель печати, заведующий всем, что есть и чего нет, заведующий храмами, закромами и белой палатой, хранитель Врат Юга...»²

Даль тонула в серовой дымке зноя, но на острове было прохладно — северный ветер боролся с наступающей с юга жарой, отгоняя ее назад, в пустынные, сожженные степи.

Начальник Юга долго смотрел вдаль на гробницы предков, потом жестом приказал присутствовавшему рабу налить по последнему бокалу вина. Угощение было окончено, гости поднялись и последовали за хозяином во внутренние покои дворца. Они очутились в квадратной, не очень высокой комнате, отделанной с изяществом и вкусом великих времен Менхеперры³. Гладкие белые стены были украшены у пола широким светло-синим бордюром со сложным прямолинейным орнаментом из белых линий, под потолком шла узкая полоса из цветов лотоса и символических фигур, изображенных синей, зеленой, черной и белой красками на фоне матового золота.

Потолок, очерченный узкой полоской черных и золотых клеток, пересекался четырьмя параллельными брусками из дерева глубокого вишневого цвета. В промежутках между брусками вся поверхность потолка были покрыта пестрым узором золотых спиралей и белых ро

¹ Х и р х у ф — начальник провинции Неб, путешественник в глубь Африки при VI династии (2625—2475 гг. до н. э.).

² Подлинная надпись в переводе Голенищева.

³ М е н х е п е р р а — тронное имя Тутмоса III, фараона-завоевателя, крупного государственного деятеля (1501—1447 гг. до н. э.).

чток на меняющихся в шахматном порядке красных и голубых квадратах.

Широкие косяки дверей из гладких полированных досок кедра окаймлялись узкими черными полосками, прерванными множеством двойных поперечных голубых черточек.

Ковер, несколько складных стульев из слоновой кости с верхом из леопардовой шкуры, два кресла черного дерева с золотой инкрустацией и несколько ящиков на ножках, служивших одновременно столиками, составляли все убранство просторной, наполненной чистым воздухом комнаты.

Кабуефта не спеша уселся в кресло, и его резкий профиль четко обрисовался на белоснежной стене. Саловники придвинули стулья поближе, главный писец стал у высокого столика черного дерева, инкрустированного золотом и слоновой костью.

На доске стола лежал свиток папируса с красно-белой печатью. По знаку начальника Юга писец развернул свиток и застыл в почтительном молчании.

Командующий войсками, тощий, с лысой головой, без парика, подмигнул маленькому плотному каравановождатому, давая понять, что сейчас начнется разговор, для которого они созваны.

Действительно, Кабуефта склонил голову и заговорил, обращаясь ко всем присутствующим:

— Их величество, владыка обеих стран Черной Земли, жизнь, здоровье, сила, прислал мне поспешное письмо. В нем повелел их величество совершить неслыханное — доставить в город живого носорогового зверя, какие обитают за страной Вават¹, отличающегося чудовищной силой и свирепостью. Много зверей из дальних стран Юга доставлялось живыми в Великий Дом в прошлые времена. Люди «Города» и люди Та-мери-хеб видели больших обезьян, жирафов, зверей Сетха и земляных свиней², свирепые львы и леопарды толпой сопровождали

¹ Страна Вават — часть современной Нубии, отрезок долины Нила между современными Асуаном и Хартумом.

² Зверь Сетха (окали) — своеобразное жирафоподобное животное из древней, родоначальной для жирафов группы. Ныне уцелело только в дремучих лесах Конго; ранее водилось во всей Африке и было многочисленно в дельте Нила. Древние египтяне взяли с него образ своего грозного бога Сетха. Земляная свинья, по-египетски «та-рири» (трубкозуб) — своеобразное роющее африканское млекопитающее.

великого Усермар-Сотепенру¹ и даже сражались с прагами Та-Кем², но никогда не было поймано ни одного носорогов... С незапамятных времен владыки Юга доставляли Черной Земле все потребное из стран черных; казалось, для них не было невозможного. Я хочу продолжить этот славный обычай: Та-Кем должен увидеть живого носорога. Я призвал вас, чтобы посоветоваться, каким наиболее легким способом мы сможем доставить в Кемт хотя бы одного из этих страшных зверей... Что скажешь ты, Нэзи, выдавший столько славных охот? Он обратился к начальнику охот, хмурому тучному человеку, вьющиеся волосы, темная кожа и горбатый нос которого выдавали его происхождение от гиксосов.

— Неописуемо страшен зверь южных степей, кожа его непроницаема для копий, сила подобна силе слона, заговорил Нэзи с важностью.— Нападает он первым, круша и давя все, что станет на его пути. В яму его не поймать: грузный зверь неминуемо покалечится. Но если сделать большую охоту и разыскать матку с детенышем, то можно, убив мать, захватить в плен детеныша и доставить его в Кемт...

Кабуефта сердито стукнул по подлокотнику кресла.

— Семь и семь раз к ногам Великого Дома, моги владыки, припадаю я! Тыфу на тебя,— палец владыки Юга ткнул в оторопевшего начальника охот,— который грешит против их величества! Мы должны доставить им не полуживого малыша, а зверя — нефер-неферу³, во цвете сил, внушающего полную меру страха. И нельзя ждать, пока детеныш подрастет у нас в плену... Повеление надо выполнить с быстрой готовностью, тем более что зверь этот водится далеко от Врат Юга.

Каравановожатый Пехени посоветовал отправить с собой три наиболее отважных воинов без оружия, с веревками и сетями, которые смогут поймать чудовище.

Командующий войсками Сенофри недовольно поморщился; нахмурился и Кабуефта.

Тогда каравановожатый поспешил добавить, что можно и не отправлять воинов, а заставить нубийцев самих поймать зверя.

¹ Усермар-Сотепенра — тронное имя Рамзеса II (1279—1225 гг. до н. э.), великого завоевателя.

² Прирученные львы участвовали в сражениях Рамзеса II с египтянами.

³ Нефер-неферу — наилучший.

Кабуефта покачал головой, искривив рот презрительной усмешкой:

— Времена Менхеперры и Сотепенры давно миновали — презренные жители страны Нуб уже не согнуты в покорности. Сенофри знает, с какими усилиями и хитростями мы сдерживаем вождения их голодных ртов... Нет, это не годится, нам придется самим выполнить пожелание.

— Если вместо воинов пожертвовать рабами... — осторожно вставил Сенофри.

Задумавшийся Кабуефта оживился:

— Клянусь Маат¹, ты прав, мудрый начальник войска! Я возьму из тюрем мятежников и беглецов, этих наиболее смелых рабов. Они поймают чудовище.

Начальник охоты недоверчиво улыбнулся:

— Ты мудр, владыка Юга, но осмелюсь спросить: чем заставишь ты идти рабов на верную смерть от страшного чудовища? Угрозы не помогут — ты сможешь поставить против смерти только смерть. Какая им будет разница?

— Ты знаешь зверей лучше, чем людей, Нэзи, поэтому оставь мне людей. Я обещаю им свободу. Те, кто уже шел на смерть ради нее, пойдут еще раз. Вот почему и хочу взять мятежных рабов.

— И исполнишь обещание? — снова спросил Нэзи.

Кабуефта надменно выпятил нижнюю губу:

— Владыки Юга не унижаются до лжи перед рабами. Но назад они не вернутся... Оставим это... Лучше скажи мне, сколько людей понадобится для того, чтобы схватить зверя, и далек ли путь до мест, где он обитает.

— Нужно две сотни людей. Зверь растопчет половину, остальные задавят его кучей и свяжут. Через две луны начнется время наводнения, в стране Нуб пойдут дожди, травы степи оживут. Тогда звери пойдут на север за травой и их можно будет найти у самой реки, в области шестой ступени. Самое главное, чтобы поймать зверя недалеко от реки, иначе воины не доставят чудовище весом в семь быков живым. А по реке мы сплавим его в большой клетке до самого «Города»...

Начальник Юга соображал, что-то подсчитывая, губы его шевелились.

¹ М а а т — видящая богиня Истины.

— Хет!¹ — сказал он наконец. — Полтораста рабов достаточно, если люди будут хорошо биться. Сотню пловцов, двадцать охотников и проводников. Ты примешь начальство над всеми, Нэзи! Приступай к делу безотлагательно. Сенофри отберет надежных воинов и мирных негров².

Начальник охоты поклонился.

Сановники покинули комнату, посмеиваясь над новым поручением Нэзи.

Кабуефта усадил писца и стал диктовать письмо начальнику тюрем обоих городов, расположенных у Врат, Неб и Севене.

Глава пятая

ЗОЛОТАЯ СТЕПЬ

У подножия лестницы, спускавшейся с холма к южной оконечности острова Неб, стояла толпа рабов, прикованных к большим бронзовым кольцам столбов из красного гранита, возвышавшихся на нижней площадке. Здесь были все сто четырнадцать уцелевших беглецов и еще сорок негров и нубийцев со свирепыми лицами, с телами, испещренными рубцами заживших ран. Долго томилась люди на палящем солнце, ожидая решения своей участи.

Наконец на верхней площадке лестницы показался высокий человек в белом одеянии, с золотом, сверкавшим на лбу, на груди и на черном посохе. Он медленно шел под сенью двух опахал. Их несли нубийские воины. Несколько человек, судя по одеянию — знатные сановники, окружали властителя. Это был Кабуефта — начальник Врат Юга.

Воины поспешно выстроились вокруг рабов; сопровождавший пленников тюремный писец выступил вперед и согнулся до земли.

Кабуефта спокойно, не меняя выражения застывшего лица, сошел вниз, вплотную приблизился к рабам, обвел скольльзящим, презрительным взглядом всех присутствующих. Он небрежно сказал что-то, обратившись к

¹ Хет! — Да будет!

² Мирные негры — так назывались в Египте негры, служившие в войсках и полиции.

чиновнику. В голосе его звучало одобрение. Начальник Врат Юга стукнул посохом — медный конец звякнул о каменную плиту.

— Смотрите все на меня и слушайте! Кто не понимает языка Кемт, тех пусть отведут налево — им объяснят потом.

Воины поспешно исполнили приказание, уведя в сторону пятнадцать чернокожих, не знавших языка.

Кабуефта громко и медленно заговорил на простонародном языке, подбирая выражения. Видно было, что властителю Юга приходилось часто встречаться с индейцами.

Вельможа объяснил рабам предстоящее дело, не скрыв того, что многих ждет гибель, но всем спасшимся обещал свободу. Большинство мятежников изъявили свое согласие одобрительными восклицаниями, меньшая часть хранила упорное молчание. Никто не отказался.

— Хет! — продолжал Кабуефта, и снова взгляд его скользнул по худым и грязным телам. — Я прикажу сытно кормить вас и давать мыться. Путь через пять ступеней Хапи труден, быстрее идти на легких лодках. Я прикажу вас освободить, если вы поклянетесь не бежать... — Радостные вопли перебили его речь. Он выждал, пока они утихнут, и продолжал: — Но, кроме клятвы, вот мой приказ: за каждого сбежавшего десять его лучших товарищей будут брошены связанными, с содранной кожей, посыпанные солью, на пески берегов страны Нуб. Те, которые струсят при поимке зверя и убегут, будут преданы жесточайшим пыткам, ибо жители страны Нуб предупреждены мною и под угрозой кары должны выследить их и схватить.

Окончание речи начальника Юга рабы встретили мрачным молчанием. Кабуефта, не обратив на это внимания, вновь принялся разглядывать людей. Его опыт помог ему сделать безошибочный выбор.

— Выйди сюда ты! — Владыка указал на Кави. — Ты будешь начальником над ловцами, посредником между моими охотниками и своими товарищами.

Кави не спеша поклонился вельможе. На лице этруска промелькнула угрюмая усмешка.

— Ты продаешь нам свободу дорогой ценой, высокий человек, но мы ее покупаем, — сказал этруск и повернулся к товарищам: — Свирепый зверь не страшней золотых рудников, а надежды больше...

Кабусфта удалился. Пленники вновь были водворены в тюрьму. Начальник Юга сдержал свое обещание: ми тежников стали сытно кормить, освободили от цепей и ошейников и два раза в день водили купаться к Нилу, в отгороженный от крокодилов залив. Через два дня сто пятьдесят четыре раба присоединились к отряду воинов и охотников, выступивших вверх по реке на тридцати легких лодках, связанных из стеблей тростника.

Путь был далек. Жители Черной Земли считали до шестой ступени Нила от Врат Юга четыре миллиона локтей. Река, протекавшая почти прямо через страны Вават и Иэртет, в располагавшейся выше стране Куш¹ образовала две исполинские петли: одну — на запад, другую — на восток.

Начальник охоты очень спешил: путь должен был отнять два месяца, а через девять недель начиналась прибыль воды. Борьба с ускорившимся течением должна была замедлить продвижение. Сплавить через пороги большую и тяжелую лодку с пойманным чудовищем было возможно только в полую воду. Таким образом, в распоряжении начальника охоты оставалось мало времени на обратный путь.

Рабов всю долгую дорогу хорошо кормили, и они чувствовали себя здоровыми и крепкими, несмотря на тяжелую ежедневную работу. Они вели нагруженные лодки против течения, особенно быстрого на ступенях порогах.

Предстоявшая охота пока не смущала их, в каждом жила уверенность, что именно он спасется и получит свободу. Контраст между дикими просторами неизвестной страны и ожиданием в яме-тюрьме жестокой смерти был слишком велик. И люди работали изо всех сил, бодрые, окрепшие телом и духом. Довольный начальник охоты не скупился на пищу — ее доставляли все встречные поселения и города.

Сразу после отъезда из города Неб Пандион и его товарищи увидели первую ступень Нила. Быстрое течение сдавленной скалами реки разбивалось на отдельные потоки бушующей побелевшей воды, с ревом катившиеся по уклону, между лабиринтами черных скалистых ост

¹ Страна Куш — область долины Нила и Нубии, между вторым и пятым порогами, включавшая древние страны Иам и Карий. Страна Иэртет располагалась ниже по течению от второго порога, страна Вават — между Вратами Юга и страной Иэртет.

ровков. Многие сотни лет назад десять тысяч рабов под наблюдением искусных инженеров Кемт проложили среди гранита каналы, и по ним даже большие военные суда легко проходили пороги. Для лодок охотничьей экспедиции первая ступень Нила, как и все последующие, не представляла серьезного препятствия. Рабы становились цепочкой по пояс в воде, подталкивая лодки от одного островка к другому. Иногда им приходилось переносить лодки на плечах по удобным береговым выступам, вырезанным половодьем. С каждым днем охотники продвигались все дальше на юг.

Они миновали пещерный храм¹ на левом берегу реки. Внимание Пандиона привлекли четыре гигантские фигуры, до тридцати локтей каждая, стоявшие в нише. Исполнинские статуи фараона-завоевателя Сотепенры как бы охраняли вход в храм.

Экспедиция одолела вторую ступень Нила, протянувшуюся на день пути.

Выше находился остров Уронарту с перекатом Семне, на изрытых скалистых берегах которого находилась огромная крепость.

Крепость называлась «Отражение дикарей» и была сооружена еще девять веков назад, во времена фараона — покорителя страны Нуб².

Толстые стены в двадцать локтей высоты, сооруженные из сырцового кирпича, стояли в полной сохранности; каждые тридцать лет их приводили в порядок. На скалах виднелись древние каменные доски с надписями, запрещавшими неграм вход в страну Кемт.

Угрюмая серая крепость с квадратными башнями по углам и с несколькими обращенными к реке, с узкой лестницей, проложенной от реки через утесы, высилась как олицетворение надменного могущества страны Кемт. Но никто из рабов не подозревал, что времена великой силы Кемт миновали, что страну, построенную на труде бесчисленных угнетенных, потрясают до основания частые мятежи и что ей угрожает возросшая сила новых народов.

На пути встретились еще четыре крепости, стоявшие на скалистых островах или береговых утесах. Лодки

¹ Пещерный храм Рамзеса II в Ибсамбуле.

² Сенусерт III, легендарный Сезострис (1887—1849 гг. до н. э.) — фараон XII династии (2000—1788 гг. до н. э.), прославившийся огромными строительными работами.

прошли крутую излучину, в центре которой располагался маленький город Гем-Атон. Его построил тот самый проклятый фараон, в развалинах столицы которого Пандион отыскал статую загадочной девушки. Здесь жили египтяне, в старые времена изгнанные или бежавшие из Черной Земли. В конце излучины река, ударяясь о крутые утесы темного песчаника, переламывалась под прямым углом. Здесь начиналась третья, длинная стремнина, почти в сто тысяч локтей длины, на прохождение которой охотники потратили четыре дня.

Четвертая ступень, выше большого города Напата столицы царей страны Нуб, была еще длиннее и задержала путников на пять дней. Вдобавок два дня лодки простояли, пока начальник охоты вел переговоры с властителями Куша. На четвертом пороге экспедицию обогнали три лодки с губийцами, посланными вперед для поисков зверя.

Селения по долине реки встречались гораздо реже, чем в Та-Кем. Сама долина сделалась значительно уже, и скалы пустынных плоскогорий, прорезанных рекой, стали отчетливо видны сквозь легкую дымку зноя. Сотни крокодилов, достигавших подчас исполинских размеров, прятались в тростниковых зарослях или неподвижно лежали на песчаных отмелях, подставляя гребнистые черно-зеленые спины знойному солнцу. Несколько неосторожных рабов и воинов сделались жертвой вкрадчивого нападения безмолвных пресмыкающихся прямо на глазах у товарищей.

Здесь было много бегемотов. Пандион, этруски и другие рабы из северных стран еще раньше познакомились с безобразным обитателем реки, носившим у египтян имя «хте». Бегемоты не выказывали страха перед людьми, но и не нападали на них без причины, поэтому рабы близко подплывали к ним. Множество больших голубых пятен виднелось вдали перед зеленой стеной тростников, пока зывая место отдыха бегемотов в широких участках долины, где река разливалась гладким сверкающим озером. Мокрая кожа животных была голубого цвета. Грузные жирные звери наблюдали за лодками, выставив над водой громадные, словно обрубленные, головы. Нередко животные погружали в воду и квадратные морды — тогда на блестящей и струившейся желтой мути чернели только лбы, увенчанные маленькими круглыми, торчащими вперед ушами. Глаза бегемотов, сидевшие в пол-

выпущения черепа — это придавало им особенно свирепое выражение, — упорно и тупо смотрели на людей.

В тех местах, где гранитные скалы поднимались со дна реки, образуя пороги и перекаты, встречались глубокие ямы между утесами, с прозрачной и спокойной водой. Однажды, волоча лодку по краю гранитной глыбы, рабы увидели на дне такой ямы громадного бегемота, неторопливо двигавшегося по дну на своих коротких ногах. Под водой животное приняло совсем темно-синий цвет. Бывалые негры объяснили товарищам, что хте часто ходит по дну реки, разыскивая корни водяных растений.

Долина резко переломилась в последний раз. От большого острова, плодородного и густо заселенного, она вела почти прямо на юг — до цели осталась небольшая часть пути.

Скалистые края долины понизились, их прорезали многочисленные и широкие сухие овраги, в которых встречались густые рощи колючих деревьев. При прохождении пятой ступени две лодки перевернулись; утонули одиннадцать человек, мало искусных в плавании.

Выше пятой ступени люди наконец увидели первый приток Великой Реки. Широкое устье притока, называвшегося рекой Ароматов¹ и впадавшего в Нил с правой стороны по течению, сливалось с основным руслом в обширной заросли тростников и папирусов. Непроницаемая зеленая стена до двенадцати локтей в высоту, изрезанная зигзагами заливов и протоками, заграждала вход в устье реки. А по берегам, разбившимся на отдельные гряды холмов, все чаще встречались рощи деревьев; их колючие стволы становились все выше, заросли кустов длинными темными лентами отходили от реки в глубь неведомой и безлюдной страны. На склонах щетинились пучки жестких трав, тихо шелестевших под ветром. Приближался момент расплаты за свободное путешествие, без цепей и тюрьмы, и в сердцах рабов росла глухая тревога.

«Скоро начнется страшное испытание: одни спасутся ценой крови и мук товарищей, другие останутся навсегда в неведомой стране, пав искупительной жертвой. Темна судьба людей — только смерть в последнюю минуту откроет каждому тайну, в которой уже не будет нужды» — так размышлял Кави, невольно оглядывая товарищей, пытаясь представить себе их будущее.

¹ Река Ароматов — Атбара, правый приток Нила.

Страна выше по реке принимала все более равнинный вид. Болотистые берега окаймляли сверкающую гладь реки резкой темной линией высоких трав, простирившихся насколько хватал глаз. Звездчатые метелки папируса нависали над рекой, нарушая однообразие ровных берегов. Травянистые острова дробили течение на лабиринты узких проходов — глубокая вода была таинственна и темна между высокими стенами зелени. На местах, где берег был более тверд, путешественники видели большие пространства засохшей и растрескавшейся глины, истоптанные бесчисленными следами животных. Птицы, похожие на аистов, но почти достигавшие человеческого роста, удивляли мятежников своими чудовищными клювами. Казалось, что голова птицы оканчивается тяжелым костяным сундуком с хищно загнутым краем верхней крышки. Из-под нависших глазниц чудовищ смотрели желтые злые глаза.

После впадения в Нил реки Ароматов, в конце второго дня пути, прямая, как копьё, долина изогнулась к востоку, и люди увидели на выступе берега редкие дымки двух костров. Это был сигнал. Здесь ожидали посланные вперед охотники и нубийские проводники с известием, что зверь найден. Ночью сто сорок рабов под охраной девяноста воинов направились пешком на запад от реки. Теплый и обильный дождь пролился на разогретую землю. Влажные испарения одуряли людей, давно забывших о дождях под вечно ясным небом Та-Кем.

Охотники шли по жесткой траве, выше пояса, и переносили иногда вставали черные силуэты одиночных деревьев. Гиены и шакалы выли и вопили вокруг, пронзительно мяукали дикие кошки, зловещими металлическими голосами перекликались какие-то ночные птицы. Но вая страна неопределенно и таинственно расплывалась в темноте, открывалась перед людьми Азии и северных берегов, страна, изобилующая жизнью, независимой от человека и не покоренная им.

Впереди появилось исполинское дерево, заслонившее половину неба. Вокруг его ствола, более толстого, чем самые большие обелиски Черной Земли, люди расположились на ночлег, который для многих людей должен был оказаться последним. Пандион долго не мог заснуть. Взволнованный будущим боем, он прислушивался к шорохам африканской степи.

Кави толковал у костра с охотниками, выясняя планы

завтрашних действий, потом улегся, с тяжелым вздохом посмотрев на беспокойно дремавших или лежавших без сна товарищей. Этруск удивился беспечности Кидого, мирно спавшего между Пандионом и Ремдом,— в пути четыре друга не разъединялись. Беспечность негра казалась этруску высшей мерой храбрости, недоступной даже ему, опытному воину, не раз видевшему смерть.

Наступило утро. Рабы были разделены на три группы, возглавляемые пятью охотниками и двумя местными проводниками. Каждому рабу вручили длинную веревку или ремень с затяжными петлями на концах. Четыре человека от каждой группы несли большую сетку из особенно прочных веревок с ячейками в локоть ширины. Чудовище надо было опутать веревками, замотать сетями и, свалив с ног, связать.

В полной тишине люди шли по степи, каждая группа на некотором расстоянии от другой. Воины рассыпались цепью и, не доверяя рабам, следовали позади со стрелами, вложенными в луки. Перед Пандионом и его товарищами раскинулась степь, поросшая травой в половину роста человека. На ее ровной поверхности были разбросаны деревья с зонтиковидными кронами¹. Серые стволы почти у самого корня разделялись на толстые ветви, расходившиеся воронкой кверху, так что самое дерево напоминало опрокинутый конус, над которым словно парила в воздухе прозрачная неяркая зелень.

Деревья перемежались с темными пятнами высоких мелколистных кустарников, то протягивавшихся цепью по слабо заметному углублению русла временного потока, то видневшихся вдалеке в виде неровных темных куч. Изредка попадались деревья с невысоким стволом чудовищной толщины, разветвлявшиеся на множество огромных искривленных и узловатых сучьев, покрытых недавно распутившимися маленькими листьями и пучками белых цветов². Массивные деревья выделялись в степи огромной шапкой низкой кроны, отбрасывавшей темные полосы удлиненных теней. Их волокнистая кора с металлическим отблеском походила на свинцовую, ветви казались выкованными из красной меди, а цветы распространяли вокруг тонкий аромат, похожий на запах миндаля.

Солнце золотило едва колыхавшуюся жесткую траву,

¹ Зонтичные акации, а также зонтичные формы мимоз.

² Б а о б а б — специфическое дерево африканских саванн.

а над ней как будто парили ажурными зелеными облачками вершины деревьев.

Ряд тонких черных копий возник из травы — несколько ориксов¹ показали свои длинные рога и скрылись за цепью кустарников. Трава была еще редкой; между ее отдельными пучками виднелась голая, растрескавшаяся земля — период дождей начался недавно. Налево оказалась рощица деревьев, похожих на пальмы своей перистой листвой, но стволы их раздваивались вверху, напоминая два растопыренных пальца, которые выше еще несколько раз разветвлялись.

Здесь накануне охотники высмотрели носорогов, и сейчас, сделав знак рабам оставаться на месте, они осторожно подкрались к опушке и заглянули в темную после ярко освещенной степи рощу. Зверей там не оказалось, и охотники повели рабов к сухому ложу потока, заросшему густым кустарником. Там находился источник, превращенный носорогами в яму с грязью, в которой они валялись в жаркие часы дня. Охотники вышли на открытое место, окаймленное с востока тремя одинокими зонтичными акациями. До сухого русла оставалось еще около двух тысяч локтей, как вдруг шедший впереди нубиец застыл на месте и раскинул руки в стороны, давая сигнал остановки. В тишине отчетливо стало слышно слабое жужжание насекомых. Кидого тронул Пандиона за плечо — негр указывал в сторону от пути. Молодой эллин увидел около низких колючих деревьев что-то похожее на две сглаженные глыбы камня. Это и были страшные звери южных степей. Животные вначале не заметили людей и продолжали спокойно лежать спинами к охотникам. Оба носорога не показались Пандиону огромными, один был заметно меньше второго. Никто из рабов не подозревал, что охотники, желая заслужить хорошую награду, отыскивали очень крупного самца, из породы светлых носорогов², которые отличались от черных южных сородичей большими размерами, большой высотой плеч, широкой квадратной мордой, серой кожей. Второй, меньший носорог была самка. Охотники решили изменить план нападения, чтобы вмешательство самки не погубило дела.

¹ Орикс, или сернобык — крупная антилопа, прирученная в Древнем Египте.

² Белый носорог был распространен в древние времена значительно больше на севере Судана.

Начальник охоты и начальник воинов быстро забрались на дерево, шепча проклятия длинным колючкам, рассеянными по стволу. Воины спрятались за кустами. Рабы соединились все вместе и, построившись в несколько рядов, вместе с охотниками с оглушительными криками ринулись по открытой поляне, размахивая веревками и подбадривая себя боевыми воплями. С поразительной быстротой оба зверя вскочили на ноги. Колоссальный самец на минуту остановился, уставившись на подбежавших людей, а самка, более испуганная, бросилась в сторону. Именно на это и рассчитывали охотники — они быстро метнулись направо, чтобы отвлечь и отрезать самку от самца.

Начальник охоты с дерева увидел необъятное туловище застывшего неподвижно носорога, черные изгибы его устремленных вперед ушей, раздвинутых широким промежутком темени, похожего на толстый валик. За ушами виднелся высокий бугор массивной холки, а впереди поблескивал острый конец рога. Маленькие глазки, как показалось египтянину, смотрели вниз с тупым и даже каким-то обиженным выражением.

Через минуту носорог повернулся, и египтянин увидел его длинную, нелепо прогнутую посередине голову, крутую дугу холки, гребень простирающихся на крупе костей, ноги, подобные стволам дерева, маленький, воинственно поднятый кверху хвост.

Громадный рог, не меньше трех локтей длины, сидел на носу, блестящий, очень толстый у корня, резко заостряющийся кверху. Позади него виднелся другой, более короткий и острый, с широким круглым основанием.

Сердца подбежавших людей отчаянно заколотились — зверь вблизи оказался страшным чудовищем. Восемь локтей длины было в его исполинском теле, крутая холка возвышалась на четыре локтя над землей. Носорог засопел так громко, что его отчетливо услышали все до единого человека, и стремительно кинулся на людей. С проворством, непостижимым для такого громадного и массивного зверя, носорог мгновенно оказался в середине толпы. Никто не успел даже поднять веревки. Пандион очутился в стороне от налетавшего, как буря, чудовища. Молодой эллин успел заметить только широко раздутые поздри животного, окруженные кольцеобразными складками кожи, разорванное правое ухо и кожу на боку, покрытую бугорками, точно наростами лишайников. Даль-

ше все спуталось в голове Пандиона. Пронзительный вопль разлился по степи, нелепо искривленная человеческая фигура на мгновение взвилась в воздух. Носорог проложил широкую дорогу в толпе рабов, промчался дальше в степь, оставляя за собой несколько распростертых тел, повернулся и снова бросился на несчастных. На этот раз стремительно двигавшуюся массу облепили со всех сторон человеческие тела. Но чудовище состояло из сплошных мышц и толстых костей, одетых твердой, как панцирь, шкурой. Люди разлетелись в разные стороны, и опять носорог принялся топтать, давить и протыкать рогом поверженных рабов. Пандион, бросившийся вперед вместе с другими, был остановлен тупым страшным ударом и, оглушенный, оказался на четвереньках. Протяжные стоны и громкие крики неслись по полю, в воздухе за клубилась пыль. Начальник охоты, неистово кричавший с дерева, подбадривая рабов, теперь замолк и растерянно смотрел на битву. Еще ни одна веревка не захватила гиганта, а не менее тридцати человек было ранено или убито. Воины, побледневшие и дрожащие, укрывались за деревьями, моля богов Та-Кем о спасении. В третий раз повернулось чудовище, и, хотя люди невольно расступились перед его стремительным телом, носорог успел пронзить рогом младшего из этрусков — Ремада. Животное с резким фырканьем неистово металось среди людей, топча их и бодая. Из ноздрей зверя летела пена, маленькие глазки горели злобой.

Кави с яростным воплем бросился на чудовище, но его веревка скользнула по рогу; сам этруск отлетел в сторону, обливаясь кровью, — вся кожа с плеча и груди оказалась содранной жесткой шкурой носорога.

Кави с трудом поднялся, рыдая от бессильной ярости. Подавленные силой носорога, люди пятились от чудовища, наименее стойкие прятались за спины товарищей.

Казалось, еще немного — и все в страхе разбегутся куда попало, простясь с мыслью о свободе.

Опять носорог бросился на людей, снова послышались вопли. Кидого выступил вперед. Ноздри негра раздувались, в нем загорелся тот боевой огонь, который рождается при смертельной опасности, когда человек забывает обо всем, кроме необходимости сражаться, сражаться во имя жизни. Отскочив от страшного рога, грозившего неминуемой гибелью, Кидого метнулся вслед за проскочившим мимо чудовищем и, не помня себя, вцепился ему

и хвост. Пандион, очнувшись от потрясения, поднял с земли валявшуюся сеть. В этот момент он почувствовал, что должен быть впереди товарищей, которые телами заслонили его, оглушенного. Смутное воспоминание мелькнуло в голове эллина — поляна на Крите, опасная игра с быком. Носорог был мало похож на быка, но Пандион решил использовать критский прием. Перебросив через плечо свернутую сеть, Пандион бросился к носорогу. Зверь в это время остановился, брыкнув задними ногами, поднял тучу пыли и далеко отбросил Кидого. Появив план Пандиона, два ливийца сбоку отвлекли внимание зверя, а молодой эллин прыжком настиг чудовище и прижался к его боку. Носорог молниеносно повернулся — кожа Пандиона разодралась о твердую шкуру. Пандион почувствовал страшную боль, но, забыв обо всем, вцепился в ухо чудовища. Как некогда девушка на Крите, Пандион перебросил тело через туловище зверя и очутился на его широкой спине. Носорог заметался. Пандион цеплялся изо всех сил. «Только бы удержаться, удержаться», — вертелось в мозгу молодого эллина.

И Пандион удержался ровно столько мгновений, чтобы успеть набросить край сети на морду чудовища. Рога прошли между петлями, буйная радость обожгла Пандиона, но в это же мгновение он перестал видеть окружающее и потерял сознание. Что-то хрустнуло, страшная тяжесть навалилась на него, в глазах разлился мрак.

Увлеченный боем, Пандион не видел, что Кидого, рыча, как лев, опять вцепился в хвост носорога, что десять ливийцев и шесть аму ухватились за сеть, облепившую голову зверя. Стараясь стряхнуть людей, носорог повалился на бок. Он сломал руку и ключицу тяжело ударившемуся о землю молодому эллину. Падение чудовища было немедленно использовано людьми. Рабы с криками навалились на носорога, вторая сеть опутала голову, две петли охватили заднюю ногу, одна — переднюю. Фырканье носорога перешло в утробный рев, зверь перекатился на левый бок, потом на спину, своей тяжестью ломая кости людям. Сила чудовища казалась безграничной. Шесть раз зверь вскакивал, путаясь в веревках, и опять опрокидывался на спину, уничтожив более пятидесяти человек.

Но веревки и ремни все гуще опутывали его ноги, люди стягивали крепкие петли. Три сети обхватили носорога сверху и снизу. Скоро кучка окровавленных лю-

дей в поту и грязи лежала на чудовище, придавливая к земле бешено брыкавшегося носорога. Шкура чудовища, залитая человеческой кровью, стала скользкой, скрюченные пальцы скользили по ней, но веревки стягивались все крепче. Даже те, на которых рухнула в последний раз тяжелая туша зверя, в предсмертных усилиях цепко держались за петли.

Охотники приблизились к поверженному носорогу, неся новые связки ремней, скрутили наперекрест все четыре столбообразные ноги, а голову за рог припутали к передним ногам.

Страшная битва была кончена.

Обезумевшие люди медленно приходили в себя, мускулы израненных тел дрожали, словно в лихорадке, и в невидящих глазах плавали черные пятна.

Наконец биение отчаянно колотившихся сердец замедлилось, там и сям послышались вздохи облегчения — люди начали понимать, что смерть миновала их. Встал, шатаясь, покрытый кровавой грязью Кави; подошел, весь дрожа, но уже улыбаясь, Кидого. Улыбка негра сразу слетела с посеревшего лица, когда он не увидел среди живых своего друга Пандиона.

Уцелело семьдесят три человека, остальные были убиты или получили смертельные увечья. Этруск и Кидого отыскивали Пандиона среди мертвых тел в истоптанной траве и отнесли его в тень. Кави исследовал молодого эллина и не нашел на нем смертельных повреждений. Ремд был мертв, погиб и пылкий вожак аму, а храбрый ливиец Ахми тяжело стонал, умирая с раздавленной грудью.

Пока рабы считали свои потери и перетаскивали умирающих в тень деревьев, воины принесли от реки громадную платформу из дерева — дно от приготовленной для носорога клетки, взвалили на нее связанное чудовище и поволокли на катках к реке.

Кави подошел к начальнику охоты.

— Прикажи им, — этруску показал на воинов, — помочь нам отнести раненых.

— Что ты хочешь с ними делать? — спросил начальник, с невольным уважением оглядывая мощного этруска, измазанного в крови и пыли, лицо которого было полно суровой печали.

— Мы повезем их вниз: может быть, некоторые до-

минут до Та-Кем и его искусных врачей...— хмуро ответил Кави.

— Кто сказал тебе, что вы вернетесь в Та-Кем? — перебил начальник.

Этруск вздрогнул и отступил на шаг.

— Как, разве слова владыки Юга были ложью? Разве мы не свободны?! — закричал Кави.

— Нет, великий не солгал тебе, презренному, — вы свободны! — И с этими словами начальник охоты протянул этруску маленький свиток папируса. — Вот его указ.

Кави бережно взял драгоценный листок, превращавший рабов в свободных людей.

— Если так, то почему... — заговорил он.

— Замолчи, — надменно перебил начальник, — и слушай. Вы свободны здесь, — начальник охоты налег на последнее слово, — и можете идти куда хотите: туда или туда, — рука начальника указала на запад, на юг и на восток, — но не в Та-Кем и не в подвластную ему страну Нуб. Если ослушаетесь — опять станете рабами. Я полагаю, — жестко закончил он, — что, подумав на свободе, вы все вернетесь к ногам нашего господина исполнять начертанное вам судьбой служение избранному народу Черной Земли.

Кави сделал два шага вперед, глаза его загорелись. Он протянул руку к одному из воинов, растерянно взглянувшему на начальника охоты, и смелым движением вырвал у него из-за пояса короткий меч. Этруск поднял блестящее оружие лезвием кверху, поцеловал его и быстро заговорил на своем не понятном никому языке:

— Клянусь верховным богом молнии, богом смерти, чье имя я ношу, что наперекор злодействам проклятого народа я вернусь живым на родину! Клянусь, что с этого часа я не успокоюсь, пока с сильным отрядом не приду на берега Кемт и не воздам сполна за все это!

Кави обвел рукой поляну с разбросанными на ней телами и с силой швырнул меч себе под ноги. Оружие глубоко воткнулось в землю. Этруск резко повернулся и пошел к товарищам, но вдруг возвратился.

— Я больше ни о чем не прошу тебя, — сказал он начальнику охоты, удалявшемуся с последней группой воинов, — только прикажи оставить нам несколько копий, ножей и луков. Мы должны охранять своих раненых от ночных хищников.

Начальник охоты молча кивнул головой и скрылся за кустами, по широкому следу примятой травы, проложенному увезенной к реке платформой с носорогом.

Кави передал товарищам весь разговор. Крики гнева, сдержанные проклятия и бессильные угрозы смешались с тихими, жалобными стонами умирающих.

— О том, что делать, подумаем после! — крикнул Кави. — Сейчас нужно решить, как поступить с ранеными. До реки далеко, мы устали и не донесем товарищей. Отдохнем немного, и пусть пятьдесят человек пойдут к реке, а двадцать останутся на страже — кругом много хищных зверей.

Кави указал на мелькавшие поодаль в траве покатыми пятнистые спины гиен, привлеченных запахом пролитой крови. Огромные птицы с голыми шеями кружили над поляной, спускались и снова взлетали.

Пылала накаленная солнцем сухая земля, едва заметно дрожала сетка солнечных пятен под деревьями, грустно звучали в знойной тишине крики дикого голубя. У людей прошел азарт боя, заболели полученные ушибы, горела и саднила содранная кожа.

Смерть Ремда повергла Кави в уныние — юноша был единственной нитью, связывавшей этруска с далекой родиной. Теперь эта тонкая нить оборвалась.

Кидого, забыв о своих ранах, сидел над Пандионом Молодой эллин, видимо, получил еще какое-то внутреннее повреждение и не приходил в сознание. Сквозь запекшиеся губы чуть слышным, свистящим звуком прорывалось дыхание. Негр несколько раз посматривал на молча лежавших в тени товарищей и наконец вскочил, призывая идти к реке за водой для раненых.

С невольными стонами люди начали подниматься. Сразу подступила нестерпимая жажда, жала и разъедало горло. Если так захотели пить уцелевшие, то что же терпели раненые, немые от потери сил! А до реки напрямик было не меньше двух часов быстрой ходьбы.

Неожиданно за кустами послышались голоса — отряд воинов, численностью до полусотни, нагруженный судами с водой и пищей, показался на поляне. В составе отряда не было египтян — пришли только нубийцы и негры под предводительством двух проводников.

Подошедшие воины сразу умолкли, едва только увидели место побоища. Они направились к дереву, под которым стоял Кави, и, не проронив ни слова, составили

к его ногам глиняные и деревянные сосуды, положили с десяток копий, шесть луков с колчанами, полными стрел, четыре тяжелых ножа и четыре маленьких щита из бегемотовой шкуры, усаженных медными бляшками. Люди с жадностью бросились к кувшинам. Кидого схватил нож и, злобно вращая глазами, заявил, что убьет первого, кто возьмет воду. Воду из двух сосудов поспешно стали вливать в пересохшие рты раненых, потом напились остальные. Воины ушли, так и не сказав ничего.

Среди рабов нашлось двое умевших лечить раны; они принялись вместе с Кави перевязывать товарищей. Сломанные кости Пандиона были заключены в лубки из твердой коры, замотаны полосками ткани из его же набедренной повязки. При этом Кидого увидел сверкающий голубовато-зеленый камень, который был крепко завязан в материю. Негр бережно спрятал его, считая волшебным амулетом товарища.

Лубки пришлось наложить еще двум раненым: одному ливийцу с переломом руки и сухому, мускулисту негру, беспомощно лежавшему с переломанной ниже колена ногой. Состояние остальных было, по-видимому, безнадежно — страшный рог чудовища проник глубоко, повредив внутренности. Некоторые были разможены тяжестью громадного тела носорога и его колоннообразных ног.

Не успел Кави оказать помощь всем раненым товарищам, как среди желтой травы показался темный силуэт спешившего к месту сражения человека. Это был один из местных жителей; он приводил воинов с водой и теперь снова возвращался.

Задыхаясь от быстрой ходьбы, нубиец подошел к Кави и протянул ему обе руки ладонями вверх. Этруск понял этот жест дружбы и ответил тем же. Тогда проводник присел на корточки в тени дерева, опираясь на свое длинное копьё, и быстро заговорил, показывая в сторону реки и на юг. Произошла заминка: нубиец знал не больше десяти слов на языке Та-Кем, а Кави вовсе не понимал нубийца, однако в числе рабов нашлись переводчики.

Оказалось, что проводник отстал от отряда воинов и спешно вернулся, чтобы помочь рабам найти дорогу. Нубиец уверял, что освобожденных рабов прогнали из области, подвластной Та-Кем, а поэтому возвращаться к реке для них опасно — они могут опять очутиться

в работе. Проводник посоветовал Кави идти на запад, где скоро им попадется огромная сухая долина. По ней нужно направиться на юг: там, в четырех днях пути, они встретят мирных кочевников-скотоводов.

— Ты отдашь им вот это,— нубиец извлек из перекинутого через плечо куска ткани какой-то знак, составленный из переплетенных особым образом и изломанных красных веточек,— тогда они примут вас хорошо и дадут ослов для перевозки раненых. Еще дальше на юг будут владения богатого и мирного народа, который не видит Кемт. Там раненые смогут вылечиться. Чем дальше к югу, тем больше будет воды, тем чаще будут литься дожди. В сухом русле, по которому пройдет путь вначале, вы всегда найдете воду, если выкопаете яму в два локтя глубины...

Нубиец встал, торопясь уйти, и Кави хотел поблагодарить его, как вдруг к проводнику подскочил один из рабов-азиатов с длинной, всклокоченной и грязной бородой, с шапкой лохматых волос на голове.

— Почему ты советуешь идти на запад и на юг? Наш дом там! — Азиат указал на восток, в сторону реки.

Нубиец пристально посмотрел на говорившего и медленно ответил, разделяя слова:

— Если ты переберешься через реку, на востоке будет каменистая, безводная пустыня. Если ты перейдешь ее и перевалишь через высокие горы, придешь к берегу моря, где владычествует Та-Кем. Если ты сумеешь переплыть море, там, говорят, пустыни еще страшнее. А в горах и по реке Ароматов живут племена, составляющие в Там-Кем рабов в обмен на оружие. Думай сам!

— А на север нет пути? — вкрадчиво спросил один из ливийцев.

— На севере в двух днях пути отсюда тянется необъятная пустыня: сначала сухие камни и глина, затем пески. Зачем же ты пойдешь туда? Может быть, там есть какие-нибудь дороги и источники, но я их не знаю. Говорю про путь самый легкий и тот, который знаю хорошо...— И, жестом показав, что разговор окончен, проводник вышел из-под дерева.

Кави последовал за ним, обнял за плечи и принялся благодарить, мешая египетские и этрусские слова, потому что подозревал переводчика.

— Мне нечего дать тебе, у меня самого нет ничего,

кроме...— этруск дотронулся до измазанной набедренной повязки,— но в сердце я сохранию тебя.

— Я помогаю вам не для платы, а повинуюсь сердцу,— ответил, улыбнувшись, нубиец.— Кто из нас, издавших гнет Черной Земли, откажется помочь вам, храбрецам, освободившимся такой страшной ценой?! Смотри же, послушайся моего совета и сохрани знак, данный тебе... Еще скажу: источник воды от вас направо, в двух тысячах локтей— вон там, где купались носороги, но лучше всего сегодня же, до наступления ночи, уйти отсюда. Прощай, смелый чужеземец! Привет твоим храбрым товарищам! Я спешу.

Проводник скрылся, а Кави, задумавшись, смотрел ему вслед.

Нет, сегодня они не смогут уйти отсюда и бросить умирающих товарищей на растерзание гиенам. Если вода близко, то тем более нужно оставаться на месте.

Кави вернулся к товарищам, которые обсуждали, что дальше делать. Утолив жажду и подкрепившись пищей, люди стали рассудительнее и осторожно взвешивали последующие действия.

Для всех было ясно, что на север идти невозможно— нужно скорее удаляться от реки, но в вопросе о том, идти ли на юг или на восток, мнения разделились.

Азиаты, составлявшие почти половину уцелевших рабов, не хотели углубляться в страну черных и отстаивали путь на восток. По уверениям нубийцев, за три недели можно было добраться до берегов узкого моря, разделявшего Нубию и Азию, и жители этой страны готовы были решиться снова на путь через пустыню, чтобы поскорее вернуться домой.

Кави был захвачен в рабство во время военного похода. У него в родных местах осталась семья, и он колебался: такой заманчивой казалась ему возможность быстрого возвращения. Изгнание из Кемт явилось для него тяжким ударом, ибо проще всего было вернуться через Кемт, спустившись в лодке по реке вниз до моря. Но опытный, много скитавшийся воин понимал, что кучка людей, затерянная во враждебной стране и в особенности в пустынях, где все колодцы наперечет, сможет просуществовать разве лишь чудом. А чудес в судьбе этруска еще не встречалось, и он не очень в них верил.

Вмешался Кидого, оставивший своего друга для того, чтобы принять участие в совете.

В первый раз негр рассказал о себе. Оказалось, что Кидого был сыном гончара и происходил из богатого и многочисленного народа, обитавшего у морского побережья на западной окраине страны черных. Там в суну глубоко вдавался огромный залив, называемый Южным Рогом¹. Кидого не знал отсюда дороги в родные места, попав в плен на краю великой пустыни, когда держал путь в Кемт, обуреваемый желанием посмотреть чудесного искусного мастерства этого народа. Однако негр рассчитывал, что его страна должна была находиться недалеко на юго-запад от места сражения. Кидого уверял, что сможет узнать правильный путь от того племени, к которому направлял их проводник-нубиец. Кидого обещал всем товарищам гостеприимство, если только они сумеют дойти до той области, где обитает его народ, а этруску заявил, что, по рассказам, слышанным в детстве, корабли людей, похожих на него и на Пандиона, приплывали в его страну из северного моря. Кави, взвесив все, посоветовал товарищам послушаться проводника и уходить на юг. После слов Кидого неведомая страна черных ему не казалась более враждебной. Море, свободное, не подчиненное ненавистному Та-Кем, давало возможность достигнуть родины. Этруску больше верил морю, чем пустыне.

Азиаты протестовали, не соглашались, ливийцы поддерживали этруска, а про негров нечего было и говорить. Все они готовы были идти на юг и на запад — там была их дорога в родные страны.

Азиаты уверяли, что совершенно неизвестно, как они несутся к ним кочевники и особенно тот многочисленный и богатый народ, о котором говорил проводник-нубиец. Что знак, данный им этруску, может быть ловушкой и все они снова попадут в плен.

Тогда негр, лежавший со сломанной ногой, криками и жестами обратил на себя внимание. Торопливо, проглатывая слова и брызжа слюной, он говорил что-то, силится улыбнуться и часто ударяя себя в грудь. Из всей бурной речи, с целым потоком незнакомых слов, Кави понял, что негр принадлежит к тому народу, до которого советникам добраться с помощью кочевников проводник, и что он клянется в миролюбивости своих соплеменников. Тогда этруску решил и стал на сторону негров и ливийцев, против азиатов, продолжавших отстаивать свой план

¹ Южный Рог — древнее название Гвинейского залива.

Но солнце уже склонилось к закату, нужно было подумать о воде и о ночлеге. Этруск предложил каждому подождать до утра. Как ни хотелось всем уйти от ужасного, усеянного трупами места, пришлось остаться на поляне, чтобы не мучить напрасно умирающих, перетаскивая их. Десять человек отправились к указанному нубийцем роднику и принесли полные кувшины мутной теплой воды с запахом глины. По совету негров между деревьями был сооружен вал из колючих веток для защиты от нападения гиен. Со стороны, обращенной к поляне, запылали три костра. Три человека остались дежурить у раненых, десять с копьями уселись у костра. Ночь в этих местах наступает быстро. Еще светились на западе облака, а с севера и востока уже катился черный вал наступающей темноты, затопляя вершины деревьев и зажигая над ними бесчисленные огоньки звезд. Скоро незнакомый с южными странами Кави понял, почему проводник советовал им поскорее уйти отсюда. Вопли шакалов хором поднялись к небу, отрывистый истерический хохот гиен раздавался вокруг. Казалось, сотни зверей сбежались отовсюду, чтобы пожрать не только трупы, но и оставшихся в живых. С поляны доносились возня, рычание, хруст и громкое чавканье. Сладковатый запах быстро разложившихся на жаре трупов распространялся повсюду.

Люди кричали, бросали комья земли и камни, выступали вперед с горящими головнями, но напрасно — хищников становилось все больше.

Вдруг за колючей загородкой послышалось глухое хрипение, громовой рев словно растекся по земле, сотрясая почву. Звери, грызшиеся на поляне, утихли; люди, проснувшись, вскочили; в наступившей тишине громче застонали раненые. Рев приближался — низкий звук невероятной силы, казалось, исходил из огромной трубы. Смутный большеголовый силуэт промелькнул у крайнего дерева — к испуганным людям подходил большой густогривый лев, а впереди него неслышно скользила гибкая, тонкая львица. Копья повернулись в сторону зверей, слабо отблескивая медными наконечниками в пламени неярко горевших костров. Люди с криками швыряли головни в львов, рискуя поджечь траву. Ошеломленные хищники остановились, потом отошли на поляну. Долго стояли люди с копьями наготове, до боли сжимая в руках древки, но нападения не последовало.

Не успели отдыхавшие задремать, как опять громкого рева потряс воздух, за ним последовал другой, третий. Не меньше трех львов бродило вокруг, с появившейся ранее львицей было четыре. Люди поняли, какой непростительной беспечностью с их стороны была небрежно построенная низкая загородка. Четыре челонски с копьями стояли наготове, чтобы отразить возможное нападение сзади, шесть копейщиков оставались стоять за кострами. Никто не спал: вооружась кто чем мог, люди зорко вглядывались в темноту. Новый рев потряс воздух, и у крайнего костра появился огромный лев со светлой гривой. Колеблющееся пламя увеличивало размеры хищника, глаза его, устремленные на людей, излучали зеленое сияние. На несчастье, поблизости стоял один из неопытных в охоте северных азиатов с луком. Устрашенный львиным ревом, он послал меткую стрелу прямо в морду хищника. Рев оборвался протяжным стоном, перешел в хриплый кашель и умолк.

— Берегись! — отчаянно крикнул один из нубийцев

Тело льва взвилось в воздух, хищник прыжком пересек линию костров и очутился среди людей. Победителем носорога нелегко было привести в смятение: копыта оставили льва, впившись ему в бока и грудь, четыре стрелы пронзили гибкое туловище. Два копыта с сухим треском сломались под ударами тяжелой лапы, и в этот же момент три великана-негра, прикрываясь щитами, вошли хищнику в грудь длинные ножи... Лев протяжно и жалобно заревел; люди, обгаренные кровью, отскочили, и вдруг наступило молчание.

Оглушительный вопль победы прокатился по стене. Тело убитого льва было выброшено перед кострами, и товарищи взялись за перевязку двух новых раненых, смодражавших в боевой лихорадке.

Хищники бродили вокруг до рассвета, время от времени издавая потрясающий рев. Ни один из львов не решился повторить нападение.

С рождением нового дня, встававшего в ослепительном блеске, умерли пять тяжелораненых. Еще семь человек оказались мертвыми — ночью в суматохе со львом никто не заметил, когда это произошло. Ахми еще дышал, изредка шевеля серыми губами.

Пандион лежал с открытыми глазами, грудь его поднималась в спокойном и ровном дыхании. Наклонившийся над ним Кидого с ужасом понял, что друг не видит

сто. Однако принесенную воду Пандион сразу выпил и медленно опустил веки.

После завтрака из остатков вчерашней пищи Кави предложил выступить. Азиаты, сговорившиеся еще ночью, побунтовались. Они кричали, что в этой стране, населенной таким множеством страшных зверей, они неминуемо погибнут, что нужно спастись из этой роковой степи, что пустыня привычнее и безопаснее. Как ни уговаривали их Кави и чернокожие, азиаты остались непреклонными.

— Хорошо, пусть будет так,— сказал этруск, решившись.— Я иду на юг с Кидого. Кто с нами — пойдите сюда, кто на восток — отойдите налево.

Немедленно вокруг этруска образовалась толпа черных и светло-бронзовых тел — негры, нубийцы и ливийцы. К Кави присоединились тридцать семь человек, не считая Пандиона и лежавшего на земле негра со сломанной ногой, который напряженно следил за происходящим, приподнявшись на локте.

Тридцать два человека перешли налево и стояли, прямо опустив головы.

Оружие и сосуды для воды были разделены пополам между обеими партиями, чтобы азиаты не связывали свою возможную неудачу с тем, что их обделили товарищи.

Их длиннобородый вождь, едва только дележ был окончен, повел людей на восток, к реке, как будто опасаясь, что привязанность к товарищам поколеблет их решимость. Оставшиеся долго смотрели вслед храбрым друзьям, отделившимся от них на пороге свободы, затем с грустными вздохами вернулись к своим делам. Удача или смерть постигнут товарищей — никогда не узнают они об этом, так же как и доблестные азиаты не будут ничего знать об их неверной судьбе. «Никогда» — вот страшное слово, столь неизбежное для разделенных странствами разных народов.

Этруск и Кидого, осмотрев Пандиона и раненого негра, перенесли их к другому дереву, с тонкими ветками. Когда попробовали приподнять Ахми, из горла ливийца вырвался ужасный вопль, и жизнь покинула мужественного борца за свободу.

Кави посоветовал ливийцам поднять мертвого на дерево и крепко привязать его веревками. Это было тотчас же выполнено; хотя люди знали, что труп будет растер-

зан хищными птицами, но это казалось менее отвратительным, чем дать пищу вонючим гиенам. Молча, не стонав, Кави и Кидого срубили несколько ветвей.

— Что ты делаешь? — спросил, подойдя к этруску, один из высоких негров.

— Носилки. Мы с Кидого понесем его, — Кави указал на Пандиона, — а вы понесете этого, — этруск кинул в сторону негра с ногой в лубке. — Ливиец пойдет без нашей помощи, с рукой на перевязи...

— Мы все понесем того, кто первый вскочил на носорога, — ответил негр, обратившись к товарищам. — Храбрец спас всех. Разве мы можем забыть это? Подожди, мы лучше умеем делать носилки.

Четыре негра ловко принялись за работу. Скоро носилки были готовы: длинные палки, переплетенные веревками, — на месте битвы их осталось много. Между палками негры устроили двойные поперечные распорки, в середине укрепили круглые подушки из твердой коры, обмотанные кусками львиной шкуры. Негр со сломанной ногой следил за работой, радостно улыбаясь; темные глаза его с преданностью смотрели в лица товарищей.

Раненых положили на носилки. Все было готово. Черное кожаное попарно стало у носилок и разом подняли их на вытянутых руках, старательно уместив подушки на головах. Затем носильщики двинулись вперед, размеренно и легко шагая.

Так, не приходя в сознание, Пандион двинулся в неведомый путь.

Два нубийца и негр, вооруженные копьями и луком, взяв на себя обязанность проводников, шли впереди, остальные тридцать человек потянулись гуськом вслед за носилками. В самом хвосте шествия еще трое несли два копья и лук. Путники пошли краем поляны на залив, стараясь не смотреть на останки товарищей и унося щемящее чувство вины, что не смогли уберечь их тела от ночных пожирателей падали.

После полднего отдыха отряд скоро достиг широкого высохшего русла, еще издали выделявшегося на желтой степи двумя полосками окаймлявших его берега кустарников.

По руслу повернули прямо на юг и, не останавливаясь, шли до заката. В этот день не пришлось копать яму для воды — небольшой источник выбивался на поверхность из щели между двумя плитами грубозернистого

сыпкого камня: но людям пришлось основательно потрудиться над местом для ночлега, обнеся его валом из колючих ветвей. Ночью все мирно спали, не пугаясь отдаленного рычания льва и сновавших в темноте гнел.

Второй и третий день пути прошли спокойно. Только раз видели издали черную глыбу пробиравшегося в траве носорога с опущенной головой. Люди в смятении остановились — пережитое вновь ожило в их памяти, грозное и незабываемое. Путники прилегли в траве. Носорог поднял голову; опять, как и в тот страшный час, люди увидели изогнутые, широко расставленные уши и торчащий между ними конец рога. Складки толстой кожи обрамляли плечи животного и нависали у начала расставленных передних ног, утопавших в траве. Массивное чудовище неподвижно стояло и, повернувшись, двинулось в прежнее направлении.

Небольшие стада маленьких желто-серых антилоп попадались часто; убитые стрелами животные служили вкусной пищей.

На четвертый день сухое русло расширилось и исчезло, желтая глинистая почва уступила место странной ярко-красной земле¹, тонким слоем покрывавшей раздробленный гранит. Округлые холмы гранита выступали темными пятнами на красной унылой равнине. Трава исчезла, вместо нее из земли торчали жесткие листья, похожие на воткнутые прямо в рыхлую почву связки острых и узких мечей². Проводники тщательно обходили заросли этих растений с острыми, режущими, как бритва, краями жестких листьев.

Красная долина расстилалась впереди, розовые клубы пыли вихрились, поднимаясь столбами и рассеивая блеск солнечных лучей. Жара истомила идущих, но люди продолжали путь, тревожась, что эта безводная равнина окажется очень большой. Русло с его подземным потоком воды осталось позади. Кто знает, когда удастся найти воду, столь необходимую человеку в этой жаркой стране!

С вершины одного из гранитных холмов заметили, что вдали пролегает золотистая черта — там, видимо, кончалась красная почва и вновь шла травянистая степь. Действительно, тени удлинились только наполовину от

¹ Л а т е р и т — красная железистая почва, образующаяся в южных странах при выветривании изверженных пород.

² С а н с е в е р и я — оригинальное растение сухих латеритовых степей.

полудня, а путники уже шагали по шелестящей траве, более низкой, чем раньше, но зато и более густой. В стороне виднелось широкое зеленое облако, казалось, парившее в воздухе над синевато-черным пятном собственной тени — могучее «дерево гостей» приглашало под свой кров. Проводники повернули к нему. Утомленные люди прибавили шагу, и скоро носилки с ранеными стояли в тени у ствола, глубоко разделенного продольными желобами на отдельные закругленные ребра.

Несколько негров составили живую лестницу и взобрались на могучие ветви. Восторженные вопли послышались сверху — чернокожие не ошиблись в своих расчетах: внутреннее дупло толстого ствола, не менее пятнадцати локтей в поперечнике, содержало воду недавних дождей. Сосуды наполнились прохладной темной водой. Негры сбросили сверху длинные, заостренные с обоих концов плоды громадного дерева. Каждый плод, в человеческую голову величиной, содержал под своей тонкой твердой скорлупой желтоватое мучнистое вещество, кисло-сладкое, замечательно охлаждавшее горячие, пересохшие рты путников. Кидого разбил два плода, отделил множество мелких косточек, растер содержимое с небольшим количеством воды и принялся кормить Пандиона.

К радости негра, молодой эллин ел с охотой и сегодня в первый раз приподнял голову, стараясь оглядеться кругом (на носилках во время перехода лицо Пандиона обычно покрывали большими листьями, сорванными вблизи источников). Руки Пандиона с усилием дотянулись до Кидого, слабые пальцы пожалы кисть негра. Широко раскрытые глаза эллина потеряли прежнюю остроту взгляда и были мутны и жалки.

Кидого взволнованно спросил друга, как он себя чувствует, но не добился ответа. Глаза раненого опять закрылись, будто слабая вспышка воскресающей жизни утомила его без меры. Кидого оставил друга в покое и поспешил передать этруску радостную весть. Кави, еще более посуровевший со страшного дня битвы, подошел к носилкам и долго сидел, вглядываясь в лицо товарища. Этрусск старался, положив руку на грудь Пандиона, он разделить силу биения сердца юноши.

В это время раздался голос нубийца, забравшегося на верхушку дерева, чтобы осмотреть дорогу. Он кричал, что далеко впереди, почти у самого горизонта, видны тем-

ные рамки колючих изгородей, какие делают скотоводы-кочевники для защиты своих стад от хищных зверей.

Было решено заночевать под деревом и, выступив на рассвете, пораньше дойти до становища кочевников. К закату густые облака затянули небо, беззвездная ночь была необычайно тиха и темна, бархатно-черная тьма не давала возможности разглядеть руку, поднесенную близко к глазам.

Вскоре извивающиеся молнии опоясали кольцом небо, рокот грома непрерывно раскатывался вдали. Количество вспышек молнии все возрастало, небо зазмеилось сотнями слепящих огней, похожих на гигантские сухие ветви. Гром сотрясал все кругом, голубой огонь ослеплял людей, желавших покинуть свое убежище. Вдали послышался шум, быстро усиливающийся и превратившийся в рев. Это подходила стена неистового дождя. Дерево заколебалось — целое море рухнуло с неба. Каскады прохладного дождя со страшным шумом разбивались о землю, вокруг дерева сразу образовался глубокий слой воды, покрывший выступы толстых корней. В чередующейся быстрой смене тьмы и сплошного огня казалось, что вся степь неминуемо будет затоплена — настолько велика была масса дождя, низвергавшегося кругом. Однако скоро сверканье молний прекратилось, дождь стих, и звездное небо раскинулось над напившейся степью; слабый ветерок понес густое благоухание невидимых трав и цветов. Ливийцы и этруск опешили при виде грозы, показавшейся им страшной катастрофой, но негры, весело смеясь, заявили, что это самый обыкновенный в дождливое время ливень, и даже не очень сильный. Кави только покачал головой, говоря себе, что если такой дождь здесь считается обыкновенным, то, без сомнения, им придется испытать в стране черных совершенно необычайные приключения. Догадка не обманула этруска.

На следующий день пути внезапно послышался лай собаки. Из дымки испарений, скрывавшей даль, проступили длинные колючие изгороди, за которыми прятались низкие шалаши кочевников.

Толпа людей, одетых в фартуки из кожи, окружила путников. Скуластые лица были непроницаемы, узкие темные глаза недоброжелательно смотрели на египетское вооружение в руках бывших рабов. Однако знак, данный нубийцем, произвел самое благоприятное впечатление. Из толпы выделились пять человек, украшенных черны-

ми и большими перьями, в высоких прическах, поддерживаемых круглыми плетенками из черенков листьев.

Язык кочевников был понятен нубийцам — скоро пришельцы сидели в тесном кругу слушателей, попивая кислое молоко. Рабы-нубийцы рассказывали свою историю. Перебивая друг друга, они вскакивали в воодушевлении, сопровождаемые хором удивленных восклицаний. Украшенные перьями вожди только хлопали себя по бедрам. Велика сила одинаковых чувств у людей, подверженных одинаковым невзгодам, а дружеская помощь делает чудеса!

Кочевники отрядили шесть человек с десятью ослами для облегчения пути чужеземцев. Посланные должны были проводить путников до большого селения оседлого народа, находившегося еще в семи днях пути к юго-западу, на берегу непересыхающей речки.

Носилки были переделаны и укреплены на четырех ослах, другие животные повезли воду, кислое молоко и жесткий сыр в крепких кожаных мешках. Люди, не неся тяжести, могли делать теперь большие переходы и проходить в день не меньше ста двадцати тысяч локтей.

День проходил за днем. Под знойным ослепительным солнцем лежала беспредельная степь, то истомленная жарким безмолвием, то катившая широкие волны травы под ветром. Все дальше углублялись бывшие рабы в дикие просторы юга, наполненные неисчислимыми стадами животных. Сначала непривычные глаза не разбирались в проносившихся мимо или полускрытых травой скопищах — виднелись спины, торчали рога, короткие и изогнутые или длинные и прямые, как копыта, или спирально закругленные. Потом путники научились различать их породы — длиннорогих ориксов, громадных и кротких красных оленебыков, косматых, с безобразной горбоносой мордой гну, антилоп величиной с маленького теленка, странных, большеухих, танцевавших на задних ногах под деревьями¹.

Желтая трава в рост человека с жесткими стеблями шелестела вокруг, как необозримое хлебное поле. Ее золотящееся под солнцем пространство испещрялось пятнами свежей зелени вдоль сухих русел и луж, теперь наполнившихся водой. Вдали в поверхность степи воили

¹ Антилопа Уэллера — (геренук) с длинной шеей, вставившая на задние ноги, чтобы достать листья деревьев,

лись голубые и фиолетовые отроги гор, валами вздымавшихся на горизонте.

Деревья то становились чаще, скопляясь в высокие острова, темневшие над головой, то снова разбегались в разные стороны далеко друг от друга, как стая испуганных птиц. Чаще всего это были такие же зонтикообразные акации, какие поразили Кави в момент первого знакомства с золотой степью, — колючие стволы разворачивались от корня широкой воронкой, напоминая опрокинутые вершиной вниз конусы. Иногда у деревьев были более толстые и короткие стволы, также разворачивавшиеся массой ветвей, и тогда их кроны, густые и темные, походили на широкие зеленые купола или опрокинутые чаши. Пальмы издалека выделялись своими парными развилинами ветвей, усаженными на концах растрепанными ножевидными перьями темных листьев.

Кави замечал, как с каждым днем негры и нубийцы, неловкие и недогадливые в Та-Кем или на воде большой реки, здесь становились все более сильными, решительными и уверенными. Угрюмый этруск замечал, что хотя его авторитет предводителя и остается непоколебимым, но сам он теряет уверенность в себе на этой чужой земле с неизвестными ему законами жизни.

Ливийцы, так хорошо проявившие себя в пустыне, казались беспомощными. Они боялись степи, населенной тысячами зверей, в траве им чудилось множество опасностей, невиданные угрозы сопровождали каждый их шаг.

Путь и в самом деле был нелегким. Встречались заросли травы, шишки которой источали миллионы мелких колючек¹, впивавшихся в кожу, вызывая нестерпимый зуд и нагноение. Множество хищников укрывалось в жаркие часы дня под деревьями. Иногда в тени, казавшейся черной пещерой, между пучками ярко освещенной травы возникала гибкая пятнистая фигура леопарда.

Негры с изумительной ловкостью подкрадывались к красным антилопам, и сочное, вкусное мясо всегда было в изобилии у бывших рабов, все более крепнувших от сытной пищи. Когда вдали появлялась масса серо-черных тел огромных быков² с широкими, опущенными вниз рогами, негры подавали тревожный сигнал, и отряд по-

¹ Колючие шишки травы асканита.

² Африканские буйволы.

спешно отступал к ближайшим деревьям, спасаясь от этих страшных обитателей африканских степей.

Проводники, должно быть, неточно оценили расстояние: путники двигались уже девять дней, а признаков близости человеческого жилья все еще не встречалось. Рука ливийца зажила, негр со сломанной ногой уже сидел на носилках и вечером на привалах весело подпрыгивал и смешно ковылял около костра, радуя товарищей своим выздоровлением. Только Пандион по-прежнему лежал немой и безучастный, хотя теперь Кидого и Кави заставляли его больше есть.

А буйная жизнь степи все больше расцветала вокруг от дождей.

Миллионы насекомых гулко звенели и жужжали над травой, яркие птицы мелькали синими, желтыми, изумрудно-зелеными и бархатно-черными видениями среди переплета серых корявых ветвей. В знойном воздухе все чаще раздавались звучные крики маленьких дроф: «мак-хар! мак-хар!»

Кави ближе познакомился с исполинами Африки.

Бесшумные и спокойные серые глыбы слонов нередко проплывали над травой, гигантские кожистые уши топырились в сторону людей, блестящая белизна бивней резко выделялась около извивающихся темных хоботов. Мощные животные нравились этруску — их мудрое поведение так сильно отличалось от беспокойства антилоп, злобы носорогов, напряженной вкрадчивости хищников. Иногда людям удавалось подглядеть отдых величественных гигантов: стадо, укрываясь в тени деревьев, неподвижно стояло, тесно скучившись. Громадные старцы самцы низко склоняли свои лобастые, отягченные изогнутыми бивнями головы; самки, с более плоскими лбами, держали во сне головы выше. Один раз шедшие впереди наткнулись на одинокого старого слона. Гигант спал, стоя прямо на жаре. Он заснул, очевидно, в тени, потом солнце передвинулось, а слон, разоспавшись, почувствовал зноя. Кави долго любовался мощным великаном.

Слон стоял, как изваяние, слегка расставив задние ноги. Опущенный хобот был согнут в кольцо, маленькие глаза закрыты, тонкий хвост свисал с покатога зди. Толстые, изогнутые бивни грозно торчали вперед, концами широко расходясь в стороны.

Там, где деревья были более редкими, часто встречи

лись животные необычного вида. Их длинные ноги несли короткое тело с крутой, покатою назад спиной. Передние ноги были гораздо длиннее задних. Спина от массивных плеч и широкой груди переходила в необычайно длинную, наклоненную вперед шею, на которой сидела небольшая голова с короткими рожками и большими трубчатыми ушами. Это были жирафы. Животные встречались стадами от пяти до сотни штук. Незабываемое зрелище представляло собою большое стадо жирафов на открытом месте: казалось, лес, склоняемый ветром, перемещался в ярком свете, отбрасывая пятна причудливых теней. Жирафы двигались то рысью, то странными скачками, подгибая передние ноги и далеко вытягивая задние. Их пестрая шкура — светло-желтая сетка узких полосок, разделенных большими черными неправильными пятнами, удивительно походила на тень от деревьев, под которыми животные были совершенно невидимы. Они осторожно срывали губами листья с высоких ветвей, насыщаясь без жадности; их большие чуткие уши поворачивались во все стороны.

Часто над волнующимся морем травы возникал ряд шей — эти странные животные медленно двигались, неся на высоте десяти локтей от земли гордые головы с блестящими черными глазами.

Сдержанные движения жирафов были красивы, безвредные животные вызывали невольную симпатию.

Не раз путешественники слышали сквозь стену травы злобное фырканье носорога, но они уже научились избегать плохо видящих свирепых чудовищ, и возможная встреча более не повергала бывших рабов в ужас.

Путники двигались гуськом, ступая след в след по темным коридорам высокой травы, — только копыта да головы, обмотанные тряпьем и листьями, раскачивались над примятыми стеблями. По сторонам без конца тянулись однообразная колеблющаяся стена. Трава и пылающее небо преследовали путников днем, травяные стены сплились им по ночам, им казалось, что они навсегда застряли в душной шелестящей бесконечности. Только на десятый день перед отрядом показалась задернутая голубой дымкой низкая гряда утесов. Поднявшись на них, путники оказались на щебнистом плоскогорье, поросшем кустарником и безлистыми деревьями, ветви которых, как множество растопыренных рук, угрюмо тяну-

лись к псбу¹. Ядовитый зеленый цвет был одинаков у низких стволов и ветвей; деревья напоминали округлые щетки, ровно подстриженные сверху и поставленные на коротких палках. В зарослях этих деревьев господствовал терпкий, резкий запах, хрупкие ветви легко ломались от ветра, и в местах излома выделялся обильный сок. Он был похож на густое молоко и застывал длинными серыми каплями. Проводники спешили пересечь этот необычайный лес, уверяя, что если ветер окрепнет, то хрупкие деревья начнут валиться вокруг и могут задавить людей.

За деревьями опять расстилалась степь, всхолмленная и поросшая зеленой свежей травой. С вершины холма перед путниками неожиданно открылись возделанные поля, примыкавшие к полосе густого и высокого леса. В глубине леса был виден просвет, там на возвышенности расположилось множество конических хижин. Холм был обнесен массивным частоколом. Тяжелые, из неровных бревен ворота смотрели прямо на путников, украшенные сверху гирляндой побелевших на солнце льняных черепов.

Высокие суровые воины вышли из ворот навстречу медленно поднимавшемуся в гору отряду бывших рабов. Местные жители походили на нубийцев, только их кожа была несколько более светлого бронзового оттенка.

В руках воины сжимали большие копья с огромными наконечниками, похожими на узкие мечи. Воины опирались на большие щиты, разрисованные черно-белым орнаментом. Дубины из черного дерева, очень твердого и тяжелого, висели на поясах из шкуры жирафов.

Со склона холма открывалась живописная местность. На золотой степной траве четко выделялась свежая изумрудная зелень речных берегов, обрамлявшая узкую голубоватую ленту блестящей реки. Слабо трепетали кустарники, увенчанные розовыми пушистыми клубками. С деревьев свисали гроздья желтых и белых цветов.

Долго тянулись предварительные переговоры. Переводчиком выступил негр со сломанной ногой, уверявший, что происходит из этого народа. Опираясь на палку, он поскакал на одной ноге к воинам, сделав знак своим товарищам остановиться.

Кави, раб со сломанной ногой, Кидого, один нубийский

¹ Канделябровый молочай из группы молочайных, висит на кактусе (характерное растение африканской пустыни).

одни из кочевников были впущены в ворота и отведены к хижину вождя.

Нетерпеливо ждали возвращения товарищей оставшиеся перед воротами, неизвестность томила их. Только Пандион, неподвижный и безучастный, лежал на снятых с ослов носилках. Казалось, что прошло очень много времени. Наконец в воротах появился этруск, сопровождаемый целой толпой мужчин, женщин и детей. Жители селения приветливо улыбались, размахивали широкими листьями и говорили непонятные, но звучавшие дружелюбно слова.

Ворота раскрылись, бывшие рабы пошли между большими хижинами, сооруженными в виде правильных глинобитных колец, покрытых коническими шапками из длинных стеблей жесткой травы.

На поляне под двумя деревьями стояла очень большая хижина с навесом перед входом. Здесь собрались вожди для осмотра прибывших. Вокруг теснились почти все жители деревни, взволнованные необыкновенным происшествием. По просьбе главного вождя негр со сломанной ногой повторил рассказ о страшной охоте на носорога, часто показывая на спокойно лежавшего Пандиона.

Жители селения выражали криками восторга, удивления и ужаса свои впечатления о неслыханном деле, совершенном по повелению грозного фараона Та-Кем.

Главный вождь поднялся и обратился к своему народу с короткой речью, непонятной для прибывших. Одобрительные крики были ответом. Тогда вождь подошел к выжидательно стоявшим путникам и, обедев рукой вокруг деревни, наклонил голову.

Кави через переводчика-негра поблагодарил вождя и народ за гостеприимство. Путники приглашались вечером на пир в честь их прибытия.

Толпа жителей окружила носилки Пандиона. Мужчины смотрели на раненого с уважением, женщины — с состраданием. Девушка в синем плаще смело вышла из толпы и склонилась над молодым эллином. Казалось, Пандион, загоревший за долгое время пребывания под солнцем Черной Земли и страны Нуб, отличался от других обитателей южных степей лишь светлым, золотистым тоном кожи. Однако спутавшиеся и сбившиеся кудри его отросших волос, правильные черты похудевшего лица при более близком рассмотрении выдавали происхождение чужеземца.

Движимая жалостью к красивому, беспомощно распростертому молодому герою, девушка осторожно протянула руку и ласково отодвинула со лба Пандиона прядь волос, упавших на лицо.

Медленно поднялись отяжелевшие веки, широко раскрылись глаза невиданного золотого цвета, и девушка слегка вздрогнула. Но глаза незнакомца не видели ее, потускневший взор был безучастно устремлен на качавшиеся вверх ветви.

— Ирума! — окликнули девушку подруги.

К носилкам подошли Кидого и Кави, подняли и унесли раненого друга, а девушка осталась на месте, потупив взгляд и вдруг сделавшись такой же неподвижной и безучастной, как привлекший ее внимание молодой эллин.

Глава шестая

ТЕМНАЯ ДОРОГА

Заботливый уход Кидого и Кави сделал свое дело — сломанные кости Пандиона срослись. Но прежняя сила не возвращалась к молодому эллину. Ленивый и безвольный, он целыми днями лежал в полутьме просторной хижины, вяло и односложно отвечал на вопросы друзей, нехотя ел и не делал попыток подняться. Он сильно исхудал, лицо его с запавшими, обычно закрытыми глазами обросло мягкой бородкой.

Пора было двигаться в далекую дорогу к морю и родине. Кидого давно во всех подробностях расспросил у местных жителей путь к берегам Южного Рога.

Из тридцати девяти бывших рабов, нашедших убежище в селении, двенадцать ушли в разные стороны — они жили когда-то в этой же стране и могли без особых трудов и опасностей скоро попасть на родину.

Оставшиеся торопили Кидого с выступлением. Теперь, когда они стали свободными и сильными, далекая родина влекла их все сильнее; каждый день, проведенный на отдыхе, казался преступлением. И поскольку возвращение зависело от Кидого, они одолевали их просьбами и напоминаниями.

Кидого отделялся неопределенными обещаниями — он не мог покинуть Пандиона. После этих разговоров

негр часами просиживал около постели друга, терзаясь сомнениями и задавая себе один и тот же вопрос: когда же в состоянии больного наступит перелом? По совету Кави Пандиона выносили из хижины и укладывали около входа в часы, когда начинала спадать жара. Однако и это не принесло заметного улучшения. Пандион оживлялся только во время дождя — грохот грома и рев потоков заставляли больного приподниматься на локте и прислушиваться, как будто в этих звуках он улавливал неведомые остальным зовы. Кави нашел двух местных знахарей. Они окурили больного едким дымом трав, закопали в землю горшок с какими-то кореньями, но состояние молодого элина не улучшилось.

Однажды, когда Пандион лежал около хижины и Кави, вооружась маленькой веточкой, лениво отгонял от него жужжащих мух, к ним приблизилась девушка в синем плаще. Это была Ирума, дочь лучшего охотника селения, та, которая обратила внимание на Пандиона еще в первый день прихода путников.

Девушка вынула из-под плаща тонкую, зазвеневшую браслетами руку — в ней был небольшой плетеный мешочек. Ирума сунула его Кави — этруск уже научился немного понимать туземцев — и объяснила, что это волшебные орехи из западных лесов, которые должны излечить больного. Девушка пыталась растолковать этруску, как приготовить из них лекарство, но Кави ничего не понял. В смущении Ирума поникла головой, но сейчас же вновь оживилась, попросила этруска дать ей плоский камень, которым дробили зерна, и принести чашку с водой. Этруск, ворча что-то себе под нос, направился в хижину. Девушка оглянулась по сторонам и опустилась на колени у изголовья больного, вглядываясь в его лицо. Маленькая рука легла на лоб Пандиона. Послышались тяжелые шаги Кави, и девушка поспешно отдернула руку.

Она высыпала из мешочка орехи, похожие на каштаны, разбила их, растерла ядрышки на камне и превратила в жидкую кашу, смешав с молоком, принесенным только что пришедшим Кидого. Негр, едва увидев орехи, испустил радостный вопль и весело запрыгал вокруг хмурого этруска.

Кидого объяснил недоумевающему Кави, что в западных лесах и в лесах его родины растет небольшое дерево со стройным стволом. Ветки дерева постепенно укорачиваются к вершине, так что оно кажется заостренным

кверху¹. На нем растет множество орехов, обладающих чудесным свойством исцелять больных, возвращать силы изнуренным, уничтожать усталость и давать веселье и радость здоровым.

Девушка накормила больного кашицей из волшебных орехов, затем все трое уселись у постели и стали терпеливо ожидать. Прошло несколько минут. Слабое дыхание Пандиона сделалось сильным и мерным, кожа на запавших щеках порозовела. С этруска слетела его угрюмость. Он как зачарованный следил за действием таинственного лекарства. Вот молодой эллин громко вздохнул и вдруг, широко раскрыв глаза, приподнялся и сел.

Солнечные глаза Пандиона скользнули с этруска на Кидого и замерли, обращенные в упор на девушку. Молодой эллин с удивлением смотрел на лицо цвета темной бронзы с поразительно гладкой, какой-то очень упругой кожей.

Приспущенные внутренние уголки длинных глаз пересекались у переносицы маленькими складочками, полными лукавства. Сквозь прищуренные веки поблескивали очень ясные белки, ноздри широкого, но правильного носа нервно раздувались, утолщенные яркие губы в открытой и застенчивой улыбке обнажали жемчужный ряд крупных зубов. Все ее круглое лицо было так полно задорного и нежного лукавства, что Пандион невольно улыбнулся. И тотчас золотистые глаза молодого эллина, за минуту до этого тусклые и равнодушные, засияли и заискрились. Смущенная Ирума опустила ресницы и отвернулась.

Пораженные друзья пришли в восторг — в первый раз после рокового дня битвы с носорогом их друг улыбнулся. Волшебное действие диковинных орехов было совершенно бесспорным. Пандион сидел и жадно расспрашивал товарищей о всех происшествиях со дня его ранения, перебивая их объяснения быстрыми вопросами, похожий на опьяненного чем-то человека.

Ирума поспешно удалилась, пообещав к вечеру прийти узнать о здоровье юноши. Пандион много и с удовольствием ел и продолжал расспросы. К вечеру, однако, действие лекарства прекратилось, прилив жизни угас, и снова дремотное безразличие охватило молодого эллина

¹ Дерево из семейства стеркулиевых, дающее орехи кола, ныне известное во всем мире как великолепное тонизирующее средство.

Пандион лежал в хижине. Этруск и негр советовались, нужно ли снова дать ему волшебные орехи, и решили спросить об этом у Ирумы.

Девушка пришла в сопровождении отца — высокого атлета с рубцами от львиных когтей на плечах и груди. Отец и дочь долго совещались, несколько раз охотник пренебрежительно отмахивался от девушки, сердито тряся головой, потом шумно расхохотался и слегка ударил ее по спине. Ирума досадливо передернула плечами и пошла к друзьям.

— Отец сказал — много орехов давать нельзя, — объявила она негру, видимо считая его более близким другом больного. — Орехи нужно давать один раз в середине дня, чтобы больной хорошо ел...

Кидого ответил, что знает действие этих орехов и будет делать, как ему сказано.

В это время отец девушки посмотрел на больного, покачал головой и сказал дочери несколько слов, непонятных ни Кави, ни Кидого. Ирума вдруг сделалась чем-то похожей на большую рассерженную кошку — так заблестели ее глаза. Верхняя губа чуть приподнялась, показав край зубов. Охотник добродушно усмехнулся, махнул рукой и вышел из хижины. Девушка склонилась над Пандионом и долго всматривалась в его лицо, потом, словно спохватившись, тотчас пошла к выходу.

— Завтра вечером я буду лечить его сама по обычаю нашего народа, — решительно объявила она перед уходом. — Издавна женщины так лечат у нас больных или раненых. У твоего друга ушла душа радости — без нее ни один человек не захочет жить. Нужно вернуть ее!

Кидого, подумав над словами девушки, решил, что Ирума права. Пандион после всех испытанных потрясений действительно утратил интерес к жизни. Что-то в нем надломилось. Но способ лечения, о котором говорила Ирума, негр так и не смог себе представить, как ни ломал голову. Ничего не придумав, он улегся спать.

На следующий день Кидого снова накормил друга кашцей из орехов. Пандион опять сидел, разговаривал и, к радости друзей, ел с большим аппетитом. Молодой эллин все время посматривал по сторонам и наконец спросил о вчерашней девушке. Кидого скорчил веселую гримасу, подмигнул этруску и предупредил Пандиона, что сегодня вечером эта девушка будет его лечить танц-

ственным и никому не известным образом. Пандион сначала заинтересовался, а потом, видимо, когда окончился срок действия орехов, опять впал в обычную апатию. Тем не менее Кави и Кидого нашли, что вид больного за эти два дня значительно изменился к лучшему. Их друг по рочался чаще и дышал громче, чем обычно.

Едва солнце склонилось к западу, селение, как обычно, наполнилось едким запахом горящего хвороста и монотонным глухим стуком больших ступок, в которых женщины дробили для еды мелкие зерна какого-то возделываемого здесь растения¹.

Черной кашей из этих зерен с приправой из молока и масла питались здесь все жители.

Сумерки быстро превратились в ночь. Внезапно по затихшему селению пронесся глухой рокот барабана. Шумная толпа молодежи приблизилась к хижине трех друзей. Впереди шли четыре девушки с факелами, окружая двух согбенных старух в широких темных плащах. Юноши подхватили больного и под громкие крики толпы понесли его на другой край селения, примыкавший к расчищенной опушке леса.

Кави и Кидого последовали за толпой. Этруск недовольно посматривал по сторонам с видом, говорившим, что он не ждет ничего хорошего от этой затеи.

Пандиона принесли в огромную пустую хижину, не менее тридцати локтей в поперечнике, и уложили у центрального столба, спиной к широкому входу. Несколько факелов из рыхлого дерева, пропитанного пальмовым маслом, укрепленных на столбе, ярко освещало центр хижины. Стены под низко опускавшимися краями крыши скрывались в полумраке. Хижина была полна женщин — юные девушки и старухи сидели вдоль стен, оживленно переговариваясь. Какая-то старуха дала Пандиону темного питья, сразу подбодрившего юношу.

Из выдолбленного слоновьего бивня раздался резкий дрожащий звук — в хижине наступила тишина, и все мужчины поспешно покинули помещение. Этруск и Кидого, пытавшиеся остаться, были бесцеремонно вытолкнуты в темноту. Группа безобразных старух столпилась у входа, заслоняя происходившее в хижине от глаз любопытных. Кави уселся поблизости от хижины, решив ни за что не уходить до конца таинственного дела. К нему,

¹ Про́со элевзина — африканское просо с шишками, усеянными множеством мелких черных зерен.

скаля зубы и посмеиваясь, присоединился Кидого — он верил в способы лечения, существующие у южных народов.

Две девушки осторожно приподняли больного и усадили, прислонив спиной к столбу. Пандион удивленно оглядывался по сторонам, встречая в полумраке блестящие белки глаз и зубы смеющихся женщин. Хижина была увешана изнутри пучками какого-то душистого растения¹. Широкая гирлянда шла кольцом вокруг хижины по внутреннему карнизу крыши, тонкие веточки этого же кустарника оплетали столб, к которому прислонился Пандион. Все было наполнено терпким, бодрящим ароматом растения — этот запах дразнил и тревожил Пандиона, напоминая что-то бесконечно близкое и манящее, но безвозвратно забытое.

Прямо перед эллином расположились несколько женщин. При свете факелов белели две длинные изогнутые трубы из слоновых клыков, круглыми боками выделялись темные барабаны — отрезки выдолбленных толстых стволов дерева.

Снова прозвучал дрожащий звук трубы. Старухи поставили перед Пандионом деревянную статуэтку женщины с грубо выделенными мощными формами.

Высокие женские голоса начали тихую песню — полились медленные переливы гортанных звуков и тоскливых вздохов, убыстрявшиеся и нараставшие, ширясь и поднимаясь все выше, порывисто и стремительно. Внезапно гулкий удар барабана потряс воздух. Пандион невольно вздрогнул. Песня умолкла, на грани света и тени показалась девушка в синем плаще, уже знакомая Пандиону. Она вступила в освещенный факелами круг и как бы в нерешительности остановилась. Опять зазвучала труба, ее стон был подхвачен неистовым воплем нескольких старух. Девушка отбросила назад плащ и осталась в пояске из плетеной гирлянды душистых ветвей.

Свет факелов переливался туманными бликами на блестящей темно-бронзовой коже. Глаза Ирумы были сильно подкрашены синевато-черной краской, на руках и ногах сверкали начищенные медные кольца, недлинные, круто вьющиеся черные волосы разметались по гладким плечам.

Мерно и глухо зарокотали барабаны. В такт их мед-

¹ Э л е л е ш о — душистое растение Судана, родственное нашему тархуну.

ленным ударам девушка, тихо переступая голыми ногами, приблизилась к Пандиону и гибким, звериным движением склонилась перед статуэткой неведомой богини, простирая вперед руки в томительном и страстном ожидании. Восхищенный Пандион следил за каждым жестом Ирумы. Сейчас и тени лукавства не было на лице девушки — серьезная, строгая, с нахмуренными бровями, она, казалось, прислушивалась к голосам своего сердца. По протянутым к Пандиону рукам волнами двигались напрягшиеся мускулы. Эти волны сбегали от гладких плеч к покачивавшимся перед лицом Пандиона пальцам, как будто каждая частица ее тела стремилась к нему. Молодой эллин никогда не видел ничего подобного таинственная жизнь рук сливалась с вдохновенным порывом поднятого вверх лица девушки.

Неистово затрубили рога из слоновой кости. Внезапный звенящий удар остановил дыхание Пандиона — медные листы, ударяемые друг о друга, загремели и зазвенели победно и радостно, заглушая отрывистое звучание барабанов.

Девушка откинулась назад крутой блестящей дугой. Потом маленькие ноги медленно пошли по гладко утрамбованному полу — танцовщица двигалась по кругу робко и нерешительно, исполненная застенчивого смущения.

Озаренная ярким светом факелов, девушка казалась вылитой из темного металла. Отступая в полумрак, она двигалась там легкой, почти невидимой тенью.

Тревожный рокот барабанов становился все стремительнее, дико гремели медные листы, и, повинувшись этим яростным звукам, медленный танец все ускорялся.

В такт низкому дрожащему звону меди быстро поплыли крепкие, стройные ноги, сплетались вместе, замирали и вновь плавно скользили, едва касаясь пола.

Плечи и высоко поднявшаяся грудь оставались неподвижными, а напряженные руки Ирумы, с мольбой протянутые к изображению богини, изгибались медленно и плавно.

Оборвался настойчивый стук барабанов, смолкла гремящая медь, и только тоскливые вскрики труб изредки нарушали наступившую тишину, в которой звенели и бряцали браслеты Ирумы.

Странное движение мышц под гладкой кожей девушки поразило Пандиона. Нигде не выступая отчетливо, они переливались и струились, как вода на поверхности ручья,

и линии тела Ирумы бежали перед глазами молодого скульптора чередой неповторимых изменений. В них были плавный ритм морского простора и широкий, порывистый разлив ветра по золотой степи.

Мольба, в начале танца отраженная в каждом движении девушки, теперь уступила место властному стремлению. Пандиону казалось, что перед ним струится сам огонь жизни, но вся древняя сила женской красоты явилась ему в бронзовых отблесках света и мощном громе музыки.

В душе молодого эллина вновь вспыхнула жажда жизни, ожили бывшие мечты, раскрылся широкий и таинственный мир.

Умолкли трубы. Низкий и грозный рокот барабанов слился с пронзительными воплями женщин, медные листы гремели, как близкий гром, и вдруг наступила тишина. Пандион услышал стук собственного сердца.

Девушка неистово закружилась и внезапно замерла, вытянув гибкое тело, как струна. И вдруг беспомощно опустила руки, дрожащая и истомленная. Колени ее подогнулись, блеск глаз потух. Печально вскрикнув, Ирума упала перед статуей богини. Упав, девушка осталась неподвижной, только грудь вздымалась от учащенных вздохов.

Ошеломленный Пандион вздрогнул. Стремительный танец оборвался криком печали.

Гул восторженных голосов наполнил хижину.

Четыре женщины, шепча невнятные слова, подняли и унесли Ируму в глубь хижины. Древняя деревянная статуя была мгновенно убрана. Женщины поднялись, возбужденные, с горящими глазами. Они громко переговаривались, показывая на чужеземца. Старухи у входа раступились, пропустив Кидого и Кави, которые кинулись к другу с расспросами. Но молодой эллин не мог и не хотел говорить сейчас. Оба друга унесли его домой, и Пандион долго лежал без сна, под впечатлением необычайного танца.

Могущественные ли орехи или колдовство танца великой богини сделали свое дело — Пандион стал поправляться.

Когда он избавился от потрясения, полученного в борьбе с носорогом, в его молодом теле не оказалось никакого серьезного изъяна, и оно с поразительной быстротой восстанавливало былую силу. И юноша занялся фи-

зическими упражнениями, чтобы по-прежнему быть равным своим товарищам.

Через три дня молодой эллин дошел без чужой помощи до дома охотника — ему хотелось снова увидеть Ируму.

Девушки не оказалось дома, зато ее отец принял чужеземца ласково и приветливо, угостил вкусным пивом и долго старался что-то объяснить, жестикулируя и хлопая Пандиона по плечам и груди. Молодой эллин ничего не понял и покинул дом охотника со смутным чувством досады.

Успокоившись за Пандиона, Кидого и Кави со всеми бывшими рабами и большинством местных жителей отправились на большую охоту за жирафами, надеясь немного разведать предстоящий путь и добыть побольше мяса для своих гостеприимных хозяев.

Под смех и добродушные шутки соседей Пандион, укрепляя ослабевшие мускулы, помогал растирать зерна для приготовления пива, несмотря на насмешки мужчин, видевших его за женской работой. Скоро Пандион стал удаляться за пределы деревни, вооруженный тонким египетским копьем. Там, в степи, он упражнялся в метании копья и в беге, с каждым днем радостно ощущая, как крепнут его мышцы и как легко несут его тело вновь ставшие неутомимыми ноги.

Вместе с тем, ни на миг не забывая об Ируме, Пандион принялся за изучение языка туземцев. Он без конца твердил незнакомые певучие слова. Через неделю благодаря своей хорошей памяти Пандион уже мог понимать собеседника.

Четырнадцать дней Пандион не видел Ируму и не решался пойти к ней в отсутствие отца, так как не знал еще обычаев этого народа. Однажды, возвращаясь из степи Пандион увидел фигуру в синем плаще, и сердце его учащенно забилось. Молодой эллин ускорил шаги, догнал девушку и остановился перед ней, радостно улыбаясь. Он не ошибся — это была Ирума. При первом же взгляде на лицо девушки Пандиона охватило волнение. С трудом выговаривая непривычные слова, молодой эллин стал благодарить потупившуюся и смущенную Ируму. Запас слов у Пандиона скоро иссяк, он в увлечении перешел на свой язык, спохватился и умолк, растерянно глядя на пеструю головную повязку, свисавшую до ключиц. Ирума искоса лукаво посмотрела на него и вдруг

рассмеялась. Улыбнулся и Пандион, потом осторожно произнес давно выученную фразу:

— Можно мне прийти к тебе?

— Приходи,— просто ответила девушка,— завтра на опушку, когда солнце станет против леса.

Обрадованный Пандион, не зная, что еще сказать, протянул Ируме обе руки. Синий плащ распахнулся, две маленькие твердые руки доверчиво улеглись в ладонях Пандиона. Он нежно и крепко сжал их. Он не думал в этот момент о далекой Тессе. Руки девушки вздрогнули, широкие ноздри раздулись; она нежным, но сильным движением освободилась, прикрыла лицо плащом и быстро пошла по склону холма. Пандион сообразил, что не следует идти за ней, и остался на месте, глядя на девушку, пока она не скрылась за хижинами. Безотчетно улыбаясь, Пандион шел по улице, размахивая копьем.

Впервые Пандион заметил, в каком живописном месте расположено это селение. Хижины были удобно и красиво построены, улицы просторны.

Пандион невольно обратил внимание, что здешний народ резко отличался от виденных им жителей страны Нуб и бедняков «избранного» Та-Кем — там на лицах лежала печать угрюмости и равнодушия. В истощенных от голода и чрезмерной работы телах была какая-то приниженность. Здесь же жители ходили легкой, свободной поступью; даже старики сохраняли красивую осанку.

Мысли Пандиона прервал выросший перед ним юноша, мускулистый и широкогрудый, в маленькой шапочке из леопардовой шкуры. Он недружелюбно посмотрел на чужеземца и властным жестом вытянул руку перед собой, коснувшись груди Пандиона. Эллин остановился в недоумении, а юноша замер перед ним, опустив руку на пояс с широким ножом и меряя прищельца вызывающим взглядом.

— Я видел, ты хорошо бегаешь,— наконец произнес юноша.— Хочешь состязаться со мной? Я Фульбо, прозванный Леопардом,— добавил он, как будто это имя могло все объяснить Пандиону.

Пандион, дружелюбно улыбувшись, ответил, что он раньше бегал лучше, а сейчас еще не достиг прежнего умения. Тогда Фульбо осыпал его злобными насмешками, и кровь закипела в молодом эллине. Не понимая, что является причиной ненависти юноши, Пандион, презри-

тельно подбоченившись, согласился. Противники порешили состязаться сегодня же вечером, когда станет прохладнее.

У подножия холма, на котором стояло селение, собрались юноши и несколько пожилых людей полюбоваться на состязание Фульбо с чужеземцем.

Фульбо указал на видневшееся вдалеке одинокое дерево — до него было не меньше десяти тысяч локтей. Победителем считается тот, кто первым придет обратно к намеченной черте с веткой от дерева.

Удар в ладоши был сигналом — Пандион и Фульбо пустились бежать. Фульбо, весь дрожавший от нетерпения, сразу помчался большими прыжками. Казалось, что юноша, распластавшись, летит над землей. Молодежь разразилась криками одобрения.

Молодой эллин, еще не вполне оправившийся, понял, что ему грозит опасность быть побежденным. Но он решил не уступать. Пандион пустился бежать, как учил его дед в холодные часы рассвета на узкой полосе морского берега. Он бежал, слегка раскачиваясь, не делая резких скачков и соразмеряя дыхание. Фульбо оказался далеко впереди, но молодой эллин двигался спокойно и быстро, не пытаясь догнать соперника. Постепенно грудь его расшпрылась, набирая все больше воздуха, ноги летели все стремительнее, и зрители, вначале смотревшие на него с сожалением, увидели, как расстояние между соперниками стало сокращаться. Африканец оглянулся, испустил злобный крик и понесся еще скорее. К дереву он подбежал на четыре сотни локтей впереди Пандиона, высоко подпрыгнул, сорвал ветку и мгновенно повернул обратно. Пандион разминулся с ним недалеко от дерева и отметил про себя бурное дыхание Фульбо. Хотя сердце самого Пандиона колотилось гораздо сильнее, чем следовало бы, молодой эллин решил, что он может рассчитывать на победу над слишком горячим, незнакомым с правильным бегом соперником. Пандион продолжал бежать с прежней выдержкой и, только когда до зрителей оставалось не больше трех тысяч локтей, вдруг рванулся вперед. Он скоро настиг Фульбо, но тот, ловя воздух широко раскрытым ртом, удлинил свои прыжки и опять остался позади чужеземца. Пандион не сдавался. Хотя у него темнело в глазах и сердце вырывалось из груди, он вновь

нагнал противника. Тот бежал, уже ничего не видя перед собою, не разбирая дороги, и вдруг, споткнувшись, упал. Пандион пронесся на несколько локтей вперед, остановился и подскочил к упавшему, чтобы помочь ему встать. Фульбо гневно оттолкнул его, поднялся, шатаясь, и с трудом выговорил, глядя прямо в лицо Пандиону:

— Ты... победил... но берегись!.. Ирума...

Мгновенно все стало понятно молодому эллину, и к торжеству победы примешалось ощущение чего-то нехорошего, какой-то неловкости, как будто он вторгся в чужое и запретное.

Фульбо уныло понурил голову и пошел тяжелым шагом, более не делая попыток бежать. Пандион не спеша вернулся к черте, встреченный приветствиями зрителей. Чувство вины не покидало его.

Едва молодой эллин очутился в своей пустой хижине, как уже начал тосковать по Ируме. Назначенная на завтра встреча казалась такой далекой.

В тот же вечер вернулись охотники. Товарищи Пандиона пришли усталые, нагруженные добычей, полные переживаний. Этрусск и негр ликовали, увидев поздоровевшего Пандиона. Кидого шутя предложил бороться, и через мгновение Пандион и негр катались в пыли, сжимая друг друга в железных объятиях, а Кави пинал их ногами и бранил, пытаясь разнять.

Друзья приняли участие в общей пирушке, устроенной в честь возвратившихся охотников. Опьяненные пивом, участники охоты хвалились друг перед другом своими успехами. Молодой эллин сидел в стороне, бросая незаметно взгляд в сторону лужайки, где танцевала молодежь, и стараясь рассмотреть Ируму среди вереницы юношей и девушек.

Слегка пошатываясь, поднялся один из вождей и начал говорить приветственную речь, сопровождая ее плавной, красивой жестикуляцией. Пандион смог уловить только общий смысл, заключающийся в том, что вождь хвалил пришельцев, сожалел об их скором уходе и предлагал чужеземцам остаться, обещая принять их в число соплеменников.

Пир окончился уже ночью, когда охотники вдоволь насытились нежным мясом молодых жирафов и прикончили весь запас пива. По дороге в хижину Кидого заявил, что завтра все бывшие рабы, которых осталось два-

дцать семь человек, будут держать совет о дальнейшем пути. Кидого удалось поговорить с бродячими охотниками, которых он встретил в лесу. Они хорошо знали местность к западу от селения и рассказали, куда идти. Расстояние, отделяющее их от моря и родины Кидого, очень велико, но он знает теперь, что за три месяца даже медленной ходьбы они будут там. Что теперь может остановить их, испытанных в борьбе, крепких дружбой? Каждый из двадцати семи стоит пяти воинов! Негр гордо расправил плечи, поднял к звездам веселое хмельное лицо, обнял Пандиона и с волнением закончил:

— Теперь мое сердце спокойно! Ты здоров — в дорогу! В дорогу хоть завтра!

Пандион молчал, в первый раз чувствуя, что его желания не совпадают со стремлением друзей. Молодой эллин не умел лицемерить.

После сегодняшнего свидания Пандион понял, что тоска, все время остро бередившая его душу, вызвана любовью к Ируме. Девушка в расцвете юной красоты встретила его после жестокой жизни раба, на пороге свободы!

Неужели этого мало ему, так недавно цеплявшемуся за самую маленькую надежду на дне темной ямы-тюрьмы? Что нужно, наконец, ему в мире и жизни, когда любовь властно зовет его остаться здесь, среди золотой степи? И тайное, скрываемое от себя самого стремление навсегда остаться с Ирумой стало крепнуть в душе Пандиона. Доверчивая молодость эллина незаметно уводила его в страну грез, где все было так легко и просто.

Завтра он увидится с Ирумой, все скажет ей... А она — она тоже любит его!

Бывшие рабы должны были встретиться на другом конце селения. Там, в двух больших хижинах, они и жили. Кави, Кидого и Пандион занимали отдельную маленькую хижину, отданную им из-за болезни эллина.

Пандион, точивший копье в углу хижины, встал и направился к выходу.

— Куда ты идешь? — спросил его удивленный этруск. — Разве ты не будешь на совете?

— Я приду потом, — отворачиваясь, ответил Пандион и поспешно вышел из хижины.

Этруск внимательно посмотрел ему вслед и недоуменно переглянулся с Кидого, усердно трудившимся около

хода над большим куском толстой кожи, изготавливая щит.

Молодой эллин не сказал друзьям, что Ирума ждет его сегодня на опушке леса. Чувствуя, как с приходом товарищей выросла внезапная угроза его только что родившейся любви, Пандион не в силах был отказаться от свидания. Он оправдывал себя тем, что все равно узнает решение совета от друзей.

Приблизившись к лесу, Пандион долго искал глазами Ируму, как вдруг улыбающаяся девушка отделилась от ствола дерева и сама предстала перед эллином. Ирума накинула отцовский охотничий плащ из мягкой коры и в нем на фоне деревьев была совершенно незаметна. Девушка сделала знак Пандиону следовать за собой и быстро пошла вдоль опушки к полукруглому выступу леса, вдававшемуся в степь в трех тысячах локтей от селения. Там она вошла под деревья. Пандион с любопытством смотрел по сторонам — впервые он находился в африканском лесу. Эллин представлял его совсем другим — лес тянулся длинной лентой по долине речки, омывавшей селение, и в ширину был не больше двух тысяч локтей.

Это был громадный свод высоких деревьев, темная галерея над глубокой, вечно сумрачной ложиной речки.

Деревья дальше становились все выше, а у берега, круто спускавшегося к самой воде, клонились к земле, скрещивая в высоте свои ветви. Стройные и прямые стволы с белесой, черной и коричневой корой уходили ввысь на целую сотню локтей, как густая колоннада высокого здания. Ветви густо переплетались в сплошной свод, непроницаемый для солнца. Сумрачный серый свет струился сверху, угасая в глубоких впадинах между странными корнями, похожими на невысокие стены. Тишина, не нарушаемая никакими звуками, кроме едва слышного журчания воды, полумрак, исполинская высота лесной колоннады подавили Пандиона. Он показался себе незваным пришельцем, вторгнувшимся в запретное, полное тайны сердце чужой природы.

Над самой водой в зеленом своде были узкие прощелки — там с высоты обрушивался сплошной каскад золотого огня. Свет, одевая деревья сияющим туманом, дробился в промежутках между стволами на вертикальные полосы, постепенно угасавшие в глубине леса. Темные, таинственные храмы Аigyптоса пришли на память Пандиону. Построившие их мастера не придумали ново-

го — волшебное воздействие гигантских сводов, сумерки и тишина, уводящие от мира, оказывается, существовали в природе. Исполинский лес был величественнее любого храма, но сила человека заключалась в том, что он мог создавать свои храмы в любом месте и там, где леса не росли... Канаты ползучих растений перекидывались от ствола к стволу свободными петлями или опускались вниз, образуя волнистые занавеси. Почва, усыпанная листьями, трухой гнилых плодов и ветвей, была пушистой и мягкой, кое-где по ней были разбросаны мелкие звезды пестрых цветов.

Со стволов свисали, как содранные куски кожи, длинные ленты шелушившейся коры.

Большие бабочки бесшумно летали над землей; их трепещущие крылья привлекали внимание молодого эллина причудливыми сочетаниями красок — ярких, бархатисто-черных, металлически-синих, красных, золотых и серебристых.

Ирума уверенно шла между корнями, спускаясь к реке, и привела Пандиона на ровную площадку у самого водотока, покрытую нежным ковром пушистых мхов. Здесь стояло дерево, разбитое молнией. В отщепе твердой желтой древесины выступали грубые очертания человеческой фигуры. Дерево, очевидно, служило предметом почитания — кругом него были развешаны цветные тряпки, зубы хищников. В земле торчали три почерневших слоновых клыка.

Ирума, почитательно склонив голову, приблизилась к старому дереву и поманила Пандиона к себе.

— Это предок нашего рода, рожденный от громового удара, — тихо произнесла девушка. — Дай ему что-нибудь, чтобы древние были добры к нам.

Пандион оглядел себя — у него не было ничего, что он мог бы отдать этому грубому богу, мнимому предку Ирумы. Юноша, улыбаясь, развел руками, но девушка была неумолима.

— Дай это! — Тут она дотронулась до пояса, сплетенного из жирафьих хвостов, только что сделанного Киодо для Пандиона на память об охоте.

Молодой эллин послушно развязал и отдал девушке полоску кожи. Ирума сбросила плащ. Она была в домашнем наряде — без браслетов, без ожерелья, только в широким кожаном поясе, косо спадавшем на левое бедро.

Девушка поднялась на носках, потянулась к зазубри

не у головы идола и прикрепила там дар Пандиона. Ниже Ирума прицепила лоскуток пестрой шкуры леопарда и связку похожих на бусы темно-красных зерен. Потом девушка высыпала к подножию идола горсть проса и, довольная, отступила.

Теперь она пристально смотрела на Пандиона, прислонившись спиной к стволу невысокого дерева с сотнями красных цветов между листьями¹. Казалось, что алые лампы светились над головой девушки и красные блики их играли на блестящей коже Ирумы.

Пандион стоял, безмолвно любуясь девушкой. Ее красота казалась ему священной в тишине исполинского леса — храма неведомых богов, так резко отличавшихся от радостных небожителей его детства.

Светлая, спокойная радость наполнила душу Пандиона — он снова становился художником, и прежние стремления проснулись в нем.

Но внезапно встало из глубины памяти необычайно отчетливое видение. Там, на бесконечно далекой родине, под шум сосен и моря, так же стояла, прижавшись к дереву, Тесса в ушедшие, невозвратные дни...

Ирума закинула руки за голову, слегка перегнулась в тонкой талии и вздохнула. Смятенный Пандион отступил на шаг — Ирума приняла ту же позу, в какой он хотел изобразить Тессу.

Перед эллином воскресло прошлое, с новой силой вспыхнуло стремление в Энниаду. В путь, навстречу новой борьбе, прочь от Ирумы!..

Пандиона мучило раздвоение прежде всегда ясных его стремлений. Он обнаружил в себе неведомое ранее противоречие, и это испугало его.

Здесь с неудержимой силой звала его жаркая, как само солнце Африки, юная, как цветущая после дождей степь, мощная, как широкий поток, власть жизни. Там были все самые светлые его мечты о великом творчестве. Но разве не сама красота в образе темнокожей дочери африканских степей стояла перед ним, близкая и радостная? Так непохожи были Ирума и Тесса — они совсем разные, и все же в обеих жила одна и та же достоверность прекрасного.

Тревога Пандиона передалась девушке. Она приблизилась к нему, и певучие слова чужого языка нарушили тишину леса.

¹ Тюльпанное дерево из семейства магнолиевых.

— Ты наш, золотоглазый... Я танцевала танец великой богини... Предок принял дары...— Голос Ирумы замер, длинные ресницы прикрыли глаза. Девушка крепко обняла Пандиона за шею и прильнула к нему.

У молодого эллина потемнело в глазах, отчаянным усилием он отстранился. Она подняла голову. Рот ее по детски приоткрылся.

— Ты не хочешь жить здесь? Ты уйдешь с товарищами? — удивленно спросила Ирума, и Пандиону стало стыдно.

Пандион нежно привлек к себе Ируму и, подбирая подходящие слова, усвоенные из языка ее народа, пытался передать ей великую тоску по родине, по Тессе... Голова Ирумы запрокинулась вверх на широкой груди молодого эллина, ее глаза погрузились в золотистое сияние его глаз, зубы обнажились в слабой улыбке. Ирума заговорила, и в звуке ее слов была та же нежность, та же ласка любви, которая опьяняла Пандиона в устах Тессы.

— Да, если ты не можешь жить здесь, тебе нужно уйти...— Девушка запнулась на последнем слове.— Но, если я и мой народ хороши для тебя, оставайся, золотоглазый! Подумай, реши, приходи, я буду ждать!

Девушка выпрямилась, гордо закинув голову. Тихой же серьезной и строгой видел ее Пандион во время танца.

С минуту молодой эллин стоял перед ней, затем, внезапно решившись, протянул к девушке руки. Но она исчезла за деревьями, растворившись во мраке лесной чащи...

Исчезновение Ирумы поразило Пандиона, как тяжкая утрата. Эллин долго стоял в мрачном лесу, потом побрел наугад сквозь золотистый туман поляны, борясь с желанием броситься вслед за Ирумой, разыскать ее, сказать ей, что любит, что остается с ней.

Ирума, едва только скрылась от Пандиона за деревьями, пустилась бежать, легко перепрыгивая через корни, проскальзывая между лианами. Девушка мчалась все быстрее, пока совсем не выбилась из сил. Она, тяжело дыша, остановилась на берегу спокойного водоема — тихой заводи расширявшейся здесь речки. Яркий свет ослепил ее, тело обдало жаром после мрака и прохлады леса.

Ирума сквозь слезы увидела свое отражение на гладкой поверхности воды и невольно осмотрела себя в этом большом зеркале... Да, она красива! Но, значит, кри

сота еще не все, если чужеземец, золотоглазый, храбрый и ласковый, хочет уйти от нее. Значит, ему нужно еще что-то... Но что?..

Солнце садилось за холмистой степью. Косая голубая тень лежала у порога хижины, где сидели Кидого и Кави.

По тому, как беспокойно зашевелились оба друга, Пандион понял, что этруск и негр давно уже ждали его. Потупившись, молодой эллин подошел к друзьям. Кави встал, торжественный и суровый, положил руку на плечо друга.

— Мы хотим говорить с тобой — он и я. — Этруск кивнул в сторону ставшего рядом Кидого. — Ты не пришел на совет, но все решено — завтра мы уходим...

Пандион отшатнулся. Слишком много событий произошло за последние три дня. И все же молодой эллин не думал, что товарищи будут так торопиться. Он сам спешил бы не меньше, если бы... если бы не было Ирумы!

Во взглядах друзей молодой эллин прочитал осуждение. Необходимость на что-то решиться, давно точившая душу Пандиона и бессознательно отбрасываемая им в наивной надежде, что все как-нибудь уладится, теперь приближалась. Как будто стена опять загородила доступ к радостному миру свободы, той свободы, которая на самом деле жила лишь в мечтах Пандиона.

Он должен решить, остается ли он здесь с Ирумой или, навсегда потеряв ее, уходит с товарищами. Жить, не имея никакой надежды снова увидеть ее, когда его и Ируму разделит необъятное пространство... Ужасное «навсегда» горело в сердце Пандиона раскаленным углем. Но если он останется здесь, то это будет тоже навсегда: только в соединенных усилиях двадцати семи человек, готовых на все, даже на верную гибель, ради возвращения на родину, была возможность одолеть пространство, держащее их в плену земли. Значит, если он останется, то навсегда потеряет родину, море, Тессу — все то, что поддерживало его и помогло очутиться здесь.

Сможет ли он жить здесь, слиться с этой приветливой, но все-таки чужой жизнью, когда не будет с ним верных товарищей, испытанных в беде, на дружбу которых привычно и незаметно он опирался все время? И даже без раздумья, всем сердцем Пандион почувствовал ясный ответ.

А разве то, что он оставит друзей, спасенный и вновь ставший сильным благодаря им, не будет изменой?

Нет, он должен идти с ними, оставив здесь половину сердца!

И воля молодого эллина не выдержала испытания. Он схватил за руки товарищей, с тревогой наблюдавших душевную борьбу, отражавшуюся на открытом лице Пандиона, и принялся умолять их не уходить так скоро. Теперь, когда они свободны, что стоит им прожить здесь еще немного, лучше отдохнуть перед дорогой, лучше узнать незнакомую страну!

Кидого заколебался: негр очень любил молодого эллина. Этрусск нахмурился еще сильнее.

— Пойдем туда, здесь чужие глаза и уши.— Кави втолкнул Пандиона в темноту хижины и, выйдя, вернулся вновь с угольком. Он зажег маленький факел. При свете, ему казалось, легче будет убедить смятенного друга.— На что ты надеешься, если мы останемся,— строго спросил этрусск, и его слова врезались в душу Пандиона,— если ты потом все равно уйдешь? Или ты хочешь взять ее с собой?

Нет, мысль о том, чтобы Ирума пошла с ними в бесконечно далекую и смертельно опасную дорогу, даже не приходила на ум Пандиону, и он отрицательно покачал головой.

— Тогда ты непонятен мне,— жестко сказал этрусск.— Разве другие наши товарищи не нашли себе здесь девушек по сердцу? На совете никто из них не колебался, что выбрать — женщину или родину, никто не подумал остаться. Отец Ирумы, охотник, думает, что ты не пойдешь с нами. Ты понравился ему, слава о твоей краброссти прошла в народе. Он сказал мне, что готов принять тебя в дом. Неужели ты покинешь нас, забудешь родину ради девчонки?!

Пандион опустил голову. Ему нечего было ответить, он не смог бы объяснить этруску то, в чем Кави был не прав. Как сказать ему, что Пандион не просто поддался страсти? Как выразить то, что захватывало его в Ируме как художника? Для него Ирума стала воплощением красоты, в ней искрилась и сверкала древняя сила жизни, так привлекавшая молодого скульптора, в котором вместе с любовью проснулось и творчество! А с другой стороны, суровая правда жгла его в речи этруска — он забыл, что у чужого народа есть свои законы и обычаи.

Оставшись здесь, он должен будет стать охотником, слить свою судьбу с судьбой этого народа. Такова была неизбежная плата за счастье с Ирумой... Одна Ирума здесь близка ему. Спокойный и жаркий простор золотой степи вовсе не походил на шумный и подвижный простор родного моря. И девушка была частью этого мира, временным гостем которого он не переставал себя чувствовать... А там, вдали, маяком светила ему родина. Но если этот маяк угаснет, разве он сможет жить без него?..

Этруск выдержал паузу, чтобы дать Пандиону время подумать, и начал снова:

— Хорошо, ты станешь ее мужем, чтобы вскоре покинуть ее и уйти. И ты думаешь, что ее народ отпустит нас с миром и поможет нам? Ты оскорбишь их гостеприимство. Наказание, следуемое тебе по заслугам, падет на нас всех... А потом, почему ты уверен, что остальные товарищи согласятся ждать? Они не согласятся, и в этом я буду с ними!

Этруск помолчал и, как бы устыдившись резкости своих слов, грустно добавил:

— Сердце мое болит, ибо, когда достигну я моря, не будет у меня друга, искусного в корабельном деле. Мой Ремд погиб, и вся надежда была на тебя — ты плавал по морю, учился у финикийцев...— Кави опустил голову и замолчал.

Кидого бросился к Пандиону и надел на шею молодого элина мешочек на длинном ремешке.

— Я хранил его, пока ты был болен,— сказал негр.— Это твой морской амулет... Он помог победить носорога, он поможет всем нам дойти до моря, если ты пойдешь с нами...

Пандион вспомнил про подаренный ему Яхмосом камень. Он совсем забыл об этом сверкающем символе моря, как забыл в эти дни еще и о многом другом. Он глубоко вздохнул. В эту минуту в хижину вошел высокий человек с большим копьем в руке. Это был отец Ирумы. Он непринужденно уселся на пол, поджав ноги; дружески улыбнулся Пандиону и обратился к этруску.

— Я пришел к тебе с делом,— неторопливо начал охотник.— Ты сказал, что через одно солнце вы решили уходить на родину.

Кави утвердительно кивнул головой и молчал, ожидая, что будет дальше. Пандион с беспокойством погля-

дывал на державшегося с простым и величавым достоинством отца Ирумы.

— Путь далек, много зверей стережет человека в степи и в лесу,— продолжал охотник.— У вас плохое оружие. Запомни, чужеземец: со зверями нельзя сражаться, как с людьми. Меч, стрела и нож хороши против человека, но против зверя самое лучшее — это копьё. Только копьё может удержать сильного зверя, остановить его, достать издалека сердце зверя. Ваши негодны для нашей степи! — Охотник пренебрежительно указал на прислоненное к стене хижины тонкое египетское копьё с маленьким медным острием.— Вот какое здесь нужно!

Отец Ирумы положил Кави на колени принесенное им оружие и снял с него длинный кожаный чехол.

Тяжелое копьё было больше четырех локтей в длину. Его древко, в два пальца толщины, было сделано из твердого, плотного, блестящего, как кость, дерева. Посередине древко утолщалось, обшито тонкой шероховатой кожей гиены. Вместо наконечника на нем было лезвие в локоть длиной и шириной в три пальца, сделанное из светлого твердого металла — редкого и дорогого железа.

Кави задумчиво потрогал острое лезвие, прикинул на руке тяжесть оружия и со вздохом вернул охотнику.

Тот улыбнулся, следя за впечатлением, произведенным копьём на этруска, и осторожно сказал:

— Изготовить такое копьё — большой труд... Металл для него добывается соседним племенем, и они продают его дорого. Зато копьё спасет тебя не раз в смертельном бою...

Не понимая, к чему клонит охотник, Кави молчал.

— Вы принесли с собой сильные луки из Та-Кем,— продолжал охотник.— Мы не умеем делать такие и хотели бы поменять их на копьё. Вожди согласились дать вам по два копьё за каждый лук, а копьё, я сказал, будут вам нужнее.

Кави вопросительно посмотрел на Кидого, негр кивком головы подтвердил мнение охотника.

— В степи много дичи, и нам не понадобятся стрелы,— сказал Кидого.— Но в лесах будет хуже. Однако лес далек, а шесть копий вместо трех луков надежнее при нападении зверей.

Кави подумал, согласился на обмен и принялся торговаться. Но охотник был непреклонен, доказывая, что предложенное им оружие — ценность. Они никогда не

отдали бы по два копы за каждый лук, если бы не нужно было узнать, как изготавливаются луки Черной Земли.

— Хорошо,— сказал этруск.— Мы отдали бы их вам в дар за приют и пищу, если бы не шли так далеко. Мы принимаем условие — завтра ты получишь луки.

Охотник просиял, хлопнул Кави по руке, поднял копьё, вглядываясь в красный отблеск факела на лезвии, и надел на него кожаный чехол, украшенный кусочками разноцветных шкур.

Этруск протянул руку, но охотник не отдал оружие.

— Ты получишь завтра не хуже. А это...— отец Ирумы сделал паузу,— я дарю твоему золотоглазому другу. Чехол его сшила Ирума сама! Смотри, как он красив.

Охотник протянул копьё молодому эллину, нерешительно принявшему подарок.

— Ты не идешь с ними,— отец Ирумы показал на этруска и негра,— но хорошее копьё — это первое имущество охотника, а я хочу, чтобы ты прославил наш род, став моим сыном!

Кидого и Кави впились взглядами в друга; негр с хрустом сжал пальцы. Решительный момент наступил.

Пандион побледнел и внезапно резким, отстраняющим жестом протянул охотнику копьё обратно.

— Ты отказываешься? Как мне понять это? — вскричал пораженный охотник.

— Я уйду с товарищами,— с трудом произнес молодой эллин.

Отец Ирумы неподвижно стоял, глядя на Пандиона, потом с гневом швырнул копьё ему под ноги:

— Пусть будет так, но не смей больше смотреть на мою дочь! Я сегодня же отошлю ее!

Пандион, не мигая, с широко раскрытыми глазами стоял перед охотником. Неподдельное горе исказило его мужественные черты, и какое-то смутное сочувствие ослабило гнев отца Ирумы.

— У тебя хватило мужества решить, пока не поздно. Это хорошо,— сказал он.— Но раз уходишь, уходи скорее...

Охотник еще раз угрюмо осмотрел Пандиона с головы до ног, издав какой-то неопределенный звук.

На пороге хижины отец Ирумы оглянулся на Кави.

— Что сказал, то и будет! — грубо буркнул он и исчез в темноте.

Негру стало не по себе от блеска глаз молодого эллина, и он почувствовал, что сейчас Пандиону не до друзей. Эллин постоял, вперив взгляд в пространство, точно спрашивая темную даль, как ему поступить. Он медленно повернулся и бросился на постель, закрыв лицо руками.

Кави зажег новый факел: ему не хотелось оставлять Пандиона в темноте одного со своими мыслями. Этруск и негр уселись в стороне и остались бодрствовать, не разговаривая. Время от времени они тревожно посматривали на друга, которому не могли ничем помочь.

Медленно шло время, наступила ночь. Пандион пошевелился, вскочил, прислушиваясь, и бросился вон из хижины. Но широкие плечи этруска заслонили вход. Молодой эллин натолкнулся на его скрещенные руки и остановился, сдвинув брови.

— Пусти! — нетерпеливо сказал Пандион. — Я не могу! Я должен проститься с Ирумой, если ее не отправили куда-то...

— Опомнись! — ответил Кави. — Ты погубишь ее, себя и всех нас!

Пандион молчал и пытался оттолкнуть этруска, но тот стоял крепко.

— Решил — тогда довольно, не гневи ее отца! — продолжал убеждать друга Кави. — Пойми, что может произойти...

Молодой эллин толкнул Кави еще сильнее, но сам получил толчок в грудь и отступил. Негр, увидев столкновение друзей, подбежал, растерянный, не зная, что предпринять. Молодой эллин стиснул зубы, глаза его загорелись недобрым огнем. Раздув ноздри, он кинулся на Кави. Этруск быстро выхватил нож и, повернув оружие рукояткой к Пандиону, гневно закричал:

— На, бери! Бей!

Пандион опешил. Этруск выпятил грудь, приложил к сердцу левую руку, а правой продолжал направлять рукоятку ножа в сторону Пандиона:

— Бей сразу, вот сюда! Все равно живой я не пущу тебя! Убей — тогда иди! — яростно кричал Кави.

В первый раз Пандион видел своего хмурого и мудрого друга в таком состоянии. Он отступил, беспомощно застонал и побрел к своей постели; опять упал на нее и повернулся к друзьям спиной.

Кави, тяжело дыша, вытер со лба пот и сунул нож за пояс.

— Мы должны стеречь его всю ночь и уходить скорее, — сказал он испуганному Кидого. — На рассвете ты предупредишь товарищей, чтобы собирались.

Пандион ясно слышал слова этруска, означавшие, что ему не удастся увидеть Ируму. Он задышался, почти физически ощущая тесноту вокруг себя. Эллин боролся с собой, напрягая всю волю, и постепенно бурное отчаяние, почти бешенство, сменилось тихой печалью.

И снова африканская степь раскрыла свой горячий простор перед двадцатью семью упрямами, во что бы то ни стало решившими вернуться на родину.

Теперь после дождей, грубая, с большими бурями колосьями трава¹ поднималась на высоту двенадцати локтей, и в ее душной чаше без следа скрывались даже гигантские тела слонов. Кидого объяснил Пандиону, почему нужно спешить: скоро окончится время дождей и степь начнет гореть, превращаясь в безжизненную, засыпанную золой равнину, где трудно будет найти пищу.

Пандион молчаливо соглашался. Его печаль была еще слишком свежа. Но, очутившись среди своих товарищей, которым он был столь многим обязан, молодой эллин чувствовал, как снова оплетают его узы мужской дружбы, как растет в нем самом стремление идти вперед, жажда борьбы и разгорается все сильнее маяк Энниады.

И, несмотря на острую тоску по Ируме, Пандион теперь чувствовал себя прежним, без тревоги идущим по избранному пути. Не исчезло жадное внимание художника к формам и краскам природы, желание творить.

Двадцать семь сильных мужчин были вооружены копьями, метательными дротиками, ножами и несколькими щитами.

Бывшие рабы, испытанные в бедствиях и сражениях, представляли собой значительную силу и могли не опасаться бесчисленных зверей.

В пути, среди высокой травы, опасность была серьезной. Поневоле приходилось идти гуськом, пробираясь по узким коридорам звериных троп, в течение долгих часов видя перед собою только спину идущего впереди товарища. А из шуршащих высоких стен справа и слева еже-

¹ Слоновая трава — огромный злак, до 6 метров высоты.

минутно грозила опасность — в любой момент стебли могли расступиться и пропустить подкравшегося льва, разъяренного носорога или высокую, необъятную тушу злобного, одинокого слона. Трава разъединяла товарищей, и хуже всего приходилось идущим позади: на них мог обрушиться гнев зверя, встревоженного впереди идущими. По утрам трава была пропитана холодной росой, сверкающая пыль водяных брызг стояла над мокрыми телами людей. В знойное время дня роса исчезала бесследно, сухая пыль щекотала горло, ссыпаясь с верхушек стеблей; в тесных проходах нечем было дышать.

В конце третьего дня пути на храброго ливийца Такела, шедшего сзади, напал леопард, и только благодаря счастливой случайности юноша отделался незначительными царапинами. На следующий день на Пандиона и его соседа-негра прыгнул из травы огромный темно-гривый лев. Копье отца Ирумы сдержало хищника, и товарищ эллина, подхватив щит, который от неожиданности уронил Пандион, напал на льва сзади. Зверь повернулся к новому врагу и пал, пронзенный тремя копьями. Кидого прибежал, запыхавшийся от волнения, когда все было кончено и воины, тяжело дыша, стирали с копий быстро побуревшую львиную кровь. Хищник лежал, почти незаметный в желтой измятой траве. Сбежались все участники похода, громкие крики поднялись над местом сражения. Все доказывали двум коренастым неграм — Дхломо и Мпафу, вместе с Кидого ведшим отряд, — что в конце концов звери кого-нибудь убьют. Надо обойти эту равнину высокой травы. Проводники вовсе и не думали возражать. Отряд повернул круто к югу и еще до вечера приблизился к длинной ленте леса, протянувшейся как раз в нужном юго-западном направлении. Такой лес был знаком Пандиону — зеленый сводчатый коридор над узкой степной речкой. Леса-галереи пересекали степь в разных направлениях по руслам рек и ручьев.

Путникам повезло: под зеленым сводом не было колючих зарослей, лианы не сплели непроходимых завес — отряд бодро двинулся по узкой лесной ленте, лавируя между гигантскими корнями. Глубокая тишина и прохладный полумрак сменили шелест травы в духоте ослепительного дня. Лес протянулся очень далеко — день за днем шли по нему путники, изредка выходя в степь за дичью или влезая на низкие деревья опушки, чтобы проверить направление.

Хотя передвижение здесь было более легким и менее опасным, Пандиона угнетали сумрак и тишина таинственного леса. Молодой эллин возвращался к воспоминаниям о встрече с Ирумой в таком же лесу. Утрата казалась огромной, тоска окутывала для Пандиона весь мир серой дымкой, а неведомое будущее было таким же сумрачным, молчаливым и темным, как лес, по которому они шли.

Пандиону представлялось, что темная дорога в однообразном чередовании колоннад огромных древесных стволов, мрака и солнечных пятен, ям и бугров бесконечна.

Она вела в неизвестную даль, все глубже вонзаясь в сердце чужой и странной земли, где все было незнакомо и только круг бдительных товарищей спасал от неизбежной смерти. Море, к которому он так стремился, казавшееся легкодостижимым, когда он был в плену, теперь отодвинулось безмерно далеко, загражденное тысячами препятствий, месяцами трудного пути... Море оторвало его от Ирумы, а само осталось недоступным...

В конце леса перед путниками предстало обширное болото. Оно пересекало путь от края до края горизонта, протянулось вперед, закрытое вдали зеленоватой мглой влажных испарений, по утрам опоясываясь низкой пеленой белесого тумана. Белые цапли летали небольшими стаями над морем тростников.

Кави, Пандион и ливийцы, озадаченные препятствием, в недоумении смотрели на ярко-зеленую чащу болотных зарослей с горящими на солнце окнами воды. Но вожатые удовлетворенно переглядывались и улыбались: путь был верен, две недели трудного похода не пропали даром.

На следующий день отряд связал плоты из особого, необычайно легкого и пористого тростника¹, коленчатые стебли которого достигали десяти локтей. Путники поплыли вдоль высоких зарослей метельчатых папирусов, лавируя между красновато-бурыми нагромождениями засохших и поломанных стеблей тростника, плавучими островами травы. На каждом плоту было по два или по три человека, осторожно балансировавших длинными шестами, мерно вонзавшимися в илистое дно.

Темная вонючая вода казалась густым маслом, пу-

¹ Амбаг — очень легкий и толстый тростник, до 7 метров высоты.

зырьки болотного газа поднимались на поверхность из-под шестов, липкая плесень пенилась ржаво-бурыми оторочками вдоль зеленых стен. Ни одного сухого места не было на всем видимом пространстве, влажная жара томила обливавшихся потом людей, сверху жгло беспощадное солнце. К вечеру миллионы зловредных мошек густыми тучами нападали на людей. Счастьем было найти незатопленный бугорок, на котором разводился огромный дымящий костер. Еще легче было при ветре, отгонявшем тучи насекомых и дававшем возможность выспаться после тяжелых дней и ночей. Ветер склонял тростник, волна за волной бежали по бесконечному океану зелени.

Несметное количество гадов пряталось в прелой воде и гниющих зарослях. Гигантские крокодилы скоплялись сотнями на буграх отмели или выглядывали из зеленых стен, наполовину скрытые стеблями. Ночами чудовища ревели — их глухой, низкий рев наполнял людей суеверным ужасом. В реве крокодилов не было ярости или угрозы — что-то бездушное и бесстрастное чудилось в этих низких отрывистых звуках, раскатывавшихся над стоячей водой в темноте ночи.

Путникам встретился мелкий залив, усеянный полуразмытыми конусовидными холмами из ила в полтора локтя высоты. Бурая вода издавала нестерпимую вошь, холмики были покрыты белой корой птичьего помета. Негры разъяснили, что это было место гнездовья больших длинноногих розовых птиц¹, которые в другое время тучами покрывали бы болото. От плохой воды и вредных испарений заболели несколько человек, главным образом ливийцев. Жестокая лихорадка изнуряла людей, безучастно лежавших на плотах под ногами товарищей.

На пятый день плавания среди болотных зарослей стали все чаще попадаться пространства свободной воды, из которой торчали вершины деревьев. Пандион с удивлением спросил Кидого, что это значит. Черный друг, улыбаясь во всю ширину своего большого рта, объяснил, что скоро конец мучениям.

— Здесь, — сказал негр, ткнув шестом в глубокую воду, — в сухое время земля горит от жары, а это разливы от дождей.

— Какая же это река? — снова спросил Пандион.

¹ Фламинго.

— Здесь не одна река, а две¹ и длинная цепь болот между ними,— ответил негр.— В сухое время реки эти почти не текут.

Кидого, как всегда за последнее время, оказался прав — скоро плоты стали задевать за илистое дно, а впереди земля, повышаясь, переходила в ровную степь. Там росла особая трава с серебристо-белыми колосьями, и, блестя под лучами солнца, поверхность степи изда- лека казалась продолжением водяной глади. С чувством глубокого облегчения путники по пояс в грязи, распуги- вая криками крокодилов, выбрались на твердую горячую землю. Ветер, свежий и сухой, приветствовал их, прогна- ня тяжелую духоту болота. Отряд добрался до возвы- шенности, на которой росли кусты с голубовато-зелены- ми листьями, покрытые оранжевыми плодами величиной с яйцо.

Здесь путники нашли чистую воду и решили остано- виться. Они устроили вокруг лагеря колючую стену в шесть локтей высоты. Негры собрали груды оранжевых плодов, оказавшихся удивительно вкусными и нежными, и принесли еще каких-то листьев, соком которых приня- лись лечить больных лихорадкой товарищей. Здоровые отсыпались вволю, болячки, образовавшиеся от укусов болотных мошек, быстро заживали. Несколько дней под- ряд не лил дождь. По утрам бывало очень прохладно, и чернокожие участники похода зябли и страдали от хо- лода.

Вскоре путешественники отправились дальше.

Двадцать пять дней шли они по степи. Теперь их ос- талось девятнадцать человек — восемь отделились после перехода через болото и ушли на север, к своим родным местам, до которых им осталось не более десяти пере- ходов. Как ни звали они с собой остальных, упрямы бы- ли верны себе в решении пробиваться к морю.

Серая дымка закрывала голубой небосвод, по-преж- нему изливавший ослепительное сияние. По ночам не- бо нередко затягивалось тучами, страшный гром несся без перерыва над степью, но ни единый проблеск молнии не рассекал бархатно-черную тьму ночи, ни капли дож- дя не падало на высохшую траву и трескавшуюся от жа- ры землю.

В степи были разбросаны маленькие холмы — остро-

¹ Две реки — подразумеваются Бахр-эль-Араб и Бахр-эль-Га- заль, в древности более многоводные, чем в настоящее время.

конечные конусы или башни с закругленными верхушками до десяти локтей высоты. Внутри этих холмов из твердой, как кирпич, глины жили бесчисленные крупные насекомые, похожие на муравьев, опасные своими сильными челюстями. Пандион уже привык к множеству зверей; его не удивляли более жирафы или скопища слонов по тысяче голов в стаде. Теперь он увидел стада странных животных полосатой, белой с черным, окраски. Они походили на лошадей Энниады, но и отличались от них: при небольшом росте и тонких ногах у полосатых зверей были более широкие крупы, прогнутые в крестце спины, плавный изгиб верхней губы, короткне хвосты и гривы. Пандион с любопытством смотрел на их многочисленные табуны, появлявшиеся у водопоя. Он мечтал о том, чтобы поймать полосатых лошадей и приспособить их к езде. Однако, когда он поделился своими соображениями с Кидого и другими товарищами-неграми, те долго и громко хохотали. Негры объяснили молодому эллину, что полосатые животные сильны, злы и неукротимы, что если бы и удалось поймать несколько более смиренных, то двух десятков, нужных им, не собрать и в десять лет.

Второе разочарование пережил Пандион при встрече с буйволами. Он увидел массивных темно-серых быков с широкими, загнутыми на концах рогами и решил подкрасться к ближайшему, чтобы уложить его копьём, но Кидого, навалившись на юношу всем телом, придавил его к земле. Негр уверял друга, что эти быки чуть ли не самые опасные звери южной страны, что охотиться на них нужно, только имея луки или метательные копья, иначе гибель неминуема. Пандион послушался негра и укрылся в кустах, как и остальные, но страх Кидого перед этими быками остался ему непонятным — с его точки зрения, носорог или слон казались куда страшнее.

Дорогу нередко пересекали скалистые гряды, цепи холмов или группы торчащих разрушенных утесов. В таких местах часто встречались отвратительные собаколовые обезьяны¹. Эти животные, заметив приближение людей, скоплялись на скалах или под деревьями, без страха рассматривали пришельцев и нагло гримасничали. Пандион с отвращением смотрел на их голые собачьи морды с синими надутыми щеками, обрамленные густой,

¹ Павианы.

торчащей дыбом шерстью, на их виляющие зады с красными мозолистыми проплешинами. Обезьяны были опасны. Однажды Кави не стерпел вызывающего поведения трех животных, загородивших ему дорогу, и ударил копьем одну из мерзких тварей. Завязалось серьезное сражение у подножия утесов. Скитальцы были счастливы, что унесли ноги, отступив без ущерба, но со всей возможной поспешностью.

На двадцать пятый день пути по незаметно повысившейся местности на горизонте показалась темная полоса. Кидого радостно вскрикнул, указывая на нее: там начинался большой лес — последнее препятствие, которое им осталось преодолеть. За покрытыми лесом горами лежало долгожданное море — верный путь к дому.

К полудню отряд достиг пальмовых зарослей. Пандиона удивил странный вид рощи. Раньше в степи не попадались такие высокие и стройные растения, похожие на знакомые по Айгюптосу финиковые пальмы¹. Каждый ствол поднимался точно из самого центра звездчатой иссиня-черной тени, отбрасываемой вершиной. Между черными звездами теней сухая почва казалась добела раскаленным металлом. По необычайному расположению теней Пандион увидел, что полуденное солнце стоит у него прямо над головой. Он сказал об этом Кави. Этруск недоуменно пожал плечами, а Кидого объяснил, что это так и есть на самом деле. Чем дальше к югу, тем выше поднимается солнце, и причину этого никто не знает. Старики говорят еще, что, по преданиям, далеко на юге солнце опять становится ниже.

Долго раздумывать над этой загадкой молодому эллину не пришлось — изнуренные жарой товарищи спешили к воде. На привале Кидого объявил, что к вечеру они достигнут леса и путь их пойдет по лесам и горам, протянувшимся до края земли.

— Там, — негр показал направо, — и там, — рука Кидого повернулась налево, — есть большие реки, но мы не можем плыть по ним. Правая² заворачивает на север, к большому пресному морю у края северных пустынь. Левая³ берет круто на юг и уведет нас далеко от нужного места. Кроме того, вдоль рек живут сильные племена, они едят человеческое мясо и уничтожат всех нас.

¹ Пальмы дулеб.

² Правая река ныне называется Шари.

³ Левая река ныне называется Убанги — главный приток Конго.

Мы должны пройти на юго-запад прямо, как по полету стрелы, между обеими реками. Темные леса пусты и безопасны, а на горах никто не живет, боясь сильных гроз и темноты чащ. Звери здесь редки, но нас мало, и мы можем прокормиться охотой и плодами.

Пандион, Кави и ливийцы с сомнением смотрели на лес, встававший перед ними, и их волновали неясные опасения.

Глава седьмая СИЛА ЛЕСОВ

Среди густого кустарника возвышались необычайные деревья. Их тонкие стволы с выпуклыми поперечными гранями заканчивались плоскими веерами укороченных ветвей с большими листьями, а еще выше торчали длинные и прямые отростки, похожие на зеленые огромные мечи, по десяти локтей в длину¹.

Четыре таких дерева, по два с каждой стороны, стояли, как часовые, в преддверии леса, с угрозой поднимая мечи в бледное небо. Отряд прошел между ними, пробилаясь сквозь колючие кусты. Огромная свинья² с загнутыми клыками и безобразной бугристой головой выскочила из-под куста, негодуяюще хрюкнула в сторону людей и скрылась...

В первый же день пути по лесу Кави потерял свою палочку с сорока девятью зарубками — число дней похода, и путники перестали считать время. В памяти эллина навсегда запечатлелся однообразный громадный лес.

Отряд шел в молчании. Голоса людей при попытке заговорить гулко раскатывались под непроницаемым зеленым сводом. Никогда на широких просторах золотой степи не чувствовали себя люди такими маленькими и затерянными в глубинах чужой земли. Гигантские канаты ползучих растений, достигавшие иногда толщины человеческого тела, обвивали спиралями гладкие стволы деревьев, сплетались вверху в исполинскую сеть, свисали завесами и отдельными широкими петлями. Ветви деревьев расходились на недостижимой высоте над голо-

¹ Лобелии.

² Бородавочник — дикая свинья с огромными клыками для вырывания корней.

вами идущих, стволы расплывались в сером сумраке. Лужи гниющей, покрытой плесенью воды часто встречались на пути; иногда бесшумно струились маленькие темные ручьи. На редких полянах солнце слепило глаза, привыкшие к полумраку леса; необычайная густота растений заставляла путников огибать эти места. Невиданные папоротники в четыре человеческих роста простирали, как крылья, свои бледно-зеленые огромные перистые листья¹. Чеканная сероватая листва мимоз образовывала тончайшие узоры в столбах солнечного света. Масса цветов — кроваво-красных, оранжевых, фиолетовых, белых — с особенной яркостью и пестротой выделялась на светлой зелени листьев, громадных, широких, длинных и узких, ровных, разрезных или зазубренных. В дикой путанице переплетались извилистые спирали ползучих побегов, торчали грозные, в палец длиной, колючки, беспощадно рвавшие тело. Неистовый гомон и щебет птиц раздавались на полянах, как будто вся жизнь леса сосредоточивалась здесь.

Люди сверяли направление с солнцем и снова уходили в лесной сумрак, ориентировались по направлению дождевых промоин, по течению ручьев, по косым столбикам солнечных лучей, изредка пробивавших листву. Проводники старались не приближаться к прогалинам еще потому, что вблизи от них на деревьях водились опасные насекомые — страшные черные осы и грозные муравьи. Крупные лишай, кожистые серые наросты и выступы покрывали стволы деревьев, мшистый зеленый покров одевал гребни высоких корней. Эти плоские корни нередко высотой в пять-шесть локтей отходили от ребер гигантских стволов, как наклонные подпорки. В глубоких ямах между ними мог бы поместиться весь отряд из двенадцати путников. Корни деревьев заходили друг за друга и чрезвычайно затрудняли передвижение — приходилось перелезать через них или обходить, пробиваясь по узким коридорам. Ноги тонули в массе полусгнивших веток, листьев и высохших побегов, устилавших почву толстым слоем. Кучками встречались белесые грибы с тяжелым трупным запахом. Только там, где деревья не были так высоки, корни не затрудняли путь и ноги отдыхали на покрове мягких мхов. Зато в этих местах

¹ Древовидные папоротники циатея и тодея высотой до 10 метров.

рос колючий густой кустарник, принуждавший людей делать обходы или прорубаться сквозь него, теряя силы и время. Какие-то пятнистые слизняки падали с ветвей на голые плечи путников и обжигали ядовитой слизью. Изредка в сумраке мелькала и бесшумно исчезала тень зверя — люди нередко даже не успевали определить породу животного. Ночью здесь господствовала та же глубокая тишина, нарушавшаяся жалобным воем неведомого ночного хищника или резкими криками неизвестной птицы.

Путешественники перевалили через множество невысоких горных гряд, ни разу не выходя на свободное от деревьев пространство. Между хребтами лес был еще гуще; сырой и душный, пахнущий прелой землей воздух долин стеснял дыхание людей.

Миновав долину, по дну которой катился среди больших камней быстрый поток прохладной воды, путники присели отдохнуть.

Начался долгий подъем.

Два дня поднимались в гору путники. Лес становился все гуще и непроницаемее. Исчезли поляны, на которых можно было найти пищу, поваленные гигантские деревья чаще заграждали дорогу. Отряд, избегая колючих завес из тонких упругих стеблей, свисавших сверху, или непроницаемых зарослей кустарников и мелких деревьев, пробирался на четвереньках в промоинах дождевых потоков, бороздивших склоны.

Жесткая сухая земля сыпалась из-под ладоней и колен. Люди ползли в этом лабиринте, держа направление только по водяным рытвинам.

Постепенно становилось все прохладнее, точно в самом деле отряд попал в глубокое, сырое подземелье.

Уже совсем стемнело, когда склон кончился, и, по видимому, путники поднялись на плоскогорье. Больше не было промоин от дождевых потоков, и, чтобы не потерять направления, путешественники остановились на почлег. Ни одной звезды не блеснуло сквозь зеленый свод. Сильный ветер бушевал где-то вверху. Пандион долго лежал без сна, прислушиваясь к гулу леса, очень похожему на шум близкого моря. Рокот, шелест и стук ветвей в порывах ветра сливались в могучие всплески, напоминавшие мерные раскаты прибою.

Рассвет не наступал особенно долго — солнечный

свет задерживался сплошным туманом. Наконец невидимое солнце одолело сумрак, и перед людьми предстало подавляющее, угрюмое зрелище.

Стволы чудовищных деревьев, в полтораста локтей высоты, с черной и белой гладкой корой, уходили своими вершинами в молочную густую мглу, совершенно скрывавшую обомшелые ветви. Пропитанные водой мхи и лишайники длинными темными космами или седыми бородами увешивали деревья, раскачиваясь подчас на страшной высоте. Вода хлюпала под ногами, выделяясь из губчатой сетки переплетенных корней, трав и мхов. Густые заросли кустов с большими листьями заграждали путь. Крупные бледные цветы в виде ячеистых шаров тихо качались в тумане на длинных ножках.

Черные и белые колонны поперечником в четыре локтя громоздились несметной толпой, серый туман клубился вокруг них, по коре стекали мелкие струйки воды. Иногда стволы были одеты толстым одеялом из мокрого мха. В этом страшном лесу дальше тридцати — сорока локтей ничего не было видно; нельзя было ступить, не прорубив себе дороги у подножия древесных гигантов.

Нагромождения исполинских поваленных стволов совершенно подавляли много испытавших путников. Хуже всего была невозможность ориентироваться — ничто не давало возможности проверить взятое направление.

Негры зябли в холодном тумане, испуганные еще не виданной мощью леса; ливийцы были совсем угнетены. Путникам казалось, что они зашли в самое обиталище лесных богов, запретное для людей, откуда нет выхода.

Кави сделал знак Пандиону — оба вооружились ножами и с бешенством принялись рубить мокрые ветви. Понемногу ободрились и другие товарищи; люди работали, сменяя друг друга, переползали через горы исполинских стволов, путались, ища выхода среди чудовищных корней, и снова утопали в непроходимой зелени. Часы шли и шли; все так же висела вверху белая мгла, все так же тяжело и медленно капала с деревьев вода, воздух не становился теплее, и только по серовато-красному оттенку тумана люди поняли, что наступает вечер...

— Нигде нет прохода! — С этим известием Кидого сел на корень, в отчаянии сжимая голову.

Два проводника вернулись еще раньше с такими же результатами.

Узкая прогалина протянулась на тысячу локтей поперек прорубленного пути. Позади был мрачный гигантский лес, через который с нечеловеческими усилиями отряд пробивался три дня. Впереди стояла сплошная заросль высокого бамбука. Блестящие коленчатые стволы поднимались на двадцать локтей, плавно нагибая вниз свои тонкоперистые верхушки. Бамбук рос так тесно, что не было никакой возможности проникнуть в глубь этой густой решетки из прямых, как копья, коленчатых труб. Перед путниками встала непроницаемая ограда. Полированная поверхность круглых стволов была так тверда, что бронзовые ножи путников притуплялись при первых же ударах. Для борьбы с этой стеной нужно было иметь топоры или тяжелые мечи. Обойти бамбуковую заросль было невозможно — прогалина смыкалась в том и другом конце густой чащи, а бамбуки, насколько было видно, протягивались широким поясом в обе стороны, в туманную даль плоскогорья.

Измученные холодом, недостатком пищи и борьбой со страшным лесом люди потеряли свою обычную энергию — слишком тяжело досталась им последняя часть пути! Но они не могли смириться с необходимостью повернуть назад.

Чтобы пройти сквозь эти страшные леса, мало было соблюдать прежнее направление на юго-запад, мало было прорубаться и пробиваться изо всех сил сквозь могучую растительность — нужно было еще знать, где можно пройти. Эти места могли указать только живущие в лесу люди, но они отряду не встретились. Поиски лесных людей скорее всего закончились бы гибелью путников на вертелах пиршественных костров.

«Не прошли, не пробились!» — одна и та же мысль отражалась на лицах всех девятнадцати человек: в складках суровости, гримасах отчаяния, маске застывшей покорности.

Кидого, оправившийся от первого приступа отчаяния, стоял, запрокинув голову вверх, к огромным ветвям, простертым над прогалиной на высоте ста локтей. Пандион быстро подошел к другу, поняв его мысли.

— Разве можно влезть туда? — спросил молодой элин, глядя на совершенно гладкие стволы непомерной высоты.

— Нужно, хотя и придется потратить целый день,—

хмуро сказал Кидого.— Назад или вперед, но больше нельзя идти наугад — нет еды.

— Вот с этого дерева будет хорошо видно.— Пандион указал на лесного гиганта с белой корой, выдвинувшегося на поляну; его кривые сучья образовывали звезду на фоне неба.

Кидого отрицательно покачал головой:

— Нет, белокорое дерево не годится, не подходит и с черной корой¹. У них древесина тверда, как железо, в нее не вбить даже ножа, не то что деревянного клина. Найдем, может быть, дерево с корой красного цвета и крупными листьями², тогда влезем.

Люди принялись искать подходящее дерево вдоль прогалины. Вскоре возвестили, что оно найдено. Дерево было ниже железных гигантов, но стояло вплотную к бамбукам, возвышаясь над зарослью больше чем на полсотни локтей. Путники с трудом срубили два толстых бамбука, раскололи на щепки в локоть длиной, каждую заострили с одного конца. С помощью тяжелой ветки Кидого и Мпафу стали загонять в мягкую древесину дерева щепку за щепкой и, забираясь все выше, достигли спиральной лианы, обвивавшей ствол. Тогда, опоясавшись тонкими лианами, Кидого и его товарищ, изо всех сил упираясь ногами в ствол и далеко откидываясь от дерева, стали подниматься на огромную высоту. Скоро их темные фигуры сделались маленькими на фоне тяжелых облаков, затянувших небо. Пандиона вдруг обожгла зависть к друзьям. Они там, наверху, видят мир, а он остается внизу, в тени, подобно большому красно-голубым червям, встречающимся в промоинах лесной почвы.

Молодой эллин внезапно решился и схватился за вбитые бамбуковые колышки. Махнув рукой на предостерегающий окрик этруска, Пандион быстро вскарабкался на ствол, схватился за спиральную лиану, отрезал свисавший сверху тонкий конец другого ползучего растения и повторил прием Кидого. Это оказалось вовсе не легко — жесткая лиана страшно резала спину. Едва только Пандион ослаблял давление, ноги соскальзывали, и он больно обдирал колени о твердую кору. С большим трудом Пандион поднялся до половины ствола. Перистые

¹ Деревья различных пород: железное дерево, фикус, желтое дерево, макаранга, полисциас и многие другие.

² Дерево хайя, с мягкой древесиной.

верхушки бамбуков качались под ним желтеющей неровной порослью, а до громадных сучьев все еще было высоко. Сверху раздался зов Кидого, и крепкая лиана, завернутая петлей, коснулась плеча молодого эллина. Пандион пропустил петлю под руки, лиану осторожно потянули сверху, и эта поддержка оказала эллину огромную помощь. С ободранными ногами, усталый, но радостный, молодой эллин скоро достиг нижних, самых больших ветвей. Здесь, между двумя огромными сучьями, уютно устроились Кидого и его товарищ.

С высоты восьмидесяти локтей взглянул Пандион вперед, и впервые за много дней широкий горизонт открылся перед ним. Заросль бамбука обрамляла лес на высоком плоскогорье. Бамбуковый пояс простирался в стороны насколько хватал глаз; в ширину он был не более четырех-пяти тысяч локтей. За ним торчала невысокая гряда черных скал, наклонно устремленных к западу цепью редких косых зубцов. Дальше местность опять слегка понижалась. Бесконечные округлые горы, покрытые густым лесом, курчавились, как плотные зеленые облака, разделенные впадинами ущелий, заполненных клубящейся туманной мглой. В них скрывались бесчисленные дни голодного и тяжелого сумрачного похода, именно туда лежал путь отряда. Но нигде не было заметно никакого просвета в этой сплошной зеленой массе, над которой медленно ходили большие хлопья белого тумана, ни поляны, ни широкой долины. Пробриться вперед на то расстояние, которое сейчас охватывали глаза, у путников вряд ли хватило бы сил. А дальше, за неразличимой мглой горизонта, могло быть то же самое, и тогда гибель стала бы неминуемой.

Кидого отвернулся от расстилавшейся под ним дали и поймал взгляд Пандиона. Молодой эллин прочитал в выпуклых глазах друга тревогу и усталость — неистощимая бодрость негра угасла, лицо его сморщилось в горькой гримасе.

— Надо смотреть назад,—упавшим голосом сказал Кидого, вдруг выпрямился и пошел по ветви, горизонтально простершейся далеко вперед над бамбуками.

Пандион сдержал крик страха, а негр как ни в чем не бывало шел, чуть заметно покачиваясь на страшной высоте, к концу ветки, где дрожали от его шагов овалы-ные крупные листья. Ветвь согнулась. Пандион в ужасе замер, но Кидого уже сел на развилку верхом, свесил

в пустоту ноги, уперся обеими руками в тонкие ветки и стал вглядываться в пространство за правым углом прогалины. Пандион не посмел пойти за товарищем. Затаяв дыхание, эллин и Мпафу ждали сообщений Кидого. Внизу, почти незаметные с высоты, следили за всем происходящим на дереве остальные шестнадцать товарищей.

Кидого долго качался на пружинящей ветке, потом, не говоря ни слова, вернулся к стволу.

— Беда не знать дороги,— уныло сказал он.— Мы могли бы пройти сюда гораздо легче... Там,— негр махнул рукой на северо-запад,— близко от нас степь. Мы должны были идти правее, не входя в лес... Нужно возвратиться к степи. Может быть, там есть люди: на краю леса всёгда больше людей, чем в степи или в самом лесу.

Спуск с дерева оказался гораздо страшнее подъема. Если бы не помощь друзей, Пандион никогда не сумел бы слезть так быстро, а еще вернее — упал бы и погиб. Едва только молодой эллин ступил на землю, как ослабевшие от нервного напряжения ноги его подкосились и он растянулся на траве под смех товарищей. Кидого рассказал обо всем виденном с дерева и предложил повернуть под прямым углом в сторону от намеченного пути. К удивлению Пандиона, ни одного слова протеста не последовало со стороны товарищей, хотя всем было ясно, что они потерпели поражение в борьбе с лесом, что задержка в пути может быть очень долгой. Промолчал даже упрямый этруск Кави, должно быть понимая, как измучились люди в тяжелой борьбе, оказавшейся к тому же напрасной.

Пандион помнил о словах Кидого в начале похода и представлял себе, что путь вокруг лесов далек и опасен. Вдоль рек и на окраине леса живут свирепые племена, для которых девятнадцать путников не представляют сколько-нибудь серьезной силы...

Степь с низкими, редко и правильно расставленными деревьями, похожая на фруктовый сад, сбегала к быстрой речке. К ним река нанесла длинный вал из стволов, ветвей и стеблей тростника, высохших и побелевших...

Отряд беглецов, миновав пальмовую рощу, полностью поваленную слонами, расположился под густым невысоким деревом¹. Благовонная смола стекала по стволу, сви-

¹ Дерево благовоний.

савшие с ветвей и ствола длинные лохмотья шелковистой коры монотонно шелестели под легким ветром, навевая дремоту на уставших людей.

Внезапно Кидого поднялся на колени; насторожились и остальные. К реке приближался огромный слон. Его появление могло оказаться недобрым. Люди следили за размашистым шагом животного, неторопливо переваливавшегося как бы внутри своей собственной толстой кожи. Слон приближался, беспечно размахивая хоботом, и что-то в его повадке не походило на обычную осторожность этих чутких, внимательных животных. Вдруг слышались человеческие голоса, но слон даже не поднял своих гигантских ушей, закинутых на затылок. Озадаченные путники, переглядываясь, встали и тотчас же, как по команде, приникли к земле — рядом со слонем виднелось несколько человеческих фигур. Только теперь товарищи Пандиона увидели, что на широкой шее слона лежал человек, упиравшись скрещенными руками в затылок животного. Слон подошел к реке, вступил в помутневшую под столбами его ног воду. Огромные уши вдруг растопырились, увеличив голову гиганта втрое. Маленькие коричневые глазки всматривались в глубину речки. Лежавший на слоне человек сел, громко хлопнул животное по покатоному черепу. Резкий крик «хейя!» раздался по реке. Слон покачал хоботом, схватил им большой ствол из речного наноса и, высоко подняв его над головой, швырнул в середину речки. Тяжелое дерево громко плеснуло, скрывшись под водой, и вынырнуло несколько мгновений спустя ниже по течению. Слон бросил еще несколько стволов, потом, осторожно ступая, вышел на середину речки и остановился, повернувшись головой против течения.

Тогда пришедшие вместе со слонем — их было восемь человек — чернокожие юноши и девушки с хохотом и криками бросились в холодную воду. Они возились, топтали друг друга — смех и звонкие шлепки по мокрому телу далеко разносились вокруг. Сидевший на слоне весело кричал, но не переставал следить за рекой, время от времени заставляя слона бросать в воду грузные куски дерева.

Путники с удивлением смотрели на происходящее. Дружба людей с огромным слонем была невероятным, неслыханным чудом — всего в трех сотнях локтей стояло серое чудовище, покорное человеку. Как могло слу-

читься, что животное, не знающее себя равных по величине и силе, безраздельно владычествовавшее в степях и лесах, склонилось перед человеком, таким хрупким, слабым и незначительным в сравнении с серой глыбой в шесть локтей от земли до плеча? Что это за люди, подчинившие себе гигантов Африки?

Кави с загоревшимися глазами ткнул в бок Кидого. Негр оторвался от наблюдения за веселой забавой и зашептал в ухо этруску:

— Я слышал еще в детстве: на границе лесов и степей где-то живут люди, прозванные повелителями слонов. Вижу, что это не сказка. Вот стоит слон и охраняет купающихся от крокодилов... Говорили, что это люди родственного нам народа и язык их подобен нашему...

— Ты хочешь пойти к ним? — задумчиво спросил этрусск, не сводя глаз с человека на слоне.

— Хочу и не знаю... — замылся Кидого. — Если мой язык — их язык, тогда они поймут нас и мы разведем дорогу. Но если их речь другая — плохо: они уничтожат нас, как цыплят!

— Они едят человеческое мясо? — помолчав, снова заговорил Кави.

— Я слышал, что нет. Этот народ богат и силен, — отвечал негр, в замешательстве грызя травинку.

— Я бы попробовал узнать их язык теперь же, не заходя в их селение, — сказал этрусск. — Здесь только невооруженная молодежь, и, если сидящий на слоне нападет на нас, мы укроемся в траве и кустах. А в селении мы все погибнем, если не сговоримся с победителями слонов...

Совет этруска поборол сомнения Кидого. Негр выпрямился во весь свой высокий рост и медленно пошел к реке. Крик слонОВОЖАТОГО прекратил возню купальщиков; те замерли по пояс в воде, глядя на противоположный берег.

Слон грозно повернулся в сторону приближающегося Кидого, хобот, шурша, взвился над длинными белыми бивнями, уши опять раскинулись широкими обвисшими крыльями. Сидевший на слоне вглядывался в пришельца; в правой руке вожатого слегка покачивался поднятый наготове широкий нож с крючком на конце.

Кидого молча подошел почти к самой воде, положил на землю копьё, наступил на него ногой и развел в стороны безоружные руки.

— Здравствуй, друг,— медленно и старательно выговаривая слова, сказал Кидого.— Я здесь со своими товарищами. Мы одинокие беглецы, возвращающиеся на родину, и хотим просить помощи у твоего племени...

Слоновожатый молчал. Притаившиеся под деревом путники с замиранием сердца ожидали, поймет он речь Кидого или нет. От этого зависела судьба скитальцев.

Слоновожатый опустил нож. Слоно переступил в журчавшей вокруг его ног воде, свесив хобот между бивнями. Вдруг туземец заговорил, и вздох облегчения вырвался из груди Пандиона, а стоявший в напряжении Кидого радостно встрепенулся. Речь слоновожатого отличалась резкими ударами и шипящими звуками, отсутствовавшими в певучем языке Кидого, но даже Пандион узнал в ней знакомые слова.

— Откуда ты, пришелец? — раздался вопрос, с высоты слона звучавший надменно.— Где твои товарищи?

Кидого объяснил, что они были в плену в Та-Кем и пробиваются на родину — на берег моря. Негр жестом подозвал товарищей — все девятнадцать человек, исхудалые и мрачные, встали на берегу.

— Та-Кем... — по складам произнес слоновожатый.— Что это такое, где такая страна?

Кидого рассказал о могущественной стране на северо-востоке, расположенной вдоль огромной реки, и слоновожатый удовлетворенно закивал головой.

— Я слышал о ней — это страшно далеко. Как вы могли пройти оттуда? — В словах слоновожатого зазвучало недоверие.

— Это длинная речь, — устало сказал Кидого.— Посмотри на них, — негр указал на Кави, Пандиона и группу ливийцев, — разве ты видел таких людей?

Слоновожатый с интересом разглядывал необыкновенные лица. Недоверие в его взгляде постепенно исчезало, потом он хлопнул рукой по затылку слона:

— Я молод и не могу ничего решить без старших. Перейдите на наш берег, пока слон в реке, и ждите. Что передать вождям от вас?

— Передайте, что усталые путники просят разрешения отдохнуть в селении и узнать дорогу к морю. Больше нам ничего не нужно, — четко ответил Кидого.

— Неслыханное дело, невиданные люди! — с интересом заключил слоновожатый, повернулся к своим соплеменникам и заключил: — Идите вперед, я догоню!

Молодые люди, безмолвно созерцавшие пришельцев, послушно бросились на берег, оглядываясь и переговариваясь. Слоновожатый повернул слона боком к течению. Путники по грудь в воде перебрались на другой берег. Тогда слоновожатый, заставив животное идти быстрым шагом, исчез в редких деревьях следом за купальщиками. Бывшие рабы уселись на камнях в тревожном ожидании. Больше всех волновались ливийцы, но Кидого уверял, что повелители слонов не сделают им ничего дурного.

Вскоре в степи показались четыре слона. На спинах животных были привязаны широкие помосты из плетеных ветвей. На каждом помосте сидело шесть воинов, вооруженных луками и очень широкими копьями. Под этой охраной бывшие рабы дошли до селения, находившегося неожиданно близко от места встречи — у поворота той же речки, в четырех тысячах локтей на юго-востоке.

На всхолмленной местности, утопая в высокой зелени, издалека виднелось около трехсот хижин.

Слева раскинулся редкий лес, направо, в стороне, стояла высокая изгородь из огромных заостренных столбов, подпертых наружными раскосинами. Вокруг шел глубокий ров, усаженный по краю частоколом острых бревен. Пандион подивился размерам сооружения, а Кидого высказал догадку, что там, по-видимому, держат слонов.

Опять, как и много дней назад, на востоке, пришельцы предстали перед вождями и старейшинами огромного селения, опять рассказывалась необыкновенная повесть о мятежных рабах, к которой прибавился новый подвиг далекого пути по неизвестной стране. Вожди подробно расспрашивали путников, осматривали их оружие, красные клейма с именем фараона на спинах, заставляли Пандиона и Кави рассказывать о своих странах на севере далекого моря. Пандиона удивил широкий кругозор этих людей — они не только слышали о стране Нуб, откуда пришли чужеземцы, но знали еще множество мест Африки на восток, север, юг и запад.

Кидого торжествовал: теперь повелители слонов покажут дорогу к родине, и скитальцы быстро достигнут ее, следуя верным путем.

Короткое совещание старейшин решило участь пришельцев: им было позволено отдохнуть несколько дней в селении, получить кров и пищу по священному долгу гостеприимства.

Бывших рабов поместили в большой хижине на окраине селения — усталые путники могли спокойно отдыхать. Еще больше подбодрило их то, что близок конец странствований.

Пандион, Кидого и Кави бродили по селению, приглядываясь к жизни народа, внушавшего им уважение своей властью над гигантскими животными. Пандион изумлялся длинным загородкам для привязи скота, сделанным из слоновых бивней¹. Молодому эллину чудилось в этом нарочитое презрение к страшным чудовищам. Каким же количеством клыков располагал народ, если мог тратить драгоценную слоновую кость на такие пустяковые дела? Когда Пандион задал такой вопрос одному из жителей поселка, тот важно посоветовал ему попросить у вождей разрешения осмотреть большой склад в центре поселения.

— Там сложено клыков вот сколько! — Человек показал на прогалину между двумя хижинами длиной в полтора локтя и затем поднял над головой палку, обозначив высоту сложенной из бивней стены.

— Как вы можете повелевать слонами? — не утерпев, задал вопрос Пандион.

Собеседник его нахмурился и подозрительно посмотрел на эллина.

— Это тайна для чужеземцев, — медленно ответил он. — Спроси, если хочешь, об этом у вождей. Те из них, которые носят на шее золотую цепь с красным камнем, и есть главные учителя слонов...

Пандион вспомнил, что им было запрещено приближаться к окруженной рвом изгороди, и замолчал, досадуя на себя за промах. В это время Кидого позвал друга — негр оказался под длинным навесом, где работали несколько человек. Пандион увидел там гончарную мастерскую — мастера повелителей слонов изготавливали большие глиняные горшки для зерна и пива.

Кидого не утерпел. Взяв большой ком хорошо размешанной влажной глины, негр уселся на корточки, поднял глаза к тростниковому потолку, подумал и принялся лепить уверенными движениями своих больших, истосковавшихся по любимой работе рук. Пандион следил за работой друга; мастера, пересмеиваясь, не прерывали

¹ Загородки из слоновых бивней встречались в верховьях Нила у шиллуков еще в середине XIX века.

своего дела. Медленно срезали, сглаживали и приминали глину черные руки, в бесформенной массе стали намечаться контуры широкой заостренной спины, складок кожи, свисавшей мешком с плеч,— в глине выступил характерный облик слона. Гончары умолкли и, оставив работу, окружили Кидого, а тот, увлекшись, не обращал ни на кого внимания.

Вот твердо стали на почву толстые ноги, слон поднял голову с вытянутым вперед хоботом. Кидого нашел несколько палочек и, воткнув их веером, вылепил на этой основе раскинутые в сторону перепончатые уши. Восторженные восклицания слышались... и смолкли. Один из гончаров незаметно вышел из-под навеса и исчез.

Кидого работал над задними ногами слона, не замечая, что в круг собравшихся зрителей вошел вождь — старик с длинной, худой шеей, с массивным крючковатым носом и маленькой поседевшей бородкой. На груди вождя Пандион увидел красный камень на золотой цепи — это был один из главных учителей слонов.

Старик молча следил за окончанием работы негра. Кидого отошел, потирая запачканные в глине ладони, улыбаясь и критически осматривая фигуру слона высотой в локоть. Горшечники одобрительно завопили. Старый вождь поднял тяжелые брови, и шум утих. Старик с видом знатока притронулся к мокрой глине, потом сделал Кидого знак подойти к нему.

— Ты, я вижу, мастер,— многозначительно произнес вождь,— если легко и просто сделал то, чего не может ни один из нашего народа. Отвечай: можешь ли ты сделать такое же изображение, но не слона, а человека? — И вождь ткнул себя в грудь.

Кидого отрицательно замотал головой. Вождь помрачнел.

— Но среди нас есть мастер лучше меня, мастер далекой северной страны,— сказал Кидого.— Твое изображение может сделать он.— Негр указал на стоявшего поблизости Пандиона.

Старик повторил свой вопрос, обращаясь к молодому эллину. Пандион увидел умоляющие глаза друга и согласился.

— Только знай, вождь,— сказал Пандион.— На моей родине высекают фигуры из мягкого камня или вырезают из дерева. Здесь у меня нет ни инструментов, ни кам-

ня, я могу тебя сделать только из этой же глины. Вот так...— И молодой эллин провел ребром ладони поперек груди.— Глина скоро высохнет и растрескается, твое изображение простоит лишь несколько дней...

Вождь улыбнулся.

— Я хочу только посмотреть, что может сделать чужеземный мастер,— сказал старик.— И наши мастера пусть посмотрят.

— Хорошо, я попробую,— отвечал Пандион.— Но тебе придется сидеть передо мной, пока я буду работать.

— Зачем? — удивился вождь.— Разве ты не можешь лепить, как он? — Старик показал на Кидого.

Пандион замялся, подыскивая слова.

— Я сделал просто *слона*,— вмешался в разговор Кидого.— Но разве ты, учитель слонов, не знаешь, что один слон не походит на другого? Только незнакомому с ними человеку слоны кажутся все, как один.

— Ты сказал верно,— согласился вождь.— Для меня видна сразу душа любого слона, и я могу предсказать его поведение.

— Вот,— подхватил Кидого,— чтобы сделать такого слона, я должен видеть его перед глазами. Так и мой товарищ: он сделает не просто человека, а именно тебя, и ему нужно смотреть на тебя при работе.

— Я понял,— сказал старик.— Пусть твой товарищ приходит ко мне в час дневного отдыха, и я буду сидеть перед ним.

Вождь удалился. Гончары поставили глиняное изображение слона на деревянную скамейку. Любопытные жители всё прибывали.

— Ну, Пандион,— сказал Кидого другу,— в твоих руках наша судьба. Если твоя статуя понравится вождю, повелители слонов помогут нам...

Молодой эллин кивнул головой, и оба друга пошли к дому, провожаемые толпой детей, следовавших по пятам за странными пришельцами.

— Ты можешь говорить? — спросил вождь, откинувшись на высоком неудобном сиденье, в то время как Пандион торопливо накладывал принесенную гончаром глину на толстый обрубок дерева.— Это не мешает твоему делу?

— Могу, только я плохо знаю ваш язык,— отвечал Пандион.— Я не смогу понять всего, что ты скажешь, и буду отвечать тебе малыми словами.

— Тогда позови твоего друга, жителя приморских лесов, пусть он будет с тобою. Мне скучно сидеть подобно безъязычной обезьяне!

Явился Кидого и уселся, поджав ноги, у стула вождя, между стариком и Пандионом. С помощью негра вождь и эллин смогли довольно свободно беседовать. Вождь расспрашивал Пандиона о его земле, и Пандион проникся доверием к умному, много повидавшему повелителю слонов.

Пандион рассказал старику о своей жизни на родине, о Тессе, о путешествии на Крит, рабстве в Та-Кем и своих намерениях вернуться на родную землю. Он говорил, пальцы его лепили, а Кидого переводил все сказанное.

Скульптор работал с особенным вдохновением и упорством. Статуя вождя чудилась ему указательным столбом в гавань его родины. Воспоминания разожгли нетерпение, остановка у повелителей слонов опять томилась молодого эллина.

Старик вздохнул и пошевелился: он, видимо, устал.

— Скажи мне что-нибудь на своем языке,— вдруг попросил старый вождь.

— То элленикон элефтерон! — громко произнес Пандион.

Странно зазвучали здесь, в глубине Африки, слова, которые так любил повторять его дед, рассказывая мальчику Пандиону о славе и героях родного народа.

— Что ты сказал? — переспросил вождь.

Пандион объяснил, что эти слова выражают мечту каждого жителя его страны: «Эллинское свободно».

Старик задумался. Кидого осторожно заметил Пандиону, что вождь устал и на сегодня хватит.

— Да, довольно! — поднял голову учитель слонов.— Приходи завтра. Сколько дней тебе еще нужно?

— Три дня! — уверенно сказал Пандион, несмотря на предостерегающие знаки Кидого.

— Три дня — это ничего, я потерплю,— согласился старик и поднялся с сиденья.

Пандион и Кидого обернули глину мокрой тканью и убрали в темную кладовую, рядом с домом вождя.

На второй день оба друга рассказали вождю о Та-Кем, его могуществе, исполинских постройках. Старик хмурился, но слушал с интересом. Когда Пандион упомянул об однообразии узкого мира египтян, вождь ожил.

— Теперь пора вам узнать о моем народе,— важно сказал старик.— Вы унесете вести о нем в ваши далекие страны.

И вождь поведал друзьям, что повелители слонов, пользуясь своим могуществом, совершают далекие путешествия по стране. Единственная опасность, которая грозит им, едущим на слонах, исходит от встречных стад слонов: слон всегда может неожиданно решиться уйти к своим диким сородичам. Но есть известные способы предотвратить это.

Вождь говорил о том, что дальше на восток и на юг от тех мест, где жили у гостеприимного народа бывшие рабы, за болотами и горами лежат пресные моря¹. Они так велики, что по ним можно плавать только на особых лодках, и для того, чтобы пересечь пресное море, требуется несколько дней. Эти пресные моря идут цепью друг за другом в южном направлении, окаймлены горами, извергающими дым, пламя и огненные реки. Но за морями опять идет суша—высокие плоскогорья, населенные многочисленными животными, а настоящий край земли—берег бесконечного моря—лежит на восток за каймой болот.

На плоскогорьях стоят не очень далеко друг от друга две гигантские, ослепительно белые горы², красоту которых не может представить человек, не видевший их.

Дремучие леса опоясывают эти горы, в лесах обитают дикие люди и таинственные звери редкой древней породы, описать которые невозможно. Повелители слонов видели ущелья, заваленные огромными костями вперемешку с останками людей и обломками их каменного оружия. Дикие кабаны, ростом с носорога, иногда попадались в зарослях вблизи северной белой горы, и один раз видели там животное не меньше слона, только более тяжелое, с двумя рогами, расположенными рядом на конце морды.

На пресных морях живут люди в плавающих селениях³, неуязвимые для врагов и сами не дающие никому пощады.

Пандион спросил вождя, как далеко идет на юг земля

¹ Пресные моря—цепь Великих озер Восточной Африки.

² Кения и Килиманджаро—две высочайшие вершины Африки с вечными снегами и ледниками.

³ Плавающие селения встречаются в настоящее время на Великих озерах. Построены на больших плотках.

Африки и верно ли то, что там солнце опять спускается ниже.

Старик воодушевился. Оказалось, что он сам начальствовал в великом походе на юг, когда ему не исполнилось еще сорока лет.

Они шли на двадцати отборных слонах за золотом и за драгоценной травой тамошних степей, возвращающей силы старикам и больным.

За большой рекой¹, текущей с запада на восток, где гремят исполинские водопады и в столбах водяных брызг стоит вечная радуга, простирается необозримая степь голубых трав². По краям степи, вдоль моря, на западе и на востоке растут могучие деревья, листья которых будто сделаны из полированного металла и горят на солнце, как миллионы зеркал³.

Цвет травы и листьев на дальнем юге не зеленый, а серый, голубой или сизый, что придает местности чужой и холодный вид. И на самом деле, чем дальше на юг, тем холоднее. Дожди, которые там наступают во время нашей засухи, кажется, совсем уносят тепло.

Старик рассказал Пандиону о необычайном серебряном дереве, встречающемся далеко на юге, в горных ущельях. Это дерево, высотой до тридцати локтей, имеющее тонкую, поперечно морщинистую кору, густые ветви, покрытые блестящими, как серебро, и мягкими, как пух, листьями, исполнено волшебного очарования.

Бесплодные каменистые горы поднимаются исполинскими лиловыми башнями и отвесными стенами, а у их подножия ютятся корявые деревья, покрывающиеся большими пучками ярко-красных цветов.

В бесплодных местах степи и на россыпях скал растут уродливые кусты и низкие деревья⁴. Мясистые листья, наполненные ядовитым соком, сидят, как растопыренные пальцы, на самых концах попарно разветвленных, устремляющихся прямо в небо ветвей. У других такие же листья красноватого цвета загибаются вниз и образуют

¹ Замбези с ее знаменитым водопадом Виктория.

² Степь голубых трав — южноафриканская степь. Южная Африка отличается особенной растительностью, в которой преобладает сизая, голубоватая и зеленовато-голубая окраска растений.

³ Деревья с зеркально блестящими листьями характерны для лесов Южной Африки.

⁴ Разные виды алоэ семейства лилейных, также драконовых деревьев.

густую шапку на конце кривого ствола без ветвей, в четыре локтя высоты.

Близ реки и на опушках лесов встречаются развалины древних построек, сделанных из огромных камней — видимо, могущественным и искусным народом. Однако сейчас никто не живет около развалин, только страшные дикие собаки воют в них при свете луны. По степи бродят кочевники-скотоводы или нищие охотники. Еще дальше на юг обитают народы с серой светлой кожей¹, владеющие бесчисленными стадами, но туда не заходил отряд повелителей слонов.

Пандион и Кидого жадно слушали вождя. Повесть о голубой южной степи казалась сказкой, вплетенной в действительность, но голос старика звучал убедительно, он часто устремлял вдаль возбужденно блестящие глаза, и Пандиону казалось, что перед стариком проходили сохраненные памятью картины.

Вдруг вождь оборвал рассказ.

— Ты перестал работать, — усмехнулся он. — Тогда мне придется сидеть перед тобой еще много дней!

Пандион заторопился, но это, пожалуй, было не нужно: молодой скульптор чувствовал, что бюст старого вождя удался ему, как ни одна вещь прежде. Мастерство зрело в нем незаметно и постепенно, несмотря на все перенесенные испытания; опыт и наблюдения в Айгюптосе не прошли даром.

На третий день Пандион несколько раз сравнивал лицо вождя со своей глиняной моделью.

— Готово! — сказал он, глубоко вздохнув.

— Ты кончил? — переспросил вождь и на утвердительный кивок головы скульптора встал и подошел к своему изображению.

Кидого восторженно смотрел на создание Пандиона, едва сдерживая слова одобрения.

Одноцветная глина приняла все характерные черты властного, умного и сурового лица с твердыми, выдвинутыми вперед челюстями, широким покатым лбом, тяжелыми губами и раздувшимися ноздрями толстого носа.

Старый вождь негромко крикнул, обернувшись к дому. На зов появилась одна из жен, молодая, со множеством мелких косичек, подрезанных челкой над бровя-

¹ Народы готтентотского типа в древние времена были распространены гораздо шире, чем теперь. Есть основания думать об их родстве с древними египтянами.

ми. Она подала старику круглое зеркало из полированного серебра, явно северной работы, неизвестными путями попавшее в глубь Африки. Вождь поднес зеркало на вытянутой руке к щеке изваяния и сосредоточенно стал сравнивать свое отражение с творением Пандиона.

Пандион и Кидого ожидали суждения старика. Долго молчал вождь, наконец опустил зеркало и сказал:

— Велика сила человеческого умения... Ты, чужеземец, владеешь этой силой, как никто в нашей стране. Ты сделал меня лучше, чем я есть,— значит, ты думаешь обо мне хорошо. Я отплачу тебе тем же. Какой бы ты хотел награды?

Кидого подтолкнул Пандиона, но молодой эллин ответил мудрому старику словами, казалось исходившими из самого сердца:

— Вот я весь перед тобой. У меня нет ничего, кроме копья, подаренного мне...— Пандион запнулся и порывисто закончил: — И мне ничего не нужно здесь, в чужой для меня стране... Еще у меня есть родина — она так далеко от меня, но это самое большое мое богатство. Помоги мне вернуться туда!

Учитель слов положил руку на плечо молодого эллина отеческим жестом:

— Мне хочется еще говорить с тобой — приходи завтра вместе с твоим другом. А сейчас покончим дело. Я велю нашим мастерам высушить глину так, чтобы она не растрескалась. Теперь я хочу сохранить свое изображение. Они вынут лишнюю глину изнутри и покроют ее особой смолой — они умеют это делать. Только мне не нравятся слепые глаза. Можешь ты вставить в них камни, которые я тебе дам?

Пандион согласился. Старик снова позвал жену; она появилась с ящиком, обтянутым леопардовой шкурой.

Из ящика вождь достал объемистый мешочек и высыпал из него на ладонь горсть крупных, прозрачных, как вода, граненых камней овальной формы. Необычайный искрящийся блеск их привлек внимание Пандиона — каждый камень как бы собирал в себе всю силу солнечного света, оставаясь вместе с тем холодным, прозрачным и чистым¹.

— Я всегда желал иметь такие глаза,— сказал вождь,— чтобы они собирали свет жизни, не меняясь сами. Выбери лучшие и вставь их.

¹ Алмаз.

Молодой скульптор повиновался. Статуя вождя приобрела особенный, непередаваемый вид. В серой сырой глине сияли на месте глаз светоносные камни — от их блеска лицо наполнилось волшебной жизнью. Контраст; сначала показавшийся Пандиону неестественным, потом изумил его. Чем дальше он всматривался, тем большую гармонию видел он в сочетании прозрачных глаз с темной глиной скульптуры.

Учитель слонов был очень доволен.

— Возьми себе на память эти камни, чужеземный мастер! — воскликнул вождь и высыпал в горсть Пандиону несколько штук. Некоторые превышали величиной косточку сливы. — Эти камни тоже из южных степей: их находят там в реках. Тверже и чище этих камней нет ничего в мире. Покажи на своей далекой родине чудеса юга, добытые повелителями слонов.

Пандион, поблагодарив старика, ушел, на ходу пряча подарок в мешочек с камнем Яхмоса.

— Не забудь, приходи завтра! — крикнул ему старый вождь.

В хижине бывшие рабы оживленно обсуждали, что получится в результате успеха, выпавшего на долю Пандиона. Надежда на скорое продолжение пути все крепла. Казалось невозможным, чтобы повелители слонов не отпустили путников и не показали им верной дороги.

В назначенное время Пандион и Кидого появились у дома вождя. Старик поманил их рукой. Друзья уселись у ног учителя слонов, стараясь скрыть волнение.

Старик посидел некоторое время молча, потом заговорил, обращаясь сразу к обоим:

— Я совещался с другими вождями, и они согласны со мной. Через пол-луны, после большой охоты, мы отправляем отряд на запад за целебными орехами и золотом. Шесть слонов пойдут через лес и дальше, в верховья большой речки, в семи днях пути отсюда... Дай мне палку! — приказал вождь Пандиону.

На земле старик начертил берег морского залива, углом врезавшегося в сушу, и Кидого слабо вскрикнул. Вождь провел извилистую черту, обозначающую речку с разветвлением на конце, и поставил в развилине крестик.

— Слоны дойдут вот сюда, вы пойдете за ними следом и легко перейдете в лес. Дальше вам придется идти самим, но до моря останется пять дней пути...

— Отец и владыка, ты спасеешь нас! — вне себя закричал Кидого. — Эта речка течет уже в пределах моей страны, и мне знакомо золотоносное плоскогорье... — Негр вскочил и заметался перед вождем.

— Я знаю, — спокойно сказал старик, насмешливо улыбаясь. — Я знаю твой народ и твою страну и некогда знал там сильного вождя Иорумефу.

— Иорумефу! — захлебнулся Кидого. — Это мой дядя по матери...

— Хорошо, — перебил вождь негра. — Ты передашь ему привет от меня. Теперь ты понял все? — И, не дожидаясь ответа, он закончил: — Я хочу говорить с твоим другом. — Вождь повернулся к Пандиону. — Я чувствую, ты будешь большим человеком в своей стране, если удастся тебе вернуться на родину. Ты расскажешь там о нас. Народы должны знать друг друга, а не бродить в потемках, вслепую, подобно стадам животных в степи или в лесу. Одни искусны в охоте, другие племена — в мастерстве, или добывании металлов, или плавании... Хорошо бы нам учиться друг у друга, передавать знания. Тогда могущество людей быстро возросло бы!

— Ты прав, мудрый вождь, — ответил Пандион, — но почему же тогда вы окружаете такой тайной обучение слонов? Почему не расскажете об этом другим племенам, чтобы те тоже жили в довольстве, подчинив себе страшных великанов?..

— Обучение слонов — тайна только для глупцов, — улыбнулся старик. — Любой умный человек легко ее разгадает... Но, помимо тайны, есть тяжелый и опасный труд, исполненный бесконечного терпения. Мало одного ума — нужна еще и работа. Мало в здешней земле племен, которые обладали бы сразу тремя качествами, имеющимися у моего народа: умом, трудолюбием и безмерной отвагой. Чужеземец, знай, что взрослого слона приручить невозможно. Мы ловим их совсем молодыми. Молодой слон обучается десять лет. Десять лет упорного труда нужно затратить, чтобы животное стало понимать приказания человека и выполнять нужную работу.

— Десять лет! — воскликнул озадаченный Пандион.

— Да, не меньше, если ты правильно определил характер слона. Если ты ошибся, ты не справишься с ним и в пятнадцать. Среди слонов есть и упрямы и тупицы. Не забудь еще, что добыча молодых слонов связана с огромной опасностью. Мы должны ловить их своими ру-

камн без помощи обученных слонов, иначе прирученные животные тоже уйдут со стадом. Они помогают уже потом, когда стадо прогнано, а молодые слоны схвачены. На каждой охоте всегда гибнет несколько наших храбров...— В голосе вождя послышался отзвук печали.— Скажи, ты видел упражнения наших молодых воинов?.. Да? Это тоже необходимое для ловки слонов искусство.

Пандион несколько раз смотрел на необыкновенные игры повелителей слонов. Воины вкапывали на ровной полянке два высоких шеста и привязывали к ним поперечную бамбуковую перекладину на высоте пяти локтей от земли. Затем, разбежавшись, они как-то по-особенному, боком, вскидывались в воздух и перелетали через перекладину. Тело прыгуна изгибалось, почти складываясь пополам, и летело в высоту правым боком по направлению прыжка. Пандион никогда не видел таких высоких прыжков. Некоторые, более умелые, прыгали на высоту даже шести локтей. Молодой эллин, удивленный искусством повелителей слонов, не понимал, однако, для чего им нужно это умение. Слова сурового вождя немного разъяснили ему значение упражнений.

Вождь помолчал, потом повысил голос:

— Теперь ты видишь, насколько трудно это дело. Охотятся на слонов и другие племена. Они убивают их с деревьев тяжелыми копьями, загоняют в ямы, подкрадываются во время сна в лесу. Вот что,— вождь хлопнул себя по колену,— я велю взять тебя на охоту за слонами. Она будет скоро, до того, как пойдет отряд в западный лес. Хочешь увидеть славу и муку моего народа?

— Хочу и благодарю тебя, вождь. А товарищам можно будет пойти со мною?

— Нет, всех вас слишком много. Позови с собой одного-двух, иначе вы окажетесь помехой.

— Пусть со мной пойдут два моих друга: вот он,— Пандион указал на Кидого,— и еще один...

— Кто — тот, угрюмый, густобородый? — спросил учитель слонов, подразумевая Кави.

Молодой эллин подтвердил правильность его догадки.

— Я хотел бы тоже побеседовать с ним, пусть он придет ко мне,— сказал старик.— Ты, наверно, хочешь скорее передать товарищам весть о том, что мы согласны помочь вам. Когда мы назначим день охоты, тебе скажут.— И старик жестом руки отпустил обоих друзей.

Под зловещие удары барабанов охотники собрались в дорогу. Часть выступала на слонах, нагруженных веревками, едой и водой, другие пошли пешком. К ним примкнули Кави, Кидого и Пандион, вооруженные своими могучими копьями. Двести охотников перешли речку и двинулись по степи в северном направлении, к гряде обнаженных скал, едва видневшихся в синей дымке над горизонтом. Охотники шли очень быстро, так что даже таким ходакам, как три друга, было нелегко поспеть за ними.

От подошвы горной гряды к югу и востоку степь была совершенно плоской, с выжженными большими и ровными участками. Желтая равнина под ветром покрывалась облачками пыли, обегавшими тусклую зелень деревьев и кустарников. Ближайшие обрывы были видны ясно, но дальние скалы скрывались серо-голубым туманом. Закругленные вершины выступали, как огромные черепа призрачных слонов; более низкие топорщились, напоминая спину крокодилов.

Заночевав у южного конца цепи утесов, повелители слонов на рассвете двинулись вдоль их восточного склона. Впереди над равниной клубилось красноватое марево, в нем дрожали и расплывались силуэты деревьев. Обширное болото простиралось на север. От толпы охотников отделился юноша, велел чужеземцам следовать за ним и начал взбираться на горную гряду.

Кави, Пандион и Кидого поднимались по уступу на высоту в двести локтей. Над их головами возвышался пышущий жаром каменный откос, по ярко-желтой поверхности скал змеились черные трещины. Охотник довел друзей до выступа, приходившегося против края болота, велел укрыться за пучками жесткой травы и камнями, сделал знак молчания и исчез.

Этрусск, негр и эллин долго лежали под палящими лучами солнца, не смея разговаривать. Ни одного звука не доносилось со стороны расстилавшейся внизу долины.

Вдруг слева послышался неясный хлюпающий шум, приближавшийся и усиливавшийся. Пандион осторожно выглянул из-за камня сквозь едва колеблющуюся траву и замер. Темно-серая туча тысяч слонов покрыла болото. Гигантские животные проходили наискось от гряды скал и, пересекая границу степи и болота, направлялись на юго-восток.

Тела животных ясно выделялись на желто-серой

траве. Слоны шли стадами от ста до пятисот штук, группы следовали одна за другой цепью с небольшими промежутками. Каждое стадо грудилось плотной массой, животные тесно прижимались друг к другу, и сверху казалось, что движется сплошное серое пятно с волнистой поверхностью сотен спин, испещренной белыми черточками бивней.

На топких местах стадо растягивалось в узкую ленту. Некоторые слоны бросались в стороны, растопыривая уши и смешно расставляя выпрямленные задние ноги, но потом снова вливались в поток. Одни, большей частью огромные самцы, не торопясь переставляли ноги, опустив головы и уши; другие важно выступали, высоко приподняв переднюю часть тела и перекрещивая задние ноги; третьи часто поворачивались боком. Бивни самой различной величины и формы, короткие и длинные, почти касающиеся земли, изогнутые и прямые, белели в темно-серой массе огромных тел.

Кидого приблизил губы к уху Пандиона.

— Слоны переходят на болота и реки — степь высохла, — прошептал негр.

— А где же охотники? — спросил молодой эллин.

— Они спрятались. Ждут стада, где много маленьких слонов — такое стадо пойдет сзади всех. Здесь, видишь, только взрослые...

— Почему у одних слонов короткие бивни, а у других они длинные?

— У них бивни сломаны.

— В битве между собою?

— Мне говорили: между собой слоны дерутся редко. Гораздо чаще слон ломает бивни, когда валит деревья. Бивнями он выворачивает деревья, чтобы съесть плоды, листья и тонкие ветви. У лесных слонов бивни гораздо крепче, чем у степных, — вот почему из лесов идет для торговли твердая слоновая кость, а из степей — мягкая.

— А эти слоны степные или лесные?

— Степные. Посмотри сам. — Кидого указал на старого слона, замешкавшегося недалеко от скалы, где сидели друзья.

Серый великан, стоя по колени в траве, повернулся прямо к смотревшим на него. Широко раскинутые уши оттопырились, кожа их натягивалась, как парус, нижние края обвисали мелкими складками. Слоны опустил голову. От этого движения покатым лоб животного выдвину-

нулся вперед, глубокие ямы ввалились между глазами и теменем, и вся голова сделалась похожей на толстую, утончающуюся книзу колонну, незаметно переходящую в отвесно олущенный хобот. Поперечные складки, похожие на темные кольца, пересекали хобот на равных промежутках. У основания его косо в стороны и книзу расходились кожистые трубки, из которых торчали очень толстые и короткие бивни.

— Я не понимаю, как ты узнал, что слон степной,— прошептал Пандион, внимательно осмотрев спокойного старого великана.

— Видишь его бивни? Они не сломаны, а стерты. У старика они не растут, как у слона в расцвете сил, и он сильно стер их потому, что они мягкие. У лесного слона не увидишь таких бивней — они чаще бывают тонкие и длинные...

Друзья тихо переговаривались. Время шло. Передние слоны скрылись за горизонтом, стадо превратилось в темную полосу.

Слева показалось еще одно большое стадо. Во главе шли четыре самца чудовищной величины — около восьми локтей высоты. Они двигались, покачивая головами, и длинные, слегка изогнутые бивни то поднимались, то касались травы острыми концами.

В стаде было много слоних, отличавшихся впалыми спинами и большими складками кожи на боках. За ними, вплотную к задним ногам, неуверенно шли маленькие слонята, а сбоку, несколько особняком, весело ступала подросшая молодежь. Маленькие бивни и уши, небольшая продолговатая голова, большой живот и одинаковая высота передних и задних ног отличали их от взрослых.

Друзья поняли, что приближается решительный момент охоты. Маленьким слонам трудно было идти по болоту, и стадо отклонилось вправо, выбравшись на твердую почву между кустарниками и редкими деревьями.

— Почему слон, такой тяжелый, не вязнет в болоте? — опять спросил Пандион.

— У него особые ноги, — начал Кидого, — он...

Оглушительный гром металлических листов и барабанов, неистовые вопли внезапно разнеслись по степи — у друзей перехватило дух от неожиданности.

Слоновье стадо в панике ринулось к болоту, но там из травы возникла цепь людей с барабанами и трубами.

Передние ряды животных отпрянули назад, остановив напор задних. Пронзительный трубящий рев испуганных слонов, гром металлических листов, хруст ломающихся ветвей — в этом адском шуме изредка пробивались тоненькие, жалобные вопли слонят. Животные заметались, то сгучиваясь вместе, то бросаясь врассыпную. В хаосе мечущихся гигантов, в клубах густой пыли мелькали люди. Они не приближались к стаду, перебегали, выстраивались и снова ударяли в листы. Постепенно друзья поняли, что делали охотники: они отбивали молодых слонов от взрослых и оттесняли их направо, в широкое устье сухой долины, врезанной в скалистую цепь и загражденной полосой деревьев. Серые великаны устремлялись на охотников, стремясь растоптать, сокрушить неведомо откуда взявшихся врагов. Но люди, высоко подпрыгивая, на мгновение скрывались в кустарниках и деревьях. Пока разъяренные животные размахивали хоботами, разыскивая спрятавшихся врагов, с другой стороны возникали новые ряды воинов, бешено орущих и гремящих металлическими листами. Слоны бросались на этих охотников, и люди опять повторяли тот же маневр, стараясь отделить молодых животных.

Стадо отходило все дальше в степь, серые тела скрылись за деревьями, и только оглушительный шум и высоко взлетающая пыль указывали на место охоты.

Ошеломленные друзья, пораженные бесстрашием и ловкостью людей, избегавших ярости кидавшихся на них чудовищ и неуклонно продолжавших свое опасное дело, молча смотрели на опустевшую степь с примятым кустарником и поломанными деревьями. Кидого озабоченно хмурился, прислушивался и наконец тихо сказал:

— Что-то плохо... Охота пошла не так, как нужно!

— Откуда ты знаешь это? — удивился Кави.

— Если они привели нас сюда, значит, рассчитывали, что стадо пойдет на восток, прямо от нас. А теперь стадо ушло вправо. Я думаю, это нехорошо.

— Пойдем туда, — предложил Пандион, — назад по уступу, как пришли.

Кидого недолго размышлял и согласился. В сумятице сражения их приход ничего не значил.

Укрываясь за травой и камнями, низко пригнувшись, этруск, эллин и негр передвинулись на тысячу локтей назад, вдоль скалистой цепи, пока не оказались снова над открытым местом равнины.

Друзья увидели расселину в скалах, куда охотникам удалось загнать больше десятка молодых слонов. Люди сновали между деревьями, искусно набрасывая на слонят петли, и привязывали к стволам.

Цепь охотников, вооруженных широкими копьями, замыкала выход из долины. Грохот и крики раздавались в двух тысячах локтей впереди и направо — там, по-видимому, находилась большая часть стада.

Вдруг отрывистые и резкие трубные звуки послышались впереди и слева. Кидого вздрогнул.

— Слоны нападают, — тихо прошептал он.

Протяжно застонал человек, гневные крики другого прозвучали командой.

В дальнем конце открытой поляны, там, где два раскидистых дерева отбрасывали большие пятна тени, друзья заметили движение. Мгновение — и оттуда вынырнул огромный слон с растопыренными ушами и вытянутым вперед, как бревно, хоботом. Рядом с ним возникли два таких же гиганта — Пандион узнал чудовищных вожаков стада. Четвертый в сопровождении еще нескольких слонов бежал позади. Наперерез слонам справа из кустов выскочили охотники. Они вклинились между ними, на ходу бросая в слона, появившегося последним, копьё. Тот неистово затрубил и бросился за людьми, быстро бежавшими в сторону болота. За ним повернули и остальные слоны. Три вожака, не обращая внимания на хитрый маневр людей, отделивших их от товарищей, продолжали нестись к долине в скалах, должно быть привлеченные криками молодых слонов.

— Худо, худо... Вожаки вернулись с другой стороны... — взволнованно шептал Кидого, сдавливая до боли руку Пандиона.

— Смотри... смотри на храбрецов! — воскликнул, забывшись, Кави.

Воины, заграждавшие вход в долину, не дрогнули, не спрятались от разъяренных чудовищ. Они выступили вперед длинной цепью. Выгоревшая низкая трава не могла скрыть ни одного движения людей.

Слон, бежавший первым, устремился прямо в середину цепи охотников. Двое людей остались неподвижными, а их соседи с обеих сторон вдруг прыгнули навстречу налетавшему чудовищу. Слон замедлил бег, высоко поднял тяжелый хобот и, злобно свистя, с топотом обрушился на людей. Не больше десяти локтей расстояния

оставалось между хребцами и слоном, когда те молниеносно прыгнули в стороны. И в этот же миг у задних ног чудовища выросли по два человека с каждой стороны. Двое вонзили широкие копыя в брюхо животного, двое, откинувшись назад, ударили по задним ногам слона.

Высокий свистящий звук вырвался из поднятого хобота вожака. Опустив его, слон повернул голову в сторону ближайшего справа человека. Тот не успел или не мог увернуться... Брызнула кровь, и три друга отчетливо увидели обнажившиеся на плече и на боку человека кости. Раненый безмолвно упал, но и гигантский слон грузно осел на задние ноги и медленно, боком двинулся в сторону. Охотники, оставив его, присоединились к товарищам, сражавшимся с двумя другими вожаками. Те оказались умнее или уже имели опыт в борьбе с человеком: исполинские чудовища бросались из стороны в сторону, не давая возможности подкрасться к ним сзади, и задавили трех охотников.

В лучах заходящего солнца багровела пыль, застилавшая место битвы. Восьмилоктевые гиганты казались черными башнями, у подножия которых сновали страшные люди. Они прыгали, увертываясь от длинных клыков, подставляли под хоботы упертые в землю копыя, с криками забегали сзади, отвлекая нападающих слонов от товарищей, гибель которых была бы неизбежной.

Животные, разъяренные до неистовства, непрерывно трубили. Когда они поворачивались головами к скале, на которой сидели три друга, то казались необычайно высокими; широкие пятна растопыренных ушей раскачивались над людьми. Сбоку слон с опущенной головой казался ниже, бивни почти загребали землю, готовые вот-вот поддеть человека. Пандион, Кидого и Кави понимали, что видят только часть сражения. Оно происходило и вдали, за деревьями, где находилось все стадо, и налево, на болоте, куда побежали охотники, отвлекая четвертого вожака и прорвавшихся с ним слонов. Что делалось там, было тайной для друзей, но они не могли думать об этом — кровавое сражение перед ними всецело завладело их вниманием.

Из-за деревьев загрели, приближаясь, барабаны — отряд в несколько десятков воинов прибыл на подмогу к сражавшимся. Вожак слоновьего стада остановился, как бы в нерешительности; люди грозно закричали, раз-

махивая копытами, и тогда чудовища отступили. Они бросились к своему третьему товарищу, лежавшему на земле, и, подогнув колени, стали по бокам раненого, подсунули под него бивни и подняли на ноги. Затем, стиснув его своими телами, гиганты потащили его за деревья, уронили, опять подняли и скрылись. Несколько охотников бросились вдогонку, но были остановлены человеком, распорядившимся охотой.

— Не уйдет... скоро бросят... опять разъярятся,— перевел Кидого его слова.

Шум направо все удалялся и затихал: битва, по-видимому, была выиграна. Со стороны болота, с севера показалось несколько охотников; они несли два неподвижных тела. На троих друзей никто не обращал внимания. Негр, этруск и эллин осторожно спустились в степь, чтобы осмотреть поле боя. Друзья пошли туда, где была главная часть стада. Пробираясь через кусты, Кидого вдруг испуганно отпрянул — на сломанном от падения слоновой туши дереве лежал умирающий слон. Конец его хобота слегка шевелился. Дальше деревья становились реже и между ними виднелась серая груда — второй слон лежал на брюхе, с подогнутыми ногами, с выгнутой горбом спиной. Почуввав приближение людей, животное подняло голову. Вокруг его потускневших и запавших глаз залегли глубокие складки кожи, придававшие слону старческое выражение бесконечной усталости. Гигант поник головой, упершись на длинные бивни, потом с глухим стуком упал на бок.

Вокруг перекликались охотники. Кидого махнул рукой и повернул назад — с юга опять показалось стадо слонов. Друзья поспешили к скалам, но тревога была ложной — это подходили обученные животные повелителей слонов. Привязанные к деревьям молодые слоны топорщили хвосты и бешено бросались на людей, стараясь достать их вытянутыми хоботами. Слоновожатые ставили прирученных слонов по бокам каждого пленника. Они сжимали пойманного своими телами и уводили к селению. На всякий случай к шее и задним ногам слоненка были привязаны канаты; каждый канат держали по пятнадцати охотников, шедших впереди и сзади.

Лица людей, усталые и похудевшие от страшного напряжения, были угрюмы. Уже одиннадцать неподвижных тел было положено на плетеные площадки на спинах

слонов, а люди все еще рыскали в кустах в поисках двух куда-то пропавших товарищей.

Слонов с пойманными слонятами увели. Охотники сидели и лежали на земле, отдыхая после боя. Друзья подошли к распорядителю охоты, и Кидого осведомился, не могут ли они чем-нибудь помочь. Распорядитель сердито посмотрел на них и грубо сказал:

— Помочь? Чем вы можете помочь, чужеземцы? Охота была тяжелой, мы потеряли много храбрецов... Ждите, где вам приказано, не мешайте нам!

Друзья отошли к скалам и уселись в стороне, боясь ссоры с людьми, от которых зависело их будущее.

Кави, Пандион и Кидого лежали в ожидании, когда их позовут, и негромко разговаривали. Солнце садилось; черные тени от зубчатых скал продвигались в степь.

— Я не понимаю все же, как громадные слоны не уничтожают в бою всех охотников,— задумчиво произнес Кави.— Если бы слоны сражались крепче, они просто стерли бы людей в пыль...

— Ты прав,— отозвался Кидого.— Счастье людей в том, что у слона слабое сердце...

— Как может это быть? — изумился этруск.

— Просто слон не привык сражаться. Он так силен и велик, что на него никто не нападает, ему не грозят опасности, и только человек осмеливается охотиться на него. Поэтому серый великан не стойкий боец, его воля легко ломается, и он не выдерживает долгого сражения, если не сомнет врага сразу... Вот буйвол — другое дело. Если бы у него были ум и размеры слона, погибли бы все охотники...

Кави промышчал что-то неопределенное, не зная, верить ли негру, но вспомнил, какую нерешительность в самый нужный момент боя проявляли слоны сегодня, и промолчал.

— У повелителей слонов копыта совсем другие, чем у нас: лезвие восемь пальцев ширины,— вмешался Пандион.— Какую же силу надо иметь для удара таким копытом?!

Кидого вдруг встал и прислушался. Ни одного звука не доносилось с той стороны, где расположились охотники. Золотое от зари небо быстро тускнело.

— Они ушли и забыли про нас! — воскликнул негр и выбежал из-за выступа утеса.

Все было пусто кругом. Вдали слышались еле разли-

чимые голоса — охотники ушли, оставив троих друзей.

— Идем за ними скорей, путь далекий! — заторопился Пандион.

Но негр остановил друга.

— Поздно, сейчас погаснет заря, и мы в темноте собьемся с дороги, — сказал Кидого. — Лучше подождать, пока взойдет луна. Это будет скоро.

Кави и Пандион согласились и прилегли отдохнуть.

Глава восьмая

СЫНЫ ВЕТРА

В непроницаемой тьме завывали гиены, жалобно завопили шакалы. Кидого нервничал, часто поглядывал на восток, где пепельно-серый просвет неба над вершинами деревьев возвещал восход луны.

— Я не знаю, есть здесь дикие собаки или нет, — бормотал Кидого. — Если они придут, будет беда. Собаки нападают дружно, всей стаей, и одолевают даже буйволов...

Небо все светлело, наконец угрюмо черневшие утесы засеребрились, деревья на степи выделились черными силуэтами. Взошла луна.

Крепко сжимая копыта, оглядываясь и прислушиваясь, этруск, негр и эллин пошли на юг, вдоль скалистой цепи. Они спешили покинуть мрачное место битвы, где за кустами и деревьями валялись трупы слонов и пировали пожиратели падали. Вой затих позади, степь молчала. Казалось, все вымерло вокруг — только быстрые шаги путников нарушали ночной покой.

Кидого старательно избегал густых рощиц и зарослей кустарника, там и сям возвышавшихся по степи таинственными черными холмами. Негр выбирал путь посередине открытых полей, белевших между зарослями, как озера в лабиринте черных островов.

Скалистая цепь отогнулась к западу, узкая роща прижала путников к утесам. Кидого повернул направо и пошел по длинной каменной площадке, спускавшейся к югу. Внезапно негр остановился и, круто повернувшись назад, стал прислушиваться. Пандион и Кави напрягли внимание, но ни одного звука не было слышно вокруг. По-прежнему царил глубокая тишина.

Кидого нерешительно двинулся дальше, ускоряя шаги

и не отвечая на тихие вопросы этруска и эллина. Они прошли еще тысячу локтей, и негр опять остановился. Его глаза в свете луны тревожно блестели.

— Кто-то идет следом за нами,— прошептал он и прилег ухом к земле.

Пандион последовал примеру друга, этруск остался стоять, прищутив глаза и пытаясь что-нибудь разглядеть сквозь серебряную завесу лунного света, скрывавшую даль.

Пандион, прижимая ухо к горячей каменистой почве, сначала слышал только собственное дыхание. Молчаливая грозная неопределенность тревожила его. Вдруг издалека донесся слабый, еле слышный шум, переданный твердой почвой. Звуки, учащаясь, равномерно повторялись четкими лязгающими ударами — клик, клик! Пандион вскинул голову и мгновенно перестал слышать. Кидого еще некоторое время прикладывал к земле то одно, то другое ухо, затем вскочил, как подброшенный пружиной:

— За нами идет большой зверь... плохо... я не знаю какой. У него когти наружу, как у собаки или гиены,— значит, это не лев, не леопард...

— Буйвол или носорог,— предположил Кави.

Кидого энергично замотал головой.

— Нет, это хищник! — уверенно отрезал негр. — Нужно спасаться. Плохо — вблизи нет ни одного дерева,— тревожно оглядываясь, шептал он.

Перед ними простиралась почти ровная щебнистая поверхность. Только пучки редкой травы и небольшие кустики торчали на ее скате.

— Вперед, скорее! — торопил Кидого, и друзья осторожно побежали, опасаясь больших колючек и трещин в пересохшей земле.

А сзади, слышный теперь уже совсем отчетливо, раздавался стук тяжелых когтей. Частота размеренных ударов говорила друзьям, что зверь тоже перешел на быстрый бег и нагоняет их. Клик, клик, клик! — тупой лязг становился все ближе. Пандион оглянулся и увидел высокий раскачивающийся силуэт, серым призраком следовавший позади.

Кидого вертел головой, стараясь различить впереди деревья, соразмерить расстояние и скорость бега неведомого зверя. Сообразив, что деревья еще очень далеко и добежать друзья не успеют, негр остановился.

— Зверь настигает! Нам больше нельзя оставаться спиной к нему — погибнем жалкой смертью!.. — взволнованно крикнул негр.

— Нужно биться! — угрюмо проворчал Кави.

Три друга стали рядом, повернувшись лицом к грозному серому призраку, приближавшемуся в тишине ночи. Зверь был молчалив, как сама ночь, — за все время погони он не издал ни единого звука, и это необычайное для хищника степей свойство больше всего пугало друзей.

Серый расплывчатый силуэт становился темнее, его контуры обозначились все резче. Не более трехсот локтей оставалось между друзьями и зверем, когда тот замедлил бег и пошел размашистым шагом, уверенный, что намеченные жертвы не уйдут.

Друзья никогда не видели такого зверя. Массивные передние лапы его были длиннее задних, передняя половина туловища сильно возвышалась над крестцом, спина была поката. На толстой шее прямо сидела тяжелая голова с массивными челюстями и крутым выпуклым лбом. Короткая светлая шерсть была испещрена темными пятнами. На загривке и на затылке дыбом торчали длинные жесткие волосы. Зверь отдаленно походил на пятнистую гиену, но невиданных, чудовищных размеров: голова его приходилась на высоте пяти локтей от земли. Широкая грудь, плечи и загривок подавляли своей массивностью, буграми выпячивались могучие мускулы, а громадные кривые когти зловеще стучали, нагоняя страх.

Зверь двигался странными, неровными движениями, виляя низким задом и кланяясь тяжелой головой. Морда была опущена вниз так, что нижняя челюсть почти прижималась к горлу.

— Кто это? — глухо спросил Пандион, облизывая пересохшие губы.

— Не знаю, — растерянно ответил Кидого. — Никогда не слышал про таких зверей...

Зверь внезапно сделал поворот; большие, направленные прямо на путников глаза животного зажглись мерцающим пламенем. Зверь описал небольшую дугу вправо от стоявших людей, потом опять повернулся к ним мордой и остановился. Закругленные уши торчали косо вверх по бокам головы.

— Зверь умен: он зашел так, чтобы луна стала против нас, — прошептал, учащенно дыша, Кидого.

Пандиона была нервная дрожь, всегда появлявшаяся у молодого эллина перед опасным боем.

Зверь втянул в себя воздух и начал медленно приближаться. В движениях животного, в его зловещем молчании, в упорном прямом взгляде больших глаз под выпуклым лбом было что-то отличавшее его от всех известных друзьям зверей. Люди инстинктивно поняли, что животное, встретившееся им,— пережиток иного, древнего мира, с другими законами жизни. Плечо к плечу, выставив копыя, люди двинулись навстречу ночному чудовищу. На мгновение оно остановилось, озадаченное; потом, издав какой-то хрип, кинулось на троих друзей. Раскрылась громадная пасть, толстые зубы блеснули в лучах луны, а три длинных лезвия могучих копий впились в широкую грудь и шею чудовища. Люди не смогли сдержать напора — зверь обладал исполненной силой. Копья, упершиеся в массивные кости, вывернулись из рук: этруск, эллин и негр отлетели назад. Кидого и Пандион успели вскочить, а Кави был подмят зверем. Оба друга бросились на выручку. Чудовище присело на задние лапы и вдруг быстро взмахнуло передними. Притупленные когти ударили Пандиона по бедру с такой силой, что он упал, чуть не потеряв сознание. Зверь, наступив огромной лапой на ногу эллина, причинил ему невероятную боль: суставы хрустнули, когти животного разорвали мясо и кожу.

Пандион, не выпуская копыя из рук, оттолкнулся от земли обеими руками, сясь встать, и услышал треск копыя Кидого. Поднявшись на колени, Пандион увидел, что негр придавлен зверем, приближающим к нему свою раскрытую пасть. Кидого с вытаращенными глазами упирался руками под челюсть ночного страшилища, тщетно пытаясь отвести от себя зубы зверя. На глазах Пандиона погибал его верный друг. Вне себя, уже не чувствуя боли, молодой эллин вскочил и вонзил животному копые в шею. Зверь громко щелкнул зубами и повернулся к Пандиону, свалив его этим движением с ног. Молодой эллин не выпустил копыя и, уперев древко в землю, задержал чудовище на несколько мгновений, и Кидого успел выхватить нож. Ни негр, ни эллин не увидели, что с другой стороны зверя поднялся Кави. Этруск хладнокровно нацелился и обеими руками погрузил копые под лопатку чудовища. Длинное лезвие вошло по локоть; рев вырвался из раскрывшейся пасти, зверь конвульсивно дернулся, перекинувшись влево к этруску. Тот, втянув

голову в высоко поднятые плечи, пошатнулся, но устоял. Кидого с пронзительным воплем ударил ножом зверя в горло, и в этот момент копые этруска дошло до сердца чудовища. Тяжелое тело задергалось в судорогах, нестерпимое зловоние распространилось вокруг. Пандион вырвал копые, вонзив его снова в затылок, но этот последний удар был уже ненужным. Зверь, вытянув шею и ткнувшись мордой в ноги этруска, выбросил в сторону задние ноги. Они еще двигались, когти скребли почву, под кожей сокращались мускулы, но вздыбленная на затылке шерсть уже опала.

Опомнившись, три друга осмотрели свои раны. У этруска был вырван целый кусок мяса из плеча, борозды длинных когтей прополосовали спину. Нога Пандиона не была сломана — у него оказалась глубокая рана ниже колена, в стопе были, по-видимому, растянуты или разорваны связки так, что ступать на ногу молодой эллин не мог. Бок его вздулся и потемнел от удара лапы, но ребра оказались целы. Сильнее всех пострадал Кидого, получивший несколько больших ран и сильно помятый.

Друзья перевязывали друг друга разорванной на куски одеждой и радостно переживали свое избавление от страшного чудовища, недвижимо простертого перед ними в ярком свете луны. Больше всех был удручен Пандион: раненая нога не позволяла ему идти.

Кидого успокоил друга, уверяя, что сейчас они в безопасности: труп страшилища охраняет их от всех других хищников, а повелители слонов непременно хватятся и с рассветом найдут оставших.

Терпеливо преодолевая боль от горевших ран, друзья растянулись на жестком щебне, но не могли заснуть от возбуждения.

Рассвет вспыхнул неожиданно быстро, солнце согнало таинственную и зловещую тень ночи. Пандион, измученный болью в ноге, раскрыл усталые глаза от громкого восклицания Кидого. Негр рассматривал побежденного ночного преследователя и объяснял этруску, что он видел изображение подобного зверя в Та-Кем, среди рисунков разных животных в гробнице у города Белых Стен. Кави недоверчиво оттопыривал нижнюю губу. Кидого клялся и убеждал друга, что жители Кемт в древности, несомненно, встречали такое же животное. Солнце поднималось выше. Жажда томила троих друзей, мучила лихорадка от полученных ран. Кидого и Кави решили идти

разыскивать воду и тут услышали голоса. Три слона с воинами на спинах двигались через степь, ниже каменистого ската, на котором друзья встретились с чудовищем ночи. Повелители слонов, услышав крики негра, заставили животных повернуть и ускорить шаг. Слоны стали подходить к чужеземцам, как вдруг тревожно затрубили и попятились, поднимая хоботы и топорща уши. Воины спрыгнули с плетеных помостов и подбежали к трупам чудовища с криками: «Гишу! Гишу!»

Распорядитель вчерашней охоты одобрительно посмотрел на друзей, сказав сиплым, надорванным голосом:

— Вы славные воины, если справились втроем с ужасом ночей, пожирателем толстокожих!

Повелители слонов рассказали чужеземцам о гишу — очень редком и опасном звере. Днем он скрывается неизвестно где, а ночью бродит в молчании, нападая на молодых слонов, носорогов и детенышей других крупных животных. Гишу необычайно силен и упорен в сражении — его страшные зубы разом перегрызут ногу слона, а могучие передние лапы давят жертву, ломая ей кости.

Кави знаками попросил охотников помочь ему снять шкуру. Четыре воина охотно приступили к делу, не обращая внимания на тяжелый запах, исходивший от животного.

Шкура и отрубленная голова были водружены на слона, туда же воины подняли раненых чужеземцев. Слоны, повинувшись легким ударам крючковатых ножей, побежали рысью, быстро одолевая пространство степи.

К полудню три друга были в селении. Жители встретили их приветствиями: сопровождавшие чужеземцев воины с высоты слоновых спин громко кричали о совершенном подвиге.

Сияющий Кидого восседал рядом с Пандионом на колеблющейся широкой платформе, на высоте пяти локтей от земли. Негр неоднократно принимался петь, но каждый раз его обрывали повелители слонов, предупреждая, что слоны не любят шума и привыкли двигаться в молчании.

Уже четыре дня пути отделяли друзей от города повелителей слонов. Слово вождя исполнилось. Отряду бывших рабов было разрешено следовать на запад с экспедицией племени. Кави, Кидого и Пандион, раны которых

еще не зажили, получили место на спине одного из шести слонов, остальные шестнадцать их товарищей шли пешком по следам отряда. Животные находились в движении меньше половины дня, остальное время уходило на их кормежку и отдых. Шедшим пешком удавалось настигать слонов только перед наступлением ночи.

Слоновожатые вели животных совсем не той дорогой, которую выбрали бы люди. Они обходили участки высокого леса, устремляясь через поляны и заросли кустарников, где людям пришлось бы прорубать дорогу. Серые гиганты спокойно прокладывали себе путь. Время от времени передний слон заменялся самым задним и отправлялся на отдых в конец отряда. После слонов в чащах оставалась тропа, и товарищи Пандиона шли и шли без единого удара ножом, восхищенные легкостью победы над непроходимыми лесами. Еще лучше чувствовали себя ехавшие на слоне три друга. Платформа слабо качивалась, неуклонно плывя над землей с ее колючками, насекомыми и опасными змеями, топкой грязью гниющих луж, острым щебнем каменных скатов, режущей травой и глубокими, зияющими трещинами. Только сейчас понял Пандион, как много внимания требовали опасности пешего передвижения в дебрях африканских лесов и степей. Только постоянная бдительность давала возможность человеку остаться без повреждений, сохранить силы и боеспособность в дальнейшем пути. Теперь, на спине слона, шагавшего с несокрушимой надежностью каменной глыбы, молодой элли жадно впитывал в себя краски, формы и запахи природы чужой земли, с ее великопепной мощью животной и растительной жизни. В ослепительном свете солнечных лучей чистые тона цветов достигали необыкновенной яркости, смутно тревожившей северянина. Но едва только небо заволакивалось тяжелыми тучами или отряд окружали сумерки тенистого леса, краски угасали. Монотонные переходы цветов казались сумрачными и жесткими в сравнении с мягкими, задумчивыми и гармоничными красками родной Пандиону страны.

Отряд пересек ближний отрог леса и вновь оказался в холмистой степи с красной землей, поросшей безлиственными деревьями, выделявшими молочный сок. Их синевато-зеленые ветви угрюмо поднимались в слепящее небо, ровная, словно подстриженная, поверхность крон щети-нилась на высоте тридцати локтей от земли. В этих за-

рослях, стоявших неподвижно, не встречалось ни птиц, ни зверей — знойный мертвый покой царил над красными холмами. Громадные стволы и ветви казались подсвечниками, отлитыми из зеленого металла. Крупные красные цветы рдели на концах ветвей, словно сотни факелов, горевших на мрачном кладбище. Дальше почву изрезали глубокие промоины — под огненно-красной землей лежали слои ослепительно белого песка. Отряд вошел в сеть узких ущелий. Рыхлые пурпурные стены поднимались на сто локтей по сторонам. Слоны осторожно пробирались в хаосе размытых обрывов, пирамид, башен и тонких столбов. Местами в круглых, как чаши, глубоких впадинах встречались длинные отроги, расходящиеся лучами поперек ровного дна. Отроги поднимались острыми крутыми стенами рыхлой земли; иногда они внезапно обрушивались при прохождении отряда поблизости, пугая слонов, шарахавшихся в сторону. Цвет размытой рыхлой почвы беспрестанно менялся: за стеной теплого красного тона вздымалась светло-бурая, затем шли пирамиды яркой солнечно-желтой окраски, перемежавшиеся с ослепительно белыми полосами и выступами. Пандиону казалось, что он попал в волшебное царство. В этих глубоких, сухих и безжизненных долинах скрывался целый мир игры ярких цветов мертвой природы¹.

Потом опять потянулись хребты, поросшие лесом, опять зеленые стены обступили отряд, и платформа на спине слона казалась островом, медленно плывшим по океану листьев и веток.

Пандион замечал, как осторожно вели вожатые своих могучих животных. На стоянках они тщательно осматривали кожу слонов. Молодой эллин спросил своего вожатого, зачем он делает это. Чернокожий положил руку на сосуд из плода какого-то дерева, привязанный к его поясу.

— Плохо, если слон раздерет себе кожу или поранит себя, — сказал вожатый. — Тогда у него загнивает кровь и животное гибнет. Нужно сразу же замазать рану целебной смолой — потому лекарство всегда наготове у нас.

Для молодого эллина странно было услышать о такой легкой уязвимости несокрушимых и долговечных гигантов. Ему сделалась понятной осторожность умных животных.

¹ Область мощных латеритовых отложений Западной Африки.

Уход за ними требовал массы забот. Место ночлега и отдыха выбиралось тщательно, после долгих осмотров и совещаний; привязанных слонов окружали бдительные часовые, бодрствовавшие всю ночь. Особые дозорные высылались далеко вперед, чтобы убедиться в отсутствии поблизости диких слонов. Встреченные животные распугивались громкими криками.

На привалах друзья беседовали со своими спутниками. Суровые повелители слонов удовлетворяли любопытство чужеземцев.

Однажды Пандион спросил у низкорослого пожилого человека, начальствовавшего в походе, почему они охотно идут на ловлю слонов, несмотря на страшную опасность.

Глубокие морщины вокруг рта начальника стали еще более резкими. Он нехотя ответил:

— Ты говоришь, как трус, хотя и не выглядишь им. Слоны — это мощь нашего народа. С ними мы живем хорошо, в довольстве. Но мы платим за это жизнями. Если бы мы боялись, то жили бы не лучше племен, питающихся ящерицами и корнями. Те, кто боится смерти, живут в голоде и злобе. Если ты знаешь, что в твоей смерти жизнь твоих родных, тогда идешь смело на любую опасность! Мой сын, храбрец, в цвете сил погиб на слоновой охоте...— Начальник похода угрюмо сощурил устремленные на Пандиона глаза.— Или вы, чужеземцы, думаете иначе? Зачем же ты сам прошел столько земель, сражался с людьми и зверями, а не остался в рабстве?

Пристыженный Пандион прекратил вопросы. Вдруг Кидого, сидевший поблизости у костра, поднялся и заковылял к рощице деревьев, стоявших в двухстах локтях от привала. Заходящее солнце золотило овальные большие листья, тонкие ветви слабо трепетали. Кидого внимательно осмотрел бугристую, неровную кору тонких стволов, радостно вскрикнул и вынул нож. Немного спустя негр вернулся к костру с двумя большими связками красновато-серой коры. Одну связку он поднес начальнику отряда.

— Передай ее вождю как прощальный подарок Кидого,— сказал негр.— Это лекарство не хуже волшебной травы из голубой степи. В час болезни, усталости или горя пусть он растолчет ее и выпьет отвара, только немного. Если пить много, то это уже не лекарство, а яд. Кора эта возвращает силу старикам, веселит угнетенных,

бодрит ослабевших. Заметь это дерево — будешь благодарен!¹

Начальник обрадовался, принимая подарок, и тут же приказал добыть еще коры. Кидого спрятал второй пучок в шкуру гишу, которую вез с собой Кави.

На следующий день слоны поднялись на каменистую равнину, где заросли высокого плотного кустарника, согнутые ветрами, склонялись к земле, образуя высокие зеленые горбы, разбросанные среди серой сухой травы.

Приятная свежесть проникала в ноздри с дуновением встречного ветра. Пандион восторженно восторженно. Знакомое, бесконечно дорогое и забытое было в этом запахе, но оно терялось среди ароматов, несшихся от разогретой листвы леса, видневшегося внизу. Далеко простирались широкие и пологие обнаженные склоны, их голубоватую поверхность пересекали темные полосы и пятна лесных чащ. На краю горизонта синела высокая горная цепь.

— Вот она, Тенгрела, моя страна! — неистово завопил Кидого, и все обернулись в его сторону.

Негр размахивал руками, всхлипывая и морща лицо, могучие плечи его тряслись от волнения. Пандион понимал переживания друга, но неопределенное чувство зависти больно укололо молодого элина: Кидого достиг родины, а ему еще так много оставалось преодолеть до того великого часа, когда он, подобно другу, сможет закричать: «Вот моя родина!» Больной и усталый, Пандион все чаще терял уверенность в своих силах.

Опустив голову, юноша незаметно отвернулся: он не мог сейчас радоваться вместе с другом.

Слоны спускались по черному обнаженному склону вулканической почвы — на застывшей лаве не росло никаких деревьев. Дорогу пересекал ровный уступ с разбросанными на нем маленькими озерами. Блестящие пятна воды, чистой, синей и глубокой, резко выделялись среди черных берегов. Пандион вздрогнул. Он вспомнил вдруг с необычайной живостью синие глаза Тессы, ее густые черные волосы. И здесь синие озера как будто смотрели на него с неммым укором, так, как если бы живая Тесса увидела его здесь. Пандион унесся мыслями в Энниаду, смутное и могучее нетерпение расправило его грудь; он придвинулся к другу и крепко обнял его. На черную ру-

¹ Кора дерева иохимба, из семейства мареновых, к которым относятся также хинное и кофейное деревья.

ку Кидого легла жилистая смуглая рука Кави, и три друга сцепили свои ладони в твердом и радостном пожатии.

А слоны спускались все ниже — берега широкой долины встали с обеих сторон. Еще немного — и справа подошла вторая такая же долина. Слившиеся вместе ручьи образовали быструю речку, чем дальше, тем становившуюся более многоводной. Слоны некоторое время шли по левому берегу, у подножия разрушенных утесов. Скалы разошлись впереди, чистая вода речки с веселым журчанием устремлялась под сень высоких деревьев, стоявших, как высокие зеленые арки, по обе стороны ее русла, достигавшего пятнадцати локтей ширины. Не доходя до деревьев, слоны остановились.

— Здесь, — сказал начальник. — Мы не пойдем дальше.

Три друга спустились со слонов, прощаясь со своими хозяевами. Отряд пересек реку. Друзья долго смотрели вслед серым гигантам, которые одолевали подъем на плоскую возвышенность к северу от реки. Невольный вздох сожаления вырвался у всех троих, когда могучие животные скрылись вдали. Этруск, негр и эллины развели сигнальный костер для шедших где-то позади товарищей.

— Пойдем искать тростник и деревья для постройки плотов, — предложил Кидого этруску. — Мы проплывем быстро остаток пути. Ты, хромой, ожидай у костра, береги ногу! — с грубой нежностью обратился негр к молодому эллину.

Пандион и Кави оставили Кидого на берегу реки, среди его родней.

Запах близкого моря пьянил друзей, выросших на его берегу. Они оттолкнули плот и поплыли в левый рукав разветвленного устья. Скоро плот остановился — протока была занесена песком. Друзья выбрались на крутой берег, путаясь в высокой траве. Они перебрались через холмистую грядку; задыхаясь от волнения, спешно поднялись на прибрежный вал и замерли, не в силах говорить и дышать.

Их опьяняла бесконечная ширь океанского простора, тихий плеск волн потрясал, как гром. Кави и Пандион стояли по грудь в колючей траве. Высоко над их головами покачивались перистые верхушки пальм. Край зеленой подошвы холмов у полосы горящего под лучами

солнца прибрежного песка казался почти черным. Золотой песок обрамляла движущаяся серебряная лента пены, за которой колыхались прозрачные зеленые волны. Еще дальше прямая черта обозначала границу прибрежных рифов. Она казалась ослепительно белой на фоне глубокой синевы открытого океана. По небу медленно плыли легкие пушистые хлопья редких облаков. У берега над песком стояли, наклонившись, пять пальм. Их длинные листья то широко распластывались в воздухе, то сгибались под порывами ветра, как крылья парящих над берегом растрепанных птиц с темно-коричневыми и золотистыми перьями. Листья пальм, будто отлитые из бронзы, заслоняли сверкающий простор океана. Их острые края вспыхивали каймой сверкающего огня — так сильно пробивалось сквозь них могучее солнце. Влажный ветер нес запах морской соли. Теплые струи ветра растекались по лицу и обнаженной груди Пандиона, как будто стремясь в его объятия после долгой разлуки.

Этрусск и эллин медленно опустились на песок, прохладный, плотный и ровный, как пол родного жилища.

Отдохнув, они бросились в ласковое колыхание волн. Море приняло их, приветствуя легкими толчками. Пандион и Кави наслаждались запахом соленых брызг, прорезая руками сверкающие гребни, пока их заживающие раны не начали гореть от морской воды. Тогда два друга вышли на песок, упиваясь созерцанием океанской дали. Она простиралась перед ними синим мостом, где-то там, вдали, соединяющимся с водами родного моря; такие же волны накатывались сейчас на белые скалы берегов Эллады, на желтые кручи родины Кави.

Молодой эллин чувствовал, как слезы радостного волнения заливают его глаза; он не думал сейчас о громадном расстоянии, все еще стоявшем между ним и родиной. Здесь было море, а за морем ждала его Тесса, ждало все родное и ласковое, покинутое и заслоненное годами суровых испытаний, неисчислимыми страданиями тяжкого пути.

Лицом к морю стояли этрусск и эллин на узкой полосе берега. А позади них высились могучие горы под покровом грозных лесов — край чужой земли, столько времени державший их в плену палящих пустынь, степей, сухих плоскогорий, влажных и темных чаш, земли, взявшей от них годы жизни — все то, что могло бы быть отдано близким. Для освобождения потребовались годы

героической борьбы, неслыханные усилия. Все это, отданное родине, принесло бы почет и славу.

Кави положил тяжелые руки на плечи Пандиону.

— Судьба наша теперь в собственных руках, Пандион! — воскликнул этруск. Страстный огонь горел в его обычно угрюмых темных глазах.— Нас двое: неужели мы не достигнем Зеленого моря, после того как приблизились к берегу Великой Дуги? Нет, мы вернемся, мы будем опорой нашим товарищам ливийцам, не искусным в мореходстве...

Пандион молча кивнул головой. Перед лицом моря он чувствовал непоколебимую уверенность в своих силах.

Голос Кидого пронесся над берегом. Встревоженный негр с толпой возбужденных сородичей и товарищей по походу разыскивал скрывшихся друзей. Пандиона и Кави повели обратно к реке, переправили на другой берег, а там их уже ждали несколько быков для перевоза раненых, груза и оружия.

Небольшой путь остался скитальцам. Обещание Кидого, данное под деревьями на берегу Нила, около умиравших товарищей после страшной битвы с носорогом, сбылось. Все девятнадцать бывших рабов нашли ласковый приют и отдых в огромном селении поблизости от моря, на берегу большой, многоводной реки, протекавшей рядом с той, по которой приплыли они, расставшись с повелителями слонов.

Но особенно радостна была для Пандиона и Кави весть о том, что в прошлом году, после двадцатилетнего перерыва, сюда приплывали сыны ветра. Сынами ветра сородичи Кидого называли морских людей, издавна приходивших к берегам Южного Рога с севера за слоновой костью, золотом, целебными растениями и звериными кожами. Местные жители говорили, что по внешнему облику сыны ветра похожи на этруска и элина, только их кожа смуглее и волосы более курчавы. В прошлом году приходили четыре черных корабля, повторившие пути отцов. Сыны ветра обещали приехать снова, как только окончится время бурь в Море Туманов. По расчетам опытных людей, до прибытия кораблей оставалось около трех месяцев. Постройка собственного судна отняла бы больше времени, не говоря уж о том, что предстоящий путь был совершенно неведом. Пандиона и Кави беспокоила мысль, возьмут ли их морские люди на корабли с

десятью товарищами, но Кидого, подмигивая и таинственно усмехаясь, уверял, что устроит это.

Оставалось только ждать, томясь неизвестностью. Сыны ветра могли опять не появляться еще двадцать лет. Этруск и эллин успокаивали себя тем, что, если корабли не придут в назначенный срок, они примутся за постройку своего судна.

Возвращение Кидого явилось событием, отмеченным шумными празднествами. Пандион утомился от пиров. Ему надоели восхваления его доблести, он устал повторять рассказы о родной стране, о пережитых приключениях.

Само собой получилось, что Кидого, вечно окруженный родными и соплеменниками, увлеченный восхищением женщин, как-то отдалился от Пандиона и Кави. Друзья стали видаться реже, чем в шене и в далеком пути через Африку. Кидого шел в жизни уже собственной дорогой, не совпадавшей с дорогой своих друзей. Все товарищи Кидого по походу из родственных ему племен быстро рассеялись по разным местам. Остались только этруск, эллин и десять ливийцев, считавших, что от Пандиона и Кави зависит их возвращение на родину.

Все двенадцать чужеземцев поселились в просторном доме из высушенной на солнце твердой серо-зеленой глины. Кидого настоял, чтобы Кави и Пандион жили в красивой куполообразной хижине, стоявшей поблизости от его дома. После долгих лет скитаний Пандион мог снова дышать на собственном ложе. У этого народа не было в обычае спать на полу, на шкурах или на охапках травы. Сородичи Кидого изготавливали деревянные рамы на ножках, переплетенные сеткой из упругих стеблей, нежившие тело и особенно приятные для больной ноги Пандиона.

У эллина теперь было много свободного времени, и он посвящал его прогулкам к морю, где подолгу сидел один или вместе с Кави, слушая мерный рокот волн. Пандион испытывал неясную тревогу. Его несокрушимое здоровье поддалось невздам пути в непривычно жарком климате.

Пандион сильно переменился и сам сознавал это. Когда-то, окрыленный юностью и любовью, он смог оставить свою любимую, дом и родную страну, стремясь познакомиться с древним искусством, увидеть другие страны, узнать жизнь.

Теперь он был знаком с горькой тоской, он познал безрадостный плен, гнет отчаяния, оупляющий, тяжкий труд раба. И Пандион с беспокойством спрашивал себя, не ушла ли от него сила творческого вдохновения, способен ли он стать художником. Одновременно Пандион чувствовал: ему пришлось испытать и увидеть так много, что это не прошло бесследно, обогатило его великим опытом жизни, вереницей незабываемых впечатлений. Суровая правда жизни наполнила печалью его душу, но Пандион познал теперь дружбу и товарищество, силу братской помощи, единение с людьми чуждых племен. Так же твердо, как то, что после дня наступает ночь, он знал, что разные народы, разбросанные по просторам земли, по существу, являются одной человеческой семьей, разъединенной только трудностями путей, разными языками и верованиями. Лучшие люди во всем этом множестве оказывались всегда похожими и понятными ему по своим стремлениям.

Пандион любил рассматривать свое копьё — подарок отца навеки потерянной Ирумы, пронесенное им через леса и степи, не раз выручавшее его в смертельной опасности. Оно казалось ему символом мужской доблести, залогом человеческого бесстрашия в борьбе с природой, безраздельно владычествовавшей в жарких просторах Африки. Молодой элли осторожно поглаживал длинное лезвие, прежде чем надеть на него чехол, сшитый руками Ирумы. Этот кусочек кожи с пестрой отделкой из шерсти — все, что осталось у него в память о милой, далекой и нежной девушке, которую он встретил на перепутье трудной дороги к родине. Может быть, этот чехол Ирума делала для него, мечтая о нем... Но не нужно думать об этом. Судьба беспощадно разделила их, иначе не могло быть... Но сердце болит, оно не подчиняется разуму... Пандион оборачивался к темным горам, загораживавшим пройденные им земли от лица океана. Вереница дней бесконечного похода медленно проплывала перед ним...

Он видел девушку у ствола дерева с цветами, как красные факелы... Сердце Пандиона начинало учащенно биться. Он ясно представлял блеск ее кожи, темной и нежной, ее лукавые, полные трепетного огня глаза... Круглое личико Ирумы с улыбкой, с легким и горячим дыханием приближалось к его лицу; он слышал ее голос...

Постепенно Пандион познакомился с жизнью веселого и добродушного народа Кидого. Рослые, с медным отливом черной кожи, все великолепного сложения, сородичи Кидого занимались главным образом земледелием. Они возделывали низкорослые пальмы с наполненными маслом плодами¹ и еще огромные травянистые растения с исполинскими листьями, веером расходившимися из пучков мягких стеблей². Эти растения давали тяжелые гроздья длинных желтых, серповидно изогнутых плодов с нежным и ароматным сладким содержимым. Плодов собиралось громадное количество, и они составляли главную пищу народа Кидого. Пандиону они очень нравились. Плоды ели сырыми, вареными или поджаренными на масле. Местные жители занимались и охотой, добывая слоновую кость и шкуры, собирали волшебные, похожие на каштаны орехи, когда-то вылечившие Пандиона от его странной болезни, разводили рогатый скот и птицу.

Среди них были искусные мастера — строители, кузнецы и горшечники. Пандион любовался творениями многих художников, не уступавших по мастерству Кидого.

Большие дома, построенные из брусчатых камней, сырцового кирпича или вылепленные целиком из твердой глины, были украшены сложным и красивым орнаментом, четко вырезанным на поверхности стен. Иногда стены расписывались красочными фресками, напоминавшими Пандиону росписи древних развалин Крита. На глиняных сосудах красивой формы он видел изящную, исполненную с тонким вкусом разрисовку. Множество деревянных раскрашенных статуй встречалось в больших зданиях общественных собраний и домах вождей. Скульптурные изображения людей и зверей восхищали Пандиона верностью переданного впечатления, удачно схваченными характерными чертами.

Но, по мнению Пандиона, скульптуре народа Кидого не хватало глубокого понимания формы. Его не было и у мастеров Айгюптоса. Скульпторы Та-Кем застывали в мертвых, недвижных позах, несмотря на выработанную веками тонкость исполнения и изящество отделки. Ваятели народа Кидого, наоборот, создавали острое впечатление живого, но только в каких-то отдельных, памерно подчеркнутых подробностях. И молодой эллин, раз-

¹ Масличная пальма.

² Бананы.

мышляя над произведениями местных жителей, начал смутно ощущать, что путь к совершенству скульптуры должен быть каким-то совсем новым — не в слепом старании передать природу и не в попытках отразить отдельные впечатления.

Народ Кидого любил музыку, играл на сложных инструментах из длинных рядов деревянных дощечек, соединенных с продолговатыми пустыми тыквами. Некоторые грустные, широко и мягко разливавшиеся песни волновали Пандиона, напоминая ему песни родины...

Этруск сидел у потухшего очага около хижины, жевал подбодряющие листья¹ и задумчиво ворошил палочкой горячий пепел, в котором пеклись желтые плоды. Кави научился готовить из желтых плодов муку для лепешек.

Пандион вышел из хижины, подсел к другу.

Мягкий вечерний свет ложился на пыльные тропинки, замирал в неподвижных ветвях тенистых деревьев.

— Загадка для меня этот народ, — задумчиво заговорил этруск, сплевывая на сторону жгучий сок. — Тут есть великая тайна, и я не могу ее постигнуть.

— Какая тайна? — рассеянно спросил Пандион.

— Тайна в сходстве этого народа с моим. Разве ты не заметил?

— Не заметил, — сознался эллин. — Люди эти вовсе на тебя не похожи...

— Я сказал не о внешнем сходстве, ты не понял. Их постройки почти такие же, как у моего народа, их верховный бог — бог молнии, как у нас, да ведь и у тебя тоже! Песни народа Кидого напоминают мне те, которые я сам пел в молодости... Как это может быть? Что общего у нас с чернокожим народом, живущим так далеко на жарком юге? Или когда-то их и мои предки жили по соседству?

Пандион хотел ответить, что его давно занимала мысль о родстве народов Африки с обитателями Великого Зеленого моря, но тут его внимание привлекла проходившая мимо женщина. Он заметил ее еще в первые дни прибытия в город Кидого, но с тех пор как-то не встречался с ней. Она была женой одного из родичей Кидого, и звали ее Ньора. Ньора выделялась красотой даже среди своих красивых соплеменниц. Сейчас она мед-

¹ Подбодряющие листья — листья стеркулиевых или табака и других растений, содержащих возбуждающие вещества.

ленно шла мимо с достоинством, которое отмечает женщин, сознающих свою красоту. Молодой эллин с восторгом рассматривал ее... Жажда творчества вдруг вспыхнула в нем с прежней силой.

Кусок зеленовато-синей ткани туго обертывал бедра Ньоры. Нитка голубых бус, тяжелые сердцевидные серьги и узкая золотая проволока на запястье левой руки составляли все убранство юной женщины. Большие глаза спокойно смотрели из-под густых ресниц. Короткие волосы, собранные на темени и замысловато сплетенные, удлиняли голову. Скулы выступали под глазами округлыми холмиками, как у здоровых и упитанных детей эллинов.

Гладкая черная кожа, такая упругая, что тело казалось железным, блестела в лучах солнца, и ее медный отлив приобретал золотой оттенок. Удлиненная шея чуть-чуть наклонялась вперед и горделиво поддерживала голову.

Высокое, гибкое тело было безупречно по своим линиям, необычайной плавности и сдержанности движений.

Пандиону показалось, что в лице Ньоры перед ним предстала одна из трех Харит¹ — богинь, по его верованиям, оживлявшим красоту и наделявших ее непобедимой привлекательностью.

Палочка этруска вдруг стукнула по голове Пандиона.

— Ты почему не побежал за ней? — с шутливой досадой спросил этруск. — Вы, эллины, готовы любоваться каждой женщиной...

Пандион посмотрел на друга без гнева, но так, как будто бы увидел его в первый раз, и порывисто обнял этруска.

— Слушай, Кави, ты не любишь говорить о своем... Тебя разве совсем не трогают женщины? Ты не чувствуешь, как они прекрасны? Разве для тебя они не часть всего этого, — Пандион описал рукой круг, — моря, солнца, прекрасного мира?

— Нет, когда я вижу что-нибудь красивое, мне хочется его съесть! — рассмеялся этруск. — Я шучу, — продолжал он серьезно. — Помни, что я вдвое старше тебя и за светлой стороной мира для меня виднее другая — темная, безобразная. Ты уже забыл о Та-Кем, — Кави

¹ Хариты, позднее Грации — богини женского очарования и изящества у эллинов. Харит было три.

провел пальцами по красному клейму на плече Пандиона,— а я ничего не забываю. Но я завидую тебе: ты будешь создавать красивое, я же могу только разрушать в борьбе с темными силами.— Кави помолчал и дрогнувшим голосом закончил:— Ты мало думаешь о своих близких там, на родине.. Я не видал столько лет своих детей, мне неизвестно даже, живы ли они, существует ли весь мой род. Кто знает, что там, среди враждебных племен...

Тоска, зазвучавшая в тоне всегда сдержанного этруска, наполнила Пандиона сочувствием. Но как он мог утешить друга? Слова этруска в то же время больно укололи его: «Ты мало думаешь о своих близких там, на родине...» Если Кави мог сказать ему так... Нет, разве мало значили для него Тесса, дед, Агенор? Но тогда он должен был сделаться подобным хмурому Кави, тогда он не впитал бы в себя великого разнообразия жизни — как же научился бы он понимать красоту?.. Пандион запутался в противоречиях и не смог разобраться в самом себе. Он вскочил и предложил этруску пойти выкупаться. Тот согласился, и оба друга направились через холмы, за которыми в пяти тысячах локтей от селения плескался океан.

За несколько дней до этого Кидого собрал молодых мужчин и юношей племени. Негр сказал сородичам, что, кроме копья и кусков ткани на бедрах, его товарищи, ожидающие кораблей, ничего не имеют, а сыны ветра не возьмут их на корабли без платы.

— Если каждый из вас,— сказал Кидого,— согласится помочь самым малым, то чужеземные друзья смогут вернуться к себе домой. Они помогли мне вырваться из плена и снова увидеть всех вас.

Ободренный общим согласием, Кидого предложил пойти с ним на золотоносное плоскогорье, а тем, кто не сможет,— пожертвовать слоновую кость или орехи, кожу или ствол ценного дерева.

На следующий день Кидого объявил друзьям, что отправляется на охоту, и отказался взять их с собой, угаривая беречь силы для предстоящего пути.

Товарищи Кидого по походу так и не узнали об истинных целях предприятия. Хотя мысли о плате за проезд не раз беспокоили их, они надеялись, что таинственные сыны ветра возьмут их в качестве гребцов. Пандион еще втайне предполагал использовать камни юга —

подарок старого вождя. Кави, также не говоря ничего Кидого, через два дня после ухода чернокожего друга собрал ливийцев и отправился вверх по реке, надеясь найти поблизости черное дерево¹, срубить несколько стволов и сплавить до селения тяжелые, тонувшие в воде бревна на плотках из легкой древесины.

Пандион все еще хромал, и Кави оставил его в селении, несмотря на протесты. Пандион негодовал: второй раз уже товарищи бросали его одного, как тогда, во время охоты за жирафами. Кави, надменно выпятив бороду, заявил, что тогда он не потерял времени даром и теперь снова может повторить прежнее. Онемевший от бешенства, молодой эллин ринулся прочь с обидой в сердце. Этруск догнал его и, хлопая по спине, просил прощения, но твердо стоял на своем, убеждая друга в необходимости совсем поправиться.

В конце концов Пандион согласился, с горечью ощущая себя жалким калекой, и поспешно скрылся в хижине, чтобы не присутствовать при уходе своих здоровых товарищей.

Оставшись в одиночестве, Пандион еще острее чувствовал необходимость испытать свои силы после удачного опыта со статуей учителя слонов. За последние годы он видел столько смертей и разрушений, что не хотел браться за непрочную глину, стремясь создать произведение из крепкого материала. Такого материала у Пандиона не было. Даже если бы он оказался в его руках, все равно отсутствовали необходимые для обработки инструменты.

Пандион часто любовался камнем Яхмоса, приведшим его в конце концов к морю, как наивно верил Кидого, склонный признавать могущество волшебных вещей.

Прозрачная ясность твердого камня навела Пандиона на мысль вырезать гемму. Правда, камень был тверже употреблявшихся для этой цели в Элладе. Они там обрабатывались наждаком с острова Наксоса². Вдруг эллин вспомнил, что у него, если верить старому вождю повелителей слонов, были камни, твердостью превосходившие все вещи мира.

¹ Черное дерево дают ядровые древесины различных видов африканских деревьев, главным образом семейства эбеновых; также дальбергия из семейства бобовых.

² Остров Наксос — самый большой остров в группе Кикладских островов, на юге Эгейского моря.

Пандион достал самый маленький из подаренных ему камней юга и осторожно провел острой гранью по краю голубовато-зеленого кристалла. На неподатливой гладкой поверхности осталась белая черта. Молодой эллин нажал сильнее. Камень прорезал глубокую канавку, точно резец из черной бронзы на куске мягкого мрамора. Необыкновенная сила прозрачных камней юга действительно превосходила все известное до сих пор Пандиону. В его руках были волшебные резцы, делавшие легкой задачу.

Пандион разбил маленький камень, тщательно собрал все острые осколки и вставил их при помощи твердой смолы в деревянные палочки. Теперь у него был десяток резцов разной толщины — и для грубой отделки, и для самых тонких штрихов. Что же изобразит он на прекрасном голубовато-зеленом кристалле, добытом Яхмосом в развалинах тысячелетнего храма и донесенном в целости до моря, символом которого он так долго служил в душном плену земли? Смутные образы проносились в голове Пандиона.

Молодой эллин ушел из селения и бродил в одиночестве, пока не очутился у моря. Он долго сидел на камне, то устремляя взор вдаль, то следя за тонким слоем прозрачной воды, подбегавшей к его ногам. Наступил вечер, короткие сумерки уничтожили блеск моря, движение волн сделалось незаметным. Все непрогляднее становилась бархатно-черная ночь, но вместе с тем в небе загоралось все больше ярких звезд, и опять небесные огоньки, закачавшись в волнах, оживили застывшее море. Запрокинув голову в небо, молодой эллин ловил очертания незнакомых созвездий. Дуга Млечного Пути перекидывалась таким же, как и на родине, серебряным мостом через весь небосвод, но она была более узкой. Один ее конец был глубоко расщеплен и разбит на отдельные пятна между широкими темными полосами. В стороне и ниже горели голубовато-белым светом два туманных звездных облака¹. Около них отчетливо выделялось большое непроницаемо черное пятно грушевидной формы, точно кусок угля заслонял в этом месте все звезды². Ничего похожего не видел Пандион в родном небе севера. Кон-

¹ Магеллановы облака, Большое и Малое, — крупные звездные скопления и туманности в небе южного полушария.

² Угольный мешок — черное скопление непрозрачного вещества в небе южного полушария.

траст между черным пятном и белыми облаками внезапно поразил его. Молодой эллин увидел в нем вдруг самую сущность южной страны. Черное и белое во всей прямоте и четкой грубости этого сочетания — вот что составляло душу Африки, ее лицо, такое, каким Пандион сейчас почувствовал его. Черные и белые полосы необыкновенных лошадей, черная кожа туземцев, раскрашенная белой краской и оттенявшая белые зубы и белки глаз, изделия из черной и жемчужно-белой древесины, черные и белые колонны древесных стволов в лесах, свет степей и мрак лесных тущоб, черные скалы с белыми полосами кварца и многое такое же пронеслось перед глазами Пандиона.

Совсем другое было на родине — на бедных и каменистых берегах Зеленого моря. Река жизни там не катилась буйным потоком, не сталкивались столь обнаженно черные и белые ее стороны.

Пандион встал. Необъятный океан, на другой стороне которого была его Энниада, отделил молодого эллина от Африки. Позади осталась страна, в душе уже покинутая им, угрюмо заслонившаяся ночными тенями гор. Впереди по волнам перебегали отражения звездных огней, и море сливалось там, на севере, с родной Элладой, и Тесса была на его берегу. Ради возвращения на родину, ради Тессы он боролся и шел сквозь кровь, пески, зной и мрак, бесчисленные опасности от зверей и людей.

Тесса, далекая, любимая и недоступная, стала совсем как те туманные звезды над морем, где северный «Ковш» окунулся краем за горизонт.

И тут явилось решение: он создаст на камне — твердом символе моря — Тессу, стоящую на берегу.

Пандион с яростью сжал в сильных пальцах резец, и крепкая палочка переломилась. Уже несколько дней он склонялся над камнем Яхмоса с бьющимся сердцем, обуздывая волей творческое нетерпение, то уверенно прочерчивая длинные линии, то с бесконечной осторожностью срезая мельчайшие крупинки. Изображение становилось все более явственным. Голова Тессы удалась ему — в своем гордом повороте она виделась ему и теперь так же отчетливо, как в час прощания на берегу Ахелоева мыса. Он врезал ее в прозрачную глубину камня, и теперь она выпукло проступала матовой голубиз-

ной среди зеркально-гладкой поверхности. Завитки волос легкими, свободными штрихами ложились на намеченную четкой дугой округлость плеча, но дальше... дальше Пандион неожиданно утратил весь подъем своего вдохновения. Молодой художник, как никогда уверенный в себе, сразу очертил глубокой канавкой тонкий контур тела девушки, и точное изящество линий подтвердило успех его работы. Пандион сточил окружающую поверхность, чтобы выделить фигуру. Тут он внезапно понял, что изобразил вовсе не Тессу. В линиях бедер, колен и груди проступило и ожило тело Ирумы, а отдельные штрихи, несомненно, принадлежали последнему впечатлению от красоты Ньоры. Фигура Тессы не была телом эллинской девушки — у Пандиона получился отвлеченный образ, в котором отражалась красота африканских женщин. Но Пандион хотел добиться другого — изобразить живую и любимую Тессу. Напрягая память, он пытался снять налет впечатлений последних лет, пока не убедился, что новое проступило еще ярче.

Скоро Пандион сообразил, что передача живого опять не удастся ему. Пока фигурка была только намечена, легкие линии жгли. Едва художник пытался перевести плоское изображение в выпуклое, живое тело окаменевало, становилось холодным и застывшим. Да, он не постиг тайны искусства. И это его произведение не будет живым! Ему не удастся совершить задуманное! Словам резец от волнения, Пандион взял камень и стал рассматривать его с расстояния вытянутой руки. Да, он не может создать образ Тессы, и прекрасная гемма не будет окончена.

Сквозь прозрачный камень проникали лучи солнца, наполняя его золотистым оттенком родного моря. Пандион оставил нетронутым гладкое поле большой грани кристалла и вырезал фигуру девушки справа, у самого края. В камне, как на берегу моря, стояла девушка с лицом Тессы, но Тессой она не была. Вдохновение, с которым трудился Пандион над камнем от рассвета до заката, с нетерпением ожидая каждого следующего дня, покинуло его. Пандион спрятал камень, собрал резцы и разогнул наболевшую спину. Горе поражения ослаблялось сознанием, что он все же может создать прекрасное... но оно было убогим в сравнении с живым!

Увлеченный работой, Пандион перестал ожидать возвращения товарищей и только сейчас вспомнил о них.

Как бы в ответ на мысли Пандиона к нему подбежал мальчик.

— Густобородый приехал, он зовет тебя к реке! — сообщил посланец Кави, гордый данным ему поручением.

То, что этруск остался на реке и звал его туда, обеспокоило Пандиона. Он поспешил к берегу по тропинке, извивавшейся среди колючих кустов. Издалека он заметил на песчаном откосе группу товарищей, стоявших кольцом вокруг связки стеблей тростника. На тростнике вытянулось человеческое тело. Пандион неловко побежал, стараясь не ступать на еще слабую ногу, и вошел в молчаливый круг товарищей по походу. Он узнал в лежащем молодого ливийца Такела, участника побега через пустыню. Молодой эллин стал на колени над телом товарища. Перед глазами Пандиона возникло душное ущелье между склонами песчаных гор, где он плелся, полумертвый от жажды. Такел был в числе тех, которые во главе с умершим Ахми принесли ему навстречу воду из источника. Только перед трупом Такела Пандиону стало ясно, как дорог и близок ему каждый из товарищей по мятежу и походу. Он сроднился с ними и не мыслил своего существования отдельно от них. Пандион мог неделями не общаться с товарищами, когда знал, что они поблизости в покое и безопасности и заняты своими делами, а сейчас утрата ошеломила его. Не поднимаясь с колен, он бросил на этруска вопрошающий взгляд.

— Такела укусила змея в зарослях, — печально сказал Кави, — где мы бродили в поисках черного дерева. Мы не знали лекарства... — Этруск тяжело вздохнул. — Мы бросили все и приплыли сюда. Когда мы вынесли его на берег, Такел уже умирал. Я позвал тебя проститься с ним... Поздно... — Кави не договорил, сжимая руки, он поник головой.

Пандион встал. Смерть Такелы казалась такой несправедливой и нелепой: не в славном сражении, не в бою со зверем — здесь, в мирном селении, у моря, сулившего возвращение после всех совершенных им доблестных подвигов, стойкого мужества в длинном пути. Это было особенно больно молодому эллину. Слезы навернулись на глаза, и он, чтобы справиться с собой, устремил взгляд на реку. По сторонам песчаной отмели высились густые заросли, заграждавшие речной простор зеленой стеной. Бугор светлого песка находился как бы в

широких воротах. На опушке росли белые деревья, коричневые и узловатые, с мелкими листьями. Все ветви этих деревьев были одеты пушистыми лентами ярко-красных цветов¹, плоские перистые скопления которых казались полосами из поперечных коротких черточек, нанизанных на тонкие стебли, то сгибавшиеся вниз, то торчавшие прямо вверх, к небу. Цветы отливали багрянцем, и белые деревья горели в зеленых воротах, как погребальные факелы у врат Аида², куда уже направляла свой путь душа умершего Такела. Медленно катилась мутная оловянная вода реки, испещренная отмелями желтых песков. Сотни крокодилов лежали на песке. На ближайшей к Пандиону косе несколько огромных ящеров во сне раскрыли широкие пасти, казавшиеся на солнце черными пятнами, окаймленными белыми клиньями страшных зубов. Тела крокодилов широко расплывались на песке, как бы расплющенные собственным весом. Продольные складки чешуйчатой кожи брюха обтекали плоские спины, усаженные рядами шипов, более светлых, чем черновато-зеленые промежутки между ними. Лапы с нелепо вывернутыми наружу суставами уродливо раскидывались в стороны. Иногда какой-нибудь из ящеров пошевеливал гребнистым хвостом, толкая другого, — тот, потревоженный во сне, захлопывал свою пасть с разносившимся по реке стуком.

Товарищи подняли умершего и молча понесли его в селение под тревожными взглядами сбежавшихся жителей. Пандион шел сзади, отдельно от Кави. Этруск считал себя виновным в гибели ливийца, так как затея с добычей черного дерева принадлежала ему. Кави шагал сбоку печальной процессии, кусал губы и тербил бороду.

Пандиона мучила совесть: он тоже чувствовал себя виновным. Нехорошо было, что он вдохновился изображением любимой девушки, когда ему нужно было создать произведение в память боевой дружбы разных людей, прошедших все испытания, верных перед лицом смерти, голода и жажды, в тоскливых днях тяжкого похода. «Как могла эта мысль не прийти мне прежде всего?» — спрашивал себя молодой эллин. Неспроста его

¹ Комбрет.

² Аид — подземное царство в представлении эллинов, куда попадают души усопших после смерти.

постигла неудача — боги покарали его за неблагодарность... Так пусть сегодняшнее горе научит видеть лучше...

Низкие лилово-серые облака грузно всползали на небесный свод; как стадо буйолов, сбивались в плотную массу. Слышались глухие раскаты. Надвигался ливень, люди поспешно втаскивали в хижины разбросанные вокруг вещи.

Едва Кави и Пандион успели укрыться в своем жилище, как в небе опрокинулась исполинская чаша, рев падавшей воды заглушил грохот грома. Ливень кончился быстро, как всегда; терпко пахли растения в посвежем, влажном воздухе, слабо журчали бесчисленные ручейки, стекавшие к реке и к морю. Мокрые деревья глухо шумели под ветром. Их шум был суров и печален, он ничем не напоминал быстрого шелеста листвы в сухие, погожие дни. Кави прислушался к голосу деревьев и неожиданно сказал:

— Я не прощаю себе смерти Такела. Виноват я: мы пошли без опытного проводника, мы чужие в этой стране, где беспечность означает гибель. И что же? У нас нет черного дерева, а один из лучших товарищей лежит под грудой камней на берегу... Дорога цена моей глупости... И я не решаюсь теперь идти снова. Платить сынам ветра нам нечем...

Пандион молча достал из своего мешочка горсть сверкающих камней и положил их перед этруском. Кави одобрительно закивал головой, затем внезапное сомнение отразилось на его лице:

— Если им неизвестна цена этих камней, сыны ветра могут отказаться взять их. Кто слышал о таких камнях в наших землях? Кто купит их как драгоценности? Хотя... — Этрусск задумался.

Пандион испугался. Простая догадка Кави не приходила ему раньше в голову. Он упустил из виду, что камни в глазах купцов могут оказаться нестоящими. Смятение и страх за будущее заставили задрожать его протянутую к камням руку. Этрусск, читая по лицу тревогу друга, заговорил снова:

— Хотя я слышал когда-то, что прозрачные камни особенной твердости привозились иногда на Кипр и в Карию с далекого востока и очень дорого ценились. Может быть, сыны ветра знают их?..

Наутро после разговора с Кави Пандион пошел по тропинке к подножию гор, где росли травянистые растения с желтыми плодами. Подходил срок возвращения Кидого. Друзья нетерпеливо ждали его. Этруск и эллин хотели посоветоваться с ним, как добыть что-либо ценное для сынов ветра. Сомнения этруска разрушили уверенность Пандиона в ценности камней юга, и теперь молодой эллин не находил покоя. Невольно Пандион направлялся к горам в смутной надежде встретить отряд чернокожего друга. Помимо всего, ему хотелось побыть наедине, чтобы обдумать новое произведение, все яснее намечавшееся в его уме. Пандион неслышно ступал по крепкой, плотно утрамбованной земле тропинки. Он больше не хромал, к нему вернулась прежняя легкость походки. Попадавшиеся навстречу местные жители, нагруженные гроздьями желтых плодов, дружелюбно обнажали свои белые зубы или приветливо помахивали сорванными листьями. Тропа завернула налево. Пандион шел между двумя сплошными стенами сочной зелени, наполненной золотым сиянием солнечного света. В его горячем блеске плавно двигалась женщина. Пандион узнал Ньору. Она выбирала из свисавших гроздьев самые зеленые плоды и складывала их в высокую плетеную корзину. Пандион отступил в тень огромных листьев; чувство художника отодвинуло все другие мысли. Юная женщина переходила от одной грозди к другой, гибко склоняясь к корзине, и опять поднималась на кончики пальцев, вытянувшись всем телом, с руками, протянутыми к высоко висящим плодам. Золотые переливы солнца поблескивали на ее гладкой черной коже, оттененной свежей и яркой зеленью. Ньора слегка подпрыгнула и, вся изогнувшись, протянула руки в чашу бархатистых листьев. Увлечшийся Пандион зацепил за сухой стебель — в глубокой тишине раздался громкий шорох. Молодая женщина мгновенно обернулась и застыла. Ньора узнала Пандиона; напряженное струной тело ее вновь стало спокойным, она перевела дыхание и улыбнулась молодому эллину. Но Пандион не заметил ничего этого. Крик восторга вырвался из его груди, широко раскрывшиеся золотистые глаза смотрели на Ньору, не видя ее; рот приоткрылся в слабой улыбке. Смущенная женщина отступила. Чужеземец вдруг повернулся и бросился прочь, восклицая что-то на непонятном для нее языке.

Внезапно Пандион сделал великое открытие. Моло-

дой эллин все время бессознательно и неуклонно шел к нему, все неотвязные думы, бесконечные размышления бродили около этого открытия. Он не нашел бы его, если бы не видел так много, не сравнивал бы и не нащупывал собственного нового пути. В живом неподвижности быть не может! В живом и прекрасном теле нет никогда мертвой неподвижности, есть только покой, то есть мгновение остановки движения, закончившегося и готового смениться другим, противоположным. Если схватить это мгновение и отразить его в неподвижном камне, тогда мертвое оживет.

Вот что увидел Пандион в замершей от испуга Ньоре, когда она застыла, как статуя из черного металла. Молодой эллин уединился на небольшой поляне под деревом. Если бы кто-нибудь заглянул туда, то, несомненно, убедился бы в сумасшествии Пандиона: он делал резкие движения, сгибая и разгибая то руку, то ногу, и тщательно следил за ними, скривив шею и мучительно перекашивая глаза. Молодой эллин вернулся домой только к вечеру, возбужденный, с лихорадочным блеском глаз. Он заставил Кави, к великому удивлению этруска, стоять перед собой, идти и останавливаться по команде. Этрусск сначала терпеливо сносил причуду друга, наконец это ему надоело, и он, хлопнув себя по лбу, решительно уселся на землю. Но Пандион и тут не оставил Кави в покое — он разглядывал его, заходил то справа, то слева, пока этрусск не разразился бранью и, объявив, что Пандион схватил лихорадку, пригрозил связать эллина и водворить на ложе.

— Пошел к воронам! — весело закричал Пандион. — Я завью тебя винтом, как рог белой антилопы!

Кави еще не видел, чтобы его друг так ребячился. Он был рад этому, так как давно замечал душевное угнетение молодого эллина. Ворча, этрусск слегка ударил Пандиона, и тот, вдруг смирившись, заявил, что невероятно голоден. Оба друга уселись за ужин, и Пандион попытался объяснить этруску свое великое открытие. Вопреки ожиданию Кави очень заинтересовался и долго расспрашивал Пандиона, стараясь вникнуть в сущность затруднений, стоящих перед скульптором при попытках воссоздать живую форму.

Этрусск и эллин засиделись допоздна и заканчивали беседу в темноте.

Вдруг что-то заслонило проблеск звездного света в

отверстии входа, и голос Кидого заставил их радостно вздрогнуть. Негр внезапно возвратился и сразу же решил проведать друзей. На вопрос, была ли удачна охота, Кидого отвечал неопределенно, ссылаясь на усталость, и обещал завтра показать трофеи. Кави и Панднион рассказали ему о смерти Такела и о походе Кави за черным деревом. Кидого страшно разъярился, кричал про оскорбление его гостеприимства, даже назвал этруска старой гиеной. В конце концов негр утих: печаль о погибшем товарище взяла верх над гневом. Тогда этруск и эллин рассказали ему о своих тревогах по поводу платы сынам ветра и просили совета. Кидого отнесся к их беспокойству с величайшим равнодушием и ушел, так и не ответив на их вопросы.

Обескураженные друзья решили, что странное поведение Кидого вызвано печалью из-за гибели ливийца. Оба долго ворочались на своих ложах в молчаливом раздумье.

Кидого явился к ним поздно, с печатью хитрого лукавства на добродушном лице. Он привел с собой всех ливийцев и целую толпу молодых мужчин. Сородичи Кидого подмигивали недоумевающим чужеземцам, громко хохотали, перешептывались и перекрикивались обрывками непонятных фраз. Они намекали на колдовство, будто бы свойственное их народу, уверяя, что Кидого умеет превращать простые палки в черное дерево и слоновую кость, а речной песок — в золото. Всю эту чепуху чужеземцы слушали по дороге к дому черного друга. Кидого подвел их к небольшой кладовой. Она отличалась от других простых хижин меньшими размерами и наличием двери, подпертой громадным камнем. Кидого с помощью нескольких человек отвалил камень, молодежь стала по обе стороны распахнувшейся двери. Кидого, согнувшись, вошел в кладовую и поманил товарищей за собой. Кави, Панднион и ливийцы, ничего еще не понимая, молча стояли в сумраке, пока их глаза не привыкли к слабому свету из кольцевой щели между навесом конической крыши и верхним краем глинобитной стены. Тогда они увидели несколько толстых черных бревен, груды слоновых клыков и пять высоких открытых корзин, доверху насыпанных целебными орехами. Кидого, внимательно следя за лицами товарищей, громко сказал:

— Это все ваше! Это собрал вам мой народ на лег-

кий и счастливый путь! Сыны ветра должны взять с собой два десятка людей, а не один за такую цену...

— Твой народ дарит нам столько... за что?! — воскликнул потрясенный Кави.

— За то, что вы хорошие люди, храбрые люди, за то, что вы совершили столько подвигов, за то, что вы мои друзья и помогли мне вернуться, — стараясь казаться невозмутимым, перечислял Кидого. — Но подождите, это не все!

Негр шагнул в сторону, сунул руку между корзинами и вытащил мешочек из крепкой кожи размером не меньше головы человека.

— Возьми! — Кидого протянул мешочек Кави.

Этрусск, подставивший ладони, согнулся от неожиданной тяжести и едва не выронил мешка. Негр оглушительно захохотал и заплясал от восторга. Громкий, веселый смех молодежи вторил ему за стенами кладовой.

— Что это? — спросил Кави, продолжая прижимать к себе тяжелый мешочек.

— Ты спрашиваешь, мудрый старый воин, — веселился Кидого, — точно не знаешь, что в мире имеет такую тяжесть одна лишь вещь!

— Золото! — воскликнул этрусск на своем языке, но негр понял.

— Да, золото, — подтвердил он.

— Где же ты взял столько? — вмешался Пандион, ощупывая туго набитый мешочек.

— Вместо охоты мы ходили на золотоносное плоскогорье. Восемь дней мы перекапывали там песок и промывали его в воде... — Негр помолчал, потом закончил: — Сыны ветра не довезут вас до родины. Там, на вашем море, всем вам предстоят разные дороги, и каждый сможет добраться до своего дома. Разделите золото и спрячьте хорошо, так, чтобы не видели сыны ветра в пути.

— Кто еще был с тобой на этой «охоте»? — Быстро спросил этрусск.

— Вот все они. — Негр показал на сгрудившихся у входа юношей.

Радостные, растроганные до слез друзья бросились к неграм со словами благодарности. А те смущенно переминались с ноги на ногу и понемногу исчезали за домом.

Товарищи вышли из кладовой, завалили дверь кам-

нем. Кидого внезапно стал молчалив, веселость его исчезла. Пандион привлек к себе черного друга, но тот высвободился из его объятий, положил эллину руки на плечи и долго смотрел в его золотистые глаза.

— Как я расстанусь с тобой, Кидого! — против воли вырвалось у Пандиона.

Пальцы негра впились в его плечи.

— Бог молнии видит, — сдавленно произнес Кидого, — я отдал бы все золото плоскогорья, отдал бы все, что у меня есть, до последнего копья, за то, чтобы ты согласился жить со мной навсегда... — Лицо негра исказилось, он закрыл глаза руками. — Но я даже не прошу тебя... — Голос Кидого дрожал, прерываясь. — В плену я узнал, что такое родина... Я понимаю, ты не можешь остаться... и я, вот видишь, сам стараюсь, чтобы ты уехал... — Негр внезапно отпустил Пандиона и бросился к дому.

Молодой эллин смотрел вслед другу, и слезы туманили его взор. Этруск тяжело вздохнул за спиной Пандиона.

— Придет время — и мы с тобой разойдемся, — тихо и печально сказал Кави.

— Наши с тобой дома не так уж далеко, и корабли плавают там часто, — сказал, повернувшись к нему, Пандион. — А Кидого... останется здесь, на краю Ойкумены...

Успокоившись за будущее, Пандион весь отдался творчеству. Он торопился — величие обретенной в борьбе за свободу дружбы вдохновляло его и заставляло спешить. Он заранее видел все подробности геммы.

Три человека должны были стоять обнявшись на фоне моря, к которому они стремились, моря, возвращавшего их на родину.

Пандион решил изобразить на большой плоской грани своего камня троих друзей — Кидого, Кави и себя в сверкающем, прозрачном свете морской дали, которую как нельзя лучше олицетворял собою голубовато-зеленый кристалл.

Молодой скульптор начертил несколько набросков на тонких пластинках слоновой кости, употреблявшихся женщинами племени для растирания каких-то мазей. Сделанное им открытие принуждало его постоянно видеть перед глазами живые тела, но это не составляло затруднения. Этруск и так был с ним все время, а Кидого,

предчувствуя близкий приход кораблей сынов ветра, оставил свои дела и был неразлучен с друзьями.

Часто Пандион заставлял этруска и негра стоять перед ним обнявшись, и те, посмеиваясь, исполняли просьбу.

Друзья подолгу беседовали, поверяя все свои сокровенные мысли, тревоги и планы, а в глубине души каждого острым гвоздем сидела мысль о неизбежности расставания.

Пандион, разговаривая, не терял времени даром и упорно резал твердый камень. Иногда скульптор замолкал, взгляд его становился пониживающим — эллин ловил в чертах друзей какую-то важную для него подробность.

Все выпуклее и живее становились три обнявшиеся мужские фигуры. В центре можно было узнать огромного Кидого, справа от него, слегка повернувшись к оставшемуся кусочку гладкой грани, стоял Пандион, а слева — этруск, оба с копьями в руках. Кави и Кидого находили большое сходство с собой, но уверяли Пандиона, что он плохо изобразил себя. Скульптор, улыбаясь, отвечал, что это неважно.

Фигуры друзей, несмотря на маленькие размеры, были совершенно живыми, подлинное мастерство проступало в каждой подробности. Повороты тел были сильны, резки и в то же время изящно сдержанны. В руках Кидого, широко раскинутых на плечах этруска и эллина, Пандиону удалось выразить движение защиты и братской нежности. Кави и Пандион стояли с внимательно, почти угрожающе наклоненными головами, исполненными напряженной бдительности мощных воинов, готовых уверенно отразить любого врага. Именно это впечатлительное великолепие мощи и уверенности создавала вся группа, и Пандион старался выразить в своем произведении все лучшее, что было в людях, ставших ему дорогими по пути из рабства на родину. Скульптор понял, что ему наконец удалось создать настоящее произведение искусства. Кидого и Кави перестали подтрунивать над Пандионом. Затаив дыхание, они часами следили за движениями волшебного резца, и смутное преклонение перед мастерством художника определяло их теперешнее отношение к Пандиону. Их молодой друг, смелый, веселый и даже ребячливый, подчас забавный своим восторгом перед женщинами, оказался великим художником!

Это одновременно и радовало и удивляло Кидого и Кави.

А Пандион вкладывал всю любовь к товарищам в порыв своего творчества. Теперь первоначальная идея вырезать на камне Тессу не привлекала его больше. Тесса, Ирума и Ньора, принадлежавшие к разным народам, были сестрами по красоте, у всех трех обладавшей одинаково притягательной силой... Но были ли они сестрами во всем остальном — этого Пандион не знал. Могла ли бы Тесса так сродниться с Ньорой, как он с Кидого? А в дружбе Пандиона с Кидого и Кави, в товариществе со всеми другими бывшими рабами, которых осталось здесь уже так немного, было братство единых помыслов и стремлений, спаянное крепче камня верностью и мужеством. Да, они настоящие братья, хотя одного носила такая же черная, как он сам, мать здесь, под странными деревьями юга, другой лежал в колыбели в хижине, сотрясаемой злыми зимними бурями, а третий в это время уже воевал со свирепыми кочевниками дальних степей на берегу темного моря... Сердца их сплелись тугими жилами, сотни раз проверенные в общих невзгодах, и как мало значило теперь различие их стран, лиц, тел и верований!

Дни летели быстро. Пандион вдруг спохватился: прошло около полутора месяцев, и срок, назначившийся для прибытия сынов ветра, уже миновал. Беспокойство и облегчение смешались в душе молодого эллина: беспокойство — потому, что сыны ветра могли вовсе не приехать, а облегчение — при мысли, что неизбежная разлука с Кидого отодвигается. В тревожном томлении Пандион иногда оставлял свою работу — впрочем, она была почти окончена. Эллин опять стал часто ходить к морю, стараясь возвращаться быстрее, чтобы не отделяться от друзей.

Однажды Пандион собрался идти на обычное купание. Он встал и позвал с собой друзей, но те отказались, затеяв горячий спор о разных способах приготовления жевательных листьев. Вдали послышался шум многочисленных голосов, крики и восторженные вопли, какими пылкие сородичи Кидого сопровождали каждое событие. Кидого вскочил, серый пепел бледности разлился у него по лицу, даже грудь негра посветлела. Чуть пошатнувшись, Кидого побежал к своему дому, крикнув через плечо встревоженным друзьям:

— Наверно, сыны ветра!

Кровь бросилась в голову этруска и эллина, они тоже пустились бежать по известной Пандиону короткой тропинке к морю. На гребне холма Пандион и Кави остановились.

— Верно, сыны ветра! — закричал Кави.

Темно-фиолетовая тень огромной горы легла на берег, простерлась вдаль, затемнив блеск моря и бросив на него хмурый оттенок лесных чащ. Черные корабли, похожие на корабли эллинов, с выпуклыми, как лебединые груди, носами, уже были выдвинуты на посеревший песок. Их было пять. Со спущенными мачтами суда походили на больших черных уток, уснувших на песке.

Перед кораблями быстро ходили взад и вперед бородастые воины в грубых серых плащах, сверкая медной оковкой круглых щитов и раскачивая в руках широкие топоры на длинных рукоятках. Начальники, купцы и все свободные от охраны люди с кораблей, по-видимому, уже ушли в селение Кидого. Этрусск и эллин повернули назад.

У хижины их нетерпеливо поджидал Кидого.

— Сыны ветра у вождей, — сообщил негр. — Я просил дядю, он скажет главному нашему вождю, и тот сам будет вести переговоры с ними о вас. Так будет крепче. Сынам ветра опасно ссориться с ним, они доставят всех вас в целости... — Негр улыбнулся криво и невесело.

Сотни людей собрались на берегу проводить отплывающие суда. Сыны ветра торопились — солнце клонилось к закату, а им почему-то хотелось обязательно начать плавание сегодня. Корабли, уже нагруженные, медленно покачивались у края рифов. Среди груза лежал дар народа Кидого — плата за возвращение бывших рабов на родину. До кораблей нужно было идти по грудь в воде через береговую отмель. Начальники сынов ветра замешкались, на прощание упрашивая вождей приготовить побольше товаров на будущий год, клялись во что бы то ни стало прибыть в назначенный срок.

Кави стоял рядом с Кидого, держа одной рукой большой сверток со шкурой и черепом страшного гишу. На прощание черный друг подарил Пандиону и Кави два больших метательных ножа. Это военное изобретение народа Тенгрелы имело вид широкой бронзовой пластины, глубоко рассеченной на пять концов: четыре серповидно

изогнутых и отточенных, к пятому, откованному наподобие пальца, была прикреплена короткая роговая рукоятка. Оружие, брошенное умелой рукой, со свистом вращалось в воздухе и убивало жертву наповал с двадцати локтей расстояния.

Со стесненным сердцем Пандион оглядывался вокруг, присматриваясь к своим новым спутникам и хозяевам. Их жесткие, обветренные лица были цвета темного кирпича, нестриженные бороды лохматились вокруг щек, в тяжелой, развалистой походке, суровых складках губ и лба не было ни капли легкого добродушия, характерного для собратьев Кидого. Но все же Пандион почему-то верил этим людям — может быть, потому, что сыны ветра, как и он, были преданы морю, жили с ним в согласии и понимали его. Или потому, что в их речи Пандион и Кави встречали знакомые слова...

Сыны ветра охотно согласились взять бывших рабов на корабли за предложенную вождем плату. Дяде Кидого Иорумефу удалось даже выторговать шесть клыков и две корзины целебных орехов. Этот остаток погрузили на корабль как достояние Кави, ливийцев и Пандиона. Сыны ветра разделили людей вопреки их желанию. На одном корабле ехали шестеро ливийцев, на другом — Кави с Пандионом и три ливийца.

Гавань сынов ветра оказалась поблизости от Ворот Туманов, на огромном расстоянии от родины Кидого — не меньше двух месяцев плавания при самой благоприятной погоде. Кави и Пандион тоже растерялись — они не представляли себе истинную дальность пути и поняли, что сыны ветра такие же выдающиеся борцы с морем, какими были повелители слонов в борьбе с мощью степей Африки. От гавани сынов ветра до родины Пандиону предстояло еще проплыть почти все Великое Зеленое море, но это расстояние было в два с половиной раза меньше, чем путь от селения Кидого к гавани сынов ветра. Сыны ветра успокоили Пандиона и Кави заверением, что к ним часто приплывают корабли финикийцев из Тира, с Крита, Кипра и большого Ливийского залива¹.

Но Пандион сейчас, стоя на берегу, не думал об этом. В смутении он оглядывался на море, словно пытался измерить предстоящий ему огромный путь, и поворачивался к Кидого. Начальник всех кораблей, с обручем ко-

¹ Большой Ливийский залив — залив Большой Сирт на северном побережье Африки, к западу от Египта.

ваного золота в курчавых волосах, громко закричал, приказывая идти на суда.

Кидого схватил за руки Пандиона и Кави, не скрывая слез.

— Прощай навсегда, Пандион, и ты, Кави! — прошептал негр. — Там, на далекой своей родине, вспомните о Кидого, верном и любящем вас обоих! Вспомните наши дни в рабстве в Кемт, когда только дружба поддерживала нас, дни мятежа, бегства, дни великого похода к морю... Я буду с вами в моих мыслях. Вы уходите навеки от меня, вы, ставшие мне дороже жизни! — Голос негра окреп. — Я буду верить, что когда-нибудь люди научатся не бояться просторов мира. Моря соединят их... Но я не увижу вас больше... Велико мое горе... — Огромное тело Кидого затряслось от рыданий.

В последний раз соединились руки друзей. Сыны ветра закричали с корабля...

Руки Пандиона разжались, отошел Кави. Этрусск и эллин вступили в теплую воду и, скользя на камнях, поспешили к судам.

В первый раз после долгих лет Пандион ступил на палубу; на него повеяло давно ушедшими в прошлое днями счастливых путей. Но прошлое только мелькнуло в памяти и скрылось опять. Все мысли сосредоточились на высокой черной фигуре, стоявшей отдельно от толпы, у самого края воды. Весла плеснули и зачастили мерными ударами, корабль вышел за линию рифов. Тогда моряки подняли большой парус, и ветер подхватил судно.

Все меньше становились люди на берегу; скоро маленькая черная точка обозначала утраченного навсегда Кидого. Надвинувшиеся сумерки скрыли берег, только темный горный кряж угрюмо громоздился за кормой. Кави смахивал уже не первую крупную слезу. Огромная летучая мышь, залетевшая с берега, вдоль которого направлялись суда, чуть задела крылом лицо Пандиона. Это шелковистое прикосновение показалось эллину последним приветствием покинутой страны. Глубокое смятение вызвала у Пандиона разлука с другом-негром, со страной, где он столько пережил, где оставил часть своего сердца. Смутно чувствовал он, что там, на родине, в часы усталости и печали, Африка будет вставать перед ним неизменно манящей и прекрасной именно потому, что он утратил ее навсегда... как Ируму. Отбросив все, что стало близким и привычным, обернувшись к Элладе

лицом и душой, Пандион содрогнулся от тревоги. Что ждет его там после столь долгого отсутствия? Как будет он жить среди своих, когда вернется? Кого он найдет? Тесса... Да жива ли она, любит ли его по-прежнему или...

Корабли угрюмо ныряли в волнах, обращенные носами к западу. Только после месяца пути они повернут на север — так сказали сыны ветра. Мощное дыхание океана шевелило волосы Пандиона. Рядом с ним сновали деловито и неторопливо молчаливые моряки. Сыны ветра — потомки древних критских мореходов — Пандиону казались более чужими, чем чернокожие обитатели Африки. Эллин сжал в руке висевший на груди мешочек с камнем, хранивший облик Кидого, и пошел к товарищам, печально жавшимся в уголке чужого корабля...

Из-за гор поднялся оранжевый круг луны. В ее свете океан — Великая Дуга, обнимающая все земли мира, — предстал изрытым черными впадинами, над которыми плавно двигались светлые вершины волн. Маленькие корабли смело шли вперед, то взбрасывая носы в звездное небо и рассыпая вокруг серебристые брызги, то проваливаясь вниз, в глухо шумящую темноту. Пандиону это казалось похожим на его собственный жизненный путь. Впереди, вдали, блестящие верхушки валов сливались в одну светящуюся дорогу, звезды спускались вниз и качались в волнах, как бывало давно, у берегов родины. Океан принимал отважных людей, соглашался нести их на себе в безмерную даль, домой...

— Ты видел, Эвпалин, гемму на камне цвета моря — самое совершенное творение в Энниаде... истиннее сказать — во всей Элладе?

Эвпалин ответил не сразу. Он прислушался к звонкому ржанию любимого коня, которого держал рослый раб, плотнее запахнулся в плащ из тонкой шерсти. Весенний ветерок в тени навеса пронизывал холодом, хотя серые склоны каменистых гор, вздымавшиеся перед собеседниками, уже были покрыты цветущими деревьями. Внизу нежно-розовыми облачками протянулись рощицы миндаля, выше темно-розовые, почти лиловые пятна означали заросли кустарников. Холодный ветер, спускавшийся с гор, источал миндальный аромат и несся пад долинами Энниады вестником новой весны. Эвпалин втя-

нул поздрями ветер, постучал пальцем по деревянной колонне и медленно сказал:

— Я слышал, ее сделал приемный сын Агенора, тот, что так долго скитался где-то... Его считали умершим, но он недавно вернулся из очень далекой страны.

— А дочь Агенора, красавица Тесса... Ты слышал, конечно, о ней?

— Слышал, что она шесть лет не хотела выходить замуж, веря, что вернется ее возлюбленный. И ее отец-художник позволил ей...

— Я знаю, что не только позволил — даже сам ждал все время приемного сына.

— Редкий случай, когда ожидание оправдалось! Он действительно не погиб и сделался мужем Тессы и замечательным художником. Жалею, что не пришлось тебе увидеть гемму — ты хороший знаток и оценил бы ее!

— Я послушаюсь тебя и поеду к Агенору. У Ахелоева мыса живет он — всего двадцать стадий туда...

— О нет, Эвпалин, ты опоздал! Мастер, что создал гемму, подарил ее — подумай только! — своему другу, бродяге-этруску. Он привез его, заболевшего в пути, в дом Агенора, вылечил и, когда бродяга собрался к себе, отдал ему то, что могло бы прославить всю Энниаду. А этруск наградил его шкурой сквернообразного зверя, неслыханного доселе и страшного...

— Нищим он уехал и вернулся таким же. Или он ничему не научился в скитаниях, что делает драгоценные подарки кому попало?

— Нам с тобой трудно понять человека, столь долго бывшего на чужбине. Но мне жаль, что гемма ушла от нас!

1945—1946 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОРОГА ВЕТРОВ. Гобийские заметки

Предисловие	6
-----------------------	---

КОСТИ ДРАКОНА (Лууны яс)

Книга первая

Глава первая. Древняя суша	8
Глава вторая. За Тремя Прекрасными	20
Глава третья. Красный лабиринт	51
Глава четвертая. Останец Цундж	76
Глава пятая. Путь на восток	108
Глава шестая. «Богатый стол»	130
Глава седьмая. Домой	159

ПАМЯТЬ ЗЕМЛИ (Газрын Дурсгал)

Книга вторая

Глава первая. За скелетом неведомого зверя	179
Глава вторая. Штурм Нэмэгэту	206
Глава третья. В лабиринтах ущелий	223
Глава четвертая. Узкая синяя Гоби	249
Глава пятая. Вдоль подножия Алтая	265
Глава шестая. Голубые маяки Долины Озер	287
Глава седьмая. По хангайским степям	307
Глава восьмая. На дальний запад	320
Глава девятая. Через разливы рек	342
Глава десятая. Могнла Дракона	357
Глава одиннадцатая. Разгадка «Красной гряды»	373
Послесловие	396
Справка-словарь	399

НА КРАЮ ОЙКУМЕНИ. Повесть

Часть первая. ПУТЕШЕСТВИЕ БАУРДЖЕДА

Глава первая. Завешание Джосера	404
Глава вторая. Подводные сады	449
Глава третья. Великая Дуга	469

Часть вторая. НА КРАЮ ОЙКУМЕНИ

Пролог	500
Глава первая. Ученик художника	506
Глава вторая. Пенная страна	530
Глава третья. Раб фараона	556
Глава четвертая. Борьба за свободу	581
Глава пятая. Золотая степь	620
Глава шестая. Темная дорога	652
Глава седьмая. Сила лесов	682
Глава восьмая. Сыны ветра	713

Иван Антонович Ефремов
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том 2

Редактор Л. А. Трофимчук
Технический редактор Н. В. Яшукова
Корректоры Т. В. Малышева,
И. Е. Данилина

ИБ № 8639

Сдано в набор 14.01.93. Подписано к печати 19.02.93. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 39,48. Уч.-изд. л. 43,75. Доп. тираж 250 000 экз. Заказ № 3431.

Издательство «Современный писатель», 121069, Москва, ул. Поварская, 11

Набрано в Российском государственном информационно-издательском центре «Республика». Полиграфическая фирма «Красный пролетарий», 103473, Москва, Краснопролетарская, 16

Отпечатано в издательско-полиграфическом предприятии «Правда Севера». 163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32

